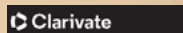

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 14, выпуск 10, 2025

NAUCHNYI DIALOG
Volume 14, Issue 10, 2025

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 10, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIN PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Астрахань	Нижний Новгород
	Владивосток	Новосибирск
	Гуанчжоу (Китай)	Омск
	Екатеринбург	Пермь
	Казань	Петрозаводск
	Краснодар	Ростов-на-Дону
	Москва	Санкт-Петербург
Авторы, имеющие ученую степень	Нальчик	Тамбов
		Хэфэй (Китай)
	96 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Дата выхода в свет 26.12.2025

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 10, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Волгоград)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я з ы к о з н а н и е . М е д и а к о м м у н и к а ц и и . Ж у р н а л и с т и к а

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Л и т е р а т у р о в е д е н и е . Ф о л ь к л о р и с т и к а

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

И с т о р и ч е с к и е н а у к и

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думинка, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Larisa N. Rebrina, Doctor of Philology, professor (Russia, Volgograd)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Березович Е. Л., Кучко В. С.</i> Кесарины : новые данные о русских народных названиях ряженных	9
<i>Бурдина О. Б., Мишланова С. Л.</i> Парадигмальный подход в терминоведении	32
<i>Жарина О. А., Самофалова М. В., Беззубикова М. В.</i> Эвфемизация англоязычного политического дискурса : функционально-коммуникативный подход.....	53
<i>Иванов В. В.</i> Ошибки в языковом ландшафте города Улан-Удэ.....	74
<i>Козловский Д. В.</i> Автоматизированный анализ эвиденциальности в медиадискурсе : опыт применения нейросетевых моделей.....	103
<i>Котов А. А., Мухина Е. А.</i> Соотношение полных и кратких предикативных прилагательных в русских духовных стихах : стилистический и грамматический аспекты.....	123
<i>Ларионова М. В., Крюкова Е. В., Давтян Ю. В.</i> Латиноамериканские экзотонимы : лингвокогнитивные особенности идентификации в пространстве коллективного социального воображаемого	145
<i>Михальченко В. Ю., Кириленко С. В.</i> Социолингвистический анализ индивидуальных языковых идеологий в сфере образования : мотивации родителей и языковая политика	167
<i>Пак Л. Е.</i> Лингвистическая модель оценочных высказываний и ее актуализация в российском и британском дискурсе спортивного комментария	188

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Го Лицзюнь.</i> Даосизм и дао в современном российском медиадискурсе.....	214
<i>Демченков С. А., Федяева Н. Д.</i> Образование на русском языке в дискурсе русскоязычных СМИ Республики Казахстан : политика, семантика, прагматика	232
<i>Радбиль Т. Б.</i> Лексема здоровый в языковой репрезентации концепта ЗДОРОВЬЕ (по данным корпусно-дискурсивного анализа отечественного медиадискурса).....	251
<i>Радионцева Е. С.</i> Медиаэстетические приемы в репрезентации концепции интернет-издания «Лента.ру»	273

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Жданов С. С.</i> Образы Киевщины и Волыни в травелоге «По Западному краю, старому и новому» В. Л. Кигна-Дедлова.....	291

Красноярова А. А., Кондаков Б. В., Попкова Т. Д. Китайский цикл С. М. Третьякова	325
Павлова О. А., Мартиросян К. М., Кондратьева Л. Н. Писательский проект Пролеткульта 1918—1921 годов как креативная утопия.....	349
Шарытина Т. А., Богер Т. Р. Эволюция темы «немецкой вины» в романах Б. Шлинка : от «Возвращения» («Die Heimkehr») к «Внучке» («Die Enkelin»).....	370

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бородина Е. В., Цеменкова С. И. Сведения о женщинах Екатеринбурга в материалах подворных переписей XVIII века.....	392
Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Социальные конфликты в советской деревне середины 1920-х годов в контексте поколенческой истории	411
Габдрафикова Л. Р. Предпринимательская деятельность женщин Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков	428
Егоров А. И. Сотрудничество СССР и ФРГ в экономическом секторе (1985—1989)..	446
Ильин П. В. Декабристы, оправданные на следственном процессе : подпоручик А. М. Голицын.....	466
Магадеев И. Э. Стратегический коридор : Восточная Галиция и Подкарпатская Русь во французских планах противодействия Советскому государству (1920—1923 годы)	489
Сорокин А. А., Софьин Д. М., Софьина М. В. Генерал М. П. Степанов и создание Музея изящных искусств имени императора Александра III.....	507
Тлепцок Р. А. Юбилеи и некрологи как инструмент конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии (1865—1925)	528
Хрусталёв В. К. Женщины в римских quaestiones perpetuae республиканской эпохи.	546
Шоожева Н. А. Образовательная политика Российской империи и кавказская семья в XIX — начале XX веков (на материале Кабарды и Балкарии)	564
АВТОРАМ.....	583
CONTENTS.....	589

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Андрей Александрович Котов, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Валерия Станиславовна Кучко, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Вида Юозовна Михальченко, д-р филол. наук (Москва)
Вячеслав Валерьевич Иванов, младший научный сотрудник (Москва)
Дмитрий Валентинович Козловский, д-р филол. наук (Москва)
Елена Александровна Мухина, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Елена Владимировна Крюкова, канд. полит. наук (Москва)
Елена Львовна Березович, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Леонид Евгеньевич Пак, канд. филол. наук (Владивосток)
Марина Валерьевна Беззубикова, канд. филол. наук (Астрахань)
Марина Владимировна Ларионова, д-р филол. наук (Москва)
Марина Владимировна Самофалова, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Ольга Александровна Жарина, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Ольга Борисовна Бурдина, д-р филол. наук (Пермь)
Светлана Владимировна Кириленко, канд. филол. наук (Москва)
Светлана Леонидовна Мишланова, д-р филол. наук (Пермь)
Юлия Владимировна Давтян, канд. филол. наук (Москва)

Информация для цитирования:

Березович Е. Л. Кесарины : новые данные о русских народных названиях ряженных / Е. Л. Березович, В. С. Кучко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 9—31. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-9-31.

Berezovich, E. L., Kuchko, V. S. (2025). Kesariny: New Data on Russian Folk Names for Masqueraders. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 9-31. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-9-31. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Кесарины: новые данные о русских народных названиях ряженных

Березович Елена Львовна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1688-2808

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,

¹ заведующий кафедрой русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации;

² ведущий научный сотрудник Центра
историко-лингвистических исследований,
корреспондирующий автор
berezovich@yandex.ru

Кучко Валерия Станиславовна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-7139-5738

кандидат филологических наук,

¹ доцент кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации;

² старший научный сотрудник Центра
историко-лингвистических исследований
kuchko@inbox.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Авторы выражают сердечную благодарность
С. М. Толстой, И. А. Сedaковой, А. А. Ивановой,
А. А. Плотноковой за консультации
при подготовке статьи.

Kesariny: New Data on Russian Folk Names for Masqueraders

Elena L. Berezovich^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1688-2808

Doctor of Philology, Professor, Member
of the Russian Academy of Sciences,

¹ Head of the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication;

² Leading Researcher, Center
for Historical and Linguistic Studies,
corresponding author
berezovich@yandex.ru

Valeria S. Kuchko^{1,2}

orcid.org/0000-0002-7139-5738

PhD in Philology, Associate Professor,

¹ Department of Russian Language,
General Linguistics and
Verbal Communication;

² Senior Researcher, Center
for Historical and Linguistic Studies
kuchko@inbox.ru

¹ Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² Institute of History and Archeology of the Ural
Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The authors express their heartfelt gratitude
to S. M. Tolstoy, I. A. Sedakova, A. A. Ivanova,
A. A. Plotnikova for their consultations
during the preparation of the article.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья вводит в научный оборот прежде не фиксировавшийся в источниках термин святочного ряженья *кесарины*, записанный Топонимической экспедицией Уральского университета в Чухломском районе Костромской области в ходе полевого сезона 2025 года. Сообщается, что слово бытует в узком ареале на вологодско-костромском пограничье и обозначает в первую очередь святочных ряженных, а кроме того, участников святочных ритуальных бесчинств, ряженных на свадьбе и персонажей, которыми пугают детей. Авторы обосновывают его производность от хрононима (*Василий*) *Кесарийский* — названия дня памяти св. Василия Кесарийского 1/14 января. Для доказательства этой версии, во-первых, демонстрируется значительная роль этого дня в народном календаре, вследствие чего соответствующий хрононим и отхрононимические дериваты широко представлены в обрядовой лексике и в фольклоре. Во-вторых, показано существование темпоральной модели в номинации святочных ряженных. В-третьих, обнаруживаются костромские названия персонажей низшей демонологии, образованные от хрононима *Василий Кесарийский*, и прочерчиваются смысловые связи между обозначениями ряженных и нечистой силы. Наконец, это решение обосновывается и с точки зрения формы: подчеркивается, что производящая основа *кесарин-* весьма популярна в диалектных деэтимологизированных вариантах агнонима, хрононима и отхрононимических дериватов.

Ключевые слова:

этнолингвистика; русские народные говоры; костромские говоры; Топонимическая экспедиция УрФУ; русская традиционная культура; хрононимы; термины ряжения; *кесарины*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article introduces into scholarly circulation the previously unrecorded term *kesariny* 'yuletide maskers', documented by the Toponymic Expedition of Ural Federal University in Chukhloma District, Kostroma Oblast during its field season in 2025. The word is found in a narrow area on the Vologda-Kostroma borderland and means primarily 'yuletide maskers', but also 'participants in yuletide ritual outrages', 'maskers at a wedding' and 'characters who frighten children'. The authors argue that this term derives from the chrononym (*Vasily*) *Kesariyskiy* — the name given to January 1st/14th commemorating St. Basil of Caesarea. To substantiate their hypothesis, they first demonstrate the significance of this day within Russian folk calendar, leading to widespread representation of related chrononyms and derived forms in ritual vocabulary and folklore. Secondly, they identify a temporal model underlying the naming practices of Svyatki (Christmas) masquerades (yuletide maskers). Thirdly, Kostroma-based names for low-level demonological figures formed from the same chrononym are revealed, drawing semantic parallels between terms for masked performers and evil spirits. Finally, formal evidence supports this etymology: it is noted that the base form *kesarin-* appears frequently in de-etymologized regional variants of both saints' names and associated chrononyms.

Key words:

ethno-linguistics; Russian dialects; Kostroma dialects; Toponymic Expedition expedition of the Ural Federal University; traditional Russian culture; chrononyms; masking terminology; *kesariny*.

Кесарины: новые данные о русских народных названиях ряженных

© Березович Е. Л., Кучко В. С., 2025

1. Введение = Introduction

Как это, к счастью, нередко бывает, героя этой статьи мы нашли во время полевой работы. Летом 2025 года сотрудники Топонимической экспедиции Уральского университета, в числе которых — авторы статьи, были в северной части Костромской области — в Чухломском районе. В первый же день работы экспедиции мы записали название **святочных ряженных**, которое прежде, кажется, не рассматривалось в научной литературе и не попадало в лексикографические источники: *кесари́ны*. В дальнейшем мы постоянно задавали вопросы об этом слове не только в Чухломском районе, но и в соседних Антроповском и Кологривском районах. Выяснилось, что оно хорошо подтверждается лишь в узком ареале — на самом северо-востоке Чухломского района. Сразу возникла версия о существовании генетической связи этого термина ряженья с именем святого **Василия Кесарийского**, точнее, с соответствующим **хрононимом**, называющим день памяти этого святого 1/14 января (в современной традиции — Старый Новый год). Поначалу это была сугубо «ученая» догадка: никакие связи с агиономим или хрононимом в современном языковом сознании информантов не просматривались, причем с обоими компонентами — не только со словом *Кесарийский*, воспринимающимся как экзотическое, но и с производными *Василия* (в том числе *Васильев вечер* и пр.). Отсюда особенности в постановке задачи этого исследования: речь идет не об этимологизации лексической единицы в «узком» смысле (производящая основа уже найдена), а об **интерпретации в духе *Wörter und Sachen***, доказательстве возможностей появления слова в костромской деревне, характеристике породившего его историко-культурного контекста, обнаружении для него параллелей этнолингвистического характера.

Для решения этой задачи следует обратиться к двум сопоставительным рядам, в которых функционирует изучаемое слово. Первый — русские (славянские) **наименования ряженных**. Вопросы народной терминологии ряженья прежде поднимались в отечественных исследованиях традици-

онной культуры. Так, в монографии Л. М. Ивлевой, ставшей уже классической, отдельная глава посвящена диалектным названиям ряженных, при этом автор выделяет реализованные в них основные номинативные модели [Ивлева, 1994, с. 39—77]. В ономаσιологическом ключе выполнена и работа А. В. Черных и И. И. Русиновой, насыщенная богатым полевым материалом по локальной традиции Пермского края [Черных и др., 2023]. О различиях в локальных наименованиях ряженных как об одном из критериев выделения территориальных культурно-этнографических зон писал И. А. Морозов (на примере Вологодского края) [Морозов, 2015]. В статье Л. Н. Виноградовой русская лексика ряженья рассматривается в контексте иных восточнославянских традиций, а также западнославянской традиции на инославянском фоне [Виноградова, 2008].

Собственно костромские термины ряженья и описание конкретных обрядовых действий, совершаемых во время обхода ряженных, также уже попадали в фокус внимания исследователей, ср., к примеру, следующие наблюдения И. А. Морозова и И. С. Слепцовой: «Для Костромской области в целом не характерно то разнообразие типов ряженья, которое существует в соседних Вологодской, Нижегородской и Пермской областях. Наиболее распространенные наименования ряженных в Костромском крае: “наряжонки”, “наряжены”, “наряжаты”, “снаряжонки”. Реже встречаются “кулешменцы” (Павинский, Вохомский, Октябрьский р-ны), “скоморошки” (Солгаличский р-н)» [Логика трансформаций ..., 2019, с. 481].

Изучая наименования ряженных, нам следует найти примеры реализации **темпоральной** модели номинации, связывающей действия персонажей с определенной календарной датой. Это подкрепит гипотезу об отхронимической природе слова *кесарины*.

Во второй сопоставительный ряд необходимо включить лексические единицы (а также знаки иных, нежели языковая система, субстанциональных кодов символического языка культуры), которые связаны с изучаемым **хрононимом и стоящей за ним календарной датой**, а также **агионимом и соответствующим образом святого**. Обобщающая энциклопедическая статья (небольшая, но емкая) о святом Василии и его дне у славян представлена в словаре «Славянские древности» [Толстая, 1995, с. 291—292]; многочисленные сведения есть и в других исследованиях этнографической и фольклорной направленности, которые будут привлекаться к анализу в нашей работе

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как уже говорилось, семантико-словообразовательное гнездо с опорным словом *кесарин* имеет узкую географию: оно уверенно фиксиру-

ется на северо-востоке Чухломского района, а именно в речи жителей четырех населенных пунктов (дд. Панкратово, Федьково, Власьево, Головино), относящихся к одному кусту деревень, который находится на границе с Вологодской областью (с севера) и с Кологривским районом Костромской области (с востока). Эти деревни на памяти информантов принадлежали Панкратовскому сельскому совету (ныне включен в Судайское сельское поселение), а ранее — Турдиевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. Единичные фиксации получены от информантки из д. Рагозино (около 17 км западнее эпицентра записей) и немного южнее — от информантки из б. д. Турдиево (зона за северным берегом Чухломского озера). Далее в статье данные, извлеченные из лексической картотеки Топонимической экспедиции УрФУ, будут подаваться без паспортизации с указанием мест записи: для Чухломского района будет указан населенный пункт, для остальных мест — район и населенный пункт¹. Представим семантический спектр слова, выделяя не только значения, но и их оттенки.

Самое частотное значение — ‘ряженный на Святках’: «Про тех, кто наряжался на святки, говорили, что они кесарины. Кто-то скажет, что ряженный ходит, а кто-то — кесарин» (Панкратово); «На Рождество ходили ряженные, кесарины. Это раньше. И взрослые ходили. А сейчас детки ходят ряженные, кесарины раньше называли. Ну, дают конфеты, денежки. Их всех гурьбой называли кесарины. “Вон к нам кесарины идут!” Старушки, старики в юбках длинных — это ребята наряжаются женщинами, вывернут полушубки какие-нибудь там» (Там же); «Кесарины были, ходили собирали, и я ходила собирала. Вот я прихожу к вам, собираю. Если нет ничего, дают картовину варёную или сырую картовину, луковицу дадут, кто стакан муки даст, кто яйцо даст. Насобираем муки, собираемся где-нибудь в доме, пекём блины» (Там же); «Кесарины были: мужчины рядились женщиной, в колготках капроновых, а у женщин ватные штаны. Медведя изображали, лошадь изображали, брали вожжи с конюшнями. Мяса им давали, пирога. Они хулиганили, поленицу могут уронить, тропинку засыпали золой. Маски у них. Вот помню маску чёрта с рожками, медведя маска была. С гармошкой ходили» (Головино); «Целую неделю после Рождества кесаринами ходили, и там нас одаривали сладостями, и мясом даже. Взрослые тоже наряжались — им выпивку давали» (Федьково).

1 В черновых материалах слово оформляется собирателями фонетически — в формах *кисарины* и *кесарины*; в статье мы используем один основной вариант, приближенный к этимологическому.

Это слово могло обозначать и молодежь, совершающую святочные ритуальные бесчинства (нередко это те же ряженые): «Кесарины ходили всё по домам, ряженые в Святки ходили, вот это кесарины и есть, ходили шаргунами <бубенцами> брякать в трубу. Мать говорила: “Бабка, видно, сделала заговор, а ребята услышали — и шаргуны ей в трубу”. Кесарины рядились в тряпье какое-то старое. Тропинку от одного дома к другому дому делали, золу сеяли. На вред что-то делали» (Рогозино); «Кесарины бегали, просыпали от парня к девушке золой тропинку, выкладывали поленьями, ступеньки намораживали» (Власьево); «Наряжёнки были, а у нас кесарины. Заваливали крыльца, на трубу стекло положат — и весь дым домой» (Федьково).

Кесаринами назывались и ряженые на свадьбе: «Ходили на Святки кесаринами, ходили кесаринами на свадьбу» (Федьково); «Кесарины наряжаются в Святки и ешшо на свадьбу одевались. Страшных особо не было, юбки длинные они надевали, шубу наизнанку, типа медведя некоторые могли изобразить. Маленькие дети, конечно, пугались, но цели пугать у них не было — наоборот, смешное изобразить» (Там же); «Кесарины на свадьбе цыганами наряжались, гадали, денежку собирали» (Там же); «На свадьбу тоже кесарины. В мужских шапках бабы, в шубах. Сядут вместо жениха и невесты. На второй день свадьбы приходили, телушку искали <вид свадебной игровой обрядности>, с верёвкой ходили за телушкой, а её уж нет. Мелочь невесте бросали, а она метёт» (Власьево).

Кесаринами пугали непослушных детей, причем в контекстах прослеживается связь с персонажами ряженья: «Бабушка пугала: “Сейчас кесарины придут!” Всегда так пугала, когда мы спать не хотели. И потом шла переодеваться, чтобы мы подумали, что кесарины пришли: закучается <закутается>, лицо спрячет, чтобы на себя не быть похожей, на человека не быть похожей» (Панкратово); «Ребята в девок наряжались <на Святках>. Раньше “кесарины” называли. Ребятишки маленькие дома не спят, им говорили: “Ложись, а то кесарины придут!” Нарядятся как эти, наряжённые. Кесарин идёт, а если женщина — кесаринка» (Там же).

Термин ряжения приобрел переносную семантику и употреблялся в контекстах, не имеющих непосредственного отношения к святочным или свадебным обрядам, в значении ‘нелепо, плохо, смешно одетый человек’ с заметной отрицательной коннотацией: «Как кесарин в рваном платье шляется» (Панкратово); «Что ты нарядился как кесарин?» (Федьково); «Он пропал, пил несколько дней и пришёл наряжёнком: конец <мужской половой орган> из штанов видно, пьяный, жена — в обморок. Уж пришёл кесарин так кесарин!» (Там же).

Как видно по приведенным речениям, значения и их оттенки самым тесным образом связаны между собой. Вот замечательный контекст, который демонстрирует практически весь семантический спектр: «Кесарины в Святки рядились, женщины больше, а мужчины рядились женщиной. Ватные штаны наденут, полушубок вывернут. Медведя изображали, лошадь, вожжами упрягали как-то. Ряженные в Святки ходили больше посмешишь, чтобы угощение дали. Хулиганили и кесарины тоже, кто-то что-то не одарит, так могут поленицу уронить, золы рассыпать. Пугали кесарины: “кесарины придут — тебя с собой заберут”. Детям так говорили, когда они не слушались. Маски кесарины надевали: чёрт с рожками может быть, из бумаги они делались, из картона, зубы рисовали прямо на маске» (Федьково).

Подвергая это слово метаязыковой рефлексии, информанты маркируют его как старое и как «местное», считая даже своеобразным локальным «брендом»: «Ряженные в Святки назывались у нас кесарины. Это слово я слышала от бабушки тысяча девятьсот третьего года рождения» (Турдиево); «Кесарины — это наше слово, панкратовское, турдиевское. Нигде больше нету его. Вот как *турдиевский шатун* <вид браги>, сильно хмельной он» (Федьково).

Как уже говорилось, слово не отмечено в словарях и иных источниках. Единственная близкая форма, которую удалось найти, — костром. *кисаримцы* ‘черти’ (1927 г.) [СРНГ, 13, с. 226]. Эта фиксация является «глухой», она подана без каких бы то ни было дополнительных данных. Судя по всему, составители [СРНГ] имеют в виду единственный источник — работу В. И. Смирнова «Народные гадания Костромского края» [Смирнов, 1927]. В ней есть прекрасный контекст (очень досадно, что он не попал в СРНГ) и более подробная география: «Собирается нечетное число девиц, берут каток <скалку>, идут в поле на перекрестки и заворачиваются <гадают>. Девица, которая хочет узнать свою судьбу, ставит всех в круг, берет каток, проводит около них круг, обходит их три раза (идет на запад) со словами: “Стоят девицы на чортовом месте, черти с ним, кисаримцы¹ с ним! Черти и кисаримцы, скажите — не утайте, скажите мою судьбу!” (три раза). Затем убегает от них сажени за три и также заворачивает сама себя. Все стоят и слушают. Через несколько минут обязательно что-нибудь слышат» [Там же, с. 69, № 452]; запись сделана в Селинской волости Кологривского уезда (это на северо-востоке уезда, на территории нынешнего Межевского р-на, на границе с Вологодской областью, а ранее — с Вятской губернией).

1 В источнике слово дано без ударения; составители СРНГ, очевидно, его восстановили самостоятельно.

Эта запись крайне важна для нас и далее будет прокомментирована подробнее.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Последующее изложение покажет, что наша первоначальная догадка о происхождении слова *кесарины* оправдывается: эта лексема в конечном счете восходит к компоненту *Кесарийский* имени св. Василия Великого, известного и как Василий Кесарийский (ок. 330—379), архиепископ Кесарии Каппадокийской, церковный писатель и богослов. Имя этого святого фигурирует в народной традиции не столько как собственно агнионим, сколько в названии даты его почитания — дня памяти Василия Кесарийского, которая отмечена в календаре не только русских, но и всех православных славян. Нам важно «сомкнуть», свести вместе слово *кесарины* и его производящую основу в номинативном и историко-культурном пространстве, реконструировать тот контекст, в котором произошел акт номинации. Далее это будет сделано пошагово — и как говорилось выше, надо будет пойти с двух сторон:

- выявить роль дня памяти Василия Кесарийского в народном календаре, причем сделать это через призму языковых данных — хрононима и отхрононимических дериватов, представленных в обрядовой лексике и в фольклоре;

- продемонстрировать существование темпоральной модели в номинации ряженных (разумеется, с основным вниманием к святочному ряжению), а также смысловые связи между обозначениями ряженных и нечистой силы.

3.1. День памяти Василия Кесарийского в фокусе народной хрононимии

День памяти Василия Кесарийского (1/14 января) приходится в русском календаре на время Святков. Чаще всего (и фактически повсеместно) *Святками* называется двухнедельный отрезок от Рождества до Крещения, однако в разных местных традициях мы наблюдаем вариативность, связанную с выделением границ этого периода. Так, имя *Святки* может носить интервал от Рождества только до Старого Нового года (вологод.) или от Старого Нового года до Крещения (пензен.) [РНК, с. 380]; на костромской территории мы тоже сталкиваемся с этим, ср., к примеру, контексты, записанные в Чухломском районе: «Святочная неделя считается от седьмого января до Старого Нового года» (Чухлома), «Святки с седьмого января неделю» (Кудринское). Интересно и то, что иногда внутри Святков выделяют два противопоставленных по оценке отрезка: *святые вечера* и *страшные вечера*. На костромской территории, по данным

[ЛКТЭ], *святые вечера* чаще соотносятся с отрезком от Рождества до Старого Нового года, а *страшные* — после него до Крещения. 1/14 января, таким образом, — важная веха для святочного периода, обозначающая или окончание Святков, или их середину, после которой начинается другой их отрезок.

По данным словаря «Русский народный календарь», этот день в русских локальных традициях может называться: *Василий, Василий Великий, Василий Кесаретский, Василий Кесарийский, Василий Свинятник, Васильев день, Свиной праздник, Старый Новый год* и нек. др. [РНК, с. 493] (последнее совпадает с современной общенародной светской практикой именованья этого дня); вечер накануне — канун Нового года по старому стилю — именуется *Василий-вечер, Васильев вечер, Страшной вечер* и нек. др. [Там же]. Конечно, этот список вариантов хоть объемён, но неполон. Из иных возможных вариантов нам наиболее интересен хрононим с *н* на морфемном шве, ср. контекст «против *Васильеве* дни *Кесаринского* в ночь (курсив наш. — *Е. Б., В. К.*)», отмеченный в деловой письменности Вологодской губернии начала XVII века [Швейковская, 2012, с. 289].

Этот день мог иметь **статус престольного праздника** деревни, ср. запись из соседнего с Чухломским района Костромской области — Антроповского: «В Матвейкове праздновался день Василия Великого, Старый Новый год ещё» (Антроповский р-н, Котельниково). Возможно, на костромской территории было несколько населённых пунктов с этим престольным праздником, поскольку, по статистическим сведениям на 1863 год, в Костромской епархии престолы в честь Василия Великого были установлены: в Костроме (2), Костромском уезде (2), Кинешемском уезде (1), Нерехтском уезде (2), Юрьевецком уезде (3), Буйском уезде (2), Солигаличе (1), Макарьевском уезде (4), Варнавинском уезде, а церкви свт. Василия Великого находились в Галиче (1), в Нерехтском уезде (2), Юрьевецком уезде (1), Солигаличском уезде (1), см. данные в [СОЦКЕ]. Важно отметить, что соответствующие храмы могли носить не только название *Василий Великий*, но и *Василий Кесарийский*, в том числе с вариантом *Кесаринский*, ср., к примеру, записи в документах Костромской епархии XVII—XVIII веков: «Цер. Василей Кесаринский в селе Васильевском на погосте» [МИКЕ 3, с. 78], «Цер. Василий Кесаринский в поместье Понсника Супоневы в нагорной стороне» [МИКЕ, 4, с. 203]¹.

1 Такие же названия отмечены и на соседних территориях, ср. отрывок из переписной книги 1617—1618 годов, отразившей результаты переписи в Белозерске: «...На Белозере в городе церковь соборная ружная св. Василия Кесаринского да придел Никола Чудотворец...» [Скоморохи, 2007, с. 16—17].

Несмотря на то, что мы сейчас сосредоточены на выявлении темпоральной семантики имени *Василий Кесарийский* (полученной им в процессах трансонимизации), отметим, что пространственная семантика при трансонимизации тоже сильна — и это происходит за счет появления посвященных ему храмов. Ср., к примеру, контекст из ярославского памятника 70-х годов XVII века, в котором имя святого употребляется в локативном смысле: «Ивашко сказался вольной человек, пришел де от реки Шексны, от Василья Кесаринского» [ПКЛС, с. 23]¹.

3.2. Календарные обычаи в Васильев вечер: Кострома и Вологда

Обратимся к календарным обычаям, связанным с днем Василия Кесарийского, которые отмечены на значимой для нашего исследования территории — костромской и вологодской. Особенной выделенностью в календаре характеризуется именно вечер накануне *Васильева дня* — *Васильев вечер* (ср. еще костром. *Васильевский вечер*, *Васильев вечерок*, *Васильев вечер страшный*; иногда *Васильевскими* или *Святыми* называются все вечера от Рождества до Старого Нового года [ЛКТЭ; РНК, с. 68, 69]). В этот вечер гадали — он был одним из основных ворожейных святочных дней (не загромождая текст большим корпусом примеров, дадим лишь единичные для формирования общей картины); ср. костром.: «В Васильев вечер посылали, ищи на полу зёрнышко, под стол вот лазили в избе. Если найдёшь зёрнышко, значит год неголодный будет» (Вохма), «В Васильев вечер женихов выглядывали. Зеркало поставят и воду. Он в зеркале покажется» (Октябрьский р-н, Луптюг). На востоке Костромского края именно в этот вечер или начиная с этого вечера вплоть до Крещения пели подблюдные песни — илии — тоже с целью предсказать судьбу, ср.: «Собирались все в Васильевские вечера, перед Старым Новым годом. Собирались старухи, ильи пели. Большие скопы народу были, старухи-то на переднем ряду сидели. В блюдо клали булавочки, серёжки, кто что. Старухи пели ильи-то, молодёжь тянула» (Павинский р-н, Шайма), «Илию пели Святками в Васильев вечер» (Вохомский р-н, Андрианово). Встречаются свидетельства о том, что в некоторых местах колядовали не на всем протяжении Святков, а именно в этот вечер: вологод. «Колядовать ходили вечером 13 января <...> — в Васильев вечер», ср. колядку «Каляда-малыда На вечерне Василья» (Череповецкий р-н, Остров) [ДКФ, с. 6]. Записаны рассказы о появлении именно на Васильев вечер нечистой силы, которая, по поверьям, активна в святочный период: «Шилькуны чертей называли. Ребят маленьких бабка пугала: “Сидите тихо, сегодня шилькуны бегают. Они таскают лошадиную шкуру и ребят, которые не

1 В силу описанных причин ожидаемы и топонимы с интересующей нас основой, ср., к примеру, ойконимы *Починок Кесаринский* в Архангельской и Вологодской губерниях.

слушают, уносят в лес”. В Васильев вечер появляются) (Вохма) [ЭКТЭ], «С Васильева вечера до Крещенья кулешменци-то бегают» (Октябрьский р-н, Луптнюг). На востоке Костромской области устраивали поминальную трапезу: «В Васильев вечер поминаем. Соберёшь на стол, дверь откроешь. “Идите, покойнички, посидите”. Чашки, ложки на стол кладут. А потом провожаем, дверь открываем. Покланяешься им и всё». (Октябрьский р-н, Катушенки), «В Васильев вечер пекли пироги, поминали родителей» (Павинский р-н, Доброумово). В этот вечер было принято обильно ужинать: вологод. «Баская <вкусная> ужна — это Васильев вечер», «Богатая ужна — на Старый Новый год. <...> Говорили: “Суседко-суседко, приходи к нам ужнать, помогай нам работать!” Накладывали ему тарелку, открывали дверь в коридор» (Кичменгско-Городецкий р-н) [Золотые россыпи, с. 13], причем включать в меню запеченную свиную голову: костром. «В Васильев вечер голову свиную разбирают и едят» (Шарьинский р-н, Берзиха).

Таким образом, на той территории, где отмечены *кесарины*, несомненно особая символическая нагруженность *Васильева дня* и *Васильева вечера* в святочном цикле.

3.3. *Василий Великий (Кесарийский)* в обрядовой лексике и фольклорных текстах

Свиная голова в обрядовой трапезе Шарьинского р-на, упомянутая в последнем контексте, появляется неслучайно. Вообще от рассматриваемого хрононима в русских говорах образуется несколько названий блюд, ср. архангел. *васильевицина* ‘каша, приготовленная в день Василия Великого’, новгород., твер., вологод. (Череповецкий р-н) *васильчик* ‘мучное изделие, приготовленное под Новый год (иногда в виде птички, коровы или барашка)’ [РНК, с. 63]: «Тетушки и дядюшки, Подайте, подайте васильчика! (просили ребятишки, бегая из избы в избу)» (твер.) [СРНГ, вып. 4, с. 66]. Однако наиболее широко распространенный кулинарный обычай, связанный с *Васильевым вечером*, — приготовление целого поросенка или его частей. Предновогодняя трапеза — важный ритуал, она должна отличаться изобилием, поскольку моделирует весь наступающий год; употребление поросенка, как считается, — акт продуцирующей магии, обеспечивающий, в частности, плодovitость скотины на будущий год, ср. записи С. В. Максимова: «Во многих селениях центральной полосы России в Васильев день принято колоть так называемых “кесаретских” поросят (Васильев день называется иначе “Кесаретским” по имени Василия Великого, архиепископа Кесарийского). <...> Перед едой старший в семье поднимает чашку с поросенком вверх до трех раз, приговаривая: “чтобы свиночки поросились, овечки ягнелись, коровушки телились”» [Макси-

мов, 1986, с. 268—269]¹. Имя Василия Кесарийского (с соответствующими трансформациями) прослеживается в курск., орлов., тульск., воронеж. *касарецкий поросёнок* ‘поросенок, зарезанный и зажаренный накануне Нового года’ [СРНГ, 13, с. 115], орлов. *ломать касарецкого* ‘есть поросенка, которого зажаривали на Новый год в день святого Василия Кесарийского’ [СРНГ, вып. 17, с. 118]², курск. *малить* <молить ‘колоть, резать’> *парасят* или *касарецких* [Журавлев, 2005, с. 389] и калуж. *васюк* ‘желудок свиньи’ [Там же], ср. также обычай называть поросят именем *Василий*, подзывные слова для свиней *вась-вась* [Толстая, 1995, с. 291].

Помимо лексики обрядовой пищи, употребляемой в *Васильев вечер*, имя *Василия Великого (Кесарийского)* бытует и во многих фольклорных текстах. Приводя соответствующий материал, обратим особое внимание на костромские и вологодские данные.

▪ Хрононим *Василий* встречается в костромской святочной песне, которую поют на «Василия Великого», то есть накануне Старого Нового года: «Четырнадцатого января Василий Великий. Пели: “Ходит Илья на Василья, Носит пугу житяню. Куда ни махнёт — Там жито растёт. А в поле, поле сам плужок, А за тем плужком сам Господь ходил, Дева Мария кушать носила, Кушать носила, Бога просила: Зароди, Боже, жито... <и т. д.>» (Макарьев).

▪ Хрононим *Васильевский вечер / вечера* встречается в вологодских и костромских коротких песнях, исполнявшихся во время гадания накануне Нового года, — в рамках обычая *жировку (жирова) хоронить*, например, «Жірова хороню, хороню, Ко святому вѣчеру, вечеру, Ко Васильевскому...» [Морозов и др., 2004, с. 715—716]; на восточном вологодско-костромском пограничье такие песни назывались *илии*, ср. вологод. «Што

1 Обычай есть свинину на Васильев вечер распространен гораздо шире, чем территория бытования выражений с *касарецким поросёнком*. Мы уже видели свидетельство из Шарьинского р-на Костромской обл.; у И. П. Сахарова встречаем: «В Костромской губ. для Васильева вечера варят свиные ноги. Там поселяне ходят в этот вечер под окна собирать пироги и свиные ноги, приговаривая: “свинку да боровка выдай для Васильева вечера” [Сахаров, с. 5] — этот же обряд с этим приговором фиксируется от информанта 1937 г. р. в окрестностях Нерехты [Логика трансформаций..., 2019, с. 479]. Показательны и записи Д. К. Зеленина: «В севернорусском Вельском уезде Вологодской губ. праздник бывает <...> вечером 31 декабря. Ритуальные блюда при этом — кишки, т. е. свиная колбаса с овсяной мукой, и сморчки, т. е. шкварки из свиного сала. Перед едой совершается своеобразный магический обряд: все члены семьи берут в зубы колбасу и трижды по движению солнца обходят на четвереньках вокруг стола, приговаривая *чухи-рюхи, чух-рюх*, то есть подражают хрюканью и движениям свиней. <...> Цель этого обряда — обеспечить свиньям здоровье и плодovitость (мои записки 1921 г.)» [Зеленин, 1991, с. 92—93].

2 Об этом выражении см. специальную статью [Попова, 2023], где собраны случаи его употребления в том числе в художественной литературе.

страшнѣ-те вечера васильевскіѣ, Илія! Шо сидит воробей наперѣгородѣ, Куда погледит, Туда полетит, Ілію!...» [Там же, с. 721], костромской повторяющийся элемент *илии* «Как святые вечера да Васильевские, Ілія...» [ЭКТЭ].

▪ Персонафикация хронима *Василий Кесаринский*, *Василь Кесарецкий*, *Василий Косоретский* и др. действует в святочных песнях, которые поют накануне Нового года при колядовании во время обхода домов. В тексте речь идет о трех важных датах народного календаря; например, во владимирской песне персонафицируются три ключевые даты святочного цикла — Рождество, Крещение и день памяти Василия Кесарийского: «Овсей, овсей, Шел по дорожке, Нашел железце, Сделал топорочек <...>, Срубил себе сосну, Наснастил мосточек. По этому мосту Шли три братца: Первой-то братец — Рождество Христово. Второй-то братец — Крещение Господне. Третий-то братец — Василий Кесаринский. <...> у хозяина в дому Велись бы ребятки, Велись бы телятки...» (и т. д.) [Обрядовая поэзия, с. 68—69].

В воронежском и алтайском вариантах «трех братьями» именуются Рождество Христово, Василий Кесарецкий (Косоретский) и Иоанн Креститель¹, см. [Календарные обряды, с. 143; РКОФС, с. 56].

▪ Учитывая возможность персонафикации анализируемого хронима, можно предложить интерпретацию темному выражению, мотивирующему запрет мести пол под Новый год: костром. *Дед Василий добро уведѣт* (Чухломский р-н, Федоровское). Очевидно, *дед Василий* — удаленная на несколько смысловых шагов от «первоисточника» филиация образа *Василия Кесарийского*. Выбор сочетания *дед Василий* мотивирован новогодней приуроченностью запрета, — тогда «материалом» для его появления можно считать номинации типа *Дед Мороз*, *Мороз Васильевич* (ср. смолен. «Мороз, Мороз Васильевич, ходи кутью есть...» [Толстая, 1995, с. 291]). Для нас особо значим тот факт, что выражение *Дед Василий добро уведѣт* записано в том же Чухломском р-не, где и *кесарины* (хоть и в южной его части): это говорит о былом распространении на исследуемой территории фольклора и верований, связанных с Василием Кесарийским.

Помимо святочного и новогоднего фольклора, тематически близкого исследуемому нами термину ряженья, отметим:

1) *Василий Великий (Кесарийский)* — персонаж популярного, широко распространенного духовного стиха о пьянстве, см. варианты, например, в [Бессонов, 1864, с. 97—119];

¹ *Иоанн Креститель* (вероятно, персонафикация Рождества Иоанна Предтечи) «замещает» *Крещение Господне*, по всей видимости, поскольку Иоанн Креститель совершил крещение Иисуса Христа в водах Иордана.

2) агнионим *Василий Кесарийский* встречается в карельских заговорах от грыжи и «на призор», см. [РЗК, с. 71, 105].

Разумеется, этот обзор неполон, поскольку направлен на решение задач конкретной статьи, что задает преимущественное внимание к определенной территории, фольклорным жанрам и др. Но он подтверждает, что Василий Кесарийский популярен в русской народной религии, его памяти посвящены церкви, отдельные церковные престолы (далее топонимы). Соответствующий хроним дает жизнь гнезду обрядовой лексики (главным образом, пищевой); называя важную календарную веку, хроним проникает в календарно приуроченную обрядовую поэзию. Василий Великий известен еще и как персонаж фольклора, не имеющий / утративший связь с датой календаря. Русская традиция, разумеется, не одинока в славянском мире: аналогичные примеры можно найти в других восточнославянских языках, а также южнославянских. Приведем несколько болгарских фактов: от хронимов *Васил*, *Василь*, *Васильов ден*, *Василица*, *Василия* ‘1 янв. по ст. ст.’, ‘Новый год’ [Младенов, 1951; Легурска, 2002, с. 8] образуются такие производные, как *василево колаче* ‘новогодний каравай’ [Седакова, 1984, с. 183], *васильова баница* ‘хлеб баница’ [Легурска, 2002, с. 8]¹, *василева вода* ‘вода для новогодних гаданий’ [Седакова, 1984, с. 183; Толстая, 1995, с. 291]; в сопровождающих гадания песнях фигурировала девушка *Василия*: «Излязла е Василия, медени пръстени да вади» <Вышла Василия медные колечки вытаскивать> [Толстая, 1995, с. 291] и др.

3.4. Святки и ряженье

Святочная обрядность на Костромской территории (как и во многих других зонах славянского мира) включает в себя гадания, поздравительные обходы, ритуальные бесчинства, ярмарку невест, наконец, игрища и ряженье, см. [Логика трансформаций..., 2019, с. 477—86]. Неразрывную связь Святки и ряженья в народном языковом сознании демонстрируют такие лексические факты, как владимир., вологод., нижегород., прикам. *святкі* ‘ряженье’, карел. *святováть* ‘ходить ряжеными с 25 декабря / 7 января до 6/19 января’, мордов. *святóчник* ‘ряженный с 25 декабря / 7 января до 6/19 января’ и нек. др. [РНК, с. 382], твер. *ря́женки*, *ря́женье* ‘время с Рождества Христова до Крещения Господня’ [Там же, с. 370], etc.

На чухломской территории, как уже говорилось, реализуется такое календарное деление, при котором Старый Новый год завершает святочный цикл с неизменным ряженьем, ср.: «А уже после Рождества начинались

1 Ср. также серб., македон. *василица* (*васулица*) ‘ритуальный новогодний хлебец, даваемый детям в память об умерших предках, пастухам для скормливания скоту, реже — хлеб с запеченной монетой, который делили «на счастье» за новогодней трапезой» [Толстая, 1995, с. 291].

Святки. На Святки козлом одевались, череп на голову могли надеть, обязательно тулуп выворачивали наоборот, медведем тоже одевались...» (Чухлома). Святочный цикл включал в себя семь *бесед* (*беседок*) — вечерних посиделок молодежи: «В Святки тоже делали беседы — это неделя с Рождества до Нового года четырнадцатого января, там уж заключительная беседа. Святочные беседы — особое дело. <...> На святочные беседы надо на каждый рань разные платица, такая мода была. А где хоть их семь штук возьмёшь?!» (Ножкино); «С седьмого января ходили неделю <на беседы>... Каждый день свои наряды. В первый день надевали белое платье, седьмой день — как первый» (Носово) и др. Поэтому *Васильев вечер*, как было показано, — ключевая веха Святки практически повсеместно, включая нашу территорию. Саму возможность «экспансии» хрононима и в апеллятивную лексику, и в фольклорные тексты, в том числе тексты колядования, мы продемонстрировали. Логично думать, что хрононим, обозначающий важный рубеж внутри святочного цикла, мог лечь и в основу костромского (чухломского) термина ряженья *кесарины*, отразив в нем временную привязку появления этих персонажей.

Эти построения подтверждаются важной **славянской параллелью**. В болгарских говорах участники обходов на *Васильов ден* назывались *василичари* [Младенов, 1951; Легурска, 2002, с. 8], реже отмечаются формы *василар*, *василарче*, *василигари* [Седакова, 1984, с. 182—183, Легурска, 2002]. Обходы с участием *василичаров* отмечены и в Македонии [Китевски, 2013, с. 60—63]. Эти примеры вписываются в темпоральную модель номинации святочных ряженных, которая фиксируется у всех групп славян, ср. также польск. *wigiliorze* < *Wigilja* ‘Рождественский сочельник’ [Виноградова, 2008, с. 121].

По сути, *василичари* являются ближайшими родственниками *кесаринов*: номинации «делят между собой» разные части имени *Василия Кесарийского*.

3.5. Ряжение и нечистая сила

Выше мы приводили «глухую» фиксацию слова *кисаримцы* ‘черти’, имеющуюся в [СРНГ]. Она отсылает к интереснейшей работе В. И. Смирнова, этнографа и краеведа, организатора Костромского научного общества изучения местного края, заведующего Костромским государственным областным музеем с 1919 по 1928 годы. В 1927 году он опубликовал объемный труд «Народные гаданья Костромского края» [Смирнов, 1927], материал для которого записывал сам, а также использовал свидетельства респондентов и письменные источники. Среди прочего Смирнов представил описания святочных гаданий девушек на перекрестке, в процессе которых следовало очертить вокруг участниц линию, «заворожив» их, а через время «раз-

ворожить», описав круг или обежав девушек в обратном направлении. Во время «завораживания» призывали нечистую силу, которая способна была предсказать судьбу гадающих. Нас интересуют два текста о таких гаданиях, записанных в Кологривском уезде, соседнем по отношению к Чухломскому. Один из них, где при обращении к нечистой силе используется знаменательная формула *черти и кисаримцы*, мы уже цитировали. Второй текст, записанный в Вожеговской волости Кологривского уезда (ныне Нейский р-н Костромской области), аналогичен: «Обводя круг, девушка наговаривает, вернее кричит: “Васильевские черти, идите к нам”, повторяя это три раза. <...> Через несколько времени все девушки собираются к замороженной, и та девушка, которая заворачивала, теперь разворачивает, <...> отгоняя чертей: “Васильевские черти, уходите от нас!”» [Там же, с. 68—69].

В своем очерке В. И. Смирнов приводит (правда, без более конкретной привязки внутри Костромского края) еще одно важное для нас свидетельство: «Известно народное верование, что в святки нечистая сила свободно расхаживает по земле и принимает самое деятельное участие в этом людском грешном деле. В святочных гаданьях особенно важную роль играют так называемые “васильчики”, названные так, по-видимому, по кануну Васильева дня» [Там же, с. 19].

Таким образом, данные В. И. Смирнова, опубликованные в 1927 году, позволяют поставить в один ряд **персонажей низшей демонологии *васильчики, васильевские черти, кисаримцы***. Эти лексические варианты явно имеют общий источник — хроним *Василий Кесарийский*.

Кроме того, они делают более наглядным «демонологическое» звено семантики, которое в настоящее время почти разрушено в языковом сознании носителей говора: у лексемы *кесарины* прослеживается намек на «демонические» смыслы, но он весьма неявный — отмечается, что *кесаринами* пугали непослушных детей. Однако на синхронном уровне уже невозможно утверждать ни уверенное наличие этого значения, ни тем более его первичность: пугать детей можно и страшно одетыми ряжеными, неслучайно в одном из контекстов речь идет о том, что бабушка, угрожая *кесаринами*, сама шла переодеваться; современные носители говора подразумевают, как видно из контекстов, устрашение детей именно ряжеными. Благодаря записям В. И. Смирнова можно полагать наличие у локального слова *кесарины* семантического комплекса «ряженные» ↔ «сезонная нечистая сила». Это типичный комплекс, регулярно воспроизводящийся в смысловых спектрах подобных слов. Если приводить примеры, сходные с *кесаринами* по лингвогеографическим характеристикам, то это, например, слова *кулешменцы* и *шуликуны*, которые называют и сезонных демонов, и ряженных на Святки, см. [Березович, 2017; Березович и др., 2012].

4. Заключение = Conclusions

Итак, введя в научный оборот записанное на вологодско-костромском пограничье слово *кесарины* с основным значением ‘святочные ряженные’, мы предполагаем для него производность от хрононима (*Василий*) *Кесарийский*.

Обосновывая это решение с точки зрения формы, отметим, что производящая основа была представлена в фонетическом варианте *кесарин-*. Вообще, «темное» слово *Кесарийский* в народной речи регулярно подвергается разнообразным трансформациям, ср. в приводившихся примерах: *кесарецкий поросенок*, *Кесаретский* (*Кесарецкий*), *молить касарецкого*, *Косоретский*, *Кесаринский*. В духовном стихе о пьянице он превращается в *Василия Кесаримского* (Московская, Рязанская губ.), *Кесаринского* (Новгородская губ., Орловская губ.) [Бессонов, 1864, с. 97, 100, 109, 115]. В смоленской молитве обнаруживаем: «Святый Василий Кусаринский, Саблюди Бога свинок ваших!» [Добровольский, 1914, с. 320]. Как видно, фонетические трансформации могут определяться не только деэтимологизацией, но и аттракцией к корням *кус-*, *кос-*, *рим-*. Появление варианта *Кесаринский* определяется типичным для народной речи стремлением избежать сочетания *й* с группой согласных; этот вариант весьма популярен, в том числе на интересующей нас вологодско-костромской территории¹.

Что касается содержательной стороны, то слово *кесарины* мотивировано временем появления ряженных — в период Святки, а именно — в день Василия Кесарийского (ныне Старый Новый год), который был важной вехой святочного цикла. *Кесарины* встают в ряд русских и славянских обозначений ряженных, реализующих темпоральную модель номинации, а также в ряды лексических единиц с обрядовой и «демонической» семантикой, образованных от хрононима *Василий Кесарийский*. Наиболее близки *кесаринам* такие лексические единицы, как *кисаримцы*, *васильчики*, *васильевские черти*, записанные в той же зоне и обозначающие нечистую силу, к которой обращаются в ходе святочных гаданий. Самая показательная славянская параллель — болгар., македон. *василичари* ‘участники Святочных обходов’. Таким образом, можно говорить о групповой реконструк-

1 В русских загадках встречается омонимичная форма *кесарин* в качестве обозначения кота [Садовников, 1876, с. 192], образованная от *кесарь* и образующая текстовую пару с *царицей*-мышью, среди других подобных, ср. комментарий А. В. Юдина: «<В загадках> “кошачье” поле составлено формами, целиком или анаграмматически включающими в себя слова *кот*, *кошка*, *киса*: *Котарей*, *Кысарей*, *Косарей*, *Косарет*, *Косарица*, *кокиар*, — давшими в результате переосмысления *Кесарь*, *цесар-кесар* и в итоге — *царь-государь*. На эти формы наверняка повлиял фонетический облик имени весьма популярного святого, память которого празднуется на Новый год, — Василия Кесарийского» [Юдин, 2007, с. 72].

ции русских костромских диалектизмов, связанных со святочным циклом (к ним можно отнести и выражение *дед Василий добро уведет*, мотивирующее запрет мести пол под Новый год).

Назовем одну из перспектив настоящего исследования — сколь заманчивую, столь и сложную для реализации. Дело в том, что обрядность и фольклорные тексты, связанные со Старым Новым годом, имеют разную значимость в различных регионах. Специфика Поволжья в том, что в этом регионе особую распространенность имеют *таусеневые песни*, сопровождающие обходы домов; в них может упоминаться и св. Василий [Золотова, 1997, с. 25]. Кажется, далее на Русский Север эта традиция (наиболее подробно описанная в [Золотова, 1997]) затухает. Зона вологодско-костромского пограничья, где функционируют изучаемые нами факты, является переходным звеном от Русского Севера к Поволжью; есть смысл предположить, что «староновогодняя» обрядность могла появиться здесь скорее с южной колонизационной волной, нежели с северной. Но это предположение требует серьезнейшей проверки.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Список сокращений

архангел. — архангельские говоры русского языка
 болгар. — болгарское
 владимир. — владимирские говоры русского языка
 вологод. — вологодские говоры русского языка
 воронеж. — воронежские говоры русского языка
 карел. — говоры русского языка на территории Карелии
 калуж. — калужские говоры русского языка
 костром. — костромские говоры русского языка
 македон. — македонское
 мордов. — говоры русского языка на территории Мордовии
 нижегород. — нижегородские говоры русского языка
 новгород. — новгородские говоры русского языка
 орлов. — орловские говоры русского языка
 пензен. — пензенские говоры русского языка
 польск. — польское
 прикам. — прикамские говоры русского языка
 серб. — сербское
 твер. — тверские говоры русского языка
 тульск. — тульские говоры русского языка

Источники и принятые сокращения

1. Бессонов — *Калекы перехожие*. Сборник стихов. Исследование П. Бессонова. — Москва : В тип. Лазар. инст. вост. яз., 1864. — Выпуск 6. — 328 с.
2. ДКФ — *Детский* календарный фольклор Череповецкого района Вологодской области / сост. Е. В. Савинская. — Вологда : БУК и ДПО ВО «ОНМЦК и ПК», 2012. — 40 с.
3. *Добровольский В. Н.* Смоленский обл. словарь / В. Н. Добровольский. — Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. — 1022 с.
4. Золотые россыпи — *Золотые россыпи* : словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВГПУ, 2014. — 304 с. — ISBN 978-5-87822-526-7.
5. Календарные обряды — *Календарные обряды и обрядовая поэзия* Воронежской области / сост. Т. Ф. Пухова, Г. П. Христова. — Воронеж : ВГУ, 2005. — 246 с. — ISBN 5-86937-001-9.
6. ЛКТЭ — *Лексическая* картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
7. МИКЕ 3 — *Материалы* для истории Костромской епархии. Плесская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных земель 1628—1710 и 1722—1746 гг. — Москва : Типо-литография Ф. И. Филатова, 1902. — VIII, 144, VIII с.
8. МИКЕ 4 — *Материалы* для истории Костромской епархии. Костромская десятина жилых данных церквей 1628—1710 и 1722—1746 гг. — Кострома : Губернская типография, 1908. — Выпуск 4. — 276 с.
9. *Младенов Ст.* Български тълковен речник с оглед към народните говори / Ст. Младенов. — София : Дечо Стефанов, 1951. — Т. 1. — 1126 с.
10. Обрядовая поэзия — *Обрядовая поэзия* / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. — Москва : Современник, 1989. — 735 с.
11. ПКЛС — *Писцовая* книга дворцовой Ловецкой слободы 1674, 1675 и 1676 гг. — Ярославль : Тип. «Труд», 1917. — 74 с.
12. РЗК — *Русские* заговоры Карелии / сост. Т. С. Курец. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. — 276 с. — ISBN 5-8021-0026-5.
13. РКОФС — *Русский* календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока : Песни. Заговоры / сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. — Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. — 605 с.
14. РНК — *Апрошенко О. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / О. В. Апрошенко, Ю. А. Кривошапова, К. В. Осипова. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2015. — 244 с. — ISBN 978-5-462-01385-0.
15. Садовников — *Загадки* русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. — Санкт-Петербург : Тип. Н. А. Лебедева, 1876. — 333 с.
16. Сахаров — *Сказания* русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Народный дневник. Праздники и обычаи. — Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1885. — 242 с.
17. СОЦКЕ — *Статистическое* описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по духовному ведомству, протоиереем Иоанном Беляевым. — Санкт-Петербург : В тип. Почтового департамента, 1863. — 274 с.
18. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Выпуск 1. — 476 с.

19. ЭКТЭ — *Этнографическая* картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Литература

1. *Березович Е. Л.* Еще раз о русском диалектном демониме *кулеи* / Е. Л. Березович // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2017. — С. 26—46. — ISBN 978-5-7996-1915-2.

2. *Березович Е. Л.* Шуликуны / Е. Л. Березович, Л. Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2012. — Т. 5. — С. 583—585. — ISBN 5-7133-0703-4.

3. *Виноградова Л. Н.* Народная терминология, связанная с обычаем ряженья (восточно- и западнославянская традиция) / Л. Н. Виноградова // Этнолингвистика проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој / ур. П. Пипер, Љ. Раденковић. — Београд : САНУ, 2008. — С. 117—128. — ISBN 5-85759-110-4.

4. *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / А. Ф. Журавлев ; отв. ред. С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 2005. — 1004 с. — ISBN 5-85759-318-2.

5. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин ; пер. с нем. К. Д. Цвиной, примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова, послесл. К. В. Чистова. — Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1991. — 511 с.

6. *Золотова Т. А.* Таусеневые песни русских Поволжья : региональное своеобразие и межэтнические связи : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Т. А. Золотова. — Йошкар-Ола, 1997. — 346 с.

7. *Ивлева Л. М.* Ряжение в русской традиционной культуре / Л. М. Ивлева. — Санкт-Петербург : Российский ин-т истории искусств, 1994. — 236 с.

8. *Китевски М.* Македонски празници и празнични обичаи / М. Китевски. — Скопје : КАМЕЛЕОН, 2013. — 407 с. — ISBN 978-608-65354-6-9.

9. *Легурска П.* Словарь терминов народного календаря / П. Легурска // Живая старина. — 2002. — № 1. — С. 7—8.

10. *Логика трансформаций : региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов* / отв. ред. И. А. Морозов, И. С. Слепцова ; авт. И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. А. Самоделова, П. С. Куприянов, Е. Г. Чеснокова. — Москва : Индрик, 2019. — 992 с. — ISBN 978-5-91674-552-8.

11. *Максимов С. В.* Литературные путешествия / С. В. Максимов. — Москва : Современник, 1986. — 415 с.

12. *Морозов И. А.* Отличительные признаки локальных традиций : акции с участием ряженных / И. А. Морозов // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы : сб. науч. ст. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. — С. 37—52.

13. *Морозов И. А.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX—XX вв.) / И. А. Морозов, И. С. Слепцова. — Москва : Индрик, 2004. — 920 с. — ISBN 5-85759-295-X.

14. *Попова А. Р.* Происхождение и функционирование одного диалектного фразеологизма : ломать косарецкого / А. Р. Попова // Громовские чтения. Проблемы современной региональной лексикографии : к 100-летию со дня рождения А. В. Громова и

30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15—16 сент. 2022 г. / науч. ред. Н. С. Ганцовская, С. А. Мызников; сост. Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова. — Кострома: КГУ, 2023. — Выпуск 4. — С. 363—368. — ISBN 978-5-8285-1259-1.

15. *Седакова И. А.* Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.03 / Ирина Александровна Седакова. — Москва, 1984. — 273 с.

16. *Скоморохи* в памятниках письменности / сост. З. И. Власова, Е. П. Фрэнсис (Гладких). — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. — 680 с. — ISBN 9785981872327.

17. *Смирнов В. И.* Народные гадания Костромского края / В. И. Смирнов // Труды Костромского Научного общества по изучению местного края. — 1927. — Выпуск XLI. — С. 17—91.

18. *Толстая С. М.* Василий / С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва: Международные отношения, 1995. — Т. 1. — С. 291—292.

19. *Черных А. В.* Названия святочных ряженных в русских говорах Пермского края / А. В. Черных, И. И. Русинова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 25. — № 4. — С. 218—233. — DOI: 10.15826/izv2.2023.25.4.070.

20. *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века / Е. Н. Швейковская. — Москва: Индрик, 2012. — 368 с. — ISBN 978-5-91674-172-8.

21. *Юдин А. В.* Ономастикой восточнославянских загадок / А. В. Юдин. — Москва: ОГИ, 2007. — 120 с. — ISBN 978-5-94282-307-8.

*Статья поступила в редакцию 14.09.2025,
одобрена после рецензирования 22.11.2025,
подготовлена к публикации 19.12.2025.*

Material resources

Bessonov is a passing cripple. A collection of poems. P. Bessonov's research, 6. (1864). Moscow: In the type. The infirmary. inst. East. yaz. 328 p. (In Russ.).

Calendar rituals — *Calendar rituals and ritual poetry of the Voronezh region*. (2005). Voronezh: VSU. 246 p. ISBN 5-86937-001-9. (In Russ.).

DKF — *Children's calendar folklore of the Cherepovets district of the Vologda region*. (2012). Vologda: BUK and DPO IN "ONMC and PC". 40 p. (In Russ.).

Dobrovolsky, V. N. (1914). Smolensk regional dictionary. Smolensk: P. A. Silina Publishing House. 1022 p. (In Russ.).

EKTE — *Ethnographic card file of the UrFU Toponymic Expedition (stored at the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of UrFU, Yekaterinburg)*. (In Russ.).

Golden placers — Zorin, L. Y. (ed.). (2014). *Golden placers: a dictionary of stable turns of speech in Vologda folk dialects*. Vologda: VGPU. 304 p. ISBN 978-5-87822-526-7. (In Russ.).

LCTE — *Lexical index of the UrFU Toponymic Expedition (stored at the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication UrFU, Yekaterinburg)*. (In Russ.).

- MIKE3 — *Materials for the history of the Kostroma Diocese. Plesskaya tithe of residential data of churches and empty church lands 1628—1710 and 1722—1746.* (1902). Moscow: Typograph of F. I. Filatov. VIII, 144, VIII p. (In Russ.).
- MIKE4 — *Materials for the history of the Kostroma Diocese. Kostroma tithe of residential data of churches 1628—1710 and 1722—1746, 4.* (1908). Kostroma: Provincial Printing House. 276 p. (In Russ.).
- Mladenov, St. (1951). *Bulgarsky tilkoven rechnik with a look at the people speak, 1.* Sofia: Decho Stefanov. 1126 p. (In Russ.).
- PKLS — *The scribe's book of the palace Lovetskaya sloboda of 1674, 1675 and 1676.* (1917). Yaroslavl: Typ. Trud. 74 p. (In Russ.).
- Ritual poetry — *Ritual poetry.* (1989). Moscow: Sovremennik Publ. 735 p. (In Russ.).
- RKOFS — *Russian calendar and ritual folklore of Siberia and the Far East: Songs. Conspiracies.* (1997). Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 605 p. (In Russ.).
- RNK — Atroshenko, O. V., Krivoshchapova, Yu. A., Ospiova, K. V. (2015). *Russian folk calendar. Ethnolinguistic dictionary.* Moscow: AST-PRESS. 244 p. ISBN 978-5-462-01385-0. (In Russ.).
- RZK — *Russian conspiracies of Karelia.* (2000). Petrozavodsk: Publishing House of Petrozavodsk State University. 276 p. ISBN 5-8021-0026-5. (In Russ.).
- Sadovnikov — *Riddles of the Russian people. Collection of riddles, questions, parables and tasks.* (1876). St. Petersburg: N. A. Lebedev Publishing House. 333 p. (In Russ.).
- Sakharov — *The tales of the Russian people, collected by I. P. Sakharov. People's diary. Holidays and customs.* St. Petersburg: Edition of A. S. Suvorin. 242 p. (In Russ.).
- SOTSKE — *Is a statistical description of the cathedrals and churches of the Kostroma diocese, compiled on the basis of authentic information available on the ecclesiastical department by Archpriest John Belyaev.* Saint Petersburg: In type. Post Department. 274 p. (In Russ.).
- SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1.* (1965). Moscow; Leningrad: Nauka Publ. 476 p. (In Russ.).

References

- Berezovich, E. L. (2017). Once again about the Russian dialect demonym kulesh. In: *In the constellation of words and names: collection of scientific articles on the anniversary of M. E. Root.* Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 26—46. ISBN 978-5-7996-1915-2. (In Russ.).
- Berezovich, E. L., Vinogradova, L. N. (2012). Shulikuny. In: *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes, 5.* Moscow: International Relations. 583—585. ISBN 5-7133-0703-4. (In Russ.).
- Buffoons in the monuments of writing.* (2007). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 680 p. ISBN 9785981872327. (In Russ.).
- Chernykh, A. V., Rusinova, I. I. (2023). Names of Holy mummers in Russian dialects of the Perm Region. *Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities*, 25 (4): 218—233. DOI: 10.15826/izv2.2023.25.4.070. (In Russ.).
- Ivleva, L. M. (1994). *Mummery in Russian traditional culture.* St. Petersburg: Russian Institute of Art History. 236 p. (In Russ.).
- Kitevski, M. (2013). *Makedonski praznici and praznici obicai.* Skopje: KAMELEON. 407 p. ISBN 978-608-65354-6-9. (In Maked.).

- Legurska, P. (2002). Dictionary of terms of the national calendar. *Living Antiquity*, 1: 7—8. (In Russ.).
- Maksimov, S. V. (1986). *Literary travels*. Moscow: Sovremennik Publ. 415 p. (In Russ.).
- Morozov, I. A. (2015). Distinctive features of local traditions: actions with the participation of mummies. In: *Regional studies in folklore and ethnolinguistics — problems and prospects: collection of scientific articles*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 37—52. (In Russ.).
- Morozov, I. A., Sleptsova, I. S. (2004). *Circle of the game. Holiday and game in the life of the North Russian peasant (XIX—XX centuries)*. Moscow: Indrik. 920 p. ISBN 5-85759-295—X. (In Russ.).
- Morozov, I. A., Sleptsova, I. S. (eds.). (2019). *Logic of transformations: regional and local specifics of cultural and linguistic processes*. Moscow: Indrik. 992 p. ISBN 978-5-91674-552-8. (In Russ.).
- Popova, A. R. (2023). The origin and functioning of one dialectal phraseology: to break Kosaretsky. In: *Gromov readings. Problems of modern regional lexicography: on the 100th anniversary of the birth of A. V. Gromov and the 30th anniversary of the “Linen Dictionary”: collection of materials and research. International Scientific Conference Kostroma, September 15—16, 2022, 4*. Kostroma: KSU. 363—368. ISBN 978-5-8285-1259-1. (In Russ.).
- Sedakova, I. A. (1984). *Vocabulary and symbolism of the Christmas and New Year rituals of the Bulgarians*. PhD Diss. Moscow. 273 p. (In Russ.).
- Shveykovskaya, E. N. (2012). *The Russian peasant in the house and the world: the northern village of the end of the XVI — beginning of the XVIII century*. Moscow: Indrik. 368 p. ISBN 978-5-91674-172-8. (In Russ.).
- Smirnov, V. I. (1927). Folk divination of the Kostroma region. In: *Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of the local region, XLI*: 17—91. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (1995). Vasily. In: *Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary in 5 volumes, 1*. Moscow: International Relations. 291—292. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N. (2008). Folk terminology related to the custom of mummary (East and West Slavic tradition). In: *Etnolingvistička proučava srpskog and other Slovene grammar: the words of academician Svetlana Tolstoj*. Beograd: SANU. 117—128. ISBN 5-85759-110-4. (In Russ.).
- Yudin, A. V. (2007). *Onomastics of East Slavic riddles*. Moscow: OGI. 120 p. ISBN 978-5-94282-307-8. (In Russ.).
- Zelenin, D. K. (1991). *East Slavic ethnography*. Moscow: Nauka; Main Editorial Office of Oriental Literature. 511 p. (In Russ.).
- Zhuravlev, A. F. (2005). *Language and myth. Linguistic commentary on the work of A. N. Afanasyev “Poetic views of the Slavs on nature”*. Moscow: Indrik. 1004 p. ISBN 5-85759-318-2. (In Russ.).
- Zolotova, T. A. (1997). *Tausenevye songs of the Russians of the Volga region: regional originality and interethnic relations*. Doct. Diss. Yoshkar-Ola. 346 p. (In Russ.).

*The article was submitted 14.09.2025;
approved after reviewing 22.11.2025;
accepted for publication 19.12.2025.*

Информация для цитирования:

Бурдина О. Б. Парадигмальный подход в терминоведении / О. Б. Бурдина, С. Л. Мишланова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 32—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-32-52.

Burdina, O. B., Mishlanova, S. L. (2025). Paradigmatic Approach in Terminology Studies. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 32-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-32-52. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Парадигмальный подход в терминоведении

Бурдина Ольга Борисовна^{1,2,3}

orcid.org/0000-0003-2737-8313

доктор филологических наук, доцент,

¹ профессор кафедры лингводидактики;

² профессор кафедры иностранных языков
и медицинской терминологии;

³ заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,

корреспондирующий автор

burdina-pfa@yandex.ru

Мишланова Светлана Леонидовна^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3332-9753

доктор филологических наук, профессор,

¹ заведующий кафедрой лингводидактики;

² заведующий кафедрой

иностранных языков

и медицинской терминологии

mishlanovas@mail.ru

¹ Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(Пермь, Россия)

² Пермский государственный медицинский
университет имени академика Е. А. Вагнера
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(Пермь, Россия)

³ Пермская государственная
фармацевтическая академия Министерства
здравоохранения Российской Федерации
(Пермь, Россия)

Paradigmatic Approach in Terminology Studies

Olga B. Burdina^{1,2,3}

orcid.org/0000-0003-2737-8313

Doctor of Philology, Associate Professor,

¹ Professor of the Department
of Linguodidactics;

² Professor of the Department of Foreign
Languages and Medical Terminology;

³ Head of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,

corresponding author

burdina-pfa@yandex.ru

Svetlana L. Mishlanova^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3332-9753

Doctor of Philology, Professor,

¹ Head of the Department of Linguodidactics;

² Head of the Department of Foreign
Languages and Medical Terminology

mishlanovas@mail.ru

¹ Perm State University
(Perm, Russia)

² Academician Ye. A. Vagner
Perm State Medical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Perm, Russia)

³ Perm State Pharmaceutical Academy
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Perm, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено истории терминоведения, прослеживается 100-летний путь развития данного научного направления. Отмечается, что дефиниция термина остаётся предметом дискуссий в терминоведческих исследованиях. Статья посвящена выявлению причин изменения объёма понятия «термин». Рассматривается взаимосвязь процессов развития науки с этапами развития терминоведения. Поднимается вопрос применения новых параметров для анализа терминологических процессов. Выполнен обзор развития научной мысли на основе теоретического анализа концепций философии науки. Исследованы социокогнитивные условия формирования научных парадигм (классической, неклассической, постнеклассической науки). Представлена авторская концепция развития терминоведения с выделением трех парадигм: традиционной (прескриптивной), когнитивно-дискурсивной (дескриптивной), интегративной (прескриптивно-дескриптивной). Выявлены и обоснованы доминирующие процессы терминообразования в описанных парадигмах: дивергентный, конвергентный, дивергентно-конвергентный. Впервые описана новая, только формирующаяся интегративная парадигма терминоведения. Актуальность исследования также состоит в том, что представлена непротиворечивая концепция закономерности изменения объёма понятия «термин» в связи с актуальными для каждой парадигмы процессами терминообразования.

Ключевые слова:

парадигмальный подход; научная парадигма; знание; термин; терминоведение; дивергентные и конвергентные процессы терминообразования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is dedicated to the history of terminology studies, tracing its hundred-year development trajectory. It highlights that the definition of a term remains a subject of ongoing debate within terminological research. The article aims at identifying the reasons for changes in the scope of the concept "term." It examines the interrelation between scientific progress and stages of development in terminology studies. Questions are raised regarding the application of new parameters for analyzing terminological processes. An overview of the evolution of scientific thought based on theoretical analysis of philosophy-of-science concepts is provided. Sociocognitive conditions underlying the formation of scientific paradigms — classical, non-classical, post-non-classical science — are investigated. A novel authorial conception of terminology's evolution is presented, distinguishing three paradigms: traditional (prescriptive), cognitive-discursive (descriptive), integrative (prescriptively-descriptive). Dominant processes of term formation in these paradigms — divergent, convergent, divergent-convergent — are identified and substantiated. For the first time, an emerging integrative paradigm of terminology studies is described. The relevance of this investigation lies also in presenting a coherent conceptualization of the regularity governing changes in the scope of the notion "term" as related to salient term-forming processes characteristic of each paradigm.

Key words:

paradigmatic approach; scientific paradigm; knowledge; term; terminology studies; divergent and convergent processes of term formation

УДК 81'373.46+81'373.611/.612

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-32-52

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Парадигмальный подход в терминоведении

© Бурдина О. Б., Мишланова С. Л., 2025

1. Введение = Introduction

Современный мир характеризуется динамичным развитием, широким распространением цифровых технологий и оперированием большими базами данных, что, с одной стороны, упрощает процесс получения разнообразной информации, с другой — ставит вопрос о её качестве и соотношении с такой важной категорией, как знание.

Единицей выражения специального знания исследователи называют термин [Гринёв, 1993, с. 33; Лейчик, 2007, с. 20; Новодранова, 2006, с. 82; Barsalou, 2003, с. 514; Temmerman, 2007, с. 27]; представляющий собой синтез когниции и профессиональной коммуникации [Голованова, 2007, с. 36; Манерко, 2021, с. 32; Budin, 2011, с. 469]. Термин детерминирован особенностями дискурса, в котором развивается [Алексеева и др., 2002, с. 3; van Dijk, 2003, с. 53; Schubert, 2011, с. 20—21]; и определение термина находится в состоянии постоянной ревизии.

Дефиниции термина не раз становились предметом дискуссий, а само их многообразие можно рассматривать как следствие внутреннего развития терминоведения. Хронология науки о терминах не раз становилась предметом исследований [Гринев, 1993; Лейчик, 2007; Манерко и др., 2015; Росянова, 2019 и др.], и расширение представления о термине и его функциях отражается в корректировке существующих трактовок. Анализируя работы учёных-терминологов, основатель российского общества «РоссТерм» В. А. Татаринов отметил разнообразие аспектов изучения термина: дидактический, логический, функционально-стилистический, диахронический, философский, семиотический, гносеологический, психо- и социолингвистический, дискурсивный, и др. [Татаринов, 2005, с. 132], что также отчасти объясняет изменение объёма этого понятия.

Однако не только внутренние процессы в терминоведении являются стимулом к развитию представления о термине. По нашим наблюдениям, всё, что происходит в теории термина, коррелирует с развитием научного знания в целом и является репрезентацией смены научных парадигм.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Накопление научных знаний предполагает не только количественные изменения, но и, в первую очередь, качественные преобразования в их структуре, вследствие чего научный прогресс является не постепенным, а скачкообразным процессом, сопровождающимся сломом сложившейся теории. Обозначая это явление «структурой научных революций», Т. Кун вводит в философию науки понятие научных парадигм, при этом, по мнению мыслителя, «исследование, использующее парадигму, должно быть особенно эффективным стимулом для изменения той же парадигмы» [Кун, 1977, с. 79]. Иначе говоря, парадигма неустойчива, её развитие ведёт к выявлению научной аномалии, не укладывающейся в рамки сложившейся концепции, в результате чего происходит научная революция и смена научной парадигмы. Кроме того, парадигмы несоизмеримы друг с другом, и при их смене часто невозможно осуществить преемственность теорий, следовательно, кумулятивная модель развития науки, предполагающая непрерывный процесс накопления знаний, неосуществима в долгосрочной перспективе.

Научная парадигма конкретизируется Т. Куном через «дисциплинарную матрицу» — единое предметное поле (дисциплину), в котором происходит движение научной мысли, и единую систему установок и правил, по которой в рамках определённого предметного поля учёные осуществляют свою деятельность. Период накопления знания — это «нормальная наука», изменение элементов дисциплинарной матрицы — «научная революция» [Там же, с. 229].

Смена научных парадигм инициируется как внутренними условиями развития определённой сферы (такие явления, как переход от геоцентрической модели мира Птолемея к гелиоцентрической Коперника; от классической механики Ньютона к теории относительности Эйнштейна; от капиталистической модели К. Маркса к социалистической В. И. Ленина и др.), так и влиянием социальных и психологических факторов, поэтому парадигмальный подход может быть применен к науке в целом, а не только к её отдельным направлениям.

В современной философии науки исследователи выделяют три глобальных формы организации научного знания — классическую, неклассическую и постнеклассическую науку, и каждая из них характеризуется своей особенностью организации, методологией и эпистемологией.

Опираясь на типы научной рациональности, академик В. С. Стёпин приходит к заключению, что методология классической науки характеризуется сосредоточенностью на объекте исследования в стремлении получить объективно-истинное знание о мире; неклассической — изучением

связи знаний об объекте с характером средств познания и операций деятельности (значительное внимание уделяется субъекту исследования — человеку, а также инструментам познания); постнеклассическая же наука междисциплинарна, обладает подчеркнуто утилитарной ориентированностью (не просто прикладная, а нацелена на формирование конкретного навыка / компетенции), при этом она характеризуется «внедрением принципов эволюционизма и способностью к самоорганизации» [Степин, 2003, с. 619]. Анализируя классическую, неклассическую и постнеклассическую эпистемологические парадигмы, С. А. Лебедев связывает их с временными периодами и доминирующими философскими концепциями: классическая наука (XVII—XIX века) ориентирована на позитивистскую эпистемологию и индуктивизм; неклассическая (конец XIX века — XX век) — на глобальную научно-техническую революцию (в математике и физике) и антропоцентризм; постнеклассическая (80-е годы XX века до современности) — на новую онтологию, гносеологию, методологию, социологию [Лебедев, 2019, с. 2—3], которые только формируются. Как видим, постнеклассическая наука еще не получила всестороннего теоретического осмысления, но, как мы отмечали ранее, именно в её русле формируются современные научная и образовательная парадигмы [Бурдина, 2024, с. 6—7], и принципы её организации оказывают значительное влияние на развитие отраслевых терминологий.

Знания, накапливаемые предметными областями, фиксируются терминами. На заре терминологической науки было отмечено, что совокупность терминов проявляет системные свойства; это позволило выделить особый тип языковых единиц (терминологию), а затем и отдельное направление в языкознании — терминоведение.

Статус научной дисциплины терминоведение получило не так давно (около ста лет назад), и сначала оно являлось, скорее, прикладной технологией, позволяющей систематизировать и унифицировать накапливаемые знания, нежели наукой. Тем не менее пристальное внимание к термину способствовало углублению в его природу, появлению научных концепций и терминологических школ. Однако попытки описать природу термина и выявить его константные признаки привели к выявлению научной аномалии: термин, при постулируемой стабильности, оказался нестатичной единицей, его системные характеристики в контекстном употреблении значительно менялись. Ряд учёных-лингвистов классифицировал это явление как смену исследовательской парадигмы [Мишланова, 2003; Манерко и др., 2015], и в терминологических работах отмечается противопоставление классического (традиционного) и когнитивно-дискурсивного терминоведения.

Современная ситуация в терминоведении также даёт основания говорить о формировании новой парадигмы. Эпоха больших данных меняет систему организации общества, в первую очередь социальных институтов, что инициирует изменение статусно-ролевых отношений в профессиональной коммуникации. Возрастание роли клиента института в получении услуг и принятии решений (информационное согласие, личные кабинеты и проч.) актуализирует вопрос доступа к специальному знанию и, соответственно, пересмотра понятия знания. Термин — репрезентант знания, изменение в структуре знания неизбежно ведёт к его трансформации и, как следствие, ревизии терминоведческих подходов.

Методология терминоведения, по нашему мнению, развивается по тому же принципу, что и методология науки, но освоены пока два первых этапа: классический (традиционное, прескриптивное терминоведение) и неклассический (когнитивно-дискурсивное, дескриптивное терминоведение). Изучение постнеклассического этапа (интегративной парадигмы терминоведения) представляет несомненный исследовательский интерес, а полученные результаты могут стать основой как комплексного изучения терминологий самых разных предметных полей, так и лингвистического знания в целом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Парадигмальный подход к изучению языковых явлений впервые был представлен в отечественной лингвистике во второй половине XX века. В работах Е. С. Кубряковой, которая считала его исторически обусловленным, поскольку «сформированность научной парадигмы в какой-то момент начинает тормозить новое знание, возникает потребность в революционном перевороте в науке и, как следствие, в появлении новой парадигмы знания» [Кубрякова, 2008, с. 11]. Характеристика научных парадигм исходит из предложенных Т. Куном параметров, поэтому при описании парадигм лингвистики Е. С. Кубрякова предлагает следующие три: мотив, содержание, метод [Кубрякова, 1995, с. 167].

Понятие «парадигма» в лингвистических исследованиях, по мнению Ц. Ц. Огдоновой, можно рассматривать широко, как набор взглядов, ценностей и техник, и узко — как образец решения конкретных задач, позволяющий в дальнейшем рассматривать его «для трактовки других проблем данной же научной дисциплины [Огдонова, 2010, с. 44]. По мнению исследователя, во втором случае целесообразно понимать под парадигмой хронологически и культурно обусловленную динамичную систему представлений о языке, в рамках которой развивается концептуальная схема теории языка на базе определённой философии; и если заданные Е. С. Ку-

брюковой параметры (мотив, метод и содержание) не совпадают в этих схемах, можно говорить об отдельных научных лингвистических парадигмах, например, когнитивной, коммуникативной, лингвокультурологической, социолингвистической и др. [Там же, с. 46]. Выделение таких лингвистических научных парадигм, по нашему мнению, вписывается в понятие «дисциплинарных матриц» Т. Куна. В первом же — широком — понимании научной лингвистической парадигмы Ц. Ц. Огдонова предлагает опираться на общие принципы научного подхода к исследованию языка, вследствие чего формируется «суперпарадигма» — доминирующая в тот или иной период совокупность установок, закладывающая определённую модель общей проблемы, а также вариантов и процедур её решения [Там же, с. 46—47]. В описании «суперпарадигмы», по нашему мнению, проявляются не столько лингвистические, сколько универсальные характеристики, что делает само понятие «суперпарадигмы» близким к пониманию парадигмального развития научного знания в философии науки.

Следует отметить, что появление терминоведения является следствием парадигмального сдвига внутри лингвистики. Углубление в суть термина раскрывает его пограничную природу: зародившись в позитивистской модели знания как средство регуляции языков для специальных целей (language for special purposes), термин (лексема, искусственно отобранная для номинации научного понятия) оказался противопоставлен слову естественного языка (языка для общих целей — language for general purposes). Источником возникновения термина, как нами отмечалось ранее, является взаимодействие трёх составляющих: философии, лингвистики и индустриализации [Алексеева и др., 2021, с. 11]. Это накладывает свой отпечаток на особенности как самого термина, так и совокупности терминов — терминологии. Лингвистика оказалась тесной для термина, её арсенал — недостаточным для его изучения и осмысления; возникла настоятельная потребность в развитии терминоведения как самостоятельной науки.

Столетний путь терминоведения был интенсивным, поскольку за короткий срок ему пришлось пройти те же этапы развития, которые некоторые другие предметные области осваивали с XVII века. В нашем исследовании терминологические процессы изучаются в парадигмальном ключе с выделением трёх парадигм: классической — традиционное (прескриптивное) терминоведение; неклассической — когнитивно-дискурсивное (дескриптивное) терминоведение и постнеклассической — интегративное (прескриптивно-дескриптивное) терминоведение.

3.1. Традиционная (прескриптивная) парадигма терминоведения

Интерес к термину оформляется в научное направление в 30-х годах XX века в условиях развития индустриального общества, логического по-

тивизма и научного эмпиризма. Это время поиска идеальных моделей, в том числе в лингвистике, благодаря чему появляется идея создания планового, логичного, универсального языка (эсперанто). Реакцией на стремительное развитие индуктивных наук и производства стала потребность в едином подходе к оформлению профессионального знания, четкой и понятной системе его трансляции.

Подтверждением универсального характера развивающегося явления можно считать практически параллельную (и близкую по полученным результатам) работу над термином в принципиально разных политических, социальных и культурных системах — капиталистической, где теорией термина вплотную занялся промышленник, «отец технологической стандартизации» австриец О. Вюстер, и социалистической, в которой вопросы технической терминологии разрабатывали Д. С. Лотте, П. А. Флоренский, Э. К. Дрезен, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский и др. Потребность в появлении терминоведения соответствовала как веяниям времени, так и внутренней логике развития языка.

Классическая парадигма терминоведения по онтологическим характеристикам соответствует классическому этапу развития науки (хотя они и значительно разведены во времени): она ориентирована на позитивистскую эпистемологию и индуктивистскую методологию. Внимание к макрообъектам, жёсткий эмпиризм и рационализм классической парадигмы терминоведения обуславливаются необходимостью дефинировать большое количество новых понятий, для чего было необходимо разработать чёткие параметры терминов, унифицировать их структуру, выявить системные отношения между ними, дефинировать и кодифицировать. Термин позиционируется как особая единица технической номинации — стилистически нейтральная, однозначная, точная, непротиворечивая [Лотте, 1931]. Терминоединицы, не соответствующие «идеальному термину», сопоставляются с нормативным вариантом для определения их роли в терминосистеме; в исследовательской литературе представлены такие подвиды термина, как предтермин, прототермин, квазистермин, терминоид, номен и проч. (подробнее об этом: [Гринев, 1993; Лейчик, 2007; Фельде, 2013 и др.]).

С формированием прескриптивной парадигмы терминоведения начинает всё явственнее проявляться то, что (по Т. Куну) служит эффективным стимулом её изменения: термин развивается в пограничной между наукой и языком области, это не только единица специальной номинации, но и часть лексического состава живого языка (по определению Г. О. Винокура, «не особое слово / слова, а только слово / слова с особой функцией» [Винокур, 1959, с. 5]), поэтому ему присущи те же качества, что и другим лексическим единицам (многозначность, синонимия и проч.). В. М. Лейчик обо-

значил это свойство «языковым субстратом» термина [Лейчик, 1986, с. 91], и именно на нём развилась теория терминологической вариативности.

Отказ от прескриптивной концепции отмечается и в зарубежном терминоведении. На рубеже XX—XXI веков активно критикуется виостерианство [Temmerman, 2000; Temmerman, 2007], большую роль в терминологических исследованиях начинают играть социальный и когнитивный подход [Barsalou, 2003; Budin, 2011; Picht, 2013; Faber, 2012 и др.], как показано ранее в [Алексеева и др., 2020, с. 78—81].

Благодаря вниманию к лингвистической природе термина происходит постепенное смещение в понимании его функций: термин позиционируется не как конечный фрагмент познания (эквивалент понятия, которое он номинирует), а как инструмент познания и элемент структурирования специального знания (реализация актуальной части понятия в определённой дискурсивной ситуации). Таким образом, потребность в изучении терминологии как особого класса единиц языка для специальных целей сначала привела к выделению терминоведения в особую лингвистическую дисциплину, а затем интерес к термину как к тактике человеческого мышления дал стимул к развитию когнитивного терминоведения.

3.2. Когнитивно-дискурсивная (дескриптивная) парадигма терминоведения

Рубеж XX—XXI веков прошёл под эгидой когнитивной науки. Зародившись в 70-х годах прошлого века и выдвинув на первый план познавательные процессы функционирования мозга и механизмы регуляции поведения живых существ, в том числе человека, когнитивная наука проникла практически во все сферы знания, инициировала появление нейрофизиологии и нейробиологии, когнитивной психологии, когнитивной информатики (ставшей основой для разработок искусственного интеллекта и нейросетей), когнитивной лингвистики и других наук, занимающихся проблемами изучения связи между мышлением, сознанием и познавательной активностью человека и окружающим его миром.

В центре внимания когнитивной лингвистики стоит вопрос о роли языка в процессах обработки человеческого опыта; категоризации и концептуализации информации об окружающем мире; соответствия, как отмечают И. П. Массалина и В. Ф. Новодранова, между «единицами текста, кодируемой ими информацией и стоящими за этой информацией ментальными структурами или их элементами» [Массалина и др., 2009, с. 7]. Подобного мнения придерживаются и зарубежные исследователи, так, утверждается, что знание генерируется путем извлечения информации из повседневного опыта взаимодействия индивида с окружающей его действительностью [Barsalou, 2003, с. 521].

Базовыми понятиями когнитивной лингвистики являются дискурс и концепт. Под первым, согласно Т. ван Дейку, принято понимать «сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и воспроизведение» [Дейк, 2000, с. 121—122], или, иначе говоря, речевую и мыслительную деятельность, включенную в специальную (профессиональную, научную, познавательную) сферу; под вторым — совокупность и преломление всех видов знания о каком-либо явлении, или, как пишет В. А. Красных, «бытие знака как известной когнитивной структуры» [Красных, 2003, с. 267]. Следовательно, во главу угла ставится не нормативный аспект, а исследование функций термина в дискурсе, и сама парадигма терминоведения носит не прескриптивный, а дескриптивный характер.

Когнитивное терминоведение исходит из положения о динамической природе термина, развитии термина в дискурсе и предусматривает проведение интегрированных исследований языков профессиональной коммуникации, акцентируется внимание на научном знании и его преломлении в профессиональной деятельности. Специальная коммуникация, как отмечает Л. А. Федюченко, рассматривается как многоэтапный когнитивный процесс, учитывающий характер информации, условия её получения, язык кодирования / декодирования, профессиональные компетенции коммуникантов [Федюченко, 2020, с. 6]. В связи с этим возрастает роль деятеля в процессах генерации, хранения и передачи знания, поэтому когнитивное терминоведение часто характеризуют как антропоцентричное.

В фокусе когнитивного терминоведения находится термин как концепт знания. Каждая конкретная реализация термина в дискурсе — это репрезентация определённого фрагмента знаниевой структуры, отголосок общего понятия. Следовательно, изучая когнитивную структуру термина, можно категоризировать явления и моделировать терминосистемы [Fillmore et al., 2003], выстраивать когнитивные матрицы, лингвистические онтологии [Faber, 2012] и терминологические базы данных [Жилов, 2016; 2017]. Если в рамках прескриптивной парадигмы терминоведения термин позиционировался как некий эталон репрезентации знания, то в рамках дескриптивной — это многообразие форм репрезентации знания, ориентированных на разные категории пользователей.

Каждый тип деятельности в рамках социального института (медицины, фармации, права, педагогики и проч.) обеспечивается определённым подвидом профессионального дискурса: внутрипрофессиональным (между учёными-представителями одной профессии), межпрофессиональным (представителями разных профессий, имеющими пересечение в исполнении профессиональных обязанностей), профессиональноязычным (ис-

пользование общего метаязыка, как, например, латинский язык в сфере здравоохранения) (подробнее об этом — [Дейк, 2000, с. 151—155]). Участники коммуникации могут обладать разными терминологическими компетенциями, что находит отражение в выборе используемой ими терминологии. Отражая общее понятие, в разных ситуациях профессионального общения могут использоваться разные терминоварианты. При этом языки разных профессий объединяет функциональное назначение терминов: способность номинировать научное понятие, вписанное в систему других понятий определённой профессиональной сферы, или, как отмечает Е. И. Голованова, «вербализовать результат профессионального мышления» [Голованова, 2008, с. 78].

Большое значение для понимания зависимости выбора терминовариантов от контекста употребления имеет работа Л. Хоффмана, посвящённая профессиональной коммуникации. В рамках институционального общения, построенного на разных видах профессиональной активности, исследователь выделяет пять типов взаимодействия: научное, экспериментальное, технологическое, производственное, потребительское [Hoffmann, 1987, с. 65—67]. Каждому из них присущи свои стилевые черты: употребление абстрактной / конкретной лексики, интенсивность использования научных терминов, наличие специальных символов (знаков, формул, аббревиатур и проч.). Эта модель наглядно демонстрирует необходимость вариативных способов репрезентации специального знания и служит подтверждением концептуальной структуры термина.

Дескриптивная парадигма терминоведения стала, с одной стороны, следствием преодоления ограничений традиционного (прескриптивного) терминоведения, с другой — результатом влияния позитивистской философии (подробнее об этом [Antia, 2000; Humbley, 2018; Temmerman, 2000 и др.]). Всё это привело к обновлению теоретической базы терминоведения, а также потребовало поиска новых способов решения проблем терминологического варьирования.

Попытка применения парадигмального подхода в терминоведении предпринималась Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой при обосновании статуса когнитивного терминоведения [Алексеева и др., 2002]. За основу парадигмального анализа была принята логика рассмотрения парадигм лингвистики [Степанов, 1985], особенно в связи с интересом исследователей к интенсивно развивающейся в конце XX века когнитивной лингвистике [Кубрякова, 1995]. Исследователями предложена парадигмальная концепция, построенная по принципу оппозиции классического и формирующегося нового (когнитивного) направления терминоведения; было выявлено, что традиционное терминоведение аспектирующее (ког-

нитивное — синтезирующее), монопарадигмальное (когнитивное — полипарадигмальное), нормо- и лингвоцентрическое (когнитивное — личностно-деятельное); по требованию к термину традиционное опирается на системность (язык-система, язык-текст), а когнитивное — на динамику репрезентации (язык-способность). В результате такого подхода осуществлена попытка проникнуть «в сущность термина, специфику его функционирования в специальных текстах и специальном речевом обиходе без приписывания ему желаемых свойств и качеств» [Алексеева и др., 2002, с. 13]. Исследователям удалось выявить параметры (соответствующие концепции Е. С. Кубряковой: мотив, содержание и метод), на основании которых доказан переход от «нормальной науки» к «научной революции» (в терминологии Т. Куна) в рамках терминоведения. В дальнейшем развёрнутую характеристику когнитивное терминоведение получило в работах терминологов-когнитологов Л. А. Манерко [Манерко, 2021], В. М. Лейчика [Лейчик, 2007], а также в монографиях по когнитивной лингвистике Т. Г. Скребцовой [Скребцова, 2018], Л. А. Манерко [Манерко, 2024] и др.

И классическое (прескриптивное), и когнитивно-дискурсивное (дескриптивное) терминоведение — это стадии эволюционного процесса, свойственного разным областям научного знания, что лишний раз подтверждает научный статус терминоведения.

3.3. Интегративная (прескриптивно-дескриптивная) парадигма терминоведения

Социальный и когнитивный контекст развития знания на рубеже XX—XXI веков значительно меняется, исследователи фиксируют медиальный поворот в лингвистике, проявляющийся в распространении поликодовых и гибридных текстов [Чернявская, 2013]. Объектом постнеклассической науки, как мы отмечали ранее, также являются гибридные объекты, которые требуют интегративного подхода в их изучении.

Терминология, являясь вербализированным продуктом профессионального мышления и способом фиксации профессионального опыта, строится, с одной стороны, на тщательном отборе языковых средств для описания этого опыта, а с другой стороны, профессиональное знание нуждается в механизмах трансляции, во взаимодействии с широким кругом лиц. Такое усложнение модели трансфера знания — соединение процессов получения, хранения и коммуникации знания — обусловило в современных исследованиях взгляд на терминологию как на гибридный объект и, соответственно, переход к новой парадигме. Классическое и неклассическое терминоведение подготовили почву для формирования нового этапа теоретического осмысления термина — постнеклассического терминоведения.

Дальнейшее развитие парадигмального подхода (пересмотр парадигм, выделение нового параметра парадигмальности на основе дивергентной и конвергентной основы терминологических процессов, отнесение классического терминоведения к дивергентной, а когнитивного терминоведения к когнитивно-дискурсивной, или конвергентной, парадигме) предпринято в исследовании терминологических процессов в фармацевтическом дискурсе [Бурдина, 2024]. В рамках исследования выявлено, что современное (интегративное) терминоведение обусловлено новыми социокогнитивными реалиями, развивается в новой парадигме знания (в русле постнеклассической науки) и демонстрирует усложнение и комплементарность всех парадигмальных параметров. Особенно это заметно при сопоставительном анализе всех трёх парадигм терминоведения (табл. 1).

Таблица 1

Парадигмальный подход к терминоведению

Критерии описания	Парадигма терминоведения		
	Классическая	Неклассическая	Постнеклассическая
Терминоведение	традиционное (классическое, прескриптивное)	когнитивно-дискурсивное (динамическое, дескриптивное)	интегративное (прескриптивно-дескриптивное)
Предмет изучения	терминосистема (процесс нормирования и кодифицирования)	динамические процессы (вариативность терминологии)	вариативность системности
Объект изучения	терминология (без терминологической лексики)	терминология (терминосистема и терминологическая лексика)	терминология (все способы объективации знания)
Термин — элемент	терминосистемы	текста / дискурса	отраслевого стандарта
Открытость системы	ограничена институтом	ограничена институтом	не ограничена институтом
Знание	выражение знания единицами языка	язык и познание (в человеке/ для человека)	социальная доступность знания
Стимул развития термина	дивергенция	конвергенция	дивергенция+ конвергенция

Рассмотрение терминоведения с позиций парадигмального подхода ставит вопрос о параметризации термина. Этот вопрос не нов для терминоведения, но само выделение параметров (точность, краткость, эквивалентность

выражаемому понятию и проч.) подвергалось критике со стороны многих исследователей. Результатом применения парадигмального подхода является выделение ведущего мотива терминообразования, который позволяет взглянуть на параметризацию термина как на эффективный инструмент, применяемый в соответствии с задачами существующей научной парадигмы (или доминирующий в каждой из парадигм): дивергентный, конвергентный и дивергентно-конвергентный способ терминообразования.

Под *дивергенцией* (лат. *divergo* — «отклоняюсь») понимается процесс выделения, обозначения, конкретизации признаков и свойств. В терминоведении дивергенция способствует отбору терминологических единиц для репрезентации научного понятия. Можно сказать, что классическое терминоведение, отделившись от лингвистики, ориентировано на поиск уникальных характеристик термина (по отношению к лексике живого языка), именно поэтому оно прескриптивно и жёстко параметрировано. Развитие предметного поля способствует пониманию его уникальности и индивидуализации, формированию метаязыка специальности; институционализация профессионального дискурса усиливает процесс дивергенции. Однако ориентация на дивергенцию как на основной процесс терминообразования ограничивает возможности трансляции знания и, как следствие, провоцирует парадигмальный кризис, что приводит к смене парадигмы.

Конвергентные механизмы (лат. *convergo* — «схожусь») способствуют трансляции знания, при взаимодействии метаязыков предметных полей и национального языка происходит обмен языковыми единицами. Деинституционализация способствует конвергентным процессам в терминообразовании: «терминоединицы, даже если они не соответствуют кодифицированным вариантам, но способствуют эффективной профессиональной коммуникации, оказываются востребованы в языке, и в современном профессиональном общении образуют более частотную терминологическую зону, нежели стандартные нормативные терминоединицы» [Бурдина, 2024, с. 68—69]. Когнитивная парадигма терминоведения ориентирована на расширение понятия термина и его дискурсивной роли. При этом в ряде исследований отмечаются методологические трудности при описании терминологических систем с опорой только на достижения когнитивной лингвистики [Федюченко, 2020, с. 56—58].

Интегративная парадигма терминоведения может быть охарактеризована не только как прескриптивно-дескриптивная, но и как дивергентно-конвергентная. Её особенность заключается не только во взаимодействии терминологических процессов (дивергенции и конвергенции), но и в трансформации их трактовки, что связано с изменением представления о знании.

Как мы отмечали ранее, знание в современной социокогнитивной ситуации рассматривается скорее как осведомлённость о чём-либо, чем как результат познания. Преимущество же современной трактовки в том, что знание понимается как открытый информационный ресурс, позволяющий получить различные (как минимум, элементарные) навыки большому количеству заинтересованных в них людей.

Расширение доступа к знанию ставит вопрос также о доступности терминологии для разных категорий пользователей, происходит размывание понятий социальных институтов (необходимую помощь можно получить как в рамках института, так и без).

Доступность терминологии ставит вопрос о нормировании и кодификации, поскольку нормативный (высоконаучный) вариант часто оказывается ограничен научной сферой общения, а в социальной коммуникации используются более простые, удобные для пользователей варианты, следствием чего становится расслоение терминологии (сдвигаются центр и периферия в терминопле). Частотность терминовариантов усиливает их целесообразность в номинации тех или иных специальных понятий (разумеется, не в научном, а в социальном взаимодействии). Расслоение терминологии фиксируется отраслевыми стандартами, увеличивая количество кодифицированных терминологических вариантов — формируется многообразие терминологических стандартов.

4. Заключение = Conclusions

В рамках данной статьи обобщаются результаты ранее проведенных исследований, предлагается рассмотрение парадигмальных сдвигов в терминоведении с учетом характера терминологических процессов, на основании чего выделяется современная парадигма терминоведения — интегративная (дескриптивно-прескриптивная, дивергентно-конвергентная).

Развитие науки представляет собой процесс постоянного приращения знания, расширения возможностей познания, формирования актуальных методологических подходов. Приращение знания в современном социуме предполагает не столько усложнение знаниевой структуры, сколько разнообразие способов его фиксации» — хранения — трансляции, в связи с чем актуализируется роль термина в процессах номинации явлений, а также роль терминоведения как науки о терминах.

Противоречивая природа термина, из-за которой возникает сложность с его дефинированием, заключается в том, что термин не статическое явление. Он эволюционирует, развивается, и на разных этапах своего развития демонстрирует способность обособливать, выделять, развивать специальное знание (отражать дивергентный процесс терминологизации) или синтеза-

ровать, объединять, экстраполировать (реализовываться в конвергентном процессе терминологизации). На современном этапе взаимодействие этих процессов проявляется в формировании полисистемности стандартов.

Процессы, рассмотренные на примере терминоведения, являются актуальными и для других направлений научной мысли, например для лингвистики, что убедительно доказано в исследовании Л. И. Ермоленкиной, посвящённом дискурсивной картине современного радио [Ермоленкина, 2021].

Парадигмальный подход в изучении терминологии способен преодолеть накопившиеся в терминоведении противоречия, выполняя систематизирующую и синтезирующую роль в осмыслении научного знания.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Алексеева Л. М.* Вековой путь российского терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 9—34. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9- 9-34.
2. *Алексеева Л. М.* К истокам социотерминоведения : социокультурные контексты функционирования термина/ Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Сфера культуры. — 2020. — № 1. — С. 77—86. — DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_77.
3. *Алексеева Л. М.* Медицинский дискурс : теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2002. — 200 с.
4. *Бурдина О. Б.* Терминологические процессы в фармацевтическом дискурсе : социокогнитивное моделирование : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / О. Б. Бурдина. — Пермь, 2024. — 480 с. — ISBN 5-8241-0302-X.
5. *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. — Москва : Учпедгиз, 1959. — 492 с.
6. *Голованова Е. И.* Предмет и задачи когнитивно-исторического терминоведения / Е. И. Голованова // Научно-техническая терминология. — 2007. — Выпуск 1. — С. 12—13.
7. *Гринев С. В.* Введение в терминоведение / С. В. Гринёв. — Москва : Московский лицей, 1993. — 309 с.
8. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск : БКТ им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
9. *Ермоленкина Л. И.* Дискурсивная картина мира современного радио : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Лариса Ивановна Ермоленкина. — Томск, 2021. — 422 с.
10. *Жилов Р. А.* К вопросу о построении когнитивных карт для интеллектуальной обработки данных / Р. А. Жилов // Вестник КРАУНЦ. Физ.-мат. науки. — 2016. — № 4—1 (16). — С. 101—106.

11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с.
12. Кубрякова Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике : введение / Е. С. Кубрякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания ; Редкол. : Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. — 184 с. — ISBN 978-5-248-00436-2.
13. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука в конце 20 века. — Москва : Институт языкознания РАН, 1995. — 238 с.
14. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. — Москва : Прогресс, 1977. — 300 с.
15. Лебедев С. А. Классическая, неклассическая и постнеклассическая методология науки / С. А. Лебедев // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. — 2019. — № 2. — Т. 76. — С. 1—15. — DOI: 10.18698/2306-8477-2019-2-596.
16. Лейчик В. М. о языковом субстрате термина / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. — 1986. — № 5. — С. 87—97.
17. Лейчик В. М. Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2007. — 256 с. — ISBN 978-5-397-06819-2.
18. Лотте Д. С. Очередные задачи научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. — Москва : Наука, 1931. — 158 с.
19. Манерко Л. А. Европейское терминоведение : от вюстерианского понимания термина к осмыслению когниции и коммуникации / Л. А. Манерко, А. Н. Шарапов // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия : Лингвистика. — 2015. — № 5. — С. 24—32.
20. Манерко Л. А. Когнитивная теория языка : философские основания и направления исследований / Л. А. Манерко. — Москва : Гнозис, 2024. — 448 с. — ISBN 978-5-94244-086-2.
21. Манерко Л. А. Профессиональный дискурс на пересечении общесемиотических проблем когниции и коммуникации / Л. А. Манерко // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 1 (44). — С. 32—40.
22. Массалина И. П. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела / И. П. Массалина, В. Ф. Новодранова. — Калининград : Изд-во ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. — 278 с. — ISBN 978-5-94826-258-1.
23. Мишланова С. Л. Термин в медицинском дискурсе : Образование, функционирование, развитие : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / С. Л. Мишланова. — Москва, 2003. — 392 с.
24. Новодранова В. Ф. Когнитивное терминоведение / В. Ф. Новодранова // Общее терминоведение : энциклопедический словарь. — Российское терминологическое общество Росс Терм. — Москва : Московский Лицей, 2006. — С. 82—84.
25. Огдонова Ц. Ц. Научная парадигма как ключевое понятие современной науки о языке / Ц. Ц. Огдонова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 10. — С. 43—49.
26. Росянова Т. С. Когнитивные аспекты развития и функционирования английской терминологии маркетинга : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Т. С. Росянова. — Санкт-Петербург, 2019. — 40 с.
27. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : Классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. — Москва : ЯСК, 2018. — 391 с. — ISBN 978-5-6040195-7-3.

28. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка : Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. — Москва : Наука. 1985. — 334 с.
29. Стёпин В. С. Теоретическое знание : структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. — Москва : Прогресс-Традиция, 2003. — 743 с. — ISBN 5-89826-053-6.
30. Татаринов В. А. Терминологическая лексика русского языка : эволюция проблем и аспектов изучения / В. А. Татаринов // Русский язык в современном обществе : Функциональные и статусные характеристики. — Сер. «Теория и история языкознания». — Москва : РАН. ИНИОН, 2005. — С. 133—164.
31. Федюченко Л. Г. Терминологическая база данных как трансферная модель технического знания : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.21 / Л. Г. Федюченко. — Тюмень, 2020. — 407 с.
32. Фельде О. В. Языки для специальных целей в историко-лингвистическом аспекте / О. В. Фельде // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — № 10. — С. 50—55.
33. Чернявская В. Е. Медиальный поворот в лингвистике : поликодовые и гибридные тексты / В. Е. Чернявская // Вестник ИГЛУ. — 2013. — № 2 (23). — С. 122—127.
34. Antia B. E. Terminology and language planning : an alternative framework of practice and discourse / B. E. Antia. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Co., 2000. — 265 p.
35. Barsalou L. W. Situated simulation in the human conceptual system / L. W. Barsalou // Language and Cognitive Processes. — 2003. — № 18. — Pp. 513—562.
36. Budin G. Designing and implementing strategies of global, multilingual “Disaster Communication” / G. Budin // Special language and innovation in multilingual world : book of abstracts. — Perm : Russia, 2011. — Pp. 11—26.
37. Dijk T. A. van. Specialized discourse and knowledge : a case study of discourse of modern genetics / T. A. van Dijk // Cad. Esp. Ling., Campinas. — 2003. — Vol. 44. — Pp. 21—55.
38. Faber P. A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language / P. Faber // Berlin-Boston. — 2012. — Pp. 301—307.
39. Faber P. Specialized Knowledge Representation : From Terms to Frames / P. Faber, M. Cabezas-Garcia // Research in Language. — 2019. — Vol. 17 (2). — Pp. 198—203. — DOI: 10.2478/rela-2019-0012/.
40. Fillmore C. J. Background to FrameNet / C. J. Fillmore, Ch. R. Johnson, R. L. Miriam Petruck // International Journal of Lexicography. — 2003. — № 16 (3). — Pp. 235—250.
41. Ha A. Y. H. What is technicality? A Technicality Analysis Model for EAP vocabulary / A. Y. H. Ha, K. Hyland // Journal of English for Academic Purposes. — 2017. — № 28. — Pp. 35—49.
42. Humbley J. Socioterminology / J. Humbley // Languages for Special Purposes : An International Handbook / eds. J. Humbley, G. Budin, C. Lauren. — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018. — Pp. 469—488. — ISBN 978-3-1102-2800-7.
43. Picht H. Concepts as Reflection of Societal changes / H. Picht // Terminologija. — Vilnius : Lietuviu kalbos institutas, 2013. — Pp. 10—23.
44. Schubert K. Specialized Communication Studies : An expanding discipline / K. Schubert // Current Trends in LSP Research : Aims Methods. — Ed. by M. Petersen, J. Engberg. — Bern, Berlin : Peter Lang, 2011. — Pp. 19—58.
45. Temmerman R. Approaches to terminology. Now that the dust has settled / R. Temmerman // Synaps : Fagspråk. Rjmmunikasjon. Kulturkunnskap. — 2007. — № 20. — Pp. 27—36.

46. Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach / R. Temmerman. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2000. — 258 p.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025,
одобрена после рецензирования 21.11.2025,
подготовлена к публикации 20.12.2025.

References

- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2002). *Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis*. Perm: Perm State National Research University. 200 p. (In Russ.).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2021). Age-Old Path of Russian Terminology. *Nauchnyi dialog*, 9: 9—34. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-9-34>. (In Russ.).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2020). Towards the origins of sociotermology: socio-cultural contexts of the functioning of the term. *Sphere of culture*, 1: 77—86. DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_77. (In Russ.).
- Antia, B. E. (2000). *Terminology and language planning: an alternative framework of practice and discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co. 265 p.
- Barsalou, L. W. (2003). Situated simulation in the human conceptual system. *Language and Cognitive Processes*, 18: 513—562.
- Budin, G. (2011). Designing and implementing strategies of global, multilingual “Disaster Communication”. In: *Special language and innovation in multilingual world: book of abstracts*. Perm: Russia. 11—26.
- Burdina, O. B. (2024). *Terminological processes in pharmaceutical discourse: sociocognitive modeling*. Doct. Diss. Perm. 480 p. ISBN 5-8241-0302-X. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2013). The medial turn in linguistics: polycode and hybrid texts. *IG-LOO Bulletin*, 2 (23): 122—127. (In Russ.).
- Dake, T. A. van. (2000). *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: BCG named after I. A. Baudouin de Courtenay. 308 p. (In Russ.).
- Dijk, T. A. van. (2003). Specialized discourse and knowledge: a case study of discourse of modern genetics. *Cad. Esp. Ling., Campinas*, 44: 21—55.
- Ermolenkina, L. I. (2021). *The discursive picture of the world of modern radio*. Doct. Diss. Tomsk. 422 p. (In Russ.).
- Faber, P. (2012). A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language. *Berlin-Boston*. 301—307.
- Faber, P. (2019). Specialized Knowledge Representation: From Terms to Frames. *Research in Language*, 17 (2): 198—203. DOI: 10.2478/rela-2019-0012/.
- Fedyuchenko, L. G. (2020). *Terminological database as a transfer model of technical knowledge*. Doct. Diss. Tyumen. 407 p. (In Russ.).
- Felde, O. V. (2013). Languages for special purposes in the historical and linguistic aspect. *Bulletin of the Buryat State University*, 10: 50—55. (In Russ.).
- Fillmore, C. J., Johnson, Ch. R., Petruck, M. R. L. (2003). Petruck. Background to FrameNet. *International Journal of Lexicography*, 16 (3): 235—250.
- Golovanova, E. I. (2007). The subject and tasks of cognitive-historical terminology. *Scientific and technical terminology*, 1: 12—13. (In Russ.).
- Grinev, S. V. (1993). *Introduction to terminology*. Moscow: Moscow Lyceum. 309 p. (In Russ.).
- Ha, A. Y. H., Hyland, K. (2017). What is technicality? A Technicality Analysis Model for EAP vocabulary. *Journal of English for Academic Purposes*, 28: 35—49.

- Humbley, J. (2018). Socioterminology. In: *Languages for Special Purposes: An International Handbook*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG. 469—488. ISBN 978-3-1102-2800-7.
- Krasnykh, V. V. (2003). “Our own” among “strangers”: myth or reality? Moscow: Gnosis. 375 p. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2008). The concept of “paradigm” in linguistics: an introduction. In: *Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics: Collection of scientific papers*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 184 p. ISBN 978-5-248-00436-2. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1995). The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigmatic analysis). In: *Language and science at the end of the 20th century*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 238 p. (In Russ.).
- Kuhn, T. (1977). *The structure of scientific revolutions*. Moscow: Progress. 300 p. (In Russ.).
- Lebedev, S. A. (2019). Classical, nonclassical and post-nonclassical methodology of science. *Humanitarian Bulletin of the Bauman Moscow State Technical University*, 2 (76): 1—15. DOI: 10.18698/2306-8477-2019-2-596. (In Russ.).
- Leichik, V. M. (1986). On the linguistic substratum of the term. *Questions of linguistics*, 5: 87—97. (In Russ.).
- Leychik, V. M. (2007). *Terminology: subject, methods, structure*. Moscow: LIBROCOM Book House. 256 p. ISBN 978-5-397-06819-2. (In Russ.).
- Lotte, D. S. (1931). *Current tasks of scientific and technical terminology*. Moscow: Nauka Publ. 158 p. (In Russ.).
- Manerko, L. A. (2024). *Cognitive theory of language: philosophical foundations and research directions*. Moscow: Gnosis. 448 p. ISBN 978-5-94244-086-2. (In Russ.).
- Manerko, L. A. (2015). European terminology: from the Western understanding of the term to the understanding of cognition and communication. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 5: 24—32. (In Russ.).
- Manerko, L. A. (2021). Professional discourse at the intersection of general semiotic problems of cognition and communication. *Cognitive language research*, 1 (44): 32—40. (In Russ.).
- Massalina, I. P., Novodranova, V. F. (2009). *Discursive markers in the English language of naval affairs*. Kaliningrad: Publishing house of FGOU VPO “KSTU”. 278 p. ISBN 978-5-94826-258-1. (In Russ.).
- Mishlanova, S. L. (2003). *Term in medical discourse: Education, functioning, development*. Doct. Diss. Moscow. 392 p. (In Russ.).
- Novodranova, V. F. (2006). Cognitive terminology. In: *General terminology: an encyclopedic dictionary. Russian Terminological Society Ross Term*. Moscow: Moscow Lyceum. 82—84. (In Russ.).
- Ogdonova, Ts. Ts. (2010). Scientific paradigm as a key concept of modern language science. *Bulletin of the Buryat State University*, 10: 43—49. (In Russ.).
- Picht, H. (2013). Concepts as Reflection of Societal changes. In: *Terminologija*. Vilnius: Lietuviu kalbos institutas. 10—23.
- Rosyanova, T. S. (2019). *Cognitive aspects of the development and functioning of English marketing terminology*. Author’s abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 40 p. (In Russ.).
- Schubert, K. (2011). Specialized Communication Studies: An expanding discipline. In: *Current Trends in LSP Research: Aims Methods*. Bern, Berlin: Peter Lang. 19—58.

- Skrebtsova, T. G. (2018). *Cognitive linguistics: Classical theories, new approaches*. Moscow: YASK Publishing House. 391 p. ISBN 978-5-6040195-7-3. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1985). *In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art*. Moscow: Nauka Publ. 334 p. (In Russ.).
- Stepin, V. S. (2003). Theoretical knowledge: structure, historical evolution. In: *Russian language: evolution of problems and aspects of learning*. Moscow: Progress-Tradition. 743 p. ISBN 5-89826-053-6. (In Russ.).
- Tatarinov, V. A. (2005). Terminological vocabulary of the Russian language: the evolution of problems and aspects of learning. In: *Russian language in modern society: Functional and status characteristics. Ser. "Theory and history of linguistics"*. Moscow: RAN. INION. 133—164. (In Russ.).
- Temmerman, R. (2007). Approaches to terminology. Now that the dust has settled. *Synaps: Fagspråk. Rjmmunikasjon. Kulturkunnskap*, 20: 27—36.
- Temmerman, R. (2000). *Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 258 p.
- Vinokur, G. O. (1959). *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 492 p. (In Russ.).
- Zhilov, R. A. (2016). On the issue of building cognitive maps for intelligent data processing. *Bulletin of the University of Physics and Mathematics*, 4—1 (16): 101—106. (In Russ.).

*The article was submitted 12.09.2025;
approved after reviewing 21.11.2025;
accepted for publication 20.12.2025.*

Информация для цитирования:

Жарина О. А. Эвфемизация англоязычного политического дискурса : функционально-коммуникативный подход / О. А. Жарина, М. В. Самофалова, М. В. Беззубикова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 53—73. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-53-73.

Zharina, O. A., Samofalova, M. V., Bezzubikova, M. V. (2025). Euphemization in English Political Discourse: A Functional-Communicative Approach. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 53-73. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-53-73. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эвфемизация англоязычного политического дискурса: функционально-коммуникативный подход

Жарина Ольга Александровна¹

orcid.org/0000-0002-4391-3809

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра межкультурной коммуникации
и методики преподавания
иностранных языков,

корреспондирующий автор

oazharina@sfsedu.ru

Самофалова Марина Владимировна¹

orcid.org/0000-0002-5911-9810

кандидат филологических наук,
кафедра межкультурной коммуникации
и методики преподавания
иностранных языков

mvsamofalova@sfsedu.ru

Беззубикова Марина Валерьевна²

orcid.org/0000-0001-8783-3037

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка
mv55@yandex.ru

¹ Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

² Астраханский государственный
университет имени В. Н. Татищева
(Астрахань, Россия)

Euphemization in English Political Discourse: A Functional-Communicative Approach

Olga A. Zharina¹

orcid.org/0000-0002-4391-3809

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Intercultural
Communication and Methods
of Teaching Foreign Languages,

corresponding author

oazharina@sfsedu.ru

Marina V. Samofalova¹

orcid.org/0000-0002-5911-9810

PhD in Philology, Department
of Intercultural Communication
and Methods of Teaching
Foreign Languages

mvsamofalova@sfsedu.ru

Marina V. Bezzubikova²

orcid.org/0000-0001-8783-3037

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
mv55@yandex.ru

¹ Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

² Astrakhan Tatishchev
State University
(Astrakhan, Russia)

© Жарина О. А., Самофалова М. В., Беззубикова М. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы современности: процессу эвфемизации языка в англоязычном политическом дискурсе как средству реализации авторских интенций и способу формирования общественного мнения. Актуальность обусловлена возросшей значимостью политики в повседневной жизни обывателей. Целью работы является анализ эвфемизмов политического дискурса с позиций функционально-коммуникативного подхода. Одной из задач является определение их доминирующих функций. Материал исследования: онлайн-версии ведущих англоязычных газет («Reuters», «The Guardian», «The Washington Post», «The New York Times») за последние 5 лет. Уделяется внимание определению эвфемизма, его связи с концепциями языковой адекватности, социальных ролей и политической корректности. Представлены результаты сопоставительного анализа различных подходов к определению эвфемизма и его классификации. Предлагается авторская адаптация функциональной классификации эвфемизмов с учетом особенностей англоязычного политического дискурса, включающая эвфемизмы создания имиджа, толерантности, защиты и маскировки. Доказано, что доминирующими являются маскирующие и защитные эвфемизмы, а основными коммуникативными стратегиями выступают манипулирование общественным мнением и легитимизация определенных действий. Новизна исследования видится в выявлении тенденций использования эмоционально окрашенных терминов вместо нейтральных эвфемизмов.

Ключевые слова:

эвфемизм; политический дискурс; речевое воздействие; языковая адекватность; политическая корректность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the contemporary issue of euphemization within English-language political discourse as a means to achieve authorial intentions and shape public opinion. The relevance is underscored by the increasing significance of politics in everyday life. The aim of this study is to analyze euphemisms in political discourse from a functional-communicative perspective. One key objective is to identify their predominant functions. The data for analysis are drawn from online versions of leading English-language newspapers ("Reuters", "The Guardian", "The Washington Post", "The New York Times") over the past five years. Special attention is given to defining euphemism, its relationship with concepts such as linguistic appropriateness, social roles, and political correctness. Comparative analyses of various approaches to defining and classifying euphemisms are presented. An original adaptation of a functional classification of euphemisms tailored to the specifics of English-language political discourse is proposed, encompassing image-building, tolerance-promoting, protective, and concealing euphemisms. It has been demonstrated that masking and protective euphemisms dominate, while the primary communicative strategies involve manipulating public opinion and legitimizing certain actions. The novelty of this research lies in identifying trends toward using emotionally charged terms instead of neutral euphemisms.

Key words:

euphemism; political discourse; speech influence; linguistic appropriateness; political correctness

Эвфемизация англоязычного политического дискурса: функционально-коммуникативный подход

© Жарина О. А., Самофалова М. В., Беззубикова М. В., 2025

1. Введение = Introduction

Эвфемизмы представляют собой явление, заключающееся в косвенном обозначении нежелательных денотатов. В контексте политического дискурса такие инструменты снижения интенсивности высказываний играют значимую роль и применяются с целью ослабления восприятия неприятных фактов и / или вуалирования реального положения вещей.

Эвфемизм определяется как нейтральное слово или выражение, используемое вместо слова с таким же денотативным значением, но с негативной коннотацией [Лазаревич, 2014, с. 25]. Основным критерием эвфемизма является его способность заменять, скрывать или камуфлировать неприятные или нежелательные слова и выражения. Тем не менее при определении эвфемизмов как слов, заменяющих нежелательные лексические единицы, филологи не предоставляют четких критериев для отграничения эвфемизмов от неэвфемизмов.

Эвфемизация коррелирует с концепцией языковой адекватности, теорией социальных ролей и концепцией политической корректности.

Так, взаимосвязь с концепцией адекватности использования языка в различных типизированных коммуникативных ситуациях и с теорией социальных ролей, разработанной в рамках социолингвистики и социальной психологии, прослеживается в уместности применения тех или иных коммуникативных единиц при исполнении определенных социальных ролей. Под ролью понимаются различные формы общественного поведения индивида. Коммуникативная компетенция в контексте ролевых отношений включает в себя так называемые ролевые ожидания, когда коммуникант, под воздействием морально-этических, социальных, культурных норм поведения, не может прямо высказать всё, что хочет. В данной концепции эвфемистичность речи выступает индикатором уровня развития интеллекта

человека, сформированности его моральных качеств и шкалы ценностей, чувствительности к слову [Hussein, 2015].

Эвфемия тесно связана и с концепцией политической корректности, которая определяется как способ избежать форм выражения или действий, которые предположительно исключают, маргинализируют или оскорбляют группы людей, находящиеся в социально неблагоприятном положении или подвергающиеся дискриминации [Monashnenko, 2021, р. 49]. Однако основная проблема политической корректности заключается в ее слабой управляемости и часто субъективном характере. Политкорректная лексика регулируется только теми, кто обладает властью и поддержкой лояльной аудитории, что ведет к изменению понятия политической корректности с каждым изменением политической обстановки в обществе.

В современном политическом дискурсе СМИ выступают основным инструментом привлечения широкой аудитории. Политические деятели, стремясь создавать и распространять определенные выражения, должны учитывать жанровые особенности политической речи и ценностные ориентации аудитории, через которую они транслируют свои идеи.

В рамках анализа языковых практик в политическом дискурсе язык политической корректности представляет собой неформализованное, но влиятельное явление, оказывающее значительное воздействие на английский язык. Это социально-политическое изменение в языке способствует как упрощению восприятия информации в новостях и официальных сообщениях, так и увеличению вероятности камуфлирования важных аспектов при интерпретации событий. Политическая корректность имеет сходство с цензурой в том смысле, что оба явления ограничивают выражение мысли, однако в отличие от цензуры, контролируемой государственными структурами, политическая корректность опирается на текущую социальную повестку и ее реализацию в языке. Например, в контексте межнациональных, межэтнических и гендерных отношений наблюдается тенденция избегать обсуждения тем, касающихся национальных, этнических, сексуальных и экономических меньшинств или, в случае крайней необходимости, использовать общепринятые политически корректные эвфемизмы.

Эвфемизация языка в политическом дискурсе не только является маркером реализации вышеперечисленных концепций, но и выступает для СМИ средством передачи авторских интенций и способом формирования общественного мнения.

Актуальность исследования обусловлена возросшей значимостью СМИ в повседневной жизни и обычных граждан, и представителей политической элиты. Каждый из нас получает информацию о политических событиях из различных источников медиапространства, следовательно, мы

все попадаем под возможное воздействие завуалированных иносказаний смыслов.

Цель данной статьи состоит в анализе эвфемизмов политического дискурса в онлайн-версиях статей политической направленности ведущих англоязычных газет с позиций коммуникативно-функционального подхода. В частности, важно определить их доминирующие функции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Предметом анализа в исследовании выступают эвфемизмы, используемые в англоязычных политических статьях. Материалом исследования стали онлайн-версии таких авторитетных британских и американских газет, как «Reuters», «The Guardian», «The Washington Post» и «The New York Times», за последние 5 лет. Общий объем фактического материала составил 150 статей политической направленности, в которых методом сплошной выборки были отобраны 190 эвфемизмов для функционально-коммуникативного анализа.

Определение характеристик эвфемизма как лингвистического феномена проводилось с помощью методов дефиниционного анализа и анализа научной литературы. Для выявления завуалированных и замаскированных в сообщениях политиков языковых смыслов, а также определения функций эвфемизмов в анализируемых статьях нами применялся метод контекстуального и стилистического анализа. Выводы о доминирующих функциях эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе основаны на методе количественного подсчета.

Слово *эвфемизм* берет свое начало из греческого языка *euphemismos*, где *eupheteo* — «говорю вежливо», а *euphemia* — «хорошая речь; избегание некорректных слов» [БЭС, 2000, с. 591]. В современном языкознании эвфемизмы рассматриваются как заменители абсценной или вульгарной лексики [Дружинин и др., 2020, с. 25]; как слова-замены табуированным понятиям, связанным со страшными событиями в жизни человека [Селиванова, 2019, с. 157; Keyes, 2010, р. 10]; как аккуратное и мягкое определение объекта или явления взамен выражений, некорректных и неприемлемых с позиций нравственности [Рубина, 2011, с. 36; Катенева, 2013, с. 105, Rowson, 2003, р. 1]. С. Перес указывает на амбивалентность эвфемистических единиц и отмечает, что они не только приносят в высказывание элемент вежливости и такта, но и несут в себе риск искажения истины, препятствуют четкому формулированию позиции говорящего, позволяют скрывать реальное положение вещей [Perez, 2025].

В сфере межличностного общения эвфемизмы рассматриваются Ю. Цао как проявление прагматического принципа кооперации, ориен-

тированного на установление эффективной коммуникации посредством использования элегантных и социально приемлемых форм выражения. С точки зрения дискурсивной прагматики эвфемизмы, обусловленные потребностью в самозащите и поддержании позитивного имиджа, выступают средством реализации стратегии вуалирования табуированных тем [Cao, 2020, p. 1096].

Альтернативный взгляд на эвфемизмы предлагает Э. Креспо-Фернандес, изучая их как инструмент агрессии, используемый для дискредитации оппонентов и выражения неодобрения. В русле когнитивной лингвистики, развивающей идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона, эвфемизм предстает как ментальная репрезентация, способствующая конструированию, организации и интерпретации реальности [Crespo-Fernández, 2018, p. 790].

Г. Амаглобели подчеркивает манипулятивный потенциал эвфемизмов, рассматривая их как средство искажения восприятия действительности и достижения прагматических целей [Amaglobeli, 2024, p. 17]. А. М. Джерка, анализируя использование эвфемизмов в юридической практике, отмечает, что смягчение обсуждения деликатных тем может ослабить позиции обвинения и усилить защиту [Jerca, 2024]. К. Лукас исследует эвфемизмы в судебном дискурсе как форму закодированного языка, затрудняющую процесс принятия решений и нивелирующую ответственность обвиняемых [Lucas, 2014].

В рамках трихотомической классификации, предложенной К. Алланом [Allan et al., 2007], эвфемизмы противопоставляются дисфемизмам как литературные эквиваленты табуированной лексики, нейтрализующие непристойность, в то время как дисфемизмы маркированы как резкие и оскорбительные высказывания [BurrIDGE, 2017]. Но существуют определенные случаи коммуникации, когда употребление нейтральных или же чрезмерно вежливых эвфемизмов является нежелательным, при этом и дисфемизмы не могут решить коммуникативную проблему. Поэтому, чтобы заполнить данный пробел, К. Аллан предложил такой термин, как *ортофемизм* (греч. *ortho-* «правильный, прямой, нормальный»). Ортофемизмы являются альтернативами оскорбительным выражениям и, как и эвфемизмы, обычно предпочтительны в качестве нейтральных терминов. Примерами всех трех видов «фемистического» языка могут быть *pass away* (эвфемизм), *snuff it* (дисфемизм) и *die* (ортофемизм).

Ученые, в том числе Х. Джаганегара и И. Виджана, признают исследование функционирования эвфемизмов в политическом дискурсе актуальным направлением современной лингвистики, поскольку политическая коммуникация, по определению, сопряжена с потенциально конфликтными темами, неоднозначными интерпретациями и — нередко — преднаме-

ренным искажением информации. В связи с этим они определяют эвфемизмы как лингвистические инструменты, способствующие смягчению острых углов и снижению градуса полемики, оказывающие тем самым стабилизирующее воздействие на социум [Jaganegara et al., 2023, p. 2—4].

Анализ научной литературы позволяет констатировать факт многоаспектности использования эвфемизмов и выделить ряд доминирующих функций. Такие исследователи, как Э. Креспо Фернандез, К. Карам, Е. Михась, О. Шемшуренко, акцентируют внимание на функции маскировки и сокрытия информации как наиболее распространенной в политическом контексте [CrespoFernandez, 2013; Karam, 2011; Mihas, 2005; Shemshurenko et al., 2015]. Вторая по значимости функция — убеждение, реализуемая посредством вуалирования потенциально оскорбительных номинаций и контроля над распространением политически чувствительной информации [Zhao et al., 2010]. Ряд работ подчеркивает позитивную роль эвфемизмов как механизмов защиты общества от социальных потрясений и предотвращения дискриминации [Shemshurenko et al., 2015, p. 23]. Ю. Ван отмечает приоритетность таких функций, как смягчение, проявление вежливости, уклонение от прямого ответа, а также содействие сотрудничеству [Wang, 2024, p. 101].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эвфемизмы в политическом дискурсе: специфика, функционально-коммуникативная классификация

Эвфемизмы в политической речи возникают как реакция на страх перед возможными последствиями открытого выражения мнений. Их использование распространяется не только на вопросы, связанные с меньшинствами, но и на обсуждение таких тем, как война (*conflict* (конфликт) вместо *war* (война)), *modern weapons* (современное оружие) вместо *nuclear weapons* (ядерное оружие), *successful bombing effort* (успешная попытка нанесения ракетного удара) вместо *air strike* (ракетный удар)), здоровье (*the Invisible Enemy* (невидимый враг) вместо *Covid-19* (Ковид-19)), *illegal substances* (запрещенные вещества) вместо *drugs* (наркотики)), возраст (*seniors* (старшее поколение) вместо *old people* (старики)), профессии (*men and women in uniform* (мужчины и женщины в военной форме) вместо *a military man* (военный)), экономическое положение (*stable* (стабильный) вместо *slowgrowth* (медленно развивающийся); *low paid* (малооплачиваемый) вместо *poor* (бедный)) и другие чувствительные вопросы, при этом эвфемизм в политическом дискурсе может принимать форму не только отдельного слова, но и целой фразы.

Стилистический анализ выявляет, что политические эвфемизмы могут либо быть замаскированными под термины для нейтрализации негативных

явлений, либо принимать форму художественных, метафорических оборотов. Эвфемизмы являются двойственными лингвистическими единицами: они обозначают определенное понятие, одновременно скрывая его за другой лексической единицей с отличающимися семантическими оттенками. Примером такого обобщения негативных явлений может служить выражение *people with disadvantages* (люди с ограниченными возможностями), где слово *disadvantage* (недостаток) может быть интерпретировано как в этническом, так и в экономическом смысле, или *tension between police and protesters* (напряженность между полицией и протестующими), подразумевающее как полицейскую жестокость, так и мелкие провокации.

Эффективность использования эвфемизма в политическом контексте напрямую зависит от того, как реципиент интерпретирует передаваемый смысл и интенции отправителя информации. В зависимости от интенций автора на основе анализа фактического материала нами были выделены эвфемизмы создания имиджа, политкорректности и толерантности, защитные эвфемизмы и маскирующие. Данная классификация соотносится с исследованиями в области эвфемизмов К. Барриджа [Burridge, 2012], Х. М. Акрама [Akram, 2024] и является модификацией их концепции применительно к политическому дискурсу.

3.2. Эвфемизмы создания имиджа: стратегии самопрезентации и манипулирования общественным мнением

В политической речи эвфемизмы создания имиджа предназначены для сохранения репутации или смягчения критики.

Так, сохранить свою репутацию и объяснить причину ухода с поста главы аппарата премьер-министра Великобритании Сью Грей, которую обвинили в растратах и использовании служебного положения в личных интересах, помогает эвфемизм: *When Sue Gray resigned as the prime minister's chief of staff last week, she said it was because she "risked becoming a distraction to the government's vital work of change"* [Mitchell, 2024] (Когда на прошлой неделе Сью Грей подала в отставку с поста главы аппарата премьер-министра, она заявила, что это произошло из-за того, что она «рискует отвлечь внимание правительства от жизненно важной работы по проведению преобразований») (здесь и далее перевод наш. — О. Ж.). В своей речи Сью Грей заменяет слова с ярко выраженной негативной коннотацией *cronyism and embezzlement* (кумовство и растраты), обозначающие настоящую причину отставки, нейтральным словом *distraction* (отвлекающий фактор).

Эвфемизмы создания имиджа могут быть адресованы политическому оппоненту во время дебатов с целью сохранить репутацию у электората, не спровоцировать поклонников оппонента на агрессию, но также могут работать и как способ оказать поддержку коллеге, подвергнутому критике.

Так, во время предвыборной кампании ближайшие союзники Джо Байдена характеризовали его выступления на дебатах как *not best performance* (не самое лучшее), *not at peak performance* (не в лучшей своей форме): *Vice President Kamala Harris ... acknowledged that Biden was not at peak performance during the debate* [Levien, 2024] (Вице-президент Камала Харрис ... признала, что Байден был не в лучшей своей форме на дебатах). Данное выражение используется для описания крайне неудачного выступления Байдена на дебатах, при этом позволяет избежать прямых слов с негативной коннотацией (*failure* (провал), *disastrous performance* (ужасное выступление), *incoherent speech* (бессвязная речь)), которые использовали бы оппоненты. Подчеркивается, что это временный неудачный эпизод, а не симптом системной проблемы. Функция данного эвфемизма — ослабление негативного восприятия у аудитории и защита имиджа Байдена.

Использование эвфемизмов в политическом дискурсе оказывает значительное влияние на формирование политического имиджа. Прямолинейные политические фигуры, такие как Дональд Трамп, которые ограничивают применение эвфемистической лексики, воспринимаются общественностью как откровенные и решительные, однако они также подвергаются критике за недостаток такта. В то же время политики, часто прибегающие к использованию эвфемизмов, например, Джо Байден или Борис Джонсон, проявляют вежливость к оппонентам, но при этом рискуют быть обвиненными в неискренности и уклончивости.

Следовательно, применение эвфемизмов в политической риторике требует баланса и осторожности, при этом эвфемизмы анализируемой группы выполняют двойную функцию: с одной стороны, реализуют принципы сохранения и поддержания имиджа, а с другой — позволяют политику уклониться от высказывания реального отношения к объекту обсуждения.

3.3. Эвфемизмы толерантности и политкорректности: отражение социальной повестки

Эвфемизмы толерантности и политкорректности, выражающие солидарность с определенной социальной группой, как правило с меньшинствами, часто применяются в контекстах, где язык отражает социальные изменения в обществе и запрет на определенные языковые формы, связанные с любым видом дискриминации.

Самой распространённой группой являются эвфемизмы, связанные с обозначением людей различных рас.

Термин *people of colour / color* (расовые меньшинства) исторически вызывает споры, поскольку в 1960-х годах он использовался в другом синтаксическом порядке (*colored people*) для подчеркивания расового разделения и выражения превосходства белых. Однако в современном контексте этот

эвфемизм приобрел популярность на фоне возрастающего значения концепции *diversity* (разнообразие), которая подразумевает уникальность и различия каждой этнической группы, представленной в обществе. Несмотря на то, что понятие *people of color* (расовые меньшинства) объединяет различные этнические группы в одну категорию, оно остается широко используемым в англоязычном политическом дискурсе: *Racial caste in the United States makes all people of color vulnerable to assaults, diminution and violence at the hands of white supremacy* [Joseph, 2021] (В США расовые различия делают расовые меньшинства уязвимыми для нападок, унижения и насилия со стороны белого населения). В контексте последнего примера также обращает на себя внимание слово *vulnerable* (уязвимые социальные группы), которое ассоциируется с меньшинствами, включая расовые. Термин *vulnerable* может охватывать широкий спектр понятий, таких как *oppressed* (угнетенные), *suffering* (страдающие), *helpless* (беспомощные), *exploited* (эксплуатируемые). Этот эвфемизм обычно используется для описания групп, которые недостаточно защищены законодательством или даже подавлены им. Несмотря на то, что данная эвфемистическая замена считается политкорректной, она может иметь обратный эффект. За ней могут скрываться различные явления, поскольку само слово не указывает на конкретную причину уязвимости группы. Таким образом, такой эвфемизм делает акцент на эмоциональной составляющей сообщения, но может отвлекать внимание от фактов.

Эвфемизмом к слову *discrimination* (дискриминация) в современном политическом дискурсе выступает словосочетание *racial disadvantage* (невыгодное расовое положение), которое синонимично и взаимозаменяемо с *racial inequality* (расовое неравенство) в данном контексте: *BME people in England still facing racial inequality, report says* [Parveen, 2021] (Представители этнических меньшинств в Англии по-прежнему сталкиваются с расовым неравенством, как сообщается в докладе). Стоит также отметить, что существование эвфемизмов *racial disadvantage* (невыгодное расовое положение) и *racial inequality* (расовое неравенство) не уменьшает количества употреблений слова *discrimination* (дискриминация), а также не препятствует его одновременному использованию со словами-заменителями в политических статьях: ... *marshaling statistics to puncture what they call popular myths about racial discrimination in British society. Racial disadvantage "is real but not generally caused by white racism," the author David Goodhart wrote in an essay for his think tank* [Landler, 2021] (... прибегают к статистике, чтобы опровергнуть популярные мифы о расовой дискриминации в британском обществе. ... Расовое неравенство «реально, но, как правило, не вызвано белым расизмом», — пишет автор Дэвид Гудхарт в эссе для своего аналитического центра).

Кроме того, возникает вопрос о политической корректности использования термина *disadvantage* в отношении дискриминируемых социальных групп. В 1980—1990-е годы этот термин чаще всего применялся к лицам с инвалидностью, а в начале 2010-х он стал общеупотребительным в отношении групп с неустойчивым социально-экономическим положением и этнических меньшинств: *Government presumption of racial disadvantage under siege by White plaintiffs* [Mark, 2023] (Утверждение правительства о расовом неблагополучии подвергается нападкам со стороны представителей белой расы); *Socially disadvantaged people are defined as those who have been subjected to prejudice because of their identity, while economically disadvantaged people are those whose identity has impaired their capital and credit opportunities* [Mark, 2023] (К социально неблагополучным людям относятся те, кто подвергался предрассудкам из-за своей самоидентификации, а к экономически неблагополучным людям — те, чья принадлежность к той или иной группе населения препятствует получению ими денежных средств и кредитов).

Таким образом, эвфемизм *disadvantaged people* (уязвимые слои населения) обладает неопределенностью, поскольку он теперь применяется ко всем актуальным формам социального неравенства, что затрудняет точное определение проблемы, на которую автор хочет обратить внимание: связана ли эта проблема с дискриминацией по расе, здоровью, полу и гендеру или же с социальным и экономическим положением, что может вводить в заблуждение и отвлекать читателя от основной идеи, поэтому политиками и журналистами применяются дополнительные лексические средства для уточнения его значения.

В свете современной социальной повестки в политическом дискурсе англоязычных СМИ анализ фактического материала позволил выделить следующие одобренные обществом эвфемизмы для обозначения людей разных этнических групп: *Black Americans / Black people / African-Americans / African Americans* (темнокожие американцы), *Asian people / Asian-Americans / Asian Americans* (американцы азиатского происхождения), *Pacific Islanders* (выходцы из стран Тихоокеанского региона), *Native Americans* (индейцы), *Hispanics / Latinos* (выходцы из стран Латинской Америки).

Для обозначения малоимущих слоев населения в политическом дискурсе политкорректным считается употребление прилагательного *low-income* (с маленьким доходом) вместо слова с негативной коннотацией *poor* (бедный): *Biden announces new fund to help low-income housing get climate upgrades* [Joselow, 2023] (Байден объявил о создании нового фонда, который поможет малообеспеченным владельцам жилья модернизировать его для борьбы с климатическими угрозами).

В отношении людей с ограниченными возможностями предпочтительными являются такие слова, как *disabled* и *people / persons with disabilities* (с ограниченными возможностями), которые соответствуют законодательно защищенным терминам и не романтизируют или стигматизируют социальную группу в отличие от устаревающего эвфемизма *with physical challenges* (с физическими проблемами): *People with disabilities are most at risk and last to be looked for in disasters like earthquakes and floods* [Johnson, 2023] (Люди с ограниченными возможностями подвергаются наибольшему риску, и их ищут в последнюю очередь во время таких стихийных бедствий, как землетрясения и наводнения).

Анализ эвфемизмов, реализующих принципы политкорректности и толерантности, показал, что они часто имеют сложную структуру, отличаются широкой семантической неопределённостью, так как для маскировки негативных аспектов применяются слова с расплывчатым значением, что позволяет избежать прямого упоминания табуированных тем и снизить эмоциональную нагрузку. Эвфемизмы этой группы выполняют смягчающую, манипулятивную и социально-регулятивную функции, обеспечивая тактичную коммуникацию.

3.4. Защитные и маскирующие эвфемизмы: сокрытие информации и манипулирование восприятием реальности

Защитные и маскирующие эвфемизмы действуют как щит от табуированных тем, связанных со смертью или другими естественными человеческими процессами, предназначены для вуалирования информации, искажения смысла, влияния на общественное мнение, призваны вводить реципиента в заблуждение: *Wage gains moderated to a pace that economists saw as more consistent with long-term gains* [Siegel, 2023] (Темпы роста заработной платы снизились до уровня, который, по мнению экономистов, более соответствует долгосрочному росту). Высокий уровень инфляции, экономический кризис, несоответствие зарплат и критика Белого дома со стороны простых обывателей маскируются журналистом эвфемизмом *long-term gains* (долгосрочный рост), что создает у читателя позитивную оценку экономической ситуации, искажает реальную ситуацию, имплицитно навязывая мнение о том, что в конечном итоге всех ожидает прибыль.

В следующем примере описывается перемещение депортированного из США гражданина Кильмара Абrego Гарсии из тюрьмы строгого режима Cecot, известной массовыми нарушениями прав заключённых, в другое учреждение содержания: ... *Van Hollen said Ábrego García told the senator that he had been moved from Cecot — where he was sharing a cell with 25 other prisoners — to a detention center with better conditions* [Helmore, 2025]

(Ван Холлен сказал, что Абрего Гарсия сообщил сенатору, что его перевели из тюрьмы Сесот — где он делил камеру с 25 другими заключенными — в центр содержания под стражей с лучшими условиями). Вместо термина *prison* (тюрьма), несущего выраженную негативную коннотацию, используется более нейтральное *detention center*, а оценочное уточнение *with better conditions* выполняет смягчающую и легитимизирующую функцию, формируя образ улучшения ситуации, несмотря на продолжающееся незаконное лишение свободы. Такой эвфемизм позволяет не называть происходящее прямыми юридическими терминами, такими как «незаконное задержание» или «удержание без судебного разбирательства», и тем самым маскирует продолжающееся нарушение прав человека.

На основе проведенного анализа можно заключить, что эвфемизация является ключевой стратегией в политическом дискурсе, особенно в англоязычной политической коммуникации, где она подкреплена значительным влиянием политической корректности, речевой толерантности и общественного климата в западных странах. Эвфемизмы, связанные с войной, дискриминацией и политикой, являются наиболее распространенными в англоязычной прессе, что подчеркивает важность их изучения в контексте политического дискурса.

3.5. Функционально-коммуникативный анализ эвфемизмов англоязычного политического дискурса

Методом сплошной выборки из англоязычных статей политической направленности нами были отобраны 190 эвфемизмов. Последующий функционально-коммуникативный анализ включал в себя следующие аспекты: количественное распределение эвфемизмов в соответствии с интенциями автора, функциональный анализ каждой категории и выявление доминирующих коммуникативных стратегий.

Сравнение количественных показателей позволяет говорить о преобладании маскирующих (32 %) и защитных (28 %) эвфемизмов, в то время как эвфемизмы политкорректности / толерантности (21 %) и создания имиджа (19 %) представлены в меньшем объеме (рис. 1).

Такое соотношение напрямую обусловлено ключевыми политическими и социальными темами, доминирующими в дискурсе англоязычных СМИ за последние 5 лет. Геополитические противостояния объясняют активное использование защитных эвфемизмов для смягчения негативных последствий, а маскирующие эвфемизмы в этой сфере позволяют представлять действия государств в более выгодном свете, скрывая потери и неудачи. Значительная доля эвфемизмов политкорректности / толерантности является результатом движений за социальную справедливость (Black Lives Matter, MeToo), привлекающих внимание к вопросам расовой и ген-

Рис. 1. Количественное распределение эвфемизмов в соответствии с интенцией автора

дерной дискриминации, социальной инклюзивности и представленности меньшинств. При этом в обеих странах наблюдается тенденция к усилению контроля над онлайн-контентом и борьба с языком ненависти в социальных сетях. Использование эвфемизмов, смягчающих негативные высказывания, становится способом избежать обвинений в дискриминации и цензуры. Эвфемизмы создания имиджа хотя и представлены в меньшей степени, решают задачу поддержания положительного имиджа в условиях политической поляризации и медийной конкуренции.

Анализ фактического материала также позволил выделить доминирующие коммуникативные стратегии в использовании эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе (рис. 2): эвфемизмы политкорректности / толерантности направлены на смягчение потенциально конфликтных ситуаций, маскирующие эвфемизмы ориентированы на создание иллюзии единства и согласия, даже если на самом деле существуют серьезные разногласия, эвфемизмы создания имиджа и маскирующие эвфемизмы используются для формирования определенного восприятия реальности и продвижения политической повестки, а также сохранения репутации, защитные эвфемизмы служат легитимизации определенных (часто порицаемых общественностью) действий.

Как видно из диаграммы (рис. 2), манипулирование общественным мнением (30 %) доминирует, поскольку именно эта стратегия часто является конечной целью использования эвфемизмов. Высокий процент составляет стратегия легитимизации действий (23 %), так как любые действия (особенно непопулярные) требуют объяснения и оправдания, что часто достигается с помощью эвфемизмов. Поддержание консенсуса (17 %) — важная стратегия, особенно в условиях политической поляризации, но часто уступает манипулированию и легитимизации. Такие стратегии, как стремление избежать конфликтов (16 %) и сохранение репутации (14 %),

Рис. 2. Доминирующие коммуникативные стратегии в использовании эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе

часто являются вспомогательными и подчинены более глобальным целям — формированию общественного мнения и оправданию действий.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование подтверждает, что эвфемизмы играют значимую роль в современном англоязычном политическом дискурсе. Анализ фактического материала, представленного в онлайн-версиях авторитетных британских и американских газет, выявил многоаспектность использования эвфемизмов, продемонстрировав их сложное взаимодействие с концепциями языковой адекватности, социальных ролей и политической корректности.

Результаты исследования показали, что эвфемизмы в политической речи возникают как реакция на страх перед возможными последствиями открытого выражения мнений и используются для смягчения восприятия неприятных фактов, вуалирования реального положения вещей и формирования определенного имиджа.

Стоит отметить, что в рамках политической корректности и толерантности в англоязычном политическом дискурсе эвфемистические языковые конструкции применяются для демонстрации уважения и включения, что важно при обсуждении групп, подвергающихся дискриминации. Однако современные тенденции в использовании эвфемизмов указывают на проблему их замены не нейтральными, а эмоционально окрашенными терминами, которые содержат как положительные, так и отрицательные коннотации, что может привести к идеализации определённых явлений вместо их нейтрального представления или же вызвать споры из-за исторических и коннотативных различий, делая их неэффективными в достижении своих целей.

Эвфемизмы, используемые для выражения толерантности, требуют от говорящего высокой степени чувствительности, образованности и осторож-

ности. В контексте современного англоязычного общества, склонного к протестам и легко провоцируемого на агрессивные реакции, рекомендуется использовать только хорошо известные и устоявшиеся фразы и термины.

Неконтролируемое появление новых эвфемизмов часто встречает неодобрение даже со стороны тех сообществ, которые они предполагают описывать, что подчёркивает необходимость более тщательного подхода к их использованию и внедрению в языковую практику. Их использование тесно связано с непрямыми ответами на вопросы, уклонением от ответственности, удовлетворением требований аудитории по всему спектру, а также не прямой критикой политического оппонента, если таковой существует. Использование эвфемизмов свидетельствует о высокой осторожности говорящего, умении маневрировать и сохранять спокойствие во время обсуждения острых тем.

Политики, не способные применять эти средства, могут столкнуться с большим осуждением со стороны аудитории, из-за чего появляется вероятность потерять свой авторитет у электората, что приведет к провалу в выполнении главной цели политической речи — оказании влияния.

Таким образом, исследование демонстрирует, что, несмотря на традиционную функцию смягчения, в политическом контексте эвфемизмы в первую очередь служат инструментом манипулирования восприятием реальности и формирования общественного мнения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БЭС — *Большой энциклопедический словарь*. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 2000. — 685 с. — ISBN 5-85270-160-2.
2. *Abraham A.* 'It's been a total witch-hunt. It takes its toll': the LGBTQ+ families fleeing red states [Electronic resource] / A. Abraham // The Guardian. — 2023. — Access mode : <https://www.theguardian.com/world/2023/jun/06/lgbtq-rights-trans-gay-texas-florida-north-carolina> (accessed 19.07.2025).
3. *Helmores E.* Wife of Kilmar Ábrego García speaks as White House defiant over US return [Electronic resource] / E. Helmore, L. Chao-Fong // The Guardian. — 2025. — Access mode : <https://www.theguardian.com/us-news/2025/apr/18/kilmar-abrego-garcia-wife-interview> (accessed 19.07.2025).
4. *Johnson S.* Disabled people are 'lost and excluded' when disasters hit, says UN advocate [Electronic resource] / S. Johnson // The Guardian. — 2023. — Access mode : <https://www.theguardian.com/global-development/2023/mar/28/disabled-people-are-lost-and-excluded-when-disasters-hit-says-un-advocate> (accessed 19.07.2025).

5. *Joselow M.* Biden announces new fund to help low-income housing get climate upgrades [Electronic resource] / M. Joselow // The Washington Post. — 2023. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/climate-solutions/2023/05/11/hud-climate-housing-program> (accessed 19.07.2025).

6. *Joseph P. E.* A convergence of racial reckoning for Black and Asian Americans [Electronic resource] / P. E. Joseph // The Washington Post. — 2021. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/nation/2021/03/24/convergence-racial-reckoning-black-asian-americans> (accessed 19.07.2025).

7. *Landler M.* Upbeat Official Report on Race in Britain Draws a Swift Backlash [Electronic resource] / J. Mark // The New York Times. — 2021. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2021/03/31/world/europe/britain-racism.html> (accessed 19.07.2025).

8. *Levien S.* Trump-Biden debate [Electronic resource] / S. Levien // The New York Times. — 2024. — Access mode : <https://www.nytimes.com/live/2024/06/28/us/trump-biden-debate/6a92647d-c2d4-55fd-b6da-b450bf15cb02?smid=url-share> (accessed 19.07.2025).

9. *Mark J.* Government presumption of racial disadvantage under siege by White plaintiffs [Electronic resource] / J. Mark // The Guardian. — 2023. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/business/2023/12/18/minority-business-programs-racial-disadvantage> (accessed 19.07.2025).

10. *Mitchell D.* What went wrong with Starmer's Gray matter? [Electronic resource] / D. Mitchell // The Guardian. — 2024. — Access mode : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/oct/13/sue-gray-keir-starmer-david-mitchell> (accessed 19.07.2025).

11. *Parveen N.* BME people in England still facing racial inequality, report says [Electronic resource] / N. Parveen // The Guardian. — 2021. — Access mode : <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/14/bme-people-in-england-still-facing-racial-inequality-report-says> (accessed 19.07.2025).

12. *Siegel R.* Everyone expected a recession. The Fed and White House found a way out [Electronic resource] / R. Siegel, J. Stein // The Washington Post. — 2023. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/business/2023/12/18/recession-economy-inflation> (accessed 19.07.2025).

Литература

1. *Дружинин А. С.* Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему / А. С. Дружинин, Т. А. Фомина, О. Г. Поляков // Язык и культура. — 2020. — № 50. — С. 23—40. — DOI 10.17223/19996195/50/3.

2. *Катенева И. Г.* Манипулятивный потенциал эвфемизмов и дисфемизмов на страницах современных периодических изданий / И. Г. Катенева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2013. — Т. 12, № 6. — С. 105—110.

3. *Лазаревич Е. М.* Употребление эвфемизмов с функцией политкорректности в публицистических текстах (на материале английского языка) / Е. М. Лазаревич // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 378. — С. 25—29.

4. *Рубина В. К.* «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке / В. К. Рубина // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2011. — № 4. — С. 35—41.

5. *Селиванова И. В.* Эвфемизмы как отражение социально-экономических проблем современного испанского общества (на материале прессы) / И. В. Селиванова // Вестник

Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 4. — С. 156—162.

6. *Allan K. Forbidden Words : Taboo and the Censoring of Language / K. Allan, K. Burridge.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — 303 p. — ISBN 978-0-521-52564-0.

7. *Amaglobeli G. Deception and euphemisms as a linguistic strategy in the context of (political) discourse / G. Amaglobeli // Journal of Social Sciences.* — 2024. — № 9. — Pp. 13—18. — DOI: 10.31578/jss.v9i1.151.

8. *Battistella E. Bad Language : Are Some Words Better Than Others? / E. Battistella.* — New York : Oxford University Press, 2005. — 230 p.

9. *Burridge K. Euphemism and language change : The sixth and seventh ages / K. Burridge // Lexis : Journal in English Lexicology.* — 2012. — № 7. — Pp. 65—92. — DOI: 10.4000/lexis.355.

10. *Cao Y. Analysis of pragmatic functions of English euphemism from the perspective of pragmatic principles / Y. Cao // Theory and Practice in Language Studies.* — 2020. — Vol. 10. — № 9. — Pp. 1094—1100. — DOI:10.17507/tpls.1009.12.

11. *Crespo-Fernández E. Euphemism as a discursive strategy in US local and state politics / E. Crespo-Fernández // Journal of Language and Politics.* — 2018. — Vol. 17. — № 6. — Pp. 789—811. — DOI: 10.1075/jlp.17040.cre.

12. *Hussein B. A.-S. John Rupert Firth's Model of Linguistics : a Critical Study / B. A.-S. Hussein // International Journal of English Language and Literature Studies.* — 2021. — № 5(1). — Pp. 66—71. — DOI: 10.18488/journal.23/2016.5.1/23.1.66.71.

13. *Jaganegara H. Euphemism roles as a disguise tool in political texts : a case study of Tempo online political articles / H. Jaganegara, I. D. P. Wijana // Jurnal Bahasa, Sastra, Dan Budaya.* — 2023. — № 5(1). — Pp. 1—19. — DOI: 10.15642/suluk.2023.5.1.1-19.

14. *Jerca A.-M. Avoiding Discomfort, Implying Consent : The Role of Euphemism in Establishing Evidence of Sexual Violence at the International Criminal Court / A.-M. Jerca // International Journal for the Semiotics of Law — Revue Internationale de Sémiotique Juridique.* — 2024. — Vol. 37. — № 2. — Pp. 429—447. — DOI: 10.1007/s11196-023-10028-9.

15. *Keyes R. Euphemania : Our Love Affair with Euphemisms / R. Keyes.* — New York : Little, Brown and Company, 2010. — 256 p. — ISBN 978-0316056564.

16. *Karam S. Truths and Euphemisms : How Euphemisms Are Used in the Political Arena / S. Karam // The Southeast Asian Journal of English Language Studies.* — 2011. — Vol. 17. — № 1. — Pp. 5—17.

17. *Mihás E. Non-Literal Language in Political Discourse / E. Mihás // LSO Working papers in Linguistics 5 : Proceedings of WIGL 2005.* — Milwaukee : University of Wisconsin-Milwaukee, 2005. — Pp. 124—139.

18. *Monashnenko A. The Phenomenon of Political Correctness in Modern English / A. Monashnenko, S. Amelina, V. Shynkaruk // Proceedings of the International Conference on New Trends in Languages, Literature and Social Communications (ICNTLLSC 2021).* — 2021. — V. 557. — Pp. 149—157. — DOI: 10.2991/assehr.k.210525.019.

19. *Perez C. Euphemisms and Political Correctness. LIBRI / C. Perez // Linguistic and Literary Broad Research and Innovation.* — 2024. — Vol. 13. — № 1. — Pp. 81—89. — DOI: 10.70594/libri/13.1/1.

20. *Rawson H. Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk : Being a compilation of linguistic fig leaves and verbal flourishes for artful users of the English language / H. Rawson.* — New York : Crown Publishers, 1995. — 312 p. — ISBN 978-0356091754.

21. *Shemshurenko O.* Politically Correct Euphemisms in Mass Media (Based on American and Turkish Online Periodicals of the Beginning of the 21 st Century) / O. Shemshurenko, L. S. Shafigullina // *Journal of Sustainable Development*. — 2015. — Vol. 8. — № 5. — Pp. 128—138. — DOI: 10.5539/jsd.v8n5p128.

22. *Wang Y.* The Avoidance and Disguising Functions of English Euphemisms-Examples from American Political Language / Y. Wang // *Communications in Humanities Research Communications in Humanities Research*. — 2024. — Vol. 24. — № 1. — Pp. 100—106. — DOI: 10.54254/2753-7064/24/20231531.

23. *Zhao X.* Study on the Features of English Political Euphemism and its Social Functions / X. Zhao, J. Dong // *English Language Teaching*. — 2010 — Vol. 3. — № 1. — Pp. 34—41. — DOI: 10.5539/elt.v3n1p118.

*Статья поступила в редакцию 29.07.2025,
одобрена после рецензирования 14.11.2025,
подготовлена к публикации 18.12.2025.*

Material resources

Abraham, A. (2023). ‘It’s been a total witch-hunt. It takes its toll’: the LGBTQ+ families fleeing red states. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2023/jun/06/lgbtq-rights-trans-gay-texas-florida-north-carolina> (accessed 19.07.2025).

BES — *Is a large encyclopedic dictionary*. (2000). Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 685 p. ISBN 5-85270-160-2. (In Russ.).

Helmores, E., Chao-Fong, L. (2025). Wife of Kilmar Ábrege García speaks as White House defiant over US return. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/apr/18/kilmar-abrego-garcia-wife-interview> (accessed 19.07.2025).

Johnson, S. (2023). Disabled people are ‘lost and excluded’ when disasters hit, says UN advocate. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2023/mar/28/disabled-people-are-lost-and-excluded-when-disasters-hit-says-un-advocate> (accessed 19.07.2025).

Joselow, M. (2023). Biden announces new fund to help low-income housing get climate upgrades. *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/climate-solutions/2023/05/11/hud-climate-housing-program> (accessed 19.07.2025).

Joseph, P. E. (2021). A convergence of racial reckoning for Black and Asian Americans. *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/nation/2021/03/24/convergence-racial-reckoning-black-asian-americans> (accessed 19.07.2025).

Landler, M., Mark, J. (2021). Upbeat Official Report on Race in Britain Draws a Swift Backlash. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/03/31/world/europe/britain-racism.html> (accessed 19.07.2025).

Levien, S. (2024). Trump-Biden debate. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/live/2024/06/28/us/trump-biden-debate/6a92647d-c2d4-55fd-b6da-b450bf15cb02?smid=url-share> (accessed 19.07.2025).

Mark, J. (2023). Government presumption of racial disadvantage under siege by White plaintiffs. *The Guardian*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/business/2023/12/18/minority-business-programs-racial-disadvantage> (accessed 19.07.2025).

- Mitchell, D. (2024). What went wrong with Starmer's Gray matter? *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/oct/13/sue-gray-keir-starm-er-david-mitchell> (accessed 19.07.2025).
- Parveen, N. (2021). BME people in England still facing racial inequality, report says. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/14/bme-people-in-england-still-facing-racial-inequality-report-says> (accessed 19.07.2025).
- Siegel, R., Stein, J. (2023). Everyone expected a recession. The Fed and White House found a way out. *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/business/2023/12/18/recession-economy-inflation> (accessed 19.07.2025).

References

- Allan, K., Burridge, K. (2006). *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press. 303 p. ISBN 978-0-521-52564-0.
- Amaglobeli, G. (2024). Deception and euphemisms as a linguistic strategy in the context of (political) discourse. *Journal of Social Sciences*, 9: 13—18. DOI: 10.31578/jss.v9i1.151.
- Battistella, E. (2005). *Bad Language: Are Some Words Better Than Others?* New York: Oxford University Press. 230 p.
- Burridge, K. (2012). Euphemism and language change: The sixth and seventh ages. *Lexis: Journal in English Lexicology*, 7: 65—92. DOI: 10.4000/lexis.355.
- Cao, Y. (2020). Analysis of pragmatic functions of English euphemism from the perspective of pragmatic principles. *Theory and Practice in Language Studies*, 10 (9): 1094—1100. DOI:10.17507/tpls.1009.12.
- Crespo-Fernández, E. (2018). Euphemism as a discursive strategy in US local and state politics. *Journal of Language and Politics*, 17 (6): 789—811. DOI: 10.1075/jlp.17040.cre.
- Druzhinin, A. S., Fomina, N. F., Polyakov, O. G. (2020). Euphemisms, dysphemisms, orthophemisms and experiential context: a holistic view on the linguistic problem. *Language and Culture*, 50: 23—40. DOI: 10.17223/19996195/50/3. (In Russ.).
- Hussein, B. A.-S. (2021). John Rupert Firth's Model of Linguistics: a Critical Study. *International Journal of English Language and Literature Studies*, 5 (1): 66—71. DOI: 10.18488/journal.23/2016.5.1/23.1.66.71.
- Jaganegara, H., Wijana, I. D. P. (2023). Euphemism roles as a disguise tool in political texts: a case study of Tempo online political articles. *Jurnal Bahasa, Sastra, Dan Budaya*, 5 (1): 1—19. DOI: 10.15642/suluk.2023.5.1.1-19.
- Jerca, A.-M. (2024). Avoiding Discomfort, Implying Consent: The Role of Euphemism in Establishing Evidence of Sexual Violence at the International Criminal Court. *International Journal for the Semiotics of Law — Revue Internationale de Sémiotique Juridique*, 37 (2): 429—447. DOI: 10.1007/s11196-023-10028-9.
- Karam, S. (2011). Truths and Euphemisms: How Euphemisms Are Used in the Political Arena. *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 17 (1): 5—17.
- Kateneva, I. G. (2013). Manipulative potential of euphemisms and dysphemisms in modern periodic editions. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 12 (6): 105—110. (In Russ.).
- Keyes, R. (2010). *Euphemania: Our Love Affair with Euphemisms*. New York: Little, Brown and Company. 256 p. ISBN 978-0316056564.
- Lazarevich, Ye. M. (2014). Usage of euphemisms with the function of political correctness in publicistic articles (on the English language material). *Tomsk State University Journal*, 378: 25—29. (In Russ.).

- Mihas, E. (2005). Non-Literal Language in Political Discourse. In: *LSO Working papers in Linguistics 5: Proceedings of WIGL 2005*. Milwaukee: University of Wisconsin-Milwaukee. 124—139.
- Monashnenko, A., Amelina, S., Shynkaruk, V. (2021). The Phenomenon of Political Correctness in Modern English. *Proceedings of the International Conference on New Trends in Languages, Literature and Social Communications (ICNTLLSC 2021)*, 557: 149—157. DOI: 10.2991/assehr.k.210525.019.
- Perez, C. (2024). Euphemisms and Political Correctness. *LiBRI. Linguistic and Literary Broad Research and Innovation*, 13 (1): 81—89. DOI: 10.70594/libri/13.1/1/.
- Rawson, H. (1995). *Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk: Being a compilation of linguistic fig leaves and verbal flourishes for artful users of the English language*. New York: Crown Publishers. 312 p. ISBN 978-0356091754.
- Rubina, N. B. (2011). Euphemism and political correctness in contemporary English. *Russian Journal of Linguistics*, 4: 35—41. (In Russ.).
- Selivanova, I. V. (2019). Euphemisms as a reflection of the social and economic problems of modern Spanish society (a case study of the Spanish press). *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4: 156—162. (In Russ.).
- Shemshurenko, O., Shafigullina, L. S. (2015). Politically Correct Euphemisms in Mass Media (Based on American and Turkish Online Periodicals of the Beginning of the 21 st Century). *Journal of Sustainable Development*, 8 (5): 128—138. DOI: 10.5539/jsd.v8n5p128.
- Wang, Y. (2024). The Avoidance and Disguising Functions of English Euphemisms-Examples from American Political Language. *Communications in Humanities Research Communications in Humanities Research*, 24 (1): 100—106. DOI: 10.54254/2753-7064/24/20231531.
- Zhao, X., Dong, J. (2010). Study on the Features of English Political Euphemism and its Social Functions. *English Language Teaching*, 3 (1): 34—41. DOI: 10.5539/elt.v3n1p118.

*The article was submitted 29.07.2025;
approved after reviewing 14.11.2025;
accepted for publication 18.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Иванов В. В. Ошибки в языковом ландшафте города Улан-Удэ / В. В. Иванов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 74—102. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-74-102.

Ivanov, V. V. (2025). Errors in Linguistic Landscape of Ulan-Ude. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 74-102. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-74-102. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Ошибки в языковом ландшафте города Улан-Удэ

Иванов Вячеслав Валерьевич

orcid.org/0000-0003-0756-0820

младший научный сотрудник,
Научный центр по сохранению,
возрождению и документации
языков России
vvivanov@iling-ran.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-00590 «Языковые ландшафты
Улан-Удэ и Улан-Батора
как зеркало языковой политики
и отношения к языкам»,
<https://rscf.ru/project/24-28-00590/>

Errors in Linguistic Landscape of Ulan-Ude

Viacheslav V. Ivanov

orcid.org/0000-0003-0756-0820

Junior research scientist,
Scientific Center for the Preservation,
Revival and Documentation
of the Russian
vvivanov@iling-ran.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-00590
“The linguistic landscapes
of Ulan-Ude and Ulan-Baatar
as a mirror of language policy
and language attitudes”,
<https://rscf.ru/project/24-28-00590/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются ошибки в текстах на бурятском и русском языках в языковом ландшафте города Улан-Удэ, (столицы Республики Бурятия), а также причины их возникновения. Материалом для исследования послужили 94 вывески на рассматриваемых языках, которые были выделены из выборки в более чем 3000 вывесок. Посредством эрратологического анализа, примененного при исследовании языкового ландшафта, было показано, что в языковом ландшафте города Улан-Удэ встречаются орфографические, графические, морфологические, синтаксические и лексические ошибки. Установлено, что в надписях на бурятском языке встречаются все перечисленные категории ошибок, в то время как в надписях на русском только лексические. Автор комментирует причины возникновения ошибок в материале на бурятском языке: технические ограничения, слабая стандартизованность бурятского языка в отдельных сферах и недостаточная подготовленность переводческих кадров. Отмечается, что в надписях на русском языке ошибки возникают по причине недостаточного контроля над изготовлением и размещением вывесок. В целом анализ показал и подтвердил факт неравенства между двумя государственными языками Республики Бурятия, которое имеет следствием преобладание ошибок на бурятоязычных вывесках в сравнении с вывесками на русском языке.

Ключевые слова:

переводческая ошибка; языковой ландшафт; эрратология; русский язык; бурятский язык; Бурятия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper examines errors in Buryat and Russian texts within the linguistic landscape of Ulan-Ude, the capital of the Republic of Buryatia, and investigates the underlying causes for their occurrence. The research material comprises 94 public signs in the two languages, identified from a larger sample of over 3,000 signs. Through an erratological analysis applied to the study of linguistic landscape, the study demonstrates the presence of orthographic, graphic, morphological, syntactic, and lexical errors. The findings indicate that signs in the Buryat language contain errors across all these categories, whereas errors on Russian-language signs are exclusively lexical. The author discusses the factors contributing to the prevalence of errors in Buryat-language material, which include technical constraints, the relatively under-standardized status of the Buryat language in certain domains, and a lack of qualified translators. Errors in Russian-language texts are attributed to insufficient quality control in the production and installation of public signage. Overall, the analysis reveals and corroborates a disparity between the two official languages of the Republic of Buryatia, resulting in a significantly higher incidence of errors on Buryat-language signs compared to their Russian-language counterparts.

Key words:

translation error; linguistic landscape; erratology; Russian language; Buryat language; Buryatia.

УДК 811.512.31'271.14:655.3.026.24

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-74-102

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Ошибки в языковом ландшафте города Улан-Удэ

© Иванов В. В., 2025

1. Введение = Introduction

Языковой ландшафт (ЯЛ) служит комплексным инструментом для изучения городского многоязычия. За последние годы данная область знания существенно расширилась и продолжает развиваться в самых разных направлениях. В настоящее время продолжается активный поиск методологии проведения таких исследований, которые теперь сконцентрированы не только на фактической констатации и описании языковой ситуации на территории городской агломерации, но на более глубоком осмыслении социальных и экономических процессов, происходящих в обществе и отражающихся через призму языка в городском ЯЛ. Особое внимание уделяется категориям субъектности и агентивности, которые являются основными двигателями процессов, наблюдаемых в ЯЛ.

Поскольку языковой ландшафт формируется в результате целенаправленной деятельности акторов (людей и / или групп людей), на каждом этапе его производства — от создания текста на том или ином языке до монтажа носителя (изготовления конечной вывески или указателя) — существует вероятность внесения ошибок. Подобные нарушения, обусловленные человеческим фактором, могут длительное время сохраняться в городском пространстве.

Если ошибка не была обнаружена и устранена в процессе производства и установки вывески, она становится элементом публичной сферы. В этом случае возможны различные сценарии: либо ошибка будет идентифицирована наблюдателями, что может инициировать запрос на её коррекцию уполномоченным агентам, либо останется незамеченной, либо окажется распознанной, но проигнорированной (носители языка могут не предпринять никаких действий), что приводит к её дальнейшему закреплению в языковом ландшафте.

Несмотря на то, что исследование ошибок является довольно развитым направлением в языкознании, имеющим долгую историю (см. обзор [Грудева и др., 2018]), исследование ошибок в полилингвальном языковом

ландшафте представляет собой новое и перспективное научное направление, поскольку позволяет выявить и классифицировать ошибки в текстах вывесок, проанализировать возможные причины их возникновения, а также показать их взаимосвязь с текущей языковой ситуацией и отношением людей к тем или иным языкам.

Целью настоящей статьи является изучение ошибок, а также причин их возникновения в текстах на бурятском и русском языках, встречающихся в ЯЛ города Улан-Удэ (столицы Республики Бурятия). Исследование в данном ключе видится новым направлением в этой области, поскольку немногочисленные предыдущие работы, рассматривавшие материалы, зафиксированные в столице Бурятии, были ориентированы скорее на прескриптивное описание и обоснование необходимости исправления встречающихся отклонений от языковой нормы, к тому же изыскания велись только на материале русского языка (см. напр. [Хандархаев, 2013]). Однако языковой ландшафт Улан-Удэ характеризуется полилингвизмом, притом он представлен языками разного статуса, а также различной демографической и функциональной мощности (русским, бурятским, английским и др.) [Иванов, 2021; Хилханова и др., 2024]. Предполагается, что эти различия коррелируют с частотностью тех или иных ошибок в текстах вывесок, выполненных на разных языках. Ввиду того, что наиболее часто встречающимися языками в ЯЛ Улан-Удэ являются государственные языки Республики Бурятия — бурятский и русский [Иванов, 2021], настоящее исследование будет сосредоточено именно на них. Исследование языкового ландшафта Улан-Удэ в указанном ракурсе способствует лучшему пониманию принципов организации и механизмов функционирования городского многоязычия, в особенности бурятско-русского двуязычия. Полученные результаты могут быть экстраполированы на другие регионы со схожей языковой ситуацией.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящее исследование ЯЛ проводится в русле социолингвистики, одним из исследовательских направлений которой является анализ ЯЛ, а также эрратологии — направления в современной лингвистике, в задачи которого входит общее определение ошибки, анализ ошибок, их классификация, исследование механизма предотвращения и коррекции ошибки. Существует множество определений ЯЛ (см. полный обзор в [Backhaus, 2007; Ben-Rafael, 2009; Gorter et al., 2023; Huebner, 2009] и др.), однако из них наиболее подходящим для данного исследования видится ставшее в настоящее время классическим определение Р. Ландри и Р. Бури: «...язык публичных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц и заведений, вывесок магазинов и государственных учреждений» [Landry et al.,

1997, с. 25]. Отталкиваясь от данного определения, мы выделяем в качестве материала для настоящего исследования следующие единицы ЯЛ: 1) дорожные и уличные указатели, 2) рекламные вывески и объявления, 3) вывески частных заведений, 4) вывески государственных учреждений. Данный список единиц видится более чем достаточным для анализа, поскольку включает в себя основные типы вывесок согласно особенностям их функционирования и представленности в Улан-Удэ.

В отношении ошибок на вывесках можно выделить по крайней мере два направления исследований: анализ намеренных графических отклонений («запланированные» искажения могут выполнять функцию воздействия, привлечения внимания и под.) или оценка речевой грамотности, соответствия текста языковым нормам государственных языков. В первом направлении рассматривается неслучайное нарушение написания слов, обусловленное теми или иными осознанными мотивами носителей языка (например, [Бугаева, 2019; Бреусова, 2023; Гапонова, 2020; и др.]). Второе же направление представлено исследованиями, анализирующими ненамеренные отступления от языковых норм (чаще всего государственных языков, см. [Цзян и др., 2016; Лю и др., 2022]). Выявление ошибок в ЯЛ можно связать с эрратологическим анализом, который является частью теории перевода и направлен на фиксацию ошибок в текстах дорожных знаков, вывесок, объявлений и других его элементов, препятствующих пониманию и восприятию переведенного с другого языка [Лю, 2023]. Действительно, практически все двуязычные надписи на бурятском и русском языках являются продуктами перевода со второго на первый, что ставит перед исследователями и практиками некоторые вопросы частной теории перевода в отношении языков России (см. подробнее [Дашинимаева, 2024]). Однако не каждый текст является продуктом перевода, и не каждый текст, как нам представляется, обязательно направлен на понимание того, что в нем написано (ср. надписи на разных языках в заведениях частного бизнеса, которые играют сугубо символическую роль), поэтому анализ ошибок в настоящем исследовании понимается с позиций индексальности, при которой несоответствие норме того или иного языка, представленное в городском языковом ландшафте, рассматривается как отражение тех или иных социальных процессов, происходящих в обществе.

Под *ошибкой* в настоящей статье понимается любое несоответствие современной норме того или иного языка на любом из его уровней. Наиболее близкая для настоящего исследования классификация представлена в [Ермоленко, 2019, с. 49], где ошибки подразделяются на 4 категории: морфологические, орфографические, синтаксически-пунктуационные и лексические.

Ошибки в языковом ландшафте г. Улан-Удэ в настоящем исследовании представляется целесообразным разделить на 5 категорий: орфографические, графические, морфологические, синтаксические и лексические. Орфографические ошибки связаны с использованием графем, которые в стандартной орфографии используются для передачи одних звуков, но ошибочно используются для обозначения других звуков. Графические ошибки характеризуются использованием графем, которые отсутствуют в стандартной письменности, однако имеют определенное сходство с теми графемами, вместо которых они употребляются. Морфологические ошибки связаны с неправильным выбором нужного алломорфа из серии алломорфов конкретного грамматического показателя. Синтаксические ошибки характеризуются нарушением стандартного порядка слов. Лексические ошибки связаны с употреблением тех или иных лексем в текстах вывесок, которые не соответствуют современным языковым нормам. В анализ не включались ошибки, связанные с языковой игрой и стилизацией, в частности приемами, которые намеренно нарушают норму языка.

Нами было проанализировано около 3000 вывесок г. Улан-Удэ, собранных в период с 2019 по 2024 годы в Советском, Железнодорожном и Октябрьском районах города. Сбор материала производился методом сплошной фотофиксации, при котором в выборку включаются знаки, расположенные как на центральных улицах каждого из районов города, так и на периферийных. Улицу можно назвать центральной, если она проходит через большую часть района и на ней расположено много различного рода заведений и учреждений. Периферийная улица характеризуется меньшей протяженностью и относительно небольшим числом расположенных на ней заведений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Всего из обозначенной выборки единиц ЯЛ ошибки встретились на 94 вывесках, что составляет примерно 3 % от общего числа.

Ошибки в ЯЛ можно распределить по следующим категориям, приведенным далее (табл. 1).

На первый взгляд, достаточно малое количество ошибок может произвести впечатление погрешности, однако собранный материал обладает репрезентативностью и выявляет ряд закономерностей. Так, в процессе анализа материала было выявлено, что большая часть ошибок допущена именно в текстах на бурятском языке, в то время как в текстах на русском их практически не встретилось. Масштаб распространенности ошибок в бурятском языке увеличивается с учетом того, что в ЯЛ Улан-Удэ русский и бурятский языки распределены крайне неравномерно и бурятский

Таблица 1
Типы ошибок, встречающихся в вывесках на бурятском и русском языках
в ЯЛ города Улан-Удэ

Table 1
Types of errors found in Buryat and Russian language signs in the linguistic
landscape of the city of Ulan-Ude

Категория ошибки	Тип ошибки	Вывески на бурят- ском языке (шт.)	Вывески на рус- ском языке (шт.)
Орфографи- ческая	Неправильное употребление графем у ~ ү	29	0
Орфографи- ческая	Неправильное употребление графем у ~ уу	1	0
Орфографи- ческая	Неправильное употребление графем уу ~ үү	3	0
Орфографи- ческая	Неправильное употребление графем оо ~ өө	1	0
Орфографи- ческая	Неправильное употребление графем а ~ аа	4	0
Орфографи- ческая	Неправильное употребление графем я ~ яа	1	0
Орфографи- ческая	Неправильное употребление графем и ~ ии	1	0
Орфографи- ческая	Прочие орфографические ошибки	5	0
Графическая	Неправильное употребление графем ү ~ у	1	0
Графическая	Неправильное употребление графем өө ~ ее	1	0
Графическая	Неправильное употребление графем h ~ Н	5	0
Графическая	Неправильное употребление графем h ~ h1	7	0
Морфологи- ческая	Неправильное употребление падежных форм	3	0
Морфологи- ческая	Неправильное использование аффиксов	5	0
Синтаксиче- ская	Нарушение стандартного по- рядка слов	5	0
Лексическая	Неправильное употребление слов	12	3
Лексическая	Использование устаревшей терминологии	50	0

1 В данном случае, как и в случае выше, имеется в виду употребление латинской графемы h вместо кириллической h.

встречается в 3—5 раз реже, чем русский [Хилханова и др., 2024]. Это позволяет утверждать, что практически большая часть вывесок на бурятском языке содержит в своих текстах те или иные ошибки, в то время как процент ошибок на вывесках, содержащих русскоязычные надписи, крайне незначителен. В следующих подразделах будут рассмотрены выделенные категории ошибок в ЯЛ на бурятском и русском языках.

3.1. Орфографические ошибки

Как видно из таблицы, наиболее частотными в ЯЛ столицы Бурятии являются орфографические ошибки (табл. 1). Они были обнаружены только в текстах вывесок на бурятском языке. Наиболее распространенные типы ошибок в данной категории связаны с употреблением графем «у» — «ү», «уу» — «үү», «оо» — «өө», которые представляют собой сингармонические пары по ряду гласных и в нормативном написании не могут встречаться в пределах одного слова [Грамматика ..., 1962]. Однако в большей части вывесок прослеживается тенденция к употреблению именно первых графем из этих пар вместо вторых. Так, например, «у» употребляется на месте «ү» в словоформе *гүрэнэй* (государственный) и словосочетании *улас турын* (республиканский) на официальной вывеске хореографического колледжа им. Л. П. Сахьяновой и П. Т. Абашеева (рис. 1); «оо» вместо «өө» в *хушоо* (памятник) на мемориальной доске усадьбы Меньшикова (рис. 2); «уу» вместо «үү» в *туухын* (истории) на вывеске Музея истории города Улан-Удэ (рис. 3).

Рис. 1. Ошибка в использовании графемы «у» в словоформах *гүрэнэй* и *турын* на вывеске интерната Бурятского республиканского хореографического колледжа

Fig. 1. An error in the use of the grapheme “u” in the word forms *gurenei* and *turiin* on the sign of the boarding school of the Buryat Republican Choreographic College

Рис. 2. Ошибка в использовании графемы «оо» в словоформе *хушөө* на мемориальной доске усадьбы Меншикова

Pic. 2. An error in the use of the grapheme “oo” in the word form *хушөө* on the memorial plaque of the Menshikov estate

Рис. 3. Ошибка в использовании графемы «уу» в словоформе *туухын* на официальной вывеске Музея истории города Улан-Удэ

Pic. 3. An error in the use of the grapheme “uu” in the word form *туухын* on the official sign of the Museum of the History of the City of Ulan-Ude

Как видно из примеров выше, из рассматриваемых сингармонических пар выбираются именно те графемы, которые содержатся в русском алфа-

вите. Причиной этому вряд ли является низкая компетенция переводчиков: ошибка в данном случае кроется только в употреблении графемы, но не в употреблении, например, долгого гласного вместо краткого и наоборот. Следовательно, ошибка такого рода может быть связана с ограниченными техническими возможностями производства. Так, в используемом шрифте не оказалось указанных бурятских букв, вследствие чего они были заменены на соответствующие им пары, которые есть в шрифтах для русского языка.

Тем не менее встречаются и случаи обратной замены, когда на месте графемы «у» употребляется «ү». Пример подобной ошибки можно наблюдать на вывеске учебного корпуса № 7 Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (рис. 4). Так, здесь встречаются сразу две: в написании краткого «у» в слове *һуралсалай* (учебный) и долгого «уу» в слове *хуулита* (правовой).

Рис. 4. Ошибка в использовании графемы «у» и «уу» в словоформах *һуралсалай* и *хуулита* на официальной вывеске юридического факультета Бурятского государственного университета

Pic. 4. An error in the use of the graphemes “u” and “uu” in the word forms *huralalai* and *xuurita* on the official sign of the law faculty of the Buryat State University

Подобные ошибки с заменой такого рода встречаются гораздо реже и являются противоположностью более распространенной ситуации, описанной на материале трех предыдущих примеров. Если в них сложно было определить, кто причастен к возникновению ошибки, то в данном случае с большей долей вероятности источником ошибки является именно автор текста. Здесь можно говорить о гиперкоррекции, которая произошла в ре-

зультате осознания наиболее частотной ошибки, когда «ү» заменяется графемой «у». Авторы данного текста, надеясь избежать ее, употребляют «ү» и «үү» в обоих случаях, считая, что употребление этой буквы в данном случае окажется верным. Однако в обоих рассматриваемых словоформах орфография бурятского языка требует писать именно графемы «у» и «уу», поэтому выбор других графем в данном случае является ошибочным.

Другая распространенная орфографическая ошибка — несоблюдение долготы гласных звуков на письме. Различие по краткости-долготе звуков является значимым для смыслоразличения в бурятском языке, поэтому их нарушение может рассматриваться как нарушение письменной нормы языка, даже если это не препятствует пониманию смысла. В вывесках ЯЛ Улан-Удэ встретились нарушения долготы в графемах «аа», «яа», «ии». Например, на вывеске общежития № 2 Бурятского государственного университета встречается написание словоформы *Бурядай* (Бурятский), в которой вместо долгой «яа» представлена краткая «я». Похожая ошибка встречается и в написании названия города Улан-Удэ, которое, судя по всему, по всем параметрам калькирует русскоязычное написание: в первой части названия вместо долгой «аа» предсталена краткая «а», а во второй части — вместо графемы «Ү» представлена «У». Встречаются и другие противоположные нарушения орфографии, при которых вместо краткого гласного используется долгий. В число таких случаев входит вывеска Буддийской традиционной Сангхи России (рис. 5) с надписью *ДУГААН* (дуган, буддийский храм), в которой должна использоваться краткая «А».

Рис. 5. Ошибка в использовании графемы «аа» в слове *дуган* в вывеске Буддийской традиционной Сангхи России

Pic. 5. An error in the use of the grapheme “aa” in the word *dugan* in the sign of the Buddhist Traditional Sangha of Russia

Присутствие таких ошибок в бурятязычных надписях на вывесках в ЯЛ Улан-Удэ однозначно указывает на недостаточную компетентность авторов, подготавливавших текст для них.

В ЯЛ Улан-Удэ в вывесках на бурятском языке, помимо прочих ошибок, встречаются и опечатки, которые связаны с пропуском слогов в слове, неточностями в написании слов, которые нельзя объяснить с точки зрения грамматики. Примерами таких случаев является форма *Болбосорой* (образовательный), встретившаяся на вывеске школы № 1 (рис. 12), где пропущен слог *-ол-* (должно быть *болбосоролой*). Другим примером является словосочетание *уран бэлтгтэй* (искусства¹), встретившееся на вывеске школы искусств им. Л. Л. Линховойна (рис. 10). Возможно, авторы вывески имели в виду форму родительного падежа *бэлигэй*. Также подобная ошибка встречается и на мемориальной доске памятника воинам Бурятии (рис. 9), где в словоформе *хүшее нүүдэй* (памятников) окончание множественного числа *-нүүд* вместе с показателем родительного падежа *-эй* отделены пробелом от основы слова. Такие ошибки можно считать техническими, их возникновение связано с ошибками в наборе слова в процессе печати.

3.2. Графические ошибки

Ошибки данной категории занимают второе место по распространенности в ЯЛ Улан-Удэ и, как и орфографические, встречаются только в текстах вывесок на бурятском языке. Здесь наиболее интересны примеры употребления графем латинского алфавита вместо кириллического. Такая ситуация характерна для трех букв («У», «Ө», «Һ»), которые отличают бурятскую кириллицу от русской. Вместо обозначенных графем на некоторых вывесках употребляются латинские «у», «h», а также «e». Так, например, в вывеске Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета (рис. 6) в словосочетании *хари гурэнүүдэй* (иностранных) во второй словоформе используется латинская буква «у» вместо кириллической «ү».

Если употребление графемы «у» в целом может остаться незамеченным, то употребление латинской строчной графемы «h» легко распознается в вывесках, где название написано заглавными буквами, ср. слово *HYPAЛCАЛAIЙ* (учебный) (рис. 4). Использование этой латинской графемы часто приводит к тому, что при написании названия заглавными буквами она заменяется на заглавную «Н» [аш], которая выглядит так же, как кириллическая «Н» [эн]. Такая замена искажает бурятские слова, в которых латинская буква «Н» [аш] воспринимается не как бурятская заглавная «Һ», а как кириллическая Н [эн]. Подобный пример можно наблюдать в выве-

1 В бурятском языке словосочетание *уран бэлиг* имеет значение «художественный талант» [Шагдаров и др., 2010]. Для обозначения термина *искусство* используется слово *уралиг*.

Рис. 6. Использование латинской графемы «ү» в словоформе *гүрэнүүдэй* на официальной вывеске Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета

Pic. 6. The use of the Latin grapheme “ү” in the word form *gurenüudei* on the official sign of the Institute of Philology and Mass Communications of the Buryat State University

ске с режимом работы медицинского нефрологического центра «Нефро Диал» (рис. 7), где латинская «Н» [аш], использованная в словосочетании *6 САГНАА* (с 6 часов), может быть прочитана только как [сагнаа], но не [carhaa].

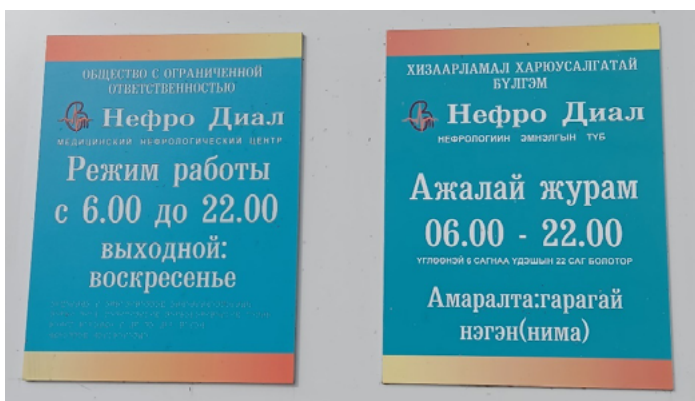

Рис. 7. Использование латинской графемы «Н» [аш] в словоформе *сагнаа* на вывеске с режимом работы медицинского центра «Нефро Диал»

Pic. 7. The use of the Latin grapheme “H” [ash] in the word form *saghaa* on the sign with the operating hours of the medical center “Nefro Dial”

Подобная замена характерна не только для частных учреждений, но и для государственных. Так, вывеска учебного корпуса № 1 Бурятского государственного университета (рис. 8) содержит такую же ошибку, встречающуюся дважды в одном тексте в словоформах *НУРГУУЛИ* (школа) и *НУРАЛСАЛАЙ* (учебный).

Рис. 8. Использование латинской графемы «Н» [аш] в словоформах *нургуули* и *нуралсалай* на официальной вывеске учебного корпуса № 1 Бурятского государственного университета

Pic. 8. The use of the Latin grapheme “H” [ash] in the word forms *hurguuli* and *huralalai* on the official sign of the academic building № 1 of the Buryat State University

Наконец, употребление графемы «е» вместо «Ө» входит в эту же категорию случаев. Хотя и невозможно сказать, что «е» — это графема именно латинского алфавита, данный случай также представляет собой пример замены одной графемы другой по принципу отдаленной схожести по форме: и там, и там прослеживаются округлые формы графем с перекладиной в середине. Такое употребление графемы «е» вместо «Ө» прослеживается в слове *хушее* (памятник) на мемориальной доске, размещенной на памятнике воинам Бурятии (рис. 9). Примечательно, что выше на ней же есть два примера правильного написания данного слова, что указывает на вероятность возникновения ошибки в результате технического сбоя.

Причины такого рода замен кроются в попытках соблюсти правильность написания слов в условиях ограниченных технических возможностей. Она проявляется и в настоящее время, однако не в таком явном виде,

Рис. 9. Использование графемы «е» на мемориальной доске памятника воинам Бурятии
Pic. 9. The use of the grapheme “ee” on the memorial plaque of the monument
to the soldiers of Buryatia

касясь только ограниченности в выборе шрифтов, в которых есть нужные символы. Бурятские же буквы «Ү», «Ө», «Һ» уже давно имеются в наборах базовых шрифтов, и использование вместо них других похожих символов, которое не только нарушает единообразие оформления, но и правильность написания слов, указывает скорее на малую распространенность сведений о наличии соответствующих раскладок и шрифтов.

3.3. Морфологические ошибки

Ошибки данной категории так же встречаются только в текстах вывесок на бурятском языке. К их числу можно отнести неправильное употребление падежных форм, под которым подразумевается немотивированный выбор определенных форм падежей в контекстах, в которых они не требуются. В ЯЛ Улан-Удэ нарушения этого типа допускаются при использовании форм совместного, родительного и именительного падежей. Ошибка в использовании формы совместного падежа присутствует в вывеске Детской школы искусств № 1 им. Л. Л. Линховойна (рис. 10) в словоформе *нэрэмжэтэй* (имени (кого-л)): в данном случае требуется не словоизменительный падежный аффикс *-тэй*, а словообразовательный аффикс прилагательного *-тэ*.

Ошибка, связанная с употреблением родительного падежа, наблюдается в словосочетании *нютаг засагай* (муниципальный) на вывеске школы № 42 (рис. 11). Слово *нютаг* в данном случае должно стоять в форме родительного падежа, как это предписано справочником общественно-политических терминов бурятского языка [Справочник ..., 2022].

Рис. 10. Ошибка в аффиксе совместного падежа в словоформе *нэрэмжэтэ* в официальной вывеске Детской школы искусств № 1

Pic. 10. An error in the comitative case affix in the word form *neremžete* in the official sign of Children's Art School № 1

Рис. 11. Ошибка в употреблении родительного падежа в словосочетании *нютагай засагай* в официальной вывеске средней общеобразовательной школы № 42

Pic. 11. An error in the use of the genitive case in the phrase *n'utagai zasagai* in the official sign of Secondary Comprehensive School № 42

Другой тип — ошибки в употреблении форм падежных окончаний, которые характеризуются выбором аффикса, не соответствующего основу слова по закону сингармонизма. Одним из примеров является употребление показателей порядкового числительного *-дугаар*~*-дүгээр* и *-дахи*~*-дохи*~*-дэхи*. Так, например, на вывеске школы № 1 (рис. 12) присутствует надпись *1 дугаар* (номер один), которая является ошибочной ввиду того,

что к основе числительного *нэгэ(н)* (один) должен быть присоединен аффикс *-дүгээр*. То же самое наблюдается и на вывеске общежития № 5 Бурятского государственного университета (рис. 13): числительное *таба(н)* (пять) может присоединять к себе только аффикс *-дахи*. Такого рода ошибки в ЯЛ Улан-Удэ снова указывают на недостаточную компетентность авторов данных текстов.

Рис. 12. Ошибка в употреблении порядкового аффикса *-дугаар* в словоформе *1-дүгээр* в официальной вывеске средней общеобразовательной школы № 1

Fig. 12. An error in the use of the ordinal affix *-dugaar* in the word form *1-dugeer* in the official sign of Secondary Comprehensive School № 1

Помимо показателей порядкового числительного, в языковом ландшафте Улан-Удэ встретились случаи неправильного выбора аффиксов исходного и родительного падежей. Наиболее интересным случаем в этом отношении является вывеска чайной «НІ ТЕА» (рис. 14). Форма родительного падежа *сайнай* (чайный) является ненормативной с точки зрения грамматики бурятского языка. Существительное *сай* (чай) по правилам бурятского языка должно присоединять аффикс *-н* [Грамматика ..., 1962]. Аффикс *-най~-ной~-нэй*, в свою очередь, встречается в разговорной речи

Рис. 13. Ошибка в употреблении порядкового аффикса *-дэхи* в словоформе *5-дахи* в официальной вывеске общежития № 5 Бурятского государственного университета

Pic. 13. An error in the use of the ordinal affix *-dexi* in the word form *5-daxi* in the official sign of dormitory № 5 of the Buryat State University

в Агинском Бурятском округе Забайкальского края и на сопредельных ему территориях (ср. *ахайнай* < *ахай* (старший брат, дядя), *эжынэй* < *эжы* (мама), *абанай* < *аба* (папа) [Личные наблюдения]). Вероятнее же всего, такая модель формообразования может быть калькой с халха-монгольского языка, где когнат *цай* (чай) присоединяет к себе аффикс родительного падежа *-ны*, соответствующий рассматриваемому диалектному бурятско-му аффиксу.

Рис. 14. Ошибка в употреблении аффикса родительного падежа в словоформе *сайн* в вывеске чайной «HI TEA»

Pic. 14. An error in the use of the genitive case affix in the word form *sain* in the sign of the tea shop “HI TEA”

3.4. Синтаксические ошибки

Ошибки в текстах на бурятском языке встречаются и на уровне синтаксиса. Как и во всех предыдущих категориях, в этой также нет ни одного примера ошибки в надписях на русском языке. Однако данная категория ошибок встречается в целом довольно редко, на что указывает единственный пример, который встретился в тексте на бурятском языке. Ярким примером является вывеска администрации Октябрьского района г. Улан-Удэ (рис. 15), где словосочетания *Буряад Уласай* (Республики Бурятия) и *Улаан-Удэ хотын* (города Улан-Удэ) стоят после названия учреждения. Поскольку бурятский язык является языком левого типа ветвления, все зависимые присоединяются к главному слову не справа, а слева от него. Эта особенность, отличающая синтаксис бурятского языка от русского, не была учтена авторами в ходе изготовления данной вывески. Ожидаемым порядком слов в данном случае будет следующий: *Буряад Уласай Улаан-Удэ хотын ОКТЯБРЬСКА ХОРООГОЙ ЗАХИРГААН*.

Рис. 15. Ошибка в нарушении порядка слов на вывеске администрации Октябрьского района

Pic. 15. An error in the word order on the sign of the Oktyabrsky District administration

3.5. Лексические ошибки

Из всех рассмотренных категорий именно в категории лексических ошибок встречаются примеры не только для бурятского, но и для русского языков. Для бурятского среди примеров можно выделить использование на вывесках слова *амаралта* в значении «выходной день» (рис. 7). Исходное значение данного слова определяется бурятскими словарями как «отдых» или «каникулы» [Шагдаров и др., 2010; Сундуева и др., 2022]. Более точным соответствием для выходного дня видится словосочетание *амаралтын үдэр*.

Другой пример неточного использования лексических единиц встретился в названии дней недели. Так, на стенде с расписанием работы фонтана, установленном на Театральной площади им. Л. Л. Линховойна (рис. 16), используются словосочетания *долоон гараг* в значении «суббота», *нэгэн гараг* в значении «воскресенье» и слово *баасан* как обозначение пятницы. Первые два сочетания не терминологичны, вследствие чего числительные в них воспринимаются как зависимые от слова *гараг* (день недели) и могут переводиться только как количественные: «семь дней недели» и «один день недели» соответственно. В отношении дней недели в бурятском используются устоявшиеся сочетания *гарагай долоон* (седьмой день недели) и *гарагай нэгэн* (первый день недели)¹ [Бардамова, 2008, с. 78]. Слово же *баасан* обозначает планету Венера [Тагарова и др., 2023, с. 2] и, по-видимому, является прямым заимствованием из халха-монгольского языка. В бурятском языке для обозначения этой же планеты существует когнат *баваасан*, который также может использоваться в качестве названия дня недели.

ДНИ РАБОТЫ Ажлын өдөр Days	ЧАСЫ РАБОТЫ Ажлын цаг Working hours	СВЕТОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ Тогтвор гэрэлтүүлэг Light show	МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ Хүлээнхэр, хөгжим Music
РАБОЧНИЕ Ажлын өдөр Working days	09:00–23:00	10:00–23:00	10:00–11:30 12:00–13:00 15:00–15:30 18:00–19:00 20:00–22:00
ПРАЗДНИЧНЫЕ Праздничные дни Holidays	08:00–02:00	09:00–02:00	10:00–23:00
СУББОТА Долоон өдөр гараг Saturday	08:00–02:00	10:00–23:00	12:00–14:00 16:00–18:00
ВОСКРЕСЕНЬЕ Нэгэн өдөр гараг Sunday	08:00–23:00	10:00–23:00	20:00–22:00

Рис. 16. Ошибка в названии дней недели *гарагай долоон* и *гарагай нэгэн* на вывеске графика работы фонтана

Pic. 16. An error in the names of the days of the week, *garagai doloon* and *garagai negen*, on the fountain's operating hours sign

Интересным случаем является использование слова *зугаахан* как обозначения для телефона на вывеске женской консультации городской поли-

1 В бурятском языке отсчет дней недели начинается с воскресенья, поэтому оно обозначается как «первый день недели».

клиники № 6 (рис. 17). Оно не встречается ни в словарях, ни в материалах открытых интернет-ресурсов. Его происхождение скорее всего связано с глагольной основой *зугаа-* (разговаривать), к которой прибавлен формант *-хан* как в слове *утахан*, которое в настоящее время обозначает телефон на большинстве вывесок в ЯЛ Улан-Удэ (рис. 18). Примечательно и то, что обе вывески (рис. 17 и 18) относятся к одному и тому же учреждению, но используют разное обозначение для телефона.

Рис. 17. Использование слова *зугаахан* на вывеске женской консультации

Pic. 17. The use of the word *zugaahan* on the sign of a women's consultation department

Рис. 18. Использование слова *утахан* на вывеске отделения детской консультации

Pic. 18. The use of the word *utahan* on the sign of the children's consultation department

Однако наиболее частотной ошибкой является использование устаревшей терминологии в ЯЛ г. Улан-Удэ. Так, например, на вывесках Бурятско-

го государственного университета (рис. 4 и рис. 8) термин «университет» обозначается соответственно как *университет* и *эхэ хургуули*. Первая вывеска была установлена до 2019 года и представляет собой пример старой нормы, а вторая появилась в промежутке между 2019 и 2024 годами и уже соответствует новой норме языка. В целом данная категория ошибок является довольно спорной, поскольку в ближайшей ретроспективе термин «университет» соответствовал норме бурятского языка и, соответственно, не вызывал вопросов в плане правильности. Поскольку настоящие изменения в ЯЛ начали происходить относительно недавно, вполне естественно предположить, что подобные случаи будут встречаться достаточно часто еще на протяжении многих лет, если не всегда: любое изменение в терминологии будет сопровождаться продолжительными изменениями в ЯЛ.

Ошибки в надписях на русском языке, как уже говорилось выше, встречаются в разы реже, чем на бурятском. Так, в выборке по ЯЛ Улан-Удэ все ошибки в надписях на русском языке связаны с неправильным употреблением паронимов *одеть* и *надеть* (рис. 19), *одевать* и *надевать* (рис. 20). Третья ошибка также связана с употреблением паронимов *подождите* и *дождитесь* (рис. 21).

Рис. 19. Ошибка в использовании слова *одеть* на объявлении

Pic. 19. An error in the use of the word *od'et'* in the advertisement

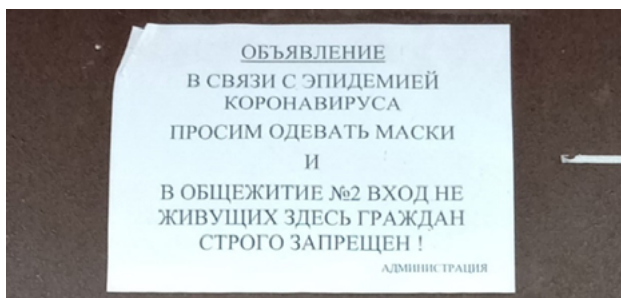

Рис. 20. Ошибка в использовании слова *одевать* на объявлении

Pic. 20. An error in the use of the word *od'evat'* in the advertisement

Рис. 21. Ошибка в использовании слова *подождите* на дорожном знаке

Pic. 21. An error in the use of the word *podozhdit'e* on a road sign

Причина появления таких ошибок на русскоязычных вывесках может заключаться в недостаточной компетенции авторов данных текстов: первые две вывески представляют собой объявления, размещенные частными лицами, и, скорее всего, они не проходили никакого контроля. Третий же случай касается официальных вывесок, которые должны были контролироваться уполномоченными органами, однако, судя по всему, не были в должной степени проверены предварительно и после размещения на улицах города.

3.6. Обсуждение

Обобщая рассмотренные выше случаи ошибок на бурятском языке в текстах ЯЛ, можно заключить, что их происхождение обусловлено по крайней мере двумя факторами: техническими ограничениями и недостаточной компетентностью авторов данных текстов. Большая часть ошибок связана с технической реализацией текстов непосредственно на конечной вывеске. Об этом говорит субституированное использование графем «у», «о», вместо «ү» и «ө»; использование латинской «h» вместо кириллической «һ» и т. д. Некоторое время назад техническая база для производства текстов на бурятском языке действительно была ограничена (в широком доступе отсутствовали раскладки на языке, символы в Юникод и т. д.). Однако в настоящее время эта проблема является практически полностью

решенной и у широкого круга людей есть возможность производить тексты, соответствующие орфографии бурятского языка. Тем не менее в ЯЛ Улан-Удэ до сих пор встречаются вывески с подобного рода нарушениями.

Присутствие ошибок в текстах на бурятском языке говорит о том, что скорее всего люди, занимавшиеся непосредственным переводом и подготовкой текстов на бурятском языке, не до конца осведомлены о существовании новых возможностей, вследствие чего продолжают опираться на старые практики (замена некоторых бурятских букв схожими латинскими символами), бытовавшие в условиях недостатка ресурсов для производства бурятоязычных текстов. При этом важно отметить, что в производстве текстов ЯЛ участвуют в первую очередь люди, владеющие основами письменного бурятского языка. Об этом говорит тот факт, что в текстах практически отсутствуют ошибки, связанные с нарушением краткости-долготы гласных звуков (за исключением некоторых случаев). Ошибки и неточности в терминологии, связаны с низкой регламентированностью и проработанностью терминологического аппарата бурятского языка. Можно предположить, что не все, кто занимается переводом текстов на бурятский язык, знакомы со «Справочником общественно-политических терминов бурятского языка», утвержденным в 2022 году. Однако данный справочник не охватывает многих важных сфер общественной жизни, вследствие чего переводчикам приходится принимать решения на основе собственных знаний, что в свою очередь способствует большему варьированию не только в самой терминологии, так и в способах синтаксического оформления терминологических сочетаний на бурятском языке. Все это говорит о том, что исправление существующих в ЯЛ Улан-Удэ ошибок в текстах на бурятском языке должно опираться на стандартизацию бурятского языка в этой области, выработку конкретных стратегий для перевода того или иного названия, а также подготовку и постоянное повышение квалификации переводческих кадров.

С другой стороны, ошибки в ЯЛ Улан-Удэ могут происходить в процессе изготовления вывески. Это свидетельствует о том, что вывески размещаются в публичной городской среде без какого-либо квалифицированного контроля на предмет ошибок после изготовления. Для предотвращения таких случаев важно наладить систему мониторинга всего процесса, в которой каждый этап производства вывески, начиная от перевода и заканчивая ее размещением в нужном месте, будет сопровождаться проверкой текстов на соответствие всем современным нормам бурятского языка. Подобная система в настоящее время формируется и, возможно, снизит количество ошибок в текстах на бурятском языке не только в ЯЛ столицы Бурятии, но и в ЯЛ других населенных пунктов на территории республики.

Подытоживая вышесказанное, следует указать, что вывесок с использованием русского языка в разы больше, чем вывесок с использованием бурятского, однако в текстах на бурятском языке ошибки встречаются в разы чаще, чем в текстах на русском. Учитывая все выделенные причины возникновения ошибок в текстах вывесок, можно заключить, что такая разница в частоте встречаемости ошибок наглядно показывает неравенство двух языков и может быть объяснена функциональной вторичностью бурятского языка относительно русского.

4. Заключение = Conclusions

Анализ ошибок в ЯЛ Улан-Удэ показал широкую распространенность орфографических, графических, морфологических, синтаксических и лексических ошибок в вывесках на бурятском языке и полное (за исключением единичных примеров) отсутствие таковых в вывесках на русском языке. Ошибки в текстах вывесок возникают как на подготовительном этапе при создании текста на том или ином языке, так и после технического производства вывески и размещения ее на улицах города. Причиной орфографических и графических ошибок на бурятском языке являются как низкая компетенция авторов текстов в письменном бурятском языке, так и недостаточная их осведомленность о технических возможностях, позволяющих производить тексты с использованием стандартных для бурятской письменности графем. Иные же ошибки, возникающие на уровне морфосинтаксиса и лексики, являются следствием незавершённости процессов стандартизации бурятского языка, а также недостаточно широкой осведомленности пользователей (носителей языка, выступающих авторами текстов для городских вывесок) о новых нормах. Ошибки же на русском языке характеризуются меньшим варьированием и связаны только с неправильным использованием паронимов, которое также обусловлено недостаточной компетенцией авторов в их употреблении. Косвенной причиной возникновения ошибок является и отсутствие квалифицированного контроля за текстами вывесок как на этапе производства, так и на этапе размещения в городском пространстве.

Таким образом, неравное распределение ошибок на двух государственных языках подтверждает высказанный в предшествующих работах тезис о функциональном неравенстве русского и бурятского языков [Хилханова и др., 2024] и косвенно свидетельствует не в пользу последнего, показывая его второстепенность по отношению к государственному языку Российской Федерации при более или менее равном юридическом статусе на уровне Республики Бурятия.

За рамками настоящего исследования остался анализ ошибок на вывесках, использующих другие языки, помимо русского и бурятского, а также

восприятия ошибок в языковом ландшафте города его жителями. Будущие исследования в данном направлении позволят не только значительно расширить представление об устройстве и функционировании многоязычия в столичных городах республик РФ, но и повысить экспланаторный потенциал эрратологического анализа в рамках социолингвистики, в частности методологической концепции изучения ЯЛ города как ее части.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Об утверждении* справочника общественно-политических терминов бурятского языка и наименований органов власти на бурятском языке [Электронный ресурс] // Приказ Министерства образования и науки Республики Бурятия. — 14 июня 2022. — № 943. — Режим доступа : <https://burunen.ru/pravo/92459/> (дата обращения 21.08.2025).
2. *Сундуева Е. В.* Буряад хэлэнэй тайлбари толи = : Толковый словарь бурятского языка : В 4-х т. / Е. В. Сундуева, Ц. Ц. Бальжинимаева, С. Д. Бабуев, Б. Д. Цыренов. — Улаан-Баатар : Нандир, 2022. — Т. 1. — 719 с. — ISBN 978-9919-9615-6-5.
3. *Шагдаров Л. Д.* Бурятско-русский словарь = : Буряад-ород толи : 30000 слов / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. — Т. 2. — 707 с.

Литература

1. *Бардамова Е. А.* Модели времени в бурятской языковой картине мира / Е. А. Бардамова // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2008. — № 6. — С. 77—82.
2. *Бреусова Е. И.* Графико-орфографическое оформление города в контексте обучения орфографии школьников (к постановке проблемы) / Е. И. Бреусова // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2023. — № 1 (13). — С. 15—20. — DOI: 10.26105/PBSSPU.2023.13.1.009.
3. *Бугаева И. В.* Современная городская номинация и её влияние на графику и орфографию русского языка / И. В. Бугаева // Новейшая филология : итоги и перспективы исследований : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвящённая памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой, Омск, 15—16 февраля 2019 года / Отв. ред. О. В. Золтнер. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2019. — С. 23—26.
4. *Гапонова Ж. К.* Эргонимы на вывесках провинциального города : лингвокультурологический аспект / Ж. К. Гапонова // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 4 (23). — С. 99—104. — DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-99-104.
5. *Грамматика бурятского языка.* Фонетика и морфология. — Москва : Издательство восточной литературы, 1962. — 340 с.
6. *Грудева Е. В.* Типология ошибок в аспекте речевой деятельности детей-инофонов / Е. В. Грудева, Е. М. Иванова, И. А. Бучилова, А. А. Дивеева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2018. — № 6 (87). — С. 78—89. — DOI: 10.23859/1994-0637-2018-6-87-8.

7. *Дашинимаева П. П.* Превентивная частная теория перевода с использованием национальных языков РФ : дискурсивно-эпратологический подход / П. П. Дашинимаева // *Алтаистика. Altaistics.* — 2024. — № 2. — С. 58—67. — DOI: 10.25587/2782-6627-2024-2-58-67.
8. *Ермоленко Т. В.* Классификация ошибок в тексте на основе глубокого обучения / Т. В. Ермоленко // *Проблемы искусственного интеллекта.* — 2019. — № 3 (14). — С. 47—57.
9. *Иванов В. В.* Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ / В. В. Иванов // *Социолнгвистика.* — 2021. — № 1 (5). — С. 147—163. — DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163.
10. *Лю Л.* Анализ графических и орфографических ошибок в русскоязычных компонентах китайских общественных знаков / Л. Лю, Ю. Пи // *Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом.* — 2022. — № 4. — С. 74—79.
11. *Лю Ц.* Лингвистический ландшафт города как объект эпратологии перевода (русско-китайская языковая комбинация) : диссертация ... кандидата филологических наук : 00.00.00 / Ц. Лю. — Москва, 2023. — 160 с.
12. *Тасарова Т. Б.* Функции астронимов в бурятской поэзии / Т. Б. Тагарова, Т. Б. Баларьева // *Russian Linguistic Bulletin.* — 2023. — № 4 (40). — С. 1—5. — DOI: 10.18454/RULB.2023.40.2.
13. *Хандархаев В. Ю.* Языковая норма в современных рекламных текстах (на примере города Улан-Удэ) / В. Ю. Хандархаев // *Язык и социальная динамика.* — 2013. — № 13 (2). — С. 51—56.
14. *Хилханова Э. В.* Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики / Э. В. Хилханова, Ч. Г. Ондар, В. В. Иванов, К. С. Акопян // *Новые исследования Тувы.* — 2024. — № 1. — С. 18—38. — DOI: 10.25178/nit.2024.1.2.
15. *Цзян И.* Современная наружная реклама на русском языке в северо-восточном Китае : нарушение графической и орфографической нормы / И. Цзян, Е. А. Оглезнева // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* — 2016. — № 7 (172). — С. 124—129.
16. *Backhaus P.* Linguistic Landscapes : Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / P. Backhaus. — Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters 136, 2007. — 158 p. — ISBN 9781853599484.
17. *Ben-Rafael E.* A sociological approach to the study of linguistic landscapes / E. Ben-Rafael // *Linguistic landscape. Expending the scenery.* — New-York ; London : Routledge, 2009. — Pp. 40—54.
18. *Huebner T.* A framework for the linguistic analysis of linguistic landscapes / T. Huebner // *Linguistic landscape. Expending the scenery.* — New-York ; London : Routledge, 2009. — Pp. 70—87.
19. *Landry R.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality : An empirical study / R. Landry, R. Y. Bourhis // *Journal of language and social psychology.* — 1997. — Vol. 16. — № 1. — Pp. 23—49.
20. *Gorter D.* A panorama of linguistic landscape studies / D. Gorter, J. Cenoz. — Bristol ; Jackson : Multilingual Matters, 2023. — 452 p. — ISBN 9781800417151.

*Статья поступила в редакцию 03.04.2025,
одобрена после рецензирования 29.09.2025,
подготовлена к публикации 11.10.2025.*

Material resources

On the approval of the directory of socio-political terms of the Buryat language and the names of authorities in the Buryat language. (2022). *Order of the Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia*, 943. June 14. Available at: <https://burunen.ru/pravo/92459/> (accessed 21.08.2025). (In Russ.).

Shagdarov, L. D., Cheremisov, K. N. M. (2010). *Buryat-Russian dictionary* =: *Buryad-orod toli: 30,000 words*, 2. Ulan-Ude: Rep. tip. 707 p. (In Tuvan.).

Sundueva, E. V. (2022). *Buryaadenei tilbari toli* =: *Explanatory dictionary of the Buryat language: In 4 volumes*, 1. Ulaanbaatar: Nandir. 719 p. ISBN 978-9919-9615-6-5. (In Tuvan.).

References

Backhaus, P. (2007). *Linguistic Landscapes: Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters 136. 158 p. ISBN 9781853599484.

Bardamova, E. A. (2008). Models of time in the Buryat linguistic picture of the world. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 6: 77—82. (In Russ.).

Ben-Rafael, E. (2009). A sociological approach to the study of linguistic landscapes. In: *Linguistic landscape. Expanding the scenery*. New-York; London: Routledge. 40—54.

Breusova, E. I. (2023). Graphic and spelling design of the city in the context of teaching spelling to schoolchildren (to pose the problem). *Philological Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 1 (13): 15—20. DOI: 10.26105/PBSSPU.2023.13.1.009. (In Russ.).

Bugaeva, I. V. (2019). Modern urban nomination and its impact on the graphics and spelling of the Russian language. In: *Modern philology: results and prospects of research: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of B. I. Osipov and M. P. Odintsovo, Omsk, February 15—16, 2019*. Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 23—26. (In Russ.).

Dashinimaeva, P. P. (2024). Preventive private theory of translation using the national languages of the Russian Federation: a discursive erratological approach. *Altaistics. Altaistics*, 2: 58—67. DOI: 10.25587/2782-6627-2024-2-58-67. (In Russ.).

Ermolenko, T. V. (2019). Classification of errors in the text based on deep learning. *Problems of artificial intelligence*, 3 (14): 47—57. (In Russ.).

Gaponova, J. K. (2020). Ergonyms on the signs of a provincial city: a linguistic and cultural aspect. *Upper Volga Philological Bulletin*, 4 (23): 99—104. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-99-104. (In Russ.).

Gorter, D., Cenoz, J. (2023). *A panorama of linguistic landscape studies*. Bristol; Jackson: Multilingual Matters. 452 p. ISBN 9781800417151.

Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology. (1962). Moscow: Publishing House of Oriental Literature. 340 p. (In Russ.).

Grudeva, E. V. (2018). Typology of errors in the aspect of speech activity of children with foreign speakers. *Bulletin of Cherepovets State University*, 6 (87): 78—89. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-6-87-8. (In Russ.).

Huebner, T. (2009). A framework for the linguistic analysis of linguistic landscapes. In: *Linguistic landscape. Expanding the scenery*. New-York; London: Routledge. 70—87.

Ivanov, V. V. (2021). The Buryat language in the linguistic landscape and linguistic practices in the city of Ulan-Ude. *Sociolinguistics*, 1 (5): 147—163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163. (In Russ.).

- Jiang, I., Oglezneva, E. A. (2016). Modern outdoor advertising in Russian in northeast China: violation of graphic and spelling norms. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 7 (172): 124—129. (In Russ.).
- Khandarkhaev, V. Y. (2013). Linguistic norm in modern advertising texts (on the example of the city of Ulan-Ude). *Language and social dynamics*, 13 (2): 51—56. (In Russ.).
- Khilkhanova, E. V., Ondar, Ch. G., Ivanov, V. V., Hakobyan, K. S. (2024). Linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy. *New studies of Tuva*, 1: 18—38. DOI: 10.25178/nit.2024.1.2. (In Russ.).
- Landry, R., Bourhis, R. Y. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of language and social psychology*, 16 (1): 23—49.
- Liu, C. (2023). *Linguistic landscape of the city as an object of erratology of translation (Russian-Chinese language combination)*. PhD Diss. Moscow. 160 p. (In Russ.).
- Liu, L., Pi, Y. (2022). Analysis of graphic and spelling errors in Russian-language components of Chinese public signs. *International Postgraduate Bulletin. Russian language abroad*, 4: 74—79. (In Russ.).
- Tagarova, T. B., Balarieva, T. B. (2023). Functions of astronomers in Buryat poetry. *Russian Linguistic Bulletin*, 4 (40): 1—5. DOI: 10.18454/RULB.2023.40.2. (In Russ.).

*The article was submitted 03.04.2025;
approved after reviewing 29.09.2025;
accepted for publication 11.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Козловский Д. В. Автоматизированный анализ эвиденциальности в медиадискурсе : опыт применения нейросетевых моделей / Д. В. Козловский // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 103—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-103-122.

Kozlovsky, D. V. (2025). Automated Analysis of Evidentiality in Media Discourse: Experience with Neural Network Models. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 103-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-103-122. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Автоматизированный анализ эвиденциальности в медиадискурсе : опыт применения нейросетевых моделей

Козловский Дмитрий Валентинович

orcid.org/0000-0002-1413-8882

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры языкознания и
переводоведения
kimo3006@gmail.com

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Automated Analysis of Evidentiality in Russian Media Discourse: Experience with Neural Network Models

Dmitry V. Kozlovsky

orcid.org/0000-0002-1413-8882

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of Department of Linguistics
and Translation Studies
kimo3006@gmail.com

Moscow City University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема анализа функционирования категории эвиденциальности в медиадискурсе с опорой на методы машинного обучения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью интерпретации имплицитных и контекстуально обусловленных модусных смыслов, недостаточно описываемых с помощью традиционных методов. Целью работы является разработка методики автоматизированного анализа эвиденциальности с учетом ее взаимодействия с другими модусными категориями. Исследован корпус англоязычных медиатекстов. Предлагается авторская методика, основанная на алгоритмах векторного представления слов, комбинаторного моделирования и построения рекуррентной нейронной сети. В результате выделены и классифицированы эвиденциальные операторы, установлены устойчивые модели их сцепления с маркерами категорий авторизации, аппроксимации, восприятия, модальности, отрицания, оценочности, персональности, персуазивности, экспрессивности, эмотивности и темпоральности. Представлены типовые траектории полимодального развертывания эвиденциальных высказываний. Уделяется внимание лингвосинергетическому подходу, в рамках которого модусные смыслы рассматриваются как элементы многоуровневой самоорганизующейся семантической системы. Предложенная методика демонстрирует высокую эффективность нейросетевых методов в задачах автоматизированного дискурсивного анализа и лингвистической экспертизы.

Ключевые слова:

эвиденциальность; модусные категории; нейросетевые методы; *BiLSTM*; *Word2Vec*; *Language Modeling*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the challenge of analyzing evidentiality within media discourse by leveraging contemporary machine learning methods. The study's relevance stems from the need to interpret implicit and context-dependent modal meanings that are inadequately captured using traditional approaches. The aim is to develop a methodology for automated analysis of evidentiality while accounting for its interaction with other modal categories. A corpus of English-language media texts serves as the empirical basis for this research. An original method based on word vector representation algorithms, combinatorial modeling, and recurrent neural networks is proposed. As a result, evidential operators have been identified and classified, along with their stable patterns of cohesion with markers representing authorization, approximation, perception, modality, negation, evaluation, personalization, persuasiveness, expressivity, emotionality, and temporality. Typical trajectories of polymodal unfolding of evidential statements are presented. Special attention is given to the linguo-synergetic approach, which considers modal meanings as elements of a multilevel self-organizing semantic system. This methodology demonstrates high efficiency of neural network techniques in tasks related to automated discourse analysis and linguistic expertise.

Key words:

evidentiality; modal categories; neural network methods; *BiLSTM*; *Word2Vec*; *language modeling*.

УДК 811.111'221+811.93

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-103-122

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Автоматизированный анализ эвиденциальности в медиадискурсе : опыт применения нейросетевых моделей

© Козловский Д. В., 2025

1. Введение = Introduction

Современная лингвистика характеризуется стремлением к интеграции с высокотехнологичными методами анализа, в том числе к использованию инструментов машинного обучения [Suleimanova, 2020]. В контексте лингво-синергетической парадигмы особое внимание уделяется изучению модусных категорий, формирующих субъективную составляющую дискурса. Одной из таких категорий является эвиденциальность, отражающая отношение говорящего к источнику и способу получения информации [Дзюбенко, 2024, с. 3965].

Научная проблема, лежащая в основе настоящего исследования, заключается в выявлении и описании способов актуализации категории эвиденциальности в медиадискурсе, а также в моделировании ее взаимодействия с другими модусными категориями. Немаловажно, что в рамках медиадискурса, характеризующегося активным применением стратегий дистанцирования и деавторизации, эвиденциальность выполняет важные коммуникативные и суггестивные функции, способствует снижению ответственности говорящего за достоверность информации и усилению доверия со стороны адресата [Басовец, 2024, с. 91; Кобрина, 2021, с. 54].

Эвиденциальность как модусная категория активно изучается в лингвистике на стыке прагматики, семантики и дискурсивного анализа. Она отражает отношение субъекта речи к способу получения информации, а также к степени достоверности и проверяемости передаваемых сведений [Иванова и др., 2024, с. 815; Хазиева, 2017, с. 188]. В зависимости от характера источника и степени вовлеченности говорящего исследователи выделяют три основных типа эвиденциальности: прямую непосредственную (основанную на личном восприятии информации), косвенную непосредственную (представляющую логические выводы говорящего) и косвенную опосредованную (актуализирующую сведения, полученные из внешнего источника) [Сусов, 2006; Плунгян, 2012].

Актуализация эвиденциальности в языке осуществляется посредством лингвистических маркеров, к которым относятся вводные конструкции, глаголы, наречия, прилагательные, существительные и устойчивые словосочетания. Данные языковые средства объединяются в десять семантических групп эвиденциальных операторов: выражения мнения, косвенного указания, мыслительной деятельности, прогнозирования, сомнения, уверенности в знании, усиления значимости высказывания, умственного восприятия, чувственного восприятия и явного указания [Козловский, 2017, с. 31].

В силу того, что один и тот же эвиденциальный оператор может выражать различные модусные смыслы в зависимости от контекста, традиционные методы анализа (сравнительно-исторический, описательный, сопоставительный, структурный) часто оказываются недостаточными для комплексной интерпретации полимодальной и контекстуально обусловленной эвиденциальной семантики (под *полимодальной семантикой* в рамках данного исследования понимается совокупность модусных смыслов различных категорий (эвиденциальности, модальности, оценочности, экспрессивности и др.), актуализирующихся в пределах одного высказывания). Проблема усугубляется тем, что эвиденциальные операторы, как правило, не функционируют изолированно: они взаимодействуют с маркерами, других модусных категорий и формируют устойчивые смысловые модели, актуализируемые в дискурсивном пространстве. Обращение к лингвосинергетическому подходу позволяет обеспечить целостное представление модусной организации эвиденциального высказывания (ЭВ). Лингвосинергетика трактует эвиденциальность не как автономную единицу, а как компонент многоуровневой самоорганизующейся семантической системы, в рамках которой модусные смыслы соотносятся, взаимно усиливаются и образуют сложные синергетические модели. Применение данной методологии открывает возможность выявления скрытых закономерностей категориального взаимодействия и описания типовых моделей сцепления в медиадискурсе. Методологическая опора на базовые синергетические принципы — взаимодействие, взаимопроникновение и самоорганизацию — позволяет раскрыть структурные и семантические механизмы функционирования эвиденциальности в медиадискурсе. Принцип взаимодействия реализуется с помощью включения в структуру эвиденциального высказывания дополнительных модусных показателей; принцип взаимопроникновения — через дополнение эвиденциальной семантики смыслами других модусных категорий; принцип самоорганизации — посредством формирования устойчивых категориальных синергетических моделей сцепления [Черкунова и др., 2022; Khranchenko, 2023]. Синергетическое сцепление понимается как устойчивое сочетание модус-

ных смыслов, возникающее в дискурсивной структуре высказывания на основе принципов самоорганизации и категориальной коактуализации.

Особенностью эвиденциальности (*Ev*) является ее способность пересекаться с другими модусными категориями: авторизацией (*A*), аппроксимацией (*Aprx*), восприятием (*Ap*), модальностью (*M*), отрицанием (*D*), оценочностью (*Evl*), персональностью (*Ps*), персуазивностью (*P*), экспрессивностью (*Ex*), эмотивностью (*Emt*) и темпоральностью (*T*) [Козловский, 2023]. Эти пересечения особенно ярко проявляются в медиадискурсе, где говорящий стремится представить информацию как объективную, сознательно дистанцируясь от ее источника или размывая границы собственной авторской позиции [Кобрина, 2021]. В пространстве массмедийного дискурса эвиденциальная семантика может быть представлена в двух формах: эксплицитной, выраженной языковыми средствами, и имплицитной, реализуемой через контекст, интонацию или синтаксическую структуру. Наибольшую сложность при интерпретации представляет имплицитная реализация эвиденциальной семантики, лишенная явных языковых маркеров. Однако как в эксплицитных, так и в имплицитных случаях актуализации модусных смыслов эффективным инструментом анализа выступают методы, основанные на обучении нейронных сетей, поскольку они способны учитывать не только ярко выраженные лексико-синтаксические индикаторы, но и скрытые контекстуальные зависимости, определяющие смысловую структуру высказывания [Гафаров и др., 2018; Burnashev et al., 2023].

Искусственные нейронные сети (ИНС) представляют собой вычислительные модели, вдохновленные принципами работы человеческого мозга. Они состоят из взаимосвязанных узлов (нейронов), способных воспринимать входные данные, обрабатывать их, извлекать закономерности и адаптироваться на основе обратной связи. В отличие от традиционных алгоритмов, ИНС не требуют явного программирования правил, а обучаются на примерах, что особенно важно при анализе естественного языка, обладающего высокой степенью вариативности и контекстуальной зависимости [Гафаров и др., 2018, с. 6].

В лингвистике нейросетевые методы находят применение в широком спектре задач от морфологического и синтаксического анализа до машинного перевода, генерации текста и выявления дискурсивных паттернов. Наиболее востребованными при анализе модусных категорий являются следующие архитектуры и технологии:

— *Word2Vec* — метод векторного представления слов, позволяющий кодировать лексемы в виде числовых векторов, обученных на контексте. Такая репрезентация позволяет выявлять семантическую близость между словами, что актуально для анализа модусных маркеров [Naymushin, 2021, с. 47].

— *Language Modeling* — языковое моделирование, основанное на вероятностном предсказании следующего элемента (слова, словосочетания, конструкции) на основе предыдущего контекста. Этот подход особенно важен при изучении имплицитной реализации эвиденциальной семантики, где модусные смыслы зачастую имеют размытый и контекстуально обусловленный характер [Burnashev et al., 2023].

— *BiLSTM (Bidirectional Long Short-Term Memory)* — тип рекуррентной нейронной сети, обрабатывающий входную информацию в двух направлениях (слева направо и справа налево), что позволяет учитывать контекст до и после слова. *BiLSTM*-модели хорошо подходят для задач категоризации модусных операторов в ЭВ, поскольку способны запоминать длинные зависимости и интерпретировать семантику целых высказываний [Инь Сузуньюн и др., 2023, с. 55; Кузнецов, 2023, с. 20].

Применение ИНС в лингвистических исследованиях позволяет не только автоматизировать идентификацию языковых единиц, но и учитывать сложные сочетания модусных смыслов, а также моделировать синергетическое сцепление категорий в дискурсивном пространстве [Петрова, 2022]. Нейросети открывают принципиально новые возможности для анализа функционирования эвиденциальности: они позволяют работать с неявно выраженными (имплицитными) смыслами, распознавать контекстно обусловленные модусные сдвиги, а также группировать языковые единицы по семантической схожести, выявляя устойчивые модели сочетания модусных категорий. Под *модусным сдвигом* в рамках данного исследования понимается изменение интерпретации модусной семантики в зависимости от контекста, не сопровождающееся изменением языковой формы используемого маркера.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые для анализа функционирования эвиденциальности в медиадискурсе применяются методы, основанные на обучении нейронных сетей. Предлагаемая методика сочетает векторное представление лексических единиц (*Word2Vec*), комбинаторное моделирование сочетаний полимодальных показателей, классификацию на основе *BiLSTM*-модели и языковое прогнозирование (*Language Modeling*), направленное на выявление устойчивых паттернов взаимодействия эвиденциальности с другими модусными категориями и прогнозирование траекторий развертывания эвиденциальных высказываний. Такой подход позволяет интерпретировать имплицитные модусные смыслы, учитывать контекстуальную полисемию и моделировать полимодальную семантику медиадискурса.

Актуальность работы обусловлена необходимостью создания инструментария, позволяющего автоматизированно обрабатывать большие объ-

емы медиатекстов с целью выявления скрытых модусных смыслов, возникающих в результате взаимодействия эвиденциальности с другими модусными категориями. Значимость работы также обусловлена обращением к лингвосинергетической парадигме, в рамках которой модусные смыслы трактуются как элементы самоорганизующейся семантической системы. Такая трактовка открывает возможность системного описания модусной организации дискурса и способствует развитию технологий автоматизированной лингвистической экспертизы и анализа речевых стратегий в медиaprостранстве.

Целью настоящего исследования является разработка и апробация методики автоматизированного анализа эвиденциальности в медиадискурсе с использованием нейросетевых моделей. Задачи исследования включают: (1) выделение и классификацию эвиденциальных операторов; (2) моделирование их взаимодействия с другими модусными категориями; (3) выявление устойчивых паттернов развертывания эвиденциальных высказываний (ЭВ).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В последние годы активно развиваются нейросетевые методы, применяемые к изучению модусных категорий, в частности категории эвиденциальности, прежде всего в задачах моделирования и оценки степени неопределенности при формулировании выводов и принятии решений. Одним из перспективных направлений является глубокое эвиденциальное обучение (*Evidential Deep Learning*), в рамках которого нейросеть формирует предсказания на основе «доказательств» — параметров, отражающих степень уверенности модели в полученном результате [Deep evidential learning ..., 2023].

Наряду с этим широкое распространение получила интеграция нейросетевых архитектур с теорией Демпстера-Шафера, что позволяет аккумулировать противоречивую информацию, а также учитывать несоответствия между различными источниками сведений. Эвиденциальные модели эффективно применяются в задачах классификации, кластеризации и обнаружения объектов вне обучающего распределения (*out-of-distribution*), что особенно важно при обработке нестабильных или контекстно неоднозначных входных данных [Tong et al., 2021].

Наконец, внимание исследователей привлекают мультимодальные интерпретируемые модели, способные учитывать вклад различных каналов данных и обеспечивать прозрачность работы эвиденциальных моделей при принятии решений. Несмотря на преимущественное использование таких подходов в прикладных областях науки, например, в компьютерном зрении, медицинской диагностике и молекулярном моделировании, они

обладают значительным потенциалом для лингвистических исследований [Shao et al., 2024].

Методологическая основа настоящего исследования сочетает лингвистический анализ модусных категорий с нейросетевыми методами обработки естественного языка. Применяемые процедуры направлены на выявление, классификацию и интерпретацию эвиденциальных операторов в медиадискурсе, а также на анализ их сочетаемости с другими модусными маркерами.

Материалом исследования послужили размеченные высказывания из новостных текстов, отобранных из British National Corpus [BNC, 2025] (около 15 миллионов слов), включающих информационные, аналитические и публицистические материалы, отражающие различные типы медиадискурса. Отбор осуществлялся на основе наличия клауз с эвиденциальной семантикой — эвиденциальных высказываний (ЭВ), актуализирующихся как в эксплицитной, так и в имплицитной форме.

Для обработки материала использовались следующие нейросетевые методы:

— *Word2Vec* — для векторизации лексических единиц и определения семантической близости между модусными маркерами;

— *Language Modeling* — для предсказания модусного развертывания эвиденциальных высказываний (ЭВ) и выявления контекстуальных сдвигов;

— *BiLSTM* — для анализа двунаправленного контекста и автоматической классификации модусных показателей в синтаксических структурах.

Обработка корпуса осуществлялась с использованием библиотек Python (gensim, NLTK, PyTorch), а также с применением собственных скриптов для анализа взаимодействия модусных признаков.

Разработанная методика анализа эвиденциальности включает четыре этапа: (1) выделение эвиденциальных операторов; (2) моделирование их сочетаний с маркерами других модусных категорий; (3) контекстуальную классификацию модусных показателей; (4) выявление случаев взаимодополнения и взаимопроникновения полимодальной семантики в рамках ЭВ. Ниже последовательно представлены результаты каждого из этапов, дополненные пояснениями и примерами из корпуса [BNC, 2025].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Автоматическое выделение эвиденциальных операторов

На первом этапе с помощью модели *Word2Vec* был сформирован семантический вектор для базовых эвиденциальных операторов. С целью повышения валидности исследования была взята максимальная выборка

по существующим классификациям эвиденциальных операторов, полученных из работ предшественников (работы А. Айхенвальд [Aiknenvald, 2004; Aiknenvald, 2021], О. А. Кобриной [Кобрина, 2005], Н. А. Козинцевой [Козинцева, 1994] и др.). На основании смысловой близости в векторном пространстве были автоматически выявлены лексемы, обладающие схожей модусной семантикой. Это позволило расширить корпус эвиденциальных операторов, включив в него как общепринятые показатели, так и менее очевидные полимодальные маркеры. Немаловажно, что при классификации операторов мы обращались к типологии эвиденциальности, предложенной А. А. Сусовым и В. А. Плунгяном [Сусов, 2006; Плунгян, 2012]. Результатом данного этапа стало расширенное множество валидных эвиденциальных операторов, пригодных для последующей автоматической классификации и анализа. Примеры эвиденциальных операторов, а также ЭВ с семантикой прямой непосредственной, косвенной непосредственной и косвенной опосредованной эвиденциальности представлены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Эвиденциальные операторы и примеры их употребления в корпусе

Оператор	Тип эвиденциальности	Пример
I saw (Я видел) / I heard (Я слышал)	Прямая непосредственная	I saw him enter the building through the back door (Я видел, как он вошёл в здание через черный ход) (здесь и далее перевод наш. — Д. К.).
Apparently (Очевидно)	Косвенная непосредственная	Apparently, the system failed during the test (Очевидно, система дала сбой во время тестирования).
According to (По словам)	Косвенная опосредованная	According to the minister, the reform will start in June (По словам министра, реформа начнется в июне).

Представленные в таблице данные (табл. 1) подтверждают важное для медиадискурса различие между типами эвиденциальности, проявляющееся не только в способе маркировки источника информации, но и в том, как говорящий (субъект коммуникации) обозначает свое отношение к содержанию сообщения. Эвиденциальные операторы явного указания, такие как *see* (*видеть*) или *hear* (*слышать*), выполняют функцию эксплицитного свидетельства: они апеллируют к личному восприятию событий говоря-

щим, тем самым повышают достоверность транслируемых сведений. Операторы косвенного указания, например, *apparently* (очевидно), *according to* (по словам), напротив, создают дистанцию между автором и утверждением, снижают степень ответственности говорящего за достоверность содержания сведений и актуализируют стратегию деавторизации. Такого рода механизмы активно используются в массмедийных текстах (в частности, в аналитических заметках и редакторских колонках) и могут привлекаться как средство целенаправленного воздействия на восприятие информации аудиторией (читателем). Таким образом, тип эвиденциальности выступает не только в качестве семантического параметра, но и как элемент прагматической структуры ЭВ.

3.2. Моделирование сочетаний эвиденциальных операторов с маркерами других модусных категорий

На втором этапе с целью выявления сочетаний полимодальных показателей применялся метод комбинаторного анализа. В программу помещались индексы модусных категорий: авторизации (A), аппроксимации ($Aprx$), восприятия (Ap), модальности (M), отрицания (D), оценочности (Evl), персональности (Ps), персуазивности (P), эвиденциальности (Ev), экспрессивности (Ex), эмотивности (Emt) и темпоральности (T), а также корпус соответствующих маркеров.

Разработанный алгоритм позволил определить все возможные категориальные сочетания по принципу полного перебора комбинаций, а также соотнести каждый маркер с конкретной модусной категорией. В результате анализа было выделено 128 возможных синергетических моделей сцепления, различающихся как по количеству элементов (от 1 до 8), так и по набору входящих в них категорий. Каждая модель сопоставлялась с текстовыми примерами из корпуса, в которых в пределах одного и того же ЭВ актуализировались сразу несколько модусных смыслов.

Немаловажно, что процесс моделирования осуществлялся с учетом основополагающих лингвосинергетических принципов взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации, а также двух уровней эвиденциальной семантики — базовой ($Evs = Ev + A + Ap + Ps + T$) и добавочной ($Evs + Aprx$, $Evs + D$, $Evs + Emt$, $Evs + Ex$, $Evs + Evl$, $Evs + M$, $Evs + P$) [Козловский, 2023]. Отметим, что на данном этапе нейросетевые методы не задействовались, поскольку комбинаторный анализ выполнялся с использованием логических и статистических процедур. Тем не менее полученные модели межкатегориального сцепления послужили основой для последующей нейросетевой классификации и сопоставления модусных признаков. Наиболее показательные случаи взаимодействия эвиденциальности с другими модусными категориями представлены далее (табл. 2).

Таблица 2

Примеры синергетических моделей сцепления
эвиденциальности и других модусных категорий

Сочетание модусных категорий	Пример из корпуса
Evs + Aprx + Evl	It seems that the estimates were roughly calculated, which is troubling (Положе, оценки были рассчитаны приблизительно, что вызывает беспокойство).
Evs + D + P	They definitely didn't inform the audience to influence public opinion (Они определенно не проинформировали аудиторию, чтобы повлиять на общественное мнение).
Evs + M + Ex	Apparently, this must have been a horrible mistake! (Очевидно, это была ужасная ошибка!)
Evs + Emt + Evl	Reportedly, he was furious — completely outraged by the results (Как сообщается, он был в ярости — абсолютно возмущен результатами).

Анализ представленных данных (табл. 2) позволяет сделать вывод о том, что эвиденциальные операторы не функционируют изолированно, образуют устойчивые модели сцепления с маркерами других модусных категорий и формируют полимодальную семантику медиадискурса. Например, модель *Evs + D + P* демонстрирует актуализацию эвиденциальности в контексте отрицания и суггестивного воздействия на адресата (читателя), что типично для дискурса опровержений, политической полемики и разоблачительных публикаций в СМИ [Карданова-Бирюкова, 2013]. Модели *Evs + M + Ex* или *Evs + Emt + Evl* показывают, каким образом семантика модальности и экспрессивности усиливает манипулятивный потенциал ЭВ. Подобные модели позволяют говорить о существовании типовых паттернов взаимодействия модусных категорий, отражающих не только семантическую направленность, но и модусную организацию медиатекстов. С позиции лингвосинергетики модели категориального сцепления представляют собой самоорганизующиеся смысловые блоки, характерные для определенных типов и жанров медиадискурса. Таким образом, выявленные в ходе комбинаторного анализа модусные сочетания могут служить отправными точками для автоматизированной идентификации и классификации речевых стратегий автора (субъекта коммуникации) в рамках медиадискурса.

3.3. Контекстуальная классификация модусных показателей (*BiLSTM*)

Поскольку один и тот же показатель может выполнять различные модусные функции в зависимости от контекста, была обучена модель *BiLSTM*

с *attention*-механизмом, способная классифицировать добавочную модусную функцию эвиденциального оператора в том или ином ЭВ. Обучение проводилось на размеченной выборке из 1000 ЭВ с ручной аннотацией показателей. Результаты эксперимента подтвердили, что модусная функция эвиденциального оператора определяется контекстом: одни и те же маркеры могут актуализировать различные смыслы в зависимости от дискурсивной среды. В таблице 3 представлены типовые случаи интерпретации эвиденциальных операторов в зависимости от контекста, выявленные в ходе автоматической классификации с использованием *BiLSTM*-модели.

Таблица 3

Классификация маркеров по модусной функции (результаты *BiLSTM*)

Предложение	Вывод модели	Уверенность
<i>They say she opposed the decision</i> (Говорят, что она выступила против этого решения).	Эвиденциальность	0.93
<i>It might be the correct approach</i> (Возможно, это правильный подход).	Модальность	0.85
<i>Allegedly, the government ignored the warning signs</i> (Предположительно, правительство проигнорировало предупреждения).	Оценочность	0.89
<i>We almost completed the task</i> (Мы почти завершили задание).	Аппроксимация	0.87
<i>I don't think it happened that way</i> (Я не думаю, что все было именно так).	Отрицание	0.90
<i>She was absolutely furious about the result</i> (Она была абсолютно в ярости из-за результата).	Эмотивность	0.88
<i>This is clearly intended to provoke a reaction</i> (Это явно направлено на то, чтобы спровоцировать реакцию).	Экспрессивность	0.86
<i>It must be true, they always report facts accurately</i> (Должно быть, это правда, они всегда точно передают факты).	Персуазивность	0.84

Результаты автоматической классификации маркеров с использованием *BiLSTM*-модели демонстрируют высокую чувствительность модусных показателей к контексту. Один и тот же маркер (*they say* (говорят), *allegedly* (предположительно), *might* (возможно)) может актуализировать различные модусные смыслы (от эвиденциальности до модальности, оценочности или аппроксимации) в зависимости от языкового окружения. Это подтверждает гипотезу о полифункциональности и семантической вариации

тивности эвиденциальных операторов в медиадискурсе. Немаловажно, что нейросетевая модель способна учитывать подобные сдвиги и с высокой точностью соотносить маркеры с соответствующими модусными смыслами, что делает ее эффективным инструментом, применимым для аннотирования и семантического парсинга. Кроме того, выявленная полифункциональность маркеров обуславливает необходимость отказа от их жесткой типологизации в пользу контекстно-ориентированного подхода, при котором определяющим становится не сама форма, а ее модусная репрезентация в дискурсивном пространстве. Тем самым анализ эвиденциальности сближается с моделями динамической семантики, а использование обучаемых ИНС получает теоретическое и методологическое обоснование в контексте интерпретации полимодальных смыслов.

3.4. Прогнозирование модусного развития ЭВ (*Language Modeling*)

На завершающем этапе исследования применялся метод языкового моделирования (*Language Modeling*), направленный на прогнозирование и интерпретацию вероятных сценариев развертывания ЭВ в медиадискурсе. Целью этапа стало выявление устойчивых паттернов формирования полимодальной семантики на основании базовой эвиденциальной семантики (*Evs*).

Реализация данного этапа потребовала предварительного рассмотрения структурной организации ЭВ. С позиций лингвосинергетики любое ЭВ включает две функционально взаимосвязанные фазы: профазу и эпифазу [Борботько, 2011].

Профаза представляет собой семантический каркас ЭВ, формирующий его интенциональную и тематическую направленность. Она включает указание на автора или субъекта коммуникации, а также эвиденциальный оператор. На этом этапе возможно взаимопроникновение модусной семантики — когда один и тот же показатель одновременно выражает эвиденциальность и смыслы других модусных категорий.

Эпифаза раскрывает основное содержание ЭВ и включает передаваемый материал. Она развивает и конкретизирует ранее заложенную эвиденциальную семантику, обеспечивая ее расширение через взаимодополнение — за счет включения в структуру ЭВ дополнительных модусных маркеров, репрезентирующих смыслы других модусных категорий.

Таким образом, при анализе модусной динамики категории эвиденциальности с использованием метода языкового моделирования (*Language Modeling*) учитывается двухфазная структура высказывания, в рамках которой прослеживается взаимодействие (взаимопроникновение, взаимодополнение) эвиденциальности с другими модусными категориями. На основании результатов языкового моделирования были выделены типовые

траектории развертывания полимодальной эвиденциальной семантики (табл. 4).

Таблица 4

Специфика вероятного развертывания ЭВ (*Language Modeling*)

Оператор	Пример продолжения	Тип сцепления	Добавочная семантика
<i>Maybe</i> (Может быть)	<i>you are right</i> (ты прав)	Взаимопроникновение	<i>M</i>
<i>Bill feels</i> (Билл считает)	<i>this is likely to continue</i> (что это, скорее всего, продолжится)	Взаимодополнение	<i>M</i>
<i>Evidently</i> (Очевидно)	<i>we need to be careful</i> (нам нужно быть осторожными)	Взаимопроникновение	<i>P</i>
<i>According to experts</i> , (Согласно экспертам)	<i>red colour urges you to stay alert</i> (красный цвет заставляет вас быть начеку)	Взаимодополнение	<i>P</i>
<i>It is impossible that</i> (Невозможно, чтобы)	<i>each person will always choose the good</i> (каждый человек всегда выбирал добро)	Взаимопроникновение	<i>D</i>
<i>They claim</i> (Они утверждают, что)	<i>it never happened</i> (этого никогда не было)	Взаимодополнение	<i>D</i>
<i>Reportedly</i> , (Как сообщается)	<i>these measures are more than effective</i> (эти меры более чем эффективны)	Взаимодополнение	<i>Evl</i>
<i>It's awful</i> (Ужасно, что)	<i>that they lost their home</i> (они потеряли свой дом)	Взаимопроникновение	<i>Evl</i>
<i>It is striking</i> (Поразительно)	<i>how scientific studies help us</i> (как научные исследования помогают нам)	Взаимопроникновение	<i>Ex</i>
<i>I saw</i> (Я видел)	<i>him walk out like a storm</i> (как он вышел, будто буря)	Взаимодополнение	<i>Ex</i>
<i>She is almost certain</i> (Она почти наверняка)	<i>to make it to the second round</i> (выйдет во второй тур)	Взаимопроникновение	<i>Aprx</i>
<i>I believe</i> (Я полагаю)	<i>the figures were roughly estimated</i> (данные были рассчитаны приблизительно)	Взаимодополнение	<i>Aprx</i>
<i>We understood</i> (Мы поняли, что)	<i>he was absolutely furious</i> (он был абсолютно в ярости)	Взаимодополнение	<i>Emt</i>
<i>It's a shame</i> (Жаль, что)	<i>to let all this beauty go to waste</i> (вся эта красота пропадёт впустую)	Взаимопроникновение	<i>Emt</i>

Представленные результаты языкового моделирования (табл. 4) позволяют выделить устойчивые траектории развертывания ЭВ, что существенно расширяет понимание их внутренней структуры. Использование профазы и эпифазы как фазового каркаса ЭВ подтверждает, что эвиденциальность в медиадискурсе не ограничивается функцией указания на источник информации. Эвиденциальность инициирует смысловое развертывание высказывания, в котором принимают участие другие модусные категории. Такие операторы, как *maybe* (может быть), *evidently* (очевидно), *according to* (согласно) и др., не только задают информационную рамку, но и прогнозируют характер модусного развертывания ЭВ, характеризующегося добавочной семантикой — оценочности, персуазивности, экспрессивности и т. д. Данное обстоятельство представляет интерес не только для лингвистической теории, но и для практики автоматического прогнозирования смысла в системах генерации текста. Синергетические сцепления в структуре ЭВ представляют собой не случайные, а закономерные конфигурации модусных смыслов, поддающиеся формализации и моделированию. Тем самым подтверждается эффективность использования нейросетевых подходов не только для классификации, но и для предиктивной интерпретации полимодальной семантики.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование подтвердило высокую эффективность применения методов, основанных на обучении нейронных сетей, в ходе анализа модусной категории эвиденциальности в медиадискурсе. В отличие от традиционных подходов нейросетевые алгоритмы позволяют учитывать контекстуальную обусловленность значений, фиксировать имплицитные смысловые сдвиги, а также автоматически классифицировать модусные показатели с высокой степенью точности.

Разработанная комплексная методика анализа актуализации эвиденциальности в медиадискурсе включает векторизацию лексических единиц (*Word2Vec*), комбинаторное моделирование модусных сочетаний, *BiLSTM*-классификации и языковое прогнозирование (*Language Modeling*). В ходе исследования были выявлены типовые маркеры эвиденциальности, установлены их контекстуальные функции, а также описаны устойчивые синергетические модели сцепления эвиденциальности с другими модусными категориями, такими как «авторизация», «аппроксимация», «восприятие», «модальность», «отрицание», «оценочность», «персональность», «персуазивность», «экспрессивность», «эмотивность» и «темпоральность».

Особую значимость полученные результаты приобретают в свете лингвосинергетической парадигмы, согласно которой модусная структу-

ра ЭВ рассматривается как многослойная система, включающая процессы взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации модусных смыслов различных категорий. Использование нейросетевых методов исследования позволяет не только количественно описать такое взаимодействие, но и выявить скрытые закономерности межкультурного синергетического сцепления, тем самым расширяя инструментарий лингвосинергетического подхода к дискурсивному анализу.

Перспективы дальнейших исследований эвиденциальности с применением методов, основанных на обучении нейронных сетей, заключаются в решении следующих задач:

- увеличение объема материала исследования за счет мультязычных и мультимодальных источников;
- адаптация предложенных моделей к различным жанрово-стилевым типам дискурса;
- интеграция нейросетевых методов в практику автоматизированной лингвистической экспертизы и анализа манипулятивных стратегий в медиадискурсе.

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта в лингвистике позволяет по-новому взглянуть на такие сложные модусные категории, как эвиденциальность, и открывает возможности для более точного анализа полимодальной семантики в медиадискурсе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

BNC — British National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 23.07.2025).

Литература

1. Басовец И. М. Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в медиажанрах (на материале английского и белорусского языков) / И. М. Басовец // Известия Смоленского государственного университета. — 2024. — № 1 (65). — С. 90—102. — DOI: 10.35785/2072-9464-2024-65-1-90-102.
2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса : от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2011. — 288 с. — ISBN 978-5-397-01802-9.
3. Гафаров Ф. М. Искусственные нейронные сети и приложения / Ф. М. Гафаров, А. Ф. Галимянов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. — 121 с.
4. Дзюбенко А. И. Прагматика художественного вымысла : дискурсивные маркеры эвиденциальности / А. И. Дзюбенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — № 11. — С. 3964—3970. — DOI: 10.30853/phil20240558.

5. *Иванова С. В.* Эвиденциальность и эпистемическая модальность : сопряжение на уровне семантики слова / С. В. Иванова, Г. Ш. Хакимова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2024. — Т. 21. — № 4. — С. 802—824. — DOI: 10.21638/spbu09.2024.403.

6. *Инь Суузюнь.* Метод применения нейронных сетей BERT-BILSTM-Attention для определения эмоционального отношения автора к тексту / Инь Суузюнь, Г. И. Афанасьев, А. П. Калистратов // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Естественные и технические науки. — 2023. — № 7—2. — С. 55—58. — DOI: 10.37882/2223-2982.2023.7-2.13.

7. *Карданова-Бирюкова К. С.* Реализация принципа рекурсивности речевой деятельности в политическом дискурсе (на основе анализа стенограммы телепередачи «К барьеру!») / К. С. Карданова-Бирюкова // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2013. — № 2 (12). — С. 77—86.

8. *Кобрина О. А.* Категория эвиденциальности : ее статус и формы выражения в разных языках / О. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2005. — № 1 (2). — С. 86—98.

9. *Кобрина О. А.* Модусная составляющая лингво-коммуникативной категории / О. А. Кобрина // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики : Сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием, Нижний Новгород, 21—22 мая 2021 года. — Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2021. — С. 50—56.

10. *Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н. А. Козинцева // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 92—104.

11. *Козловский Д. В.* Категоричная и некатегоричная эвиденциальность в англоязычном дискурсивном пространстве / Д. В. Козловский // Филология и культура. — 2017. — № 1 (47). — С. 30—36.

12. *Козловский Д. В.* Реализация категории эвиденциальность в дискурсивном пространстве массмедиа : лингвосинергетический аспект / Д. В. Козловский. — Саратов : Амрит, 2023. — 184 с. — ISBN 978-5-00207-175-3.

13. *Кузнецов Р. С.* Прогнозирование биржевых котировок Amazon Inc. С использованием BILSTM-Attention нейронной сети / Р. С. Кузнецов // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — № 10—2 (104). — С. 19—23. — DOI: 10.24412/2411-0450-2023-10-2-19-23.

14. *Петрова И. М.* Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина. — Москва : Языки народов мира, 2022. — 259 с. — ISBN 978-5-6048046-8-1.

15. *Плунгян В. А.* «Что такое грамматические категории?» [Электронный ресурс] / В. А. Плунгян // ПостНаукаTV. — 2012. — Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=HGSVYt8UpYc> (дата обращения 25.12.2024).

16. *Сусов И. П.* История языкознания / И. П. Сусов. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2006. — 295 с. — ISBN 5-17-038557-9.

17. *Хазиева Р. Р.* Информационные технологии использования эвиденциальных маркеров в политическом дискурсе СМИ / Р. Р. Хазиева // Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия : Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 16—21 октября 2017 года / Ответственные редакторы А. П. Чудинов, Сунь Юйхуа. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2017. — С. 188—190. — ISBN 978-5-7186-0945-5.

18. Черкунова М. В. Функциональный синергизм текста как объект функциональной лингвосинергетики / М. В. Черкунова, Е. В. Пономаренко, А. А. Харьковская // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2022. — Т. 28. — № 4. — С. 106—114. — DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-4-106-114.
19. Aikhenvald A. Y. *Evidentiality* / A. Y. Aikhenvald. — Oxford : Oxford University Press, 2004. — 481 p.
20. Aikhenvald A. Y. The grammaticalization of evidentiality / A. Y. Aikhenvald // *The Oxford handbook of grammaticalization*. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — Pp. 605—606. — ISBN 978-0-19-958678-3.
21. Burnashev R. F. The role of neural networks in linguistic research / R. F. Burnashev, A. S. Alamova // *Science & Education*. — 2023. — Vol. 4. — № 3. — Pp. 558—569.
22. Deep evidential learning in diffusion convolutional recurrent neural network / Z. Feng, K. Qi, B. Shi, H. Mei, Q. Zheng, H. Wei // *Electronic Research Archive*. — 2023. — Vol. 31. — Issue 4. — Pp. 2252—2264. — DOI: 10.3934/era.2023115.
23. Khranchenko D. S. The power of synergy in discourse : exploring persuasive language in English mass media / D. S. Khranchenko // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. — 2023. — Vol. 13. — № 2. — Pp. 368—379. — DOI: 10.17509/ijal.v13i2.63068.
24. Naymushin M. Word2vec semantic model and human language processing / M. Naymushin // *Речевые технологии*. — 2021. — № 1—2. — Pp. 47—60. — DOI: 10.58633/23058129_2021_1-2_47.
25. Shao Z. Dual-level Deep Evidential Fusion : Integrating multimodal information for enhanced reliable decision-making in deep learning / Z. Shao, W. Dou, Y. Pan // *Information Fusion*. — 2024. — Volume 103. — Pp. 102—113. — DOI: 10.1016/j.inffus.2023.102113.
26. Suleimanova O. A. The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science / O. A. Suleimanova, I. A. Guseinova, A. A. Vodyanitskaya // *Society. Integration. Education : Proceedings of the International Scientific Conference*. — 2020. — Vol. 4. — Pp. 657—669. — DOI: 10.17770/SIE2020VOL4.4851.
27. Tong Z. An evidential classifier based on Dempster-Shafer theory and deep learning / Z. Tong, P. Xu, T. Denoeux // *Neurocomputing*. — 2021. — Vol. 450. — Pp. 275—293. — DOI: 10.1016/j.neucom.2021.03.066.

*Статья поступила в редакцию 30.07.2025,
одобрена после рецензирования 29.10.2025,
подготовлена к публикации 15.12.2025.*

Material resources

BNC — British National Corpus. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 23.07.2025).

References

- Aikhenvald, A. Y. (2004). *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press. 481 p.
- Aikhenvald, A. Y. (2021). The grammaticalization of evidentiality. In: *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press. 605—606. ISBN 978-0-19-958678-3.
- Basovets, I. M. (2024). The Xiphoid subject model of textual deauthorization in media genres (based on the material of English and Belarusian languages). *Proceedings of the Smolensk State University, 1 (65)*: 90—102. DOI: 10.35785/2072-9464-2024-65-1-90-102. (In Russ.).

- Borbotko, V. G. (2011). *Principles of discourse formation: from psycholinguistics to linguosynergetics*. Moscow: Librocom Book House. 288 p. ISBN 978-5-397-01802-9. (In Russ.).
- Burnashev, R. F., Alamova, A. S. (2023). The role of neural networks in linguistic research. *Science & Education*, 4 (3): 558—569.
- Cherkunova, M. V., Ponomaryovskaya, E. V. (2022). Functional synergism of the text as an object of functional linguosynergetics. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*, 28 (4): 106—114. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-4-106-114. (In Russ.).
- Dzyubenko, A. I. (2024). Pragmatics of artistic fiction: discursive markers of evidentiality. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 17 (11): 3964—3970. DOI: 10.30853/phil20240558. (In Russ.).
- Feng, Z. (2023). Deep evidential learning in diffusion convolutional recurrent neural network. *Electronic Research Archive*, 31 (4): 2252—2264. DOI: 10.3934/era.2023115.
- Gafarov, F. M., Galimyanov, A. F. (2018). *Artificial neural networks and applications*. Kazan: Kazan Publishing House. University. 121 p. (In Russ.).
- Ivanova, S. V., Khakimova, G. Sh. (2024). Evidentiality and epistemic modality: conjugation at the level of word semantics. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 21 (4): 802—824. DOI: 10.21638/spbu09.2024.403. (In Russ.).
- Kardanova-Biryukova, K. S. (2013). Implementation of the principle of recursiveness of speech activity in political discourse (based on the analysis of the transcript of the TV show “To the barrier!”). *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 2 (12): 77—86. (In Russ.).
- Khazieva, R. R. (2017). Information technologies for the use of evidential markers in the political discourse of the media. In: *One Belt—One Way. Linguistics of interaction: Proceedings of the International Scientific Conference, Yekaterinburg, October 16—21, 2017*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 188—190. ISBN 978-5-7186-0945-5. (In Russ.).
- Khramchenko, D. S. (2023). The power of synergy in discourse: exploring persuasive language in English mass media. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 13 (2): 368—379. DOI: 10.17509/ijal.v13i2.63068.
- Kobrina, O. A. (2005). The category of evidentiality: its status and forms of expression in different languages. *Questions of cognitive linguistics*, 1 (2): 86—98. (In Russ.).
- Kobrina, O. A. (2021). The modus component of the linguistic and communicative category. In: *Actual problems of philology and linguodidactics: Collection of materials of the Second All-Russian Conference with international participation, Nizhny Novgorod, May 21—22, 2021*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov. 50—56. (In Russ.).
- Kozintseva, N. A. (1994). Category of evidentiality (problems of typological analysis). *Questions of linguistics*, 3: 92-104. (In Russ.).
- Kozlovsky, D. V. (2017). Categorical and uncategorical evidentiality in the English-speaking discursive space. *Philology and Culture*, 1 (47): 30—36. (In Russ.).
- Kozlovsky, D. V. (2023). *Realization of the evidentiality category in the discursive space of mass media: linguistic and synergetic aspect*. Saratov: Amirit Limited Liability Company. 184 p. ISBN 978-5-00207-175-3. (In Russ.).
- Kuznetsov, R. S. (2023). Forecasting stock quotes of Amazon Inc. Using BILSTM-Attention neural network. *Economics and Business: theory and practice*, 10—2 (104): 19—23. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-10-2-19-23. (In Russ.).

- Naymushin, M. (2021). Word2vec semantic model and human language processing. *Speech technology, 1*—2: 47—60. DOI: 10.58633/2305_8129_2021_1-2_47.
- Petrova, I. M., Ivanova, A. M., Nikitina, V. V. (2022). *Modern digital technologies in linguistic research*. Moscow: Limited Liability Company “Languages of the Peoples of the World”. 259 p. ISBN 978-5-6048046-8-1. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2012). “What are grammatical categories?”. *Post-science*. Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=HGSVYt8UpYc> (accessed 25.12.2024). (In Russ.).
- Shao, Z., Dou, W., Pan, Y. (2024). Dual-level Deep Evidential Fusion: Integrating multimodal information for enhanced reliable decision-making in deep learning. *Information Fusion, 103*: 102—113. DOI: 10.1016/j.inffus.2023.102113.
- Suleimanova, O. A., Guseinova, I. A., Vodyanitskaya, A. A. (2020). The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science. *Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference, 4*: 657—669. DOI: 10.17770/SIE2020VOL4.4851.
- Susov, I. P. (2006). *History of linguistics*. Moscow: AST: East-West. 295 p. ISBN 5-17-038557-9. (In Russ.).
- Tong, Z., Xu, P., Denoeux, T. (2021). An evidential classifier based on Dempster-Shafer theory and deep learning. *Neurocomputing, 450*: 275—293. DOI: 10.1016/j.neucom.2021.03.066.
- Yin, S., Afanasyev, G. I., Kalistratov, A. P. (2023). Method of applying neural networks BERT-BILSTM-Attention to determine the emotional attitude of the author to the text. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Natural and Technical Sciences, 7*—2: 55—58. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.7-2.13. (In Russ.).

*The article was submitted 30.07.2025;
approved after reviewing 29.10.2025;
accepted for publication 15.12.2025.*

Информация для цитирования:

Котов А. А. Соотношение полных и кратких предикативных прилагательных в русских духовных стихах : стилистический и грамматический аспекты / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 123—144. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-123-144.

Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2025). Full vs. Short Predicate Adjectives in Russian Spiritual Verses: Stylistic and Grammatical Perspectives. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 123-144. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-123-144. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Соотношение полных и кратких предикативных прилагательных в русских духовных стихах: стилистический и грамматический аспекты

Котов Андрей Александрович

orcid.org/0000-0002-1251-9083
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
русского языка как иностранного
и прикладной лингвистики,
корреспондирующий автор
andrewcot1972@yandex.ru

Мухина Елена Александровна

orcid.org/0000-0002-5922-8558
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка
как иностранного
и прикладной лингвистики
kareliaptz@mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Full vs. Short Predicate Adjectives in Russian Spiritual Verses: Stylistic and Grammatical Perspectives

Andrey A. Kotov

orcid.org/0000-0002-1251-9083
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Russian
as a Foreign Language
and Applied Linguistics,
corresponding author
andrewcot1972@yandex.ru

Elena A. Mukhina

orcid.org/0000-0002-5922-8558
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian as a Foreign
Language and Applied Linguistics
kareliaptz@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается использование кратких и полных предикативных прилагательных в русских духовных стихах. Представлены результаты сопоставительного анализа текстов в составе трех сборников русских духовных стихов: Сборника русских духовных стихов, составленного В. Варенцовым; сборника «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX веков»; сборника «Духовные стихи русского Севера». Рассматривается количественное соотношение кратких и полных адъективов-предикатов, их стилистическая маркированность. Авторы основываются на грамматическом критерии разграничения предикативных кратких и усеченных форм адъективов — их синтаксической функции, обусловливающей такой важный признак, как наличие или отсутствие падежного словоизменения. Рассматриваются морфологические и синтаксические факторы, влияющие на предикативность полных адъективов: способ выражения подлежащего, позиция адъектива по отношению к подлежащему, наличие или отсутствие связки. Выявляется грамматическая закономерность: при дистанционном расположении адъектива и существительного «степень предикативности» полного прилагательного повышается, при контактом — понижается. Описываются особые синтаксические «конструкции принадлежности» с полными предикативными прилагательными, особое внимание уделяется синтаксическому статусу адъективов в связи с коммуникативной организацией высказывания.

Ключевые слова:

русские духовные стихи; адъектив; краткие прилагательные-предикаты; полные прилагательные-предикаты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the use of short and full predicate adjectives in Russian spiritual verses. The study presents comparative analysis results from three collections of Russian spiritual poetry: V. Varentsov's Collection of Russian Spiritual Verses; "The Dove Book: Russian Folk Spiritual Verses of the Eleventh to Nineteenth Centuries"; and "Spiritual Verses of Northern Russia." It examines the quantitative distribution between short and full predicative adjective forms as well as their stylistic distinctiveness. Drawing on grammatical criteria for distinguishing between predicative short and truncated adjective forms — namely, their syntactic function that determines an important feature such as case inflection — the authors explore morphological and syntactic factors influencing the predicativity of full adjectives: subject expression mode, position relative to the subject, presence or absence of a copula verb. A grammatical pattern is identified: when an adjective and noun are distant from each other, the degree of predicativity increases for full adjectives, whereas it decreases with close proximity. Special attention is given to describing unique syntactic constructions involving possessive relationships with full predicative adjectives, emphasizing the syntactic status of these adjectives within communicatively organized utterances.

Key words:

Russian spiritual verses; adjective; short predicative adjectives; full predicative adjectives

УДК 398.88+811.161.1'367.333

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-123-144

Научная специальность ВАК

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Соотношение полных и кратких предикативных прилагательных в русских духовных стихах: стилистический и грамматический аспекты

© Котов А. А., Мухина Е. А., 2025

1. Введение = Introduction

Духовные стихи, которые в недавнем прошлом достаточно продолжительное время незаслуженно находились на периферии изучения по идеологическим причинам, в последние два десятилетия остаются в центре внимания специалистов самых разных областей. Так, появляются работы, направленные на анализ произведений жанра с точки зрения музыкально-поэтической [Константинов, 2024; Ларионова, 2025] и эсхатологической [Листова, 2025; Лустенко, 2025]; исследуются региональные особенности произведений жанра [Стрелкова и др., 2024; Канева, 2024], вводятся в научный оборот новые архивные записи [Кузнецова, 2025; Петрова, 2023]. Нельзя сказать, что духовные стихи совсем не изучались с лингвистической точки зрения (см. [Петров, 2012]), однако собственно грамматический аспект изучения духовных стихов до сих пор не получил должного внимания; как правило, внимание исследователей фокусируется на лексическом составе в связи со спецификой жанра [Марьянович, 2025].

Для отечественной грамматической науки актуальным остается вопрос о динамическом соотношении полных и кратких прилагательных-предикатов. В той или иной мере им занимались крупнейшие ученые-языковеды XIX—XX столетий: А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, Г. Павский, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Е. С. Истрина, В. В. Виноградов, В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Л. А. Булаховский, А. Г. Руднев, А. Н. Гвоздев, Н. Ю. Шведова, Н. И. Толстой, Н. С. Валгина, Е. М. Вольф и др. (см. [Бобкова, 2019; Котов, 2017, с. 5—20; Кулева, 2017, с. 4—39]).

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных изучению предикативных прилагательных, мы не имеем полной картины. Соотношение предикативных форм адъективов свидетельствует о непре-

рывном развитии языка, характеризуется неустойчивостью и динамичностью [Бобкова, 2019; Гончарова, 2011; Руде, 2005]. Как замечает О. И. Бобкова, «значительный интерес и сохраняющаяся актуальность ... обуславливаются тем фактом, что, несмотря на долгую историю исследования и, кажется, глубокую проработанность вопроса, однозначно определить общие основания использования в позиции предиката полных или кратких форм прилагательных пока не удастся» [Бобкова, 2019, с. 294].

Между полными и краткими прилагательными-предикативами существуют многочисленные синтаксические [Гращенко, 2022] и коммуникативно-семантические различия, которые до сих пор не описаны в полном объеме, см. подробнее: [Бобкова, 2019; Коммуникативная грамматика ..., 2004, с. 91; Плунгян, 2011, с. 233; Котов, 2017, с. 13—16].

В монографии А. М. Петрова «Синтаксис русских духовных стихов» зафиксировано наличие в текстах предикативных моделей *NI — Adj1* и *NI — Adj1 (кратк.)* [Петров, 2012, с. 24]. В своих работах [Котов, 2017; Котов и др., 2023] мы рассматривали усеченные и краткие адъективы в текстах духовных стихов, используемые в том числе в роли эпитетов; в принимаемом исследовании мы анализируем соотношение полных и кратких адъективных предикатов с грамматической и коммуникативной точек зрения, а также с учетом возможной жанровой специфики текстов.

Ранее мы обозначили основной критерий разграничения собственно кратких и усеченных форм: это синтаксическая функция адъектива, обусловливающая такой важный признак, как наличие — отсутствие падежного словоизменения. Употребление кратких форм в функции предикатива предопределило их обособление в системе частей речи русского языка, поэтому уже в работах отечественных лингвистов XIX века и трудах зарубежных исследователей второй половины XX века получило распространение представление о краткой форме прилагательного как об особой грамматической категории, близкой глаголу, см. обзор в [Гончарова, 2011; Котов, 2017, с. 16—18; Кулева, 2017, с. 20—24].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Вопрос о предикативном функционировании прилагательных собрал большую специальную литературу, многочисленные точки зрения характеризуются качественным разнообразием.

В диахроническом аспекте рассматривалась «фактология»: появление и функционирование кратких и полных предикативных форм в русском литературном языке и его нелитературных разновидностях, их соотношение, описание возможных закономерностей употребления форм и установления связи со стилем и жанрово-стилистическими особенностями

ми эпохи развития языка и господствующим в это время литературным каноном.

В исследованиях синхронного плана описаны семантические и грамматические различия между адъективными предикатами, сделаны попытки сформулировать принципы, обуславливающие использование формы адъектива; особое внимание уделяется случаям, когда предикаты-адъективы начинают различаться своей лексической семантикой в полной и краткой формах, и это лексикографически фиксируется [Бобкова, 2019; Гик, 2019].

На основе анализа специальной литературы мы выделяем несколько направлений в развитии лингвистической мысли:

- 1) время (эпоха) закрепления в составе группы предиката полных прилагательных в русском языке;
- 2) различия в грамматических параметрах использования прилагательных-предикативов;
- 3) грамматический статус краткого прилагательного-предикатива в члестеречной системе;
- 4) различия в употреблении краткой и полной формы прилагательного-предикатива с точки зрения семантики, синтаксиса и речевой прагматики;
- 5) жанрово-стилистическая дифференциация прилагательных-предикатов; см. подробнее: [Бобкова, 2019; Гончарова, 2011; Гращенков, 2022; Котов, 2017; Кулева, 2017].

Формат статьи не позволяет рассмотреть все перечисленные аспекты, тем более что в рамках каждого из направлений выделяются различные точки зрения. Наша задача — описать наиболее общие грамматические (с учетом некоторых коммуникативных характеристик) и стилистические особенности использования адъективных предикатов в русских духовных стихах.

Материалом для статьи послужили тексты из трех сборников духовных стихов: сборник, составленный В. Варенцовым [Варенцов, 1860], сборник «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX веков» [ГК, 1991], сборник «Духовные стихи Русского Севера» [ДСРС, 2015], описанных нами в предыдущей работе [Котов и др., 2023]. Отметим, что при сборе материала мы не учитывали родовую принадлежность текста: были рассмотрены эпические, лиро-эпические и лирические духовные стихи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие наблюдения, статистические данные

На основе анализа корпус текстов всех трех сборников были получены статистические данные (табл. 1), которые позволяют говорить об общем

преобладании (в сборнике ДСРС — значительном) кратких форм предикативных прилагательных над полными (табл. 1).

Таблица 1

Краткие и полные прилагательные-предикативы в духовных стихах
(статистические данные)

Сборник	Краткие прилагательные	Полные прилагательные
Сборник Варенцова	около 46	около 15
Голубиная книга	около 54	около 18
ДСРС	около 211	около 10

В русской лингвистической традиции начиная с XIX столетия полные предикаты-адъективы стилистически характеризуются как *разговорные* (отчасти просторечные), краткие — как *книжные*, тяготеющие к книжно-письменной сфере, см. обзор в: [Котов, 2017, с. 19—20]. В «Русской грамматике» (1980) они противопоставляются как разговорные / просторечные ~ книжные [Русская грамматика, 1980, с. 293]; схожий комментарий даётся в «Краткой русской грамматике» [Краткая русская грамматика, 1989, с. 431]. В современных исследованиях и стилистических справочниках это противоположение сохраняется [Бельчиков, 2014, с. 148; Гончарова, 2011, с. 55].

Стилистическая характеристика прилагательных-предикатов зависит от того, какую сферу общенационального языка и в какой период его развития мы рассматриваем. То, что подходит для характеристики явлений русского литературного языка (книжно-письменной сферы в противоположность разговорному языку), не может быть использовано для характеристики языка фольклора. Жанру духовных стихов, являющихся посредником между письменной литературой и устным народным творчеством, присуща определенная языковая двойственность, обусловленная совмещением признаков книжного и народно-песенного языка. Это позволяет нам говорить о том, что краткие адъективы-предикаты свойственны русской фольклорной традиции.

Обращает на себя внимание различие в количественном соотношении прилагательных-предикатов в сборнике «Духовные стихи Русского Севера» в сравнении со сборником Варенцова и сборником «Голубиная книга»: если в сборниках Варенцова и «Голубиная книга» соотношение кратких и полных прилагательных составляет 3:1, то в сборнике «Духовные стихи Русского Севера» это соотношение составляет 20:1.

На основе имеющегося материала мы не можем дать однозначный ответ на вопрос, чем обусловлено такое явное расхождение, но можем выдвинуть следующее предположение для дальнейшего возможного обсуж-

дения. Общая частотность, как и соотношение кратких или полных прилагательных-предикатов могут быть связаны с предметно-тематическими характеристиками лексического состава конкретного текста и его вариантами. В сборник «Духовные стихи Русского Севера» включены повторяющиеся записи духовных стихов от одних и тех же исполнителей, зафиксированные в разные промежутки времени. Наряду с текстами, которые сохраняют всю сюжетную линию и характеризуются достаточно полной субъектно-речевой структурой, в составе сборника есть тексты неполные, встречаются более двух вариантов стиха на один и тот же сюжет. Например, у стиха «Два Лазаря» зафиксированы 29 вариантов; у стиха «Алексей человек Божий» — 32 варианта; у стиха «Егорий Храбрый» (Мучения Егория) — 33 варианта.

При невысокой частотности использования полных адъективов их лексический состав также ограничен (табл. 2).

Таблица 2

**Общий состав полных прилагательных,
используемых в духовных стихах в роли предикатов**

Сборник	Полные прилагательные-предикаты
Сборник Варенцова	сѣренькій, бѣленькій, родной, святое, трудовая, праховая, слезовая, честная, пристрашная, богатый, убогой, звѣрины, лошадиный
Голубиная книга	неправильный, злопамятный, сытый, глупой, неразумной, неженатой, распросудительный, трудовая, пороховая, жемчужная, кровавая
Духовные стихи Русского Севера	охочей, голодной, холодной, живой, несчастной, большой, лошадиная

Обратим внимание, что в сборнике Варенцова и «Голубиной книге» наблюдается пересечение в лексическом составе прилагательных; это объясняется принадлежностью текстов к одному общенародному сюжету, в котором описываются подвиги Аники-воина. Подобно героям-богатырям, Аника-воин показывает свою силу христианскому миру, однако его подвиги отличаются от тех, что совершают мужественные воители во славу веры. В стихе «дан уникальный для народной христианской поэзии образ героя несправедливого, нечестивого и обращенное к простым смертным назидание, столь свойственное будущим стихам: молодецкая сила Аники-воина, как и все накопленные им богатства — ничто среди ценностей жизни вечной, и душа того, кто в гордыне своей осмелится сокрушать святыни, будет неумолимо низвергнута во тьму глубокую, в огонь палящий» [Солощенко и др., 1991, с. 27].

Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ!
*У тебя казна не **трудовая**,*
*У тебя казна **праховая**,*
*У тебя казна **слезовая**,*
У тебя ли съ кроволитѣя нажитая:
Да не будетъ твоей душѣ помощь.
Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
На десять лѣтъ тебѣ вѣку
 [Варенцов, 1860, с. 114].
Ты храбрые человек Аника-воин!
*Твоя казна не **трудовая**,*
*Твоя казна **пороховая**,*
И Свят Дух дохнѣт, —
Твоя казна прахомъ пройдет, провалится,
И не будет твоей душе пользы
И на второмъ суду, на пришествии.
 [ГК, 1991, с. 107].

При рассмотрении грамматической специфики использования кратких и полных адъективов-предикатов необходимо решение двух частных вопросов: 1) разграничение предикативных кратких (собственно кратких) и усеченных форм; 2) грамматические особенности использования полных предикативных форм.

3.1. Разграничение предикативных кратких и усеченных форм

Ранее было указано, что при выделении кратких форм в функции предиката и разграничении их с усеченными формами в именительном падеже мы опирались на ведущий критерий — синтаксическую позицию и синтаксическую функцию: у кратких форм — предикативную, у усеченных — атрибутивную.

Примеры с атрибутивной позицией адъектива.

Неужели то чудо случится,
*Что возрадуется мое сердце **ретиво**,*
*Что воскреснет мое Чадо **мило**,*
Милое мое Чадо, единое.
 [ДСРС, 2015, с. 97].

***Матерны** слова прокляты,*
От матерна слова погибает,
Синее море спотопляет.
 [ДСРС, 2015, с. 98].

В воскресной день Богу не молились,
По матерну слову побранились,

Матерно слово есть большое,
Да матушка земля вся потряслася.
[ДСРС, 2015, с. 349].

Восходила туча **сильна**, грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая...
[ГК, 1991, с. 33].

У Аники в стременах резвые нозе подогнулись,
У Аники белые руцы опустились,
У Аники **бело** лицо помрачилось,
У Аники очи ясные помутились,
Аники **буйна** глава долой с плеч покати́лась,
И яко пьяныя Аника на коне зашатался.
[ГК, 1991, с. 106].

Неправду отцу Иакову сказали:
От ъ чего зачинался **младъ свѣтъѣль** мѣсяцъ?
[Варенцов, 1860, с. 11].

Государя, братицы, сорокъ царей:
Свята Русь-земля — вѣтъмъ землямъ мать.
[Варенцов, 1860, с. 22—23].

Примеры с предикативной позицией адъектива.
Матерны слова **прокляты**,
От матерна слова погибает,
Синее море спотопляет.
[ДСРС, 2015, с. 98].

Он бьет змею копьём во прожорище:
«Ты будь, змея, и **кротка**, и **смирна**,
Ты пей и ешь мое повеленное,
Олексафиено благословенное».
[ГК, 1991, с. 64].

Блажен ты наш отец Иаков!
Дома ли наш меньший брат Иосиф?
[ГК, 1991, с. 143].

Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая.
[Варенцов, 1860, с. 102].

Еще одним критерием (критерием второго уровня) является включение / невключение адъектива в составное именное сказуемое с формально выраженным глагольным компонентом в связочной функции; в этом слу-

чае на первый план выходит во многом дискуссионный вопрос о семантической самостоятельности / несамостоятельности глагола, степени его грамматикализации и степени перехода в разряд связочных.

В следующих примерах мы квалифицируем формы адъектива как усеченные; на это указывают и семантика глагола, и позиция прилагательного.

Смола кипит, да будто гром гремит,

*А под котлом **зросла** трава **шёлкова**,*

*А **рассвели** цветочки **лазорева***

А Егорьюшку-то ничто не льнит,

Да ничто не льнит, ничто не берит.

[ДСРС, 2015, с. 456].

<...>Подъ котломъ растеть трава-мурава,

***Цвѣтуть** цвѣточки **лазорева**.*

[Варенцов, 1860, с. 96].

Третья есть заставка великая:

***Течеть** рѣка **огненна** отъ востока до запада<...>.*

[Варенцов, 1860, с. 98].

В свою очередь в примерах далее мы определяем формы прилагательных как краткие предикативные; основанием для этого является использование собственно связочных бытийных глаголов или глаголов с ослабленной семантикой, которые можно квалифицировать как полусвязочные:

*Там **лежит** твоя княгинушка **трудна-больна**,*

*Чай **трудна** и **больна**, чадышко породила.*

[ДСРС, 2015, с. 89].

*Лишь один-то Алексей **сидит** печален,*

Он не ест, не пьет, сахарные яства,

Да не кушает пива.

[ДСРС, 2015, с. 248].

Он бьет змею копьём во прожорище:

*«Ты **будь**, змея, и **кротка**, и **смирна**,*

Ты пей и ешь мое повеленное,

Олексафиено благословенное»

[ГК, 1991, с. 64].

*Не **крепка** я **была** в добродетелях,*

*А **низка** я **была** в прегрешениях:*

Поддавалась я телу земному,

Телу земному, праху тленному!

[ГК, 1991, с. 225—226].

*Мне и светлый рай **стал** **нерадостен**,*

Небо ясное помрачилось:

Ко мне ангелы каждый час несут

Слезы горькие христианские;

[ГК, 1991, с. 290].

И расплатится Адамий,

передъ раемъ стоя:

*«Раю мой, раю, **прекрасень** рай **бысте!***

меня ради, Адама, сотворень рай бысти»;

[Варенцов, 1860, с. 40].

Будутъ сыты и пьяны,

Оны будутъ обуты, одгъны,

Оны будутъ тепломъ да обогръиы.

[Варенцов, 1860, с. 63—64].

Еще душа Богу согръшила:

Напилася душа зеленого вина,

*Отъ зеленого вина душа **пьяна была.***

[Варенцов, 1860, с. 147].

Адъектив в краткой форме — компонент составного именного сказуемого в форме изъявительного наклонения с преобладанием глагола-связки *быть* в прошедшем и будущем времени. Местоположение связки по отношению к именной части не является фиксированным. Краткие прилагательные по отношению к подлежащему чаще постпозитивны (примеры даны выше), препозитивное употребление сказуемого составляет не более 10 %:

Господа Бога распинали,

Жезлами бока прободали.

***Велико** имя Господне.*

[ДСРС, 2015, с. 99].

***Грозна** матенка была да хорошенька,*

Гости все уж пьяны разложились,

По домам да разъехались.

[ДСРС, 2015, с. 105—106].

***Злы** были у князя рабы его,*

Все оны самы еству поедали,

Все оны питья испивали,

Блюда-сосуды омывали,

Промги на главу ему выливали,

Ничего к святому не доносили.

[ГК, 1991, с. 133].

***Велика** наша вѣра крещеная,*

***Великъ** нашъ христiанскій Богъ!*

[Варенцов, 1860, с. 79; 80; 81; 82; 83; 85-86].

Велика наша вѣра крещеная,

Мать Божія Богородица,

Еще Троица нераздѣлимая.

[Варенцов, 1860, с. 101].

Краткие прилагательные-предикаты, подобно глаголу, обладают способностью к управлению зависимыми компонентами — существительными, местоимениями, атрибутивными синтагмами — часто в бессвязочных конструкциях.

Богатая сестра брату мила,

а здоровая жена — мужу мила.

[ДСРС, 2015, с. 118].

К Богу ты *лені́ва*,

Ко грехам *радѣ́ва*.

[ДСРС, 2015, с. 133].

Царит во египетском царстве

Иосиф, свет, Прекрасный.

Он Богу был, свет, угоден,

Всему миру он доброхотен;

Угодно он Господу скончался.

[ГК, 1991, с. 153].

Не светел, не красен день мне земной,

Но грозен, презро́зен день судовой.

Я горяшко людям на свет породил,

Смерть люту, да зло я меж ими вскормил!

[ГК, 1991, с. 278].

3.2. Грамматические особенности использования полных прилагательных-предикатов

Мы должны учитывать несколько грамматических факторов, которые влияют на синтаксическую функцию (атрибутивную или предикативную) полного адъектива: 1) способ выражения подлежащего; 2) взаимное расположение прилагательного и определяемого существительного / субстантива (контактное ~ дистантное, препозиция ~ постпозиция); 3) наличие ~ отсутствие связки / связочного глагола; 4) наличие ~ отсутствие управляемого зависимого распространителя в косвенной падежной форме и проч., см. подробнее: [Котов, 2017, с. 35—64].

Полные прилагательные в силу своей атрибутивности при *контактной пре- и постпозиции с существительным* (субстантивом) могут формировать атрибутивную синтагму. При этом действует простая грамматическая закономерность: при дистанционном расположении адъектива и

существительного «степень предикативности» полного прилагательного повышается, при контактном — понижается. Семантико-синтаксические связи между существительным и полным прилагательным сильнее, нежели между существительным и кратким прилагательным.

Примеры с дистанционным расположением полного адъектива и существительного.

По локоть руки в красном золоте,

*Голова у Егория вся **жемчужная**,*

По всем Егорие часты звезды.

[ГК, 1991, с. 49].

Неправду отцу Иакову сказали:

«Блажен ты наш отец Иаков!

Дома ли наш меньший брат Иосиф?

Мы его ризу находжали

Во чистом поле, при долине;

*Риза его вся **кровавая**!*

Невесть его люди убили,

Невесть его люты зверья растерзали!»

[ГК, 1991, с. 143].

На стргю-ту Оники цюдо цюдное, диво дивное:

*Ноги-ты у цюда-та **звѣрины**,*

Голова-та у цюда целовѣцеська,

*А тулово у цюда **лошадиное**.*

[Варенцов, 1860, с. 118].

Наличие связки / связочного глагола также является грамматическим фактором, «поддерживающим» предикативность полного адъектива; при этом существительное и прилагательное могут быть как в дистантной, так и в контактной позиции. Если подлежащее выражено личным местоимением, предикативность полного прилагательного также не подвергается сомнению, поскольку личные местоимения в силу своей грамматической специфики не образуют атрибутивные синтагмы с адъективными словами.

*Уж он не **был** ли **голодной**, **холодной**?*

[ДСРС, 2015, с. 106].

Вскоре таинство открылось:

*Этот пир **несчастной был**.*

Не напрасно сердце билось:

Воли он меня лишил.

[ДСРС, 2015, с. 171—172].

В воскресной день Богу не молились,

По матерну слову побранились,

*Матерно слово **есть** большое,
Да матушка земля вся потряслася.
[ДСРС, 2015, с. 349].*

*От Кривды **стал** народ **неправильный**,
Неправильный стал, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят,
Друг друга поестъ хотят.
[ГК, 1991, с. 42].*

*Во первом греху тебя Бог простит,
Хош бранил отца с родной матерью, —
Втогда **глупой был**, да **неразумной слыл**;
И во другом-то греху тебя Бог простит.
Хоша жил со кумой со хрёстовою,
Хоша прижили младого отрока, —
Втогда холост жил, да **неженатой слыл**;
[ГК, 1991, с. 213].*

*Государя, братцы, сорокъ царей,
что случилось въ моемъ во чистомъ полгъ;
быть два зайчика собгъгались —
одинъ **съренькій былъ**, другой **бгъленькій** —
и промежду собой оны подрались.
[Варенцов, 1860, с. 28].*

*Какой ты мнѣ есь братецъ, какой **ты родной**?
А есть у тебя братья, каковъ ты самъ богатъ:
Купцы-те, бояре — то братья твои,
Попы-те церковники-то хлѣбъ-соль съ ними одна у тебя.
[Варенцов, 1860, с. 70].*

*Братецъ ты, братецъ, богатой целовѣкъ!
Жили мы были на вольномъ на свѣту, —
Другъ мы друга не спознавали,
Братъ мы брата не почитали;
Ты **былъ богатой**, а я былъ убогъ <...>
[Варенцов, 1860, с. 76].*

Следует выделить конструкции принадлежности. Само понятие «конструкции принадлежности» было введено Н. Ю. Шведовой [Шведова, 1948, с. 107—108; Шведова, 1952, с. 84—94; Котов, 2017, с. 65—71]. Они «заклывают в себе указание на место или принадлежность лицу (у меня, у него, здесь, там и т. п.)» [Шведова, 1948, с. 108], роль предиката могут выполнять как краткие, так и полные прилагательные. Рассматривая конструкции принадлежности в контексте истории развития предикативности

прилагательных в русском языке, Н. Ю. Шведова называет эти синтаксические построения «конструкциями переходного типа», поскольку в их составе синтаксическая роль полного прилагательного «как бы колеблется между атрибутивной и предикативной» [Шведова, 1948, с. 108].

Это колебание зависит от коммуникативного фокуса адресанта (говорящего) и восприятия адресата (слушающего). На уровне грамматической (синтаксической) структуры различие будет состоять в том, включаем ли мы полный адъектив в состав атрибутивной синтагмы (состав подлежащего) или рассматриваем его как предикат (состав сказуемого). На уровне коммуникативной структуры предложения разница будет заключаться в том, соотносим ли мы полный адъектив с составом *темы* (состав подлежащего) или с составом *ремы* (состав сказуемого). Соответственно, изменяется постановка логического ударения: оно падает либо на связочный глагол (полное прилагательное как атрибут входит в состав темы — группу подлежащего), либо на полное прилагательное-предикат (состав ремы). Коммуникативный фокус в этом случае зависит от собственно коммуникативных факторов и «синтаксического плана предложения» [Бескровный, 1941, с. 3—42; Котов, 2017, с. 53], под которым мы понимаем коммуникативную перспективу предложения в рамках более широкого контекста.

Гой еси, многогрешные рабы, беззаконные!

У вас там было на вольном на свету,

У вас были судьи немилосливые,

Суд судили не по-прамедному,

Делали неповеленное

[ГК, 1991, с. 261].

Вы гой еси, многогрешные рабы, беззаконные!<...>

У вас были церкви соборные,

Во церквах были книги божественные,

Во книгах было написано,

Написано и напечатано

Чем душа спасти, как во рай войти.

[ГК, 1991, с. 262—263].

Аникъ смерть отверзаетъ:

«Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ!

У тебя казна не трудовая,

У тебя казна праховая,

У тебя казна слезовая,

У тебя ли съ кроволитья нажитая:

Да не будетъ твоей душиѣ помощь.

*Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
На десять лѣтъ тебѣ вѣку»*
[Варенцов, 1860, с. 114].

В нашем материале есть пример, когда в состав конструкции принадлежности входят краткие адъективы; это совпадающие фрагменты текстов общенародного сюжета об Анике-воине из Сборника Варенцова и сборника «Голубиная книга».

*До половины пути начальнова граду Ерусалима не догъхалъ:
При пути, при дороги
Аники же чудо объявилось:
**У чуда ноги лошадины,
У чуда тулово звѣрино,
У чуда буйна глава человѣчья;**
На буйной главѣ власы до споясу.*
[Варенцов, 1860, с. 121].

Отметим случаи, когда полные прилагательные включены в состав двучленной субстантивно-адъективной синтагмы, которые можно рассматривать как синтаксически неделимые словосочетания, выполняющие роль сказуемого. Их специфика заключается в следующем.

Согласно наблюдениям Е. М. Вольф, в синтаксические структуры прилагательное входит через состав именных групп [Вольф, 1978, с. 7—8], полный адъектив является непременным атрибутом имени, может находиться в пре- и постпозиции к нему; образуется двучленная атрибутивная синтагма, в предложении грамматически эквивалентная субстантиву; с точки зрения общего состава предикативного ядра (центра) предложения перед нами составное именное сказуемое, синтагма «полное прилагательное + существительное» выполняет предикативную функцию; однако в составе предикативной синтагмы полный адъектив выполняет роль согласованного атрибута.

В состав таких предикативных синтагм входят существительные с ослабленным лексическим значением, прилагательное является в составе синтагмы семантическим центром. Как правило, подлежащее и сказуемое или семантически дублируют друг друга, или семантически пересекаются.

*Я не царь, да и не царичя-вить,
Я не князь, да и не кнеиня же,
Я не паленича да, удалая,
Да не хресъенина жона я хресъеньская;
А я вить есь смерть, да смерть престрашная.*
[Варенцов, 1860, с. 118].
У вдовушки у сиротушки

Былъ одинъ сынокъ добрый молодецъ.

[Варенцов, 1860, с. 128].

4. Заключение = Conclusions

В рамках данной статьи мы сделали наблюдения, которые позволяют описать еще одну языковую черту русского духовного стиха.

1. Языку духовных стихов, являющихся посредником между письменной литературой и устным народным творчеством, свойственна двойственность, обусловленная совмещением признаков книжного и народно-песенного языка. В том числе и этим объясняется выявленное нами общее значительное преобладание кратких форм предикативных прилагательных над полными.

2. Сборник «Духовные стихи Русского Севера» отличается от двух других количественным соотношением кратких и полных форм: на 20 кратких приходится 1 полная форма, в то время как в других рассмотренных нами источниках наблюдается пропорция 3:1. Значительное преобладание кратких форм над полными в сборнике с карельским материалом можно объяснить предметно-тематическими характеристиками лексического состава конкретного текста и включением в состав сборника всех зафиксированных на территории Карелии вариантов.

3. В силу частеречной морфологической и синтаксической специфики имени прилагательного на атрибутивность / предикативность полного адъектива влияют сразу несколько грамматических факторов. При этом действует простая грамматическая закономерность: при дистанционном расположении адъектива и существительного «степень предикативности» полного прилагательного повышается, при контактном — понижается.

4. Выделяются особые «конструкции принадлежности», в которых синтаксическая роль прилагательного (преимущественно полного) колеблется между предикативной и адъективной. Это колебание зависит от коммуникативного фокуса адресанта (говорящего) и восприятия адресата (слушающего).

5. Полные адъективы включаются в состав двучленной субстантивно-адъективной синтагмы, которые можно рассматривать как синтаксически неделимые словосочетания, выполняющие роль сказуемого; при этом прилагательное является в составе синтагмы семантическим центром.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Варенцов, 1860 — *Сборник русских духовных стихов* / Сост. В. Варенцовым. — Санкт-Петербург : Издатель Д. Е. Кожанчиков, 1860. — 248 с.
2. ГК, 1991 — *Голубиная книга* : Русские народные духовные стихи XI—XIX вв. / Сост., вступит. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. — Москва : Московский рабочий, 1991. — 341 с. — ISBN 5-239-01136-2.
3. ДСРС, 2015 — *Духовные стихи Русского Севера* / сост. В. П. Кузнецова ; Сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. — 800 с. — ISBN 978-5-9274-0626-5.

Литература

1. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. — 424 с. — ISBN 978-5-462-00731-6.
2. Бескровный А. Е. Предикативная функция полной формы прилагательного в русском литературном языке / А. Е. Бескровный // Труды Краснодарского госпединститута им. 15-летия ВЛКСМ. — Краснодар : [б. и.], 1941. — С. 3—54.
3. Бобкова О. И. Особенности семантики предикативных прилагательных в русском языке / О. И. Бобкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Выпуск 6. — С. 294—299. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.62.
4. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного : На материале иберо-романских языков / Е. М. Вольф. — Москва : Наука, 1978. — 200 с.
5. Гик А. В. Поэтическая грамматика имени прилагательного в «Словаре языка русской поэзии XX века» / А. В. Гик ; под общ. ред. И. И. Валуйцевой. — Москва : ИИУ МГОУ, 2019. — С. 172—179. — ISBN 978-5-7017-3063-0.
6. Гончарова Л. М. О некоторых тенденциях в употреблении полных и кратких форм имен прилагательных в современном русском языке / Л. М. Гончарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 1 (8). — С. 52—56.
7. Гращенков П. В. О синтаксической селекции (группы) прилагательного / П. В. Гращенков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. — 2022. — Т. 18. — Ч. 3. — С. 71—103. — DOI: 10.30842/alp2306573718372103.
8. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоров. — Москва : Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. — 540 с. — ISBN 5-88744-050-3.
9. Канева Т. С. Духовный стих «Голубиная книга» на Печоре / Т. С. Канева // Словесность и история. — 2024. — № 2. — С. 175—190. — DOI: 10.31860/2712-7591-2024-2-175-191.
10. Константинов Д. В. Изучение жанра духовных стихов в отечественной фольклористике : современное состояние и актуальность жанра / Д. В. Константинов // Искусство, культура, образование : цифровые стратегии, инструментарий, искусственный интеллект. Сборник статей участников IX Международной научно-практической конференции. — Москва : [б. и.], 2024. — С. 396—403.
14. Котов А. А. Прилагательные-предикаты в русском литературном языке 17—18 веков : грамматический аспект / А. А. Котов. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. — 89 с. — ISBN 978-5-8021-1895-5.

15. Котов А. А. Эпитеты в русских духовных стихах / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 245—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266.
16. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. — Москва : Русский язык, 1989. — 639 с. — ISBN 5-200-00726-7.
17. Кузнецова В. С. Большой стих о Егории Храбром в русской сибирской записи / В. С. Кузнецова // Сибирский филологический журнал. — 2025. — № 1. — С. 9—26. — DOI: 10.17223/18137083/90/1.
18. Кулева А. С. Усеченные прилагательные в языке русской поэзии : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. С. Кулева. — Москва, 2008. — 30 с.
19. Кулева А. С. Проблема усеченных прилагательных / А. С. Кулева // Человек о языке — язык о человеке : Сб. ст. памяти академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2012. — С. 228—233.
20. Кулева А. С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии / А. С. Кулева. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-история, 2017. — 544 с. — ISBN 978-5-4469-1143-1.
21. Ларионова У. Ю. Духовные стихи в репертуаре современных вокальных коллективов / У. Ю. Ларионова // Крымский мир : культурное наследие. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых учёных. — Симферополь : ГБОУ ВО РК «КУКИИТ», 2025. — С. 61—65.
22. Листова Т. А. Святые константы русской культуры в парадигме эсхатологии : XIX — первая половина XX века / Т. А. Листова // Традиции и современность. — 2025. — № 41. — С. 101—114. — DOI: 10.33876/2687-119X/2025-41/101-114.
23. Лустенко А. Ю. Древнерусские духовные стихи : космология и парадоксы временного континуума / А. Ю. Лустенко // Практическая философия : состояние и перспективы. Сборник материалов VIII Международной научной конференции. — Судак : ООО «Антиква», 2025. — С. 89—93. — ISBN 978-5-6041513-2-7.
24. Марьянович Д. Русский духовный стих как часть культурного и языкового наследия русской и сербской духовной лексики / Д. Марьянович, Н. Г. Галоян // Litera. — 2025. — № 2. — С. 145—153. — DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73375.
25. Петров А. М. Синтаксис русских духовных стихов / А. М. Петров. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2012. — 164 с.
26. Петрова Л. И. Из неизданного : духовные стихи в записи А. П. Верещагина / Л. И. Петрова // Словесность и история. — 2023. — № 3. — С. 161—175 — DOI: 10.31860/2712-7591-2023-3-161-175.
27. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие / В. А. Плунгян. — Москва : РГГУ, 2011. — 672 с. — ISBN 978-5-7281-1122-1.
28. Руде Р. Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке / Р. Руде // Вопросы языкознания. — 2005. — № 3. — С. 80—101.
29. Русская грамматика : в 2-х т. / Редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др. — Москва : Наука, 1980. — Т. 2. — 709 с.
30. Солощенко Л. Ф. Слова золотые / Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошин // Голубиная книга : Русские народные духовные стихи XI—XIX вв. / Сост., вступит. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. — Москва : Московский рабочий, 1991. — С. 5—33. — ISBN 5-239-01136-2.

31. Стрелкова И. Г. Особенности жанра духовного стиха в современную эпоху (на примере Республики Татарстан) / И. Г. Стрелкова, Ю. Ю. Цыкина // СЕРВИС PLUS. — 2024. — Т. 18. — № 3. — С. 129—137. — DOI: 10.5281/zenodo.14509832.

32. Шведова Н. Ю. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке 15—18 вв. / Н. Ю. Шведова // Доклады и сообщения ИРЯ АН СССР. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1948. — Выпуск 1. — С. 102—126.

33. Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных в современном русском языке / Н. Ю. Шведова // Ученые записки МГУ. — 1952. — Выпуск 15. — С. 84—94.

Статья поступила в редакцию 11.08.2025,
одобрена после рецензирования 16.11.2025,
подготовлена к публикации 18.12.2025.

Material resources

- DSRS, 2015 — *Spiritual Poems of the Russian North*. (2015). Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 800 p. ISBN 978-5-9274-0626-5. (In Russ.).
GK, 1991 — *Pigeon book: Russian folk spiritual poems of the XI—XIX centuries*. (1991). Moscow: Moskovsky Rabochy Publ. 341 p. ISBN 5-239-01136-2. (In Russ.).
Varentsov, 1860 — *Collection of Russian spiritual poems*. (1860). St. Petersburg: Publisher D. E. Kozhenchikov. 248 p. (In Russ.).

References

- Belchikov, Yu. A. (2008). *Practical stylistics of the modern Russian language*. Moscow: AST-PRESS BOOK. 424 p. ISBN 978-5-462-00731-6. (In Russ.).
Beskrovny, A. E. (1941). Predicative function of the full adjective form in the Russian literary language. In: *Proceedings of the Krasnodar State Medical Institute named after the 15th Anniversary of the Komsomol*. Krasnodar: [b. i.]. 3—54. (In Russ.).
Bobkova, O. I. (2019). Features of the semantics of predicative adjectives in the Russian language. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 12 (6): 294—299. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.62. (In Russ.).
Bryzgunova, E. A., Gabuchan, K. V., Tsikovich, V. A. (eds.). (1890). *Russian Grammar: in 2 volumes*, 2. Moscow: Nauka Publ. 709 p. (In Russ.).
Gik, A. V. (2019). *Poetic grammar of the adjective name in the Dictionary of the Language of Russian Poetry of the twentieth Century*. Moscow: Moscow State University of Economics. 172—179. ISBN 978-5-7017-3063-0. (In Russ.).
Goncharova, L. M. (2011). On some trends in the use of full and short forms of adjectives in modern Russian. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 1 (8): 52—56. (In Russ.).
Grashchenkov, P. V. (2022). On syntactic selection (groups) of adjectives. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 18 (3): 71—103. DOI: 10.30842/alp2306573718372103. (In Russ.).
Kaneva, T. S. (2024). Spiritual verse “Pigeon Book” on Pechora. *Literature and History*, 2: 175—190. DOI: 10.31860/2712-7591-2024-2-175-191. (In Russ.).
Konstantinov, D. V. (2024). The study of the genre of spiritual verses in Russian folklore studies: the current state and relevance of the genre. In: *Art, culture, education:*

- digital strategies, tools, artificial intelligence. Collection of articles by participants of the IX International Scientific and Practical Conference.* Moscow: [b. i.]. 396—403. (In Russ.).
- Kotov, A. A. (2017). *Adjectives-predicates in the Russian literary language of the 17th and 18th centuries: a grammatical aspect.* Petrozavodsk: PetrSU Publishing House. 89 p. ISBN 978-5-8021-1895-5. (In Russ.).
- Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2023). Epithets in Russian Spiritual Verses. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 245—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266. (In Russ.).
- Kuleva, A. S. (2008). *Truncated adjectives in the language of Russian poetry.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).
- Kuleva, A. S. (2012). The problem of truncated adjectives. In: *Man about language — language about man: Collection of articles in memory of Academician N. Y. Shvedova.* Moscow: Azbukovnik Publishing Center. 228—233. (In Russ.).
- Kuleva, A. S. (2017). *The history of truncated adjectives in the language of Russian poetry.* Moscow; Saint Petersburg: Nestor-istoriya. 544 p. ISBN 978-5-4469-1143-1. (In Russ.).
- Kuznetsova, V. S. (2025). The Great verse about Yegory the Brave in the Russian Siberian record. *Siberian Philological Journal*, 1: 9—26. DOI: 10.17223/18137083/90/1. (In Russ.).
- Larionova, U. Y. (2025). Spiritual poems in the repertoire of modern vocal groups. In: *Crimean world: cultural heritage. Materials of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists.* Simferopol: GBOU VO RK “KUKiIT”. 61—65. (In Russ.).
- Listova, T. A. (2025). The Holy constants of Russian culture in the paradigm of eschatology: XIX — the first half of the XX century. *Traditions and modernity*, 41: 101—114. DOI: 10.33876/2687-119X/2025-41/101-114. (In Russ.).
- Lustenka, A. Y. (2025). Ancient Russian spiritual poems: cosmology and paradoxes of the time continuum. In: *Practical philosophy: state and prospects. Collection of materials of the VIII International Scientific Conference.* Sudak: LLC “Antiqua”. 89—93. ISBN 978-5-6041513-2-7. (In Russ.).
- Marjanovich, D., Galoyan, N. G. (2025). Russian spiritual verse as part of the cultural and linguistic heritage of Russian and Serbian spiritual vocabulary. *Litera*, 2: 145—153. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73375. (In Russ.).
- Ore, R. (2005). Predicative adjective and types of sentences in Russian. *Questions of Linguistics*, 3: 80—101. (In Russ.).
- Petrov, A. M. (2012). *Syntax of Russian spiritual verses.* Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 164 p. (In Russ.).
- Petrova, L. I. (2023). From the unpublished: spiritual poems recorded by A. P. Vereshchagin. *Literature and History*, 3: 161—175 DOI: 10.31860/2712-7591-2023-3-161-175. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2011). *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world: textbook. manual.* Moscow: RGGU. 672 p. ISBN 978-5-7281-1122-1. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (1948). The emergence and spread of predicative use of compound adjectives in the Russian literary language of the 15th and 18th centuries. In: *Reports and communications of the IRA of the USSR Academy of Sciences*, 1. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 102—126. (In Russ.).

- Shvedova, N. Y. (1952). Full and short forms of adjectives in modern Russian. *Scientific notes of Moscow State University*, 15: 84—94. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y., Lopatin, V. V. (ed.). (1989). *Short Russian Grammar*. Moscow: Russian Language. 639 p. ISBN 5-200-00726-7. (In Russ.).
- Soloshchenko, L. F., Prokoshin, Yu. S. (1991). Golden words. In: *Pigeon Book: Russian folk spiritual poems of the XI—XIX centuries*. Moscow: Moskovsky Rabochy Publ. 5—33. ISBN 5-239-01136-2. (In Russ.).
- Strelkova, I. G., Tsykina, Yu. Y. (2024). Features of the genre of spiritual verse in the modern era (on the example of the Republic of Tatarstan). *SERVICE PLUS*, 18 (3): 129—137. DOI: 10.5281/zenodo.14509832. (In Russ.).
- Wolf, E. M. (1978). *Grammar and semantics of the adjective: Based on the material of the Ibero-Romance languages*. Moscow: Nauka Publ. 200 p. (In Russ.).
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorov, M. Yu. (2004). *The communicative grammar of the Russian language*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of Russian Language. 540 p. ISBN 5-88744-050-3. (In Russ.).

*The article was submitted 11.08.2025;
approved after reviewing 16.11.2025;
accepted for publication 18.12.2025.*

Информация для цитирования:

Ларионова М. В. Латиноамериканские экзоэтнонимы : лингвокогнитивные особенности идентификации в пространстве коллективного социального воображаемого / М. В. Ларионова, Е. В. Крюкова, Ю. В. Давтян // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 145—166. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-145-166.

Larionova, M. L., Kryukova, E. V., Davtyan, Yu. V. (2025). Latin American Exoethonyms: Linguistic and Cognitive Features of Identification within Collective Social Imaginary. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 145-166. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-145-166. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Латиноамериканские экзоэтнонимы: лингвокогнитивные особенности идентификации в пространстве коллективного социального воображаемого

Ларионова Марина Владимировна
orcid.org/0000-0001-6466-7363
доктор филологических наук,
профессор кафедры испанского языка
larionova.m@list.ru

Крюкова Елена Владимировна
orcid.org/0000-0002-0174-1252
кандидат политических наук,
доцент кафедры испанского языка
e.kryukova@my.mgimo.ru

Давтян Юлия Владимировна
orcid.org/0000-0002-5917-0632
кандидат филологических наук,
доцент кафедры испанского языка,
корреспондирующий автор
yu.slivchikova@my.mgimo.ru

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Latin American Exoethonyms: Linguistic and Cognitive Features of Identification within Collective Social Imaginary

Marina V. Larionova
orcid.org/0000-0001-6466-7363
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Spanish
larionova.m@list.ru

Elena V. Kryukova
orcid.org/0000-0002-0174-1252
PhD in Political, Associate Professor,
Department of the Spanish
e.kryukova@my.mgimo.ru

Yulia V. Davtyan
orcid.org/0000-0002-5917-0632
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Spanish,
corresponding author
yu.slivchikova@my.mgimo.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуется феномен латиноамериканских экзоэтнонимов, которые образуют отдельную группу языковых единиц, отличную как от официальных этнонимов, так и от топонимических номинаций. Авторы утверждают, что экзоэтнонимы, то есть топонимические прозвища, представляют особую категорию лексем, концептуализирующих национально-культурные смыслы, релевантные для формирования идентичности как ощущения национальной или этнической принадлежности. Отмечается, что экзоэтнонимы в дискурсивном пространстве выполняют денотативную, прагматическую, а также идентифицирующую функции. Особое внимание уделяется коннотативным значениям экзоэтнонимов, которые, сквозь призму бинарной оппозиции «свой — чужой», закрепляют определённые стереотипы в пространстве коллективного социального воображаемого, а также требуют осторожности в употреблении из-за потенциально оскорбительных импликаций. Исследование вносит вклад в развитие латиноамериканистики, ономастики и лингвокультурологии, демонстрируя, как этнонимическая лексика участвует в создании и передаче коллективных представлений, в построении национально-языковой картины мира. Работа имеет практическое значение для межкультурной коммуникации, лингвострановедения и перевода.

Ключевые слова:

когнитивная топонимика; этноним; экзоэтноним; эндоэтноним; этнофолизм; коллективное прозвище; Латинская Америка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the phenomenon of Latin American exoethonyms, which constitute a distinct group of linguistic units, differing from both official ethnonyms and toponymic designations. The authors argue that exoethonyms — toponymic nicknames — represent a unique category of lexemes that conceptualize national and cultural meanings relevant to the formation of identity as a sense of national or ethnic belonging. It is noted that exoethonyms serve denotative, pragmatic, and identificatory functions within the discursive space. Special attention is given to the connotative meanings of exoethonyms, which, through the lens of the binary opposition “us vs. them,” reinforce certain stereotypes within the collective social imaginary and necessitate caution in usage due to their potentially offensive implications. This study contributes to the fields of Latin American studies, onomastics, and linguistic cultural studies, demonstrating how ethnonymic vocabulary participates in the creation and transmission of collective representations and in constructing a national-linguistic worldview. The work holds practical significance for intercultural communication, linguistic geography, and translation.

Key words:

cognitive toponymy; ethnonym; exoethonym; endoethonym; ethnofolklore; collective nickname; Latin America.

Латиноамериканские экзоэтнонимы: лингвокогнитивные особенности идентификации в пространстве коллективного социального воображаемого

© Ларионова М. В., Крюкова Е. В., Давтян Ю. В., 2025

1. Введение = Introduction

Этнонимы¹ — номинации этнической группы или народа, а также жителей той или иной территории — объект предлагаемого исследования — представляют собой древнейшую лексическую категорию, поскольку возникли ещё задолго до появления письменности в силу необходимости выражения изначально примитивной племенной оппозиции «свой-чужой», потребовавшей со временем уточнения принадлежности человека к определённой местности и обозначения себя как некой общности. Различают *эндоэтнонимы* как самоназвания и *экзоэтнонимы* как названия, данные другой группой людей, так как при именовании этносов общепринятая номинация для обозначения народа часто не совпадает с его самоназванием. Этнонимы в разных группах языков имеют свои особенности словообразования и функционирования, так как являются вербальным отражением социального коллективного воображаемого народа, сформировавшегося под воздействием исторических процессов и тесно связанного с развитием непосредственных и опосредованных отношений между различными народами и странами. Этнонимы представляют особый интерес для междисциплинарных и кросс-культурных исследований в синхроническом и в диахроническом измерении, актуальность которых определяется необходимостью углублённого изучения их лингвокультурной специфики.

1 В научных исследованиях используется ряд терминов для лексем, которые именуют жителей региона или территории: *катоиконим* (от др.-греч. *κάτα* — «по, соответственно», *οἶκος* — «жилище», *ὄνομα* — «имя»), *демоним* (от др.-греч. *δῆμος* — «народ» и *ὄνομα* — «имя, название»). Отчасти они функционируют как синонимичные научному концепту *этноним*, на который авторы опираются в статье. Термин *этноним* представляется более ёмким по своему научному содержанию, так как, обозначая этническую принадлежность, имплицитно и указывает на место проживания того или иного сообщества людей.

Научный интерес к латиноамериканским этнонимам обусловлен ростом объёмов сотрудничества между Россией и странами латиноамериканского региона в связи со стремительно меняющейся мировой политической конъюнктурой и, как следствие, востребованностью знаний о социолингвистических и культурно-исторических реалиях региона. Этнонимы используются не только в художественной литературе и СМИ, но и в профессиональном дискурсе политиков, дипломатов, бизнесменов. Их дискурсивная вариативность нередко вызывает трудности, связанные с пониманием и правильным толкованием. Кроме того, анализ этнонимов в дискурсивном и в когнитивном аспектах инкорпорируется в актуальную для современного отечественного языкознания антропологическую парадигму исследований.

Перспективным направлением исследования географических названий в рамках лингвокогнитивистики является «когнитивная топонимика» [Мартыненко, 2023], которая представляет собой «раздел ономастики, изучающий способы представления, хранения и передачи информации / знания в географических названиях» [Мартыненко, 2020, с. 146]. В свою очередь, когнитивный топоним трактуется как «собственное название географического объекта, содержащее представления людей о нём и способы передачи этой информации» [Там же]. Ряд исследователей подчёркивают, что «топонимия той или иной территории, являясь лексической подсистемой, отражает языковую картину мира народа, то есть его систему взглядов, миропонимание, национальный дух. В топониме кодируется представление этноса об окружающей среде, актуализируется наиболее актуальное для этноса в данный период времени» [Баландина, 2023, с. 815]. Ономастический концепт как когнитивная основа региональной ономастики и «особая единица знания об имени собственном» [Щербак, 2008] «встраивается» в концептуальную систему и помогает выйти человеку за границы его актуального опыта, отражает сведения о менталитете отдельного человека, сообщества людей, народа, нации; иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке» [Щербак, 2007, с. 41]. Присутствие ономастического концепта в концептосфере национального языка «позволяет не только хранить знания об имени собственном и знания о мире, но и отражать наиболее существенные аспекты концептуальной картины мира» [Щербак, 2007, с. 45]. С точки зрения когнитивно-дискурсивной (коммуникативной) парадигмы исследования, топоним предстаёт «не только как единица языка (лингвистический знак), но и как лингвокультурологический знак, как этнокультурное явление (этнокультурный текст), как структура знания [Корнева, 2016, с. 150]. Именно когнитивные исследования в области топонимии «позволяют обнаружить связь языка и ментальности, языка

и национальной идентичности» [Корнева, 2016, с. 152]. Когнитивный подход к изучению топонимов предполагает проведение исследований «лингвокультурологических, этнолингвистических и собственно когнитивных» [Ковлакас, 2021, с. 328]. Топонимы как способ отражения географической действительности в сознании человека «формируют топонимическую картину мира, реконструируют образ самого человека языковыми ресурсами» [Ковлакас, 2021, с. 330], закрепляя «механизм интерпретации человеком окружающего мира, точнее географических объектов, и себя в этом мире» [Ковлакас, 2021, с. 338]. Отражая социальное, историческое и духовное наследие народа, «топоним перестаёт быть знаком, а становится культурно-языковым кодом» [Ковлакас, 2021, с. 339]. Детонативная функция топонима, таким образом, в рамках когнитивных исследований имплицитно изучение прагматической, символической и функции самоидентификации. В. В. Алпатов [Алпатов, 2007] обращает внимание на тесную связь «топонимической номинации с концептуализацией и категоризацией мира человеком», подчёркивая, что суть выбора дифференциального признака в процессе номинации не в самом признаке, а в его оценке [Алпатов, 2024, с. 43]. Представляется существенным указание В. В. Алпатова на недооценённость дискурсивного подхода в когнитивной парадигме исследований топонимов, на возможность рассмотрения топонима как «свёрнутого текста» и на влияние топонимов на поведение человека [Алпатов, 2024, с. 49].

Отметим, что в фокусе преимущественного внимания учёных-когнитивистов находятся *топонимы* — именованья географических объектов, а не *этнонимы* — названия различных этнических общностей и жителей какой-либо местности. Изучение *этнонимов*, а также *экзоэтнонимов* как номинаций этнических сообществ и групп, которые им дают другие народы, представляет собой перспективную область научного анализа. Проводимое в статье исследование, опирающееся на когнитивно-дискурсивную парадигму, позволяет создать своеобразную этнонимическую карту обширного полиэтнического региона Латинской Америки, основанную на анализе этнонимов и экзоэтнонимов. Этнические номинации и прозвища, на которые обращают научное внимание авторы статьи, являются релевантным материалом для когнитивного исследования, будучи «продуктом функционирования имён в дискурсе, их номинативным порождением в цепочке: имянарекание — функционирование — приобретение ассоциаций — новое имянарекание на основе ассоциаций» [Алпатов, 2024, с. 45].

Новизна работы заключается в предпринятой авторами впервые в отечественной латиноамериканистике попытке когнитивного анализа неофициальных латиноамериканских *этнонимов* и *экзоэтнонимов* как категории слов, которые рассматриваются не в статике, а в речи, с учётом времени

и места их употребления, а также различных характеристик субъекта и объекта дискурса. Созданный авторами глоссарий дискурсивных латиноамериканских экзоэтнонимов, обширная этимологическая справка, а также предложенный механизм их когнитивного анализа с опорой на культурно-историческую и социополитическую пресуппозицию составляют теоретическую значимость статьи.

Практическая ценность заключается в создании глоссария для профессионалов-международников, ориентированных на сотрудничество со странами Латинской Америки, и лиц, изучающих испанский язык и его национальные варианты, а также в предложенном лингвокогнитивном подходе к анализу этнонимов, который может послужить основанием для дальнейших исследований на базе других языков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В отечественном языкознании вопросами образования, функционирования и стандартизации этнонимов учёные заинтересовались относительно недавно. В настоящее время ведётся активное исследование региональной топонимики. Примером тому может служить волгоградская школа, которая занимается составлением словарей местных топонимов и уделяет особое внимание вариативности этнонимов Волгоградской области [Ильин и др., 2015]. Московская школа, созданная О. С. Чесноковой в РУДН, проводит исследования в области топонимии ибероамериканского региона, создавая базу и образец для сравнительного анализа географических названий и номинаций жителей различных территорий, что имеет практическую необходимость как для осуществления грамотного перевода, так и для дальнейших исследований внутри национальных языков и в рамках сопоставления с другими языковыми системами. Этимологическая классификация латиноамериканских топонимов, включающая топонимы автохтонные, испанского происхождения, а также представляющие собой синтез испанских и индейских элементов, позволяет понять вариативность и многообразие словообразовательных моделей географических названий и оттопонимических номинаций в каждой из стран Латинской Америки [Chesnokova, 2011]. Выполнены подробные исследования латиноамериканского топонимического и оттопонимического корпуса [Радович, 2016, Радович, 2017]. Несмотря на целый ряд зарубежных работ, свидетельствующих об актуальности данной темы и посвящённых испаноязычным этнонимам [Chávez Fajardo et al., 2019; Chávez Fajardo et al., 2017; García Padrón, 2015; Morera Pérez, 2015; Tent, 2018], следует особо выделить отечественные исследования [Чеснокова и др., 2020], предлагающие комплексный полипарадигмальный анализ этнонимов Чили, Колумбии, Мексики и Перу.

Однако перечисленные труды преимущественно сконцентрированы вокруг проблемы «внутренней» топонимики и эндоэтнонимики, в то время как авторы статьи ставят целью изучить семантическую структуру, этимологию и прагматику «внешних» этнонимов, экзоэтнонимов, возникающих в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка по отношению к странам-соседям.

Для достижения поставленной цели авторы ставят перед собой ряд задач: опираясь на существующую теоретическую базу, разграничить понятия альтернативных, супплетивных экзоэтнонимов, топонимических прозвищ, этнофолизмов, а также оттопонимических номинаций; составить глоссарий бытующих в латиноамериканском дискурсивном пространстве экзоэтнонимов, называющих жителей стран Иberoамерики; определить и классифицировать коннотации, которые несут в себе экзоэтнонимы в зависимости от места, времени и контекста их употребления.

Цель и задачи исследования определяют выбор основных методов, к которым прибегают авторы: сравнительно-сопоставительный и метод контекстуального анализа, позволяющие выявить коннотации топонимических прозвищ в отличие от нейтральных официальных этнонимов, а также изменения коннотативных значений в зависимости от страны; описательно-аналитический метод, необходимый для исследования этимологии топонимических прозвищ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сравнительный анализ терминов: ключевые различия

Кроме официальных, а также альтернативных и супплетивных (по-прежнему официальных) форм этнонимов, выделяются разговорные и ксенофобные этнонимы / эндоэтнонимы, или топонимические прозвища [Радович, 2016, с. 58; Уразметова, 2014; Ахметова 2017; Ахметова, 2015]. В статье под *топонимическими прозвищами* понимаются разговорные (неофициальные) именованья этнических сообществ и жителей (*gentilicios coloquiales*), которые фиксируются в словарях и употребляются в медийном или литературном дискурсах, хотя лишены статуса официального этнонима. При этом неправомерно отождествлять топонимические прозвища с оттопонимическими номинациями, в том числе оттопонимическими прилагательными [Журавлёва, 2013], которые представляют собой дериваты, имплицитующие однокоренной топоформант. Топонимические прозвища, обладающие дополнительной коннотацией, основанной на разного рода исторических, народных и бытовых стереотипах, появляются вне прямой связи с официальным топонимом. Их мотивационные модели разнообразны и не сводятся к традиционным морфологическим спосо-

бам словообразования от географических названий. Тем не менее экзоэтнонимы как топонимические прозвища представляют собой устойчивые номинации, укоренившиеся в пространстве коллективного социального воображаемого. Они служат способом межнациональной идентификации, «своеобразным ономастическим кодом культуры, так как содержат ценную информацию о культурно-историческом развитии этносов, о характере и специфике их взаимоотношений, формируя ту классификационную сетку, которую конкретный язык с его грамматикой и лексикой навязывает говорящему» [Щербакова, 2013, с. 436]. Именно коллективно-территориальные прозвища, то есть экзоэтнонимы, в отличие от официальных этнонимов и эндоэтнонимов, являются реальным выражением существующей в коллективном сознании оппозиции «свой — чужой», включающей характерную оценочность. Прозвища, рождающиеся и закрепляющиеся в языке исходя из опыта общения народов в определённый момент истории, хранятся в коллективной памяти представителей одного этноса по отношению к жителям другого, оказывают влияние на взаимоотношения новых поколений и формируют через коннотативные значения оценочные мнения в рамках соответствующей коллективной картины мира национально-языкового сообщества. Благодаря своей экспрессивности, от ироничной до оскорбительной, прозвища из жаргона и арго проникают в литературный язык, становясь частью национально-языкового пространства.

Испанский академик Камило Хосе Села предложил термин *seudogentilicio* (псевдоэтноним) (здесь и далее перевод наш. — М. Л., Е. К., Ю. Д.) для того, чтобы обозначить номинации, которые жители одной территории получают от других народов по историческим, антропологическим, социологическим, идиосинкразическим причинам, часто с уничижительной, дискриминационной или просто ироничной коннотацией [Cela, 1988]. Подобные коллективные прозвища не стоит путать с вариантными этнонимами, поскольку прагматическая цель их употребления различна. Если официальный этноним выполняет преимущественно денотативную функцию, то коллективно-территориальное прозвище — экзоэтноним — всегда обладает рядом имплицированных коннотативных смыслов, которые призваны вызывать в адресате дискурсивного сообщения определённую реакцию.

3.2. Глоссарий коллективных прозвищ в дискурсивном пространстве стран Латинской Америки

С опорой на методику исследования топонимических прозвищ — разговорных экзоэтнонимов [Chesnokova et al., 2021], многочисленные примеры из лексикографических источников, медийного, политического и литературного дискурсов авторы статьи разработали словарь-глоссарий

экзоэтнонимов, функционирующих в дискурсивном пространстве стран
латиноамериканского региона:

Таблица

Глоссарий экзоэтнонимов народов Иberoамерики

Страна-объект экзоэтнонима	Экзоэтноним-прозвище	Территория бытования экзоэтнонима
Argentina	gaucho curepí kurepí cuyano trasandino argentucho argentuzo che chey argento	Bolivia Paraguay Paraguay Chile Chile Chile Chile Chile Chile América Latina
Bolivia	boli bolita boliguayo cuis cuico	Chile Argentina Uruguay Chile Chile
Brasil	brasuca	Argentina, Bolivia
Chile	chilote roto mapochino trasandino	Argentina Perú, Bolivia Perú Argentina
Colombia	colombiche cafetero caliche	Venezuela
Costa Rica	tico	América Central
Cuba	marielito	EE.UU.
Ecuador	mono bananero ecua	Perú América Latina
El Salvador	cuscatleco guanaco	América Central
Guatemala	chapín	América Central
Honduras	catracho	América Central
México	saltamuro mexinarco cuate charro azteca	Argentina Argentina Chile América Latina América Latina

Окончание табл. 1

Страна-объект экзотонима	Экзотоним-прозвище	Территория бытования экзотонима
Nicaragua	chocho muco pinolero nica	América Central Costa Rica
Panamá	canalero istmeño pana	América Central, América Latina
Paraguay	paragua guaraní	Argentina, Chile América Latina
Perú	peruviano perulero peruca perucho peruanucho gallina cholo inca	América Latina América Latina Argentina, Chile Ecuador Ecuador Ecuador Chile América Latina
Puerto Rico	boricua boriqueño	América Latina
República Dominicana	domi quisqueyano	América Latina
Uruguay	yorugua charrúa oriental	Argentina, Chile
Venezuela	veneco veneguayo venexicano	Colombia, Chile Uruguay México
América Latina	latino panchito sudaca	España
España	gachupín gallego españolete godo	México, Argentina América Latina América Latina América Latina

3.3.1. Нейтральные экзотонимы

Следует отметить, что ряд экзотонимов, вошедших в глоссарий, не имеют дополнительной оценочной нагрузки, а выполняют только денотативную функцию, например, отражая географические реалии, как в случае употребления лексемы *trasandino*. Чилийцы и аргентинцы используют её по отношению друг к другу без какого-либо негативного контекста. Этот

термин понятен любому жителю этих стран, поскольку их совместная граница проходит через Анды, в то время как европеец или житель Азии, например, будет ощущать очевидную нехватку пресуппозитивных знаний, а перевод с помощью приёма калькирования окажется несостоятельным. Географические реалии лежат в основе экзоэтнонимов, применяемых в адрес жителей Панамы: *istmeño* и *canalero*. Также нейтрален экзоэтноним *cuscatleco*, отражающий топонимику древних ацтеков и называющий жителей Сальвадора обитателями «земли сокровищ», *quisqueyano* (житель Матери всех земель) для доминиканцев и *boricua* (смелые люди со святой земли, из языка таинов) для жителей Пуэрто Рико. Не маркирован негативно экзоэтноним *tico* в отношении жителей Коста-Рики, отражающий любовь костариканцев к этому уменьшительно-ласкательному суффиксу. *Guaraní*, называющий парагвайцев, *azteca* — мексиканцев, *charrúa* — уругвайцев, *inca* — перуанцев отдают дань уважения истории древних народов доколумбовой эпохи, проживавших на соответствующих территориях. *Catracho* обладает позитивно-ироничной коннотацией в устах гватемальцев по отношению к жителям Гондураса и несёт в себе напоминание о совместной войне стран с флибустьерами в 1856—1857 годах, когда, по легенде, гондурасцев вёл в бой генерал Флоренсио Ксатруч (Florencio Xatruch). Его фамилия, изменённая для удобства произношения, и стала коллективным прозвищем гондурасцев.

3.3.2. Этнофолизмы

Тем не менее с началом борьбы за независимость отношения между латиноамериканскими государствами складывались непросто. Дружное соседство сменялось территориальными распрями и войнами. Вполне естественно, что в странах региона появлялись ксенофобные настроения, а вместе с ними и различные уничижительные номинации, используемые в отношении соседей. Подобные экспрессивные прозвищные экзоэтнонимы, имеющие отрицательную коннотацию и пейоративный смысл, обозначаются термином *этнофолизм* (от др.-греч. *ἔθνος* «племя, род» + *φάβλος* «ничтожный, порочный»). Являясь ксенофобным по сути, этнофолизм не только отражает и закрепляет в языке предвзятые отношения между народами, но и формирует стереотипное, субъективное представление о называемом народе.

Примером служит негативно-оценочная номинация *venesco*, обозначающая жителей Венесуэлы и включённая Королевской академией испанского языка в 2010 году в словарь американизмов. Слово используется с 1970 года, когда венесуэльцы массово иммигрировали в Колумбию в поисках работы. В последние годы эмиграция из Венесуэлы растёт: 3 млн венесуэльцев покинули страну и, помимо Колумбии, обосновались в Перу

и Чили, а также за пределами региона — в США и Испании. В Мексике их называют *venexicanos*, в Уругвае — *veneguayos*. Если составные экзонимы *veneguayo* (*venezolano* + *uruguayo*) и *venexicano* (*venezolano* + *mexicano*) свидетельствуют об относительно мирном симбиозе культур, в Колумбии результат оказался иным: многие венесуэльцы воспринимают номинацию *veneco* как обидную и негативно-оценочную, что не способствует процессу интеграции, который необходим при таком масштабном переселении, как миграция венесуэльцев в Колумбию. Венесуэльцы, в свою очередь, называют своих соседей *colombiches*, *cafeteros*, шутливо намекая, что они только и способны, что собирать кофе. Также можно услышать и этнофолизм *caliche*: слово обозначает остатки известкового раствора или пыль от камней, используемых строителями, а в переносном смысле мыслится как «ничего не стоящая вещь», «дешёвка», «подделка», и далее — «обманщик» и «лжец».

Этимология лексемы *guanaco*, применяемой в качестве этнонима по отношению к жителям Сальвадора, остаётся предметом дискуссий. В XIX веке и первой половине XX века коллективное прозвище *guanaco* имело уничижительный смысл и называло людей невежественных, деревенских. Термин *guanaco* в его уничижительном смысле первоначально не относился к сальвадорцам, а обозначал крестьян или любых необразованных людей, выходцев из центрально-американских провинций, за исключением Гватемалы. Гватемальцы XIX века считали себя более культурными и образованными, чем остальные жители Центральной Америки, поэтому этот термин не применялся к ним. Самое раннее историческое свидетельство об использовании названия *guanaco* в отношении сальвадорцев датируется 1823 годом, когда мексиканский генерал В. Филисола с войском отправился из Гватемалы в Сан-Сальвадор, чтобы усмирить сальвадорских повстанцев, выступавших против присоединения Центральной Америки к Мексиканской империи: «Город Сан-Сальвадор доблестно сопротивлялся до 7 февраля 1823 года, когда Филисола взял его силой; в битве погибло 88 сальвадорцев. Остальные сальвадорские войска, отступившие в сторону Гондураса, капитулировали в Гуальсинсе, узнав о милосердии, с которым Филисола обошёлся с побеждёнными. Таким образом, вся провинция оказалась под властью Мексики» [Gámez, 1975]. Сальвадорцев считали повстанцами, и следствием их сопротивления стало то, что они нажили себе немало врагов в Мексике и Гватемале. Политические и религиозные споры между гватемальцами и сальвадорцами породили соперничество, которое сохраняется и сегодня, а также прозвища *chapín* и *guanaco*: слово *chapín* служило для обозначения угнетателей; а слово *guanaco*, название вида оленьей, — для экспрессивной номинации жертв этого угнетения [Gámez, 1975].

Этноним *guanaco* расширил область употребления и стал пейоративно обозначать любого «жителя Центральной Америки, который родился не в городе Гватемала» [Membreño, 1897]. Лауреат Нобелевской премии Мигель Анхель Астуриас (1899—1974) в своём произведении «El señor presidente» (1948) использует термин *guanaco* в уничижительном смысле, обозначая им тех, кто приезжает в город из сельской местности: “*Y apostara mi cabeza que éstas son cosas de algún guanaco salado y sin vergüenza, de éstos que vienen a la ciudad con las mañas del monte*” (Готов поспорить, что это дело рук одного из тех хитрых и бесстыжих мужланов, что спустились с гор в город со своими деревенскими привычками).

Х. Лемус в своём диахроническом исследовании экзоэтнонима *guanaco* подчёркивает, что окончательно он закрепился как обозначение жителей Сальвадора в 70-е годы XX века в ходе политико-экономического кризиса между Сальвадором и Гондурасом, который привёл к массовой миграции сальвадорских рабочих и крестьян в Гондурас [Lemus 2019]. Именно тогда правительство Гондураса организовало кампанию по обесславливанию сальвадорцев и производимых в этой стране товаров. Кульминацией кампании стала Футбольная война 1969 года, продлившаяся 6 дней. В DRAE экзоэтноним *guanaco* вошёл в 2001 году. Этнофолизм, родившийся в Гондурасе, со временем стал использоваться повсеместно, а его окраска сменилась с негативной на нейтральную. В настоящее время сальвадорцы не считают прозвище *guanaco* обидным. Этимологические исследования Х. Лемуса позволяют ему выдвинуть и обосновать версию о том, что *guanaco* является калькой с *quanaça* (курица) из языка науатль.

Аргентина является «лидером» среди стран Латинской Америки по количеству экзоэтнонимов и этнофолизмов, используемых в ежедневном обиходе. Это можно объяснить чувством превосходства и исключительности аргентинского народа, сложившимся в ходе исторического формирования нации, 85 % которой составляют выходцы из Европы. Страна, богатая своими природными ресурсами и сумевшая использовать иностранные инвестиции для стремительного экономического роста в XX веке, также стала центром притяжения для мигрантов из многих южноамериканских стран (в основном из менее развитых Боливии и Парагвая). Их незавидное положение лишь укрепило аргентинцев в убеждённости своего «исключительного пути». Бывший аргентинский президент А. Фернандес (2019—2023) попал в дипломатический скандал из-за довольно оскорбительного для соседей высказывания. «*Los mexicanos salieron de los indios, los brasileiros de la selva, pero los argentinos de los barcos*» [La Nación] (Мексиканцы произошли от индейцев, бразильцы вышли из джунглей, а аргентинцы сошли с кораблей), — заявил он на встрече с испанским коллегой Педро Сан-

чесом. Это вызвало бурю негодования в социальных сетях, бразильских и мексиканских СМИ. Очевидно, что одной из серьезных социальных проблем в Аргентине является именно вопрос некоего национального превосходства, и это не могло не отразиться в языке. Боливийских мигрантов аргентинцы уничижительно называют *bolitas*, бразильцев — *brasucas*, уругвайцев — *yoruguas*, парагвайцев — *paraguas* [Chesnokova et al., 2021], мексиканцев — *saltamuros* и *mexinarcos*, испанцев — *gachupines*.

Национальное высокомерие аргентинцев вызывает неприязнь со стороны соседей по континенту, что также отражается в ряде экзотонимов. Так, аргентинца презрительно называют *c(k)urepi*, *argentucho*, *argentuzo*, *argento*, *cuyano*. История этнофолизма *curepi* восходит к Парагвайской войне 1864—1870 годов, окончившейся поражением Парагвая. На гуарани, одном из официальных языков Парагвая, «сигері» означает «кожа свиньи». Именно из этого материала были сделаны элементы военной формы аргентинцев, сражавшихся на стороне Тройственного союза вместе с Бразилией и Уругваем. Любопытно, что специалисты, изучающие парагвайский вариант испанского языка, утверждают, что слово *curepi* в современном дискурсе может содержать как нейтральную, так и резко негативную оценку в зависимости от контекста и от намерений говорящего.

Никарагуа — страна с наибольшим количеством прозвищ для своих жителей: никарагуанцы называют себя *nicas*, *pinoleros* (из-за большой любви к кукурузному напитку Pinol) и даже *nicoyas*. Несмотря на то, что этноним *nica* в самом Никарагуа используется без какой-либо пейоративной коннотации, в Коста-Рике из-за большого количества никарагуанских мигрантов он получил резко отрицательную оценочность. Соседи иронично называют никарагуанцев *chochos* (междометие, выражающее изумление) и *tiscos* («скотина без рога или части рога») за их привычку «проглатывать» звук [s] в конце слова.

Активное использование этнофолизмов в отношении чилийцев заставляет углубиться в историю взаимоотношений Чили с соседями по континенту. Появление ксенофобных коллективных прозвищ чилийцев порождено античиленизмом (antichilenismo). Это явление объединяет в себе всю гамму чувств от антипатии до ненависти, вызванных как сформировавшимися в ходе исторического процесса предубеждениями, так и результатами военных конфликтов, а также так называемым чилийским национализмом. Античиленизм существует и как внутреннее явление, отражающее недовольство коренных народов этой страны, и как внешнее. Особенно остро античиленизм ощущается в Аргентине как ответ на миграцию чилийцев, он также проявляется в Перу и Боливии. Исторических предпосылок для *чиленофобии* немало. В случае с Аргентиной это и конфликт в проливе Бигл, а также

споры о границах в Патагонии и, конечно, помощь, оказанная Чили Великобританией в Мальвинской войне. Что касается Перу и Боливии, то здесь следует вспомнить о войне против Перуано-Боливийской конфедерации (1836—1839), спорах о границах в районе пустыни Атакамы и, разумеется, об итогах Второй тихоокеанской войны (1879—1883 годы). Античилийские настроения соответствующим образом проявились через экзоэтнонимы и этнофолизмы национальных латиноамериканских вариантов испанского языка. В Аргентине чилийца презрительно называют *chilote*, иногда снабжая это прозвище дополнительными эпитетами вроде *chilote punga* или *chilote traidor*. В Перу и Боливии с середины XIX века в обиход вошёл термин *roto*, который изначально применялся к испанским солдатам, неопрятным, носившим рваную (*roto*) форму, которые предпочитали грубую силу мирным переговорам. Любопытно, что ксенофобная коннотация этнофолизма *roto* в Перу (как и менее популярного *mapochino*), в отличие от Боливии, исчезла по мере налаживания дипломатических отношений.

Сложные взаимоотношения между Перу и Эквадором также оставили след в языке. В 1941 году перуанские войска вторглись в Эквадор, с тем чтобы захватить обширные территории. Значительно уступая в военной силе, эквадорцы были вынуждены подписать позорное соглашение о перемирии в 1942 году, по которому значительная часть их земель перешла во владение Перу. С тех пор эквадорцы презрительно называют перуанцев *gallinas* за их трусость во время войны, а перуанцы в ответ обзывают их *monos*. По мотивам печальных событий в Эквадоре был снят фильм, который называли *Mono con gallinas*. Хотя по поводу *monos* существует и другая красивая легенда, благодаря которой это прозвище вызывает раздражение у эквадорцев только со стороны перуанцев. Дело в том, что король Испании Карл II, страдавший неустановленным психическим заболеванием, находил утешение и покой в дворцовом зоопарке. Однажды он услышал об удивительных существах, обитавших в провинции Гуаякиль (нынешний Эквадор), умных и похожих на людей. Он пожелал видеть их у себя во дворце и вскоре получил такой подарок. Король увлёкся своими новыми питомцами, много времени проводил с ними. Но однажды, одолеваемый видениями, он бросился из зверинца во дворцовую часовню, забыв закрыть животных. Когда королю стало лучше, он поднял глаза на распятые и увидел на нём обезьяну, с интересом и состраданием наблюдавшую за ним. Приняв её за дьявола, король впал в истерику. Эта история получила широкую известность. *Обезьяны из Гуаякиля* превратились во фразеологизм, а прозвище *monos* стало ассоциироваться с жителями Эквадора.

Слово *chapín*, применяемое к гватемальцам, имеет баскское происхождение (*txapin*) и означает «домашняя туфля» или «остроносая туфля».

Термин приобрёл известность в Испании XIV века, когда в моду вошла новая модель туфель. Модники в испанских колониях вынуждены были тоже носить эту неудобную обувь, чтобы не отставать от Мадрида. Особой популярностью туфли стали пользоваться в столице Гватемалы, над чем подшучивали соседи из стран-соседей. Со временем не только жители столицы, но и все гватемальцы получили ироническое прозвище *chapines*, что постепенно стало восприниматься как нечто естественное, и слово утратило оттенок издёвки.

Использование различных обозначений для жителей Испании в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка является показательным маркером историко-культурного взаимодействия между Испанией и её бывшими колониями, отражающим динамику восприятия метрополии в латиноамериканском социокультурном пространстве. В большинстве стран Латинской Америки испанцев по-прежнему называют *gallegos*. Объясняется это более чем миллионной миграцией галисийцев в Аргентину в период с 1857 по 1960 годы. Если вышеуказанная номинация является нейтральной, то этноним *españolote* содержит в определённом контексте уничижительный оттенок. То же происходит и со словом *gachupín* (*cachupín*, *cachopin*, *guachapín*, *cachupino*), используемым в основном в Мексике и Аргентине, *chapelón* в Колумбии. Мексиканский писатель и филолог А. Алаторре полагает, что лексема *gachupín* приобрела популярность в 1557 году благодаря пасторальному роману Хорхе де Монтемайора «Ла Диана», в котором автору удалось иронично обыграть созвучие испанской благородной фамилии *Cachorín* и слова *cachopo* из родного для него португальского языка, означавшего одновременно «пень, обрубок» и «молодой человек», сумев создать карикатуру испанского надменного вельможи [Alatorre, 1992]. В XVII—XVIII веках этот этнофолизм успешно распространился по всей Испаноамерике и вошёл в песни и лозунги, призывавшие к борьбе за свободу и независимость народов Америки от испанских угнетателей.

4. Заключение = Conclusions

Результатом проведённого исследования является представленный в статье подробный глоссарий латиноамериканских экзоэтнонимов, концептуализирующих национально-культурные смыслы, релевантные для формирования идентичности как ощущения национальной или этнической принадлежности. Экзоэтнонимы образуют отдельную группу языковых единиц, отличную как от официальных этнонимов, так и от топонимических номинаций и состоящую из топонимических прозвищ и этнофолизмов, обладающих, помимо денотативной, рядом функций,

в частности, прагматической и идентификационной. Последняя позволяет носителям языка не только именовать представителей соседних стран, но и конструировать собственную лингвокультурную самобытность, отражая исторические, социальные и психологические аспекты межэтнических отношений. Авторы приходят к выводу о том, что коллективные прозвища и этнофолизмы в латиноамериканском цивилизационном дискурсе не только отражают национально-языковую картину мира народа, но и участвуют в её формировании.

Изучение этнонимов, экзоэтнонимов и топонимических прозвищ представляет собой перспективное направление ономастики, так как способствует познанию национально-языковой картины мира народов и этносов, которых они называют. Этнонимические номинации содержат коннотативные значения, отражающие характер и историю взаимоотношений между народами, и являются частью их лингвокультурной идентичности.

Этнонимы и экзоэтнонимы через аксиологический, коммуникативный и эмоциональный компоненты значения имплицитно выражают существенные смыслы, формирующие образ жизни, ценностную систему, модели поведения людей, принадлежащих к определённому национально-культурному сообществу. Они сохраняют устойчивую оценку в коммуникативном сообществе, отражая сложившуюся в коллективном воображаемом когнитивную бинарную оппозицию «свой — чужой». Их появление и существование являются закономерным следствием эволюции межнациональных и межэтнических отношений.

Экстралингвистическая мотивированность «прозвищ» жителей латиноамериканских стран разнообразна. Она не только добавляет дополнительные коннотативные смыслы, но и формирует стереотипы, от которых не так легко избавиться. Понимание и перевод «топонимических прозвищ» требует дополнительных знаний, учёта позиций дискурсивных коммуникантов и всей прагматической ситуации общения. Этнонимы и экзоэтнонимы нуждаются в особом толковании, их использование в живой речи требует от дискурсивных коммуникантов осознания уместности употребления в том или ином контексте, чтобы избежать риска обидеть собеседника в желании достичь необходимого риторического эффекта.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *La Nación* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.lanacion.com.ar/politica/alberto-fernandez-los-mexicanos-salieron-de-los-indios-los-brasilenos-salieron-de-la-selva-pero-nid09062021/> (accessed 21.08.2025).
2. *Membreño A.* Hondureñismos : vocabulario de los provincialismos de Honduras / A. Membreño. — Tegucigalpa : Tipografía Nacional, 1897. — 269 p.
3. *Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española* : Diccionario panhispánico de dudas (DPD) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.rae.es/dpd/> (accessed 21.08.2025).

Литература

1. *Алпатов В. В.* Когнитивная ономастика : некоторые итоги и перспективы / В. В. Алпатов, О. В. Чукарькова, С. В. Мичугина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — № 3. — С. 42—58.
2. *Алпатов В. В.* Концептуальные основы формирования английских христианских топонимов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. В. Алпатов. — Тамбов, 2007. — 197 с.
3. *Ахметова М. В.* «Маргинальные» катойконимы : от окказионального к систематическому / М. В. Ахметова // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14. — № 1. — С. 110—131. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.1.006.
4. *Ахметова М. В.* «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов) / М. В. Ахметова // Шаги / Steps. — 2015. — Т. 1. — № 1. — С. 19—39.
5. *Баландина И. Д.* Когнитивные аспекты топонимического миромоделирования (на материале топонимов Англии) / И. Д. Баландина, Л. П. Юздова, Т. Н. Москвитина // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 2—2 (58). — С. 663—666.
6. *Журавлева Н. Ю.* Словообразовательный и лексико-семантический потенциал оттопонимических номинаций в мексиканском национальном варианте испанского языка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Н. Ю. Журавлева. — Москва, 2013. — 20 с.
7. *Ильин Д. Ю.* Деривационные возможности топонимической системы : образование и функционирование катойконимов / Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2015. — № 3 (27). — С. 7—14.
8. *Ковлакас Е. Ф.* К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте / Е. Ф. Ковлакас // Современные исследования социальных проблем. — 2021. — Т. 13. — № 4. — С. 326—354. — DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354.
9. *Корнева В. В.* Топонимические исследования в новой научной парадигме / В. В. Корнева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 1. — С. 150—154.
10. *Мартыненко И. А.* Испаноязычная топонимия мира как геолингвистическая система : диссертация ... доктора филологических наук : 05.09.08 / И. А. Мартыненко. — Москва, 2023. — 428 с.
11. *Мартыненко И. А.* О целесообразности введения термина "когнитивная топонимика" / И. А. Мартыненко // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2020. — № 3 (29). — С. 142—150. — DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-142-150.

12. *Радович М.* Лингвокультурологический анализ топонимов и катойконимов боливийского национального варианта испанского языка / М. Радович // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2016. — № 4. — С. 133—140.
13. *Радович М.* Топонимы, катойконимы и топонимические прозвища Бразилии : морфологический и культурологический аспекты / М. Радович // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2016. — № 4. — С. 56—64.
14. *Радович М.* Топонимика Южной Испаноамерики и Бразилии : катойконимы и метафорика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / М. Радович. — Москва, 2017. — 208 с.
15. *Уразметова А. В.* Вторичная номинация в топонимике (на материале прозвищ штатов США) / А. В. Уразметова. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2014. — 184 с. — ISBN 978-5-7477-3644-3.
16. *Уразметова А. В.* Метафора как способ создания вторичных номинаций (на материале топонимических прозвищ штатов США) / А. В. Уразметова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2014. — Т. 20. — № 5. — С. 175—178.
17. *Чеснокова О. С.* Катойконимы стран Тихоокеанского Альянса : морфологическое и семантическое варьирование / О. С. Чеснокова, М. Радович // Russian Journal of Linguistics. — 2020. — Т. 24. — № 4. — С. 1017—1048. — DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1017-1048.
18. *Щербак А. С.* Концептосфера ЯЗЫКА как ментальная основа формирования топонимов / А. С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 3 (12). — С. 40—45.
19. *Щербак А. С.* Когнитивные основы региональной ономастики : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.09 / А. С. Щербак. — Тамбов, 2008. — 46 с.
20. *Щербакова А. В.* Коллективные прозвища как форма оценочной категоризации этносов / А. В. Щербакова // Когнитивные исследования языка. — 2013. — № 14. — С. 436—438.
21. *Alatorre A.* Historia de la palabra gachupín / A. Alatorre // E. Luna Traill (coord.), Scripta Philologica in honorem J. M. Lope Blanch, México, Instituto de Investigaciones Filológicas UNAM. — 1992. — Vol. II. — Pp. 275—303.
22. *Cela C. J.* Diccionario geográfico popular de España / C. J. Cela // Introducción a la Dialectología Tópica. — 1988. — Т. 1. — Pp. 51—54.
23. *Chávez Fajardo S.* Acerca del gentilicio : historiografía, remoquetes y estandarización / S. Chávez Fajardo, R. Kordic Riquelme // Literatura y lingüística. — 2019. — Vol. 39. — Pp. 275—300. — DOI: 10.29344/0717621x.39.2014.
24. *Chesnokova O.* Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico / O. Chesnokova // Forma y Función. — 2011. — Vol. 24. — № 2. — Pp. 11—24.
25. *Chesnokova O. S.* Spanish South American and Brazilian Demonyms : Morphosyntactic Structure and Axiological Values / O. S. Chesnokova, M. Radović, I. B. Kotenyatkina // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2021. — Vol. 12. — № 3. — Pp. 576—596.
26. *Gámez J. D.* Historia de Nicaragua / J. D. Gámez. — Managua : Fondo de promoción cultural del Banco de América, 1975. — 836 p.

27. *García Padrón D.* Gentilicios y lexicografía / D. García Padrón, M. Morera Pérez // *Onomázein*. — 2015. — Vol. 31. — Pp. 81—98.
28. *Kordic Riquelme R.* Qué se entiende por gentilicio. Aproximaciones onomasiológicas, sintácticas y morfológicas / R. Kordic Riquelme, S. Chávez Fajardo // *Prolegómenos. Boletín de Filología*. — 2017. — Vol. 52 (1). — Pp. 213—244.
29. *Lemus J. E.* El posible origen náhuatl del hipocorístico “guanaco” aplicado a los salvadoreños / J. E. Lemus // *ECA Estudios Centroamericanos*. — 2019. — Vol. 74 (757). — Pp. 283—304. — DOI: 10.51378/eca.v74i757.3143.
30. *Morera M.* El gentilicio en español : aspectos teóricos y prácticos / M. Morera. — Madrid : Arco/Libros, S.L. 2015. — 303 p. — ISBN 978-84-7635-941-9.
31. *Tent J.* What’s in a Demonym? A Note on a New and Uplifting Ethnonym. Names / J. Tent // *A Journal of Onomastics*. — 2018. — Vol. 2 (66). — Pp. 103—105. — DOI: 10.1080/00277738.2017.1415543.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2025,
одобрена после рецензирования 13.11.2025,
подготовлена к публикации 13.12.2025.*

Material resources

- La Nación*. Available at: <https://www.lanacion.com.ar/politica/alberto-fernandez-los-mexicanos-salieron-de-los-indios-los-brasilenos-salieron-de-la-selva-pero-nid09062021/> (accessed 21.08.2025). (In Span.).
- Membreño, A. (1987). *Hondureñismos: vocabulario de los provincialismos de Honduras*. Tegucigalpa: Tipografía Nacional. 269 p. (In Span.).
- Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española: Diccionario panhispánico de dudas (DPD)*. Available at: <https://www.rae.es/dpd/> (accessed 21.08.2025). (In Span.).

References

- Akhmetova, M. V. (2015). “Incorrect” naming as an insult (on one aspect of the variation of Catholic names). *Steps / Steps, 1 (1)*: 19—39. (In Russ.).
- Akhmetova, M. V. (2017). “Marginal” Catholic names: from the occasional to the systematic. *Questions of onomastics, 14 (1)*: 110—131. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.1.006. (In Russ.).
- Alatorre, A. (1992). Historia de la palabra gachupín. E. Luna Traill (coord.), *Scripta Philologica in honorem J. M. Lope Blanch, México, Instituto de Investigaciones Filológicas UNAM, II*: 275—303. (In Span.).
- Alpatov, V. V. (2007). *Conceptual foundations of the formation of English Christian place names*. PhD Diss. Tambov. 197 p. (In Russ.).
- Alpatov, V. V., Chukarkova, O. V., Michugina, S. V. (2024). Cognitive onomastics: some results and prospects. *Questions of cognitive linguistics, 3*: 42—58. (In Russ.).
- Balandina, I. D., Yuzdova, L. P., Moskvitina, T. N. (2024). Cognitive aspects of toponymic world modeling (based on the material of toponyms of England). *Cognitive studies of language, 2—2 (58)*: 663—666. (In Russ.).
- Cela, C. J. (1988). *Diccionario geográfico popular de España. Introducción a la Dictalología Tópica, 1*: 51—54. (In Span.).

- Chávez Fajardo, S. (2019). Acerca del gentilicio: historiografía, remoquetes y estandarización. *Literatura y lingüística*, 39: 275–300. DOI: 10.29344/0717621x.39.2014. (In Span.).
- Chesnokova, O. (2011). Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico. *Forma y Función*, 24 (2): 11–24. (In Span.).
- Chesnokova, O. S. (2021). Spanish South American and Brazilian Demonyms: Morphosyntactic Structure and Axiological Values. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12 (3): 576–596.
- Chesnokova, O. S., Radovich, M. (2020). Catholic names of the Pacific Alliance countries: morphological and semantic variation. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4): 1017–1048. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1017-1048. (In Russ.).
- Gámez, J. D. (1975). *Historia de Nicaragua*. Managua: Fondo de promoción cultural del Banco de América. 836 p.
- García Padrón, D. (2015). Gentilicios y lexicografía. *Onomázein*, 31: 81–98. (In Span.).
- Ilyin, D. Y., Sidorova, E. G. (2015). Derivational possibilities of the toponymic system: formation and functioning of Catholic names. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 3 (27): 7–14. (In Russ.).
- Kordic Riquelme, R., Chávez Fajardo, S. (2017). Qué se entiende por gentilicio. Aproximaciones onomasiológicas, sintácticas y morfológicas. *Prolegómenos. Boletín de Filología*, 52 (1): 213–244. (In Span.).
- Korneva, V. V. (2016). Toponymic research in a new scientific paradigm. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 1: 150–154. (In Russ.).
- Kovlakas, E. F. (2021). On the issue of studying toponyms in the cognitive aspect. *Modern studies of social problems*, 13 (4): 326–354. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354. (In Russ.).
- Lemus, J. E. (2019). El posible origen náhuatl del hipocorístico “guanaco” aplicado a los salvadoreños. *ECA Estudios Centroamericanos*, 74 (757): 283–304. DOI: 10.51378/eca.v74i757.3143. (In Span.).
- Martynenko, I. A. (2020). On the expediency of introducing the term “cognitive toponymy”. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 3 (29): 142–150. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-142-150. (In Russ.).
- Martynenko, I. A. (2023). *Spanish-language toponymy of the world as a geolinguistic system*. Doct. Diss. Moscow. 428 p. (In Russ.).
- Morera, M. (2015). *El gentilicio en español: aspectos teóricos y prácticos*. Madrid: Arco/Libros, S.L. 303 p. ISBN 978-84-7635-941-9. (In Span.).
- Radovich, M. (2016). Linguoculturological analysis of toponyms and catholiconyms of the Bolivian national variant of the Spanish language. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*, 4: 133–140. (In Russ.).
- Radovich, M. (2016). Toponyms, Catholic names and toponymic nicknames of Brazil: morphological and cultural aspects. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 4: 56–64. (In Russ.).
- Radovich, M. (2017). *Toponymics of Southern Hispanoamerica and Brazil: Catholic names and metaphors*. PhD Diss. Moscow. 208 p. (In Russ.).
- Shcherbak, A. S. (2007). The conceptual sphere of LANGUAGE as a mental basis for the formation of toponyms. *Issues of cognitive linguistics*, 3 (12): 40–45. (In Russ.).

- Shcherbak, A. S. (2008). *Cognitive foundations of regional onomastics*. Author's abstract of Doct. Diss. Tambov. 46 p. (In Russ.).
- Shcherbakova, A. V. (2013). Collective nicknames as a form of evaluative categorization of ethnic groups. *Cognitive studies of language*, 14: 436—438. (In Russ.).
- Tent, J. (2018). What's in a Demonym? A Note on a New and Uplifting Ethnonym. Names. *A Journal of Onomastics*, 2 (66): 103—105. DOI: 10.1080/00277738.2017.1415543.
- Urazmetova, A. V. (2014). Metaphor as a way to create secondary nominations (based on toponymic nicknames of the United States). *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 20 (5): 175—178. (In Russ.).
- Urazmetova, A. V. (2014). *Secondary nomination in toponymy (based on the nicknames of the US states)*. Ufa: Bashkir State University. 184 p. ISBN 978-5-7477-3644-3. (In Russ.).
- Zhuravleva, N. Y. (2013). *The word-formation and lexico-semantic potential of toponymic nominations in the Mexican national version of the Spanish language*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).

*The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 13.11.2025;
accepted for publication 13.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Михальченко В. Ю. Социолингвистический анализ индивидуальных языковых идеологий в сфере образования : мотивации родителей и языковая политика / В. Ю. Михальченко, С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 167—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-167-187.

Mikhalchenko, V. Yu., Kirilenko, S. V. (2025). Sociolinguistic Analysis of Individual Language Ideologies in Education: Parental Motivations and Language Policy. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 167-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-167-187. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социолингвистический анализ индивидуальных языковых идеологий в сфере образования: мотивации родителей и языковая политика

Михальченко Вида Юозовна

orcid.org/0000-0002-0953-3466

доктор филологических наук,
профессор,

Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям,

корреспондирующий автор

mikhalchenko@iling-ran.ru

Кириленко Светлана Владимировна

orcid.org/0000-0001-7902-6032

кандидат филологических наук, доцент

Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям

svetlanavk@inbox.ru

Институт языкознания

Российской академии наук

(Москва, Россия)

Sociolinguistic Analysis of Individual Language Ideologies in Education: Parental Motivations and Language Policy

Vida Yu. Mikhalchenko

orcid.org/0000-0002-0953-3466

Doctor of Philology, Professor,
Scientific Research Center

for National Language Relations,
corresponding author

mikhalchenko@iling-ran.ru

Svetlana V. Kirilenko

orcid.org/0000-0001-7902-6032

PhD in Philology, Associate Professor,
Scientific Research Center

for National Language Relations
svetlanavk@inbox.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено социолингвистическое исследование родительских языковых установок как индикатора локальных языковых идеологий среди носителей коренных языков Российской Федерации. Цель работы — выявить и классифицировать языковые идеологии, характерные для родителей школьников в республиках России, на основе их отношения к выбору языка обучения, роли семьи и государства в передаче языка и восприятию языковой политики. Отмечается, что в условиях многоязычия Российской Федерации в языковой политике наблюдается противоречие между важностью сохранения этноязыкового разнообразия и необходимостью гражданской интеграции, что особенно остро проявляется в образовательной сфере. Эмпирическая база включает анкетные данные, собранные в пяти республиках РФ (Чеченская Республика, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Республика Калмыкия, Республика Карелия) в 2022—2023 годах. Данные проанализированы методом качественного контент-анализа. Результаты показали преобладание установок на русский язык как инструмент социальной мобильности при одновременном признании символической ценности родного языка. В ряде регионов выявлены модели институционального билингвизма, в других — наблюдается тренд на латентную ассимиляцию. Наиболее устойчивым примером гармоничного билингвизма оказалась Республика Саха (Якутия).

Ключевые слова:

языковые идеологии; многоязычие; русский язык; этноязыковое многообразие; языки России.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A sociolinguistic study was conducted to investigate parental language attitudes as an indicator of local language ideologies among speakers of indigenous languages in the Russian Federation. The aim of this research is to identify and classify linguistic ideologies characteristic of parents with school-age children across several regions of Russia based on their views regarding the choice of instructional language, family's role in language transmission, and perceptions of state language policies. It highlights that within the multilingual context of the Russian Federation, there exists a tension between preserving ethno-linguistic diversity and ensuring civic integration, which is particularly evident in educational settings. Empirical data were collected through surveys administered in five republics of Russia (Chechen Republic, Sakha Republic (Yakutia), Tyva Republic, Kalmykia Republic, Karelia Republic) during 2022–2023. Data analysis employed qualitative content analysis methods. Findings revealed predominant preferences for Russian as a tool for social mobility while simultaneously acknowledging the symbolic value of native tongues. Institutional bilingual models are identified in some areas, whereas other regions exhibit trends toward latent assimilation. A notable example of harmonious bilingualism is observed in the Sakha Republic (Yakutia).

Key words:

language ideologies; multilingualism; Russian language; ethnolinguistic diversity; languages of Russia

УДК 81'26:37+81'272(47)“20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-167-187

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Социолингвистический анализ индивидуальных языковых идеологий в сфере образования: мотивации родителей и языковая политика

© Михальченко В. Ю., Кириленко С. В., 2025

1. Введение = Introduction

Языковая идеология играет центральную роль в определении направлений языковой политики в многонациональном государстве, формируя представления о функциях и значимости языков в обществе, а также задавая рамки для образовательного языкового планирования на микроуровне — среди родителей. В системе образования языковая идеология проявляется в родительских мотивациях относительно выбора языка обучения, поддержке методов преподавания родного языка (как предмета или на языке), отражая существующие прагматические и ценностные ориентиры. В дальнейшем под **языковыми идеологиями** понимаются именно индивидуальные установки родителей.

Научная проблема настоящего исследования связана с недостаточной изученностью механизмов формирования языковых идеологий на уровне семейных и образовательных стратегий в многоязычной среде Российской Федерации. Несмотря на активную разработку темы языковой политики в научной литературе, в том числе институциональных аспектов и законодательных инициатив, на сегодняшний день сохраняется пробел в эмпирическом изучении языковых установок родителей как носителей индивидуальных идеологий. Между тем именно семейные установки, трансформируемые через образовательную сферу, играют ключевую роль в процессе межпоколенческой языковой передачи.

После реформы 2018 года, юридически закрепившей принцип добровольности в изучении родных языков, актуализировались идеологические противоречия между задачей общественной интеграции и необходимостью сохранения этноязыкового разнообразия. Особенно ярко эти противоречия проявляются в республиках РФ, где родной язык выступает не только средством коммуникации, но и носителем коллективной идентичности.

Вследствие этого в образовательной сфере проявляются идеологические позиции, и роль родителей как субъектов языкового выбора приобретает особую значимость.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа социолингвистических параметров, определяющих выбор образовательных языковых стратегий в этнически разнообразных регионах России. На фоне усиливающейся языковой ассимиляции и сокращения сфер функционирования родных языков наблюдается парадоксальная ситуация: при наличии формально гарантированных прав сохранять и изучать родной язык фактическая реализация этих прав во многом зависит от неформальных установок и стратегий родителей. Изучение таких установок позволяет выявить реальное состояние языковой среды и понять механизмы, с помощью которых идеологии трансформируются в практики.

Новизна работы заключается в эмпирическом подходе к изучению языковой идеологии через призму родительских оценок и ожиданий. В отличие от традиционного анализа языковой политики данное исследование предлагает концептуальную рамку, в которой языковые установки родителей рассматриваются как индикаторы идеологических моделей, действующих в конкретных социокультурных контекстах с основным фокусом на типологизацию выявленных языковых установок. Исследование охватывает пять республик России с различными этнолингвистическими параметрами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Обзор литературы: теоретические основания и научный контекст исследования

Понятие *языковой идеологии* занимает в настоящее время одно из центральных мест в современной социальной лингвистике, в рамках которой утверждается тезис о том, что набор представлений определяет выбор языковых средств: «In its broadest sense, the term refers to a set of shared attitudes and beliefs about language, underpinned by certain social or cultural values [A Dictionary of Sociolinguistics, 2012, p. 171] (В наиболее широком смысле этот термин обозначает совокупность существующих установок и убеждений о языке, основанных на определенных социальных или культурных ценностях). Социолингвистический подход к изучению языковых идеологий зародился в 1970-е годы в исследованиях М. Сильверстейна, подчеркивавшего, что идеологии метапрагматически формируют языковой функционал говорящих: «Ideology engages metapragmatically with functional structure through the constitution of a referentially-based (or referentially-centered) functional-1 system, the constitution of which is a function-changing (hence structure-changing) process» [Silverstein, 1979, p. 231] (Идеология

метапрагматически взаимодействует с функциональной структурой через формирование референтно-основанной (или референтно-центрированной) функциональной системы первого порядка, конституирование которой представляет собой процесс, изменяющий функции и, следовательно, трансформирующий структуру.). Таким образом, идеологии формируют рамки языкового поведения говорящих в различных сферах общения — как в формальных, так и в семейно-бытовых. Дальнейшее развитие данный термин получил в работе К. Ирвайн и Дж. Гэл [Irvine et al., 2000]: языковая идеология рассматривается как механизм социокультурного отбора, язык выступает средством построения социальной иерархии, вытесняя те практики, которые не соответствуют доминирующей идеологии.

В отечественной научной традиции в работе В. Ю. Михальченко к понятию языковой идеологии была предложена типологизация: системная классификация идеологических моделей — от прагматизма и этноязыкового пуризма до идеологии языкового униформизма и многоязычия [Михальченко, 2025, с. 16—17]. Данные модели позволяют анализировать как официальную языковую политику, так и индивидуальные языковые предпочтения через призму социально детерминированных установок: «Различные языковые идеологии, формирующие национально-языковую политику, отражают взгляды на роль языка в обществе» [Михальченко, 2025, с. 17].

Особое значение языковая идеология приобретает в контексте недавних решений образовательной политики Российской Федерации в реализации принципов языкового планирования, закрепленных на уровне законодательства, см.: Федеральный закон № 317-ФЗ от 2018 года. Несмотря на документально закрепленный принцип добровольности в выборе языка обучения, фактическое применение этой нормы варьируется в зависимости от уровня институциональной поддержки родных языков, административных ресурсов регионов и общих идеологических установок: «“Свободный” выбор языка образования и родного языка в современных условиях обнаруживает свою фактическую несвободу» [Хилханова, 2022, с. 101]. Формально равные юридические условия далеко не всегда обеспечивают равную реализацию языковых прав на практике, и это вызывает у лингвистов опасения в отношении жизнеспособности малых языков: «В регионах, где сложилась особенно критическая ситуация с сохранением языков, добровольные начала их изучения — это ключ к полному исчезновению, вымиранию национального языка» [Петербургский, 2019, с. 90]. Лингвисты отмечают и расширяющуюся языковую ассимиляцию, где «главной тенденцией в ситуации с родным языком среди автохтонных народов России является уменьшение числа тех, кто называет родным этнический язык, и увеличение числа не владеющих им» [Боргояков, 2017, с. 27].

На микроуровне ключевую роль в формировании языковых идеологий и установок играют процессы, происходящие в сфере семейно-бытового общения. Исследования в области семейной социолингвистики показывают, что семья выступает как носитель идеологических ориентаций, транслируемых детям в скрытой и открытой формах: «Language socialization has a goal the linking of microanalytic analyses of children's discourse to more general ethnographic accounts of cultural beliefs and practices of families, social group or communities in which children are socialized» [Schieffelin et al., 1986, p. 168] (Социализация через язык направлена на то, чтобы связать микроаналитический анализ детской речи с более широкими этнографическими описаниями культурных представлений и практик семей, социальных групп или сообществ, в которых происходит социализация детей.). При этом решения родителей относительно межпоколенной передачи языка зависят как от их личной мотивации, так и от внешних факторов: наличия образовательных учреждений с преподаванием на родном языке, степени престижности языка. Несомненно то, что статус родного языка и его представленность в школе влияют на то, будет ли язык передаваться в семье.

2.2. Материал и методы исследования

Настоящее исследование опирается на выборку, включающую 120 информантов, представителей пяти народов Российской Федерации: чеченского (35 респондентов), тувинского (27 респондентов), карельского (22 респондента), калмыцкого (19 респондентов) и якутского (17 респондентов). Несмотря на количественные ограничения, выборка характеризуется социолингвистической и региональной репрезентативностью. Исследуемые данные были собраны в рамках более широкого анкетного опроса, проведенного Институтом языкознания Российской академии наук (РАН) в 2021—2023 годах. Однако в настоящем исследовании акцент сделан преимущественно на респондентах, имеющих детей дошкольного или школьного возраста, поскольку именно их оценочные установки представляют значимость для понимания проявлений языковых идеологий в сфере образования. Отбор респондентов из общего массива данных и анализ их ответов производился с помощью программы SPSS.

В фокусе анализа находятся ценностно-идеологические ориентации, формирующиеся вокруг вопросов выбора языка обучения, механизмов межпоколенческой передачи родного языка, а также восприятия официальной языковой политики в школьной среде. Характер исследования преимущественно качественный; его цель заключается в выявлении структурных компонентов языковой идеологии в семейно-образовательном контексте. Полученные результаты интерпретируются в сопоставлении с официальной статистикой по численности учащихся, изучающих родной язык,

за 2018 и 2023 годы, что позволяет соотнести идеологические установки информантов с объективными тенденциями государственной языковой политики и практики.

Для анализа языковых идеологий были использованы ответы респондентов на следующие вопросы анкеты, отобранные с учетом их релевантности к ключевым темам настоящего исследования: языковая политика в образовании, семейная языковая социализация, межпоколенческая передача языка и личные установки говорящих в отношении родного и русского языков [Анкетирование].

1. *«На каком языке / языках Вы хотели бы, чтобы Ваши дети (будущие дети) учились?»* (выявление прагматических и идеологических предпочтений в отношении языка обучения, а также восприятия функций родного и русского языков).

2. *«Согласно ФЗ “Об образовании в РФ” и N 317-ФЗ, выбор языка обучения является добровольным. Согласны ли Вы с такой формулировкой применительно к школе?»* (оценка отношения к идеологии государственного языка, а также — к свободе выбора и статусу родных языков в школьной системе).

3. *«Вы хотели бы, чтобы Ваши дети говорили на ... языке?»*; модифицирован в зависимости от языка респондента; (изучение установки на передачу языка, что важно для анализа пуризма, полиязычия или униформизма).

4. *«Существует мнение, что прежде всего семья, а не школа должна обеспечить владение родным языком. Может ли язык сохраниться с помощью только семейного воспитания и усилий родителей?»* (анализ того, как респонденты распределяют институциональную ответственность за сохранение языка; проявляются идеологические модели языка либо как культурной ценности, или как практического инструмента).

5. *«Какой вариант изучения [родного языка] приемлем в вашей республике?»* (выявление того, какие модели школьного преподавания языка считаются желательными: обязательное изучение, факультативность, выбор, обучение на родном языке и др.).

6. *«Одобрите ли Вы введение с 2017/2018 гг. нового учебного предмета «Родной язык», предполагающего обязательный выбор одного из родных языков?»* (отношение к государственной языковой политике, степень поддержки / опасений по поводу внедрения родного языка в обязательную часть школьной программы).

Анализ ответов на эти вопросы позволил классифицировать языковые установки респондентов по шести идеологическим установкам, определяющим отношение к родному и русскому языкам в образовательной и семейной сферах общения [Михальченко, 2025, с. 16—17]:

- 1) идеология государственного языка: русский язык рассматривается как обязательный элемент школьного образования (вопросы 1, 2, 6);
- 2) многоязычие: поддержка многоязычия, признание ценности сохранения родных языков в семье и школе (вопросы 3, 4, 5, 6);
- 3) прагматизм: язык воспринимается прежде всего как инструмент для образования и карьерной мобильности (вопросы 1, 4, 5);
- 4) языковой униформизм: предпочтение использования одного языка (русского) во всех сферах, отказ от образовательной роли родных языков (вопросы 1, 2, 5);
- 5) этноязыковой пуризм: стремление к сохранению «чистоты» родного языка, предпочтение его передачи в семье или через «аутентичное» обучение (вопросы 3, 4, 5);
- 6) русский как культурный код: акцент на русском как языке культуры, науки и гражданской идентичности (вопросы 1, 2, 6).

Выбор материала исследования был сделан на основании принципа контрастного отбора: рассматриваемые языки существенно различаются по уровню институциональной поддержки, численности носителей и степени интеграции в систему образования. Рассматриваемые языки принадлежат и к различным этнокультурным и историко-географическим ареалам, что позволяет выявить как универсальные, так и специфические параметры языковых идеологий в семейно-образовательном контексте.

Чеченский язык обладает значительной функциональной мощностью: «Чеченский язык в настоящее время показывает относительно стабильный уровень витальности в семейном и культурном контексте, в который вносит вклад высокая символическая ценность языка и устойчивая потребность в выражении идентичности среди говорящих на чеченском языке» [Биткеева и др., 2024, с. 32], что позволяет предположить превалирование идеологических установок этнолингвистического пуризма. Тувинский язык также обладает функциональной устойчивостью и прочной межпоколенной передачей: «Тувинский язык — один из немногих титульных языков РФ, который сегодня обладает достаточной функциональной и демографической мощностью» [Цыбенова, 2019, с. 471], — вероятно здесь будут преобладать идеологические установки этнолингвистического пуризма и прагматического отношения к использованию языка.

Якутский и, в особенности, карельский языки, напротив, скорее находятся в зоне риска, характеризуясь сокращающимся числом носителей и отсутствием устойчивой образовательной интеграции — это значимо для исследования идеологий символического языкового присутствия, концептов полиязычия и латентного языкового униформизма, проявляющегося в вытеснении этнического языка доминирующим русским.

В случае с якутским языком ситуация внешне выглядит более благополучной благодаря высокой численности носителей и наличию институциональной поддержки, однако при детальном рассмотрении выявляется внутренняя уязвимость. Особенно заметно это в молодежной среде, где наблюдается снижение уровня языковой компетенции. Как отмечает Н. И. Иванова, «современные социально-экономические, социально-политические, социокультурные условия предопределяют снижение языковой компетенции молодых саха, их дистанцированность от родного языка, что фиксируется в социолингвистических процедурах и психолингвистических экспериментах» [Иванова, 2022, с. 254]. Другая работа в той же области также подчеркивает, что «зафиксирована кризисная ситуация с сохранностью якутского языка у детей и молодежи» [Иванова и др., 2021, с. 80]. Таким образом, даже при наличии формальных механизмов поддержки язык теряет реальные позиции в коммуникативной практике, что позволяет предположить преобладание прагматизма и тенденций к многоязычию.

В Карелии языковая среда крайне фрагментирована, а межпоколенческая передача карельского языка практически прервана [Нагурная, 2021; Moshnikov, 2022]. Вероятно, карельский язык может выступить как пример для исследования идеологии символического языкового присутствия — когда язык существует скорее как культурный маркер, чем как средство повседневной коммуникации.

Калмыцкий язык занимает промежуточную позицию: при наличии признаков языкового сдвига и ослабленной межпоколенческой передачи одновременно присутствуют институциональные и гражданские инициативы по языковому возрождению [Биткеева, 2002; Баранова, 2009]. Это позволяет изучить прагматический подход к родному языку, а также восприятие русского языка как государственного инструмента и как носителя культурного кода.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Результаты = Results

Настоящее исследование ориентировано на комплексное осмысление языковых установок представителей различных этнических сообществ в контексте образовательной сферы с акцентом на соотношение между стремлением к сохранению родного языка и необходимостью интеграции в общероссийское языковое пространство.

Анализ мнений по выбору языка обучения выявил баланс между прагматическими установками и этнокультурной самоидентификацией (рис. 1). Можно сделать вывод о двух ключевых тенденциях:

Рис. 1. Ответы респондентов на первый вопрос анкеты: желаемый язык обучения

— русский язык признается всеми группами как необходимый элемент образования, особенно в сочетании с родным (у якутов, тувинцев и карелов);

— высокий уровень этнолингвистической лояльности наблюдается у калмыков, якутов и чеченцев: значительная доля респондентов хочет, чтобы дети учились только на родном языке.

Рис. 2. Ответы респондентов на второй вопрос анкеты: отношение к идеологии государственного языка

В целом, большинство респондентов поддерживают идею добровольного выбора языка обучения (рис. 2); интенсивность поддержки варьируется по регионам. Идеологические и ценностные интерпретации включают в себя как высокий уровень поддержки — среди якутских и калмыцких респондентов, где прослеживается консенсус вокруг формулировки «добровольности»; так и выраженные сомнения среди чеченских, карельских и тувинских респондентов.

Рис. 3. Ответы респондентов на третий вопрос анкеты: установка на передачу языка

Анализ установок респондентов относительно желаемого языкового репертуара их детей показывает, что билингвизм (владение как русским, так и этническим языком) является доминирующей ориентацией в большинстве исследованных регионов (рис. 3). Наибольшая выраженность языкового пуризма наблюдается среди калмыцких и чеченских респондентов, тогда как установка на униформизм незначительна во всех группах.

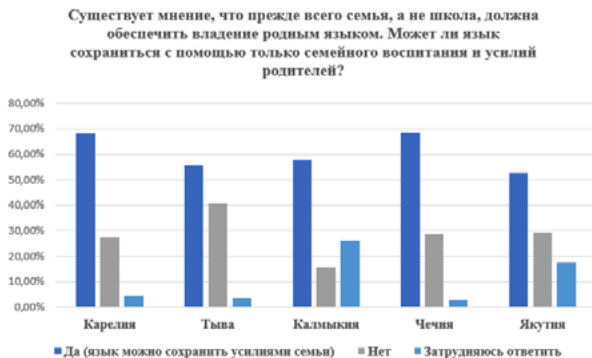

Рис. 4. Ответы респондентов на четвертый вопрос анкеты: институциональная ответственность за сохранение языка

Несмотря на доминирующее мнение о важности семейного воспитания в сохранении родного языка, значительная часть респондентов, особенно в Тыве и Якутии, высказываются в поддержку необходимости школьного изучения языка, что свидетельствует о том, что для устойчивого сохранения языка одной семейной передачи недостаточно — требуется системная поддержка со стороны образовательных учреждений, которые обеспечивают регулярное и формализованное обучение (рис. 4).

Пятый вопрос анкеты — об изучении родных языков в разных республиках: «Какой вариант изучения [родного языка] приемлем в вашей Республике?» (табл. 1, 2) — формулировался по-разному, при этом содержательная направленность вопроса сохраняется: она заключается в выяснении отношения к обязательности, добровольности и месту национального языка в школьной программе.

В Карелии, Чечне и Якутии респондентам предлагался единый выбор одного из вариантов модели изучения языка. В то же время в Тыве и Калмыкии аналогичные вопросы были разделены на несколько формулировок, включая прямой вопрос об обязательности, а также суждения, касающиеся добровольности изучения и / или исключения языка из школьного обучения. Тем не менее эти данные сопоставимы по смыслу, поскольку позволяют оценить ключевые позиции:

- поддерживается ли обязательное изучение языка;
- допускается ли добровольность вне зависимости от национальности;
- есть ли стремление исключить родной язык из школьной программы.

Это позволяет провести сравнительный анализ отношения к изучению национальных языков в разных республиках.

Таблица 1

«Какой вариант изучения ... (титульного) языка приемлем в Республике?» (единый формат вопроса): данные по регионам: Чечня, Якутия, Карелия)

Регион	Обязательность для всех, %	Обязательность для титульной нации, %	Добровольность для всех, %
Карелия	13,6	9,1	68,2
Чечня	45,7	37,1	2,9
Якутия	58,8	23,5	17,6

Таблица 2

«Какой вариант изучения [родного языка] приемлем в вашей Республике?»: данные по регионам: Тыва и Калмыкия (совокупная оценка из 3 вопросов*)

Регион	Поддержка обязательности, %	Согласие с добровольностью, %	Согласие с «только русский и иностр.», %
Тыва	85,2	55,5	44,4
Калмыкия	73,7	47,3	47,4

* Ответы суммировались по следующим 3 вопросам:

1. Должны ли калмыки / тувинцы в обязательном порядке изучать свой родной язык в школе?
2. Разделяете ли Вы следующее мнение? Изучение калмыцкого / тувинского языка должно быть по желанию.
3. Разделяете ли Вы следующее мнение? В Республике Калмыкия / Тыва в школе нужно изучать русский и иностранный языки, другие языки не для школьной программы.

Полученные данные демонстрируют, что наиболее высокая поддержка обязательного изучения родного языка наблюдается в республиках с сильной этнокультурной идентичностью: в Тыве (85,2 %), Якутии (82,3 %) и Чечне (82,8 %) (табл. 1, 2). В этих регионах обязательность может касаться как всех учащихся, так и преимущественно представителей титульной национальности.

В Калмыкии также зафиксирована высокая поддержка обязательного изучения (73,7 %), однако одновременно значительная часть опрошенных допускает добровольность или даже исключение языка из обязательной школьной программы, что свидетельствует о наличии скрытой амбивалентности в общественном мнении.

В противоположность этому, в Республике Карелия доминирует установка на добровольное изучение карельского языка (68,2 %) при крайне низком уровне поддержки его обязательного изучения. Это, вероятно, связано с меньшей численностью носителей языка в республике, слабой языковой средой и ассимиляционными тенденциями.

Рис. 5. Ответы респондентов на шестой вопрос анкеты: отношение к государственной языковой политике

Во всех исследуемых регионах зафиксировано в целом положительное отношение к включению учебной дисциплины «Родной язык» в школьную программу (рис. 5). Наиболее высокий уровень поддержки наблюдается в Чеченской Республике и Республике Саха (Якутия), что может свидетельствовать о высокой степени интеграции родного языка в систему культурной идентификации и общественно-образовательных приоритетов. Несколько менее выраженная, но все же значительная поддержка данной инициативы наблюдается в Республиках Тыва и Калмыкия, что

позволяет говорить о сохранении устойчивого идеологического запроса на институционализацию родного языка как средства межпоколенческой трансмиссии и культурного воспроизводства. В Республике Карелия также наблюдается в целом положительное восприятие, однако на фоне прочих регионов фиксируется более заметная доля нейтральных и отрицательных оценок.

3.2. Обсуждение = Discussion

3.2.1. Количественная динамика преподавания родных языков: институциональный контекст

Для сопоставления анкетных показателей с реальными образовательными практиками были проанализированы официальные данные Министерства образования (в настоящее время — Министерства просвещения) Российской Федерации за 2018 и 2023 годы в сопоставительном аспекте (табл. 3). В таблице представлены сведения о числе учащихся, для которых родной язык используется как язык обучения, а также о тех, кто изучает родной язык как самостоятельный предмет.

Таблица 3

Преподавание родных языков в образовательной системе
(2018 и 2023 годы) [МПРФ]

Язык	2018: на языке	2018: как предмет	2023: на языке	2023: как предмет
Калмыцкий	3 146	18 684	0	22 858
Карельский	0	1 748	0	469
Тувинский	17 748	22 447	2 837	45 035
Чеченский	1 398	235 601	155	319 508
Якутский	35 854	26 203	48 328	38 339

Наиболее заметной тенденцией является повсеместное сокращение числа учащихся, получающих образование на родном языке, особенно в отношении тувинского и калмыцкого языков (табл. 3). Исключением из этой общей тенденции выступает Республика Саха (Якутия), где, напротив, зафиксирован рост: с 35 854 до 48 328 учащихся, получающих образование на якутском языке. Что касается преподавания родного языка как предмета, здесь в целом наблюдается рост численности учащихся, с наиболее выраженными показателями роста в Чечне, Тыве и Якутии. Единственным регионом, демонстрирующим сокращение показателей в сфере преподавания, стала Республика Карелия: количество изучающих карельский язык как предмет сократилось примерно в три раза.

3.2.2. Идеологические установки респондентов

Исследование подтверждает многообразие языковых идеологий в современных российских республиках, где национально-русские билингвальные установки сочетаются с этнокультурной лояльностью (табл. 4). При этом были выявлены следующие тенденции:

- стремление к балансу между практичностью и идентичностью;
- неравномерность институциональной поддержки родных языков;
- специфические региональные модели идеологий.

Таблица 4

Языковые идеологии в республиках РФ

Регион	Доминирующие идеологии
Якутия	Многоязычие, прагматизм, русский как культурный код
Тыва	Многоязычие, прагматизм, частичный униформизм
Калмыкия	Этноязыковой пуризм, многоязычие, частичный униформизм
Чечня	Этноязыковой пуризм, многоязычие, государственный язык
Карелия	Прагматизм, русский как культурный код, частичный униформизм

1. Идеология государственного языка (вопросы 1, 2, 6)

Во всех республиках респондентами поддерживается прагматическое принятие роли русского как государственного языка (рис. 1). Поддержка добровольного выбора языка обучения (рис. 2) высока в Якутии (82,4 %) и Калмыкии (73,7 %). Это говорит о поддержке респондентами идеологического концепта «русский как базовый» и признании возможности индивидуального выбора при сохранении доминирующей позиции русского языка. Поддержка обязательного выбора одного из родных языков (рис. 5) при этом не исключает привилегированного положения русского. Здесь прослеживается иерархичное понимание языковой политики: русский — «основа», родной — культурное дополнение. Таким образом, можно утверждать, что идеология государственного языка прочно встроена в образовательные представления родителей.

2. Многоязычие (вопросы 3, 4, 5, 6)

Установки на многоязычие доминируют в Тыве (70,4 %), Якутии (52,9 %) и Карелии (45,5 %) (рис. 3) — значительное число респондентов поддерживают обучение на двух языках. Признание важнейшей роли семьи в сохранении языка (рис. 4) сочетается с осознанием необходимости участия школы (особенно в Тыве и Якутии), что соответствует многоязычной идеологии. Поддержка изучения родного языка (табл. 1, рис. 5) высока во всех регионах, что дополнительно подтверждает ориентацию на функциональное и символическое сосуществование языков. Таким об-

разом, согласно полученным данным, идеология многоязычия преобладает в Якутии, Тыве и частично в Карелии: здесь родной язык воспринимается как ценность, но не как единственный носитель идентичности.

3. Прагматизм (вопросы 1, 4, 5)

Наблюдается баланс между желанием сохранить родной язык и признанием преимуществ социального продвижения с помощью русского языка — особенно у карелов и тувинцев. Низкая поддержка обязательного изучения родного языка у карелов (табл. 1: только 13,6 % поддерживают обязательность для всех) и высокая поддержка добровольности (68,2 %) усиливают прагматическую ориентацию: родной язык важен, но не приоритетен. Также респонденты признают, что семья не справится без школы в сохранении языка (рис. 4), это подчеркивает прагматическую ориентацию на системность и эффективность школьной передачи языка.

4. Языковой униформизм (вопросы 1, 2, 5)

Поддержка изучения исключительно русского языка, без родного, минимальна по всем вопросам (рис. 1, 3): доля респондентов, желающих обучения только на русском, ниже 30 %. Вопросы об исключении родного языка из программы (табл. 1, 2) выявляют амбивалентность в Калмыкии и Тыве: около 44—47 % готовы рассматривать отказ от национального языка в школе. Это локальные всплески униформизма, в связи с их незначительностью скорее связаны с фрагментацией языковой среды и социальной инерцией, чем с идеологической убежденностью. Идеология униформизма не является доминирующей ни в одном из регионов, но проявляется через предпочтение русского как более «полезного» и «надежного» в образовательной перспективе, особенно в Карелии и частично в Калмыкии.

5. Этноязыковой пуризм (вопросы 3, 4, 5)

Калмыкия (52,6 %) и Чечня (45,7 %) демонстрируют высокие показатели желания родителей, чтобы дети говорили только на родном языке. При этом отмечается значительная поддержка обязательного изучения родного языка (табл. 1) и выраженное доверие к семье как институту его сохранения (рис. 4), что отражает представление о родном языке как о самодостаточном коде идентичности. Этноязыковой пуризм наиболее выражен среди калмыцких и чеченских респондентов: родной язык воспринимается как неотъемлемая часть идентичности и культурной принадлежности.

6. Русский как культурный код (вопросы 1, 2, 6)

Высокий уровень одобрения учебного курса «Родной язык» (рис. 5) не противоречит признанию русского как языка культуры и науки. Преобладание русско-национального билингвизма, особенно в образовательной сфере (рис. 1, 3), говорит о встроенности русского в картину мира респондентов как символа более широкой гражданской идентичности. В Карелии

и Якутии особенно явно прослеживается идея, что русский язык — связующее звено с российским обществом, а родной — маркер локальной общности. Русский воспринимается как культурно-гражданский ресурс, но не как альтернатива родному языку, с наиболее характерными показателями по данным в Якутии, Карелии и Тыве.

4. Заключение = Conclusions

Рассмотрение языковых идеологий в образовательной сфере на материале пяти республик Российской Федерации позволило выявить определенный спектр представлений о функциях языка в процессах социализации, обучения и этнокультурной идентификации. Полученные данные свидетельствуют о неоднородности родительских ожиданий, формирующихся на стыке официальной языковой политики, локальной культурной среды и индивидуальных стратегий.

Русский язык практически повсеместно воспринимается как необходимый и функционально доминирующий элемент образовательного пространства, однако его признание не сопровождается девальвацией роли родного языка. Напротив, в ряде регионов наблюдается устойчивая тенденция к институциональному билингвизму. Вместе с тем выявленная вариативность установок указывает на наличие латентных идеологических несоответствий, что проявляется в различиях между республиками с высокой степенью этнолингвистической консолидации и регионами, подверженными процессам языковой ассимиляции.

Важным контекстом для интерпретации этих идеологических установок являются количественные изменения в сфере преподавания родных языков. Статистические данные Министерства образования отражают институциональные сдвиги, произошедшие за последние пять лет в статусе родных языков. В большинстве рассмотренных регионов наблюдается сокращение использования родного языка в качестве языка преподавания, особенно у калмыцкого и тувинского языков, указывающее на снижение их функциональной роли в образовательном процессе. Исключение составляет Республика Саха (Якутия), где якутский язык демонстрирует устойчивость и рост в качестве языка преподавания (увеличение на 34,8 %) и в качестве изучаемого предмета (рост на 46,3 %). При этом анализ динамики преподавания родных языков как предмета указывает на общий рост числа учащихся, особенно в Чеченской Республике (прирост более 35 %) и Республике Тыва (рост в два раза), вероятно, вследствие снижения образовательной функции у коренного языка. Можно сделать вывод, что в образовательной политике прослеживается тенденция к латентному языковому униформизму, при котором

этнические языки будут сохраняться преимущественно как элементы культурного наследия.

Родительские языковые установки, как показал анализ, могут выступать значимым диагностическим потенциалом в оценке эффективности реализуемой образовательной языковой политики, так как они отражают первичные идеологические ориентации, определяющие межпоколенческую передачу языка и выбор образовательных траекторий.

Исследование подтвердило, что языковые идеологии не существуют в отрыве от образовательных и институциональных практик — они напрямую соотносятся с реальными показателями преподавания родных языков и отражают текущие тенденции языковой политики. Сочетание анализа родительских установок и статистических данных позволяет комплексно зафиксировать состояние языковой среды: от функционального сокращения роли родного языка в ряде регионов до формирования устойчивых моделей билингвизма, как в Республике Саха (Якутия). Такой интегрированный подход выявляет не только региональные различия, но и потенциальные векторы корректировки образовательной политики с учетом социокультурной специфики, что особенно важно для сохранения этноязыковых ресурсов современной России.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Анкетирование — *Социолингвистический* опрос, посвященный изучению языковой ситуации, проведенный сотрудниками НИЦ НЯО Института языкознания РАН в 2022—2023 годах.
2. МПРФ — *Открытые данные* Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://docs.edu.gov.ru/#activity=8> (дата обращения 07.08.2025).
3. *Swann J. A Dictionary of Sociolinguistics* / J. Swann [et al.]. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012. — 368 p. — ISBN 0-7486-1690-X.

Литература

1. *Баранова В. В.* Языковая ситуация в Калмыкии : социолингвистический очерк / В. В. Баранова // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. — 2009. — № 2. — С. 22—41.
2. *Биткеева А. Н.* Развитие социальных функций современного калмыцкого языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Н. Биткеева. — Москва, 2002. — 211 с.

3. Биткеева А. Н. Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022—2023 годов) / А. Н. Биткеева, М. А. Горячева, С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 29—55. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55.
4. Боргояков С. А. Состояние и перспективы родных языков в Российской системе образования / С. А. Боргояков // Наука и школа. — 2017. — № 6. — С. 20—30.
5. Иванова Н. И. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования : истоки начинающегося кризиса / Н. И. Иванова, В. Н. Никитина, А. Г. Филиппова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 65—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-65-84.
6. Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) : якутский язык в начале XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект) / Н. И. Иванова. — Новосибирск : Наука, 2022. — 284 с. — ISBN 978-5-02-041499-0.
7. Михальченко В. Ю. Язык и идеология в полиэтничном государстве / В. Ю. Михальченко // Социолингвистика. — 2025. — № 3. — С. 12—24. — DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-12-24.
8. Нагурная С. В. Перспективы развития языковой ситуации в Республике Карелия (по материалам конкретного исследования карельского населения) [Электронный ресурс] / С. В. Нагурная // Малые языки в большой лингвистике : тезисы конференции. — 2021. — Режим доступа : <http://tipl.philol.msu.ru/index.php/science/conferences/fieldworks2021/accepted> (дата обращения 21.07.2025).
9. Петербургский М. Ю. Языковые права национальных меньшинств в системе российского образования / М. Ю. Петербургский // Сравнительное конституционное обозрение. — 2019. — № 1 (128). — С. 79—91. — DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-79-91.
10. Хилханова Э. В. Татарский язык в сфере образования Республики Татарстан после 2018 г. в зеркале общественного мнения / Э. В. Хилханова // Социолингвистика. — 2022. — № 4 (12). — С. 90—107. — DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107.
11. Цыбенкова Ч. С. Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва / Ч. С. Цыбенкова // Oriental Studies. — 2019. — № 3. — С. 460—477. — DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477.
12. Irvine J. T. Language ideology and linguistic differentiation / J. T. Irvine, S. Gal // Regimes of Language : Ideologies, Politics, and Identities / ed. by P. V. Kroskrity. — Santa Fe, NM : School of American Research Press, 2000. — Pp. 35—84.
13. Moshnikov I. The use of the Karelian language online : current trends and challenges / I. Moshnikov // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. — 2022. — Vol. 13. — № 2. — Pp. 275—305. — DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.09.
14. Schieffelin B. B. Language socialization / B. B. Schieffelin, E. Ochs // Annual Review of Anthropology. — 1986. — Vol. 15. — Pp. 163—191.
15. Silverstein M. Language structure and linguistic ideology / M. Silverstein // The Elements : A Par session on Linguistic Units and Levels / ed. by P. R. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer. — Chicago : Chicago Linguistic Society, 1979. — Pp. 193—247.

*Статья поступила в редакцию 11.08.2025,
одобрена после рецензирования 19.11.2025,
подготовлена к публикации 19.12.2025.*

Material resources

- MPRF — *Open data of the Ministry of Education of the Russian Federation*. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/#activity=8> (accessed 07.08.2025). (In Russ.).
- Questionnaire — *Is a sociolinguistic survey devoted to the study of the linguistic situation conducted by the staff of the National Research Research Center of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences in 2022—2023*. (In Russ.).
- Swann, J. (2012). *A Dictionary of Sociolinguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 368 p. ISBN 0-7486-1690-X.

References

- Baranova, V. V. (2009). The linguistic situation in Kalmykia: a sociolinguistic essay. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2: 22—41. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N. (2002). *The development of social functions of the modern Kalmyk language*. PhD Diss. Moscow. 211 p. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N., Goryacheva, M. A., Kirilenko, S. V. (2024). Functional Distribution of Chechen Language in Chechen Republic: Findings from Field Research (2022—2023). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 29—55. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55>. (In Russ.).
- Borgoyakov, S. A. (2017). The state and prospects of native languages in the Russian education system. *Science and School*, 6: 20—30. (In Russ.).
- Irvine, J. T., Gal, S. (2000). Language ideology and linguistic differentiation. In: *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, NM: School of American Research Press. 35—84.
- Ivanova, N. (2022). *The linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language at the beginning of the 21st century (ethnopsycholinguistic aspect)*. Novosibirsk: Nauka Publ. 284 p. ISBN 978-5-02-041499-0. (In Russ.).
- Ivanova, N. I., Nikitina, V. N., Filippova, A. G. (2021). Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of Incipient Crisis. *Nauchnyi dialog*, 10: 65—84. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-65-84>. (In Russ.).
- Khilkhanova, E. V. (2022). Tatar language in the field of education of the Republic of Tatarstan after 2018 In the mirror of public opinion. *Sociolinguistics*, 4 (12): 90—107. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107. (In Russ.).
- Mikhilchenko, V. Y. (2025). Language and ideology in a multiethnic state. *Sociolinguistics*, 3: 12—24. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-12-24. (In Russ.).
- Moshnikov, I. (2022). The use of the Karelian language online: current trends and challenges. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 13 (2): 275—305. DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.09.
- Nagurnaya, S. V. (2021). Prospects for the development of the linguistic situation in the Republic of Karelia (based on a specific study of the Karelian population). *Small languages in big linguistics: conference abstracts*. Available at: <http://tipl.philol.msu.ru/index.php/science/conferences/fieldworks2021/accepted> (accessed 21.07.2025). (In Russ.).
- Peterburgskij, M. Yu. (2019). Linguistic rights of national minorities in the Russian education system. *Comparative Constitutional Review*, 1 (128): 79—91. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-79-91. (In Russ.).

- Schieffelin, B. B., Ochs, E. (1986). Language socialization. *Annual Review of Anthropology*, 15: 163—191.
- Silverstein, M. (1979). Language structure and linguistic ideology. In: *The Elements: A Par session on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society. 193—247.
- Tsybenova, C. S. (2019). Social characteristics of the linguistic situation in the Republic of Tyva. *Oriental Studies*, 3: 460—477. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477. (In Russ.).

*The article was submitted 11.08.2025;
approved after reviewing 19.11.2025;
accepted for publication 19.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Пак Л. Е. Лингвистическая модель оценочных высказываний и ее актуализация в российском и британском дискурсе спортивного комментария / Л. Е. Пак // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 188—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-188-212.

Pak, L. E. (2025). Linguistic Model of Evaluative Statements and Its Realization in Russian and British Sports Commentary Discourse. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 188-212. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-188-212. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвистическая модель оценочных высказываний и ее актуализация в российском и британском дискурсе спортивного комментария

Пак Леонид Евгеньевич

orcid.org/0000-0003-2181-0259

кандидат филологических наук,
доцент кафедры межкультурных
коммуникаций и переводоведения
leonid.pak@vvsu.ru

Владивостокский
государственный университет
(Владивосток, Россия)

Linguistic Model of Evaluative Statements and Its Realization in Russian and British Sports Commentary Discourse

Leonid E. Pak

orcid.org/0000-0003-2181-0259

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Intercultural
Communications and
Translation Science
Studies leonid.pak@vvsu.ru

Vladivostok State University
(Vladivostok, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется лингвоаксиологическая специфика дискурса спортивного комментария на материале продуцируемых комментаторами текстов во время спортивной трансляции. Актуальность исследования связана с обращением к проблематике дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии как масштабного исследовательского направления. Разработана лингвистическая модель оценочных высказываний. Описаны особенности ее актуализации в рамках дискурсов, реализованных носителями разных языков и культур (Россия и Великобритания). Выделяются семь ключевых параметров модели, относящихся к уровню лингвистической основы аксиосферной репрезентации. Проведен сопоставительный анализ функционирования предложенной модели на материалах фрагментов спортивных комментариев России и Великобритании. Делается вывод о том, что оценочные высказывания в дискурсе спортивного комментария функционируют как аксиологические индикаторы, высвечивающие в российской культуре ценности переживания, самоанализа и коллективной идентичности, в то время как в британской — ценности рациональности, сдержанности и уважения в публичном пространстве. Полученные данные визуализируются при помощи моделирования концептов оценочных высказываний российского и британского дискурсов спортивного комментария, помогают актуализировать обобщения по основным линиям анализа.

Ключевые слова:

дискурс спортивного комментария; лингвоаксиология; оценочное высказывание; лингвокультурология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the linguoaxiological specifics of sports commentary discourse based on texts produced by commentators during live broadcasts. The relevance of this research lies in its focus on discursive-communicative linguoaxiology as a broad area of inquiry. A linguistic model for evaluative statements has been developed, with an emphasis on describing its realization within discourses produced by speakers from different language backgrounds and cultural contexts — specifically Russia and Britain. Seven key parameters related to the linguistic foundation of axiophere representation are identified. A comparative analysis is conducted using fragments of sports commentary from both countries. It is concluded that evaluative statements function as axiological indicators highlighting values such as emotional experience, self-reflection, and collective identity in Russian culture, while emphasizing rationality, restraint, and respect in public spaces in British culture. The collected data are visualized through the conceptual modeling of evaluative statements within Russian and British sports commentary discourses, facilitating the elaboration and substantiation of generalizations across principal analytical dimensions.

Key words:

Sports commentary discourse; linguoaxiology; evaluative statement; ethnolinguistics.

УДК 81'373.4:796.096/.097+81'42::796

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-188-212

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Лингвистическая модель оценочных высказываний и ее актуализация в российском и британском дискурсе спортивного комментария

© Пак Л. Е., 2025

1. Введение = Introduction

Доминирование антропоцентрической парадигмы в современной науке, а также ее междисциплинарность обуславливают интерес современных ученых к вопросам осмысления аксиологической иерархии и способам ее вербального выражения в виде оценочных высказываний. На современном этапе развития мирового сообщества происходит заметная трансформация системы аксиологических доминант, расширяется набор способов ее отражения при помощи языковых средств, что диктует важность новых научных ракурсов исследования оценок и ценностей как взаимосвязанных компонентов лингвоаксиосферы. Лингвоаксиологическая исследовательская парадигма важна для современной науки о языке, так как помогает раскрыть ценностно-смысловую сторону языка, способствует пониманию культурной специфики речевого поведения, характеризуется сосредоточенностью на коммуникативных и дискурсивных аспектах значимых явлений в языке. При этом дискурсивно-коммуникативная лингвоаксиология до сих пор находится на этапе становления вследствие недостаточной сформированности устойчивых теоретико-методологических оснований, кроме того, она лакуарна как по объему проведенных исследований, так и по глубине проработки основных понятий. Перечисленное выше указывает на высокий научный потенциал данного масштабного исследовательского поля и необходимость создания новых исследовательских схем.

В фокусе нашего исследовательского внимания находится лингвокультурная специфика ценностно-оценочной репрезентации в спортивном нарративе как некоем коммуникативно-дискурсивном пространстве, которое характеризуется лингвоаксиологической насыщенностью. Ранее мы уже

давали определение: дискурс спортивного комментария — это разновидность спортивного дискурса, которая сочетает характеристики персонального (лично-ориентированного) и институционального типа; характеризуется особой речеванровой спецификой, системой определенных стратегий речевого поведения, свойственных данному виду спортивной коммуникации [Пак, 2018]. Данный вид дискурса выступает в качестве площадки, на которой комментаторами реализуются коммуникативные ситуации, идентичные реальному повседневному общению, что обуславливает его лингвоаксиологическую специфику. Принимая во внимание повсеместное преобладание парного или группового (от трех и более человек) комментария, можно отметить, что в этих форматах осуществляется непосредственное вербальное взаимодействие, в котором комментаторы предстают как полноценные языковые / коммуникативные / дискурсивные личности. Соответственно, каждый комментатор предстает в роли индивида, который обладает коммуникативной компетенцией для выражения оценок и высказывается в соответствии со своей системой ценностей. Спортивный комментатор неосознанно отбирает и применяет оценочные языковые средства в соответствии со сформированными в определенном обществе традициями вербального сопровождения спортивного соревнования. Таким образом, дискурс спортивного комментария в силу своей насыщенности, интенсивности и динамичности отражает актуальные изменения в коммуникативной сфере, в том числе с точки зрения оценочных репрезентаций. Следовательно, данный тип дискурса фиксирует ключевые ценностные элементы, которые значимы для аксиологической системы социума.

Допустимость разработки лингвистической модели оценочных высказываний на основе устных текстов, продуцируемых в рамках дискурса спортивного комментария на русском и английском языках, обусловлена тем, что исследования коммуникации в сфере спорта привлекают инструментарий современных когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, дискурсологии и лингвопраматики. Формирование дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии осуществляется на пересечении указанных дисциплин, что свидетельствует об общей теоретической основе и методологической совместимости данных научных подходов. Концептуальное рассмотрение лингвоаксиологической системности общения в дискурсе спортивного комментария с учетом интеграции институциональных и личностных характеристик способствует более глубокому пониманию механизмов ценностной репрезентации в коммуникации, вносит вклад в развитие аксиологического направления в лингвистике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данное исследование посвящено разработке лингвистической модели оценочных высказываний и описанию особенностей ее актуализации в дискурсе спортивного комментария России и Великобритании.

Актуальность работы обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в эпоху усиливающейся глобализации и широкой трансляции спортивных репортажей с места событий возрастает значимость изучения спортивной коммуникации как особого вида персонального и институционального дискурса, который влияет на массовое восприятие и культурные модели поведения. Дискурс спортивного комментария выступает не только как медиа для передачи информации, но и как канал воздействия, структурирующий общественное сознание. Во-вторых, исследование оценочных высказываний в спортивном комментарии предполагает обращение к лингвоаксиологическому аспекту, что соответствует уровню развития современной науки о языке. Формат разработки лингвистической модели оценочных высказываний при помощи метода моделирования на основе лингвоаксиологической интерпретации фрагментов спортивного комментария обеспечивает возможность выделения параметров, которые определяют ценностно-оценочные свойства всего спортивного коммуникативного пространства. Лингвоаксиологическая интерпретация дискурса спортивного комментария России и Великобритании создает условия для проведения сопоставительного анализа речевого поведения спортивных комментаторов как носителей различных лингвокультур, при этом приоритетным предметом рассмотрения выбран оценочный компонент лингвоаксиосферы. В-третьих, исследованиям подобного рода в современной лингвистике пока не уделялось достаточного внимания.

Объектом исследования является дискурс спортивного комментария России и Великобритании.

Предметом исследования является лингвоаксиологический аспект спортивной коммуникации в рамках дискурса спортивного комментария в лингвокультурах России и Великобритании.

Цель исследования заключается в разработке лингвистической модели оценочных высказываний и описании особенностей ее актуализации в российском и британском дискурсах спортивного комментария при помощи сопоставительного лингвокультурного анализа.

Методологической основой исследования является мультидисциплинарное сочетание лингвоаксиологического, дискурсивного, лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов. Методы, использованные в работе, включают метод структурного моделирования на базе лингвоаксиологической интерпретации фрагментов спортивного комментария, дискурс-анализ, концептуальный анализ, методы статистической обработки данных.

Материалом для исследования послужили фрагменты спортивных комментариев по хоккею и автогонкам Формула-1 российских и британских медиа. Российские комментарии были отобраны из трансляций канала «Матч!» (комментаторы: Сергей Огнев, Роман Скворцов, Сергей Гимаев, Антон Васятин, Александр Галамов, Андрей Юртаев, Артем Божко, Олег Мосалев), а также сообщества «Гаснут огни» социальной сети ВКонтакте (Алексей Попов, Наталья Фабричнова). Составлены стенограммы 5 трансляций по хоккею и 14 трансляций по автогонкам Формула-1 (на русском языке), общая длительность трансляций составила 28 часов. Британские спортивные комментарии были отобраны из трансляций канала Sky Sports (F1 feed) (комментаторы: Дэвид Крофт, Алекс Жак, Джолион Палмер, Дэвид Кулхард, Гарри Бенджамин, Алан Макниш). Составлены стенограммы 24 трансляций по автогонкам Формулы-1 (на английском языке), общая длительность трансляций составила 32 часа.

Вопросами систематизации и описания оценок в языке лингвистика занимается уже относительно давно и плодотворно. Одной из первых фундаментальных работ, посвященной семантике оценки, является исследование Н. Д. Арутюновой «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт», в которой определяются основные оценочные значения, их природа и характеристики, раскрываются когнитивные механизмы оценки, описываются основные и периферийные аксиологические смыслы [Арутюнова, 1988]. Кроме того, к классическим работам по лингвоаксиологии можно отнести работу Е. М. Вольфа «Функциональная семантика оценки», закладывающую методологию исследования оценочных смыслов в тексте и дискурсе через лексико-семантический анализ оценочных единиц в аспекте модальности и стилистических коннотаций [Вольф, 2006]. Продолжает развитие направления лингвоаксиологии В. И. Карасик, рассматривая концепты как носители ценностных структур, показывая, каким образом лингвокультурные ценности интегрируются в языковые концепты [Карасик, 2004]. Среди зарубежных исследователей идейную базу для рассмотрения оценочных категорий как важной составляющей языковых единиц заложил Фердинанд де Соссюр, труды которого часто цитируются в исследованиях по аксиологической семантике [Соссюр, 2004]. Современные исследователи продолжают традиции классической лингвоаксиологии, что свидетельствует, что данное направление является перспективным и обширным полем для изучения. Исследуется лингвоаксиология эмоций [Волкова и др., 2024], рассматривается роль языка как инструмента выражения культурных и личностных ценностей [Милованова, 2024], уделяется внимание аксиологическому аспекту семантики этнических паремий, функционирующих в языках островов Полинезии [Николаева, 2023].

Проблематика современной теории коммуникации включает изучение особенностей общения в сфере спорта как в зарубежной, так и отечественной науке о языке. В наиболее актуальных работах зарубежных лингвистов описывается, как через вербальное взаимодействие в спортивном контексте конструируются различные типы идентичности [Caldwell, 2023], также научный интерес вызывает исследование о влиянии цифрового дискурса спортивной тематики на культурные нормы и процессы закрепления ценностей [Smith, 2020]. Современные отечественные исследователи в данной области изучают специфику коммуникации в спортивном интернет-дискурсе [Шевченко и др., 2019], жанровое своеобразие англоязычного спортивного дискурса [Лебедев и др., 2024]. В фокусе внимания находится дискурс спортивного комментария: анализируются структура эпизодов и дискурсивные маркеры [Калининченко и др., 2022], специфика спортивного комментирования судейских ошибок [Калининченко, 2024], предлагается характеристика лингвопрагматических особенностей языковой личности спортивного комментатора [Сафиканова, 2022].

В области лингвокультурологии уделяется внимание выявлению специфики спортивного дискурса. Современные зарубежные лингвисты рассматривают особенности конфликтных высказываний спортивных болельщиков в социальных сетях во время олимпийских игр [Lee, 2020], выявляют лингвокультурные особенности англоязычных блогов, определяя коммуникативные стратегии важные для спортивного дискурса в сети интернет [Sports blogging ..., 2023]. Российские исследователи анализируют лингвокультурную специфику устных текстов, продуцируемых комментаторами [Касимова и др., 2020], лексико-семантические особенности британского и американского спортивного дискурса [Дзюбенко и др., 2021], выявляют концептуальные метафоры, связанные с информационными технологиями, делая вывод о растущем влиянии культуры на язык в сфере спорта [Гриценко и др., 2022].

Завершая обзор научных работ и результатов исследований в рамках выбранной нами проблематики, рассмотрим труды, посвященные лингвоаксиологии коммуникации в спортивной сфере. В фокусе научного интереса российских ученых-лингвистов вопросы языковой экспликации оценочных параметров в рамках дискурса спортивного комментария [Мархосовская, 2022], ценности, традиции и нормы спортивного состязания [Дигалев и др., 2025], трансформация социальной аксиосферы под влиянием глобализации и коммерциализации на примере спортивной коммуникации [Иванова, 2023].

Таким образом, несмотря на высокий исследовательский интерес к аксиологическому измерению дискурса спортивного комментария, отметим,

что сопоставительному изучению лингвоаксиологического плана данного феномена пока уделялось недостаточно внимания. На основе предлагаемой нами модели можно систематизировать оценочные высказывания и проанализировать их универсальные аксиологические характеристики, выявив их лингвокультурные особенности.

Процедура анализа материала предполагала последовательное выполнение двух этапов. На первом этапе лингвоаксиологический анализ помог определить параметры, признаки которых отражают лингвоаксиологическую специфику дискурса спортивного комментария. Были выделены четыре универсальных параметра и четыре параметра, релевантных для дискурса спортивного комментария. Далее была сформирована общая лингвистическая модель оценочных высказываний дискурса спортивного комментария. На втором этапе данные лингвоаксиологического анализа углубляются лингвокультурным анализом, выявляются особенности оценочных высказываний (которые составляют лингвистическую основу аксиосферной репрезентации) в дискурсах спортивного комментария, реализованных носителями разных языков и культур. Полученные данные верифицируются количественным и статистическим анализом. Формируются концепты оценочных высказываний российского и британского дискурсов спортивного комментария, отражающие фрагмент лингвоаксиосферы российской и британской лингвокультуры.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Параметры лингвистической модели оценочных высказываний в рамках дискурса спортивного комментария

В результате лингвоаксиологического анализа были выделены семь параметров, признаки которых определяют ценностные особенности дискурса спортивного комментария и квалифицируют оценочные высказывания как языковое воплощение фрагмента аксиосферы. Следует отметить, что первые четыре параметра, выделенные нами в результате лингвоаксиологического анализа, соответствуют параметрам уровня оценочных высказываний лингвоаксиологической модели речевого жанра драматургического дискурса, которую предложила Ю. С. Старостина [Старостина, 2022]. Данное совпадение может свидетельствовать об универсальности обнаруженных параметров. Перечислим их: плотность оценочных высказываний; соотношение оценочных высказываний по типу оценки; соотношение эмоционально-оценочных и рационально-оценочных высказываний; количество объектов оценки. При этом специфическая прагматика, жанровая динамика и степень роли адресата дискурса спортивного комментария позволили выделить еще три параметра языкового аспекта аксиосферы, а

именно: темпоральная локализация оценки; идеологическая маркированность оценки; композиционная функция оценки.

Опишем каждый выделенный лингвоаксиологический параметр.

1. Плотность оценочных высказываний отражает количественное соотношение оценочных высказываний к общему объему текста. Высокая плотность означает, что оценочные высказывания встречаются частотно, как минимум в каждом третьем предложении, возможно по несколько в одной синтаксической конструкции. Средней будем считать плотность в случае, если оценочные высказывания появляются регулярно, но не являются доминирующими, они органично встраиваются в повествование и выполняют функцию активизации внимания зрителя. Низкая плотность оценочных высказываний означает, что оценочные высказывания встречаются эпизодически, окказионально, что свидетельствует об информативной направленности спортивного комментария.

2. Соотношение оценочных высказываний по типу оценки. Тип оценки выражает эмоционально-ценностное отношение комментатора к участникам спортивного состязания и событиям, происходящим на спортивной арене. Преобладание положительной оценки означает, что продуцируемый текст насыщен лексическими единицами, подчеркивающими мастерство, успех, высокий уровень исполнения и т. д. Доминирование отрицательной оценки в высказываниях комментатора свидетельствует о том, что в репортаже акцент делается на ошибках, спорных решениях, неудачных стратегиях. В случае если количество отрицательных оценочных единиц равно количеству положительных, прослеживается большое количество контрастных оценок, будем считать, что присутствует баланс двух типов оценки.

3. Соотношение эмоционально-оценочных и рационально-оценочных высказываний. Данный параметр отражает способ интерпретации событий спортивным комментатором — на основе эмоций, чувств и переживаний или логических суждений и фактов. Если наиболее частотно используется лексика, выражающая эмоции и чувства (радость, восторг, тревогу, гнев), значит, основное содержание текста насыщено эмоциональными коннотациями, и преобладают эмоционально-оценочные высказывания. Если оценки представляются на основе анализа, с опорой на логику, факты, стратегию и тактику, правила, значит, доминируют рационально-оценочные высказывания. В случае если фрагмент спортивного комментария одинаково сочетает как яркие эмоциональные реакции, так и взвешенные рассуждения, которые находят языковое воплощение, то наблюдается баланс высказываний обоих типов.

4. Количество объектов оценки. Данный параметр демонстрирует, сколько различных объектов могут становиться носителями аксиологической нагрузки в спортивном комментарии. Объектами оценки могут

выступать судьи, игроки, тренеры, зрители, погодные условия и др. Если оценочные высказывания сосредоточены на одном, главном объекте, на который направлено внимание в конкретном отрезке комментария, то наблюдается доминирование единичных объектов оценки. Множественные объекты оценки преобладают, если оцениваются различные объекты, распределенные по всему фрагменту комментария.

5. Темпоральная локализация оценочного высказывания отражает, в какой момент по отношению к описываемому событию выражается оценка. Преобладает прогностическая оценка, если оценочные высказывания частотно даются до наступления события (предположение, прогноз). Если оценка чаще всего дается одновременно с событием, то преобладает синхронная оценка. В случаях, когда оценочное высказывание следует после завершения действия, — оценка ретроспективная.

6. Идеологическая маркированность оценки демонстрирует, вплетена ли в оценку, реализуемую оценочным высказыванием, система внешних идеологий и ценностей или она характеризуется нейтральностью и ориентируется только на ход и результат спортивного соревнования. Если оценка содержит отсылки к национальной гордости, чувству патриотизма, политическим и гендерным темам, то она идеологически маркирована. Оценка идеологически нейтральна, когда она ограничена исключительно спортивными категориями, не связана с культурно-социальными проблемами.

7. Последний параметр, определенный нами в результате лингвоаксиологического анализа в рамках дискурса спортивного комментария, — композиционная функция оценки. Оценочные высказывания выполняют не только содержательную, но и структурно-композиционную функцию, формируя динамику спортивного комментария. Инициальная функция оценки означает, что оценка появляется в начальной части фрагмента спортивного комментария, до начала активной фазы действия. Кульминационная функция проявляется в напряженной или решающей части отрезка спортивного комментария, сопровождает момент максимального напряжения. Функция финализации оценки означает, что оценка предоставляется в конце фрагмента спортивного комментария, после завершения действия, подводит итоги, характеризует результат, обобщает.

Следует отметить, что определенные нами в результате лингвоаксиологического анализа параметры существуют на уровне лингвистической основы аксиосферной репрезентации, при этом мы не затрагиваем уровень ценностных доминант, оставляя данную проблему на перспективу дальнейшего исследования.

Таким образом, при помощи метода структурного моделирования на базе лингвоаксиологической интерпретации фрагментов спортивного ком-

ментария представим визуальное изображение лингвистической модели оценочных высказываний дискурса спортивного комментария (рис. 1).

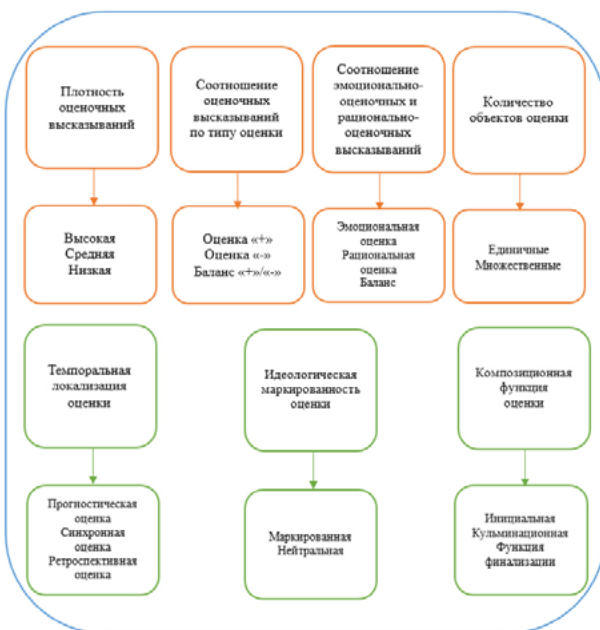

Рис. 1. Лингвистическая модель оценочных высказываний дискурса спортивного комментария

3.2. Лингвокультурные особенности актуализации лингвистической модели оценочных высказываний в российском и британском дискурсах спортивного комментария

На следующем этапе исследования выявлялась лингвокультурная специфика актуализации предложенной модели в российском и британском дискурсах спортивного комментария.

Первым параметром лингвистической модели оценочных высказываний является «плотность оценочных высказываний». Для подсчета плотности использовалась языковая модель ChatGPT (Open AI 2025), которой была передана стенограмма спортивных комментариев на русском и английском языках. Языковая модель подключала программу Python Script для проведения семантического анализа. 1. Сначала был открыт загруженный файл «Стенограмма спортивных комментариев на русском языке» (формат .docx) через библиотеку Python. 2. Корпус текстов был разбит на предложения (по

знакам препинания). 3. Каждое слово сравнивалось с базой оценочной лексики. Анализ производился семантически, в том числе определялись субъективные конструкции, которые не содержали прямых оценок. 4) Производился подсчет предложений, содержащих оценочные высказывания. 5) Плотность вычислялась по формуле: (количество оценочных высказываний / общее число предложений) * 100. Данные шаги были предприняты и для стенограммы спортивного комментария британского дискурса.

Для российского дискурса спортивного комментария плотность оценочных высказываний вычисляется по следующей формуле:

$942 / 2856 * 100 = 33 \%$ (где 942 — количество оценочных высказываний, 2856 — количество предложений в корпусе текстов спортивных трансляций).

В то время как для британского дискурса данные расчетов следующие: $523 / 2755 * 100 = 19 \%$ (где 523 — количество оценочных высказываний, 2856 — количество предложений в корпусе текстов спортивных трансляций).

Следует отметить, что полученные результаты были верифицированы сопоставлением с ручной разметкой фрагментов стенограмм.

Результаты статистического анализа отражают лингвокультурную специфику параметра плотности в дискурсах двух стран. В рамках дискурса спортивного комментария России отмечается более высокая количественная насыщенность оценочными высказываниями (33 % — каждое третье предложение содержит оценку), в то время как в британском признак описываемого параметра стремится к среднему показателю, оценочные показатели появляются относительно регулярно, но не являются доминирующими (19 % — примерно каждое пятое предложение содержит оценку).

Таким образом, различия в плотности оценочных высказываний отражают разные стратегии подачи спортивных событий. Российский спортивный комментарий характеризуется более выраженной экспрессивностью и эмоциональной маркированностью, в то время как британский демонстрирует более аналитическую направленность, что соответствует культурным установкам на сдержанность и объективность в публичной коммуникации. Соответственно, плотность оценочных высказываний выступает как маркер культурных различий в коммуникативных нормах и ценностях — от эмоциональности и вовлеченности до рациональности и дистанцированности.

Второй рассматриваемый параметр — «соотношение оценочных высказываний по типу оценки». В российском дискурсе спортивного комментария наблюдается баланс оценочных высказываний с позитивной и негативной оценкой. При этом высказывания с негативной оценкой часто подаются обособленно:

(1) *На прямой Заубер против Ред Булла — проходит! Пора сажать Хаджара, все, хватит. Этот пилот сломался — несите другого* (Алексей Попов) [Гаснут огни].

(2) *Эта гонка запорота* (Алексей Попов) [Гаснут огни].

При этом позитивные высказывания часто подаются на контрасте с негативными:

(3) *А Пиастри долго ковырялся, задним ходом, по траве, но мне понравилось, что он с холодной головой вернул потом позицию* (Наталья Фабричнова) [Гаснут огни].

(4) *Они начинали хорошо, но дальше все пошло по наклонной, вот этот кожух, взорвавшийся на прямой* (Наталья Фабричнова) [Гаснут огни].

(5) *Рассел уже виден невооруженным глазом, хорошая была сказка, но счастливого конца не предвидится* (Алексей Попов) [Гаснут огни].

В приведенных примерах прослеживается внимание комментаторов к обеим сторонам спортивного события без склонности к безусловно позитивной оценке или негативной критике. Отмечается экспрессивно-ироничная манера (*этот пилот сломался — несите другого*), используется контрастная модель подачи оценочных высказываний (*долго ковырялся ... — понравилось*), оценочное высказывание оформляется с элементами литературно-художественной стилизации (*хорошая была сказка, но счастливого конца не предвидится*).

Британский спортивный комментарий характеризуется преобладанием позитивных оценочных высказываний:

(6) *Lando's trying to retake the position away from Lewis Hamilton, he gets it back, brilliant racing on the restart!* / Ландо пытается вернуть позицию, обогнав Льюиса Хэмилтона, и он возвращает ее, **изумительное пилотирование** на рестарте (здесь и далее перевод наш. — Л. Е.) (Дэвид Крофт) [Sky Sports].

(7) *Piastrri going for his third pole in Formula 1, and the final sector was fantastic!* / Пиастри идет к третьему поулу в Формуле 1, и **последний сектор был фантастическим!** (Джолион Палмер) [Sky Sports].

Пример негативной оценки можно проиллюстрировать следующим примером:

(8) *Scruffy lap for Bearman* / **Неряшливый круг** от Бэрмана (Дэвид Крофт) [Sky Sports].

Так, большинство оценочных высказываний обращают внимание зрителя на достижения, мастерство и соревновательную красоту (*brilliant racing on the restart* / **изумительное пилотирование на рестарте**), негативные высказывания оформлены сдержанно, без излишней резкости (*scruffy lap for Bearman* / **неряшливый круг от Бэрмана**).

Таким образом, российский дискурс спортивного комментария тяготеет к драматургической подаче событий, при которой особое значение имеет контраст между успехом и неудачей, отражает ценности честной критики, эмоциональной выразительности и внутренней стойкости спортсменов. Британский спортивный комментарий отражает ценности умеренности, конструктивности и уважения, даже в ситуации неудачи. В соревновательной критике преобладает позитивный, вдохновляющий тон, что соответствует культурным нормам сдержанности, справедливости и достоинства в публичной коммуникации.

Анализ корпусов текстов русского и британского спортивного комментария при помощи программы Python Script выявил количественные показатели соотношения положительной и отрицательной оценки. Для русского дискурса соотношение положительных и отрицательных высказываний составляет 47 % к 53 %, для британского — 71 % к 29 % соответственно.

Далее проанализируем показатели третьего параметра лингвистической модели оценочных высказываний дискурса спортивного комментария: «соотношение эмоционально-оценочных и рационально-оценочных высказываний». Оба дискурса спортивного комментария характеризуются преобладанием эмоционально-оценочных высказываний:

(9) *Здорово все сделали и бросок такой получился. Опять запрос на просмотр, там видимо тренер какой-то лютой у датской команды* (Сергей Гимаев) [Sportbox].

(10) *Дико им повезло! Шайба пошла ему за спину и в сантиметрах от штанги шмякнулась на лед и ушла себе восвояси* (Роман Скворцов) [Sportbox].

(11) *An incredible session with so many contenders / Невероятная гоночная сессия, в которой так много претендентов [на хорошие места]* (Алекс Жак) [Sky Sports].

(12) *The success at Silverstone has been mighty / В Сильверстоуне был невероятный успех* (Дэвид Кулхард) [Sky Sports].

Рационально-оценочные высказывания тоже встречаются, но реже:

(13) *Запросил он информацию с планшета, может, смену свою хочет пересмотреть, понять, что ему там не хватило в большинстве. Очень профессиональный подход, который можно только приветствовать* (Роман Скворцов) [Sportbox].

(14) *Based on what we saw, the penalty before was not very fair / Если судить по тому, что мы видели, — штраф, выписанный ранее, был несправедлив* (Алекс Жак) [Sky Sports].

Таким образом, сопоставительный анализ текстов, продуцируемых спортивными комментаторами обеих стран, не обнаруживает лингвокуль-

турной специфики, что можно считать универсальной чертой спортивного комментария, которая обусловлена его функциональной природой. Оценки даются на основе эмоций, чувств и переживаний, рационально-оценочные высказывания присутствуют в обоих дискурсах, но выполняют вспомогательную роль (представляют собой взвешенные суждения о действиях игроков или гонщиков, судейских решениях, тактике и т. д.).

Статистический анализ при помощи языковой модели с привлечением программы Python Script показывает, что в британском дискурсе спортивного комментария эмоционально-оценочные суждения составляют 69 %, в то время как рационально-оценочные — 31 %. Для российского дискурса соотношение 65 % к 35 % соответственно.

Четвертый параметр предложенной модели демонстрирует, сколько различных объектов могут становиться носителями аксиологической нагрузки в спортивном комментарии. Анализ текстов спортивных трансляций показывает, что с точки зрения количества объектов оценки явное преобладание имеют множественные объекты в обоих дискурсах. В британском дискурсе спортивного комментария внутри каждого отдельно взятого фрагмента комментария объектами оценки могут становиться различные сочетания перечисленных ниже категорий: *пилоты (поведение пилотов), команды, события и эпизоды гонки, техника исполнения, погодные условия, состояние трассы*. В российском спортивном комментарии список объектов оценки представлен следующим образом: *игроки / пилоты, персоналии (известные люди в паддоке и на трибунах), команды, эпизоды матча / гонки, техника исполнения, факторы вне поля и трассы (домашний лед / трасса, историческая значимость турнира или гран-при), болельщики на трибунах, общая атмосфера спортивного события*. Фрагментов комментария, в которых оценочные высказывания комментатора устойчиво адресуются одному объекту, практически не встречается, что делает единичные объекты скорее временными акцентами, чем важной характеристикой дискурса спортивного комментария обеих лингвокультур.

Отсутствие лингвокультурных отличий в показателях данного параметра свидетельствует о том, что спортивный комментарий сосредоточен на универсальной коммуникативной установке — оперативном освещении многопланового спортивного события в реальном времени. Преобладание множественных объектов оценки отражает необходимость гибко и быстро переключаться между разными аспектами матча или гонки, активизируя внимание зрителя, преодолевая опосредованность общения и обеспечивая аудитории целостное восприятие происходящего.

Параметр темпоральной локализации отражает, в какой момент по отношению к описываемому событию предоставляется оценка. Все три типа

оценки функционируют в рамках обоих дискурсов спортивного комментария. Доминированием синхронной оценки маркированы как британский, так и российский дискурс спортивного комментария:

(15) *Томпсон, красивый бросок, и это гол! Пейдж Томпсон пробивает Леонардо Джинони, 40-ой юбилейный бросок, и с ним Джинони не справляется* (Андрей Юртаев) [Sportbox].

(16) *Вот смотри — бросает верхом и сразу опасный момент, краем плеча отбивает Джинони, она залетела ему за спину и каким-то чудом не попала в ворота* (Артем Божко) [Sportbox].

(17) *It's late on the brakes for Max Verstappen, he keeps the lead for the moment but Piastri powers by? Well done! Oscar Piastri takes the lead! / Поздно тормозит Ферстаппен, на мгновение он сохраняет лидерство, но Пиастри проходит? Отлично! Пиастри выходит в лидеры гонки!* (Алан Макниш) [Sky Sports].

При этом вторым по значимости типом оценки в российском дискурсе является ретроспективная оценка:

(18) *Добро пожаловать обратно в Стокгольм. В большинстве были у команд интересные опасные моменты, но реализовать их не смогли ни американцы, ни швейцарцы»* (Андрей Юртаев) [Sportbox].

В британском спортивном комментарии регулярно используется прогностическая оценка в виде высказываний с предположениями, прогнозами и ожиданием развития событий:

(19) *He is too wide on the corner, that's going to cost him / Слишком широко на апексе, это будет стоить ему [потерянного времени]* (Гарри Бенджамин) [Sky Sports].

Наименее важными в российском дискурсе спортивного комментария являются оценочные высказывания с прогностической направленностью:

(20) *Если итоги подводить — то героем встречи будет — Леонардо Джинони. Претендент на звание лучшего голкипера этого турнира — 5—6 невероятных спасений совершил* (Артем Божко) [Sportbox].

В британском же комментарии менее значимы высказывания с ретроспективной оценкой:

(21) *Meanwhile, Jack Doohan improved up to 13th. He has done well! / Между тем, Джек Дуан вышел на тринадцатое место. Он проехал хороший круг!* (Дэвид Крофт) [Sky Sports].

Таким образом, лингвокультурные различия проявляются на уровне второстепенных типов оценки исследуемого параметра, российские спортивные комментаторы склонны к описанию и рефлексии, при этом британский спортивный комментарий характеризуется направленностью на прогнозирование и предвосхищение.

Статистический анализ показывает, что оценочные высказывания с синхронной оценкой занимают 58 % в российском и 60 % в британском спортивном дискурсе, прогностический тип оценки — 13 % и 29 %, в то время как ретроспективная оценка — 11 % и 29 % соответственно.

Идеологическая маркированность оценки — параметр, показывающий, присутствуют ли в оценочном высказывании отсылки к темам, выходящим за рамки спортивного соревнования, например, к социальным, политическим, этнокультурным проблемам. В российском дискурсе спортивного комментария идеологически маркированная оценка встречается относительно регулярно:

(22) *Добраться до полуфинала и остаться без медалей... Обидно. Хотя с первого раза добраться — это совсем такая Золушкина история* (Антон Васятин) [Sportbox].

Образ «золушки» является весьма понятной аудитории общекультурной отсылкой, он формирует нарратив о не самой сильной, но достойной команде (сборная Дании), что выходит за пределы контекста происходящего на спортивной арене.

Другими примерами могут послужить следующие фрагменты:

(23) *Большое количество русских в Монако негативно влияют на монегасков* (Алексей Попов) [Гаснут огни] (этнокультурная / национальная оценка: стереотипизация русских + негативная коллективная оценка);

(24) *Йос... наваял своему отцу, жене и сыну... но воспитывал* (Алексей Попов) [Гаснут огни] (гендерно-нормативная оценка: поддержка авторитарно-патриархальных ценностей).

Интерес для лингвоаксиологической интерпретации представляет следующий диалог комментаторов в рамках трансляции гран-при Канады:

(25) (Алексей Попов) — *Я бы сейчас высказался по поводу губ, но промолчу* (Об известной актрисе, которую показали в паддоке одной из команд).

(Наталья Фабричнова) — *Промолчите* [Гаснут огни].

Алексей Попов произносит высказывание, которое облекается в форму невысказанного мнения. Данное замечание выводит комментарий за рамки спортивной тематики и указывает на воспроизводство гендерных стереотипов. Подобное имплицитное оценочное высказывание подчеркивает такие антиценности, связанные с внешностью, как искусственность, неестественность, стремление соответствовать стандартам красоты, навязанным социумом. Наталья Фабричнова выражает прямое несогласие своей лаконичной формулировкой, пресекая потенциальную попытку сделать замечание о внешности женщины. Комментатор занимает противоположную позицию, актуализируя ценности сдержанности и вежливости, уста-

навливает границы допустимого в эфире. Таким образом, диалог содержит гендерно-маркированную оценку.

Оценочные высказывания, обнаруженные в британском спортивном комментарии, характеризуются прежде всего оценкой, которая ориентирована на ход и результат спортивного соревнования. Идеологически маркированные высказывания встречаются эпизодически, они представлены в виде отдельных оценочных фраз, выходящих за рамки спортивного контекста.

(26) *Montreal once again putting on a show* / Монреаль опять устраивает шоу (Дэвид Крофт) [Sky Sports].

(27) *Australian driver promised to go on attack, he said he was going to be overtaking drivers* / Австралийский пилот пообещал атаковать, он сказал, он будет обгонять других пилотов (Джолион Палмер) [Sky Sports].

В приведенных выше примерах могут прослеживаться отсылки к национальной гордости: символическая роль места проведения гран-при, позиционирование его как особенного или подчеркивание национальности гонщика.

Так как все участники спортивного события — мужчины, то следующие оценочные высказывания можно рассматривать как умеренно гендерно-маркированные, имплицитно закрепляющие маскулинные ценности в спорте:

(28) *Piastri! Super brave around the outside!* / Пиастри! **Невероятно храбро по внешней траектории!** (Алекс Жак) [Sky Sports];

(29) *Lando Norris with the big risk moment and the retirement that loses him 10 points for his tally in the world championship* / Ландо Норрис **очень рискует вылететь** и потерять десять очков в битве за чемпионат (Алекс Жак) [Sky Sports].

Таким образом, российский спортивный комментарий характеризуется регулярным использованием идеологически маркированных оценочных высказываний, прежде всего в актуализации национальных, культурных и гендерных стереотипов, прямая оценка спортивного состязания перемежается с широкой социокультурной рамкой. Британский спортивный комментарий прагматический, эмоционально-окрашенный, но носит идеологически-нейтральный характер, имплицитно-маркированные оценочные высказывания встречаются эпизодически.

Седьмой параметр предлагаемой модели — композиционная функция оценки. Российский и британский дискурс спортивного комментария характеризуются доминированием оценки в кульминационной функции, оценочные высказывания сопровождают моменты активного действия, пикового напряжения в каждом отдельно взятом фрагменте (45 % и 43 % соответственно):

(30) *Диков продолжает штамповать спасения* (Сергей Гимаев) [Sportbox].

(31) *Ох, это было неплохо! Вывели его неплохо на бросок партнеры, но ворота вышли из берегов* (Олег Мосалев) [Sportbox].

(32) *Lando Norris with a move at the hairpin, improves his position / Ландо Норрис делает маневр в шпильке, улучшает позицию* (Дэвид Крофт) [Sky Sports].

(33) *And he's actually hit his wing on the back of Oscar / И он правда повреждает крыло о заднюю часть машины Оскара* (Дэвид Крофт) [Sky Sports].

При этом 32 % оценочных высказываний в британском дискурсе выполняют инициальную функцию, предвосхищая развитие события:

(34) *We're on board with Bearman coming up to the final chicane, he's got a nice distance slipstream from the cars ahead / Мы смотрим с камеры на борту Бэрмана, который в шикане, он получает хороший слип-стрим от идущих впереди машин* (Алекс Жак) [Sky Sports].

В то же время, в рамках российского дискурса спортивного комментария 43 % оценочных высказываний характеризуются функцией финализации:

(35) *Датчане с сердцем играли, они все поймали на себя, не дали ничего сделать! Там сегодня Диков, какая-то фантастика, ему памятник надо поставить в этом Хернинге* (Сергей Гимаев) [Sportbox].

Следует отметить, что в британском спортивном комментарии наименее значима функция финализации (14 %), в то время как в российском — инициальная (23 %).

Таким образом, кульминационная функция оценочных высказываний преобладает в обоих дискурсах спортивного комментария, что подтверждает высокую оценочную насыщенность в пиковые моменты спортивного состязания и является его универсальной чертой. При этом важность функции финализации в текстовой репрезентации оценки российскими комментаторами означает, что им важнее рассказать о событии, когда оно уже завершилось и его можно осмыслить, вписать в контекст истории или карьеры. В то же время британские комментаторы ориентируются на важность прогнозов и ожиданий. Интерпретация предлагается еще до начала событий, что формирует у зрителя определенные ожидания и эмоциональный настрой.

Используя данные сопоставительного анализа перечисленных выше параметров и показателей, представим графическое изображение полевой структуры концепта оценочных высказываний российского и британского дискурса спортивного комментария (рис. 2, рис. 3).

Рис. 2. Концепт оценочных высказываний российского дискурса спортивного комментария

Рис. 3. Концепт оценочных высказываний британского дискурса спортивного комментария

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования была разработана лингвистическая модель оценочных высказываний, а также описана лингвокультурная специфика ее актуализации в дискурсах спортивного комментария России и Великобритании. Выявленные в ходе анализа особенности стали основой для моделирования концептов оценочных высказываний российского и британского дискурса спортивного комментария.

В работе выделены семь аксиологических параметров, которые характеризуют уровень лингвистической основы аксиосферной репрезентации.

Российский дискурс спортивного комментария характеризуется эмоциональностью и экспрессивностью, высокая плотность оценочных высказываний коррелирует с важностью вовлеченности, сопереживания и сочувствия к участникам спортивного состязания. Драматургическая подача событий (акцент ценности борьбы, успеха и антиценности неудачи) свидетельствует о важности драматизма и контраста в восприятии реальности. Ориентация на рефлексию и ретроспективу выражается преобладанием функции финализации при репрезентации оценки (осмысление событий постфактум), что указывает на склонность к переосмыслению и исторической контекстуализации. Включение в нарратив идеологически маркированных высказываний говорит о том, что спорт используется как средство поддержки коллективной идентичности и трансляции социальных норм. Российский спортивный комментарий отражает такие ценности российской культуры, как значимость моральной устойчивости и силы воли. Критика воспринимается как нормативно оправданная и даже необходимая часть общественного диалога.

В британском спортивном комментарии присутствует стремление к умеренности за счет меньшей плотности эмоционально-окрашенных оценочных высказываний и аналитической направленности, присутствует культурная установка на сдержанность, контроль эмоций и объективность в дискурсивно-заданных рамках регламентированной коммуникации. Ориентация на прогнозирование событий, акцент на аналитику и предвосхищение, отражает важность рациональности, планирования и структурного мышления. Эпизодическое использование идеологически маркированных высказываний свидетельствует о нейтральности спортивного комментария, стремлении к инклюзивности и универсальности в публичной коммуникации. В британском спортивном комментарии высвечиваются ценности уважения и достоинства: даже в ситуации неудачи преобладает позитивный вдохновляющий тон.

Полученные данные визуализируются при помощи моделирования концептов оценочных высказываний российского и британского дискурсов спортивного комментария, помогают актуализировать обобщения по основным линиям анализа.

Проведенное исследование обозначило перспективу дальнейшей работы над проблемами лингвоаксиологического и лингвокультурного анализа спортивного дискурса и спортивной коммуникации в целом. Во-первых, данная перспектива заключается в выявлении (на примере спортивной коммуникации) аксиологических параметров, существующих на уровне ценностных доминант, и в проведении их сопоставительного анализа,

во-вторых, значимым представляется изучение других типов дискурса в аспекте их лингвокультурной и лингвоаксиологической специфики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Гаснут* огни [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://m.vk.com/gasnutogni1?from=groups> (дата обращения 19.07.2025).
2. *Sky Sports* — [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.skysports.com/watch/sky-sports-fl> (accessed 29.06.2025).
3. *Sportbox* — [Electronic resource]. — Access mode : https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Hokkej/world_championship/stats (accessed 10.06.2025).

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов. — Москва : Наука, 1988. — 338 с. — ISBN 5-02-010870-7.
2. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф ; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. — 3-е изд., стер. — Москва : УРСС, 2006. — 259 с. — ISBN 978-5-397-07255-7.
3. *Волкова Я. А.* Лингвоаксиология эмоций : лингвокультурная ценность злости в русском языковом сознании / Я. А. Волкова, И. В. Вашунина // Вопросы психолингвистики. — 2024. — № 1 (59). — С. 10—21. — DOI: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21.
4. *Грищенко А. Н.* Новые метафорические модели в современном спортивном дискурсе / А. Н. Грищенко, П. В. Морослин // Научный диалог. — 2022. — № 5. — С. 211—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225.
5. *Дигалев Н. В.* Лингвоаксиология спортивного состязания : ценности, нормы, традиции / Н. В. Дигалев, В. И. Карасик // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание : Реферативный журнал. — 2025. — № 1. — С. 211—225. — DOI: 10.31249/ling/2025.01.
6. *Дзюбенко А. И.* Лексико-семантические особенности британского и американского спортивного дискурса / А. И. Дзюбенко, А. В. Грищенко // Балтийский гуманитарный журнал. — 2021. — № 2 (35). — С. 251—254. — DOI: 10.26140/bgj3.2021.1002.0066.
7. *Иванова С. Ю.* Аксиология спорта / С. Ю. Иванова // Universum : общественные науки. — 2023. — № 6 (97). — С. 22—24. — DOI: 10.32743/UniSoc.2023.97.6.15625.
8. *Калиниченко М. О.* Спортивное комментирование судейских ошибок во время телевизионных трансляций футбольных матчей Российской премьер-лиги / М. О. Калиниченко // Медиалингвистика. — 2024. — № 3. — С. 357—379. — DOI: 10.21638/srbu22.2024.305.
9. *Калиниченко М. О.* Структура эпизодов и дискурсивные маркеры в спортивном комментировании / М. О. Калиниченко, М. Ю. Мухин // Вестник ЮУрГУ. Серия : Лингвистика. — 2022. — № 1. — С. 5—14. — DOI: 10.14529/ling220101.
10. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 389 с. — ISBN 5-7333-0143-0.
11. *Касимова О. П.* Лингвокультурные особенности речи комментатора в спортивном дискурсе (на примере хоккейных матчей) / О. П. Касимова, Н. Р. Сафиканова //

Вестник Башкирского университета. — 2020. — № 3. — С. 599—603. — DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.21.

12. *Лебедев А. В.* Особенности англоязычного спортивного дискурса в контексте его жанрового своеобразия / А. В. Лебедев, Л. В. Цыбина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 7 (145). — С. 75—83. — DOI: 10.60797/IRJ.2024.145.48.

13. *Мараховская К. А.* Языковая экспликация оценочных параметров в спортивном комментарии / К. А. Мараховская // Современные исследования социальных проблем. — 2022. — № 2. — С. 323—335. — DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-323-335.

14. *Милованова М. С.* Аксиология и когнитивная лингвистика / М. С. Милованова // Вопросы психолингвистики. — 2024. — № 4 (62). — С. 144—147. — DOI: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-144-147.

15. *Николаева О. В.* Аксиологические аспекты семантики полинезийских этнических паремий / О. В. Николаева // Дальневосточный филологический журнал. — 2023. — № 1 (1). — С. 3—12. — DOI: 10.24866/2949-2580/2023-1/3-12.

16. *Пак Л. Е.* Дискурсивная личность спортивного комментатора США и России : гендерный аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Леонид Евгеньевич Пак. — Владивосток, 2018. — 178 с.

17. *Сафиканова Н. Р.* Лингвопрагматическая характеристика языковой личности телекомментатора в спортивном дискурсе (на материале репортажей хоккейных матчей) / Н. Р. Сафиканова // Вестник Башкирского университета. — 2022. — № 1. — С. 137—140. — DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.1.24.

18. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. А. М. Сухотин ; под ред. Р. О. Шор. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00556-6.

19. *Старостина Ю. С.* Лингвоаксиологическая речежанровая модель и ее актуализация в англоязычном драматургическом дискурсе / Ю. С. Старостина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 131—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-131-152.

20. *Шевченко В. Д.* Специфика коммуникации в спортивном интернет-дискурсе / В. Д. Шевченко, А. Г. Писарева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2019. — № 2. — С. 109—115. — DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-109-115.

21. *Caldwell D.* Enacting power, solidarity and masculinity in sport : A discourse analysis of the language-in-action of Aboriginal boys / D. Caldwell // International Journal of Educational Research. — 2023. — Vol. 121. — Pp. 1—10. — DOI: 10.1016/j.ijer.2023.102227.

22. *Lee J. S.* Sports, Instagram, and conflict talk in Englishes : a discourse analysis of fan language during the 2018 Winter Olympics / J. S. Lee // World Englishes. — 2020. — Vol. 39. — № 1. — Pp. 94—105. — DOI: 10.1111/weng.12449.

23. *Smith W. R.* Organizing participation of a lifestyle sport : The constitutive power of new media discourse / W. R. Smith // Discourse, Context & Media. — 2020. — Vol. 33. — Pp. 34—47. — DOI: 10.1016/j.dcm.2019.100368.

24. *Sports blogging : Communicative strategies in contemporary sports discourse* / T. Billetska, O. Havryliuk, V. Goian & O. Goian // Ibérica. — 2023. — № 45. — Pp. 139—161. — DOI: 10.17398/2340-2784.45.139.

Статья поступила в редакцию 02.08.2025,
одобрена после рецензирования 26.11.2025,
подготовлена к публикации 16.12.2025.

Material resources

Gasnut ogny [Lights go out]. Available at: <https://m.vk.com/gasnutognifl?from=groups> (accessed 19.07.2025). (In Russ.).

Sky Sports. Available at: <https://www.skysports.com/watch/sky-sports-fl> (accessed 29.06.2025).

Sportbox. Available at: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Hokkej/world_championship/stats (accessed 10.06.2025).

References

- Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: assessment. Event. Fact*. Moscow: Nauka Publ. 338 p. ISBN 5-02-010870-7. (In Russ.).
- Biletska, T., Havryliuk, O., Goian, V & Goian, O. (2023). Sports blogging: Communicative strategies in contemporary sports discourse. *Ibérica*, 45: 139—161. DOI: 10.17398/2340-2784.45.139.
- Caldwell, D. (2023). Enacting power, solidarity and masculinity in sport: A discourse analysis of the language-in-action of Aboriginal boys. *International Journal of Educational Research*, 121: 1—10. DOI: 10.1016/j.ijer.2023.102227.
- De Saussure, F. (2004). *Course of General Linguistics*. Moscow: Unified URSS. 256 p. ISBN 5-354-00556-6. (In Russ.).
- Digalev, N. V., Karasik, V. I. (2025). Linguoaxology of sports competition: values, norms, traditions. *Social sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 6. Linguistics: An Abstract journal*, 1: 211—225. DOI: 10.31249/ling/2025.01. (In Russ.).
- Dzyubenko, A. I., Grishchenko, A. V. (2021). Lexico-semantic features of British and American sports discourse. *Baltic Humanitarian Journal*, 2 (35): 251—254. DOI: 10.26140/bg3.2021.1002.0066. (In Russ.).
- Gritsenko, A. N., Moroslin, P. V. (2022). New metaphorical models in modern sports discourse. *Nauchnyi dialog*, 5: 211—225. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225. (In Russ.).
- Ivanova, S. Y. (2023). Axiology of sports. *Universum: social sciences*, 6 (97): 22—24. DOI: 10.32743/UniSoc.2023.97.6.15625. (In Russ.).
- Kalinichenko, M. O. (2024). Sports commentary on refereeing errors during television broadcasts of football matches of the Russian Premier League. *Media linguistics*, 3: 357—379. DOI: 10.21638/spbu22.2024.305. (In Russ.).
- Kalinichenko, M. O., Mukhin, M. Yu. (2022). The structure of episodes and discursive markers in sports commentary. *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics*, 1: 5—14. DOI: 10.14529/ling220101. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2004). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: Gnosis. 389 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).
- Kasymova, O. P., Safianova, N. R. (2020). Linguistic and cultural features of a commentator's speech in sports discourse (on the example of hockey matches). *Bulletin of the Bashkir University*, 3: 599—603. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.21. (In Russ.).
- Lebedev, A. V., Tsybina, L. V. (2024). Features of English-language sports discourse in the context of its genre originality. *International Scientific Research Journal*, 7 (145): 75—83. DOI: 10.60797/IRJ.2024.145.48. (In Russ.).
- Lee, J. S. (2020). Sports, Instagram, and conflict talk in Englishes: a discourse analysis of fan language during the 2018 Winter Olympics. *World Englishes*, 39 (1): 94—105. DOI: 10.1111/weng.12449.

- Marakhovskaya, K. A. (2022). Linguistic explication of evaluative parameters in sports commentary. *Modern research on social problems*, 2: 323—335. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-323-335. (In Russ.).
- Milovanova, M. S. (2024). Axiology and cognitive linguistics. *Questions of psycholinguistics*, 4 (62): 144—147. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-144-147. (In Russ.).
- Nikolaeva, O. V. (2023). Axiological aspects of the semantics of Polynesian ethnic paremias. *Far Eastern Philological Journal*, 1 (1): 3—12. DOI: 10.24866/2949-2580/2023-1/3-12. (In Russ.).
- Pak, L. E. (2018). *The discursive personality of a sports commentator in the USA and Russia: gender aspect*. PhD Diss. Vladivostok. 178 p. (In Russ.).
- Safianova, N. R. (2022). Linguistic and pragmatic characteristics of the linguistic personality of a television commentator in sports discourse (based on hockey match reports). *Bulletin of the Bashkir University*, 1: 137—140. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.1.24. (In Russ.).
- Shevchenko, V. D., Pisareva, A. G. (2019). Specifics of communication in Internet sports discourse. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*, 2: 109—115. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-109-115. (In Russ.).
- Smith, W. R. (2020). Organizing participation of a lifestyle sport: The constitutive power of new media discourse. *Discourse, Context & Media*, 33: 34—47. DOI: 10.1016/j.dcm.2019.100368.
- Starostina, Yu. S. (2022). Linguo-Axiological Speech-Genre Model and Its Actualization in English Drama Discourse. *Nauchnyi dialog*, 11 (4): 131—152. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-131-152>. (In Russ.).
- Volkova, Ya. A., Vashunina, I. V. (2024). Linguoaxology of emotions: the linguistic and cultural value of anger in the Russian linguistic consciousness. *Questions of psycholinguistics*, 1 (59): 10—21. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21. (In Russ.).
- Wolf, E. M. (2006). *Functional semantics of evaluation*. Moscow: URSS. 259 p. ISBN 978-5-397-07255-7. (In Russ.).

*The article was submitted 02.08.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 16.12.2025.*

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

.....

Го Лицзюнь, д-р филол. наук (Гуанчжоу, Китай)
Екатерина Сергеевна Радионцева, канд. филол. наук (Омск)
Наталья Дмитриевна Федяева, д-р филол. наук (Омск)
Сергей Александрович Демченков, канд. филол. наук (Омск)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филол. наук (Омск, Нижний Новгород)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Го Лицзюнь. Даосизм и дао в современном российском медиадискурсе / Го Лицзюнь // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 214—231. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-214-231.

Guo Lijun (2025). Daoism and Dao in Modern Russian Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 214-231. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-214-231. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Даосизм и дао в современном российском медиадискурсе

Го Лицзюнь

orcid.org/0000-0002-9711-4180
доктор филологических наук, доцент
факультета русского языка
guolj5@mail.sysu.edu.cn

Университет имени Сунь Ятсена
(Гуанчжоу, Китай)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке Национального фонда
социальных наук Китая
(грант № 24BYY078) в рамках проекта
“Междисциплинарное исследование
механизмов деривации и
когнитивных мотиваций эмотивной
лексической семантики
в русском и китайском языках”
под руководством Го Лицзюнь

Daoism and Dao in Modern Russian Media Discourse

Guo Lijun

orcid.org/0000-0002-9711-4180
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Studies
guolj5@mail.sysu.edu.cn

Sun Yat-sen University
(Guangzhou, China)

Acknowledgments:

This research was supported
by the National Social
Science Fund of China
[Grant № 24BYY078]
under the project titled
“An Interdisciplinary Study
of the Derivation Mechanisms
and Cognitive Motivations
of Emotive Lexical Semantics in Russian
and Chinese,” led by Guo Lijun

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается репрезентация идей даосизма и одного из его ключевых концептов ДАО в российском информационном пространстве: в дискурсе социальных сетей, общении на форумах, на сайтах традиционных СМИ. Проанализированы с применением методов контент-анализа аккаунты сообществ «ВКонтакте», газетные статьи и публикации на интернет-ресурсах, в названиях которых использованы слова *даосизм* и *дао*. Установлено, что такие сообщества «ВКонтакте» объединяют более 500 тыс. подписчиков в аккаунтах, заявляющих тематику «Философия», при этом связь размещаемого контента с даосизмом может быть только косвенной. Показано, что сообщества с компонентами *даосизм* и *дао* в названиях также занимаются продажами, продвижением идеи здорового образа жизни, обсуждением гендерных отношений и др. Выявлены основные географические метки аккаунтов: наиболее популярные регионы Москва, Санкт-Петербург. Языковой анализ употребления номинации *даосизм* показывает его научный характер, в то время как сочетания со словом *дао* характеризуется высокой степенью метафоричности. Автор приходит к выводу, что россияне, обращаясь к религиозно-философским понятиям «даосизм» и «дао», банализируют их при обсуждении проблем повседневности, здоровья, межличностных отношений, а также употребляют номинации *даосизм* и *дао* для коммерциализации аккаунтов.

Ключевые слова:

даосизм; дао; восточные духовные практики; медиадискурс; сетевые сообщества.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article considers the representation of the ideas of Daoism and one of its key concepts of DAO in the Russian information space: in the discourse of social networks, communication on forums, on the websites of traditional media. The accounts of VKontakte communities, newspaper articles, and publications on Internet resources with the words Daoism and Dao in their names have been analyzed using content analysis methods. It has been established that such VKontakte communities unite more than 500 thousand people. There are subscribers in accounts claiming the subject of "Philosophy", while the connection of the posted content with Daoism can only be indirect. It is shown that communities with components of Daoism and Dao in their names are also engaged in sales, promoting the idea of a healthy lifestyle, discussing gender relations, etc. The main geographical account labels have been identified: the most popular regions are Moscow and St. Petersburg. Linguistic analysis of the use of the Daoism nomination shows its scientific character, while combinations with the word Dao are characterized by a high degree of metaphor. The author comes to the conclusion that Russians, referring to the religious and philosophical concepts of "Daoism" and "Dao", banalize them when discussing problems of everyday life, health, interpersonal relationships, and also use the Daoism and Dao nominations to commercialize accounts.

Key words:

Daoism; Dao; oriental spiritual practices; media discourse; online communities.

УДК 811.161.1'42::221.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-214-231

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Даосизм и дао в современном российском медиадискурсе

© Го Лицзюнь, 2025

1. Введение = Introduction

Интерес к восточным духовным практикам, в частности к китайскому традиционному учению даосизма, отмечается во всем мире. Ученые исследуют распространение даосизма в разных странах: США, России, государствах Латинской Америки, Европы и арабского мира [Просеков, 2020; Chung-ying Cheng, 2012; Costantini, 2022; Hadhri Sana et al., 2022; Juemin Cai, 2020, Zhao Ya, 2016 и др.]. Помимо изучения даосизма в традиционном историческом аспекте, исследователи проявляют интерес к проникновению его идей в медийные практики [Dong Seo et al., 2017]. Их распространение в массмедиа можно рассматривать в качестве результата влияния китайской социокультурной политики «мягкой силы», что обуславливает актуальность данной работы.

В фокус внимания российских ученых даосизм попал в XX веке в русле философского и исторического научного знания. Однако получил известность даосизм в России еще в XIX веке, когда была переведена и опубликована книга «Дао дэ цзин», см. об этом: [Zhang Hongyan et al., 2023]. Активное разноаспектное исследование даосизма в России как доктрины и его распространения относится к концу XX — началу XXI веков. Изучаются, например, идеи дао в произведениях искусства: кинофильмы, жанры литературы и живописи [Абраменко и др., 2018; Трубицина и др., 2023; Ян Чжэн, 2022 и др.]. В 90-е годы XX века у россиян появились новые возможности в выборе сферы интересов, в том числе в области духовных, религиозных практик. Как следствие, получил развитие религиозный туризм: «Религиозные ценности как часть культурного наследия и объекты туризма все больше приобретают свой изначальный смысл, становятся не только объектами поклонения, но и объектами познания» [Рынкova, 2010, с. 90].

Ядро философии даосизма — дао — означает путь природы, Вселенной, который осуществляется естественным образом. Дао понимается как источник и основа всего существующего во Вселенной. Даосизм подчеркивает важность естественности, спонтанности и простоты в повседневной

жизни, а также идею о том, что настоящее знание и мудрость достигаются через созерцание, медитативные практики, интуитивное понимание вместо логического анализа. Даосизм обращается к идее гармонии человека и природы, стремления к балансу, поскольку человек изначально является частью природы. При этом согласно даосизму всё во Вселенной находится в постоянном изменении и развитии, а понимание и следование дао позволяет человеку жить в согласии с изменчивым миром, избегать излишнего вмешательства в природу и человеческое общество, позволяя им функционировать естественно. В целом дао — это движущая сила и закон развития всего сущего.

В XXI веке даосизм популяризируется и поддерживается его сторонниками благодаря возможностям современных медиа. Сообщества в социальных сетях, как правило, открытые для подписчиков, объединяют людей на основе общих интересов, в том числе и к даосизму, что обусловлено его восприятием «не как учения — философского или религиозного, а как опыта и личного переживания, неоформленного, наполненного загадочными мистическими элементами» [Князев, 2024, с. 44]. Цель настоящего исследования — проанализировать освоенности репрезентации даосизма как духовной практики и его ключевого концепта дао в пространстве социальных сетей и традиционных СМИ, которые не только отражают, но и формируют интересы российского социума. Материалом для исследования послужил контент социальной сети «ВКонтакте», интернет-сайтов, традиционных СМИ. Данное исследование позволяет понять особенности восприятия россиянами китайской философии и духовных практик, что имеет значение для китайцев с точки зрения изучения влияния «мягкой силы» на формирование лояльного отношения к культуре Китая.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве теоретической базы исследования используются эмпирический метод контент-анализа, концепции культурной адаптации и цифровой культуры. Такой подход дает возможность изучить ключевые аспекты распространения даосизма в российском информационном пространстве и процесс его трансформации в условиях глобализации и цифровизации.

В данном исследовании даосизм интерпретируется как культурный феномен, который, проникая в российское общество, приобретает новые формы и значения, что соответствует парадигме взаимной адаптации культурных практик (аккультурации). По определению Дж. Берри, аккультурация представляет собой «двойственный процесс культурных и психологических изменений, происходящих в результате контакта между двумя или более культурными группами и их отдельными представителями» [Berry,

2005, с. 698]. Такие ключевые концепты даосизма, как ГАРМОНИЯ, ЕСТЕСТВЕННОСТЬ и ИНТУИТИВНОЕ ПОЗНАНИЕ, находят выражение в обсуждении популярных тем здоровья, саморазвития и духовных практик, что свидетельствует о переосмыслении оригинальных идей в современных российских реалиях. Кроме того, даосизм рассматривается как часть культурной экспансии Китая, использующего механизмы «мягкой силы», что подчеркивает его значение, по мнению китайских исследователей, для укрепления культурного влияния страны на международной арене, см. об этом [Chung-ying Cheng, 2012; Hadhri et al., 2022 et al.].

Распространение идей даосизма в виртуальной среде позволяет рассматривать его сквозь призму теории цифровой культуры [Jenkins, 2006; Manovich, 2001]. Социальные сети, например «ВКонтакте», становятся пространством, где идеи даосизма популяризируются и находят воплощение в повседневных практиках пользователей. В сетевом пространстве даосизм становится частью жизненной философии участников сообществ и основой социокультурных трендов, таких как здоровье, осознанность и гармония. Таким образом, с одной стороны, онлайн-сообщества способствуют популяризации даосизма, а с другой — даосизм служит инструментом социальной интеграции, объединения пользователей на основе общих интересов и совместного участия в духовных практиках.

Для достижения целей исследования применяется комбинированный методологический подход, включающий количественный и качественный контент-анализ. Количественный анализ позволяет выявить частотность включения имен китайских концептов ДАОСИЗМ и ДАО в названия сообществ и особенности их представления в тематическом ассортименте интернет-материалов. Качественный контент-анализ направлен на изучение транслируемых акторами смыслов и ценностных ориентаций, связанных с даосизмом. Особое внимание уделяется тому, как пользователи интерпретируют ключевые концепты философии даосизма, такие как ГАРМОНИЯ, ПРИРОДНОСТЬ и ЗДОРОВЬЕ, и каким образом они адаптируют эти идеи к своей повседневной жизни. Корпус исследуемых текстов формировался из посвященных даосизму и дао материалов сообществ, имеющих аккаунты в социальной сети «ВКонтакте», переписки пользователей на форумах, контента сайтов, в том числе электронных СМИ, фрагментов публицистических текстов, собранных в Национальном корпусе русского языка. Период исследования не ограничивался специально временными рамками, но, как правило, проанализированный материал охватывает последние 20 лет, время активного проникновения Интернета в жизнь россиян. Материалы отбирались путем поискового запроса по ключевым словам *даосизм* и *дао*, в процессе качественного анализа изучалось контекстное окружение ключевых слов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Репрезентация даосизма в социальных сетях и на интернет-сайтах

Поиск сообществ по запросам «дао» и «даосизм» на апрель 2025 года выявил 1571 [Дао] и 29 [Даосизм] аккаунтов соответственно в российской социальной сети «ВКонтакте», имеющих от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч подписчиков. Названия сообществ включают в себя слова *дао* и *даосизм*, анонсируя интерес к различным сферам жизни человека. Представим их далее, классифицируя по количеству подписчиков и заявленной теме.

Самой многочисленной группой является сообщество «Дао Жизни» (258 721 подписчик) с количеством членов более двухсот тысяч человек; остальные группы насчитывают несколько десятков тысяч и менее участников: 2 аккаунта более 40 тысяч: «Дао 道» (58 452) и «Даосские секреты омоложения» (43 609); 4 — более 20 тысяч: «Цигун | Даосизм | Алхимия» (26 744), «Дао Дэ Цзин 道德經» (25 744), «Дао» (25 312), «Дао-Какао» (24 307); 11 — от 10 до 20 тысяч: «Джао Дао — магазин азиатских вкусняшек» (15 853), «Цигун — Китайская гимнастика — Прикоснись к Дао» (12 181), «Цигун и даосские практики Мантэк Чиа» (11 312) и др.; 113 — от 1 до 10 тысяч подписчиков: «Чайная “ЧА ДАО” | Китайский Чай | КРАСНОДАР» (7 831), «Школа Осознанного Дао (ШОД)» (6 481), «ДАО СОЛНЦА» (4 206) и др.; остальные сообщества объединяют менее одной тысячи подписчиков каждое (рис. 1). В целом количество пользователей, подписанных на аккаунты сообществ, в названия которых входят слова *дао* (иногда в латинской графике *DAO*), *даосизм*, *даосский*, достигает более полумиллиона человек.

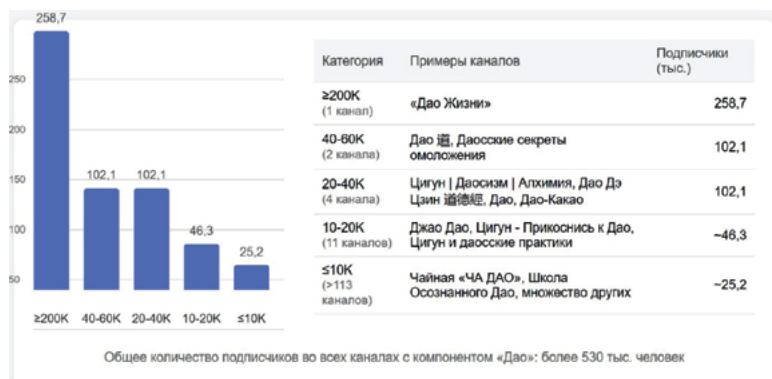
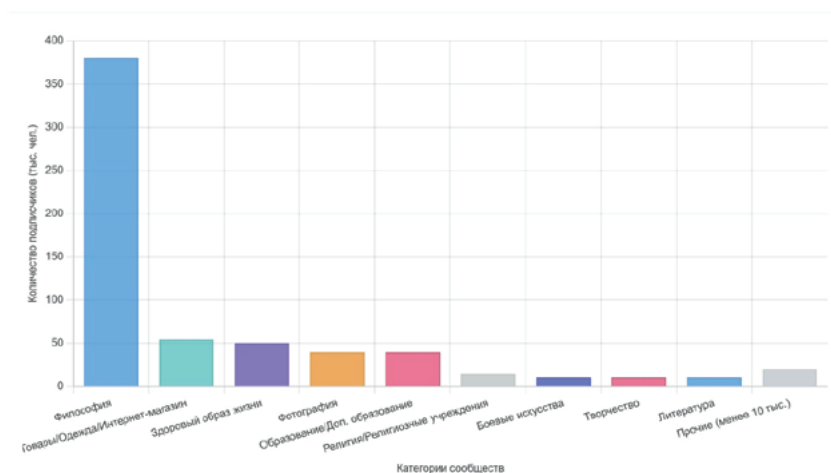

Рис. 1. Распределение аккаунтов сообществ, имеющих в названии компонент *дао*

Отметим, что в социальной сети «ВКонтакте» самоидентификация сообщества определяется тематикой или географическим фактором (городом, в котором находится организатор). Наиболее активные группы по критерию «количество подписчиков», насчитывающие в совокупности более 380 тыс. чел., представлены в целом как сообщества, чья коммуникация связана с тематикой философии даосизма (метка *Философия*), на втором месте находятся аккаунты с метками *Товары*, *Одежда*, *обувь*, *Интернет-магазин*, *Другие товары* (более 54 тыс.), на третьем — *Здоровый образ жизни* (более 50 тыс. подписчиков), на четвертом — *Фотография* (более 40 тыс.), на пятом — *Образование*, *Дополнительное образование* (более 40 тыс.), далее следуют группы с метками *Религия*, *Религиозные учреждения* (более 15 тыс.), *Боевые искусства*, *Творчество*, *Литература* (более 10 тыс.). Менее 10 тыс. подписчиков объединяют сообщества, аккаунты которых маркированы другими темами.

Примечание: данные основаны на анализе социальных сетей, 2024-2025 гг.

Рис. 2. Тематические метки аккаунтов, в названиях которых есть компонент *дао* (по количеству подписчиков)

География сообществ, имеющих в названии аккаунта компонент *дао*, довольно широкая — более 40 городов России, наиболее активно представлены группы с метками *Москва* (145 сообществ), *Санкт-Петербург* (110), *Екатеринбург* (33), *Краснодар* (21), *Ростов-на-дону* (13) и др. Тематика каналов с региональной меткой незначительно отличается: сохраняется

интерес подписчиков к философии даосизма («ЦИГУН | ДАОСИЗМ | АЛ-ХИМИЯ» Москва, 26 745 подписчиков; «Цигун и даосские практики Ман-тэк Чиа» Санкт-Петербург, 11 312 подписчиков и др.), при этом в каналах обычно предлагаются занятия духовными практиками не только онлайн, но и в реальной локации (центр, школа), например, в аккаунте указывается адрес, предлагается Яндекс-карта с ним («Мудрость Шоу Дао» Москва, 2 055 подписчиков), или представлены фотографии встреч членов сообщества («Искусство фен-шуй или даосская наука жизни 風水風水» Москва, 2 424 подписчика). Кроме того, актуальна тематика торговли одеждой, обувью, китайским чаем и другими товарами, не всегда непосредственно связанными с Китаем («Джао Дао — магазин азиатских вкусняшек» Екатеринбург, 15 892 подписчика; «Dao-Dao Доставка еды Набережные Челны», 14 052 подписчика и др.). Кроме того, появляются сообщества, предлагающие криптоинвестирование («DAO TTS | крипто инвестирование» Рязань 7 758 подписчиков), продажу интернет-технологий («Регистрация доменов дешево | DaoDomains.com» Москва, 6 410 подписчиков). Анализ «региональных» каналов позволяет сделать вывод, что прагматика создания многих каналов связана не только с организацией онлайн-сообществ или онлайн-торговлей, но и с привлечением участников сетевого общения к непосредственному взаимодействию в реальных локациях, в связи с чем, возможно, в метках указывается именно город.

Анализ контента сообществ, которые обращаются к тематике даосизма как духовной практике, показывает, что происходит банализация сакральных идей китайских духовных практик даосизма. Так, сообщества с меткой *Философия* «Дао Жизни» (258 723 подписчика — самая большая группа, название которой связано с тематикой даосизма), «Дао 道» (58 431 подписчик), «Дао Дэ Цзин 道德經» (25 709 подписчиков), «Дао-Какао» (24 308 подписчиков) и др. размещают в аккаунтах информацию, различающуюся степенью близости к китайской философии. Особенностью контента ряда сообществ («Дао Жизни», «Дао-Какао», «Dao Peace — дзинь», «Дао» и др.) является только косвенная связь с философией даосизма. Так, самая популярная группа «Дао Жизни» определяет в разделе «Подробная информация» особенность размещаемых текстов следующим образом: «Притчи, саморазвитие, философия, духовность, мораль, стихи». Здесь размещаются афоризмы, мемы, стихи и другие очень короткие тексты, выполняющие функцию «крючка», который побуждает подписчиков обсуждать представленную тему, не обязательно связанную с китайской философией. Между тем комментариев под размещаемыми текстами незначительное количество относительно подписчиков (до нескольких десятков), но значительно больше лайков (от нескольких десятков до полутора тысяч). Можно пред-

положить, что подписчиков подобного рода ресурсов привлекает краткость контента, транслирующего сентенции философского характера, при этом не связанные с даосизмом напрямую, но ассоциирующиеся, видимо, с китайской мудростью дао как жизненного пути, что отражено и в названии сообществ.

Аккаунты с названиями, включающими в себя слово *дао*, создаются и для трансляции собственного отношения к жизни создателей сообщества. Так, в группе «Дао-Какао» (24 308 тысяч подписчиков), где рифма в названии, видимо, призвана выразить ироничное отношение автора к реальности, представлены размышления о различных жизненных ситуациях, мемы и афоризмы, при этом не предполагается комментирование (функция отключена), но обратная связь с подписчиками осуществляется посредством лайков (от ста и выше).

Ряд сообществ, аккаунты которых имеют метку *Философия*, все-таки обращаются к учению даосизма и «людям, идущим по Пути ДАО» («Священная традиция ДАО»). Среди них «Дао 道» (цитаты представителей китайского даосизма, 58 452 подписчика), «Дао Дэ Цзин 道德經» (контент посвящен выдержкам из книги Лао-цзы «Дао Дэ Цзин», 25 709 подписчиков), «Дзен Ван Дао 禅范道» (философия и поэзия, 1675 подписчиков), «Цигун, Даосская Алхимия, Ушу, Йога» (статьи, посвященные китайской философии, йоге, врачеванию; авторы занимаются практикой, приглашают на занятия; 1505 подписчиков) и др. В подобного рода пабликах есть возможность комментировать, однако обратная связь осуществляется преимущественно через лайки и репосты.

К другому типу сообществ, в аккаунтах которых содержится упоминание китайских духовных практик, относятся каналы, объединяющие подписчиков на основе интереса к здоровью и здоровому образу жизни. Здесь могут предлагаться как видеоуроки (самая большая группа «Даосские секреты омоложения Здоровый образ жизни», 43 655 подписчиков), так и дистанционные и реальные встречи на тему укрепления здоровья («ЦИГУН | ДАОСИЗМ | АЛХИМИЯ» Москва, 26 745 подписчиков). Значительное количество сообществ имеют небольшое количество подписчиков (меее тысячи), но методы ведения аккаунтов и взаимодействия с аудиторией принципиально не отличаются от каналов с большим числом пользователей. При этом большинство групп заявляют целью для участников

— познание себя, обретение внутреннего равновесия через осознанные практики («СЕВЕРДАО Даосская Йога», «Цигун», «Мужское женское Дао» и др.);

— оздоровление организма, долголетие («Даосские секреты омоложения», «ДАО 108+», «Поющие чаши, Цигун, Дао | Северодвинск» и др.)

— психологическую терапию: выход из депрессии, снятие стресса, обретение чувства счастья, свободы и лёгкости (««ДАО Эмоций» — проект телесных практик и активных медитаций в Воронеже», «Дао Равновесия: Психология и Цигун» и др.).

Некоторые сообщества привлекают внимание пользователей сообщениями о том, что используют восточные духовные практики в сочетании с русскими традициями отдыха и оздоровления: русской баней, отдыхом на природе с жареным мясом. Например, сообщество «ДАО: БИОХАКИНГ. СЕМИНАРЫ» в информации о группе предлагает: «Авторские традиционные практические семинары ДАО: БИОХАКИНГ, которые проводит старший преподаватель КФВиЗ ПСПбГМУ им. И. П. Павлова Шмагун Д. А.». При этом восточные практики «оздоровления: йога-туммо, цигун в условиях холода» сочетаются с обещанием: «всегда — классное парение в русской бане, аппетитное мясо на мангале и вкуснейший имбирный чай с медом и лимоном» [ДАО: БИОХАКИНГ...]. Последняя фраза снижает пафос образовательной установки, которая задается автором канала через указание на свой статус, использование терминов, показывая, что встречи имеют неформальный характер популярного у россиян отдыха. В одном из последних приглашений участникам, помимо прочего, предлагается фейерверк, «чтобы отпугнуть чудовище Нянь» [Йога. Цигун...]. Можно предположить, что в таких случаях практики дао используются в качестве способа организации интеллектуальной части отдыха с элементами развлекательного.

Сообществ, в названия которых включено слово *даосизм*, значительно меньше (выявлено 29), нежели имеющих в составе названия компонент *дао*. Кроме того, в первом типе сообществ значительно меньшее число подписчиков, исключение составляет канал «ЦИГУН | ДАОСИЗМ | АЛХИМИЯ Москва» 26 747 подписчиков. При этом аккаунты позиционируют себя как образовательные («Изучение: Даосизм; Даосизм в России 俄罗斯道教协会» с меткой *Образование*, 265 подписчиков и др.); оздоровительные («Пятая Веда | Тантра, Кундалини-йога, Даосизм» с меткой *Здоровый образ жизни*, 923 подписчика и др.); культурные («Псковский Даосизм Культурный центр», 16 подписчиков). Сообщества приглашают заниматься боевыми искусствами («Путь меча (цзянху, Уданское ушу, даосизм)» с меткой *Санкт-Петербург*, 122 подписчика); обсуждать взаимоотношения мужчины и женщины («Дао Любви (инь и янь) Даосизм» с меткой *Отношения полов* 257 подписчиков) и др.

На наш взгляд, редкое использование компонента *даосизм* в названии аккаунта обусловлено наукообразностью слова. В русском языке языковые единицы, которые оканчиваются на *-изм*, часто называют научные понятия

(ср.: *гуманизм, социализм, коммунизм* и др.). Напротив, слово *дао* приносит в название коннотации таинственности, что обеспечивает кликейтность заголовка — на это и делают установку создатели сообществ в социальных сетях. Многие названия аккаунтов имеют в своем составе метафору, например: «Дао Жизни», «Мастерская внутренних состояний дао», «Путешествие за сокровищами ДАО!», «Даосский десерт» и др. В то же время ряд из них называются словосочетаниями в прямом значении («ДАО_Цигун_Самара»; «Школа ДАО» и др.). При этом, на наш взгляд, даже в последнем типе названий содержится некая загадка, поскольку само понятие «дао» для россиянина не имеет очевидного значения, оно отсылает человека к идее о поиске своего места в мире, смысла жизни. Кроме того, это послыл людям, интересующимся восточными религиозными и философскими практиками, в частности китайской культурой.

Обращение к другим ресурсам Интернета с запросом *дао* и *даосизм*, в частности сайтам на платформе «Яндекс», показывает 75 тыс. [Дао] и 3 тыс. [Даосизм] результатов соответственно. Как правило, на этих интернет-ресурсах размещаются статьи, раскрывающие суть даосизма или события, явления в аспекте даосизма и др., что отражается в заголовках, например: *От Конфуция до повара: что такое Дао и куда он «ведет»* (Вокруг Света, 6 декабря 2022); *Что такое Дао, 7 основных принципов и понятий даосизма, чтобы стать по-настоящему счастливым* (Чемпионат, 22 августа 2023); *Суть и идеи даосизма* (Пикабу, 2021) и др.

Философию даосизма обсуждают и на форумах. Так, например, на популярном ресурсе «Пикабу» мы выявили 398 записей [Поиск | Пикабу] за последние 6 лет, которые связываются с даосизмом и дао: *7 видов медитации. Чжоу Цзунхуа; Созерцательная пассивность — расходуйте энергию грамотно; Интересные факты о буддизме* и др. При этом по тегу (ключевому слову, идентифицирующему материал) *дао* обнаруживается 907 записей, которые напрямую могут не рассказывать о философии даосизма, но связывать тему поста с понятием «дао». На психологическом форуме b17.ru с 2011 года размещено 98 статей по запросу «дао» [Поиск...], рассматривающих это понятие преимущественно в аспекте отношений людей, что видно по заголовкам: *Даосские сексуальные практики с точки зрения психологии; Дао Любви: как правильно сформировать образ идеального мужчины; Слабость сильных мужчин. Тайны даосской психологии; Дао перемен, куда ты дуешь?* и др.

Записи, связанные с заявленной тематикой встречаются и на других форумах [Межрелигиозный форум; Сибмама...], однако большая часть обсуждений по вопросам даосизма проходит в социальных сетях, о чем свидетельствует число сообществ и количество подписчиков в них.

Таким образом, можно утверждать, что интерес современных россиян к теме даосизма выражается в обращении к ней на различных интернет-ресурсах. При этом в силу ограничения самими администраторами групп доступа к контенту сообщества, а также из-за краткости сообщений проведение качественного контент-анализа записей затруднительно. Более информативны в этом смысле средства массовой информации, на основе анализа которых можно реконструировать образ, сформировавшийся в российском публицистическом дискурсе.

3.2. Контекстуальное портретирование концептов «дао» и «даосизм»: опыт анализа корпуса

В основном корпусе НКРЯ по поисковым запросам «даосизм» и «дао» находится 152 и 477 примеров предложений соответственно, извлеченных преимущественно из материалов СМИ, а также литературы [НКРЯ]. Их анализ позволил осуществить семантическое портретирование исследуемых понятий путем изучения контекстного окружения языковых единиц *дао* и *даосизм* (сочетаемости слов, использования оценочной и экспрессивной лексики, метафорических выражений).

Слово *даосизм* используется в публицистике преимущественно в своем прямом значении ('философско-религиозное течение Китая, одно из его главных традиционных трёх учений (сань цзяо), являвшее собой в этой триаде основную альтернативу конфуцианству как философии и буддизму как религии' [БРЭ]); под ним понимается традиционная разумная основа повседневной жизни китайского общества, существующая наряду с другими учениями: *Современная китайская мораль, несмотря на все идеологические наслоения прошедшего века, несет на себе явный отпечаток всех трех основных учений этой страны: буддизма, конфуцианства и даосизма* (Олег Овчинников. Китай-река. Россия видит в ней свое отражение // Известия, 17.10.2001). Типовая лексическая сочетаемость с общенаучными языковыми единицами определяет книжный характер лексемы *даосизм*, связь называемого ей понятия с научным знанием: *версия / догматы / разновидность / созерцательность / термины / традиции / установки / учение / философия / цивилизация / элементы даосизма; позиция в даосизме* и др. О научном характере слова свидетельствует и сочетание с рационально-оценочными прилагательными, например, *организованный / эзотерический даосизм* и др., а также отлагольными существительными: *основатель / представитель даосизма; влияние на даосизм* и др. В то же время в текстах представлен и взгляд на данное учение как на модное явление, к которому люди обращаются по разным мотивам: в поисках смысла жизни и своего места в ней или интересного увлечения, например: *Электронная библиотека для тех, кто ищет Истину и тянется ко всему необычно*

му. Все книги на модные в наше время темы: Фэн-Шуй, буддизм, даосизм, самоисцеление и самореализация, космоэнергетика и т. п. (И. Складов. Сайты // Хулиган, 15.08.2004).

Ключевой концепт даосизма ДАО описывается как часть жизненной философии человека через метафорическое восприятие мира, например: *Погрузиться в дао для меня значит очистить свое сердце, чтобы оно всегда было готово радужно принять новое. У меня такое чувство, что я наконец-то вернулся к своему детскому взгляду на мир: доверчивому и восхищенному* (Ю. Варшавская. Уроки дао // PSYCHOLOGIES). Метафоры *погрузиться в дао, очистить свое сердце* образно репрезентируют счастье человека быть открытым миру. При этом дао рассматривается как путь личности в поисках своего места в жизни: *Дао жизни — это жизнь без откладывания. Жизнь принадлежит вам, и у вас огромный потенциал для того, чтобы устроить ее. А сегодня человек всю ответственность за свою жизнь начинает перекладывать на внешний мир. Прекратите верить в чудеса. Все чудеса находятся в вашей голове* (Дао жизни // Коммерсант Челябинск, 05.09.2019). Этот путь полон неопределенного, таинственного, но вполне достижимого: *Я же говорю, все сходится. Ощутить себя в новом качестве, передать мастерство — это все признаки Пути. Поздравляю вас, Лариса, с собственным дао* (Утреннее дао Ларисы Кравцовой // Огонек, 19.02.2003).

Семантика пути в проанализированных контекстах может коррелировать с семантикой судьбы, например, в следующем предложении контекстным синонимом дао является слово судьба: *Тогда-то Федор Овчинников и прочувствовал на себе главное отличие дао менеджера от дао предпринимателя: из любой компании можно уволиться, а из своего бизнеса кто тебя уволит?* (Славный малый // Секрет фирмы Коммерсантъ, 29.10.2007).

Лексема дао используется в заголовках статей российских газет, на наш взгляд, преимущественно для привлечения внимания читателя как обозначение чего-то таинственного, не всегда поддающегося объяснению. Так, если в названии известной книги «Дао Toyota» Джеффри Лайкера дао декодируется как особый путь создания уникального продукта (сравним аллюзию в названиях русскоязычных статей *Дао УАЗа* об автомобилестроении, *Дао комбайнов* о машиностроении), а в заголовке статьи *Дао трезвости* (об отказе от алкоголя) — скорее как общеизвестный путь, то смысл названий *Дао в тарелке* (о ресторане), *Борщевое дао* (иронично о важности приготовления русского борща), *Дао морское* (о мультфильме), *Мандариновое дао* (о коктейле) не столь очевиден, и на первый план выходит функция привлечения внимания при помощи использования необычного слова. Переносное значение образуется и при употреблении слова дао

в типовом сочетании с прилагательными *животворящее, осознанное, не-различимое, великое*.

Семантика таинственности, необычности в статьях, на первый взгляд, сохраняется в ситуации рассуждения авторов на вполне прозаические темы, например, здоровья: *Согласно китайской философии Дао, болезнь — это иллюзия. Считается, если какое-либо явление описать достаточно четко и полно, оно исчезнет. Когда болезнь давала о себе знать, я брала лист и ручку и расписывала все ее проявления: где болит, как болит, какого характера боль и т. п. И когда лист был уже исписан подробными описаниями недуга, боль и правда уходила. И со временем ушла и сама болезнь* (Мой стиль жизни — «Дао»). Между тем в данном примере, как и в некоторых других, *дао* используется в качестве контекстного синонима слова *даосизм* и в этом смысле вносит в текст дополнительные коннотации сакральности.

В ряде контекстов понятие «дао» приобретает явно научный характер, в частности в тех случаях, когда образует словосочетания с рационально-оценочными прилагательными *инновационное, корпоративное, технологическое*. Так, анализ сочетаемости показывает трансформацию семантики *дао* от древнего концепта до современного феномена. Например, происходит проецирование образа *дао* на образ Китая как развитого государства путем введения в контекст прилагательного *инновационный*: **Инновационное дао** Поднебесной. *Китай обогнал нас в инновационном развитии. Прежде всего потому, что целенаправленно выращивал национальных чемпионов* (Д. Медовников, Т. Оганесян. Инновационное дао Поднебесной // Эксперт, 2014).

В текстах СМИ написание слова *дао* нельзя назвать устоявшимся: не смотря на то, что оно не ново для русского языка, его графическое представление различается, при этом с примерно одинаковой частотностью используется начертание со строчной и с прописной букв: *Тихий двор — первая точка замедления на этом пути московского Дао* (Коммерсантъ, 2021); *Дао, которое можно описать, уже не дао, — сказано в «Дао дэ цзин»* (Стабильное развитие невозможно, если... // Секрет фирмы, 03.10.2011).

4. Заключение = Conclusions

Анализ особенностей представления концептов китайской культуры в российском медиадискурсе имеет для китайского исследователя значение с точки зрения понимания того, какие феномены культуры Китая получают распространение в практике социального взаимодействия представителей иных социумов.

Актуальность тематики китайских духовных практик, в частности даосизма, в российских социальных сетях, традиционных СМИ и на других

интернет-ресурсах, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве результата влияния «мягкой силы» по распространению китайского социокультурного влияния. В последнее десятилетие наблюдается всплеск внимания к даосским практикам, в первую очередь с позиций поиска людьми внутреннего покоя, укрепления физического и ментального здоровья, а также понимания смысла жизни и своего места в ней. На наш взгляд, внимание россиян к понятиям «дао» и «даосизм» объясняется элементом их таинственности, лингвокультурной чуждостью: *Дао, которое можно описать, уже не дао*, — сказано в «*Дао дэ цзин*» (Стабильное развитие невозможно, если лидеры страны меняются каждые два года // Секрет фирмы — Коммерсантъ, 03.10.2011). Кроме того, можно предположить, что интерес к данным феноменам в XXI веке во многом обусловлен индивидуализацией сознания, потребностью людей испытывать яркие эмоции и управлять ими. При этом в целом мы наблюдаем процесс банализации идей китайской философии даосизма, поскольку для сообществ в социальных сетях и традиционных СМИ не характерно стремление к проникновению в сущность данной духовной практики, скорее, наблюдается интерес к загадочности ДАО как основного концепта даосизма и стремление его коммерциализировать путем создания привлекательных названий.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. БРЭ — *Даосизм* [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — Режим доступа : <https://bigenc.ru/c/daosizm-9cc4ab> (дата обращения 05.04.2025).
2. Дао — *Поиск сообществ по запросу дао* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/search/communities?q=Дао> (дата обращения 10.04.2025).
3. Даосизм — *Поиск сообществ по запросу даосизм* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/search/communities?q=Даосизм> (дата обращения 10.04.2025).
4. ДАО: БИОХАКИНГ. СЕМИНАРЫ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/club180314917> (дата обращения 25.06.2024).
5. Йога. Цигун. Дзадзэн. Физическая подготовка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/club42124405?w=wall-180314917_448 (дата обращения 05.01.2025).
6. Межрелигиозный форум [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://perscitium.mybb.ru/viewtopic.php?id=2576> (дата обращения 12.04.2025).
7. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 05.01.2025).

8. *Поиск* | Пикабу [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://pikabu.ru/search?q=даосизм&st=3> (дата обращения 05.04.2025).

9. *Поиск* по сайту. Дао [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.b17.ru/search.php?r=3&words=%C4%E0%EE> (дата обращения: 05.04.2025).

10. *Сибмама* — о семье, беременности и детях [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://orum.sibmama.ru/search.php?mode=results> (дата обращения 12.04.2025).

Литература

1. *Абраменко В. П.* Конфуцианство и даосизм в мировоззрении Л. Н. Толстого / В. П. Абраменко, А. Е. Лукьянов, В. М. Майоров ; Вступ. слово акад. Тэн Вэньшэна. — Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2018. — 747 с. — ISBN 978-5-907051-47-8.

2. *Князев Я. М.* Даосские организации и новые религиозные движения даосского толка в современной России / Я. М. Князев // *Aliter*. — 2024. — № 22. — С. 35—45.

3. *Просеков С. А.* «Золотое правило нравственности» и «сердце» в китайской, европейской и русской традиции / С. А. Просеков // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. — 2020. — № 2 (34). — С. 24—36. — DOI: 10.22405/2304-4772-2020-1-2-24-36.

4. *Рынок И. В.* Религиозный туризм : Дао и даосизм в Китае / И. В. Рынок // *Сервис плюс*. — 2010. — № 4. — С. 90—96.

5. *Трубицина Н. А.* Философия даосизма в рассказе И. А. Бунина «Сны Чанга» / Н. А. Трубицина, Г. Н. Попова // *Иван Бунин : взгляд из XXI века : Материалы Всероссийской научной конференции, Елец, 27 октября 2023 года*. — Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2023. — С. 84—88.

6. *Ян Чжэн.* Даосизм в фильме «Солярис» А. Тарковского / Ян Чжэн // *Парадигма : философско-культурологический альманах*. — 2022. — № 36. — С. 150—162.

7. *Berry J. W.* Acculturation : Living Successfully in Two Cultures / J. W. Berry // *International Journal of Intercultural Relations*. — 2005. — № 29. — Pp. 697—712.

8. *Chung-ying Cheng.* Origins and Relations of Philosophy : European and Chinese / Chung-ying Cheng // *Journal of Chinese Philosophy*. — 2012. — № 39 (5). — Pp. 1—4.

9. *Costantini F.* The LATAM's Laozi : The Reception and Interpretations of the Laozi in Latin America / F. Costantini // *Religions*. — 2022. — № 13. — Pp. 952—968. — DOI: 10.3390/rel13100952.

10. *Dong Seo.* A Study on the Social Communicativity and Convergence Thinking of East Asian Thoughts in the Trans-Media Era / Dong Seo, Cheol Hak, Yeon Gu // *Studies in Philosophy East-West*. — 2017. — № 86. — Pp. 253—277.

11. *Hadhri Sana.* The Dissemination of Laozi's Text and Thought in the Arab World / Hadhri Sana, Zixiao Liu, Zhiyong Wu // *Religions*. — 2022. — № 13. — Pp. 1177—1187. — DOI: 10.3390/rel13121177.

12. *Jenkins H.* Convergence Culture : Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. — New York : New York University Press, 2006. — Pp. 261—278. — ISBN 9780814742815.

13. *Juemin Cai.* A False Dao? Popular Daoism in America / Juemin Cai // *Journal of Daoist Studies*. — 2020. — № 13. — Pp. 106—135.

14. *Manovich L.* The Language of New Media / L. Manovich. — Cambridge : The MIT Press, 2001. — 354 p.

15. *Zhang Hongyan.* Three Early Russian Documents about the Daodejing : An Analysis / Zhang Hongyan, Luo Jing // *Religions*. — 2023. — № 14. — Pp. 766—784. — DOI: 10.3390/rel14060766.

16. Zhao Ya. Daoist Longevity and the Aging Society / Zhao Ya // *Journal of Daoist Studies*. — 2016. — № 9. — Pp. 194—209.

Статья поступила в редакцию 18.07.2025,
одобрена после рецензирования 02.11.2025,
подготовлена к публикации 20.12.2025.

Material resources

- BRA — Taoism. *Great Russian Encyclopedia*. Available at: <https://bigenc.ru/c/daosizm-9cc4ab> (accessed 05.04.2025). (In Russ.).
- Interreligious Forum. Available at: <https://perscitium.mybb.ru/viewtopic.php?id=2576> (accessed 12.04.2025). (In Russ.).
- NCRR — *National Corpus of the Russian Language*. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 05.01.2025). (In Russ.).
- Search | Picaboo. Available at: <https://pikabu.ru/search?q=Taoism&st=3> (accessed 05.04.2025). (In Russ.).
- Sibmama — *About family, pregnancy and children*. Available at: <https://orum.sibmama.ru/search.php?mode=results> (accessed 12.04.2025). (In Russ.).
- Site search. Tao. Available at: <https://www.b17.ru/search.php?r=3&words=%C4%E0%EE> (accessed 05.04.2025). (In Russ.).
- Tao — *Search for communities based on the Tao query*. Available at: <https://vk.com/search/communities?q=Tao> (accessed 10.04.2025). (In Russ.).
- TAO: BIOHACKING. SEMINARS. Available at: <https://vk.com/club180314917> (accessed 25.06.2024). (In Russ.).
- Taoism — *Community search for Taoism*. Available at: <https://vk.com/search/communities?q=Taoism> (accessed 10.04.2025). (In Russ.).
- Yoga. Qigong. Zazen. *Physical training*. Available at: https://vk.com/club42124405?w=wall-180314917_448 (accessed 05.01.2025). (In Russ.).

References

- Abramenko, V. P., Lukyanov, A. E., Mayorov, V. M. (2018). *Confucianism and Taoism in the worldview of Leo Tolstoy*. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. 747 p. ISBN 978-5-907051-47-8. (In Russ.).
- Berry, J. W. (2005). Acculturation: Living Successfully in Two Cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29: 697—712.
- Chung-ying Cheng. (2012). Origins and Relations of Philosophy: European and Chinese. *Journal of Chinese Philosophy*, 39 (5): 1—4.
- Costantini, F. (2022). The LATAM's Laozi: The Reception and Interpretations of the Laozi in Latin America. *Religions*, 13: 952—968. DOI: 10.3390/rel13100952.
- Dong Seo, Cheol Hak, Yeon Gu. (2017). A Study on the Social Communicativity and Convergence Thinking of East Asian Thoughts in the Trans-Media Era. *Studies in Philosophy East-West*, 86: 253—277.
- Hadhri Sana, Zixiao Liu, Zhiyong Wu (2022). The Dissemination of Laozi's Text and Thought in the Arab World. *Religions*, 13: 1177—1187. DOI: 10.3390/rel13121177.
- Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press. 261—278. ISBN 9780814742815.

- Juemin Cai (2020). A False Dao? Popular Daoism in America. *Journal of Daoist Studies*, 13: 106—135.
- Knyazev, Ya. M. (2024). Daoist organizations and new Daoist-type religious movements in contemporary Russia. *Aliter*, 22: 35—45. (In Russ.)
- Manovich, L. (2001). *The Language of New Media*. Cambridge The MIT Press. 354 p.
- Prosekov, S. A. (2020). “The Golden rule of morality” and “The heart” in the Chinese, European and Russian traditions. *Humanitarian Bulletin of Tolstoy State Pedagogical University*, 2 (34): 24—36. DOI: 10.22405/2304-4772-2020-1-2-24-36. (In Russ.).
- Rynkova, I. V. (2010). Religious tourism: Tao and Taoism in China. *Service plus*, 4: 90—96. (In Russ.).
- Trubitsina, N. A., Popova, G. N. (2023). Philosophy of Taoism in I. A. Bunin’s story “Dreams of Chang”. In: *Ivan Bunin: a view from the 21st century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Yelets, October 27, 2023*. Yelets: Yelets State University named after I. A. Bunin. 84—88. (In Russ.).
- Yang Zheng (2022). Taoism in the film “Solaris” by A. Tarkovsky. *Paradigm: philosophical and cultural almanac*, 36: 150—162. (In Russ.).
- Zhang Hongyan, Luo Jing (2023). Three Early Russian Documents about the Daodejing: An Analysis. *Religions*, 14: 766—784. DOI: 10.3390/rel14060766.
- Zhao Ya (2016). Daoist Longevity and the Aging Society. *Journal of Daoist Studies*, 9: 194—209.

*The article was submitted 18.07.2025;
approved after reviewing 02.11.2025;
accepted for publication 20.12.2025.*

Информация для цитирования:

Демченков С. А. Образование на русском языке в дискурсе русскоязычных СМИ Республики Казахстан : политика, семантика, прагматика / С. А. Демченков, Н. Д. Федяева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 232—250. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-232-250.

Demchenkov, S. A., Fedyaeva, N. D. (2025). Russian-language Education in Discourse of Russian-speaking Media Outlets in Kazakhstan: Policy, Semantics, Pragmatics. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 232-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-232-250. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образование на русском языке в дискурсе русскоязычных СМИ Республики Казахстан: политика, семантика, прагматика

Демченков Сергей Александрович ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-2440-4224

кандидат филологических наук, доцент,

¹ кафедра русского языка и лингводидактики;

² кафедра русского языка, литературы

и документных коммуникаций

omgu5555@gmail.com

Федяева Наталья Дмитриевна ¹

orcid.org/0000-0003-1595-0482

доктор филологических наук, доцент,

кафедра русского языка и лингводидактики,

корреспондирующий автор

ndfed@yandex.ru

¹ Омский государственный

педагогический университет

(Омск, Россия)

² Омский государственный университет

им. Ф. М. Достоевского»

(Омск, Россия)

Благодарности:

Статья выполнена в рамках государственного задания на 2025 год на выполнение прикладной

НИР по теме «Кросс-культурный

трансфер инновационных лингводидактических технологий сопровождения граждан Республики Казахстан в области изучения русского языка и русской культуры в условиях инонациональной языковой среды» (Дополнительное соглашение

Минпросвещения России

от 25.04.2025 № 073-03-2025-053/1)

Russian-language Education in Discourse of Russian-speaking Media Outlets in Kazakhstan: Policy, Semantics, Pragmatics

Sergey A. Demchenkov ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-2440-4224

PhD in Philology, Associate Professor,

¹ Department of Russian and Linguodidactics;

² Department of Russian, Literature

and Documentary Communications

omgu5555@gmail.com

Natalia D. Fedyaeva ¹

orcid.org/0000-0003-1595-0482

Doctor of Philology, Associate Professor,

Department of Russian and Linguodidactics,

corresponding author

ndfed@yandex.ru

¹ Omsk State Pedagogical University

(Omsk, Russia)

² Dostoevsky Omsk State University

(Omsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out within the 2025 State Assignment for the implementation of an applied research study on the topic: “Cross-cultural Transfer of Innovative Linguodidactic Technologies for Supporting Citizens of the Republic of Kazakhstan in Learning the Russian Language and Russian Culture in a Foreign Language Environment” (Supplementary Agreement of the Ministry of Education of Russia dated 25.04.2025 No. 073-03-2025-053/1).

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты анализа публикаций новостного портала «Zakon.kz» об образовании на русском языке в Республике Казахстан. Предлагается методика, включающая статистический, семантический, контекстуальный и контент-анализ публикаций. Новизна подхода заключается во внимании к социальному концепту ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. Подчеркивается, что обнаруженные в текстах смысловые доминанты отражают состояние политики трехязычия на различных этапах (2015—2018 годы, 2018—2022 годы, 2023 — настоящее время). Приводятся данные об оценочном характере публикаций. Подчеркнутая нейтральность публикаций противопоставляется приемам имплицитного выражения оценки триады языков: казахского, русского и английского. Показано, что такими приемами являются лексические замены, последовательность компонентов в ряду однородных определений, эвфемизация, смещение абсолютных и относительных количественных показателей. Установлено, что распределение публикаций по годам ожидаемо демонстрирует влияние социально-политического контекста: (1) всплеск интереса к проблематике русскоязычного образования в Казахстане в период с 2015 по 2018 годы связан с принятием государственной концепции трёхязычного образования на 2015—2020 годы, (2) активизация медиа в период с 2023 года по настоящее время объясняется актуализацией вопроса о статусе русского языка как языка международного общения в современных геополитических условиях.

Ключевые слова:

русскоязычные СМИ Республики Казахстан; образование на русском языке; медиадискурс; концепт; трехязычие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents an analysis of publications from the news portal “Zakon.kz” regarding Russian-language education in the Republic of Kazakhstan. The methodology includes statistical, semantic, contextual, and content analyses of these publications. A novel approach is proposed that focuses on the social concept of Russian-language education. It highlights how dominant meanings reflected in texts mirror different stages of the country’s three-language policy over time periods such as 2015–2018, 2018–2022, and since 2023 to present day. Data are provided illustrating the evaluative nature of media coverage. Emphasis is placed on the contrast between neutrality explicitly claimed by articles and implicit techniques used for evaluating language triads — Kazakh, Russian, and English. These include lexical substitutions, order of components within parallel structures, euphemization, and mixing absolute with relative quantitative indicators. Findings show that distribution patterns across years reflect socio-political context: (1) heightened interest in Russian-language educational issues during 2015–2018 corresponds to the adoption of a state three-language education program for 2015–2020; (2) increased media activity starting from 2023 reflects current geopolitical dynamics concerning the role of Russian as an international communication medium.

Key words:

Russian-speaking mass media outlets in Kazakhstan; Russian-language education; media discourse; conceptual framework; multilingualism.

УДК 811.161.1(574)+81'272(574)

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-232-250

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Образование на русском языке в дискурсе русскоязычных СМИ Республики Казахстан: политика, семантика, прагматика

© Демченков С. А., Федяева Н. Д., 2025

1. Введение = Introduction

За последние 15 лет русскоязычные средства массовой информации (далее — СМИ) Республики Казахстан неоднократно оказывались в фокусе лингвистических исследований. Так, было дано общее описание языковых, прежде всего лексических, особенностей русскоязычных СМИ Казахстана [Протасова, 2018], обобщены наблюдения над коммуникативными стратегиями и тактиками, в том числе манипулятивного характера [Шакенова, 2024], проанализированы лингвокогнитивные механизмы метафоризации, характерные для периода пандемии COVID-19 [Дадуева, 2024], исследованы процессы медиатизации и формирования интертекстуальности [Клушина, 2019], обоснована коммуникативная природа культурного кода [Аймагамбетова, 2020], систематизированы лингвокреативные параметры медиазаголовков [Лингвокреативные параметры ..., 2020], выявлены черты отдельных медиаобразов [Цзюй, 2022] и др. Полученные результаты, с одной стороны, демонстрируют общие закономерности на том или ином материале, с другой — вносят вклад в оформление принципиально нового знания о специфике «казахстанского русского» (см. также термины *плюрицентрический / национальный / региональный / казахский русский язык*, обзор которых представлен в [Сулейменова, 2021]).

Для настоящей статьи существенными являются следующие утверждения о русскоязычных СМИ Республики Казахстан:

— русский язык, представленный в казахстанских СМИ, имея своеобразные черты, обусловленные функционированием в полилингвальном социуме, сохраняет при этом на уровне организации текста традиционные стиливые приметы;

— проблематика текстов русскоязычных казахстанских СМИ, в целом соответствующая характерным для публицистики тематическим направлениям (политика, социальные процессы, взаимоотношения народа и власти, массовые мероприятия и т. п.), включает специфические сюжеты, в том числе производные от специфики государственной языковой политики трехязычия (триязычия / трилингвизма).

Наш научный интерес связан со вторым утверждением, и гипотезу исследования составляет предположение о том, что, так как в полиязычном социуме Республики Казахстан в актуальную социальную повестку входят проблемы, связанные с языком обучения, они обсуждаются в СМИ, ассоциируют оценочные смыслы.

В центре нашего внимания находится проблематика образования на русском языке.

В дискурсе российских СМИ концепт ОБРАЗОВАНИЕ был исследован Н. М. Чудаковой [Чудакова, 2018], Т. С. Рябовой [Рябова, 2020], И. П. Черкасовой [Черкасова, 2020]. Общим стал вывод о значении для современного состояния концепта экстралингвистического контекста — проводимых реформ, трансформирующих образовательный ландшафт и отношение граждан к социальному институту. «Постоянные изменения общественных отношений определяют непрерывную динамику концептуального пространства “образование”, вбирающего новые и новые образы, смыслы и метасмыслы» [Там же, с. 182]. В приведенной цитате важна не только идея изменения как константы, но и предлагаемое расширение: от концепта ОБРАЗОВАНИЕ до одноименного концептуального пространства.

Сопоставляя оценки изученности концепта ОБРАЗОВАНИЕ в СМИ, в том числе интернет-СМИ, обнаруживаем прямо противоположные утверждения. Так, говорится, с одной стороны, о «неослабевающем интересе к данной ментально-языковой универсалии на уровне как общенациональных концептосфер, так и отдельных дискурсов и дискурсивных практик» [Ли, 2020, с. 27], а с другой — о том, что «концепт “современное российское образование” в медийной картине мира не изучен как феномен» [Мальшева, 2019, с. 490]. Мы склонны согласиться со вторым утверждением: думается, причина ощущения недостаточной разработанности в отечественной лингвистике концептосферы «Образование» определяется прежде всего ее неоднородностью, многокомпонентностью. Упомянутые выше работы заполняют лакуны, но до исчерпывающего описания еще далеко.

Научных публикаций, раскрывающих специфику концепта ОБРАЗОВАНИЕ в казахском языке, в том числе в дискурсе казахстанских СМИ, обнаружить не удалось, однако общность человеческой природы позволяет предположить, что в стране, в которой реформирование системы образо-

вания, как и в России, не прекращается в течение нескольких десятилетий, концептуализация соответствующего фрагмента действительности изменяется под действием происходящих трансформаций.

Идея образования на некотором языке находит отражение в многочисленных лингводидактических публикациях, посвященных методикам и технологиям обучения, однако как концепт (ядерные признаки, имя концепта, лексические репрезентанты концепта и др.) не была описана.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы в хронологической динамике (за последнее десятилетие) выявить, каким образом русскоязычные СМИ Республики Казахстан отражают проблемы образования на русском языке; посредством каких лингвистических и экстралингвистических средств журналисты формируют в сознании аудитории соответствующий редакционной политике образ реальности.

В качестве источника новостных материалов для количественных исследований было выбрано одно из старейших русскоязычных казахстанских независимых интернет-СМИ «Zakon.kz» (<https://www.zakon.kz>), принадлежащее ТОО «Компания ЮрИнфо». Для сопоставления также привлекались другие независимые СМИ: международное информационное агентство «Казинформ» (<https://www.inform.kz>), новостное сетевое агентство «Sputnik. Казахстан» (<https://ru.sputnik.kz>).

Издание «Zakon.kz» позиционирует себя как «один из крупнейших Интернет-ресурсов не только на казахстанском, но и на мировом медиарынке», «один из самых посещаемых новостных сайтов среди русскоязычных медиаресурсов Казахстана» [Капитанова, 2019]. Ежедневно на сайт заходит свыше 150 тысяч уникальных посетителей, в совокупности просматривающих около миллиона страниц. Первоначально издание осмыслялось как «площадка для коммуникации и обмена новостями среди юристов и экономистов... Сегодня это один из главных новостных порталов в Казахстане» [Тайграина, 2022, с. 55].

При сборе материала был использован метод сплошной выборки через расширенный поиск Google по запросам: *образование на русском языке, обучение на русском языке, русский язык*. Поиск осуществлялся среди материалов, опубликованных на новостном портале <https://www.zakon.kz> в период с 2012 по 2025 годы. Материалы, размещенные на других узлах хоста [zakon.kz](https://www.zakon.kz), включая тексты документов, размещенных в системе «Юрист» (<https://online.zakon.kz>), и обсуждения на форуме (<https://forum.zakon.kz>), к рассмотрению не привлекались. На первом этапе было отобрано 350 публикаций.

На втором этапе 163 публикации были отсеяны как нерелевантные. Причинами исключения материалов из рассмотрения стали:

- повтор (если публикация дублировалась, то анализу подвергалась только хронологически первая);
- полное несоответствие проблематике (если статьи и новостные заметки были необоснованно помечены тегом «русский язык»);
- частичное несоответствие проблематике (если в публикациях вопросы политики трехязычия и функционирования русского языка в Казахстане рассматривались безотносительно к задачам образования).

Таким образом, базу для анализа составили 187 новостных публикаций, в которых затрагивается проблема образования на русском языке в Республике Казахстан.

Методика работы с публикациями включала следующие процедуры:

- при помощи метода статистического анализа осуществлялось распределение публикаций по рубрикам, годам и характеру оценочного значения для выявления объективной картины представленности проблематики образования на русском языке в выбранных казахстанских СМИ;
- методом контент-анализа с акцентом на понятийно-тематические параметры текста определялись смысловые доминанты публикаций для уточнения представлений о выделенном фрагменте концепта ОБРАЗОВАНИЕ;
- методами лексико-семантического и контекстуального анализа устанавливались способы номинирования исследуемого экстралингвистического феномена, способы выражения оценки, риторические приемы.

Сочетание лингвистических и междисциплинарных методов опирается на высказанное Е. Л. Вартановой предположение о том, что при исследовании медиафеноменов «необходимо использование всего методологического инструментария, который сегодня доступен ученым» [Вартанова, 2018, с. 165]. Теоретическая значимость исследования определяется на фоне концепции медиатизации как «придания публичности различным сторонам социальной деятельности и вовлечения их в сферу общественных дискуссий», следствием чего является на уровне общественного сознания формирование или изменение социальной позиции граждан, а на уровне языка — стилистический вектор его развития [Клушина, 2019, с. 58].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образование на русском языке за рубежом как приоритет государственной политики Российской Федерации

Стратегия государственной культурной политики Российской Федерации до 2030 года устанавливает ряд приоритетных задач и целевых показа-

телей, связанных с поддержкой образования на русском языке за рубежом, в частности:

— расширение изучения и распространения русского языка в национальных системах образования государств — участников Содружества Независимых Государств и других иностранных государствах;

— поддержка деятельности в иностранных государствах специалистов в области русского языка и литературы, других языков народов Российской Федерации;

— содействие организациям соотечественников, проживающих за рубежом, в реализации проектов, направленных на сохранение и развитие российской духовной, культурной и языковой среды;

— увеличение количества качественных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющих изучать и получать информацию о русском языке, языках народов Российской Федерации, образовании, российской культуре и литературе, в 20 раз больше к 2030 году;

— увеличение доли русских школ (классов) за рубежом, получивших адресную поддержку, включая поставку учебно-методических материалов на разных носителях, в общем количестве русских школ (классов) за рубежом [Стратегия].

Эффективное выполнение поставленных в Стратегии задач невозможно без выявления и исчерпывающего описания комплекса историко-культурных и политических предпосылок, обуславливающих потенциал роста или, напротив, задающих ограничения для развития образования на русском языке в конкретном государстве дальнего или ближнего зарубежья.

Обобщенно указанные факторы влияния можно разделить на три большие группы:

1. Политический вектор: официальные идеологические установки, закреплённые документально и транслируемые государственными СМИ. При всей их гибкости и вариабельности они представляют собой наиболее стабильный и эмпирически эксплицированный объект исследования.

2. Культурный вектор: обычаи, традиции, особенности национального менталитета и т. д. При всем богатстве и разнородности эмпирического материала в этой области, создающих объективные сложности для исследования, общая направленность «генерального» культурного вектора, как правило, не вызывает вопросов.

3. Многовекторный информационный контекст: неявные культурно-политические тенденции, задаваемые «сильными» агентами информационного влияния. В современном обществе по силе воздействия на социокультурные и политические процессы эта группы факторов не уступает

двум вышеупомянутым. Объективные сложности в изучении многовекторных информационных процессов определяются высокой степенью их изменчивости, наличием контрарных тенденций, приоритетом имплицитных смыслов над эксплицитными.

3.2. Хронологические рамки и рубрикация материалов

Проблематика, связанная с русскоязычным образованием в Республике Казахстан, не является профильной для издания «Zakon.kz». Она не выступает самостоятельным предметом обсуждения и затрагивается по преимуществу в связи с концепцией трехязычия. Об этом наглядно свидетельствует приведенное на диаграммах (рис. 1, рис. 2) распределение публикаций по рубрикам, которое нередко носит случайный характер и обнаруживает тенденцию к относительной систематизации только с 2022 года.

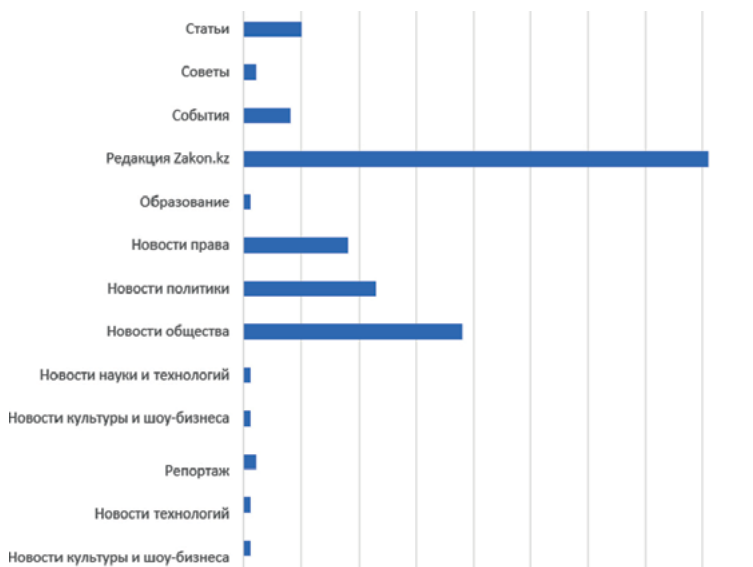

Рис. 1. Распределение публикаций по рубрикам

Тем не менее материалы соответствующей тематики появляются в издании регулярно (в среднем 14 публикаций в год); в 43 % случаев (а в период с 2012 по 2021 годы — в 75 %) они были помечены как редакционные (рубрика «Редакция Zakon.kz»). Как правило, это указывает на программный характер или особую значимость публикации.

Распределение публикаций по годам демонстрирует два всплеска интереса к проблематике русскоязычного образования в Республике Казахстан:

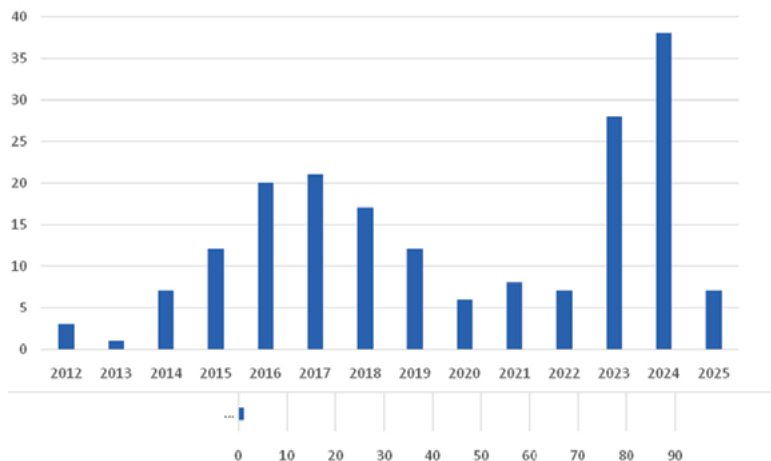

Рис. 2. Распределение публикаций по годам

— в период с 2015 по 2018 годы — в связи с принятием государственной концепции трехязычного образования на 2015—2020 годы [Дорожная карта];

— в период с 2023 года по настоящее время в связи с актуализацией вопроса о статусе русского языка как языка международного общения в меняющихся геополитических условиях.

3.2. Смысловые доминанты публикаций

За период с 2015 по 2018 годы в публикациях, затрагивающих вопросы русскоязычного образования в Казахстане, можно выделить следующие смысловые доминанты:

— поддержка политики трехязычия, разъяснение ее целей и задач, связанных с ней перспектив социально-экономического развития;

— ненавязчивое, но постоянное акцентирование особого статуса казахского и английского элементов языковой триады (как национального языка и языка международного общения);

— поддержка перехода на латиницу (как логичный шаг в реализации концепции трехязычия, сближающий казахский язык с языками международного общения);

— акцентирование роста интереса населения республики к изучению казахского языка (в том числе среди этнических русских);

— поддержка мер по переводу государственного документооборота на казахский язык с целью закрепления его государственного статуса;

— критика (нередко резко саркастическая) языковой политики, проводимой в других странах постсоветского пространства (Латвия, Украина) и направленной на искусственное ослабление позиций русского языка (в отличие от взвешенной политики трехязычия).

Иронически оценивается и языковая политика, проводимая в отношении русского языка самой Российской Федерацией (так, в одном из новостных материалов за 2014 год сообщается, что мигрантам для получения российского гражданства достаточно будет выучить всего 1300 русских слов).

Примечательно, что казахстанские государственные деятели становятся мишенью насмешки «Zakon.kz» из-за ошибок, допущенных ими в устных или письменных выступлениях на казахском языке, зарубежные — из-за недостаточно хорошего владения русским языком.

Начиная с 2018—2019 годов в отношении политики трехязычия «Zakon.kz» от разъяснения смысла реформ и фиксации связанных с ними позитивных ожиданий переходит к стратегии «поддержания нормальности»: регулярно отмечается точность и стабильность работы социально-политических механизмов, отвечающих за реализацию трехязычной концепции (например, сообщается количество выпускников, сдающих единое национальное тестирование (ЕНТ) на каждом из языков триады; упоминается, в каких установленных законом обстоятельствах учебники печатаются исключительно на русском, в каких — исключительно на казахском языке, и т. п.).

Хотя именно в этот период для любого неангажированного наблюдателя становится очевидно, что второй этап Дорожной карты развития трехязычного образования (2016—2020 годы) не может быть реализован в заявленные сроки в запланированном объеме, среди всех изученных материалов нам удалось обнаружить только одну проблемную статью А. Акбаров «Полиязычное образование: неудавшийся эксперимент?», основной тезис которой автор формулирует следующим образом: двуязычие не удалось превратить в «триязычие» [Аkbаров, 2019].

В период с 2023 года по настоящее время происходит еще одно значимое смещение смысловых акцентов:

— прежде всего, проводится более четкая акцентуация отношений между элементами языковой триады: казахский язык — государственный, английский — язык международного общения, русский — язык межнационального общения (внутри республики) и межгосударственного общения (в рамках партнерских отношений Казахстана и России); каждый из языков должен выполнять предназначенную ему функцию, не вторгаясь в смежные функциональные сферы;

— при соблюдении этого условия образованию на русском языке должны быть обеспечены все гарантированные законом меры поддержки;

— в то же время необходимо жестко пресекать любые терминологические и функциональные смещения, намеренные или ненамеренные. Приведем выдержки из публикаций, сохраняя здесь и далее орфографию и пунктуацию источника: *Я думаю, любые школы должны будут непосредственно нашим Госстандартам. Нет такого понимания «русская школа»... Конечно, будет с русским языком обучения* [Zakon.kz, 09.11.2023].

3.3. Оценочный характер публикаций и средства выражения оценки

Предпринятые ранее исследования текстов «Zakon.kz» показали эмоционально-оценочный характер публикаций и выявили его значение в конструировании смысла новостного сообщения и влиянии на читателя [Absattar, 2022].

В освещении проблем образования на русском языке издание «Zakon.kz» формально стремится сохранять нейтральную позицию.

Из всего объема проанализированных нами публикаций лишь 3,7 % содержат явную негативную оценку: *Рост численности казахов, убывание с каждым днем числа людей русской национальности само собой приводят к краху русского языка в Казахстане* [Zakon.kz, 12.07.2017]; *Сейчас же я ярая противница того, чтобы люди, рядом находящиеся, разговаривали на русском», говорит Оксана* [Zakon.kz, 14.06.2017]; *...казахский язык на самом деле один из самых логичных языков в мире, в отличие от того же русского* [Zakon.kz, 29.05.2023].

При этом на уровне метатекстовых элементов (заголовков, лид) отраженная в материале негативная позиция, как правило, маркируется в качестве субъективной посредством конструкций с прямой и косвенной речью: *Казахстанец назвал семь причин, почему нужно отдавать ребенка в казахскую школу* [Zakon.kz, 12.07.2017]; *«Каждый, кто владеет казахским, должен помочь хотя бы одному изучить его» — основатель клубов «Сөйле»* [Zakon.kz, 29.05.2023]; *Депутаты высказались о новых учебниках русского языка* [Zakon.kz, 06.09.2017].

Лишь 2,1 % рассмотренных материалов можно обозначить как позитивно оценочные: *Известный российский богослов считает, что проповеди в мечети нужно вести на национальных языках, а так же и на русском* [Zakon.kz, 30.12.2013]; *в заключении поста казахстанец добавляет, что «чем больше языков будут знать наши дети, тем лучше», именно поэтому они решили пойти в русский класс* [Zakon.kz, 04.07.2017]; *Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев 27 ноября 2024 года на брифинге по итогам переговоров с президентом России Владимиром Путиным в Акор-*

де отметил объединяющую роль русского языка во взаимоотношениях двух стран [Zakon.kz, 27.11.2024]

Распределение публикаций по характеру оценки представлено на следующей дисграмме (рис. 3).

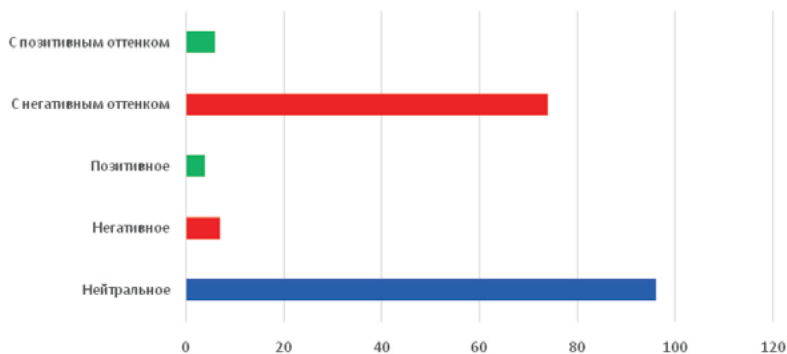

Рис. 3. Распределение публикаций по характеру оценки

Особый интерес представляют собой публикации с имплицитно выраженной оценкой.

Титульное значение казахского языка, его приоритет в сравнении с русским подчеркиваются уже самим порядком перечисления элементов языковой триады (*Сегодня мы должны научить наших детей добывать знания как минимум на трех языках (казахском, русском и английском)*).

Эту же функцию расстановки приоритетов выполняют скрупулезно перечисляемые абсолютные и относительные числовые показатели (*В итоге количество поданных заявлений составило 81285, из них 56741 — на казахском языке и 24544 — на русском языке [Zakon.kz, 15.07.2015]; 78 % (53 162) это выпускники казахской школы, соответственно 78 % грантов выделяется для казахских отделений. Оставшиеся распределены среди студентов обучающихся на русском языке [Zakon.kz, 11.08.2015] и т. п.*).

Отметим, что в 2012—2016 годах в публикациях «Zakon.kz» триада чаще представлена как диада (*Сдавать тестирование будут 92 827, из них на казахском языке сдают 69 209, на русском — 23 618 человек [Zakon.kz, 21.06.2017]; Около 60 тысяч учащихся сдают ЕНТ на казахском языке, и примерно 25 тысяч — на русском [Zakon.kz, 02.06.2015]; Из них 82,8 % — будут сдавать на казахском языке, 17,2 % — на русском языке [Zakon.kz, 16.05.2016] и т. п.*). Очевидно, на этом этапе основную задачу редакция видит в том, чтобы продемонстрировать ускоренное распространение

казахского языка, его убедительную победу над русским во всех сферах общественной жизни. Декларирование формальных ценностей трехязычия в этой ситуации отступает на второй план.

С 2017 года нормой становится перечисление всех элементов триады (*В конкурсе на присуждение образовательных грантов принимают участие 75430 человек, в том числе 60327 человек с казахским языком обучения, 14810 — с русским языком обучения, 293 — с английским языком обучения* [Zakon.kz, 11.08.2018]; *В этом году увеличилось число желающих пройти ЕНТ на английском. В результате заявления для участия в ЕНТ подали 35 838 человек, в том числе на казахском языке — 25 615, на русском языке — 10 162 и на английском языке — 61 человек* [Zakon.kz, 17.01.2019]). В отдельных случаях канонический порядок перечисления языков (казахский, русский, английский) может намеренно нарушаться, что позволяет подчеркнуть рост интереса к английскому языку, как в более ранней публикации: *Впрочем, царицу наук здесь преподают на трех языках: казахском, английском и русском* [Zakon.kz, 16.02.2014]

В 2018—2019 годах в материалах «Zakon.kz» наблюдается симптома-тичный лексический сдвиг: вместо словосочетания *казахский язык* при перечислении элементов триады все чаще начинает употребляться словосочетание *государственный язык* (*Доля студентов обучающихся на государственном языке составляет 64,5 %, на русском — 31 % и на английском языке — 4,5 %* [Zakon.kz, 03.02.2019]). С 2020 года редакция отдает предпочтение традиционной модели номинации (*Из них 52 512 выпускников сдавали тесты на казахском языке, 19 622 — на русском, 182 — на английском языке* [Zakon.kz, 24.05.2021]); безусловный приоритет казахского языка в сравнении с русским, очевидно, воспринимается уже как фактическая данность, не нуждающаяся в дополнительной «лексической ретуши».

Однако в отношении политики трехязычия объективные статистические показатели выглядят едва ли не разоблачительными (*В январском ЕНТ приняли участие около 102 тыс. человек: 78,3 % выпускников прошли тестирование на казахском языке, 21,5 % — на русском, 0,16 % — на английском* [Zakon.kz, 24.02.2022]), демонстрируя фатальное отставание английского языка и возвращение к исходной казахско-русской языковой диаде (пусть и с принципиально иным, чем в начале 2010-х годов, весовым раскладом).

В связи с этим редакция «Zakon.kz» в рамках стратегии «поддержания нормальности» с 2023 года начинает частотно использовать особый логико-стилистический прием, построенный на смешении относительных и абсолютных числовых показателей (*Из них 76,1 % абитуриентов сдали на казахском языке, 23,8 % — на русском, 117 человек — на английском языке*

[Zakon.kz, 01.04.2024]; *Из них 74 % абитуриентов сдали на казахском языке, 26 % — на русском, 110 человек — на английском* [Zakon.kz, 07.06.2024] и т. п.). Данные по казахскому и русскому языкам приводятся в процентном соотношении, что позволяет продемонстрировать приоритет государственного языка; данные же по английскому языку даются в абсолютных цифрах, что дает возможность замаскировать ничтожно малый процентный показатель. Примечательно, что в тех ситуациях, когда процентное соотношение не является столь безнадежным (например, применительно к реалиям высшей школы), прием смешения абсолютных и относительных показателей не применяется: *Доля студентов обучающихся на государственном языке составляет 64,5 %, на русском — 31% и на английском языке — 4,5 %* [Zakon.kz, 03.02.2019].

3.4. Рецепция проблемы в комментариях пользователей

Отдельно следует отметить те аспекты проблемы, которые не находят отражение в публикациях «Zakon.kz», однако обсуждаются в пользовательских комментариях, что позволяет соотнести формируемый редакцией образ реальности с картиной мира, существующей в сознании читателей:

— востребованность русского языка как языка международного общения при невостребованности казахского (*Открыл свой канал на Ютубе, выпустил ролик на русском и казахском, судя по просмотрам, каз язык вообще не востребован, если будут такие низкие просмотры, придется закрыть вещание на каз языке, хотя ставку делал большую, учитывая что качественного контента про компьютеры на казахском языке очень мало, вот такой опыт* [Zakon.kz, 19.10.2023]; *Можно научить разговорному языку, а дальше стоп, казахский язык используется только в гос учреждениях, дальше идти не куда, вся техническая и технологическая литература на русском и английском*) [Zakon.kz, 19.10.2023].

— противоречия в официальных статистических показателях, касающихся политики трехязычия (*По данным Минпросвещения РК, 68,2 % первоклассников выбрали обучение на государственном языке. При этом ранее сообщали что 70 % первоклассников выбрали обучение на государственном языке. ВЫ — определитесь*) [Zakon.kz, 16.08.2023];

— неудовлетворительный уровень преподавания казахского языка, отсутствие современных методических материалов (*Я как 3 года отучился в колледже тоже после всего обучения не знал казахского но зато знал английский немецкий языки и все это из за игр без переводов) а казахский язык я понимать и говорить начал после армии так как там много носителей языка; Дети учат язык по мультфильмам. Где казахские переводы? Все на русском. Садики частные в основном на русском. Литературы детской нет на казахском. О каком обучении вы говорите?; А вы почитайте*

учебники казахского языка для русскоязычных школ. По ним не возможно заниматься, настолько плохо они составлены (комментарии к статье) [Zakon.kz, 15.09.2023]).

4. Заключение = Conclusions

Сделанные в ходе исследования наблюдения могут быть систематизированы:

— с одной стороны, проблематика, связанная с русскоязычным образованием в Республике Казахстан, крайне редко выступает самостоятельным предметом обсуждения в независимых казахстанских СМИ, с другой стороны, материалы соответствующей тематики появляются в анализируемом издании регулярно и регулярно помечаются как редакционные, то есть особо значимые;

— распределение публикаций по годам ожидаемо демонстрирует влияние социально-политического контекста: всплеск интереса к проблематике русскоязычного образования в Казахстане в период с 2015 по 2018 годы связан с принятием государственной концепции трёхязычного образования на 2015—2020 годы, в период с 2023 года по настоящее время — с актуализацией вопроса о статусе русского языка как языка международного общения в современных геополитических условиях;

— хронологически в рассмотренных материалах можно выделить три группы смысловых доминант:

а) в 2015—2018 годы: пропаганда государственной политики трёхязычия, позиционирование приоритетного статуса казахского и английского языков (в сравнении с русским);

б) в 2018—2022 годы: стремление к «нормализации» и «рутинизации» трёхязычия в восприятии читателей;

в) в 2023—2025 годы: стремление к строгой функционально-терминологической дифференциации элементов языковой триады (казахский язык — государственный, английский — международный, русский — межнациональный);

— в освещении проблем русскоязычного образования редакция формально придерживается нейтральной позиции, однако для формирования в сознании читателей отвечающего редакционной политике образа реальности журналисты «Zakon.kz» прибегают к приёмам формирования имплицитной оценочности:

а) канонический порядок перечисления (*казахский, русский, английский*);

б) «возгонка чисел» (демонстрация существенного количественного преобладания казахского языка, эвфемизация малых значений при обсуждении английского языка);

в) лексические «сдвиги» (замена *казахский язык* на *государственный язык*).

В целом проведенное исследование дает основание предполагать, что образование на русском языке как фрагмент действительности прямо и косвенно, эксплицитно и имплицитно осмысливается в казахстанских СМИ, одновременно отражая и формируя взгляды казахстанцев, совокупность которых складывается в образ реальности (социальный концепт). Постоянное реформирование является внешним фактором, поддерживающим медиатизацию образования, а политические дискуссии стимулируют поиск риторически сильных приемов выражения социальной позиции, соответствующих общим принципам публицистики, но приспособленных для обсуждения проблем русскоязычного образования.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Акбаров А. Полиязычное образование : неудавшийся эксперимент? [Электронный ресурс] / А. Акбаров // *Zakon.kz*. — 03.05.2019. — Режим доступа : <https://www.zakon.kz/stati/4968393-poliyazychnoe-obrazovanie-neudavshiysya.html> (дата обращения 25.06.2025).
2. *Дорожная карта* развития трехязычного образования на 2015—2020 годы : Совместный приказ и.о. Министра образования и науки Республики Казахстан от 5 ноября 2015 года № 622, Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 9 ноября 2015 года № 344 и Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 13 ноября 2015 года № 1066 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu-shet/documents/details/146855?lang=ru> (дата обращения 25.06.2025).
3. Капитанова И. *Zakon.kz* отмечает свое 20-летие [Электронный ресурс] / Е. Капитанова // *Zakon.kz*. — 06.12.2019. — Режим доступа : <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4997923-zakon-kz-otmechaet-svoe-20-letie.html> (дата обращения 25.06.2025).
4. *Стратегия государственной культурной политики до 2030 г.* (утверждена распоряжением Правительства РФ от 11.09.2024 N 2501-р) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://static.government.ru/media/files/jIx0zkwFvU0sCnXlQTwpZ00RqTMMVL7v.pdf> (дата обращения 05.03.2025).
5. *Zakon.kz* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.zakon.kz> (дата обращения 05.03.2025).

Литература

1. Аймагамбетова М. М. Информативно коммуникативная природа культурного кода в медиадискурсе (на примере казахстанской прессы) / М. М. Аймагамбетова,

Г. Т. Жакупова // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия : Филология. — 2020. — № 4 (133). — С. 55—69. — DOI: 10.32523/2616-678X-2020-133-4-55-69.

2. *Вартанова Е. Л.* Теория медиа как перекресток научных подходов и методов / Е. Л. Вартанова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7. — № 1. — С. 165—176. — DOI: 10.17150/2308-64203.2018.7(1).165-176.

3. *Дадуева А. С.* Лингво-когнитивные механизмы метафоризации в дискурсе COVID-19 (на материале русскоязычных СМИ) / А. С. Дадуева, С. А. Хахалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — № 2. — С. 419—424. — DOI: 10.30853/phil20240058.

4. *Клушина Н. И.* Медиатизация: стилистический вектор / Н. И. Клушина, Д. О. Байгожина, С. Ш. Тахан // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 2 (17). — С. 57—62. — DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10386.

5. *Ли Ч.* Репрезентация концепта «образование» в сетевом дискурсе русскоязычной диаспоры Китая / Ч. Ли // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2020. — № 5 (211). — С. 27—35. — DOI: 10.23951/1609-624X-2020-5-27-35.

6. *Мальшичева Е. Г.* «Образование — это услуга» как доминантная метонимическая модель концепта «современное российское образование», реализованного в медиадискурсе / Е. Г. Мальшичева, Л. С. Березовская // Омские научные чтения — 2019 : материалы Третьей Всероссийской научной конференции, Омск, 02—06 декабря 2019 года. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2019. — С. 490—492.

7. *Протасова Е. Ю.* Особенности языка русскоязычных СМИ Казахстана / Е. Ю. Протасова, А. Н. Алишариева, Ж. К. Ибраева // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. — 2018. — № 2. — С. 384—399.

8. *Рябова Т. С.* Концепт «высшее образование» в дискурсе российских СМИ 2012—2017 гг. / Т. С. Рябова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2020. — № 4 (210). — С. 80—92. — DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-80-92.

9. *Сулейменова Э. Д.* Biz birgemiz, или Еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане / Э. Д. Сулейменова, Д. Аканова, М. М. Аймагамбетова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 1. — С. 7—22. — DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22.

10. *Тайграина Д.* Тенденции развития новостных интернет-изданий в Республике Казахстан / Д. Тайграина // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2022. — Т. 7. — № 2. — С. 46—66.

11. *Цзюй Ч.* Репрезентация медиаимиджа Китая в ведущем новостном дискурсе Республики Казахстан / Ч. Цзюй, Ю. Му // Политическая лингвистика. — 2022. — № 3 (93). — С. 142—151.

12. *Черкасова И. П.* Репрезентация концепта «образование» в современном медиадискурсе / И. П. Черкасова // Успехи гуманитарных наук. — 2020. — № 4. — С. 179—183.

13. *Чудакова Н. М.* Современное образование в зеркале концептуальной метафоры / Н. М. Чудакова // Общественные науки. — 2018. — № 1. — С. 315—325.

14. *Шакенова М. Т.* Лингвокреативные параметры медиазаголовков (на материале корпуса русскоязычных казахстанских публикаций) / М. Т. Шакенова, М. А. Измайлова, Г. А. Ахметжанова, С. Е. Калдыгозова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2022. — № 4. — С. 204—209. — DOI: 10.52452/19931778_2022_4_204.

15. Шакенова М. Т. Приемы манипулятивного воздействия в медиатекстах (на примере русскоязычных СМИ Казахстана) / М. Т. Шакенова, М. Б. Айтмагамбетова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 149—168. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-149-168.

16. Absattar A. The potential of emotive language to influence the understanding of textual information in media coverage / A. Absattar, M. Mambetova, O. Zhubay // Humanities and Social Sciences Communications. — 2022. — Vol. 9. — № 1. — P. 222. — DOI: 10.1057/s41599-022-01232-2.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 26.11.2025,
подготовлена к публикации 14.12.2025.

Material resources

Akbarov, A. (2019). Multilingual education: a failed experiment? *Zakon.kz*. Available at: <https://www.zakon.kz/stati/4968393-poliyazychnoe-obrazovanie-neudavshiysya.html> (accessed 25.06.2025). (In Russ.).

Kapitanova, I. (2019). *Zakon.kz celebrates its 20th anniversary*. *Zakon.kz*. Available at: <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4997923-zakon-kz-otmechaet-svoe-20-letie.html> (accessed 25.06.2025). (In Russ.).

Roadmap for the development of trilingual education for 2015—2020: Joint Order of the Acting Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated November 5, 2015 № 622, the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated November 9, 2015 № 344 and the Minister of Investment and Development of the Republic of Kazakhstan dated November 13, 2015 № 1066. Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu-shet/documents/details/146855?lang=ru> (accessed 25.06.2025). (In Russ.).

Strategy of state cultural policy until 2030 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated 11.09.2024 N 2501-r). Available at: <http://static.government.ru/media/files/jlx0zkwFvU0sCnXlQTwpZO0RqTMMVL7v.pdf> (accessed 05.03.2025). (In Russ.).

Zakon.kz. Available at: <https://www.zakon.kz> (accessed 05.03.2025). (In Russ.).

References

Absattar, A., Mambetova, M., Zhubay, O. (2022). The potential of emotive language to influence the understanding of textual information in media coverage. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9 (1): P. 222. DOI: 10.1057/s41599-022-01232-2.

Aimagambetova, M. M., Zhakupova, G. T. (2020). Informative and communicative nature of the cultural code in media discourse (on the example of the Kazakh press). *Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Philology*, 4 (133): 55—69. DOI: 10.32523/2616-678X-2020-133-4-55-69. (In Russ.).

Cherkasova, I. P. (2020). Representation of the concept of “education” in modern media discourse. *Successes of the Humanities*, 4: 179—183. (In Russ.).

Chudakova, N. M. (2018). Modern education in the mirror of a conceptual metaphor. *Social Sciences*, 1: 315—325. (In Russ.).

Dadueva, A. S., Khakhalova, S. A. (2024). Linguistic and cognitive mechanisms of metaphORIZATION in the COVID-19 discourse (based on Russian-language media). *Philologi-*

- cal Sciences. Questions of theory and practice*, 17 (2): 419—424. DOI: 10.30853/phil20240058. (In Russ.).
- Ju Ch., Mu Yu. (2022). The representation of China's media image in the leading news discourse of the Republic of Kazakhstan. *Political Linguistics*, 3 (93): 142—151. (In Russ.).
- Klushina, N. I., Baigozhina, D. O., Takhan, S. S. (2019). Mediatization: a stylistic vector. *Upper Volga Philological Bulletin*, 2 (17): 57—62. DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10386. (In Russ.).
- Lee, H. (2020). Representation of the concept of “education” in the online discourse of the Russian-speaking Diaspora of China. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 5 (211): 27—35. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-5-27-35. (In Russ.).
- Malysheva, E. G., Berezovskaya, L. S. (2019). ‘Education is a service’ as a dominant metonymic model of the concept of “modern Russian education” implemented in media discourse. In: *Omsk Scientific Readings — 2019: proceedings of the Third All-Russian Scientific Conference, Omsk, December 02—06, 2019*. Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 490-492. (In Russ.).
- Protasova, E. Y., Alisharieva, A. N., Ibraeva, J. K. (2018). Features of the language of the Russian-language media of Kazakhstan. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: The linguistics of creativity*, 2: 384—399. (In Russ.).
- Ryabova, T. S. (2020). The concept of “higher education” in the discourse of the Russian mass media 2012—2017. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 4 (210): 80—92. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-80-92. (In Russ.).
- Shakenova, M. T., Aitmagambetova, M. B. (2024). Manipulative Techniques in Media Texts: A Case Study of Russian-Language Media in Kazakhstan. *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 149—168. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-149-168>. (In Russ.).
- Shakenova, M. T., Izmailova, M. A., Akhmetzhanova, G. A., Kaldygozova, S. E. (2022). Linguocreative parameters of media heads (based on the corpus of Russian-language Kazakhstani publications). *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 4: 204—209. DOI: 10.52452/19931778_2022_4_204. (In Russ.).
- Suleimenova, E. D., Akanova, D., Aimagambetova, M. M. (2021). Biz birgemiz, or Once again about the diversification of the Russian language in Kazakhstan. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 12 (1): 7—22. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22. (In Russ.).
- Taigraina, D. (2022). Trends in the development of online news publications in the Republic of Kazakhstan. *Communications. Media. Design*, 7 (2): 46—66. (In Russ.).
- Vartanova, E. L. (2018). Media theory as a crossroads of scientific approaches and methods. *Questions of the theory and practice of journalism*, 7 (1): 165—176. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).165-176. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 14.12.2025.*

Информация для цитирования:

Радбиль Т. Б. Лексема здоровый в языковой репрезентации концепта ЗДОРОВЬЕ (по данным корпусно-дискурсивного анализа отечественного медиадискурса) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 251—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-251-272.

Radbil, T. B. (2025). Healthy Lexeme in Linguistic Representation of HEALTH Concept (Corpus-discourse Analysis of Russian Media Discourse). *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 251-272. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-251-272. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лексема *здоровый* в языковой репрезентации концепта ЗДОРОВЬЕ (по данным корпусно- дискурсивного анализа отечественного медиадискурса)

Радбиль Тимур Беньяминович^{1,2}

orcid.org/0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID AAO-6983-2020

Scopus AuthorID 57210390493

доктор филологических наук, профессор,
¹ заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики;

² главный научный сотрудник
кафедры теоретической и прикладной
лингвистики
timur@radbil.ru

¹ Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

² Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 24-18-00371
«Дискурсивные практики в сфере
здравоохранения и направления их оптимизации:
лингвистические и этико-правовые аспекты»,
<https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

Healthy Lexeme in Linguistic Representation of HEALTH Concept (Corpus-discourse Analysis of Russian Media Discourse)

Timur B. Radbil^{1,2}

orcid.org/0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID AAO-6983-2020

Scopus AuthorID 57210390493

Doctor of Philology, Professor,
¹ Head of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics;

² chief research scientist, Department
of Theoretical and Applied Linguistics
timur@radbil.ru

¹ National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

² Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 24-18-00371
“Discursive practices in the field of healthcare
and their optimization ways:
linguistic, ethical and legal aspects”,
<https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье освещаются модели семантического расширения и развития оценочного потенциала русского прилагательного *здоровый* как языкового репрезентанта концепта ЗДОРОВЬЕ в дискурсивных практиках современных отечественных медиа. Объем материала составляет 400 словоупотреблений, извлеченных из газетного корпуса Национального корпуса русского языка. На основе анализа лексикографических толкований слова выявлено 11 базовых лексических значений лексемы. Выявлены особенности неузального смыслового или оценочного преобразования исходных, словарных значений прилагательного *здоровый*. Показано, что в моделях метонимического и метафорического семантического расширения исходных словарных значений в речи актуализованы импликации прототипической ситуации 'полезный для здоровья > приводящий к здоровью > предназначенный для здорового образа жизни или для оздоровления', 'не подвергшийся порче, разложению; нормальный > целесообразно функционирующий, без нарушения соответствующих требований и норм, имеющий потенциал роста, развития' и др. Установлено развитие оценочного потенциала лексемы *здоровый* за счет контекстов, в которых реализованы такие разновидности частной оценочности, как качественная оценка (здоровый = полноценный), нормативная оценка (здоровый = правильный), интеллектуальная оценка (здоровый = разумный), утилитарная оценка (здоровый = полезный).

Ключевые слова:

концепт ЗДОРОВЬЕ; лексема *здоровый*; медиадискурс; активные процессы в русской лексике; ценности; семантическое расширение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper investigates semantic extension models and evaluative potential development of the Russian adjective *zdorovyj* as a linguistic representation of the HEALTH concept within contemporary Russian media discourse practices. The study is based on an analysis of 400 word occurrences extracted from the newspaper corpus of the Russian National Corpus. Eleven basic lexical meanings are identified through lexicographic definitions. Features of non-standard meaning or evaluative transformations of dictionary-based values for the adjective *zdorovyj* are examined. It is demonstrated that metonymic and metaphorical extensions activate implicatures such as 'beneficial to health > leading to health > intended for healthy lifestyle or healing', 'not spoiled, not decayed; normal > functioning appropriately without violation of relevant requirements and norms, having growth and development potential'. The evaluative capacity of the lexeme *zdorovyj* expands due to contexts where different types of partial evaluation emerge, including qualitative assessment (*zdorovyj* = complete), normative judgment (*zdorovyj* = correct), intellectual appraisal (*zdorovyj* = reasonable), and utilitarian valuation (*zdorovyj* = useful).

Key words:

HEALTH concept; lexeme *zdorovyj*; media discourse; active processes in Russian vocabulary; values; semantic expansion

УДК 811.161.1'37:392.7

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-251-272

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Лексема *здоровый* в языковой репрезентации концепта ЗДОРОВЬЕ (по данным корпусно-дискурсивного анализа отечественного медиадискурса)

© Радбиль Т. Б., 2025

1. Введение = Introduction

Данная работа представляет собой вторую статью из задуманного нами цикла исследований, посвященных изучению особенностей языкового воплощения концептуального поля здоровья в отечественных дискурсивных практиках по данным газетных корпусов. Выбор в качестве предметной области исследования именно медийного дискурса вполне обоснован в силу того, что именно медиаречь сегодня является наиболее динамичной средой распространения активных процессов в русском языке [Новые тенденции ..., 2016; Русский язык ..., 2021], а также формирования и трансляции речеповеденческих установок носителей языка и соответствующих им ценностных приоритетов [Клушина, 2019; Цветова, 2020; Facchinetti, 2021].

В первой работе, открывшей этот цикл, были обоснованы исходные принципы и конкретная методика предлагаемого исследования, а также посредством исследовательской процедуры корпусно-дискурсивного анализа описано функционирование имени указанного концептуального поля — лексемы *здоровье* на языковом материале контекстов, извлеченных из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка [Радбиль, 2024]. В настоящей работе представлены результаты корпусно-дискурсивного анализа особенностей текстовой реализации прилагательного *здоровый* как одного из базовых репрезентантов соответствующего концепта ЗДОРОВЬЕ в современной медиаречи.

История изучения вопроса подробно изложена нами в первой статье цикла [Радбиль, 2024]. Еще раз обратим внимание на очевидную актуальность обращения к теме коммуникации в сфере здравоохранения в мировом и отечественном гуманитарном знании [Иссерс, 2023]. Здоровье че-

ловека естественным образом рассматривается в современном мире в качестве главного цивилизационного ресурса [Jones et al., 2012; O'Hair et al., 2012], что особенно ярко высветили события, связанные с недавно пережитым нами распространением COVID-19. В отечественной науке о языке изучение «языка здоровья» активизировалось примерно в конце XX — начале XXI веков — см., например, работу Т. В. Шмелевой [Шмелева, 2001] и репрезентативную словарную статью «Здоровье» в известном словаре концептов «Антология концептов» [Усачева, 2005]. В последнее время появился и ряд обстоятельных диссертационных исследований, касающихся самых разных аспектов языкового воплощения данного концепта [Троян, 2017], включая его сопоставительное освещение [Сюецзяо, 2024]. Внимание именно к речевой реализации концепта ЗДОРОВЬЕ, как в современных дискурсивных практиках, так и в традиционной народной речи, нашло свое выражение, например, в работах [Королькова, 2021; Ковалева, 2023]. Применительно к концептуальному полю здоровья значительно развивается и такое направление дискурс-аналитических штудий, как контрастивная (сопоставительная) лингвокультурология, расширяя круг сопоставляемых лингвокультур: русский и английский [Ганиева, 2020; Орлова, 2022; Абсаматова, 2023], русский и китайский [Сюецзяо и др., 2022], английский, русский и чувашский [Пушкина и др., 2021], французский и немецкий [Чайко и др., 2021] и др.

Что касается конкретно интересующего нас в этой работе слова *здоровый*, то следует отметить опыт изучения синонимического ряда лексемы *здоровый*, представленный в статье С. В. Троян [Троян, 2014]. Особенно важной в свете принятой нами концепции исследования является работа Е. В. Мариновой «Здоровые и нездоровые в современном дискурсе», в которой на примере таких типовых контекстов, как *здоровый эгоизм*, *здоровый цинизм*, *здоровое тщеславие* и пр., освещаются семантические и коннотативно-оценочные преобразования в употреблении прилагательного *здоровый* в сочетании с обозначениями отрицательных свойств и качеств: сама возможность таких новых употреблений свидетельствует о смешении этических оценок основных нравственных категорий личности [Маринова, 2014]. В настоящей статье мы развиваем и углубляем некоторые значимые положения указанной работы в рамках разрабатываемой нами концепции «псевдоценностей» [Радбиль, 2023].

Все сказанное выше позволяет наметить предлагаемый в работе аналитический инструментарий изучения дискурсной актуализации прилагательного *здоровый* как репрезентанта концепта ЗДОРОВЬЕ по данным газетных корпусов: в рамках предложенной исследовательской модели рассматривается семантическое расширение лексики *здоровый* и развитие ее

оценочного потенциала как отражение активных процессов в современной русской речи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Разрабатываемый нами исследовательский инструментарий корпусно-дискурсивного анализа представлен в предыдущей работе [Радбиль, 2024]. Напомним, что в основе методики исследования лежат разработки в области когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [Чернявская, 2018; Чернявская и др., 2024], а также идеи и принципы экспериментальной и «аффективной» прагматики [Scarantino, 2017; Noveck, 2021]. Указанная методика заключается в выявлении наличествующих в корпусных данных языковых признаков семантического расширения и / или коннотативно-оценочного изменения анализируемых единиц (в нашем случае — прилагательного *здоровый*), что, как правило, не фиксируется в их лексикографическом представлении.

Непосредственная процедура исследования состоит из следующих этапов. На начальном этапе анализируются значения лексемы *здоровый* по данным основных русских словарей, которые, по возможности, верифицируются корпусными употреблениями. На заключительном этапе анализируются такие обнаруженные в корпусе контексты, для которых выявлены рефлексy неузуального смыслового или оценочного преобразования исходных, словарных значений, и дается их контенсивная (содержательная) интерпретация.

Материалом исследования выступают данные основных русских толковых словарей [Ефремова, т. I, 2000; СРЯ, т. I, 1985; ССРЛЯ, т. IV, 1955; ТСРЯ, Т. I, 1935] и контексты, извлеченные из газетных корпусов (корпус «Центральные СМИ») в составе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Общий массив вхождений прилагательного *здоровый* в корпус «Центральные СМИ» составляет 39 204 примера из 24 271 текста. Из этого массива сформирован авторский подкорпус порядка 400 единиц текста: не учитывались субстантивированные употребления прилагательного *здоровый*, употребления *здоров* в краткой форме в предикативной функции, а также употребления в составе устойчивых выражений типа *здоровый образ жизни*, *здоровый (здоров) как бык* и под.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Ниже изложены результаты анализа лексикографических толкований прилагательного *здоровый*, проиллюстрированные примерами из корпуса; результаты корпусно-дискурсивного анализа употреблений данного слова, в которых представлены неузуальные семантические расширения и новые явления в коннотативно-оценочной сфере лексемы *здоровый*.

3.1. Лексикографический анализ лексемы *здоровый*

Обобщающий анализ словарных толкований слова *здоровый* по данным основных русских толковых словарей позволил выявить следующий набор лексических значений этого полисеманта. С целью верификации актуальности выявленных значений для носителей современного русского языка они иллюстрируются примерами из газетного подкорпуса «Центральные СМИ» Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Первый кластер значений связан с прямым значением прилагательного, реферирующим к живым существам:

(1) ‘Обладающий здоровьем. Противоположно: *больной*. О **живом существе**’ [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1172; СРЯ, т. I, 1985, с. 604]; в версии ‘Обладающий **хорошим** здоровьем (противоположно *больной*)’ [Ефремова, 2000, т. I, с. 644] — и в версии ‘Обладающий здоровьем, с **правильно функционирующим организмом**; противоположно *больной*’ [ТСРЯ, т. I, 1935, стлб. 1088]: *Участниками исследования стали 14 здоровых британцев старше 45 лет* (Парламентская газета, 2021.10.21); *Как пишет «Царьград», частота преждевременных родов в общей популяции среди здоровых женщин составляет примерно шесть-семь процентов* (Парламентская газета, 2021.08.30); *Компания работает над технологиями, позволяющими любой здоровой корове выносить и родить теленка с большей продуктивностью* (Коммерсант, 14.12.2020) [НКРЯ] (здесь и далее весь иллюстративный материал из газет извлечен из НКРЯ. — Т. Р.);

— а также с вполне очевидными метонимически производными на его базе значениями:

(2) метонимическое (модель: свойство живого существа → свойство органа или части тела живого существа): ‘Правильно действующий, не поврежденный. Об органах тела’ [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1172]; в версии ‘Хорошо действующий, не поврежденный, не больной (об органах и частях тела человека)’ [Ефремова, 2000, т. I, с. 644]: *По словам эксперта, принятие душа под ржавой водой не является приятной процедурой, однако она не несет никакого вреда для здоровой кожи человека* (Парламентская газета, 2021.08.02); *«Если у вас здоровая носоглотка, не вижу других причин не спать на спине», — отметил специалист* (Парламентская газета, 2021.09.15); *Появление таких звуков связано со свойствами синовиальной жидкости, находящейся в любом здоровом суставе* (Парламентская газета, 2021.04.13);

(3) метонимическое (модель: внутреннее свойство живого существа → имеющий внешние признаки внутреннего свойства живого существа): ‘Выражающий здоровье, свойственный здоровому человеку’ [ТСРЯ, т. I, 1935, стлб. 1088; ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1172; СРЯ, т. I, 1985, с. 604];

в версии *‘Свидетельствующий о здоровье’* [Ефремова, 2000, т. I, с. 644]: *Кроме того, железо придает волосам, ногтям и коже здоровый вид* (Парламентская газета, 2020.11.27); *В основе каждого образа — идеально ровная, словно светящаяся изнутри кожа с эффектом здорового румянца* (Lenta.ru, 04.08.2016); *Как отмечает издание, образ Загитовой сочетает в себе «здоровый облик» и «дикий стиль»* (Известия, 03.10.2020);

(4) метонимическое (модель: внутреннее свойство живого существа → имеющий условия для достижения внутреннего свойства живого существа): *‘Полезный для здоровья’* [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1173; СРЯ, т. I, 1985, с. 604; Ефремова, 2000, т. I, с. 644], в версии *‘Полезный для здоровья, соответствующий потребностям нормального организма’* [ТСРЯ, т. I, 1935, стлб. 1089]: — *Главный принцип — здоровое питание*, — сказал сенатор *«Парламентской газете»* (Парламентская газета, 2021.12.31); *Ну а где в России можно найти более благоприятные и здоровые условия, чем в Крыму, и сто лет назад, и сейчас?* (Парламентская газета, 2021.05.13); *«Можно рассчитывать на то, что наконец будут предприняты реальные шаги в сфере государственного планирования и управления процесса обеспечения человека качественными и здоровыми воздухом, водой, лесами, недрами и почвой»*, — отметил Федоров (РИА Новости, 21.01.2008).

Второй кластер семантически производных значений слова *здоровый* реализует модели метафорического переноса в пределах физической референциальной области применения признака. Это связано, согласно концепции Г. И. Кустовой, с «импликациями прототипической ситуации» — естественными следствиями из исходной модели ситуации, которые непосредственно в ее стандартной концептуальной схеме не содержатся [Кустова, 2004]. Применительно к интересующему нас слову *здоровый* это такие, издавна бытующие в народном языковом сознании представления, как связь физического здоровья живого существа с большим размером, весом, ростом, с одной стороны, и с мощью, силой — с другой. Применительно к неодушевленным объектам это могут быть представления о ненарушенной целостности, прочности, надежности в функционировании и пр. Не случайно многие из этих значений имеют ограниченную сферу употребления — отнесены к разговорным, просторечным и т. д.

(5) метафорическое — для человека: *‘Разг. Крепкого сложения; сильный, могучий. О человеке’* [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1173]; в версии *‘Простореч. Крепкого сложения, сильный, могучий’* [СРЯ, т. I, 1985, с. 604]; в версии *‘Имеющий высокий рост и крепкое телосложение; сильный, могучий’* [Ефремова, 2000, т. I, с. 644]: *Их надо делом занять, здоровые молодые мужики сидят сутками в камерах, пусть лучшие работают, пусть деньги семьям посылают ...* (Парламентская газета, 2021.10.19); —

Он постучал мне по плечу, грубо так, а потом говорит: «Или по-русски говори, или заткнись!» Такой высокий, **здоровый амбал**, — рассказала Тимофеева (Lenta.ru, 24.09.2020); Мы падаем на цементный пол, а там ее **здоровый парень** два раза в голову мне прописывает», — рассказала девушка (Lenta.ru, 14.10.2020);

(6) метафорическое — для живого существа и для предмета, явления: 'Простореч. Значительный по размерам, силе и степени своего проявления' [СРЯ, т. I, 1985, с. 605]; в версии 'Значительный по степени проявления; **сильный**' [Ефремова, 2000, т. I, с. 644]: *Вчера вечером к нам на лодку залетела стая десятисантиметровых стрекоз, очень красивых, с изумрудным тельцем. <...> Мы стали закрывать все люки и выключили свет, большая часть улетела, остался один **здоровый монстр** ночевать на окошке...* (Lenta.ru, 24.01.2016); *Приехавшие спасатели действительно увидели **здоровую змеюку** метра полтора длиной* (Комсомольская правда, 26.08.2002);

(7) метафорическое — для предмета, явления: 'Разг. Значительный, большой' [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1174]; в версии 'Простореч. Значительно превышающий обычную для данного предмета величину, объем и т. п.; большой' [СРЯ, т. I, 1985, с. 605; в версии 'перен. Очень большой, **огромный** (о предмете)' [Ефремова, 2000, т. I, с. 644]: *Последнее слово, как оказалось, было неправильно понято, так как означало не труп, а некую громоздкую и тяжелую вещь, вроде русского просторечия «**здоровая дура**» или «**громадина**»* (РИА Новости, 23.02.2017); в том же Израиле каждая корова находится под электронным контролем. На правой задней ноге у нее, пониже колена, крепится **здоровая блямба** зеленого цвета — там все данные о ее питании, лактации, стельности и т. д. (Аргументы и факты, 2001.05.16);

(8) метафорическое — для предмета, явления: 'Перен. Разг. Крепкий, прочный. О предметах' [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1173]; в версии '**Обл.** Крепкий, очень прочный, **исправный** (о предметах)' [СРЯ, т. I, 1985, с. 605]: *Другая разновидность — «амбарные» строения из **здоровых** просмоленных **бревен**, что-то вроде стилизованной избы рыбака со старинным скарбом, но со всеми удобствами* (Аргументы и факты, 2001.05.18); *Там лежал зеленый ящик, расписанный ангелами. Со **здоровыми тисками** на крышке* (Литературная газета, 23.12.2016);

(9) метафорическое — для растительного мира: 'Перен. Простореч. Неповрежденный, целый. Противоположно: **гнилой**. О лесе, дереве' [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1172]: *Место под них выбирали буквально по сантиметрам, вырубая только сухостой и не трогая **здоровые липы, дубы** и клены* (Труд-7, 12.10.2001); *Чтобы вырастить хороший урожай, следует выбирать **здоровые саженцы** с развитой корневой системой без опухолей*

и других поражений (РИА Новости, 07.12.2020); *Такого урожая лещины не было давно — кусты просто усыпаны плодами, причем на удивление здоровыми, без червоточин* (Аргументы и факты, 2000.09.06).

И, наконец, третий кластер семантически производных значений слова **здоровый** реализует уже модели метафорического переноса физического свойства конкретного живого существа или предмета на свойство абстрактной сущности, когда природная референциальная область применения признака переносится на область духовную, интеллектуальную, психологическую, нравственную, социальную, идеологическую и т. д. Это прежде всего концептуально-метафорические импликации, связанные с представлением о целесообразности или нормальности в осуществлении какой-либо деятельности или с оценочным переосмыслением какой-либо характеристики абстрактной сущности как разумной, правильной.

(10) метафорическое — овеществление абстракции (оценочное переосмысление внеоценочной сущности по модели: **здоровый** → **нормальный**): '*Перен.* Не подвергшийся порче, разложению; **крепкий**' [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1173]; в версии '*Перен.* **Неиспорченный**; не подвергшийся **внутренней** порче, **развалу, растрению, нормальный** (книжн.)' [ТСРЯ, т. I, 1935, стлб. 1088]: *Для продолжения российской поддержки Минску важно сохранять **здоровую атмосферу** в двусторонних отношениях как политически, так и экономически* (Ведомости, 2021.12.16); ***Здоровая экономика. Здоровая семья и здоровая нравственность.** И в основе всего этого — здравый взгляд на вещи* (Парламентская газета, 2021.04.21); *Да и в **здоровом общественном сознании** у нас в стране обидеть или даже любая двусмысленность в отношении любых религиозных святынь считается и неприличной, и недопустимой* (Vesti.ru, 01.11.2020);

(11) метафорическое — овеществление абстракции (оценочное переосмысление внеоценочной сущности по модели: **здоровый** → **правильный**): '*Правильный, разумный*' [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 1173; СРЯ, т. I, 1985, с. 605; Ефремова, 2000, т. I, с. 644]; в версии '*Перен.* **Полезный, неспособный повредить уму и сердцу, соответствующий потребностям нормального культурного человека и общества** (книжн.). *Здоровая идея. Здоровая литература. Здоровая духовная пища*' [ТСРЯ, т. I, 1935, стлб. 108]; *Турция заявила о выстроенном **здоровом диалоге** с Россией* (Известия, 21.10.2020); *Не в дискурсе отношений власти и народа, а в дискурсе семейных историй, что, как мне кажется, является гораздо более подходящей базой для формирования **здорового чувства истории** вместо бесконечных споров о «сильной руке», «цене победы» и прочих абстракциях* (Lenta.ru, 02.12.2016); *«Наши западные недруги предпринимают многое для дискредитации облика России и российской армии — мы должны да-*

*вать таким попыткам достойный отпор, создавать **здоровый противовес**», — пояснил сенатор* (Ведомости, 2018.07.30).

Уже на этом уровне анализа мы можем констатировать существенное содержательное и ценностное разнообразие в функционировании прилагательного *здоровый*, широкий охват самых разных референциальных областей применения признака, что позволяет предварительно подтвердить вывод о значительной культурной разработанности концепта «Здоровье» в языковом сознании современных носителей языка, который был сделан нами в предыдущей работе [Радбиль, 2024]. Однако реальные употребления прилагательного *здоровый* в современной медиаречи демонстрируют еще больший семантический и оценочный потенциал этого слова, которое отличается значительным семантическим обогащением, не нашедшим отражения в словарной фиксации, но в полной мере актуализованным в массиве корпусных данных.

3.2. Семантическое расширение лексемы *здоровый* по корпусным данным

В нашем материале представлены две разновидности моделей семантического расширения прилагательного *здоровый* в медиаречи — это модели метонимического и метафорического семантического расширения.

3.2.1. Модели метонимического семантического расширения. Прежде всего отметим метонимические модели смыслового развития прямого номинативного значения слова (1) ‘обладающий здоровьем. Противоположно: *больной*. О живом существе’. Это стандартные схемы метонимического переноса референциальной области применения признака с обозначения человека на обозначения совокупности людей, какого-либо типа их общности — социальной, профессиональной или культурной: *Проект реализуется как часть многолетней программы Лиги «Здоровый муниципалитет»* (Известия, 19.09.2020); — *Это ослабляет их балансы, ограничивая возможности по кредитованию **здоровых фирм** и платежеспособных частных домохозяйств* (РБК Daily, 28.03.2012); *Также Галина Карелова порадовалась успеху Курского государственного медицинского университета, который впервые в истории проведения конкурсов «Здоровый университет» и «Будь здоров» стал победителем сразу в трёх номинациях* (Парламентская газета, 2021.12.28).

Также вполне обычной является метонимическая модель ‘человек → область пространства, территория, где живут люди’: *Созданию **чистого и здорового окружающего пространства** посвящены новые санитарные правила и нормы (СанПиН) содержания городских и сельских поселений ...* (Парламентская газета, 2021.03.01); *А фитнес-клуб — **правильная здоровая среда*** (Ведомости, 2020.10.25),

— в варианте ‘человек → город или страна, где живут люди’: *Сделать Рио-де-Жанейро не только красивым, но и здоровым городом* вызвался доктор Освалду Гонсалвис Круус... (Коммерсант, 26.09.2020); Ранее сообщалось, что с 9 августа павильоны «**Здоровая Москва**» возобновили проведение профилактических обследований для всех желающих москвичей (Парламентская газета, 2021.08.19); Возглавляла общественно-политические движения «За **здоровую Россию**» и «За гражданское достоинство»... (Парламентская газета, 2021.09.12);

— или метонимическая модель ‘человек → период времени, в который проживают люди’: 5 октября в рамках региональной недели пройдёт пленарная сессия «Роль женщин в формировании **здорового будущего**» (Парламентская газета, 2021.10.04); Если в «Электре» Рихарда Штрауса купюр делать при этом не пришлось, то «*Così fan tutte*» Моцарта шли в серьезно адаптированной версии, на что в «**здоровое**» время руководство фестиваля, разумеется, и под пытками не согласилось бы (Коммерсант, 01.09.2020).

Другой тип моделей метонимического семантического расширения связан уже со смысловым развитием номинативно-производного, в терминах В. В. Виноградова [Виноградов, 1977], значения (2) ‘правильно действующий, не поврежденный. Об органах тела’, которое распространяет референциальную область приложения признака с обозначений органов тела на обозначения деятельности этих органов: *В профилактике старения кожи большую роль играет **здоровый сон*** (Парламентская газета, 2021.02.25); *Каждый год Всемирный день **здорового пищеварения** посвящен определенной гастроэнтерологической проблеме, способам её лечения и профилактике* (Парламентская газета, 2021.05.29); *Согласно ему, примерно 1,4 млрд людей во всем мире страдали от близорукости в 2000-м, — говорит Кристан Гросс <...> (он поддерживает движение за **здоровое зрение во всем мире**)* (Коммерсант, 31.08.2020);

— или на обозначения отдельных параметров организма или функций его органов: *Учёные выяснили, что при поддержке **здорового веса** у человека получится сохранить структуру мозга, если он находится на ранних стадиях болезни Альцгеймера* (Парламентская газета, 2021.02.03); *Для поддержания **здорового иммунитета** достаточно нормализовать режим труда и отдыха, спать не менее семи часов в сутки, соблюдать сбалансированное питание, а также не забывать про умеренные физические нагрузки и, конечно, позитивное мышление* (Известия, 21.06.2020); *Александрина Пендатчанска — упругая красавица-брюнетка с плотным и **здоровым голосом*** (Ведомости, 2012.10.01).

Конечно, семантика данных употреблений не воспринимается как новая, но в толковых словарях она, между тем, не отмечена. Перед нами —

опять же естественные импликации прототипической ситуации [Кустова, 2004], лежащей в основе использования прилагательного *здоровый*.

Более очевидны явления метонимического семантического расширения, которые связаны со смысловым развитием номинативно-производного значения (4) ‘полезный для здоровья’. В этих случаях семантическое расширение связано с акцентированием в импликации исходной прототипической ситуации компонента ‘предназначенность’ (полезный для здоровья → приводящий к здоровью → предназначенный для здорового образа жизни или для оздоровления), что сближает новые значения слова *здоровый* с семантикой прилагательного *оздоровительный* (правда, не во всех контекстах): *По информации ТАСС, министерство культуры и туризма Турции с летнего сезона 2020 года запустило программу «Сертификация здорового туризма»* (Парламентская газета, 2021.07.15); *Авторы инициативы считают, что работа на природе даст хорошую возможность фрилансерам совмещать бизнес и **здоровый отдых**...* (Известия, 29.09.2020); *К сожалению, в этом смысле у нас дикая страна. Но **здоровая мода** дойдет и до нас. И тогда некурящим следовать ей будет легче* (Аргументы и факты, 2004.12.22).

Особенно ярко этот тип семантического расширения проявляется в модели сочетаемости «здоровый + абстрактное существительное», например: *Денис Чех назвал такой вид диеты вредным, <...> и в качестве **здоровой альтернативы** предложил включить в рацион разваристые каши с семенами кунжута на молоке, изюм, темный виноград, шпинат, фрукты и легкие мясные супы без картофеля...* (Lenta.ru, 25.09.2020); *По словам диетолога, певец придерживается очень **здорового метода**. «Суть не в том, чтобы “держат себя в тисках”, а в разумном подходе, где есть время и ограничения, и “дню греха”, но главное, чтобы такой день не был чаще, чем 1—2 раза в неделю»* (Lenta.ru, 25.09.2020); *Как отметила Трофимова, сыр достаточно калориен, поэтому **здоровой заменой** этому продукту станет брокколи, также богатая кальцием и фосфором* (РИА Новости, 27.07.2020).

Также возможно семантически расширенное употребление лексемы *здоровый* для номинации целого фрейма в свернутом виде, например: *Расширение применения стандартов устойчивого развития на весь цикл обращения с отходами позволит создать **здоровую градацию и классификацию объектов** — от менее зеленых к более зеленым* (Ведомости, 2021.04.20) ← свернут статический фрейм ‘градация объектов по степени их полезности для здоровья’; *21 декабря в ходе пресс-конференции в МИЦ «Известия» диетолог Маргарита Королева и нарколог Руслан Исаев дали советы по **здоровой встрече Нового года*** (Известия, 22.12.2020) ← свер-

нут динамический фрейм 'встреча Нового года без вреда для здоровья'; *Нагрузка в школах на ученика должна соответствовать возрасту и требованиям **здорового развития**, подчеркнула депутат* (Парламентская газета, 2021.03.19) ← свернут динамический фрейм 'чтобы дети развивались здоровыми'.

3.2.2. Модели метафорического семантического расширения.

В числе разнообразных явлений метафорического семантического расширения, в изобилии представленных в корпусном материале, подробнее остановимся на моделях смыслового развития значения (10) 'не подвергшийся порче, разложению; нормальный', которые основаны на импликации 'целесообразно функционирующий, без нарушения соответствующих требований и норм, имеющий потенциал роста, развития'. Подобные употребления характерны для специализированных форматов дискурса и используются в экономической, коммерческой, финансовой сфере и пр.: *За всем этим ЦБ следит и методами денежно-кредитной политики давит на инфляцию, а методами макроprudенциальной политики стремится к тому, чтобы не накапливались риски. И если даже рос портфель, то только за счёт **здоровых активов*** (Парламентская газета, 2021.04.30); *Относительную стабильность российского бизнеса она объясняет тем, что компании вошли в кризис с достаточно **здоровыми балансами**, а влияние пандемии оказалось меньше, чем ожидалось* (Ведомости, 2020.12.14); *Регулятор видит здесь для себя две задачи — поддержать **здоровый рост розничных инвестиций** и защитить клиентов* (Известия, 20.08.2020).

В подобных случаях возможна даже своего рода терминологизация употребления прилагательного *здоровый*, когда оно приобретает специализированное значение в официально-деловой речи: *Если допустить, что повышенную плату нельзя взимать за «**нездоровые**» **жилые помещения** (подвальные, полуподвальные, в ветхих и аварийных домах, бараках и т. д.), то в расчете на «**здоровые**» **жилища «погоня»** за 3 млрд руб. прибавки в бюджет означала бы повышение квартплаты в среднем примерно в 2,3 раза* (Аргументы и факты, 1990.01.27). Здесь можно наблюдать употребление слова *здоровый* в значении 'нормального качества, пригодный для жилья'. Характерно, что авторы медиаречи ощущают неузуальность подобного употребления и поэтому заключают слово в кавычки.

Аналогичное явление можно видеть и для употреблений в социально-политической или идеологической сфере, где также наблюдается неузуальное расширение сочетаемости для слова *здоровый*, которое в этих контекстах означает что-то вроде 'продуктивный, эффективный / работающий продуктивно, эффективно': *На самом деле, конечно, не плевать — он хотел бы видеть в соцсети **здоровые дебаты*** (Ведомости, 2020.11.30);

И вектор на, скажу так, здоровую государственную интравертность и ориентированность на себя, на Отечество, абсолютно верный (Парламентская газета, 2020.09.23); *С другой стороны, совершенно ясно, что России необходим хоть один «нормальный», «здоровый» канал, где бы обсуждались реальные проблемы, а не события из жизни «звезд»...* (РБК Daily, 21.07.2005).

В целом рассмотренные в разделе эффекты метонимического и метафорического семантического расширения лексемы *здоровый* в ее речевой реализации свидетельствуют о значительной культурной разработанности концепта ЗДОРОВЬЕ [Радби́ль, 2024] в дискурсивных практиках современных носителей русского языка.

3.3. Развитие оценочного потенциала лексемы *здоровый* по корпусным данным

Развитие оценочного потенциала лексемы *здоровый* обусловлено импликациями прототипической ситуации для употреблений слова в ценностно маркированном значении (11) 'правильный, разумный, полезный', что связано с дальнейшим смысловым обогащением моделей метафорического семантического расширения, рассмотренных в предыдущем подразделе 3.2. Прежде всего речь идет о контекстах неузуальной сочетаемости прилагательного *здоровый*, в которых реализуются разные виды частной оценочности:

— качественная оценка (*здоровый* = полноценный): *Философия добровольного отказа от бесконечного потребления во имя творческого развития, здоровых радостей жизни или ради спасения планеты от экологических проблем не нова* (Ведомости, 2020.12.06); *Семейное единство на основе любви, взаимного уважения, сострадания, честного труда, зрелости и надлежащего образования — вот секрет здорового сосуществования* (Коммерсант, 07.09.2020);

— нормативная оценка (*здоровый* = правильный): *Здоровый сценарий, который может дать надежду, — это когда в моду войдет качественное образование, а парадигма «деньги любой ценой», навязанная нам в период лихих девяностых, будет отторгнута, как безнравственная* (Ведомости, 2021.05.17); *Нужно отметить, что сейчас в среде российских актеров и музыкантов наблюдается здоровая мода завязывать с пьянством* (Комсомольская правда, 20.09.2001);

— интеллектуальная оценка (*здоровый* = разумный): *Он указал, что испытывает «здоровое уважение» к иранским военно-морским регулярным силам и морским силам в составе Корпуса стражей исламской революции* (РИА Новости, 06.12.2020); *Что касается частных инвесторов, то надежда найти сегодня инвестора, готового вложить средства в россий-*

*ский проект, который начнет окупаться в лучшем случае через 12 лет, лежит за пределами **здоровой фантазии*** (Независимая газета, 07.08.1998);

— утилитарная оценка (здоровый = полезный): *Перемещаемся в сторону нормального, **здорового страха**. Коронавирус с нами надолго* (Lenta.ru, 25.12.2020); *в человеке должно сойтись несколько черт: амбициозность, нужда в деньгах, **здоровый страх** (должен же быть на него рычаг воздействия), средний уровень профессионализма и ума...* (Труд-7, 29.06.2010).

Особенно следует отметить такие новые явления в развитии оценочного потенциала слова *здоровый*, которые связаны с частнооценочными импликациями в области **утилитарной оценочности** — ‘здоровый = полезный (применительно **не** к физическому плану)’. В уже цитированной работе Е. В. Мариновой были отмечены сравнительно новые значения этого прилагательного, возникающие в сочетаниях с абстрактными лексемами, которые обозначают негативное качество / свойство личности (типа *здоровый цинизм*) [Маринова, 2014]. Это значение можно определить как ‘полезный в каком-либо смысле для обладателя / носителя качества / свойства, которое названо абстрактной лексемой’.

В нашем материале в обилии представлены подобные контексты: *Немножко **здорового цинизма**, юмор по отношению ко всему происходящему, тогда жизнь перестает быть какой-то...* (Vesti.ru, 29.10.2020); *Профессионализм, **здоровая агрессивность** на рынке, умение пойти на компромисс. И не надо экономить на рекламе, на охране и страховании* (Аргументы и факты, 2000.02.16); *Исландцы — сильные и хитрые люди, не лишенные **здорового эгоизма**, с крепкой крестьянской закваской* (Комсомольская правда, 19.12.2012).

Особенно ярко эта своеобразная оценочная семантика проявляется в сочетаемости с существительными, которые эксплицитно выражают сильную негативную оценочность: *... насколько публика, перекормленная забавными зверушками и прочим рисованным детсадом, изголодалась по шуткам со **здоровой дозой непристойности**...* (Ведомости, 2012.07.03); *Впрочем, тот хотя бы предавался **здоровой похоти** с неведомой распутницей из подворотни, обойдясь без циничного попрапия новобрачных уз* (Ведомости, 2020.11.29). В этих контекстах происходит своего рода «оправдание» абсолютно негативных, с общепринятой точки зрения, ценностей, определенное повышение их ценностного регистра.

Последнее обстоятельство позволило нам в рамках разрабатываемой нами концепции «репрезентативных контекстов» [Радбиль, 2023] сделать вывод о том, что слово *здоровый* в указанном новом значении является репрезентативным контекстом для диагностики такой специфической разновидности ценностей, как «псевдоценность». Напомним, что под «псев-

доценностями» мы понимаем полимодальные ценности ('X в каком-то отношении хорошо, а в каком-то отношении плохо'), которые в языковом сознании социума являются по умолчанию отрицательными, но в каком-то смысле, при определенных условиях, могут оцениваться отдельными говорящими и как положительные. Так, будучи негативно ценными свойствами личности с точки зрения традиционной русской языковой картины мира, такие качества, как индивидуализм, карьеризм, амбициозность, себялюбие, тщеславие и пр., в современных речевых практиках в контексте употребления метаязыковых комментариев типа *в хорошем смысле слова, по-хорошему* получают как бы «оправдательную», положительно маркированную интерпретацию, и данные метаязыковые комментарии как раз и служат маркерами для обнаружения ценностей этого типа [Радбиль, 2023].

Именно такую роль играет и интересующее нас новое значение слова *здоровый*, которое также позволяет выявить указанные выше псевдоценности: ... *Маргарет Тэтчер, открывшая традиционный оплот джентльменов — Консервативную партию выходцам из всех слоев общества, лишь бы они верили в свободный рынок и здоровый индивидуализм* (Известия, 23.06.2003); *Так, российской юношеской аудитории, как выясняется, в неизмеримо большей степени свойственна здоровая амбициозность* (РИА Новости, 13.07.2005); *Особый акцент в данной ситуации следует сделать на жизненных установках сотрудников и к стремлении к здоровому карьеризму, на пресечении эгоистичного индивидуализма и сепаратизма, на разделении общих целей и устремлений, умений работать в команде* (Коммерсант, 16.06.2011).

Рассмотренные примеры, в том числе благодаря новым явлениям в употреблении слова *здоровый*, позволяют сделать и некоторые наблюдения о состоянии аксиосферы современного социокультурного пространства в целом. Подобные репрезентативные контексты помогут нам объективировать понимание того, что именно является ценностями для современных носителей русского языка, насколько подлинны, насколько, так сказать, безусловно аксиоматичны эти новые ценности и т. д.

4. Заключение = Conclusions

Представленные в работе результаты корпусно-дискурсивного анализа употребления слова *здоровый* в современных отечественных медиа подтверждают и на новом исследовательском материале развивают выводы, сделанные в нашей предыдущей работе [Радбиль, 2024]. Они еще раз свидетельствуют о значительной культурной разработанности концепта ЗДОРОВЬЕ и о широком охвате его языковыми репрезентациями, к которым относится и рассмотренное слово *здоровый*, самых разнообразных

референциальных областей применения признака, выходящих далеко за пределы представлений о физическом здоровье: духовных, нравственных, интеллектуальных, эмоциональных, идеологических, социальных, политических, экономических, финансовых, технологических, культурных и др. Явления указанных референциальных областей, атрибутируемые посредством прилагательного *здоровый*, объединяются общей концептуальной схемой 'соответствие норме (в широком смысле слова)': «Это исходное представление о норме, о том, как кто-то или что-то должны функционировать, работать для достижения оптимального состояния системы, институции, организованной совокупности, организма, механизма и пр.» [Радбиль, 2024, с. 146].

Немаловажен и тот факт, что языковые репрезентанты концепта ЗДОРОВЬЕ, в том числе и прилагательное *здоровый*, постоянно развивают и обогащают и свой оценочный потенциал. В частности, наше исследование показало, что прилагательное *здоровый*, на фоне общеоценочного представления о здоровье как безусловной положительной ценности (*здоровый* → *хороший*), способно маркировать и самые разные типы частной оценочности — качественные, интеллектуальные, эмоциональные, нормативные и утилитарные оценки. Также отметим и обнаруженную нами в ходе анализа возможность слова *здоровый* в новом значении выступать в роли репрезентативного концепта для выявления такого специфического типа ценностной реакции носителей языка, как псевдоценности.

Проведенное исследование, разумеется, не охватывает все возможные рефлексы богатого и разнообразного языкового воплощения концепта ЗДОРОВЬЕ в дискурсивных практиках современных носителей русского языка. С этим связаны его дальнейшие перспективы, которые определяются вовлечением в исследовательскую базу нового языкового материала (лексемы *здоров*, *здороветь*, *выздоровливать*, *болеть*, *болезнь*, *больной* и пр.) и новых типов дискурсивных практик (рекламный дискурс, специализированный медицинский дискурс, обиходно-разговорный дискурс, неформальная интернет-коммуникация и т. д.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2-х томах / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Т. I : А–О. — 1088 с. — ISBN 5-200-02802-7.

2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.06.2024).

3. СРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х томах / Академия наук СССР, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. I : А—Й. — 1985. — 696 с.

4. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965. — Т. IV : Ж—З. — 1955. — 1364 стлб.

5. ТСРЯ — *Толковый словарь* русского языка : в 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : ОГИЗ «Советская энциклопедия», 1935. — Т. I. — 1566 стлб.

Литература

1. Абсаматова Э. А. Репрезентативы концептов «здоровье» и «болезнь» в английском и русском языках / Э. А. Абсаматова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2023. — Т. 23. — № 10. — С. 51—58. — DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-10-51-58.

2. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1977. — 318 с.

3. Ганиева Р. Р. Синтаксические особенности пословиц и поговорок со структурой сложного предложения, характеризующих болезнь — здоровье, в английском и русском языках / Р. Р. Ганиева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 7 (441). — С. 34—38. — DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10705.

4. Иссерс О. С. Диалог с потребителем в эпоху медиатизации : ответы на отзывы о медицинских услугах в условиях интернет-коммуникации / О. С. Иссерс // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 43—54. — DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-43-54.

5. Клушина Н. И. Медиастилистика : Монография / Н. И. Клушина. — Москва : Флинта-Наука, 2019. — 280 с. — ISBN 978-5-9765-3899-3.

6. Ковалева С. В. Специфика представления концептуальной зоны *здоровье* в текстах народных заговоров / С. В. Ковалева // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 7 (43). — С. 78—91. — DOI: 10.18454/RULB.2023.43.15.

7. Королькова А. С. Лексические средства концептуализации здорового образа жизни в современных молодёжных СМИ / А. С. Королькова // Мир русского слова. — 2021. — № 3. — С. 2—11. — DOI: 10.24412/1811-1629-2021-3-32-41.

8. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 472 с. — ISBN 5-9551-0022-9.

9. Маринова Е. В. Здоровые и нездоровые в современном дискурсе / Е. В. Маринова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2014. — № 2 (2). — С. 344—351.

10. *Новые тенденции* в русском языке начала XXI века : коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. — Москва : Флинта ; Наука, 2016. — 304 с.

11. Орлова Т. Г. Отражение лингвокультурных коннотаций в английских и русских пословицах о здоровье и здоровом образе жизни на основе сопоставительного структурно-семантического анализа / Т. Г. Орлова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 110—119.

12. Пушкина К. В. Сравнительно-сопоставительный анализ концепта «здоровье» в английских, русских и чувашских пословицах / К. В. Пушкина, Т. С. Игнатьева // Филология : научные исследования. — 2021. — № 9. — С. 45—58. — DOI: 10.7256/2454-0749.2021.9.34343.

13. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение концепта ЗДОРОВЬЕ в современных отечественных дискурсивных практиках (на материале газетных корпусов) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 128—153. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153.

14. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 170—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.

15. Русский язык в интернет-коммуникации : лингвокогнитивный и прагматический аспекты : Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. — Москва : Флинта, 2021. — 328 с. — ISBN 978-5-9765-4454-3.

16. Сюецзяо Ван. Репрезентация концепта «здоровье» / 健康 в русской и китайской лингвокультуре : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.8 / Ван Сюецзяо. — Уфа, 2024. — 188 с.

17. Сюецзяо Ван. Сравнительный анализ концепта «здоровье» / «健康» в китайском и русском языках / Ван Сюецзяо, Ф. Г. Фаткуллина // Российский гуманитарный журнал. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 428—434. — DOI: 10.15643/libartus-2022.6.3.

18. Троян С. В. Синонимический ряд «здоровый» : о смыслах, входящих в концепт «здоровье» / С. В. Троян // Гуманитарные исследования. — 2014. — № 2 (3). — С. 48—50.

19. Троян С. В. Концептуальная оппозиция *больной* — *здоровый* как векторный скалярно-антонимический комплекс (в лексико-фразеологическом фонде русского языка и текстах региональных СМИ) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. В. Троян. — Омск, 2017. — 183 с.

20. Усачева А. Н. Здоровье / А. Н. Усачева // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. 1. — С. 110—118.

21. Цветова Н. С. Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики / Н. С. Цветова // Медиалингвистика. — 2020. — № 7. — С. 280—292. — DOI: 10.21638/spbu22.2020.301.

22. Чайко Н. Н. Концепт *здоровье* и его репрезентация в паремиях немецкого и французского языков / Н. Н. Чайко, М. В. Муриева // Современные исследования социальных проблем. — 2021. — № 13 (2). — С. 179—189. — DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189.

23. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы : необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 2. — С. 31—37.

24. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы : монография / В. Е. Чернявская, М. В. Хохлова. — Москва : URSS, 2024. — 224 с. — ISBN 978-5-00237-062-7.

25. Шмелева Т. В. Тезаурус болезни. Русско-польские параллели / Т. В. Шмелева // Studia Litteraria Polono-Slavica, 6 : Morbus, medicamentum et sanus. — Warszawa : Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2001. — Pp. 13—33.

26. Facchinetti R. News discourse and the dissemination of knowledge and perspective : From print and monomodal to digital and multisemiotic / R. Facchinetti // Journal of Pragmatics. — 2021. — Vol. 175. — Pp. 195—206. — DOI: 10.1016/j.pragma.2021.01.015.

27. Jones L. Developments in Health Communication in the 21st Century / L. Jones, B. Watson // Journal of Language and Social Psychology. — 2012. — № 31 (4). — Pp. 415—436. — DOI: 10.1177/0261927X12446612.

28. Noveck I. *Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science* / I. Noveck. — Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021. — 282 p.
29. O'Hair H. D. *Health Communication in the 21st Century*. — 2nd Ed. / H. D. O'Hair, K. B. Wright, L. Sparks. — Hoboken, New Jersey : Wiley-Blackwell, 2012. — 360 p.
30. Scarantino A. *How to Do Things with Emotional Expressions : The Theory of Affective Pragmatics* / A. Scarantino // *Psychological Inquiry*. — 2017. — № 28 (2—3). — Pp. 65—185. — DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.

*Статья поступила в редакцию 21.08.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 20.12.2025.*

Material resources

- Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language: explanatory and word-formation: in 2 volumes, 1*. Moscow: Russian Language Publ. 1088 p. ISBN 5-200-02802-7. (In Russ.).
- NKRR — *National Corpus of the Russian Language*. Available at: <http://ruscorpora.ru>. (accessed 06/20/2024). (In Russ.).
- SRYA — Evgenieva, A. P. (ed.). (1985). *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 2*. Moscow: Russian Language. 696 p. (In Russ.).
- The SSRLYA — *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes, 2*. (1955). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1364 stlb. (In Russ.).
- TSRYA — Ushakov, D. N. (ed.). (1935). *Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 1*. Moscow: OGIZ “Soviet Encyclopedia”. 1566 stlb. (In Russ.).

References

- Absamatova, E. A. (2023). Representations of the concepts “health” and “disease” in English and Russian. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 23 (10): 51—58. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-10-51-58. (In Russ.).
- Chaiko, N. N. (2021). The concept of health and its representation in the parodies of German and French. *Modern research on social problems*, 13 (2): 179—189. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2018). Discursive analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 31—37. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E., Khokhlova, M. V. (2024). *Discursive text analysis and corpus methods: a monograph*. Moscow: URSS. 224 p. ISBN 978-5-00237-062-7. (In Russ.).
- Facchinetti, R. (2021). News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic. *Journal of Pragmatics*, 175: 195—206. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.01.015.
- Ganieva, R. R. (2020). Syntactic features of proverbs and sayings with a complex sentence structure characterizing illness and health in English and Russian. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 7 (441): 34—38. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10705. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2023). Dialogue with the consumer in the era of mediatization: responses to reviews of medical services in the context of Internet communication. *Actual prob-*

- lems of philology and pedagogical linguistics*, 2: 43—54. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-43-54. (In Russ.).
- Jones, L. (2012). Developments in Health Communication in the 21st Century. *Journal of Language and Social Psychology*, 31 (4): 415—436. DOI: 10.1177/0261927X12446612.
- Klushina, N. I. (2019). *Media Journalism: A Monograph*. Moscow: Flinta-Nauka. 280 p. ISBN 978-5-9765-3899-3. (In Russ.).
- Korolkova, A. S. (2021). Lexical means of conceptualizing a healthy lifestyle in modern youth media. *The world of the Russian word*, 3: 2—11. DOI: 10.24412/1811-1629-2021-3-32-41. (In Russ.).
- Kovaleva, S. V. (2023). The specifics of representing the conceptual zone of health in the texts of folk conspiracies. *Russian Linguistic Bulletin*, 7 (43): 78—91. DOI: 10.18454/RULB.2023.43.15. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2004). *Types of derived meanings and mechanisms of linguistic expansion*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 472 p. ISBN 5-9551-0022-9. (In Russ.).
- Marinova, E. V. (2014). Healthy and unhealthy in modern discourse. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, 2 (2): 344—351. (In Russ.).
- Noveck, I. (2021). *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK: Cambridge University Press. 282 p.
- O'Hair, H. D., Sparks, L. (2012). *Health Communication in the 21st Century. 2nd Ed.* Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell. 360 p.
- Orlova, T. G. (2022). Reflection of linguistic and cultural connotations in English and Russian proverbs about health and a healthy lifestyle based on comparative structural and semantic analysis. The world of science. *Sociology, philology, cultural studies*, 13 (3): 110—119. (In Russ.).
- Pushkina, K. V. (2021). Comparative analysis of the concept of “health” in English, Russian and Chuvash proverbs. *Philology: scientific research*, 9: 45—58. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.9.34343. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2023). Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme ‘po-khoroshemu’). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 170—189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189>. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2024). Linguistic embodiment of the concept of HEALTH in modern domestic discursive practices (based on the material of newspaper cases). *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 128—153. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153>. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2016). *New trends in the Russian language of the beginning of the 21st century: collective. Monograph*. Moscow: Flinta; Nauka Publ. 304 p. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2021). *Russian language in Internet communication: linguistic, cognitive and pragmatic aspects: Collective monograph*. Moscow: Flint. 328 p. ISBN 978-5-9765-4454-3. (In Russ.).
- Scarantino, A. (2017). How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics. *Psychological Inquiry*, 28 (2—3): 65—185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
- Shmeleva, T. V. (2001). Thesaurus of the disease. Russian-Polish parallels. In: *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6: *Morbus, medicamentum et sanus*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. 13—33. (In Pol.).

- Troyan, S. V. (2014). Synonymic series “healthy”: about the meanings included in the concept of “health”. *Humanitarian Studies*, 2 (3): 48—50. (In Russ.).
- Troyan, S. V. (2017). *The conceptual opposition of the sick and healthy as a vector scalar-antonymic complex (in the lexical and phraseological fund of the Russian language and texts of regional mass media)*. PhD Diss. Omsk. 183 p. (In Russ.).
- Tsvetova, N. S. (2020). Criticism of media speech as a vector of development of media linguistics. *Media linguistics*, 7: 280—292. DOI: 10.21638/spbu22.2020.301. (In Russ.).
- Usacheva, A. N. (2005). Health. In: *Anthology of concepts, 1*. Volgograd: Paradigma Publ. 110—118. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1977). *Lexicology and lexicography: Selected works*. Moscow: Nauka Publ. 318 p. (In Russ.).
- Xuejiao Wang. (2024). *Representation of the concept of “health” / 健康 in Russian and Chinese linguoculture*. PhD Diss. Ufa. 188 p. (In Russ.).
- Xuejiao Wang., Fatkullina, F. G. (2022). Comparative analysis of the concept of “health” / “健康” in Chinese and Russian. *Russian Humanitarian Journal*, 11 (6): 428—434. DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.3. (In Russ.).

*The article was submitted 21.08.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 20.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Радионцева Е. С. Медиаэстетические приемы в репрезентации концепции интернет-издания «Лента.ру» / Е. С. Радионцева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 273—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-273-289.

Radiontseva, E. S. (2025). Media-Aesthetic Techniques in Representation of Lenta.ru Online Publication's Concept. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 273-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-273-289. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Медиаэстетические приемы в репрезентации концепции интернет- издания «Лента.ру»

Радионцева Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2248-198X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра «История, философия
и социальные коммуникации»
rakaty@yandex.ru

Омский государственный
технический университет
(Омск, Россия)

Media-Aesthetic Techniques in Representation of Lenta.ru Online Publication's Concept

Ekaterina S. Radiontseva
orcid.org/0000-0002-2248-198X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Philosophy
and Social Communication
rakaty@yandex.ru

Omsk State
Technical University
(Omsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования — выявить медиаэстетические приемы развлекательного концепта общественно-политического издания «Лента.ру». В фокусе внимания находятся приемы развлекательного характера, детерминированные интеракцией посредством технического компонента, погружающего реципиента в эмоционально-чувственную среду. Исследование показало, что ядро медиаэстетического поля развлекательного концепта «Лента.ру» сформировано с помощью ряда приемов. Утверждается, что опция «Лента добра» в качестве фильтра, воздействующего на картину мира реципиента, раскрывает позицию медиа по отношению к разным системам ценностей, что демонстрирует диалогичность и открытый характер издания. Отмечается, что мини-игры, внедренные в контент «Ленты», выполняют функцию снятия напряжения, развлечения и релаксации. Подчеркивается, что такие спецпроекты, как лонгриды с текстами и инфографикой, открытой сюжетной линией, погружают читателя в мир культурно-просветительской эстетики. Показано, что медиаэстетические приемы, реализующие развлекательный концепт издания «Лента.ру», способствуют переосмыслению роли общественно-политического издания в жизни реципиента, свидетельствуют о признании разнообразных потребностей личности. Сделан вывод, что развлекательные приемы имеют глубокую смысловую нагрузку и коррелируют с типологической направленностью издания.

Ключевые слова:

медиаэстетика; эстетика коммуникации; цифровые издания; развлекательный контент; медиапотребление.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the study is to identify media aesthetic techniques in the representation of the concept of the socio-political publication "Lenta.ru." The focus lies on interactive methods that contribute to an emotionally engaging experience for recipients through technical components. It was found that a range of techniques shape the core of the media-aesthetic field within the entertainment concept of "Lenta.ru." Specifically, the option of the "Good News Feed" as a filter influencing readers' perceptions reveals the publication's stance toward diverse value systems, highlighting its dialogical and open nature. Additionally, mini-games integrated into content serve to alleviate tension, entertain, and relax users. Furthermore, special projects such as long-form articles with texts, infographics, and open narrative lines immerse readers in a culturally educational aesthetic environment. This research demonstrates how these media-aesthetic techniques redefine the role of a socio-political publication in the lives of its audience, recognizing varied individual needs. It concludes that entertainment strategies carry significant meaning and align closely with the typological orientation of the publication.

Key words:

media aesthetics; communication aesthetics; digital publications; entertaining content; media consumption

УДК 070:004.738.5+659.04:316.77

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-273-289

Научная специальность ВАК

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиаэстетические приемы в репрезентации концепции интернет-издания «Лента.ру»

© Радионцева Е. С., 2025

1. Введение = Introduction

Изучение концепции медиа помогает раскрыть различные аспекты функционирования медиапространства, показать степень его влияния на социальную практику, выявить смысловую нагрузку и уникальные практики, обогащающие медиамир.

В фокусе нашего внимания — общественно-политическое издание «Лента.ру» с традиционно высоким импакт-фактором. «Лента.ру» появилось в 1999 году и стало одним из первых в Рунете изданий с четкой структурой, концепцией и постоянным штатом журналистов; изначально позиционировало себя как общественно-политическое издание. Согласно данным аналитического цифрового сервиса «Симиларвеб», рейтинг издания в нишевой категории входит в ТОП-4 с общей суммой посещений (версия для ПК и мобильной версии) за последний месяц — 87,9 М (дата обращения: 31.07.2025). По количеству визитов ресурс сопоставим с rbc.ru, ria.ru, gazeta.ru.

Несмотря на типологическую обусловленность и нишевую специализацию, общественно-политическое издание «Лента.ру» органично внедряет в свою концепцию уникальный контент, в том числе развлекательного характера, что позволяет медиа быть сбалансированным с точки зрения потребностей аудитории.

О гармонии составляющих в медиа еще в прошлом столетии говорил французский ученый Абраам Андре Мольт (1920—1992), размышляя о разграничении двух видов информации — семантической и эстетической. Он отметил, что «...сообщения, содержащие чисто семантическую (прагматическую или утилитарную. — *Е. Р.*) или чисто эстетическую информацию, — это лишь предельные случаи, диалектические полюсы. Каждое реальное сообщение содержит сильно перемешанные части того и другого» [Мольт, 1966, с. 206]. Это суждение в полной мере применимо к концепции любого медиа независимо от его типологической специфики.

«Лента.ру» — объект пристального и системного исследовательского внимания, а вот предмет анализа чаще всего сводится к его жанровой специфике [Колесниченко, 2018], приемам организации текста [Арчакова, 2023; Ерицян, 2022] и речевым практикам издания [Зауэр, 2019]. Цель нашего исследования — выявить смысловые доминанты в концепции «Лента.ру», позволяющие проекту позиционировать себя как уникальное издание; показать, как они коррелируют с типологической направленностью медиа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным методологическим приемом в исследовании стал медиаэстетический подход. Частными методами выступают анализ ресурса средствами веб-аналитики, позволяющими выявить трафик медиа, специфику аудитории и ее количественный состав, конкурентов. Сравнительно-сопоставительный метод применялся при анализе конкурентов и позволил выявить приемы и практики «Лента.ру», детерминированные как уникальные. Осмысление конкретного приема проходило на основе абдуктивного подхода с опорой на метод проспекции в призме медиаэстетики. Логика репрезентации результатов связана с технологией погружения реципиента в структуру медиа.

История становления понятия «медиаэстетика» восходит к трудам Вальтера Беньямина (1892—1940), немецкого философа, эстетика. В своей статье «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [Беньямин, 2012] автор заявляет, что произведения искусства лишаются особой ауры в эпоху технической воспроизводимости; сущностное свойство искусства, фиксирующееся в подлинности, оригинальности, уникальности, утрачивается; место культурной и ритуальной функции в произведениях искусства заняли политическая и экспозиционная функции. Современное искусство развлекает, в то время как более раннее искусство требовало от реципиента концентрации и погружения.

В трудах В. Беньямина были осмыслены эстетические основы медиа. Он утверждал, что от них — их практик и техники — зависит восприятие информации. В фокусе его внимания были фильмы, радио и фотографии как передовые медиаинструменты той эпохи. Он одним из первых обратил внимание на изменения в способах художественного производства, вызванных новым средством — репродукцией, а точнее — развитием техники.

Следует упомянуть, что, не оспаривая значимости вклада В. Беньямина в развитие медиаэстетического направления, профессор М. В. Загидуллина в одном из своих трудов доказывает, что истинным основоположником этого направления следует считать И. Канта [Загидуллина, 2022].

Интерес к теме медиаэстетики был продолжен Томасом Митчеллом (род. в 1942 году), американским теоретиком медиа, а потом в трудах Льва Мановича (род. в 1960 году), в частности в его работе «Теории софт-культуры» [Манович, 2017]. Труды широко известны мировой научной общественности, что подтверждает их рейтинг в разных базах цитирования. В статье «Foreword Media aesthetics» [Mitchell, 2013] Т. Митчелл подчеркивает, что медиаэстетическое не совпадает с понятием «эстетического, перемещенного в медиа», а представляет собой особый компонент современной коммуникации, строящийся на постоянном взаимодействии человека и машины» [Mitchell, 2013, с. 18]. Л. Манович тоже исследует эту идею и приходит к выводу, что информационное поведение человека детерминировано софтом (software), или программным обеспечением.

В актуальном зарубежном дискурсе в отдельный тематический блок группируются статьи, связанные с осмыслением влияния технологий социальных медиа на индустрию красоты [Seetan et al., 2025; Gasparello et al., 2025; Rahman et al., 2024; Freire et al., 2024]. Ни одна из этих работ не обращается к «медиаэстетическому домену» напрямую, однако следует обратить на подобные материалы внимание, поскольку их количество становится все больше, а осмысляемые аспекты — разнообразнее.

Значимым остается медиаэстетический подход в разных тематических дискурсах: туристском [Teli Xian et al., 2025; Cuesta-Valiño et al. 2023], визуальном [Lee, 2023; Phil Longstreet et al., 2023], в сфере культурных практик [Melissa et al., 2023].

В России интерес к вопросам медиаэстетики ярко обозначился в период активного развития цифровых платформ. В открытой российской научной библиотеке elibrary.ru по поисковому запросу «медиаэстетика» высвечивается 217 позиций (дата обращения: 26.06.2025), однако, как показал качественный контент-анализ, строго релевантными являются ровно 100 научных текстов. С 2020 года по указанному направлению защищено два диссертационных исследования [Симакова, 2021; Медведева, 2021], регулярно выходят публикации, выпускаются соответствующие сборники [Медиаискусство, 2023].

Комплексное осмысление медиаэстетических аспектов в отечественном научном дискурсе представлено в коллективных монографиях. Так, в труде «Эстетика журналистики» под редакцией профессора Санкт-Петербургского государственного университета М. А. Бережной [Эстетика ..., 2018] очерчена проблемно-тематическая область исследуемого поля; авторы показывают, как меняется характер эстетического воздействия журналистики на аудиторию; в работе представлены примеры эстетического осмысления времени, личности, процессов и проблем в разных жур-

налистских формах и жанрах. Объект исследования вписан в пространство журналистики.

Более широкий подход, позволяющий осмыслить категорию эстетики в медиакommunikационном пространстве современности, прослеживается в монографии «Медиаэстетический компонент современной коммуникации» под редакцией профессоров М. В. Загидуллиной и А. К. Киклевича [Медиаэстетический компонент ..., 2020], в которой авторы поднимают широкий круг вопросов, связанных с трансграничностью эстетики, перемещением ее в повседневную коммуникацию, с развитием технологий, обеспечивающих мультимедийные формы коммуникации пользователей.

Медиаэстетика направлена на изучение эстетического содержания искусства с учетом пересмотра классических эстетических теорий и предполагает формирование чувственного восприятия контента, детерминированного технологической средой. «Медиаэстетика направляет внимание на сущностные черты восприятия, предопределяемые технологически» [Медиаэстетический компонент ..., 2020, с. 15]. Она «сосредоточена на особенностях восприятия и считывания смыслов в условиях мультисенсорной коммуникации, обуславливающей задействование разных органов чувств и создающей условия для развития поликодовых моделей коммуникации» [Медиаэстетический компонент ..., 2020, с. 14—15].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Концептуализация двойственности медиареальности в проекте «Лента добра»: медиаэстетическая стратегия издания в конструировании комфортных моделей реальности

Активное внедрение интерактивности в концепцию издания «Лента.ру» начинается в 2018 году, когда на главной странице сайта появился элемент интерфейса, позволяющий активировать «Ленту добра» — фильтр, представляющий материалы с нейтральной или положительной оценочностью. *«Каждый день на «Ленте.ру» выходят сотни материалов. И далеко не все они дарят заряд позитива. Ничего не поделаешь — современный мир полон неприятных, но важных новостей. Войны, курс рубля, санкции, громкие преступления и человеческие трагедии — все это явно не прибавляет оптимизма ни нашим читателям, ни нам самим. Именно поэтому мы запустили раздел «Лента добра», где живут только позитивные материалы. Чтобы отдохнуть от насилия, нестабильной международной обстановки и политики, достаточно нажать специальный тумблер в боковом меню. Удачного путешествия в мир добра и позитива»,* — информация была размещена на сайте 15 октября 2018 года в новостной ленте издания. Материал представлен до сих пор,

комментарии к нему сейчас закрыты, что не позволяет увидеть, как оценила новацию аудитория.

«Лента добра» — это, если пользоваться словами В. Д. Мансуровой, особая «картина мира». «<...> человек изображает мир как картину, понимает мир как картину, да и сам мир превращается для него в картину, которую и надо покорить, чтобы самоопределиться в процессах своего существования», — образно пишет исследователь, подчеркивая обусловленность картины мира социальным детерминированием [Мансурова, 2002, с. 39].

Соотносится ли картина мира, конструируемая медиа, с реальностью? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. В традиционном или естественно-научном понимании реальность — «совокупность всего материального вокруг нас, окружающий мир, воспринимаемый нашими органами чувств и независимый от нашего сознания. В XX веке такое понимание реальности не проходит даже с естественно-научной точки зрения...», — пишет исследователь В. П. Руднев накануне наступления XXI столетия [Руднев, 1999, с. 255]; «<...> текст не отображает реальность, а творит новую, вернее даже много реальностей, часто независимых друг от друга» [Там же, с. 222—223].

В репрезентируемых картинах мира медиа предстают миры, порой далекие от реального бытия человека. СМИ становятся «средствами поведенческой, языковой, мыслительной и личностной самоорганизации. Это — тоже реальности, по стечению обстоятельств бытия человека в мире. Не менее важные для него, чем состояния вещной или природной среды. Эффект коммуникационной деятельности в журналистике как раз и заключается в том, что создаются реальности, схематизирующие различные модусы бытия человека и окружающей его действительности» [Мансурова, 2002, с. 60].

Применительно к нашему случаю можно констатировать, что «Лента.ру» продуцирует, в отличие от остальных российских медиа, сразу две плоскости реальности, детерминированные противопоставлением оценочной информации. Благодаря тумблеру «Лента добра» — фильтру, размещенному на хедере сайта, позволяющему пользователю выбрать такой режим представления материалов, когда читателю предлагается автоматическая выборка только новостных публикаций с нейтральной или положительной оценочностью, — издание репрезентирует две реальности. За креативным решением, изначально воспринимаемым как развлекательное, видится забота о мировоззрении и мировосприятии аудитории, среди которой немало алармистов.

На основании мировоззрения человек формирует личную систему ценностей и идеалы. Процесс познания и понимания природы и сущности бы-

тия предполагает внимательное наблюдение за окружающим миром и не связан с навязанными извне штампами. Акцентирование внимания издания «Лента.ру» на внутреннем состоянии личности читателя подчеркивает осознанное стремление поддерживать атмосферу доверия и спокойствия среди аудитории, избегая провокаций излишней тревожности. Человек в цифровом обществе все чаще испытывает усталость от большого потока информации вообще, негативной в частности. Формируется запрос пользователей на защиту от информации негативного оценочного регистра. Чуткая по отношению к ценностям реципиента «Лента.ру» внедряет инструментальный ответ на этот запрос в свою концепцию. Нельзя не отметить этичное позиционирование издания, направленное на минимизацию негативных эмоций и повышение уровня комфорта восприятия материалов. Не случайно А. Н. Гамолин пишет, что «<...> “Лента” довольно чутка к интересам аудитории и, судя по характеру публикаций, в первую очередь стремится удовлетворить запросы читателей» [Гамолин, 2023, с. 78].

Демонстрируемое интернет-изданием уважение к запросам, ценностям и убеждениям своих читателей выражается в признании многообразия мнений, развитии диалога и способности занимать объективную позицию, соответствующую взглядам адресата коммуникации. Оно также связано с понятием толерантности, раскрывающимся в терпимом отношении к иным взглядам, образу жизни, культуре и ценностным ориентирам.

К сожалению, открытых аналитических данных о доле аудитории, которая пользуется опцией «Лента добра», нет, однако подобно тому, как ученые-медики уделяют все больше внимания орфанным заболеваниям, признавая, что даже редчайшая по распространенности патология должна быть нивелирована, «Лента.ру» демонстрирует заботу о внутреннем мире немногочисленной аудитории (возможно). Это позволяет «Ленте» расширять свою аудиторию и формировать широкий трафик.

Таким образом, медиаэстетический подход позволил не только выявить уникальность медиаэстетического решения издания, но и показать концептуальное отношение медиа к осмыслению моделируемой реальности, основанное на признании ценностей аудитории, толерантности и диалогичности.

3.2. Геймифицированный аспект «Ленты.ру»

Согласно информации качественных российских СМИ, в 2023 году «Лента» интегрировала в своей контент игры. Сегодня ссылка на них представлена в хедере сайта мобильной версии и на десктопе, а также внутри раздела меню — «Мини-игры».

В структуре разделов «Мини-игры» представлены практически в самом конце, что указывает на их роль в издании. Раздел открывается анон-

сом: «*В приступе ностальгии по бумажным газетам с непременно кроссвордом на последней странице мы подумали: а почему бы и на «Лента.ру» не сделать раздел с играми? И сделали!»* Таким образом «Лента.ру» признает, что прием, именуемый в терминологии цифровой реальности **геймификацией**, имеет давние традиции существования, ведущие начало от кроссвордов, предлагаемых в бумажных печатных изданиях.

Впервые кроссворд был опубликован в журнале «Огонек» в 1936 году. Кроссворды и другие виды игр выполняли функции развлечения и релаксации. Вспомним, что в традиционной печати игровых приемов и практик было немало: помимо классических кроссвордов, были представлены сканворды, филворды, кейворды и т. д. Всевозможные виды головоломок использовались не только в качестве развлечения; они являлись стимулом для поиска информации, расширения кругозора, служили импульсом для межличностного общения. Кроссворд стал предтечей не только современных видеоигр, но и брейн-фитнеса — индустрии системных тренировок памяти, снятия стресса, профилактики (по рекомендациям врачей) болезни Альцгеймера, просто развлекательных элементов. Кроссворд оказался не только одной из игр-долгожителей, но и игрой-трансформером.

На сайте «Ленты» представлены различные мини-игры: «Части целого», задача которой — собрать карту России из фрагментов; «КОД-строуктор» — преобразовать жизненные ситуации в понятные алгоритмы; «А где это?» — поболтать с семьей и угадать места, иллюстрации которых представлены в игре; «Верните мой ... год» — в честь дня рождения Рунета вспомнить старые мемы и расставить их в правильном порядке.

В тематике игр прослеживается общий посыл — быть интересной разной аудитории: по возрасту, ценностям, семейному положению и прочим параметрам. Все игры доступны прямо на страницах интернет-издания. Они достаточно простые, с лаконичным интерфейсом и правилами, не требующими серьезной когнитивной нагрузки.

Для любого издания внедрение игры в свой контент позволяет удерживать внимание аудитории, повысить вовлеченность читателей, что важно в условиях высокой конкуренции СМИ. Для общественно-политического издания существуют определенные репутационные риски, связанные со слабой совместимостью концептов «осмысление» и «развлечение». «Лента.ру» снизила градус рисков тщательным подбором продуктовой линейки, тематически соответствующей концепции издания. Она показала, что игры представлены исключительно как возможность переключения внимания с высокой плотности информационного потока на легкий, не провоцирующий увеличение когнитивной нагрузки контент, направленный на снятие напряжения и развлечение.

Психологи считают, что переключение внимания — важный элемент психической устойчивости человека и его эмоционального благополучия. Высокая сосредоточенность на одной задаче может спровоцировать стресс, ощущение подавленности и утомления, а в дальнейшем эмоциональный срыв. Переключение внимания — способ позаботиться о своем психологическом спокойствии. Медиа, предоставляющие такую возможность, ассоциируются с заботой и вниманием по отношению к психоэмоциональному состоянию реципиента.

Игра привлекает человека новыми ощущениями, безопасностью пространства для ошибок, релаксацией. И хотя все больше внимание исследователей сосредоточено на аффективной природе видеоигр [Деникин, 2023; Осин, 2019], в целом ученые признают, что в разумных количествах и в сочетании с другими видами деятельности они полезны.

Видеоигры — предмет пристального исследовательского внимания в лингвистике, философии, психологии, медиакоммуникациях. СМИ, активно осмысляющие тренды в видеоиграх, представляющие новинки индустрии и аналитику геймификации, не стремятся пока внедрять их в свой контент. В рамках нашего исследования мы не будем останавливаться на причинах этого явления, скажем лишь, что среди конкурентов «Ленты», зафиксированных платформой «Симиларвеб», подобного не обнаружено.

Параллельно с геймификацией «Лента.ру» в 2018 году внедрила еще один интерактивный инструмент — она добавила возможность оставлять на материалах сайта «реакцию» с помощью эмодзи. Чтобы эмоции передавали ощущение момента и были актуальными, панель реакции доступна в течение недели после публикации контента. Эта опция, в отличие от остальных, сегодня широко распространена в медиасистеме и не предполагает высокой степени погружения в виртуальную среду, она представляет собой элемент диалогического приема, что позволяет ее маркировать как элемент периферийного поля медиаэстетики.

3.3. Культурно-просветительский сторителлинг в репрезентации издания

Отдельные медиаэстетические инструменты — тесты, интерактивные переходы в сюжетные линии, эксперименты, конкурсы — представлены в разделе медиатекстов «Лента.ру» — «Спецпроекты». Он содержит мультимедийные лонгриды-сторителлинги на разные темы и в разных формах.

Лонгриды «Лента.ру» неоднократно становились предметами внимания исследователей: анализировались как их жанровые особенности, структура, форма [Колесниченко, 2022], так и востребованность [Колесниченко, 2018] и т. д.

Материал «Имеешь право. Миллионы россиян имеют право на деньги и помощь государства, но не знают об этом. Что вы на самом деле можете получить?» представляет собой инфографику — структурированную в карточках информацию по теме. В материал вписан социальный калькулятор, куда можно ввести свои обобщенные данные и получить персонализированную информацию о своей ситуации.

Публикация «Что делать? Простые советы, как жить в новой реальности, сохранив здоровье, деньги и позитивный настрой» — многостраничный лонгрид, предполагающий осмысление проблемных ситуаций в 6 аспектах: «Что делать со стрессом; с деньгами; с семейным бюджетом; с негативом вокруг; с отпуском; с уходом компаний из России?» Каждый вариант предполагает переход на материалы «Ленты» с выбором тем и форматов («видео» / «читать»).

Тематическая доминанта раздела не поддается однозначной интерпретации; есть и актуальные темы, и исторические; представлено осмысление отечественных и зарубежных ситуаций; благотворительных концепций и коммерческих инициатив. В многообразии тем обращает на себя внимание тематика «ностальгия» с культурно-просветительским подтекстом. Она репрезентирована в следующих материалах: «Разведчики, изменившие историю. Как российские спецслужбы стали кошмаром для стран НАТО и изменили мировую историю»; «Мифы о России. Страна шпионов, царей и олигархов: кому выгодны байки о России?», «Откат 2000. Какой была Россия 20 лет назад»; «Эпоха лидеров. Эти политики вошли в историю XX века. Как они провели свои государства к процветанию через войны и кризисы» и т. д.

Лонгриды связаны с репрезентацией мультимодальной информации. Мультимодальность, как и интерактивность, встречается во всех разделах «Лента.ру». Современное цифровое издание не может производить качественный контент без учета этих приемов.

Таким образом, мультимодальный раздел «Спецпроекты» ориентирован на знакомство реципиентов с аналитическими и публицистическими материалами культурно-просветительского характера на актуальные и исторические темы. В легкой, выразительной форме представлен набор фактов, ведущих читателя по сюжетной канве повествования, оформленных в историю, часто с открытой фабулой. Материалы раздела ассоциируются с полимаршрутным текстовым лабиринтом. За незатейливым с точки зрения восприятия форматом видится забота о читателе — эстетике его досуга, культуре и времяпрепровождению. В широте тематики и разнообразии форматов прослеживается трансляция определенного отношения к читателю, его ценностям, потребностям и пристрастиям. За формой, тя-

готовящей к развлекательному контенту, запечатлен материал, способный оказать идеологическое влияние.

4. Заключение = Conclusions

Исследование показало, что концепция общественно-политического издания может быть органично вписана в актуальную повестку дня, связанную с освещением политической, экономической, культурной жизни страны. Медиаэстетический подход позволил выявить основные смыслы интеракций, детерминированные техническими решениями, показать, какие идеи транслируют приемы.

В ходе анализа были обозначены три основных точки бифуркации в медиаэстетическом поле контента издания: «Лента добра», геймифицированные решения и спецпроекты (рис. 1).

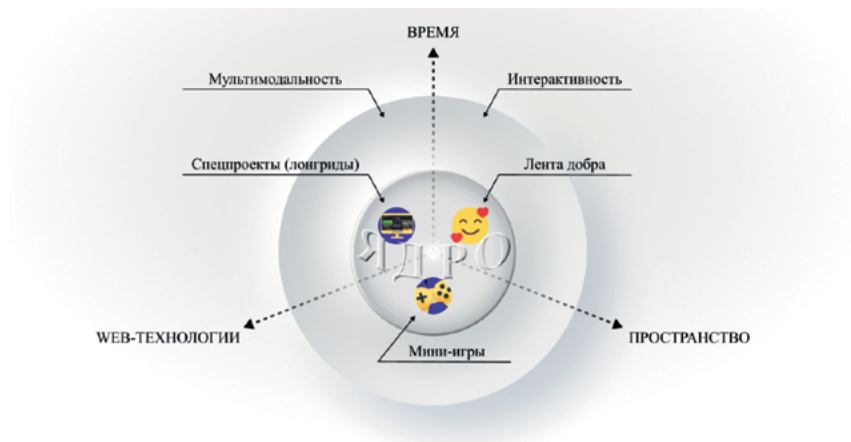

Рис. 1. Медиаэстетические приемы в репрезентации концепции «Лента.ру»: ядро и периферия

Fig. 1. Media-aesthetic techniques in representing the Lenta.ru concept: core and periphery

«Лента добра» — опция на главной странице сайта с элементом интерфейса, позволяющим активировать материалы с нейтральной или положительной оценочностью. В нем видится диалогическое начало издания.

Прием геймификации зачастую остается невостребованным в рамках концепций общественно-политических изданий. Однако «Лента.ру» интегрировала игровые элементы в структуру собственного контента, обеспечивая таким образом снижение психологической нагрузки, отвлечение внимания и релаксацию читателей без утраты контакта с аудито-

рий. Игры — фокус смещения внимания, пространство для совершения безопасных ошибок, зона релаксации и развлечений. За внедрением игр стоит забота «Ленты» о психоэмоциональной разгрузке собеседника после длительного и напряженного восприятия общественно-политической информации.

В «Спецпроектах» «Ленты», построенных на игровых приемах и практиках, прослеживается культурно-просветительский характер издания. Его задача — в игровой форме, насыщенной диалогическими приемами, погрузить реципиента в атмосферу эстетики знаний. Форма лонгридов, в которой представлена информация, часто оригинальна и неповторима, не формирует привыкания к определенной организации информации. Она предполагает открытый сюжет и возможность выбора фабулы реципиентом.

Анализ концепции интернет-издания «Лента.ру» сквозь призму медиаэстетического подхода выявил ряд уникальных приёмов, отражающих глубинные смыслы взаимодействия медиа с аудиторией в условиях цифровой среды, базирующиеся, согласно нашей точке зрения, на принципах диалогичности и толерантности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Арчакова О. Б. Лонгрид как феномен мультимедийной журналистики / О. Б. Арчакова, Я. Я. Рыбай // Вестник АмГУ. — 2023. — Выпуск 102. — С. 89—92. — DOI: 10.22250/20730284_2023_102_89.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей / Пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой, Е. Павлова, А. Пензина, С. Ромашко, А. Рябовой, Б. Скуратова и И. Чубарова. — Москва : РГГУ, 2012. — С. 190—235.
3. Гамолин А. Н. Видеоигры как элемент медиаповестки (на примере изданий «Российская газета», «Лента.ру» и «Царьград») / А. Н. Гамолин // Современный дискурс-анализ. — 2023. — № 1 (32). — С. 75—82.
4. Деникин А. А. Аффективные коммуникации в современных медиаформатах (на примере видеоигр) / А. А. Деникин // Вестник культуры и искусств. — 2023. — № 4 (76). — С. 7—21.
5. Ерицяна А. Е. Формирование и тенденции развития новых жанров журналистики в интернет-СМИ / А. Е. Ерицяна // Вестник ВГУ. Серия : филология. Журналистика. — 2022. — № 1. — С. 111—113.
6. Загидуллина М. В. К вопросу о разделении «эстетического» и «медиаэстетического» / М. В. Загидуллина // Челябинский гуманитарий. — 2022. — № 1 (58). — С. 37—45. DOI: 10.47475/1999-5407-2022-10104.
7. Зауэр А. А. Речевые практики дискриминации в онлайн-газете «Лента.ру»: феминистский аспект / А. А. Зауэр // Ученые записки Новгородского государственного

университета имени Ярослава Мудрого. — 2019. — № 1 (19). — С. 1—3. — DOI: <https://doi.org/10.34680/9485-0187>.

8. Колесниченко А. В. Востребованность жанров журналистских текстов онлайн-овых СМИ / А. В. Колесниченко // Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2018. — № 1. — С. 26—42. — DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2018.2642.

9. Колесниченко А. В. Типология мультимедийных лонгридов / А. В. Колесниченко // Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2022. — № 4. — С. 3—20. — DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.320/

10. Медиаискусство — XXI век. Генезис, художественное пространство, вопросы образования. Материалы международной научной конференции 1—3 ноября 2022 г. / Ред.-сост. А. В. Сазиков. — Москва : Изд-во «Российский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова», 2023. — 456 с. — ISBN 978-5-87627-250-8.

11. Манович Л. Теории софт-культуры / Л. Манович. — Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017. — 208 с. — ISBN 978-5-9908655-2-5.

12. Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации : монография / В. Д. Мансурова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. — 237 с. — ISBN 5790402119.

13. Медведева А. Р. Медиаэстетические функции интерфейса в культурно-просветительской журналистике : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / А. Р. Медведева. — Екатеринбург, 2021. — 24 с.

14. Медиаэстетический компонент современной коммуникации : коллективная монография / Науч. ред. М. В. Загидуллина, А. К. Киклевич. — Челябинск : Челябинский филиал РАНХиГС, 2020. — 293 с. — ISBN 978-5-91970-091-3.

15. Моль А. А. Теория информации и эстетическое восприятие / А. А. Моль. — Москва : Мир, 1966. — 350 с.

16. Осин Р. В. Эмоциональная сфера людей, увлекающихся компьютерными играми / Р. В. Осин // Учебный эксперимент в образовании. — 2019. — № 1 (89). — С. 7—12.

17. Руднев В. П. словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. — Москва : АГРАФ, 1999. — 384 с.

18. Симакова С. И. Инфографика в журналистике : медиаэстетический код : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.10 / С. И. Симакова. — Екатеринбург, 2021. — 47 с.

19. Эстетика журналистики / А. И. Бельский [и др.] ; под ред. М. А. Бережной. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. — 252 с. — ISBN 978-5-907115-07-1.

20. Cuesta-Valiño P. The effects of the aesthetics and composition of hotels' digital photo images on online booking decisions / P. Cuesta-Valiño, S. Kazakov, P. Gutiérrez-Rodríguez // Humanit Soc Sci Commun. — 2023. — Vol. 10 59. — Pp. 47—51. — DOI: 10.1057/s41599-023-01529-w.

21. Gasparello G. G. The impact self-esteem towards the orthodontic issues in the social media : a cross-sectional study / G. G. Gasparello, M. J. Bark, S. L. Mota-Júnior // MC Oral Health. — 2025. — Vol. 25 (1). — P. 1003. — DOI: 10.1186/s12903-025-06290-x.

22. Freire Y. Social media impact on students' decision-making regarding aesthetic dental treatments based on cross-sectional survey data / Y. Freire, M. Gómez Sánchez, J. Sánchez Ituarte // Sci Rep. — 2024. — Vol. 14. — P. 21626. — DOI: 10.1038/s41598-024-72442-8

23. Lee D. K. L. Enjoying nature on Instagram : A moderated mediation model of photographic aesthetics, image manipulation, and environmental attitude / D. K. L. Lee //

Curr Psychol. — 2023. — Vol. 42. — Pp. 17231—17243. — DOI: 10.1007/s12144-022-02887-5.

24. Longstreet P. Towards an understanding of online visual aesthetics : An instantiation of the composition perspective / P. Longstreet, J. Valacich, J. Wells // *Technology in Society*. — 2021. — Volume 65. — P. 101536. — DOI: 10.1016/j.techsoc.2021.101536.

25. Melissa R. Psychology of aesthetics : Beauty, social media, and body dysmorphic disorder / R. Melissa, J. Laughter, B. Anderson, B. C. Mayra // *Clinics in Dermatology*. — 2023. — Volume 41. — Issue 1. — Pp. 28—32. — DOI: 10.1016/j.clindermatol.2023.03.002.

26. Mitchell W. J. T. Foreword Media Aesthetics / W. J. T. Mitchell // *Thinking Media Aesthetics Media Studies, Film Studies and the Arts* / ed. Liv. Hausken. — Berlin : Peter Lang, 2013. — Pp. 15—28.

27. Seetan K. The Effect of Social Media on the Decision to Have Aesthetics or Cosmetic Procedure : A Case-Control Study / K. Seetan, R. Y. Yassin, A. Khamees // *Aesth Plast Surg*. — 2025. — Vol. 49. — Pp. 1469—1477. — DOI: 10.1007/s00266-024-04470-8.

28. Rahman E. A Systematic Review on the Reinforcement Loop in Aesthetic Medicine and Surgery : The Interplay of Social Media, Self-Perception, and Repeat Procedures / E. Rahman, W. R. Webb // *Aesth Plast Surg*. — 2024. — Vol. 48. — Pp. 3475—3487. — DOI: 10.1007/s00266-024-04016-y.

29. Teli X. Visual rightness : Unveiling the impact of visual aesthetics on destination marketing effectiveness in travel vlogs with machine learning / X. Teli, Li. Xiaoman, Liao Chengcheng // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. — 2025. — P. 101299. — DOI: 10.1016/j.jhtm.2025.06.001.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025,
одобрена после рецензирования 17.11.2025,
подготовлена к публикации 20.12.2025.

References

- Archakova, O. B., Ya. Ya. Rybai. (2023). Longrid as a phenomenon of multimedia journalism. *Bulletin of AmSU*, 102: 89—92. DOI: 10.22250/20730284_2023_102_89. (In Russ.).
- Benjamin, V. A (2012). Work of art in the era of its technical reproducibility. In: *The doctrine of similarity. Media aesthetic works. Collection of articles*. Moscow: RGGU. 190—235. (In Russ.).
- Berezhnaya, M. A. (ed.). (2018). *Aesthetics of Journalism*. Saint Petersburg: Aleteya. 252 p. ISBN 978-5-907115-07-1. (In Russ.).
- Cuesta-Valiño, P., Kazakov, S., Gutiérrez-Rodríguez, P. (2023). The effects of the aesthetics and composition of hotels' digital photo images on online booking decisions. *Humanit Soc Sci Commun*, 10 (59): 47—51. DOI: 10.1057/s41599-023-01529-w.
- Denikin, A. A. (2023). Affective communications in modern media formats (on the example of video games). *Bulletin of Culture and Arts*, 4 (76): 7—21. (In Russ.).
- Freire, Y., Gómez Sánchez, M., Sánchez Ituarte, J. (2024). Social media impact on students' decision-making regarding aesthetic dental treatments based on cross-sectional survey data. *Sci Rep*, 14: P. 21626. DOI: 10.1038/s41598-024-72442-8.
- Gamolin, A. N. (2023). Video games as an element of media propaganda (on the example of the publications Rossiyskaya Gazeta, Lenta. “<url>” and “Tsargrad”). *Modern discourse analysis*, 1 (32): 75—82. (In Russ.).

- Gasparello, G. G., Bark, M. J., Mota-Júnior, S. L. (2025). The impact self-esteem towards the orthodontic issues in the social media: a cross-sectional study. *MC Oral Health*, 25 (1): P. 1003. DOI: 10.1186/s12903-025-06290-x.
- Kolesnichenko, A. V. (2018). The relevance of genres of journalistic texts in online media. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism*, 1: 26—42. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2018.2642. (In Russ.).
- Kolesnichenko, A. V. (2022). Typology of multimedia longrides. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism*, 4: 3—20. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.320. (In Russ.).
- Lee, D. K. L. (2023). Enjoying nature on Instagram: A moderated mediation model of photographic aesthetics, image manipulation, and environmental attitude. *Curr Psychol*, 42: 17231—17243. DOI: 10.1007/s12144-022-02887-5.
- Longstreet, P., Valacich, J., Wells, J. (2021). Towards an understanding of online visual aesthetics: An instantiation of the composition perspective. *Technology in Society*, 65: P. 101536. — DOI: 10.1016/j.techsoc.2021.101536.
- Manovich, L. (2017). *Theory of soft Culture*. Nizhny Novgorod: Krasnaya Lastochka Publ. 208 p. ISBN 978-5-9908655-2-5. (In Russ.).
- Mansurova, V. D. (2002). *Journalistic worldview as a factor of social determination: A monograph*. Barnaul: Publishing house of the Alt. University. 237 p. ISBN 5790402119. (In Russ.).
- Medvedeva, A. R. (2021). *Media aesthetic interface functions in cultural and educational journalism*. PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).
- Melissa, R., Laughter, J., Anderson, B., Mayra, B. C. (2023). Psychology of aesthetics: Beauty, social media, and body dysmorphic disorder. *Clinics in Dermatology*, 41 (1): 28—32. DOI: 10.1016/j.clindermatol.2023.03.002.
- Mitchell, W. J. T. (2013). Foreword Media Aesthetics. In: *Thinking Media Aesthetics Media Studies, Film Studies and the Arts*. Berlin: Peter Lang. 15—28.
- Mol, A. A. (1966). *Theory of information and aesthetic perception*. Moscow: Mir Publ. 350 p. (In Russ.).
- Osin, R. V. (2019). The emotional sphere of people who are fond of computer games. *Educational experiment in education*, 1 (89): 7—12. (In Russ.).
- Rahman, E., Webb, W. R. (2024). A Systematic Review on the Reinforcement Loop in Aesthetic Medicine and Surgery: The Interplay of Social Media, Self-Perception, and Repeat Procedures. *Aesth Plast Surg*, 48: 3475—3487. DOI: 10.1007/s00266-024-04016-y.
- Rudnev, V. P. (1999). *Dictionary of culture of the XX century: key concepts and texts*. Moscow: AGRAF Publ. 384 p. (In Russ.).
- Sauer, A. A. (2019). Speech discrimination practices in the online newspaper “<url>”: a feminist aspect. *Scientific Notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 1 (19): 1—3. DOI: <https://doi.org/10.34680/9485-0187>. (In Russ.).
- Sazikov, A. V. (ed.). (2023). *Media art — the 21st century. Genesis, art space, education issues. Proceedings of the international scientific conference on November 1—3, 2022*. Moscow: Stroganov Russian State University of Art and Industry. 456 p. ISBN 978-5-87627-250-8. (In Russ.).
- Seetan, K., Yassin, R. Y., Khamees, A. (2025). The Effect of Social Media on the Decision to Have Aesthetics or Cosmetic Procedure: A Case-Control Study. *Aesth Plast Surg*, 49: 1469—1477. DOI: 10.1007/s00266-024-04470-8.

- Simakova, S. I. (2021). *Infographics in journalism: media aesthetic code*. Doct. Diss. Yekaterinburg. 47 p. (In Russ.).
- Teli, X., Xiaoman, Li., Chengcheng, Liao. (2025). Visual rightness: Unveiling the impact of visual aesthetics on destination marketing effectiveness in travel vlogs with machine learning. *Journal of Hospitality and Tourism Management*. P. 101299. DOI: 10.1016/j.jhtm.2025.06.001.
- Yeritsyan, A. E. (2022). Formation and trends in the development of new genres of journalism in online media. *Bulletin of the VSU. Series: philology. Journalism, 1*: 111—113. (In Russ.).
- Zagidullina, M. V. (2022). On the issue of the separation of “aesthetic” and “media aesthetic”. *Chelyabinsk Humanities, 1 (58)*: 37—45. DOI: 10.47475/1999-5407-2022-10104. (In Russ.).
- Zagidullina, M. V., Kiklevich, A. K. (eds.). (2020). *The media aesthetic component of modern communication: a collective monograph*. Chelyabinsk: Chelyabinsk Branch of the RANEP. 293 p. ISBN 978-5-91970-091-3. (In Russ.).

*The article was submitted 04.08.2025;
approved after reviewing 17.11.2025;
accepted for publication 20.12.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Анна Александровна Красноярова, канд. филол. наук (Хэфэй, Китай)

Борис Вадимович Кондаков, д-р филол. наук (Пермь)

Карен Минасович Мартиросян, д-р филос. наук (Краснодар)

Людмила Николаевна Кондратьева, канд. культурологии (Краснодар)

Ольга Александровна Павлова, д-р филол. наук (Краснодар)

Сергей Сергеевич Жданов, д-р филол. наук (Новосибирск)

Татьяна Александровна Шарыпина, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

Татьяна Дмитриевна Попкова, д-р культурологии (Пермь)

Татьяна Романовна Богер, магистр (Нижний Новгород)

Информация для цитирования:

Жданов С. С. Образы Киевщины и Волыни в травелоге «По Западному краю, старому и новому» В. Л. Кигна-Дедлова / С. С. Жданов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 291—324. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-291-324.

Zhdanov, S. S. (2025). Images of Kyiv Region and Volhynia in Travelogue “Across Western Lands, Old and New” by V.L. Kign-Dedlov. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 291-324. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-291-324. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образы Киевщины и Волыни в травелоге «По Западному краю, старому и новому» В. Л. Кигна-Дедлова

Жданов Сергей Сергеевич ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-8898-6497

доктор филологических наук, доцент,

¹ ведущий научный сотрудник
языкового центра «Лингва»;

² заведующий кафедрой языковой
подготовки и межкультурных
коммуникаций
fstud2008@yandex.ru

¹ Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

² Сибирский государственный
университет геосистем и технологий
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 24-28-01431 «Репрезентация
пространства Украины в русской
культуре конца XVIII—XIX веков
(на материале отечественных травелогов):
дискурсы, нарративы, топосы»,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

Images of Kyiv Region and Volhynia in Travelogue “Across Western Lands, Old and New” by V.L. Kign-Dedlov

Sergey S. Zhdanov ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-8898-6497

Doctor of Philology, Associate Professor,

¹ leading research scientist,
Language Center “Lingua”;

² Head of the Department
Language Training and
Intercultural Communication
fstud2008@yandex.ru

¹ Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

² Siberian State University
of Geosystems and Technologies
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 24-28-01431
“Representation of Ukrainian space in
Russian culture end of the XVIII—XIX
centuries (based on domestic travelogues):
discourses, narratives, topoi”,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности репрезентации пространства Малороссии и Волыни в травелоге В. Л. Кигна-Дедлова (1856—1908) «По Западному краю, старому и новому» в рамках семиотико-имагологического анализа. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом отечественной гуманитаристики к вопросам пространственной лиминальной, в том числе украинской, проблематики, в рассмотрении которой имеется ряд лакун. Новизна исследования состоит в анализе элементов пространственной образности Киевщины и Волыни, мало изученной в литературоведении. Доказано, что репрезентация данных топосов характеризуется травестийностью по форме изложения и конфликтностью по содержанию, причем эта фактическая и потенциальная конфликтность обусловлена мультикультурностью изображаемого автором пространства, в котором зафиксированы русскость, немецкость, польскость, малороссийскость и еврейскость. Установлено также, что в описании Киева и Волыни выделен мотив неопределенности, срединности в отношении как антропного, так и собственно пространственного элементов репрезентации. Показано, что особенно ярко это актуализировано в изображении Волыни как переходного топоса между Малороссией и Белоруссией. Автор утверждает, что важным смысловым блоком травелога выступает противопоставление сакрального пространства славного исторического прошлого Киева и Волыни провинциальному, ограниченному, пошлому настоящему.

Ключевые слова:

травелог; имагология; В. Л. Кигн-Дедлов; Малороссия; Киев; Волынь; травестия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the representation of Malorossiya (Little Russia) and Volhynia spaces within the travel narrative “Across Western Lands, Old and New” by V.L. Kign-Dedlov (1856–1908). The research is conducted through a semiotic-imagological analysis to address gaps in contemporary Russian humanities regarding spatial liminality, particularly Ukrainian themes. The novelty lies in analyzing elements of spatial imagery specific to Kyiv region and Volhynia, which have received limited attention from literary scholars thus far. It demonstrates that representations of these regions are characterized by travesty-like forms and contentual conflictuality due to their multicultural nature encompassing Russian, German, Polish, Little Russian, and Jewish identities. Additionally, it identifies a theme of uncertainty and centrality both anthropologically and spatially. This ambiguity is especially evident in depictions of Volhynia as an intermediate topography between Malorossiya and Belarus. Furthermore, the study highlights how the author juxtaposes sacred historical landscapes with provincial and banal present-day realities, emphasizing nostalgia for past glories.

Key words:

travel writing; imagology; V.L. Kign-Dedlov; Malorossiya; Kyiv; Volhynia; travesty.

УДК 821.161.1+82-992

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-291-324

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Образы Киевщины и Волыни в травелоге

«По Западному краю, старому и новому»

В. Л. Кигна-Дедлова

© Жданов С. С., 2025

1. Введение = Introduction

Обозначившиеся в гуманитаристике второй половины XX века тренды «культурного» и «пространственного поворотов», интерес к проблематике диалога культур вкупе с обостряющейся геополитической обстановкой и актуализацией вопросов национального строительства в конце XX — начале XXI столетий не могли не вызвать живейший интерес у отечественных ученых к тематике Своего и Чужого / Другого, национально и локально маркированной. Так, в советское время выходит монография Н. А. Ерофеева по репрезентации английскости в русской культуре [Ерофеев, 1982]. В целом, намечается тенденция сближения исторической, культурологической, литературоведческой и других областей гуманитарного научного знания в исследовании отмеченных национальностью пространств. Например, на рубеже веков выходят монографии по германской образности историка-германиста С. В. Оболенской [Оболенская, 2000] и литературоведов О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича [Lebedeva et al., 2000]. Тогда же публикуется и работа культуролога Н. А. Кубанева, посвященная образу Америки в русской литературе [Кубанев, 2000]. Следует заметить, что к проблематике пространства начинает обращаться и имагология как наука о функционировании и интерпретации образов Другого / Чужого, в которой, по замечанию Б. Вестфalia, «эгоцентрический» подход долгое время подавлял «пространственный» [Westphal, 2011, p. 111].

Начиная примерно с 2010-х годов в рамках отечественных имагологических и околоимагологических штудий актуализируется внимание к теме Украины и украинскости. При этом отметим известную диспропорцию в степени исследованности украинских репрезентаций в русской словесности XIX века, к которой обращаются литературоведы и историки, стремясь выявить истоки данной образности в культуре России. Лучше

изучены литературные источники первой половины указанного столетия, которые, в частности, анализируются в монографии А. В. Марчукова [Марчуков, 2011], диссертациях И. Булкиной [Булкина, 2021], Т. А. Васильевой [Васильева, 2014], статьях Д. П. Овчинникова [Овчинников, 2016], С. О. Курьянова [Курьянов, 2018], С. С. Жданова [Жданов, 2024а; Жданов 2024б], П. В. Алексеева [Алексеев, 2025]. Отдельные маркированные украинскостью / новороссийскостью тексты русских авторов второй половины XIX — начала XX столетий представлены, например, в комплексных работах О. С. Крюковой [Крюкова, 2017] и Е. В. Дорджиевой [Дорджиева, 2024], тем не менее исследовательских лагун, касающихся данного периода, гораздо больше. Одной из них выступают пространственные образы Киевщины и Волыни, которые представлены в травелоге В.К. Кигна-Дедлова и являются объектом исследования в нашей статье.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служат опубликованные в журнале «Дело» в 1887 году путевые заметки «По Западному краю, старому и новому» Дедлова (литературный псевдоним писателя и публициста Кигна), и прежде всего фрагмент, связанный с изображением Киевщины и Волыни как части лиминального Запада Российской империи конца XIX века. Пространственность данного травелога подвергается в нашей статье семиотико-имагологическому и мотивному анализу, целью которого стало выявление набора характеристик, маркирующих пространство Малороссии и Волыни в указанном произведении.

Необходимо подчеркнуть, что, хотя творчество популярного при жизни Кигна-Дедлова было в значительной мере предано забвению в последующие периоды развития русской культуры, его произведения, включая травелоги, привлекали внимание отечественных исследователей. В качестве примеров можно привести монографию О. М. Скибиной, посвященную поэтике дедловского литературного наследия [Скибина, 2013], ряд статей, в которых рассматривается проблематика национальной идентичности, динамики Своего и Чужого в работах писателя [Курина, 2010; Желтова, 2016; Цзи, 2022]. Кроме того, своеобразие репрезентаций различных культурных пространств, представленных в травелогах Дедлова, анализируются в работах Т. М. Сипенковой [Сипенкова, 2009], И. А. Айзиковой [Айзикова, 2014], Г. Р. Атаянц [Атаянц, 2019], С. И. Ковальской [Ковальская, 2020], М. Ю. Чупина [Чупин, 2021]. Отдельно стоит упомянуть статью О. М. Скибиной по поэтике пейзажа в дедловских путевых очерках [Скибина, 2021]. Однако даже последняя работа, в которой цитируются фрагменты путевых заметок «По Западному краю, старому и новому»,

не направлена на анализ специфической украинской (малороссийской и волынской) пространственной образности, ограничиваясь общими выводами по особенностям пейзажного изображения у Дедлова, что, соответственно, позволяет говорить о новизне нашего исследования.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Травестия и конфликтность в изображении лиминального Запада Российской империи в травелогe

В качестве общей ремарки следует отметить чуткость Дедлова-писателя к феномену этнически маркированного пространства и, в частности, пространства лиминального, окраинного, одним из вариантов которого и является украинский топос. Важность изображения пограничья акцентирована автором в предисловии к его книге «Вокруг России», где дедловская позиция, с одной стороны, просветительская, а с другой — подчеркнута русскоцентричная и тем самым противопоставленная внешнему, западному взгляду на пространство Российской империи: «Русский читатель все еще слишком мало знает свое отечество и его окраины в особенности. <...> Книга посвящена главным образом нашим окраинам, на которые я смотрю как на *наши* окраины. Возможна и другая точка зрения — считать Россию ихней окраиной, но стать на нее русскому литератору мудрено»¹ [Дедлов, 1895, с. III]. При этом русскость литератора, по Дедлову, не означает обязанности «России льстить» [Там же]. Все вышесказанное можно отнести к авторской позиции и в рассматриваемом нами травелогe, где отказ «льстить России» выражается в приеме остраниющей травестии, пронизывающей повествование и сообщающей репрезентации украинского пространства юмористические или иронические коннотации. В своем нарративе Дедлов с целью осмеяния действительности и придания увлекательности изображению за счет неожиданных сравнений и метафор свободно соединяет «высокие» и «низкие» контексты, например, описывая превращение арестантами из Владимира-Волынского двух собачек, кравших у них хлеб, в «абеларов» [Дедлов, 1887, с. 41].

Наряду с травестийностью изложения представляемое Дедловым лиминальное пространство Российской империи конца XIX века характеризует конфликтность. Автор определяет изображаемый им топос как «Западный край», маркируемый с точки зрения «великоруса»: «Удивительное создание этот великорус. Кажется, нет другого, более для него неудобного места, как Западный край» [Там же, с. 10]. В этом лиминальном пространстве «великорусскость» (русскость) контактирует с польскостью,

1 Здесь и далее орфография и пунктуация цитируемых источников приближены к современным. — С. Ж.

еврейскостью, белорусскостью, малорусскостью, немецкостью, литовскостью и т. п. В трактовке Дедлова этот контакт имеет конфликтный характер, выраженный в конкуренции этнических групп, в их противостоянии друг другу: «Поляки, понятное дело, его (великоруса. — С. Ж.) ненавидят принципиально, жи́ды — практически, белорусы от страха, — чтобы не ушиб» [Там же, с. 10]. В рамках борьбы за главенство автором выстроена иерархия, согласно которой «великорус» здесь имеет основных соперников в лице поляков и немцев, воспринимаемых остальным (условно автохтонным) населением в качестве хозяев: «Западный край в последнем коновале (имеется в виду поляк, чье травестийное определение “коновал” контекстно обусловлено положительным мотивом “лошадиной силы”, маркирующим “великоруса”, то есть вновь подчеркивается мотив польской русофобии. — С. Ж.) чувствует высшую расу, и был бы покорен ею в десяток лет, если бы раса эта не набрала себе уж чересчур много <...> великорус кряхтит от досады, видя, что победу у него... вырывает другой такой же могучий, но более сжатый, стоящий теснее, вышколенный культурный народ — немцы. Частичные победы великоруса меркнут перед массовым поражением поляков, белорусов, малороссов, литвы и даже жи́дов немцами» [Там же, с. 10]. Конфликтность подчеркнута и в метафоре «боевой линии» [Там же, с. 10], характеризующей западное лиминальное пространство, зафиксированное весьма широко — «от Балтийского моря до Бессарабии» [Там же, с. 10].

От себя заметим, что обычно пограничье конфликтно прямо или потенциально в силу гетерогенности элементов в его рамках. Но если на рубеже XVIII — XIX веков эта конфликтность российского Юго-Запада была представлена в травелогах прежде всего южным вектором противостояния русскости и турецкости (например, «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова или «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова), то позднее все большее значение приобретает западный вектор, актуализирующий раз за разом пресловутые «польский» и «немецкий» вопросы, которым особое внимание уделяется в дедловском тексте. Так, в интересующем нас малорусском пространстве русскость, польскость и немецкость соперничали и были противопоставлены малороссийскости в записках Ф. Ф. Вигеля, описывающего Киевщину рубежа XVIII—XIX столетий: «Богатейшие из тогдашних Киевских помещиков редко покидали свои хутора <...> Их губернский город был за Днепром, почти в ненавистой им Польше, и со времен Петра Великого в нем беспрерывно начальствовали Москали и Немцы» [Вигель, 1893, с. 58]. См. также о Киеве начала позапрошлого века: «Помещики Малороссийские <...> удалились из него почти до единого. Преобладание Польши

с каждым годом увеличивалось» [Там же, с. 197]. При этом на локальном уровне разделение поляков и русских в Малороссии сохраняется. Как указывает И. М. Долгорукий, «Поляки детей своих не учат по-Русски» [Долгорукий, 1870, с. 245]; «Губерния наполнена всяким народом: в ней Поляки, Малороссы (Хохлы) и Россияне; разность прав, нравов и обычаев каждого из них наносят служащим большие хлопоты и затруднения» [Там же, с. 261]. Ср. также с ремаркой о Киеве в травелог М. П. Погодина: «Польские эмигранты ничего так не боятся, как возвышения Киева» [Погодин, 1844, с. 167]. Несмешиваемость гетерогенного (в этнокультурном смысле) населения Киева («конгломератность киевского населения») отмечает и С. Н. Филиппов, побывавший в городе примерно в одно время с Дедловым: «Вы замечаете... резкие деления киевлян по национальностям. Малороссы — одно, поляки и евреи — каждые сами по себе» [Филиппов, 1894, с. 83]. Ср. также высказывание П. А. Бибикова о еврейскости в контексте имперского лиминального Запада: «Нигде в большей степени, как в западных губерниях, не сохранил еврей своей типичности и оригинальности, отличающих его от прочих пород человеческих» [Бибиков, 1863, с. 119]. Соответственно, конфликтность Юго-Запада Российской империи закреплена в русской литературной традиции, к которой обращается и Дедлов.

Подчеркнем, что, хотя автор и заявляет географию Западного края широкими мазками, фактически повествование сосредоточено на трех западных топосах — Белоруси (так у Дедлова. — С. Ж.), Малороссии (в варианте Киевщины) и Волыни как наследнице Галицко-Волынского княжества, или Червонной Руси, в русском имперском пространстве той эпохи. В нашей статье в дальнейшем речь пойдет об анализе репрезентаций киевского и волынского пространства в дедловском тексте.

3.2. Репрезентация киевского топоса

С репрезентацией Киева в русской словесности тесно смыкается днепровский текст русской литературы, который, с одной стороны, образует с киевским пейзажным описанием неразрывное целое, как, например, в травелог Н. И. Греча [Жданов, 2024а, с. 191, 193]. С другой — медиационный и трансграничный образ Днепра не исчерпывается изображением киевского участка реки. В нашем случае мы будем говорить прежде всего о двух пространственных образах этой реки: как о речной дороге для нарратора до Киева и собственно как о киевском «отрезке».

Первый образ маркирован прежде всего мотивом недоупорядоченности, где Днепр есть природно-энтропийное пространство, находящееся в конфликте с антропным началом: «Днепр и его притоки — совсем неустроенные реки. Как налила их природа, какую волю она им дала, так они и текут и буянят — и делают, что им вздумается» [Дедлов, 1887, с. 10].

Мотивы неосвоенности и враждебности Днепра по отношению к людям ярко выражены в локусах «мелей, корчей, камней, которые делают судоходство не только неудобным, но прямо опасным, если не для жизни пассажиров, то для целостности судов и правильности рейсов» [Дедлов, 1887, с. 11]. Упоминание «часто весьма капризного и изменчивого» «течения Днепра» [Бибиков, 1863, с. 123], грозящего судам выступающими из воды деревьями, мы встречаем у Бибикова. В вышеупомянутом же travelogue Филиппова образ реки остранин посредством столкновения образов проникнутого поэтическим пафосом гоголевского «чудного» Днепра и посткиевского «отрезка» реки, во многом сходного с дедловским описанием и избыливающего отрицательно маркированными локусами «зловещих песков» [Филиппов, 1894, с. 110], мелей и камней: «Унылый и скучный путь <...> И это ли тот величавый Днепр, что отразился в чудных строках великого малорусского поэта?!» [Там же, с. 116]. Дедлов, описывая докиевский Днепр, также прибегает к травестийному острашению, сталкивая фактический опасный образ реки с образом из путеводителей, где днепровские опасность и неустроенность смягчены в угоду речному начальству: «...путеводитель выходит из затруднительного положения довольно забавно. <...> описания <...> начинаются и кончаются стереотипной фразой: “Впрочем, водяное управление уже обратило свое внимание на эти обстоятельства”. Я езжу по Днепру лет десять и все десять лет читаю это “впрочем”. Об укреплении берегов... и речи быть не может» [Дедлов, 1887, с. 11].

Только киевская часть Днепра отличается от прочего в сторону большей упорядоченности, освоения природного пространства реки, подвергаемого острашению посредством олицетворения (глаголы *ворчал*, *капризничал*: «... на Днепре сделана одна крупная работа. Несколько лет тому назад Киев стал замечать, что Днепр от него уходит, прокладывая себе новое русло, так называемый Черторой — восточнее, дальше от города. Инженеры заткнули это новое русло, насыпав плотины и укрепив их откосы плетнями, камнем и деревьями. Днепр, не привыкший к такому обращению, ворчал, капризничал, но все-таки был принужден вернуться и лечь к подножию Киева, встревоженного тем, что — не вернись река — непомерно вздорожают дрова» [Дедлов, 1887, с. 11]. Здесь мы видим противопоставление городского и речного топосов. Однако имеется и иной — гармоничный — вариант их взаимодействия в рамках идиллически-романтического панорамного пейзажа, открывающегося с ночного Крещатика, где Киев и Днепр дополняют друг друга: «...расстилается громадный вид на равнину Днепра, с огоньками города, с извилами большой реки и бесконечной, ночной, серебряно-голубой далью» [Там же, с. 21].

Мотив конфликтности в репрезентации днепровского пространства выражен не только в рамках противостояния антропоного и природного топов, но и в виде базовой для дедловского Западного края идеи этнокультурной гетерогенности (немецкости и русскости): «У берегов Днепра силы соревнующих еще равны» [Там же, с. 10]. Немецкость здесь актуализирована в образах немецких «капитана и машиниста пароходика, доvezшего» нарратора «из Гомеля в Киев» [Там же, с. 10]. Эти образы отмечены характерными для немецкой типажности (типаж немца-мастерового) в русской литературе мотивами искусности, табакокурения, спокойствия, честности, порядка: «Капитан <...> вел судно по фарватеру не толще каната, с искусством, которое можно показывать в цирке. Машинист <...> солидно беседовал с приятелем-капитаном, посасывая сигару. Оба были народ видный, широкий, чистый, со спокойным взглядом и честными лицами. <...> все у них ходили по струне» [Там же, с. 10]. Кстати, теми же мотивами искусства и честности отмечен и образ немца-штурмана в днепровском тексте Бибикова: «От шкипера <...> требуется особенная сметливость и искусство, соединенные с совершенным знанием местности, т. е. течения Днепра <...> Это была оригинальная, честная, прекрасно знающая свое дело личность» [Бибиков, 1863, с. 123]. Причем данный образ характеризует синкретизм немецкости и польскости, свойственный, как помним из дедловского травелога, Западному краю: «пруссак, с польской, впрочем, фамилией» «был женат на польке» [Там же, с. 123]. Дедловым эта немецкая прямолинейная честность мастерового иронически противопоставлена уклончивости русских инженеров, не производящих нужные работы: «Наши пароходные немцы, встречаясь с пароходами речных инженеров, подымали флаг, свистали и кланялись. Но надобно было видеть, какая несокрушимая, ...прямо немецкая, ирония отражалась на их лицах при этих встречах. ...становилось совестно и хотелось говорить не по-русски, а по-немецки...» [Дедлов, 1887, с. 11].

Травестией отмечено и описание Киева, где она, в частности, затрагивает мотив живописности города, то есть его визуальной привлекательности как панорамы, что мы встречаем во множестве тестов русской словесности, например, у тех же Греча и Филиппова: «Киев — город удивительно театральный, декоративный. Расположенный в местности, глубоко изрезанной целой системой колоссальных оврагов, идущих к Днепру, он создан на радость художнику и мучение лошадам» [Там же, с. 16]. Как видим, мотив пейзажной привлекательности снижается мотивом лошадиных мучений как следствия холмистого ландшафта топоса; последний еще усилен повтором и остранным-сниженным уподоблением образа лошади в Киеве образу страдающего рвотой кота, что противопоставляет красоту ландшафта неудобству езды: «...

из того же окна (откуда открывается прекрасный вид. — С. Ж.) вы видите несчастных лошадей, или с хомутом на ушах и отчаянно задранной мордой при спуске, или скорчившихся и сторбившихся, точно кот, которого тошнит, — при бесплодных усилиях поднять воз на гору» [Там же, с. 16]. Кроме того, характерным для описания Киева является включение в панорамное изображение демиприродных локусов садов, придающих повествованию идилличности, а также небесного локуса, образующего своего рода верхнюю рамку киевской «картины»: «Из любого окна, с первого попавшегося уличного перекрестка, вы видите прелестные картинки городского пейзажа с его садами, с итальянскими тополями, этими деревьями-фонтанами, с красивыми буро-желтыми домами, с облаками и синим небом, наполняющими перспективы улиц, идущих по крутым горам» [Там же, с. 16]. Собственно, мотив города-картины выводится Дедловым на эксплицитный уровень: «Все нарисовано смелой, эффектной и изящной кистью, полной света и сочных красок» [Там же, с. 16]. Ср. с мотивом Киева-картины в тексте Филиппова, лишенного дедловской травести: «“Праматерь городов русских” отсюда поэтично-красива. Высокий... откос берега, сплошь убранного кудрявою зеленью, с золотыми верхушками церквей и пестрядью городских построек, ...величаяя река с ее островками и капризными изгибами усиливают прелесть картины <...> то и другое сливается в один гармонический пандан» [Филиппов, 1894, с. 70].

Идущая рука об руку с привлекательностью демиприродность Киева распространена и на репрезентацию городских предместий, также изображенных в виде панорамной картины: «Параллельно Днепру <...> по наносным пескам тянутся на пять верст деревни предместий. Пески <...> все в садах. <...> Заканчиваются предместья парками г. Кристера и “Кинь-грусти”, откуда открывается великолепная панорама Киева, стоящего как на пьедестале, на горах, высоко в бирюзовом небе» [Дедлов, 1887, с. 18]. Мотив привлекательности / картинности усилен ноктурностью пейзажа (мотив «тихой украинской ночи» мы встречаем в пушкинской «Полтаве»): «В лунную ночь эти сады представляют дивную картину. Колоссальные тополя, облитые светом месяца, как живые тянутся вверх. Прозрачные ивы и светятся, и темнеют. Белые мазанки притаились под ними, как спящие зверки, которые вдруг пробудились, и сонными, встревоженными глазами глядят на вас. Плоская равнина Днепра, уходя в серебряную даль, сливается с небом и светлой ночью (киевский топос города на холмах закономерно часто описывается как срединное пространство между небесным верхом и речным низом Днепра. — С. Ж.). Громадная стена высокого киевского берега темнеет ниже по течению густой синевой с серебряными складками оврагов, заросших пушистым лесом» [Там же, с. 18]. Ориенталистский

романтический оттенок киевскому пейзажному описанию придает сравнение с Дамаском, маркируемым демиприродностью садов: «Я видел Дамаск с его тридцатью тысячами садов, с его куполами, тополями и ивами — <...> ночь киевской Куреневки не уступит ночи Дамаска» [Там же, с. 18].

Вообще, репрезентация Киева у Дедлова построена на контрастах. Так, противопоставление верха и низа находит свое отражение в характеристике городского устройства. В нем выделена верхняя часть, маркируемая привлекательностью и подчеркнутой немалороссийскостью («хохол как-то незаметен в Киеве, по крайней мере в его верхней, овражистой, лучшей части» [Там же, с. 16]), что заставляет вспомнить о характеристике Киева в греческом тексте как не малорусского, а великорусского топоса [Жданов, 2024а, с. 189]. Противоположностью этой части выступает находящийся внизу Подол, в котором малорусскость, наоборот, сконцентрирована и юмористически травестирована в образе хохла-селянина, а не потомственного горожанина: «Хохла надо искать на Подоле, на плоскости у самого Днепра <...> Тут на базарах стоят запряженные парой волов телеги. Волы лежат и жуют жвачку; перед их мордами лежит сухопарый, жилистый хохол с солдатскими усами, с красной, как говядина, шеей и грудью, видной в прореху прямого ворота; на телеге восседает его “жинка” <...>, как сова в клетке зоологического сада» [Дедлов, 1887, с. 16]. Снижение достигается подчеркнутой физиологичностью портретного описания малороссийской антропности, а также зооморфными сравнениями — с говядиной и совой. Юмористической этнографичности образу малоросса добавляют приводимые автором «хохлацкие проклятия», адресованные страдающим в Киеве лошадям: «разные “шоб тобі луснуть”, “бісы”, “невірні віры бісовы”» [Там же, с. 16]. Этот мотив малороссийского насилия в образе малоросса в целом комичен и ограничен вербальной агрессией. Иначе дело обстоит с образами малороссиянок, маркируемых жестоким рукоприкладством на контрасте с их мирными мужьями, что вызывает реминисценции с гоголевской гинофобией «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Жестоко ошибся бы..., кто счел бы хохлову жинку за существо, которое всегда сидит так смиренно. <...> баба не обыкновенная, <...> исступленно топтавшая ногами и бывшая кулаками. <...> под ударами бабы оказался ее бесчувственно-пьяный хохол. Нужно было унять бабу, если она хочет иметь мужем человека, а не котлету (зооморфное сравнение, как и в случае с образом говядины, переходит в травестийно-глуттоническое (котлета)).¹ — С. Ж.). <...> Во всех “неповиновениях” жинки играют роль зачинщиков; драки разжигаются ими; купить ли что, продать ли — решает баба» [Там же,

1 Любопытно в связи с этим устоявшееся уподобление хохла и его вола в текстах русской словесности XIX века, о чем пишет например С. С. Беляков [Беляков, 2015, с. 83—84].

с. 16—17]. Соответственно, малороссийская «жинка» противопоставлена «русской жене» как существо воинственное и более активно-деловое: в отличие от хохлов местная «баба и накормит, и отвезет, и перехитрит вас» [Там же, с. 17]. Далее, автор вводит антитезу малоросса и связанного с ним пространства Киева (и шире — Юга с *dolce far niente*) и, соответственно, великоросса — Москвы — делового Севера, причем вновь в травестийном глуттоническом контексте: «Там (в Москве — *С. Ж.*) <...> холодней, люди жестче, но там народная жизнь кипит и бурлит, социальные щи варятся; а тут их борщ с салом — черт его разберет: готов он уже — или еще не приставлен к огню, не нагрелся — или уже остыл» [Там же, с. 17].

Развивая свое противопоставление «великорусскость — малорусскость», Дедлов продолжает прибегать к пространственной образности, при этом ставит с ног на голову оценочность оппозиции «закрытость — открытость», сложившуюся в русской литературе. Традиционно «закрытость» украинской хаты, окруженной тыном и садом, оценивается положительно в качестве уютного идиллического локуса в противовес локусу Дома (велико)русского, открытого внешнему энтропийному пространству, пример чему встречаем у Погодина: «Что за прелесть — эти белые хаты с шоколадными кровлями, в сени зеленых развесистых деревьев <...> обитатель их в дружбе с природою, <...> любит свой домашний кров и не покидает его без нужды. Совсем не то в Великой России; деревца вы не увидите часто подле избы, и редко сидит дома заботливый хозяин» [Погодин, 1844, с. 154]. Наоборот — у Дедлова, передающего интерпретацию своего московского знакомого, для которого Москва, конечно, не лишена признаков энтропийности («грязная, вороватая»), но одновременно данный хаос жизни оценивается в согласии с мифопоэтикой как потенциально творческое начало, исток нового порядка в противовес идиллическому застою Киева-Малороссии: «Там, в Москве, из народного хаоса нет-нет да и возникнет нечто в сильной, прекрасной или безобразной — но всегда сильной, с задатками будущего, форме, — что поразит, наэлектризует, заставит напрячь тело и душу. А тут каждый в своей муры (тесное, низкое и темное помещение, то есть антиидиллическое, по сути, пространство. — *С. Ж.*), в своем вишневом садочке» [Дедлов, 1887, с. 17]. Соответственно, московская антропность отмечена открытостью, а киевская — закрытостью, поданной как лицемерие через противопоставление внешней проникнутой высоким идиллическим нарративом речи на улице как публичном пространстве внутреннему негостеприимству, жизни для себя: «...встретится на улице: “Та Боже ж милый! та заходите ж до мене. Горилки выпьем, вишневки, спотыкачу, поговорим о поэзии, о музыке, о вдохновении, о дружбе”. — “Да я с удовольствием зайду; только не знаю вашего адреса”. — “А что там тот бисов адрес, холера ему в бок! — вы так за-

ходите... (неопределенность киевского Дома есть знак его закрытости, свои в адресе не нуждаются, а чужие (москвич) внутрь не допускаются. — С. Ж.) Садочек, спотыкач, дружба, вдохновение...” Так и не скажет, где живет, а на вид такой ласковый, точно герой сентиментальной думки (это определение травестирует сентименталистский идиллический нарратив, прочно связанный в русской словесности с репрезентацией малороссийского Домохаты. — С. Ж.). Бог с ними <...> не ко двору я им — хочу назад, к моим кацапам; там по крайней мере плут — так форменный плут, о дружбе и вдохновении уж и не рассуждает. А хороший человек — так прямо адрес говорит» [Там же, с. 17—18].

Заметим также тесную связь алкогольной глuttonии (образы спотыкача, вишневки) с мотивами малороссийского гостеприимства и идиллического изобилия в пространстве Дома, конечно, в травестийном дедловском изводе. Ср. с погодинским вариантом малороссийского хлебосольства, ждавшего нарратора в домах Максимовича-отца, который «потчевал» гостя «наливкою на выбор из сотни своих скляночек» [Погодин, 1844, с. 167], и матери Гоголя («погреба с наливками, вареньями, сырами и разными произведениями Малороссийской природы» [Там же, с. 159]). Позднее Дедлов возвращается к гротескно заостренной глuttonии в характеристике окрестностей Киева, усадьбы своего приятеля «на юге Киевской губернии»: «Кухня удивительная: незабвенные борщи, кукуруза слаще меда и нежней поцелуя девушки; а за баклажаны по-гречески я отдал бы все греческие грамматики мира с их авторами в придачу» [Дедлов, 1887, с. 26]. Здесь травестия сглажена, зато присутствуют многочисленные маркеры демиприродной малороссийской идиллии в гоголевской романтической огласовке: «чудная, теплая, ясная» погода, «хорошенькие хохлушки», «страшные истории про ведьм и упырей» [Там же, с. 26]. Мотив глuttonического гостеприимства актуализован и в образе Дома-Семьи во Владимире-Волынском: «...мы уже были среди гостеприимной семьи Е. Н. Дверницкого, ели удивительный борщ из помидоров, запивали его обольстительными сливянкой, терновкой и вишневкой» [Там же, с. 34].

Относительно «высоким», нетравестийным вариантом киевского топоса в травелог Дедлова выступают локусы, связанные с пространством исторической памяти и (изобразительного) искусства. Причем в отличие от путевых заметок авторов первой половины века число таких локусов и подробность их изображения в дедловском тексте, как и в более позднем — филипповском, весьма ограничены. Пространство исторической памяти Киева амбивалентно оценивается Дедловым как, с одной стороны, фрагментарное, неопределенное: «Это все обломки-кусочки — реставрированные и наново покрашенные. <...> непосвященная в таинства “науки

о прошлом” публика не найдет в них ничего интересного, ничего говорящего ее уму и сердцу» [Там же, с. 19], — что корреспондируется с оксюморонным образом старого-нового Киева у И. М. Долгорукого [Жданов, 2024б, с. 258].

С другой стороны, мы встречаем мотивы древнерусской истории и сакральной вечности, связанные с описанием локуса-исключения — «сумрачных мозаик Софийского собора, глядящих... теми же задумчивыми, скорбными и строгими очами, какими смотрели они на молящихся древних князей» [Дедлов, 1887, с. 19]. Здесь остроящая травестия направлена не на прошлое, а на настоящее, которое как в антропном, так и пространственном вариантах представляется нарратору ничтожным на фоне исторического памятника: «Из храма выходишь таким ничтожным, таким червяком <...> ты — ничто. <...> Ты живешь в минуте, в капельке воды. А эти лики в храме окидывают взором волнующееся море столетий и с их высоты люди — муравьи, а земля — муравейник» [Дедлов, 1887, с. 26]. Автор в своем онирическом опыте обращается к мифопоэтическим мотивам времени как воды и человечества как насекомых, где топос в темпоральном слое настоящего снижен посредством литот капли воды и муравейника. Отсюда «удручающее впечатление», производимое Софийским храмом. Аналогичный диссонанс между сакрально-вечным и сиюминутным бытием еще более заострен в репрезентации пещер Печорской лавры с «нетленными телами святых», вызывающих у профанного созерцателя чувства «недоумения и глубокой тоски» [Там же, с. 19]. Если у Греча хтонизм киевских пещер диалектически переосмыслен как путь к сакральному (истинному) «небесному солнцу» [Жданов, 2024а, с. 192], по отношению к которому дневное светило есть лишь подобие, то Дедлов находится в позиции колеблющегося нарратора, не способного сделать однозначный вывод-выбор и, соответственно, захваченного пространственной дихотомией света-мира и тьмы подземья: «Где истинная жизнь и истинное счастье: — тут, с нами, на горячем солнце, развивающем в нас горячие страсти, которые нас сжигают, оставляя в конце концов горсть пыли от бесплодно сторевавшего человека? или там, в земле, где человек смирил себя и угас не горев, в блаженной уверенности, что снова начнет жить?» [Дедлов, 1887, с. 19]. Впрочем, набожность богомольцев в Киеве не травестийна, наоборот, ирония направлена на представителя Чужого, ставящего сакральность под сомнения с точки зрения логики западного этоса труда, что актуализирует мотив конфликтности и отражает антизападность позиции автора: «Заграничный доктор из жидовских немцев <...> увидев массу богомольцев, изрек, что “у русского народа очень много свободного времени”. Я не имел счастья созерцать лицо почтенного доктора, но готов поклясться, что на нем нет выражения

тоски, которое появляется, конечно, от избытка “свободного времени”...» [Там же, с. 19—20].

Положительно охарактеризован и отмеченный мотивами привлекательности и старины локус «храма киевских больниц св. Кирилла, построенного в XII веке и возобновленного внутри А. В. Праховым»: «...мраморный иконостас, одна из тех мраморных работ, которые теперь никак не хотят выпустить нас из Киева <...> Кирилловская церковь — это целый музей живописи двенадцатого века. <...> Очень красив мраморный иконостас в византийском стиле» [Там же, с. 18]. В качестве сакрального и одновременно эстетического пространства в травелог Дедлова представлен локус восстанавливаемого также Праховым Владимирского собора в Киеве. Как и у Филиппова, с этим местом связаны два образа персониферы — противопоставленные друг другу художники Сведомский и Васнецов: «П. А. Сведомский — полная противоположность Васнецову» [Там же, с. 23]. Образ Васнецова маркирован мотивами гения, чуда, жертвенной игры фантазии, самосожжения (жертвования себя искусству), гармонии, в которой сливается визуальность и музыкальность (в форме авизуальности, неопределенности), и народности: «...самый сильный русский художник»; «На стенах Владимирского собора г. Васнецов делает чудеса» [Там же, с. 22]; в орнаментах алтарной части «...художник в полном блеске развернул прихотливые узоры своей фантазии. Орнамент — это рисованная музыка. Определенных образов нет — пред вами ритм линий и хоровая мелодия красок. Растут, перевиваются и поднимаются выше какие-то листья, расцветают сказочные цветы, нависают, сгибая стебли, невиданные плоды; могуче гудит фон темных и знойных цветов; весело звенят личики херувимов; всей грудью поет в унисон пестрая симметрия»; «Приятели в шутку называют... (Васнецова. — С. Ж.) самосожигателем»; «человек из народа» [Там же, с. 23]. Образ же Сведомского отмечен мотивами таланта, римскости, ясности, спокойствия, барскости: «талантливый живописец» [Там же, с. 22]; «римлянин времен упадка»; «барин, обыкновенный дворянин хорошей помещичьей фамилии, не без солидных связей с чиновным и родовитым Петербургом» [Там же, с. 23]; «Его “Новый Завет” во Владимирском храме будет... ясным отдыхом после могуче-напряженных пророков, святителей и святых Васнецова» [Там же, с. 25]. Аналогично Филиппов делает акцент на национально-культурной идентификации художников, называя Васнецова приверженцем «русского», а Сведомского — «западного» (итальянского) стиля в живописи [Филиппов, 1894, с. 76]. Еще одним общим для дедловской и филипповской репрезентаций собора Св. Владимира является «низкий» мотив финансовых расходов, дешевизны постройки. У Филиппова он выражен в реплике Прахова: «Вся эта красота будет стоить гроши» [Там же, с. 75]. У Дедлова этот мо-

тив служит для травестийного остранения сакрального пространства путем смены регистра повествования на административно-хозяйственный план: «Это большая любезность со стороны г. Сведомского, так как заработки тут плохие. <...> Васнецов пишет <...> тоже чуть не задаром <...> надежды привлечь других наших знаменитостей плохи» [Дедлов, 1887, с. 23]. Впрочем, Дедлов отдает должное и итальянской школе, замечая, «что мраморные работы как для Кирилловского, так и для Владимирского храмов пришлось отдать в Италию», поскольку работа русских и «польских мраморщиков» отличается либо дороговизной, либо худшим качеством исполнения и материала [Там же, с. 19].

Наконец, Дедлов противопоставляет друг другу локусы пространства исторического прошлого и рекреационного Киева, травестируя последний: «Ярослав Мудрый и — Château (пренебрежительно охарактеризованный «театрик». — С. Ж.), Аскольдова могила и — соседние с Шато «Минерашки» (локус искусственных минеральных вод в деминутивно-разговорной огласовке. — С. Ж.)! На первый раз это коробит» [Там же, с. 21]. Иронически описываемые места массового отдыха роднят, однако, Петербург и Киев, придавая описанию последнего мотив столичности, разумеется, в травестийной трактовке: «Оба увеселительные заведения — то же, что и кафешантаны Петербурга» [Там же, с. 21]. Это пространство пошлости, скуки и мнимости — симулякров родства, эротики, искусства, чуда, даже француженности: «Малолетние велосипедисты, сестры Мартенс — столь же сестры, сколько и братья одна другой, русская певица Иванова, лет под сорок и в ночном костюмчике bébé, французско-немецкая артистка Бердичевсон, исполняющая венгерские песни. Чудеса мимики, чудеса ловкости, — чудеса скуки» [Там же, с. 21]. Эти поддельные чудеса «театрика» также противопоставлены настоящему, привлекательному демиприродному чуду — находящемуся рядом пейзажу Крещатика, «главной киевской улицы», маркированной особой привлекательностью в варианте ноктюрности: «Там страшно сыро и удивительно красиво, особенно ночью, при звездном небе. Это волшебное царство теней от гор и леса; только наверху чистое небо, тяжелым, темным шелком лежащее над оврагом и заглядывающее туда своими звездами» [Там же, с. 21]. Аналогично из локуса «Минерашек» открывается привлекательная картина на Подол и днепровскую панораму, упомянутую выше. Травестией проникнута и глоттоническая сфера данного локуса, амбивалентно сочетающая «прекрасное киевское пиво» и «мерзейшие произведения обоих буфетов» [Там же, с. 21—22]. Ср. также ироническое уподобление кафешантантных вариантов искусства и глоттонии по признаку возраста: «русская певица Иванова, ее сорок лет, и бифштекс, которому от роду тоже не меньше» [Там же, с. 22]. Травестийное

сочетание пространства исторической памяти и прозаического настоящего актуализировано также через мотив археологических раскопок, сквозной для дедловского травелога, где незначительные артефакты настоящего могут быть реинтерпретированы в будущем в качестве старинных и особо значимых: «современное поколение не дожидется эпохи, когда из доисторических курганов выколют остаток паровоза и очки профессора. Паровоз, конечно, будет принят за победную колесницу киевского полицеймейстера, а очки за часть трагической маски из театра Château, близь Аскольдовой могилы» [Там же, с. 22]. Образы паровоза-колесницы и трагической маски травестируют античный хронотоп в киевском топосе.

3.3. Образы волынского пространства

Волынь в дедловском тексте представлена в нескольких взаимосвязанных ипостасях. Первой из них является пространство исторической памяти, маркированное сочетанием русскости и инокультурности, а также сакральностью. Как и в репрезентации Киева, Дедлов в изображении города Владимира-Волынского, куда автор сопровождает Прахова на раскопки, сталкивает образы великого прошлого и пошлого настоящего. Топос в темпоральном слое русского Средневековья («старый Владимир») отмечен такими образами персониферы, как основатель города Владимир Святой, летописец Нестор и венгерский король Андрей [Там же, с. 36]. Это пространство маркировано мотивами центральности («административный и духовный центр обширного края, в состав которого входили Западная Волынь, Холмщина, Подлесье и часть Галиции»), сакральности и учености («более двадцати церквей и многочисленные училища»), привлекательности и европейскости («славный город», по Нестору; «великолепный город», превосходящий, согласно королю Андрею, все «в немецкой земле»; «Владимир XI столетия был европейским городом») [Там же, с. 36].

Особо значимым в связи с волынским пространством исторической памяти в дедловском травелоге является описание локусов церквей во Владимире. В связи с местным Успенским собором упомянут ряд исторических сюжетов и образов исторической персониферы. Это похороненные здесь основатель храма владимирский князь Мстислав Изяславович; князь Василек и его жена Олена; украсивший храм сын Василька Владимир; князя Андрей и Лев Юрьевичи; сын Андрея, Юрий, объединитель Галича и Волыни; княжна Анна Сангушко-Коширская; епископы Вассиан и Феофан Гобебский, а также униатские епископы Игнатий Потей и Мореховский. При этом сакральный локус в пространстве исторической памяти также маркирован конфликтностью, порождаемой столкновением разных культур: «В 1491 году татары разорили город и храм»; «В 1648 году храм разрушен казаками как униатская кафедра» [Там же, с. 12]. Соответствен-

но, мы имеем дело в том числе с религиозным противостоянием между православием и униатством в пространстве Западного края: «В 1806 году собор передается униатами православному духовенству с описью, в которой храм изображен в самом жалком состоянии. “Из числа прописанных икон <...> во время содержания в той церкви провианта (!), неведомо кем обтерто четыре”» [Там же, с. 13]. Травестиен в рамках репрезентации храма также образ (польских) «барских конфедератов», которые оскверняют сакральный локус склепа, «засоренного обломками табачных трубок, бутылок, чешуйками от подбородников старинных киверов и обрывками войлоков» [Там же, с. 13], причем принадлежащего униатскому епископу: «По иронии судьбы, в гробнице первого униата ночевали и пьянствовали католические солдаты» [Там же, с. 14]. Влияние Речи Посполитой проявляется и в образе надгробной плиты «Анны Сангушко-Коширской, с надписью и литовским гербом Гедимины, которому в потомки приписались южно-русские ветви дома св. Владимира: Сангушки, Чарторийские, Святополк-Четвертинские и Полубинские»¹ [Там же, с. 13]. Вообще, в русских травелогах XIX века полонизация оценивается как порча русскости. Ср., например, противостояние идиллической (русской в контексте) Малороссии и конфликтной полонизированной Правобережной Украины в травелоге Погодина: «Поляки... оказали на ней все свое влияние»; «Малороссия за Днепром имеет уже другой характер <...>: местоположение хуже, селений мало» [Погодин, 1844, с. 170]. В целом с оценкой негативного влияния Польши согласен и Дедлов, рассматривающий волынские «развалины древних храмов и гробы древних мертвецов» как свидетельства «старой, едва не ополоченной» «Руси» [Дедлов, 1887, с. 12], «старинной Руси, Руси летописи и легенд, былин и жития святых» [Там же, с. 15], то есть общерусского сакрализованного пространства исторической памяти.

В настоящем нарратору темпоральном слое описание «Мстилавова Успенского храма» амбивалентно. В нем главенствуют положительные мотивы величия, привлекательности, таинственности, остраивающе противопоставленные энтропийному по своей сути образу руин: «Трудно найти более величественные развалины» [Там же, с. 46]; «Успенский храм одинаково прекрасен как внутри, так и снаружи»; «Уцелевшая часть алтарной арки нависла, но не угрожает, а держится легко и таинственно»; «Хорош он и снаружи, и днем и ночью», «чудные развалины» [Там же, с. 47]. Энтропийность храма романтически облагорожена (а не профанирована в отличие

1 Ср. с мотивом псевдопольскости русских дворян у Погодина: ««Любопытно было бы <...> рассказать, сколько Русских помещиков в течение времени до Екатерины II ополчилось, приняв Католическую веру, чтобы воспользоваться покровительством Польского Правительства» [Погодин, 1844, с. 170].

от описание иных волынских локусов) в мотивах страдающей сакральной смертности, священных призраков иного мира и прошлого, смирения и утешения: «По ночам, говорят, кто-то плачет и ходит по храму легким, женским шагом, — по заброшенному храму святой девы...»; «Днем, когда вся мерзость запустения, все эти хлева, свиньи, капустные огороды видны, каменный темный гигант представляется старым, седым мучеником, поставленным к позорному столбу. Ночью... это величавый мертвец, со всеми следами предсмертной муки и со всем миром всеисцеляющей смерти. ...он <...> своим молчанием и спокойствием как будто хочет утешить того, кто, по рассказам, в нем ходит и плачет...» [Там же, с. 47]. Впрочем, дедловский образ Успенского собора имеет и травестийный вариант, где комизм строится на несовпадении образа храма в воображении археолога Прахова и созерцаемой нарратором реальности: «А вот и Успенский собор Мстислава Второго. Не правда ли, величественное здание? — продолжал А. В., обращая мое внимание на что-то похожее на кирпичик, поставленный стоймя среди домиков, представлявших кирпичиками лежащими» [Там же, с. 47].

Также в пространстве Владимира упомянут локус «бугра земли», названного в народе «то Федоровщиной, то Старой Катедрой» [Там же, с. 14], скрывающего в себе остатки «св. федоровской владимирской церкви», «гораздо более древней, чем мстиславский храм»: «...развалины каменной, трехкорабельной церкви, ориентированной не на восток, а — по обычаю глубокой старины — на северо-восток» [Там же, с. 15], при этом приход данного разрушенного храма маркирован уже католичеством — «слободка отцов-доминиканов» [Там же, с. 15].

Как и в пространстве Киева, в репрезентации Владимира травестийно сталкиваются темпоральные слои прошлого и настоящего при обращении к мотиву археологических раскопок: «Все вместе представлялось как раз тем, что называется развалинами, будь это храм десятого века... или губернский собор современного архитектора, <...> только в исключительных случаях не превращающийся в развалины» [Там же, с. 41]; «...как подумаешь, что настанет время, когда и наш брат, человек девятнадцатого века, попадет на зубок археологам, — становится страшно. Будущая археология... усовершенствуется настолько, что по обломку черепа станет читать все дурные помыслы и чувства» [Там же, с. 45].

Объединяющим для прошлого и настоящего Волыни является также ранее упоминавшийся мотив конфликтности. Но если в репрезентации пространства исторического прошлого автор делает акцент на польскости, противостоящей русскости, то при изображении современности ярче выделяет немецкий элемент. Волынь Дедлова есть «теперь онемечиваемая Русь» [Там же, с. 12]. При этом автор прибегает к мотиву волнения в двух

изводах. Одно волнение — это эмоции, испытываемые автором (и Праховым) от созерцания Своего, остатков общерусской Древней Руси: «Тогда, увидев все собственными глазами <...>, позволю себе волноваться и я» [Там же, с. 12]; «...быть одним из первых, кому покажется лицом к лицу старинная Русь, Русь летописи и легенд, былин и жития святых — это не только манит к себе, но волнует» [Там же, с. 15]. Другой тип волнения есть волнение немца-колониста от вождения Чужого, новой земли в настоящем, что имплицитно актуализирует конфликтный сюжет «Drang nach Osten»: «...и сегодняшняя Волынь может и волновать, и манить. <...> “Киевлянин” напечатал передовую статью о немецкой колонизации Волыни, о напряженных отношениях немцев к крестьянам губернии, даже о тайной фабрике оружия, с которым в руках немцы хотят не то нападать на мужиков, не то защищаться от них» [Там же, с. 15]. Хотя образ этой «официозной» газеты и помещен в травестийный контекст, автор признает основательность повода ее публикаций при несовершенстве формы выражения: «“Киевлянину” принадлежат большие заслуги в печатной борьбе против полонизма в крае; в последнее время он обратил внимание на немецкую колонизацию пограничных губерний» [Там же, с. 20]. Признавая достоинства немецкости по отношению к польскости («немцы подымают ценность земли, ...они хорошие хозяева, ...они спокойные жители края»), Дедлов, однако, отказывается принять первую в силу ее чужести: «...их пускать на земли, предназначенные для русских, не годится. <...> Люди как люди — только чужие, не в пору и не ко двору» [Там же, с. 20]. При этом бóльшую конфликтность в западном крае порождает, по мнению автора, столкновение немецкости не с русскостью, а с польскостью: «Откуда же взялась бледная от страха статья “Киевлянина”? <...> Между колонистами — немцами и поляками существует нерасположение конкурентов. Немцы берут решительный верх. Хозяйство их лучше, землю отдают им охотой, разговаривают с ними вежливей, доверяют больше. Словом, немец теснит поляка, и последний охотно подгадил бы первому, притом, как можно чувствительней» [Там же, с. 48]. Мотивами агрессии, кровопролития и религиозного фанатизма маркированы прежде всего образы поляков: «Прошлогодняя Пасха приходилась в день св. Марка, а у поляков существует предание о старинном пророчестве, предсказывающем в Польше страшное кровопролитие в такую Пасху. Увлекаемые силой рока поляки подчинились необходимости хоть помечтать о том, чтобы кого-нибудь зарезать. Кого же резать? — Конечно, немцев» [Там же, с. 48]. Впрочем, конфликтность охарактеризована как потенциальная, не выливающаяся в физическое противостояние: «Пасха на св. Марка прошла благополучно, и волыняне статьей “Киевлянина” нимало не тревожатся» [Там же, с. 48].

Кроме того, немецкость и польскость на русском Западе частично сливаются (вспомним ополяченного немца-штурмана из бибиковского травелога): «Всех колонистов в Волынской губернии около двухсот тысяч. Большинство — немцы; меньшинство — чехи и поляки из русской Польши. Да и немцы с чехами пришли не прямо из заграницы, а долго прожив в Привислянском крае. Все они отлично говорят по-польски, а католики под влиянием поляков-ксендзов даже и ополячились слегка» [Там же, с. 47].

Соответственно, конфликтность характеризует и другую ипостась Волыни — в образах современных автору провинциальных городов — Ковеля и Владимира. В пространстве первого конфликтность подана в юмористически-финансовом ключе как удачная попытка еврейских работников почты заработать «лишние двенадцать копеек» [Там же, с. 31] на проезжающих, переходящая в характерное для многих русских травелогах об Украине (например, в том же травелогe Греча [Жданов, 2024а, с. 184]) обобщение: «...весь Западный край, везде, где есть жида, заморен совершенно так же...» [Дедлов, 1887, с. 31]. В репрезентации владимирского топоса конфликтность обозначена резче, одновременно как межэтническая и межконфессиональная — между польскостью и русскостью, католичеством (совместно с униатством) и православием: «В Западном крае воспрещено именоваться поляком, в крайнем случае можно быть лицом польского происхождения; обыкновенно же такое лицо именует себя католиком, свою землю католической, свою женку из полек не русской, а католичкой» [Там же, с. 35]. Это размежевание, по Дедлову, тотально и простирается вплоть до животного мира — в травестийном образе «католических свиней»: «По улицам свободно бродят свињи, преимущественно католические <...> Я просто повторяю слова местного поляка, который на вопрос, неужели жида занимаются откармливанием этих, бродящих по их дворам, свиней, ответил, что свињи — католические, владимирских мещан» [Там же, с. 35].

То же размежевание и в стратифицированном антропном пространстве, где мещане недовольны имперскими властями («Мещане непременно обижены новым городским управлением, отнявшим у них городские имущества, главным образом заключающиеся в выгонах и приречных сенокосах. Мещане — по большей части католики, и потому городскую реформу считают новой карой за последнее повстанье» [Там же, с. 36]); еврейская община подавлена «кагальными воротилами»; интеллигенция же «непримиримо» разделена национально и имущественно «на польскую и русскую, или, как на западе говорят, католическую и православную. Католическая несравненно многочисленней и пышней» [Там же, с. 37]. Их неравенство выражено также в образах транспортных средств: у поля-

ков — «отличные брочки» и даже коляски с «лакеем и четверной цугом»; у русских — «купленные по случаю в подержанном виде тарантасы» [Там же, с. 37]. Мотив (подавленной) конфликтности также связан здесь с ироническим мотивом слухов, представляющих противоположную сторону в наихудшем свете: «Особенной яркости и неустанности достигают сплетни и зависть тогда, когда они зарождаются в католическом лагере по адресу православного — и наоборот. Тут всему верят. А если слух не оправдался, одни говорят, что правительство, другие — что иезуиты запутали и скрыли скандальное дело. Скажите поляку, что жандармы повесили пол-Варшавы, вас поблагодарят за свежую новость. Сообщите русскому, что поляки сожгли пол-Москвы, вы не встретите недоверия» [Там же, с. 38]. Впрочем, нарратор оговаривается, что его репрезентация касается любого «типичного городишки Юго- или Северо-Западного края» [Там же, с. 38].

В волыньском Владимире же конфликтность предстает в форме отрицания поляками русскости в пространстве исторической памяти, в отказе признавать за русскими цивилизованность, а не деструктивное варварство в соответствии с мифологемами эпохи Просвещения: «Какой это собор, когда это наш древний костел, забранный и, как водится, разрушенный русскими! Они содержали в нем провиант, они расхитили иконы, ризы, драгоценности. Им приятно разрушать все польское; они враги всякой цивилизации, эти полудикие казаки, раскольники и чиновники. <...> Мстислав Второй? Но чтобы выдумать второго, надо изобрести первого. А затем пойдет третий, четвертый, пятый. И каждый окажется основателем какого-нибудь костела, который вслед за тем будет обращен в церковь. Взгляните на архитектуру собора. Прекрасный Ренессанс. Желал бы я видеть того русского ученого, который сказал бы..., что его мифический Мстислав знал и любил Ренессанс. <...> Не верю — и баста!» [Там же, с. 38]. Соответственно, русскому мифу, что Малороссия есть испорченная польскостью Русь, противостоит польский миф, где Волынь есть недо-Польша, выступающая (по меньшей мере, в рамках Восточной Европы) центром (западной, европейской) цивилизации, влияющим на маркируемую дикостью периферию: «Я угадываю ваши дикие намерения. Вы хотите доказать, что культура края не польская, что в дикой Волыни могла существовать цивилизация, принесенная туда не Польшей — этой мученицей, этой просветительницей варваров русской национальности, павшей от своей излишней гуманности под ударами грубой силы казаков и мятежных хлопов (см. “Огнем и мечом” Сенкевича). <...> но мы, но Европа, но весь свет только улыбнутся при взгляде на эту грубую контрафакцию» [Там же, с. 38—39]. Этот польский миф травестируется автором, снижающим регистр повествования за счет того, что оно помещается в пространство польского обывателя, чей

исторический кругозор ограничен одной прочитанной книгой Сенкевича, что, в свою очередь, порождает вариант конфликтности между владимирскими филистерами польского происхождения и московскими профессорами, носителями иного взгляда на пространство исторической памяти, в частности, на локус владимирского храма: «На их лицах презрение и вместе с тем испуг — а вдруг за это презрение арестуют? — любопытство и вместе с тем выражение всезнания. <...> Наносится новое оскорбление несчастной Польше невежественными руками московских ученых, несостоятельность которых может разоблачить любая уездная старая дева и любой арендатор. Владимирские развалины были и останутся памятниками польской культуры, а не русской» [Там же, с. 39].

В целом, дедловские репрезентации волинских городов в современном автору темпоральном слое травестийны. Авторская ирония здесь усилена по сравнению с киевской образностью, где ущербность повседневности смягчена идиллическим панорамами Киева как вечного города. Ковель описан вскользь и отмечен мотивами незначительности (уничжительный диминутив «городишко» [Там же, с. 28]), непривлекательности, неудобства (в травестийном изображении гостиницы, «довольно опрятного барака, носящего название Hotel Belle-Vue. Вид из Belle-Vue необширен — на телеграфный столб, но спать можно довольно спокойно, если не считать клопов и любовных сцен, происходящих за тонкими перегородками номеров» [Там же, с. 28], а также охарактеризованных через диминутивы почты, «дрянного домишки», и храма, «древней деревянной церковки; ... не моложе двухсот лет, но на этот раз душа наша не смягчается даже ее археологическими чарами» [Там же, с. 29]) и дикости нравов («Орава извозчиков хотела вещи растащить. Носильщик с размаху бил извозчиков нагруженным чемоданом по животам, причем те не изъявляли никаких признаков страдания» [Там же, с. 28]). Даже местная полиция не служит упорядочиванию пространства: во время драки «два жандарма <...> беседовали, кажется, о политической неблагонадежности Баттенберга» [Там же, с. 28].

Характеристика Владимира отличается амбивалентностью. Помимо положительно описанного локуса храма, есть несколько иных позитивных образов владимирских мест: «уютный домик» Дверницкого (здесь диминутив не имеет уничижительного оттенка), где нарратор останавливается; «высокие и красивые каменные церкви», а также «лучшие строения в городе» — «заездные дома и корчмы» [Там же, с. 35], отмеченные мотивами основательности, каменности, древности, просторности («Такая корчма всегда прочная, каменная и старая; ей лет двести-полтора. Она... очень длинная»; «монументальные корчмы») и веселья с эротическим оттенком

(«Шинкарка, классическая молодая шинкарка, <...> по старой традиции делает гостям глазки» [Там же, с. 36]). Впрочем, репрезентация последних неоднозначна, поскольку данные локусы связаны с пространством Чужого, маркируемым польскостью. Дедлов представляет их реликтами польской эпохи Волыни, оцениваемой негативно, что мы встречаем и у Погодина, как времени эксплуатации местного населения пришлой элитой: «До освобождения крестьян панская Волынь жила широко и весело», когда уездный город выступал центром «общественной, торговой и кутежной жизни»; «во Владимире не хватало гостиниц для веселых панов и франтих-паней. <...> гремели мазурки, лилось венгерское и рассыпались жарты и комплименты. Прекрасные дни и еще более прекрасные ночи минули, и их немymi свидетелями остались монументальные корчмы, создания веселой панско-польской культуры» [Там же, с. 35—36]. При этом в дедловском тексте мотив веселости польских панов в пространстве Западной Украины смягчен, тогда как у Греча роскошь жизни польских магнатов противопоставлена страданиям нищих холопов [Жданов, 2024а, с. 184].

Другими мотивами, маркирующими Владимир, являются лиминальность и маломасштабность (последняя связана с типажными представлениями о российском провинциальном городе). Лиминальность выражена как буквальное местонахождение на границе («граница близко, верст двадцать»), а также подчеркнута в описании локуса реки, на которой расположен город, Луга, по признаку цвета воды контаминирующегося с пространством Запада: «вода его зеленоватая, как в Дунае, Рейне и Сене. По цвету воды Луг — заграничная река» [Дедлов, 1887, с. 35]. Кроме того, напомним о смешанной польско-русско-еврейской антропности, то есть поликультурности топоса, что также актуализировано в репрезентации локусов — «каменных церквей»: «...костел, синагога и монастырь — ярко выбеленные, развалины квадратной колокольни доминиканского монастыря и величественная вблизи руина Мстиславова храма» [Там же, с. 35].

Лейтмотивна и характеристика маломасштабности: «невысокие берега маленького Луга, в котором камышей больше, чем воды» (входит в состав городской репрезентации описания локуса реки) [Там же, с. 35]; «Во Владимире девять тысяч жителей» [Там же, с. 36]; «городишко» [Там же, с. 37]. Мотив маломасштабности актуализирует также иной вариант владимирской лиминальности — поселения, маркируемого неопределенностью статуса между городом и селом: «Если бы читателя завести во Владимир-Волынский не предупредив, он никак не догадался бы, что он в городе. Это — гнездо белых мазанок <...> читатель не признает во Владимире города» [Там же, с. 35]; «теперь он — всего лишь уютное и мирное село» [Там же, с. 36]. До некоторой степени сельскость топоса придает ему чер-

ты деревенской малороссийской идиллии Дома-Сада, так восхваляемой, например, Погодиным, то есть закрытого демиприродного пространства: «Мазанки прячутся в густых садах» [Там же, с. 35]; «уютное и мирное село, дремлющее под сенью орехов, яблонь и черешень» [Там же, с. 36].

Но в целом Дедлов деконструирует идиллию города-села. Вспомним травестийный образ бродящих по улицам свиней. С локусом улиц связан другой негативный мотив, характерный для энтропийного провинциального пространства, — мотив непролазной грязи, травестийно заостренный нарратором: «Еще меньше похож он на город во время дождей. Тогда его немощные глинистые улицы превращаются в толстый слой птичьего клея, в котором остаются калоши, сапоги и чулки обывателей, а иногда и сами обыватели» [Там же, с. 35]. Иронически охарактеризованы и нравы владимирцев. Если их купальные привычки еще можно счесть за патриархальную простоту («В реке купаются без костюмов, мужчины и женщины, причем совсем не прячутся» [Там же, с. 35]), то настроения горожан изображены явно негативно. Поляки, как указывалось выше, лелеют русофобию и чувство ressentimenta по отношению к империи; при этом все жители города, независимо от национальной и религиозной идентичности, отмечены духовной ограниченностью, завистью и корыстолюбием, деньги выступают высшей ценностью: «Дни текут быстро и незаметно <...> мужчины <...> завидуют всем, у кого много денег! <...> Женщины сплетничают» [Там же, с. 36]. Филистерское пространство вторгается и в пространства науки и исторической памяти — археологических раскопок древней Волыни, оценивая его на свой лад: «Три раскопки разом. Ну, на это ему с заезжим профессором тысяча пятьдесят отпустили. Когда раскопают, начнутся реставрации храмов. А тут уж сотнями тысяч пахнет... Да, счастье людям. <...> теперь вот и безукоризненные люди у археологии руки погреть» [Там же, с. 39]; «...все, узнав, что могила — могила, а кости — кости, сейчас же переходили к вопросу о средствах из казны, и всех эти сто рублей просто ошеломили. <...> Посетителей удивляло не то, что отпущено мало, а то, что люди работают даром, на деньги, из которых ничего не украдут и ничего нельзя украсть» [Там же, с. 44]. В данном контексте Волынь оценивается не как лиминальный топос, а как вариант русского провинциального пространства через призму русской литературы в гоголевском и щедринском изводах: «Русская провинция! как великолепно созрела ты вся целиком <...> для новых “Мертвых душ”! Попытка изобразить эту провинцию была сделана Щедриным в его “Головлевых”» [Там же, с. 44].

Наконец, третья ипостась дедловской Волыни есть также связанный с лиминальностью образ медиационного междуземья (между Малороссией и Белорусью). С этим значением мы сталкиваемся еще в репрезента-

ции Ковеля, где нарратор имеет дело с одним из служащих почты, который «хохол не хохол, белорус не белорус, словом, потомок дреговичей, некогда населявших Волинь» [Там же, с. 30]. Ср. также с характеристикой возницы в Волини: «На козлах... сидел... несомненный белорус, но говорил он по-малороссийски и носил усы; да и был он чуточку здоровее и крошечку бойчее белоруса» [Там же, с. 33]. Соответственно, волянянин для Дедлова есть межеумок, лицо, отмеченное неопределенностью, промежуточностью.

Описывая дорогу от Ковеля до Владимира, автор отмечает проявление то «беларусскости», то малорусскости в репрезентации тех или иных локусов, что, по его собственному признанию, приводит нарратора в недоумение, остроя повествование. Этничность и ландшафтность тесно связаны в сознании Дедлова, причем этничность в историческом процессе, что актуализирует этнонимы славянских племен, благодаря которым соединяются образы пространства прошлого и настоящего. Образ белорусов в условной картине этногенеза у автора связан с племенем кривичей, неплодородным лесным и болотно-песчаным топосом; тогда как малороссы — с племенами северян, древлян и полян, разбавленных кочевым элементом — «туранской кровью разных половцев, печенегов, черных клобуков и берендеев» — и с топосами черноземных степей, днепровских холмов и порогов, то есть во многом с тем, что в русской литературе XIX века обозначалось как *полуденная Россия*, отмеченная южностью, простором, небесностью и водностью: «Лесов нет, а простор бесконечен. Воздух сух, небо голубое, вода собрана в речки, и ее ровно столько, сколько нужно» [Там же, с. 32]. Дедловская Волинь «дреговичей» в этом плане проявляет черты обоих топосов: «От Ковеля до первой станции по направлению к Владимиру мы готовы были видеть Белорусь, притом исключительную самую худшую ее часть, где-нибудь на правом берегу Днепра, выше Рогачева. Пески и пески, едва окрашенные темным перегноем. Вдали нескончаемый бор. <...> Верст через шесть картина изменилась. Открылись обширные поля черной земли. Там и сям подымались пирамидальные тополи; под ними липовые рощи, а в рощах дома и службы помещичьих усадеб. Мы как бы перенеслись на равнину Черниговской или Полтавской губернии. Мы были в Малороссии» [Там же, с. 32]; «...проехали мы еще десяток верст — и снова мы точь-в-точь в Белоруси. Еще полстанции — и опять Волинь. Это повторялось несколько раз» [Там же, с. 32].

С одной стороны, промежуточность и неопределенность Волини оцениваются автором негативно, в это вкладывается значение ненастоящести, некоего этнического и ландшафтного симулякра: «чернозем не настоящий; это был всего лишь темный суглинок»; волянская дорога маркирована

твердостью («тверда как камень») в отличие от «черноземного пути» в Малороссии; «Не настоящий малоросс был и народ. Правда, он носил усы, соломенные брыли и коричневые свиты; язык его был малороссийский. Но зато попадались и белорусские белые свиты, обшитые по швам синим, длинные юбки женщин, рубахи навыпуск у мужчин. Самый малороссийский язык звучал грубовато и с полонизмами. Лица не были так смуглы и характерны, а тела так стройны и велики. Словом, раса — ни худая, ни хорошая, а так себе, средняя. Таковы же, говорят, и галичане» [Там же, с. 33—34]. В срединности и неопределенности Дедлов видит слабость описываемого антропного пространства: «...если вся старая Киевская и Червонная Русь была такова, если вот эти средние люди начали делать русскую историю, — неудивительно, что она скоро прекратила свое течение, перегороженная разными иноплеменными плотинами» [Там же, с. 34].

С другой стороны, мотив волынской смешанности, невыраженности черт может актуализировать и положительные мотивы покоя, уюта и привлекательности. Последний проявлен в образе древесного обрамления дорог на Волыни. Если признаком малороссийской дороги являются «придорожные вербы», а «белорусских шляхов» — березы, что делает вид, согласно нарратору, однообразно непривлекательным («что-то казенное, подрядное, солдатское»), то древесная гетерогенность волыньских путей привлекает взор путешествующего созерцателя: «...удивительно изящная аллея посаженных вперемишку кленов, ясеней, граба, береста, черешен и дуба; в низинках эти деревья сменялись колоссальными темно-зелеными осокорями, подававшими через дорогу, через наши головы, друг другу свои богатырские руки; везде <...> возвышались, точно гигантские пешеходы, пирамидальные тополи, разросшиеся во всю силу с прекрасной листвой и свежей корой. Это разнообразие придорожной аллеи придает дороге что-то приветливое и уютное. <...> тут сажал как будто заботливый хозяин, не забывший подарить путнику и фруктов в виде черешен»¹ [Там же, с. 34]. Соответственно, перед нами идиллический демиприродный пейзаж, для которого характерна умеренность, уютность, порождающие в свою очередь мотив покоя от созерцаемого, что также проявлено в панорамном пейзажном описании Волыни, подернутой дымкой в этом случае положительной неопределенности: «Там и сям синели леса и перелески, подернутые вместе с далью прозрачным сухим августовским туманом; матовым, запыленным золотом стлались сжатые и убранные пшеничные поля; чернела пахота. Солнце светило ярко, но не ослепительно; было жарко, но не очень.

1 Впрочем, Дедлов травестирует репрезентацию идиллического пространства иронической ремаркой, что волыньской дороге не доставало только «розовых кустов для путешествующих барышень» [Там же, с. 33].

И то, среди чего мы были, навевало на нас новое чувство ясного покоя и мирного удовольствия» [Там же, с. 34]. Данный пейзаж как *locus amoenus* Дедлов определяет уже через мотив настоящести: «...настоящая Волынь — эта исправленная и дополненная Белорусь» [Там же, с. 34].

4. Заключение = Conclusions

Итак, репрезентация пространств Киевщины и Волыни в тексте Дедлова характеризуется травестией, конфликтностью и лиминальностью. Травестия остренает иронически изображаемую пространственность и антропность, трансформируя как фактографический материал, лежащий в основу повествования, так и элементы романтического (мотив тихой украинской ночи) и идиллического (локус идиллического украинского Дома-сада и *locus amoenus* в панорамных описаниях Волыни).

Лиминальность и конфликтность пространственной репрезентации взаимосвязаны и обусловлены транзитным положением юго-западных пограничных территорий Российской империи XIX века. Это пространство представлено Дедловым в рассматриваемых нами фрагментах травелога как место столкновения и трансфера культур — немецкой, польской, русской, малороссийской и еврейской. Причем автор выступает прежде всего апологетом русскости. Конфликтность во взаимодействии этих культур ярче выражена в репрезентации Волыни, где польскость изображена в качестве наиболее агрессивного элемента по отношению к другим: дедловские поляки маркированы русофобией и ресентиментом, порождаемым комплексом бывших хозяев Волыни (имперским комплексом Речи Посполитой), что также зафиксировано в волынском пространстве исторической памяти. Конфликтность также усилена мотивом конфессионального противостояния «католичество / униатство vs. православие». Немецкость же, по Дедлову, выступает как потенциально бо́льшая, но скрытая угроза (латентная конфликтность). В рамках днепровского / киевского топоса автор отмечает паритет русскости и немецкости. Кроме того, киевская антропность, с одной стороны, имеет оттенок мультикультурности и космополитизма: «высокие» образы художников Васнецова и Сведомского, воплощающих народное (русское) и итальянско-римское (западное) начала соответственно; травестийные, сниженные образы русской певицы Ивановой в ночном костюмчике *bébé*, французско-немецкой артистки Бердичевсон. С другой стороны, для киевской антропности характерна несмешиваемость малороссийскости с иными этнокультурными антропными началами города, то есть актуализован мотив немалороссийскости Киева. Малороссийский этнос локализован в киевском топосе прежде всего локусами Подола и базара, куда сельские малороссы приезжают на торг.

Сквозными для волынского и киевского пространства являются мотивы хлебосольства и гостеприимства, тесно связанные с глоттонией малороссийского застолья. Ярче это выражено у Дедлова в репрезентации Киевщины, но этот мотивный ряд также остранин и травестирован мотивом ложного хлебосольства (симулякра гостеприимства), закрытости от Чужих при внешней демонстративной открытости киевского Дома-Семьи.

Общим для дедловских репрезентаций Киевщины и Волыни является также мотив неопределенности: как антропной (образ волынянина как межеумка, он представляет собой нечто среднее между малороссом и белорусом, выступает антропным симулякром; образ мнимого открытого киевлянина), так и пространственной, когда волынский ландшафт подан лишенным определенных ярких черт по сравнению с той же экспрессивной слитной демиприродной панорамой Киева-Днепра, являющейся *locus communis* киевских репрезентаций в русской литературе XIX века. Неопределенность же пространства Киева строится на сочетании в его облике новизны и старины. Неопределенный статус города-села носит в тексте и Владимир-Волынский. Впрочем, усредненный волынский пейзаж имеет в травелогге и положительный вариант идиллического, покойно-уютного локуса. В основном современная автору Волынь маркирована местечковостью / провинциальностью, маломасштабностью городских и речных топосов: изображенные Дедловым Ковель и Владимир не могут сравниться по привлекательности с Киевом, а Луг, маркируемый западностью, — с киевским отрезком Днепра. Топос последнего, впрочем, неоднороден: его докиевская (берущая начало в Белоруссии) часть отмечена энтропийностью (мотивы неосвоенности и враждебности речного пространства) и контрастирует с киевской частью, характеризующейся привлекательностью. Киев же, помимо вышеназванных свойств, маркирован мотивами демиприродности, сакральности, зрелищности / привлекательности.

Наконец, следует отметить характерное для обеих пространственных репрезентаций русского Запада в дедловском тексте противопоставление современного автору пространства пространству исторической памяти. Последнее, воплощенное как в персонифицированных сюжетах, так и в связанных с ними локусах (чаще всего храмовых), представлено возвышенным, позитивным вариантом, поскольку соотносится автором с древнерускостью и общерускостью, мотивом славного сакрального прошлого. Травестийные моменты возникают в данной репрезентации, как правило, в случае актуализации инокультурного элемента, прежде всего польского. Соответственно, влияние польскости оценивается негативно (мотивы полонизации как порчи русскости) и особенно акцентировано в волыньском варианте русского лиминального Запада. В малороссийском изводе

данного пространства Дедлов актуализирует мотив влияния степного, номадического элемента. В сравнении с «высокими» образами русско-го Средневековья Малороссии и Червонной Руси топосы современного темпорального слоя представлены блеклыми, жалкими и профанными: в Киеве сакральные места (в частности, Печерская лавра) противопоставлены пошло-скучным рекреационным локусам театрала и «Минерашек»; во Владимире-Волыньском описания руин православных храмов контрастируют с общим травестийным изображением полуторода-полусела, чье антропное измерение характеризуется мотивами зависти, корыстолюбия, ограниченности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бибиов П. А. От Петербурга до Екатеринославля / П. А. Бибиов // Время. — 1863. — № 2. — С. 110—131.
2. Вигель Ф. Ф. Записки Филипа Филиповича Вигеля : издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи) / Ф. Ф. Вигель. — Москва : Университетская типография, 1891. — Ч. 1. — 224 с.
3. Дедлов (Кигн) В. Л. Вокруг России : Польша — Бессарабия — Крым — Урал — Финляндия — Нижний : портреты и пейзажи / В. Л. Дедлов (Кигн). — Санкт-Петербург : М. М. Ледерле и Ко, 1895. — 587 с.
4. Дедлов (Кигн) В. Л. По Западному краю, старому и новому. (Из путевых заметок) / В. Л. Дедлов (Кигн) // Дело. — 1887. — № 6. — С. 1—48.
5. Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года / И. М. Долгорукий. — Москва : Университетская типография (Катков и К°), 1870. — 355 с.
6. Погодин М. П. Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году / М. П. Погодин // Москвитянин. — 1844. — № 1. — С. 151—173.
7. Филиппов С. Н. На воспетой реке / С. Н. Филиппов // Под летним небом. — Москва : Изд. Ф. А. Куманин, 1894. — С. 67—123.

Литература

1. Айзикова И. А. Жанрвое своеобразие путевых заметок о переселении в Сибирь («Переселенцы и новые места. Путевые заметки» В. Л. Дедлова и «В далекие края. Путевые наброски и картины» К. М. Станюковича) / И. А. Айзикова // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве : коллективная монография. — Москва : Флинта, 2014. — С. 84—103. — ISBN 978-5-9765-2006-6.
2. Алексеев П. В. «Прекрасная, но мало обработанная страна» : имперские нарративы в травелогe А. И. Левшина / П. В. Алексеев // Образы Новороссии в русской культуре : между прошлым и будущим : материалы I Всероссийской научно-практической конференции. — Симферополь : Издательский дом КФУ, 2025. — С. 4—12.
3. Атаянц Г. Р. Путешествие В. Л. Дедлова (Кигна) как опыт самоидентификации / Г. Р. Атаянц // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2019. — № 1 (60). — С. 187—190.

4. *Васильева Т. А.* У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Васильева. — Томск, 2014. — 232 с.

5. *Беляков С. С.* Русский взгляд на украинца / С. С. Беляков // Вопросы национализма. — 2015. — № 2 (22). — С. 80—91.

6. *Булкина И.* Киев в русской литературе первой трети XIX века : пространство историческое и литературное : диссертация ... доктора философских наук / И. Булкина. — Тарту, 2010. — 213 с.

7. *Дорджиева Е. В.* Образ города в репрезентациях путешественников : на примере восприятия Екатеринослава XIX — начала XX века / Е. В. Дорджиева // Современное педагогическое образование. — 2024. — № 3. — С. 316—322.

8. *Жданов С. С.* «Пиитическая Малороссия» : украинская пространственная образность в травелоге «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча / С. С. Жданов // Имагология и компаративистика. — 2024. — № 22. — С. 180—201. — DOI: 10.17223/24099554/22/11.

9. *Жданов С. С.* Травестийная городская Малороссия в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого / С. С. Жданов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 239—268. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-239-268.

10. *Желтова Н. Ю.* Русское и белорусское в прозе В. Л. Кигна-Дедлова : к проблеме национальной идентичности / Н. Ю. Желтова // Филологическая регионалистика. — 2016. — № 4 (20). — С. 16—20.

11. *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион : Англия и англичане глазами русских, 1825—1853 гг. / Н. А. Ерофеев. — Москва : Наука, 1982. — 320 с.

12. *Ковальская С. И.* «Переселенцы и новые места. Путевые заметки» В. Л. Дедлова как источник по изучению процессов аккультурации / С. И. Ковальская // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции : в 2-х томах. — Оренбург : ОГПУ, 2020. — Т. 1. — С. 173—177.

13. *Крюкова О. С.* Романтический образ Украины в русской литературе XIX века / О. С. Крюкова. — Москва : Наука, 2017. — 125 с. — ISBN 978-5-02-039986-0.

14. *Кубанев Н. А.* Образ Америки в русской литературе (из истории русско-американских литературных связей конца XIX — первой половины XX в.) : монография / Н. А. Кубанев. — Москва ; Арзамас : [б. и.], 2000. — 440 с. — ISBN 9785865170792.

15. *Курина Т. А.* Путевые заметки В. Л. Кигна-Дедлова : опыт познания русского национального характера и особенностей русской культуры / Т. А. Курина // Филологическая регионалистика. — 2010. — № 1—2. — С. 41—47.

16. *Куриянов С. О.* Об украинском тексте в русской романтической литературе / С. О. Куриянов // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2018. — № 6. — С. 765—770.

17. *Марчуков А. В.* Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время / А. В. Марчуков. — Москва : Регнум, 2011. — 294 с. — ISBN 987-5-91 887-012-9.

18. *Оболенская С. В.* Германия и немцы глазами русских (XIX в.) / С. В. Оболенская. — Москва : ИВИ РАН, 2000. — 210 с. — ISBN 5-94067-004-0.

19. *Овчинников Д. П.* Малороссия и малороссийский текст в творчестве Н. В. Гоголя (введение в тему) / Д. П. Овчинников // Язык и культура. — 2016. — № 26. — С. 194—199.

20. *Сипенкова Т. М.* «Как можно меньше быть туристом...» о книге В. Л. Кигна «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (СПб., 1888) /

Т. М. Сипенкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2009. — № 3. — С. 91—100.

21. Скибина О. М. Поэтика пейзажа в путевых очерках В. Дедлова / О. М. Скибина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2021. — Т. 1. — № 1 (34). — С. 50—56. — DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_50.

22. Скибина О. М. Творчество В. Л. Кигн-Дедлова : Проблематика и поэтика : монография / О. М. Скибина. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2013. — 360 с. — ISBN 978-5-85859-548-9.

23. Цзи Х. Российская идентичность в литературном творчестве В. Л. Кигна-Дедлова / Х. Цзи // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. — 2022. — № 1 (130). — С. 168—172.

24. Чупин М. Ю. «Жутко вам на пороге Азии!» : ориенталистские и эволюционистские представления чиновника переселенческого управления В. Л. Кигна (Дедлова) / М. Ю. Чупин // Социальные и гуманитарные исследования сегодня : непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее : сборник материалов XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 21—23 апреля 2021 г.). — Томск : ТГУ, 2021. — Выпуск 16. — С. 593—599. — ISBN 978-5-907442-29-0.

25. Lebedeva O. B. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts / O. B. Lebedeva, A. S. Januškevič. — Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 2000. — 276 S. — ISBN 3412092991.

26. Westphal B. Geocriticism. Real and Fictional Spaces / B. Westphal. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — 192 p. — ISBN 978-0-230-11021-2.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025,
одобрена после рецензирования 14.11.2025,
подготовлена к публикации 20.12.2025.

Material resources

- Bibikov, P. A. (1863). From St. Petersburg to Yekaterinoslavl. *Time*, 2: 110—131. (In Russ.).
- Dedlov (Kign), V. L. (1895). *Around Russia: Poland — Bessarabia — Crimea — Urals — Finland — Nizhny Novgorod: portraits and landscapes*. St. Petersburg: M. M. Lederle and Co. 587 p. (In Russ.).
- Dedlov (Kign), V. L. (1887). On the Western edge, old and new. (From travel notes). *A business*, 6: 1—48. (In Russ.).
- Dolgoruky, I. M. (1870). *Glorious diamonds beyond the mountains, or my journey somewhere in 1810*. Moscow: University Printing House (Katkov and Co.). 355 p. (In Russ.).
- Filippov, S. N. (1894). On the glorified river. In: *Under the summer sky*. Moscow: F. A. Kumanin Publishing House. 67—123. (In Russ.).
- Pogodin, M. P. (1844). Pogodin's trip abroad in 1842. *Moskvityanin*, 1: 151—173. (In Russ.).
- Vigel, F. F. (1891). *Notes of Philip Filipovich Vigel: edition of the "Russian Archive" (supplemented from the original manuscript), 1*. Moscow: University Printing House. 224 p. (In Russ.).

References

- Aizikova, I. A. (2014). Genre originality of travel notes on resettlement to Siberia ("Migrants and new places. Travel notes" by V. L. Dedlov and "To distant lands. Travel sketches

- and paintings” by K. M. Stanyukovich). In: *The Siberian text in the national plot space: a collective monograph*. Moscow: Flinta. 84—103. ISBN 978-5-9765-2006-6. (In Russ.).
- Alekseev, P. V. (2025). “A beautiful but poorly cultivated country”: imperial narratives in the travelogue by A. I. Levshin. In: *Images of Novorossiia in Russian culture: between the past and the future: proceedings of the I All-Russian Scientific and Practical Conference*. Simferopol: KFU Publishing House. 4—12. (In Russ.).
- Atayants, G. R. (2019). The Journey of V. L. Dedlov (Kigna) as an experience of self-identification. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 1 (60): 187—190. (In Russ.).
- Belyakov, S. S. (2015). The Russian view of Ukrainians. *Issues of nationalism*, 2 (22): 80—91. (In Russ.).
- Bulkina, I. (2010). *Kiev in Russian literature of the first third of the 19th century: historical and literary space*. Doct. Diss. Tartu. 213 p. (In Russ.).
- Chupin, M. Y. (2021). “It’s creepy for you on the threshold of Asia!”: orientalist and evolutionist ideas of the official of the resettlement administration V. L. Kign (Dedlov). In: *Social and humanitarian research today: an unpredictable past, an uncertain future: a collection of materials of the XVI All-Russian (with international participation) scientific conference of students, undergraduates, graduate students and young scientists (Tomsk, April 21—23, 2021)*, 16. Tomsk: TSU. 593—599. ISBN 978-5-907442-29-0. (In Russ.).
- Dorjieva, E. V. (2024). The image of the city in the representations of travelers: on the example of the perception of Yekaterinoslav of the XIX — early XX century. *Modern pedagogical education*, 3: 316—322. (In Russ.).
- Ji H. (2022). Russian identity in the literary work of V. L. Kigna-Dedlov. *Proceedings of Gomel State University named after F. Skoriny*, 1 (130): 168—172. (In Russ.).
- Kovalskaya, S. I. (2020). Migrants and new places. Travel Notes by V. L. Dedlov as a source for the study of acculturation processes. In: *The tenth Bolshakov readings. Orenburg Region as a historical and cultural phenomenon: collection of articles of the international scientific and practical conference: in 2 volumes, 1*. Orenburg: OGPU. 173—177. (In Russ.).
- Kryukova, O. S. (2017). *The romantic image of Ukraine in Russian literature of the XIX century*. Moscow: Nauka Publ. 125 p. ISBN 978-5-02-039986-0. (In Russ.).
- Kubanev, N. A. (2000). The image of America in Russian literature (from the history of Russian-American literary relations at the end of the nineteenth and the first half of the twentieth centuries): a monograph. In: *Russian Academy of Sciences*. Moscow; Arzamas: [b. i.]. 440 p. ISBN 9785865170792. (In Russ.).
- Kurina, T. A. (2010). Travel notes by V. L. Kigna-Dedlov: the experience of learning the Russian national character and the peculiarities of Russian culture. *Philological regionalism*, 1—2: 41—47. (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2018). On the Ukrainian text in Russian romantic literature. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, 6: 765—770. (In Russ.).
- Lebedeva, O. B., Januškevič, A. S. (2000). *Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau. 276 S. ISBN 3412092991. (In Germ.).
- Marchukov, A. V. (2011). *The image of Ukraine in the Russian mind. Nikolai Gogol and his time*. Moscow: Regnum. 294 p. ISBN 987-5-91 887-012-9. (In Russ.).

- Obolenskaya, S. V. (2000). *Germany and the Germans through the eyes of Russians (XIX century)*. Moscow: IVI RAS. 210 p. ISBN 5-94067-004-0. (In Russ.).
- Ovchinnikov, D. P. (2016). Little Russia and the Little Russian text in the works of N. V. Gogol (introduction to the topic). *Language and Culture*, 26: 194—199. (In Russ.).
- Sipenkova, T. M. (2009). “Being a tourist as little as possible...” about V. L. Kigna’s book “Adventures and impressions in Italy and Egypt. Notes on Turkey” (St. Petersburg, 1888). *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies*, 3: 91—100. (In Russ.).
- Skibina, O. M. (2013). *The work of V. L. Kign-Dedlov: Problematics and poetics: a monograph*. Orenburg: OGPU Publishing House. 360 p. ISBN 978-5-85859-548-9. (In Russ.).
- Skibina, O. M. (2021). The poetics of landscape in the travel essays of V. Dedlov. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 1 / 1 (34): 50—56. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_50. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. A. (2014). *At the origins of Ukrainophilism: the image of Ukraine in Russian literature at the end of the XVIII — first quarter of the XIX century*. PhD Diss. Tomsk. 232 p. (In Russ.).
- Westphal, B. (2011). *Geocriticism. Real and Fictional Spaces*. London: Palgrave Macmillan. 192 p. ISBN 978-0-230-11021-2.
- Yerofeyev, N. A. (1982). *Foggy Albion: England and the British through the eyes of Russians, 1825—1853*. Moscow: Nauka Publ. 320 p. (In Russ.).
- Zhdanov, S. S. (2024). “Religious Little Russia”: Ukrainian spatial imagery in the travelogue “Travel Letters from England, Germany and France” by N. I. Grech. *Imagology and comparative Studies*, 22: 180—201. DOI: 10.17223/24099554/22/11. (In Russ.).
- Zhdanov, S. S. (2024). Travesty of urban Little Russia in the travelogue “Glorious diamonds beyond the Mountains, or my journey to somewhere in 1810” by I. M. Dolgoruky. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 239—268. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-239-268. (In Russ.).
- Zheltova, N. Y. (2016). Russian and Belarusian in the prose of V. L. Kigna-Dedlov: towards the problem of national identity. *Philological Regionalism*, 4 (20): 16—20. (In Russ.).

*The article was submitted 20.06.2025;
approved after reviewing 14.11.2025;
accepted for publication 20.12.2025.*

Информация для цитирования:

Красноярова А. А. Китайский цикл С. М. Третьякова / А. А. Красноярова, Б. В. Кондаков, Т. Д. Попкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 325—348. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-325-348.

Krasnoiarova, A. A., Kondakov, B. V., Popkova, T. D. (2025). Chinese Cycle of Sergei Tretyakov. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 325-348. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-325-348. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Китайский цикл С. М. Третьякова

Красноярова Анна Александровна¹
orcid.org/0000-0003-3396-6736
кандидат филологических наук,
преподаватель иностранных языков,
корреспондирующий автор
annapopkova1909@gmail.com

Кондаков Борис Вадимович²
orcid.org/0000-0002-1727-8047
доктор филологических наук,
профессор,
Директор Центра восточноазиатских
исследований, профессор кафедры
русской литературы
kondakovb@mail.ru

Попкова Татьяна Дмитриевна²
orcid.org/0000-0003-0267-217X
доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры педагогики
tatyana3@mail.ru

¹ Аньхойский университет
(Хэфэй, Китай)

² Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)

Chinese Cycle of Sergei Tretyakov

Anna A. Krasnoiarova¹
orcid.org/0000-0003-3396-6736
PhD in Philology,
teacher of foreign languages,
corresponding author
annapopkova1909@gmail.com

Boris V. Kondakov²
orcid.org/0000-0002-1727-8047
Doctor of Philology, Professor,
Director of the Center for East Asian
Studies, Professor of the Department
of Russian Literature
kondakovb@mail.ru

Tatiana D. Popkova²
orcid.org/0000-0003-0267-217X
Doctor of Cultural, Associate Professor,
Professor, Department of Pedagogy
tatyana3@mail.ru

¹ Anhui University
(Hefei, China)

² Perm State University
(Perm, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы произведения писателя-футуриста С. Третьякова (1892—1937), посвящённые Китаю: стихотворения «Новь. Пекин», поэмы «Ли Ян упрям» и «Рычи, Китай!», пьесы «Рычи, Китай!», книги очерков «Чжунго» и «био-интервью» «Дэн Ши-хуа». Поднимается вопрос о месте каждого произведения в его составе. Авторы утверждают, что стихотворение «Новь. Пекин» является «эпиграфом», задающим основные мотивы и пространственно-временные координаты цикла. Показано, что в поэмах «Рычи, Китай!» и «Ли Ян упрям», а также в пьесе «Рычи, Китай!» раскрывается борьба китайского народа с империалистами. Утверждается, что будущее в этих произведениях интерпретируется как процесс объединения разделённого на части китайского мира. Охарактеризована пространственно-временная организация очерка «Чжунго» и «био-интервью» «Дэн Ши-хуа». Доказано, что, несмотря на разную жанровую природу, рассмотренные произведения составляют целостный цикл, объединённый темой и идеологическими установками. Подчёркивается, что общими являются стиливые принципы, ориентация на воспроизведение «фактов», система повторяющихся символов и мотивов, способы организации художественного пространства и времени, нацеленность на определение будущего Китая. Сделан вывод о том, что рассмотренные произведения С. Третьякова ориентированы на постоянный диалог с читателем посредством воспроизведения в текстах фактического картины китайского мира, раскрытой с позиции культуры.

Ключевые слова:

Третьяков; Китай; цикл; футуризм; литература факта; био-интервью.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the works by futurist writer Sergei Tretyakov (1892–1937) devoted to China, including his poems “Novy. Peking,” “Li Yang Upram” and “Roar, China!” as well as plays such as “Roar, China!”, travelogues like “Zhongguo,” and biographical interviews titled “Deng Shi-hua.” It investigates how each work contributes to a unified thematic structure within this cycle. It is argued that the poem “Novy. Peking” serves as an epigraph introducing key motifs and spatio-temporal coordinates for subsequent texts in the series. Furthermore, it demonstrates that both the epic poems “Roar, China!” and “Li Yang Upram,” along with the play “Roar, China!,” depict the struggle of the Chinese people against imperialists. These works also envision future developments as a process of unifying fragmented parts of the Chinese nation. Additionally, attention is given to the spatial and temporal organization found in the narrative essays “Zhongguo” and the interview-based piece “Deng Shi-hua.” Despite their varied generic forms, these texts are shown to form a coherent literary cycle united by common themes and ideological frameworks. Shared stylistic principles include factual representation, recurring symbols and leitmotifs, methods of structuring artistic space and time, and a focus on projecting possible futures for China. Ultimately, it is concluded that Tretyakov’s works engage readers through sustained dialogue based on authentic representations of the Chinese cultural landscape.

Key words:

Tretyakov; China; cycle; Futurism; literature of facts; bio-interview

Китайский цикл С. М. Третьякова

© Краснаярова А. А., Кондаков Б. В., Попкова Т. Д., 2025

1. Введение = Introduction

Творчество Сергея Михайловича Третьякова (1892—1937), сыгравшего заметную роль в русской культуре 1920-х годов, до сих пор остаётся малоизученным. Писатель создавал произведения разных жанров: стихотворения, поэмы и песни, пьесы и киносценарии, прозаические тексты. Он активно занимался фотографией, работал преподавателем, редактировал журнал «ЛЕФ». Как представитель футуризма, Третьяков стремился выразить в своих произведениях признаки эпохи индустриализации, связанной с ускорением темпа жизни человечества и мировым антиимпериалистическим движением, а также с созданием нового языка искусства.

В 1920-е — начале 1930-х годов Третьяков имел возможность выезжать в зарубежные страны: в первой половине 1920-х годов он дважды посетил Китай, а в начале 1930-х годов побывал в ряде стран Европы. Он занимался переводом произведений немецких писателей, был хорошо знаком с Б. Брехтом, который называл Третьякова не только другом, но и «учителем» [Головчинер, 2024], режиссёром Э. Пискатором, композитором Х. Эйслером. Творчество российского писателя в рассматриваемый период обрело на Западе известность, а его пьесы ставились в разных странах.

Несмотря на то, что особенности образа Китая в творчестве Третьякова рассматривалось в работах Ли Иннань [Ли Иннань, 2012], Н. Давитадзе [Давитадзе, 2009], Н. Тропкиной и Ван Тяньцзяо [Тропкина, 2022], литературные связи, существующие между произведениями китайского цикла, литературоведами практически не изучались. Именно эту научную проблему мы будем рассматривать в статье.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Российские литературоведы до недавнего времени практически не обращались к творчеству С. Третьякова. Во второй половине 1930-х годов его перестали печатать, а имя не упоминали. Переиздания произведений писателя появились только в 1960-е годы; тогда же стали печататься и отдельные литературоведческие исследования [Белоусов, 1961], а также за-

пишущаяся диссертации [Азьмуко, 1970; Крюкова, 1968], посвящённые его творчеству.

Наиболее глубокие работы о Третьякове появились в 1990—2000-е годы. В них рассматривалось жанрово-стилевое новаторство его произведений, их место в истории русского авангарда и в западноевропейском литературном процессе, творческие и биографические связи с представителями авангарда. Среди литературоведов, изучавших творчество писателя, можно назвать А. Верченко [Верченко, 2018], В. Головчинер [Головчинер, 2007], Е. Капинос [Капинос, 2019], А. Косых и П. Арсеньева [Косых и др., 2010], П. Пороль [Пороль, 2020], Т. А. Шарыпину [Шарыпина, 2016]. В их работах были раскрыты особенности поэтики произведений Третьякова, а также многообразные связи его творчества с русской и мировой литературой XX века.

Среди российских учёных наибольший вклад в изучение его произведений внесла В. Головчинер, исследовавшая историю формирования и поэтику жанра эпической драмы [Головчинер, 2007; Головчинер, 2009], одним из создателей которой являлся Третьяков. Головчинер выявила, что для эпической драмы характерен полифонический способ организации фавбулы, принцип монтажа эпизодов, не связанных причинно-следственными связями; апелляция к способности читателя «соразмышлять» и «сопереживать»; использование протосюжета, задающего «систему координат» [Головчинер, 2010, с. 17—18].

В меньшей степени изучены связи произведений Третьякова с Востоком, изображение которого занимало в его творчестве важное место — большую роль в этом сыграла вторая поездка писателя в Китай, во время которой он работал профессором Пекинского университета и среди его учеников, в частности, был будущий известный учёный, писатель и переводчик профессор Цао Цзинхуа [Белоусов, 1961]. Писатель имел китайское имя Те Цзекэ [Тропкина и др., 2023, с. 118]. Следует отметить, что в книге «Дэн Ши-хуа» указывается другое имя — Тэ Ти-ко или Тэ Джакэ (特杰克), а также сообщается, что на первом занятии студенты дали ему прозвище «Тэ чжу-гань» (特竹杠), то есть «Бамбуковая ветвь», «Жердь» (за необычно «длинный» для Китая рост) [Третьяков, 1930а, с. 335—337].

Тексты, связанные с Китаем, заняли в творчестве писателя особое место. Это стихотворение «Ночь. Пекин» (1921), поэмы «Рычи Китай» (1924) и «Ли Ян упряма» (1926), путевые очерки «Москва — Пекин» (1925), пьеса «Рычи, Китай!» (1925—1926), книга очерков «Чжунго» (1927), роман «Дэн Ши-хуа» (1930). В совокупности эти произведения, разные по жанру, объединённые общими темой и местом действия, а также персонажами, мы будем называть **китайским циклом**. В планах писателя было создание

нескольких произведений о Китае в жанре киносценария — приключенческой трилогии под ориентировочным названием «Капитал» («Жёлтая опасность», «Голубой экспресс», «Рычи, Китай!»), постановщиками которой могли стать С. Эйзенштейн и Г. Александров, фильма-путешествия «Москва — Пекин», а также короткометражных фильмов, однако из-за изменения политической ситуации в Китае им было не суждено сбыться [Гомолицкая-Третьякова, 2024].

В основе исследования лежит традиционный для советского и российского литературоведения историко-типологический метод, предполагающий определение места художественного произведения (группы произведений, объединённых на основании того или иного принципа) в литературном процессе и выявление на этом материале общих (тематических, жанровых, стилевых, направленческих и иных) тенденций. В процессе анализа исторических и культурных контекстов, отразившихся в китайском цикле Третьякова, использовались отдельные принципы «культурно-контекстуального» и биографического методов литературоведения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Сопоставление России и Китая стало для русской литературы XIX — начала XX веков достаточно традиционным. Образ Китая в сознании читателей этого периода оказался связан с культурными стереотипами (о его «замкнутости», культурной и экономической «отсталости») и был в значительной степени мифологизирован [Красноярова, 2019]. Живя в Пекине, писатель смог уточнить представления о стране и осмыслить происходящие в ней социально-исторические процессы, что позволило создать цикл произведений, воспроизводящих разные стороны жизни Китая, в котором происходили грандиозные социальные изменения, ставшие объектом описания советской публицистики.

3.1. Стихотворный эпиграф

Первое по времени создания произведение Третьякова, которое можно отнести к «китайскому циклу», — стихотворение «Ночь. Пекин», включённое поэтом в книгу стихов «Ясныш». Как отмечают исследователи, в этом стихотворении отразилось футуристическое мировидение поэта, что <...> актуализировано в системе урбанистических образов» [Тропкина, 1922, с. 184]. В предисловии к сборнику писатель сформулировал принципы, которые были реализованы в дальнейшем: «Поэт — только словоработник и словоконструктор, мастер речёвки на заводе живой жизни [Третьяков, 1922, с. 5].

Произведения Третьякова, вошедшие в «китайский цикл», декларировали «уход за пределы стихов» к изображению «подлинной жизни». В таком кон-

тексте стихотворение «Ночь. Пекин» становилось «эпиграфом» ко всему циклу. Образ города оказывался двойственным: с одной стороны, он создавался при помощи характерных для футуристов приёмов «речевки» и парадоксальных образных словосочетаний («зеленозвёздное тысячечоточье», «мык» города, «назой скрипок», «чудовно зреют», «шушуки спален» и т. п.) [Третьяков, 1922, с. 49—50], — с другой, он был представлен в обобщённо-поэтической форме. «Наполнение» образа Китая произошло в последующих текстах цикла, в которых отдельные стереотипные мотивы (стены, фонари, двери...) и темы этого стихотворения стали развиваться и конкретизироваться.

3.2. Китай страдающий и протестующий

Два центральных произведения цикла — пьеса «Рычи, Китай!» и поэма с аналогичным заголовком — «Рычи, Китай». Отметим попутно, что в публикации журнала «ЛЕФ», осуществлённой в 1924 году, запятая и восклицательный знак в названии поэмы отсутствовали. В отдельном издании поэмы в 1926 году на обложке книги были поставлены запятая и восклицательный знак («Рычи, Китай!»); с такими же знаками было написано название поэмы в последнем разделе книги «Чжунго» [Третьяков, 1930в, с. 345]. Нетрадиционное для поэтического текста слово «рычи» содержало отсылку к программному стихотворению 1922 года «Моей аудитории. Спич» из сборника «Ясныш» («Эй ты, беззубием лов рычи!» [Третьяков, 1922, с. 7]), в котором формулировались требования к новому читателю. Это слово содержало отсылку и к другому тексту — стихотворению В. Маяковского «Прочь руки от Китая» (1924): «Рычи, рабочий: / — Прочь // руки от Китая!» [Маяковский, 1957, т. 6, с. 88]. Название произведений формировало в сознании читателя политический контекст их восприятия: в нём содержалось указание на актуальные газетные публикации и формулировки политических лозунгов.

В поэме можно выделить четыре основных группы мотивов, каждая из которых была соотнесена со стихотворением Маяковского: мотивы, связанные с *трудом* и его результатами; мотивы, связанные с *едой*; мотивы, связанные с *деньгами* и их накоплением; мотивы, связанные со *смертью*. В поэме также развивались мотивы «эпиграфа» к «китайскому циклу» — «Ночь. Пекин» (стены, запахи и звуки города). Однако — в отличие от стихотворения, где мир Китая был представлен в аспекте *вневременной вечности*, хранителем которой оказывался город, а взгляд лирического героя развёртывался по *вертикальной* пространственной оси, — в поэме был сделан акцент на воспроизведение *современности*, реализующейся в рамках *горизонтального* пространства.

Со стихотворением «Прочь руки от Китая» соотнесена система образов поэмы «Рычи, Китай»: в качестве персонажей произведения появляются

сы обезличенные представители «империалистов» («американец», «европеец», «рыжий», «белый»...), — с одной стороны, — и трудящихся Китая («Рикша», «Точильщик», «Навозник», «Водовоз», «Фруктовщик»...) — с другой.

Поэма «Рычи, Китай» соответствовала принципам футуризма: в ней раскрывалась тема жизни города, присутствовал бунтарский пафос, выражавший революционные настроения «народных масс» и устремлённость в будущее; она была полемически направлена против утверждения нормативной «красоты» и «этических ценностей» классического искусства (таковы натуралистические эпизоды, в которых описываются кровавые расправы с «империалистами»); её текст ориентирован на *звучащее слово*, чему способствовали эксперименты в области формы — использование звукописи и словотворчества («с чавком сосали», «чинодралы», «кровососейшая опера»).

В поэме проявляется характерное для Третьякова «театральное начало»: читатель ориентирован не столько на «вчувствование» во внутренний мир героев, сколько на условное восприятие «демонстрируемых» событий. Писатель выстраивает в пространственно-временных «декорациях» Пекина цепочку выразительных микросюжетов, сопровождающихся краткими комментариями. Все переданные микросюжетами мизансцены условны и близки к жанру «перформанса», который был характерен для публичных выступлений самих футуристов.

Большую роль в поэме играл мотив разделённого пространства, части которого противопоставлены друг другу. Для этой цели использовался образ стены: «...Этот образ один из наиболее частотных, он упоминается в тексте 14 раз. Художественный смысл его варьируется. Традиционно образ стены может имплицитно указывать и на закрытость Китая, и на его силу и мощь. <...> Однако в произведении С. Третьякова художественный смысл образа иной: стены обозначают классовую стратификацию жителей Китая» [Тропкина и др., 2023, с. 119].

Со «стенами» Китая соотнесено воспроизведение потока времени — одно из важнейших для футуристов представлений: «Века позади / Века впереди / И ежедень тупая» [Третьяков, 1924, с. 33]. То, что находится за стеной («посольский квартал»), связывается с прошлым, в то время как будущее — с разрушением стены и бунтом. Показательно использование писателем в одной из финальных строф слова «Ясныш»: «Когда же окончит пляс нож / Флаги наций к земле приколя, / Взойдёт над Китаем Ясныш / Солнцем, большим, как земля» [Там же, с. 32]), — которое в его художественной системе указывало на необходимость активных действий: «Навьючился страхами час наш, / А сердце — копилка вопросов оно. / Смотри

же, мой кроткий Ясныш, — / Спокойствие исполосовано...» («Мятеж», 1919) [Третьяков, 1922, с. 9]. Отметим и то, что в строчке про флаги можно увидеть полемическую отсылку к «Медному всаднику» А. Пушкина: «Сюда по новым им волнам / Все флаги в гости будут к нам, / И запируем на просторе». Если у Пушкина речь шла об *открытии* страны для дружественных гостей, то у Третьякова — об её грядущем *закрытии* от враждебных государств.

В отличие от стихотворения Маяковского, в котором информация о Китае была передана в «лозунговом», «формульном» виде, поэма Третьякова воссоздавала многообразный мир при помощи упоминания *запахов*, разнообразных *цветовых* (жёлтый, синий, голубой, зелёный, серый, чёрный и красный цвета соотнесены с трудовым Китаем, а рыжий и белый — с империализмом и империалистами) и *звуковых* мотивов. Звук присутствует в названии поэмы («Рычи...») и её тексте как «повседневная речь людей», которая в восприятии читателей должна стать результатом «повторного преодоления материала» [Третьяков, 1922, с. 5].

В «Присловии» к произведению автор отмечал: «Основная гуща поэмы построена на “звуковых вывесках” уличных бродячих ремесленников и торговцев Пекина — это либо выкрики, либо звуки, издаваемые разными инструментами» [Третьяков, 1924, с. 33]. «Естественные» звуки пекинских улиц и голоса её обитателей противопоставляются искусственной музыке «посольского квартала» — фокстроту и «Сильве». Упоминание оперетты в данном контексте особенно символично: произведение, созданное в годы Первой Мировой войны (и шедшее под разными названиями по обе стороны фронта), содержало мысль о преодолении социальных противоречий, — в то время как поэма Третьякова утверждала идею необходимости кровавых столкновений, мщения колонизаторам за столетия рабства.

Такая же идея содержалась и в «пьесе-статье» «Рычи, Китай!», описывавшей борьбу портовых рабочих против британских колонизаторов. Третьяков отмечал, что в этом произведении «нашёл настоящую тему», и создал его «лихорадочно быстро» [Третьяков, 1930в, с. 346]. В 1920—1930-е годы пьеса совершила триумфальное шествие по всему миру: она была переведена на многие языки (английский, немецкий, французский, испанский, китайский, японский, польский, датский, эстонский, норвежский, еврейский, татарский, узбекский, украинский, грузинский, армянский, эсперанто) и шла во многих театрах. Её первая постановка в СССР была осуществлена В. Фёдоровым в январе 1926 года в Театре Вс. Мейерхольда (при непосредственном участии Мейерхольда и Третьякова). В дальнейшем пьеса была поставлена в Германии, США, Эстонии, Польше, Аргентине, Австралии, Японии и, конечно, Китае, где она шла под названием

«Нухоу ба, Чжунго!» (怒吼吧, 中国 — «Рычащий Китай»). Художник Лю Куан (刘旷), друг Лу Синя (который, возможно, был знаком с Третьяковым), в 1935 году создал на тему пьесы серию гравюр [Белоусов, 1961].

Успех пьесы «Рычи, Китай!» был определён как актуальностью темы, так и её художественными особенностями. В отличие от поэмы, в которой не было «сквозного» сюжета (его заменяли «микросюжеты», совокупность которых раскрывала панораму жизни страны и цели, к которым она должна стремиться), в основу фабулы пьесы было положено событие, происшедшее в июне 1924 году. В интерпретации Третьякова история выглядела так: «...Летом в Ваньсяне за смерть американца капитан канонерки “Кокчефер” навёл пушки на город и потребовал казни двух невинных лодочников. И они были казнены» [Третьяков, 1930а, с. 337]. «Фактографический» характер произведения подчёркивается подзаголовком — «событие в 9 звеньях».

Из принципов «эпического театра» проистекало, что искусство является средством *преобразования* (а не «отражения») действительности, поэтому пьеса включала авторские комментарии, помогавшие режиссёру, актёрам и зрителям определить в своём отношении к персонажам, а также к «фактам» реальности.

В пьесе воспроизводились мотивы, заявленные в поэме, — борьбы, труда, еды / голода и денег; при этом основными оказывались мотивы, соотносённые с *деньгами* [Головчинер, 2024, с. 121]. В пьесе возникает ещё один постоянный мотив, представленный и в поэме, — мотив *смерти*, однако в поэме гибель «белых» и «рыжих» показывается как реализация *мечты* китайских трудящихся о справедливом воздаянии империалистам за причинённое зло; в пьесе смерть дифференцируется: она может быть бессмысленной (как у агента американской фирмы Холея) или жертвенной (как у Старого лодочника) — ради спасения других людей, побуждающей народ к бунту.

Развивается в пьесе и принцип противопоставления частей пространства. В поэме «посольский квартал» сопоставлялся «китайскому миру», в пьесе сравнивались Ваньсян и британский корабль: «Два места, на которых разворачивается действие, — китайский берег и империалистическая канонерка. Это по существу типичное противопоставление китайского Пекина — посольскому кварталу, Шанхая — сэттльменту, Тяньцзиня — концессиям, Кантона — Шамину и наконец всего Китая его диктаторам и кредиторам...» [Третьяков, 1930б, с. 6].

Жизнь пристани — в отличие от жизни канонерки, обитатели которой заняты преимущественно поиском способов прибыли и охраной своих «привилегий», — представляет *весь* Китай, и поэтому среди персонажей оказываются представители разных сословий — глава города, богатый купец,

студент-переводчик, кули, ремесленники, «разносчики», «мозольные операторы», старуха — скупщица детей, бродячие артисты, представители союза лодочников и члены их семей, истопник-кантонец, монах, полицейские, палачи, слепцы. Существование всех этих людей — так же, как и жизнь героев поэмы, — окрашено разными цветами и сопровождается многочисленными звуками («Пристань живёт звонко и пёстро» [Там же, с. 10]).

Художественное пространство и время пьесы организованы по тем же принципам, что и поэмы: «9 звеньев» воспроизводят события современности; авторские комментарии, с одной стороны, раскрывают историко-культурный контекст событий, а с другой — проецируют их в будущее. Один из персонажей пьесы, китайский студент, произносит знаменательные слова: «Всей земле, всей земле рычите в уши о преступлении! Вон из нашего Китая!» [Там же, с. 95]. На «пророческий» характер пьесы указывает автор, напоминая об известном «Ваньсяньском инциденте» (в котором участвовала канонерка «Кокчэфер»), свершившемся через два года после изображённых событий, во время которого возникла конфронтация между англичанами и китайским правителем генералом Ян Сэнем, в результате чего было убито более тысячи жителей Ваньсяня.

Проблемы, поставленные в пьесе, развивались в поэме «Ли Ян упрям» [Третьяков, 1927], в которой присутствовали такие же группы мотивов, как и в других произведениях «китайского цикла» (труд, борьба, деньги, еда, смерть), и использовались «цветовые» мотивы (в тех же значениях, что и в поэме «Рычи, Китай»). Преодолевая многочисленные «беды», Ли Ян сталкивается с людьми разных сословий: хозяином-помещиком, бандитами, судьёй, генералом, иностранцем, студентом, — каждый из которых наделён определённым *голосом*. В поэме также проявляется «театральное начало», поскольку каждая «встреча» представляет сценку, с которой связан «микросюжет», иллюстрирующий необходимость борьбы с угнетателями. Однако соотношение микросюжетов и связанных с ними «голосов» героев в произведениях различалось: если в поэме «Рычи, Китай» все персонажи оказывались едины в своей ненависти к угнетателям, то в поэме «Ли Ян упрям» «монолитность» исчезает — вместо этого раскрывается «цепь противоположений, которая рассекает классовыми траншеями единую на первый взгляд гущу китайского народа» [Третьяков, 1930в, с. 347], а каждый «голос» выражает *собственную* (отличную от авторской) позицию.

«Беды» Ли Яна расширяют пространство героя: из деревни, где располагалась лачуга его семейства, он попадает в уездный город, а после этого «ходит походом» в составе «генеральского сброда» [Третьяков, 1957, с. 527]; затем он оказывается в международном городе Шанхае. Пройдя через «семь бед», Ли Ян решает покончить жизнь самоубийством, но под

влиянием революционного плаката в руках студента он — вместе с другими жителями страны — отражается на бунт, и их «гнев великий» заставляет замолчать «комментатора» событий — учителя У Чана.

3.2. Панорама жизни

Идея и сюжет поэмы «Ли Ян упрям» соответствовали стереотипным советским идеологическим трафаретам конца 1920 — начала 1930-х годов, однако в произведении проявилась новая тенденция: обобщённо-поэтическая образность первой поэмы «китайского цикла» во второй поэме стала замещаться образностью *конкретно-аналитической*. Этот же принцип развился в «очерках о Китае» «Чжунго».

Важнейшая установка очерков «Чжунго», развивавшая тенденции поэмы и пьесы, — воспроизведение современной действительности. Во вводном разделе, имеющем знаковое название «Любить Китай», автор противопоставлял собственный подход (изображение «на дыбы встающей» страны) стереотипным представлениям о стране как о «фантастической» и экзотичной, для описания которой используется «будуарная китайщина» (фарфор, шёлк, чай, веер, зонтики, «китайский болванчик» и т. п.), необходимая «сереньким обывателям» из числа «чутких натур».

Интересно отметить, что Третьяков полемизировал не столько с *читателями*, сколько со *зрителями*. Автор приводит характерные примеры «моды» на Китай, которая «вскарabкалась на подмостки театров пьесами, полными царевен, драконов, кинжальных убийц, — “Бронзовый идол”, “Чу Юн-вай”, “Меловой круг”, и наконец расцвела “Красным маком”, где еле слышно прорастает сквозь будуарную китайщину чечотка “Яблочка”» [Третьяков, 1930в, с. 8], которым противопоставлялся «спектакль-статья» «Рычи, Китай!» (в том же контексте упоминался спектакль «Принцесса Турандот» Третьей студии МХТ [Третьяков, 1930б, с. 9], поставленный в 1922 году). Третьяков имел в виду московские спектакли: драму «Бронзовый идол» Г. Павлова в Малом театре (1926), сатирическую пьесу-сказку Ю. Берстля «Чу Юн-вай» Четвёртой студии МХТ (1924), пьесу А. Геншке «Меловой круг», поставленную театрами Майсена и Берлина (1925) и Московским театром Корша (1928), балет Р. Глиэра «Красный мак» в Большом театре (1927). Можно предположить, что ироническое упоминание писателем «расцветшего “Красного мака”» свидетельствует о том, что ему — как человеку, хорошо понимавшему Китай, — были понятны ассоциации, связанные в сознании китайцев с таким названием, — что через 30 лет и подтвердилось ситуацией, когда делегация китайских коммунистов во главе с Председателем Мао Цзедунем отказалась от посещения этого спектакля. В том же контексте упоминается спектакль «Принцесса Турандот» Третьей студии МХТ (1922) [Третьяков, 1930б, с. 9].

Полемика автора с читателями или зрителями — любителями «уточенной красоты» и литературных стереотипов укладывалась в традицию русской классической литературы XIX века (представленную в произведениях Н. Г. Чернышевского или М. Е. Салтыкова-Щедрина), а также позволяла уточнить собственные творческие принципы («Не действительность серее фантазии, а фантазия серее действительности» [Там же, с. 10]).

«Театрализация» действия была характерна для многих произведений Третьякова, однако она должна была извлекаться из самой жизни. Одновременно писатель стремился максимально конкретизировать и «документализировать» описываемые явления. Это проявлялось в оформлении книги, где активно использовались дополняющие словесные описания фотографии (большинство которых было сделано автором): жизнь трудового Китая, бытовые сценки, улицы и строения Пекина, портреты исторических деятелей и типовых персонажей. «Пространственный» характер художественного мира книги «Чжунго» выражался, в частности, в том, что в ней — при всей её «точности» — было очень мало конкретных дат.

Книга «Чжунго» была организована по принципу симметрии: проблематика и образы начальных глав развивались и пересматривались в завершающих циклы главах. Это проявлялось в их названиях: первый раздел («Любить Китай») соотносился с последним («Рычи, Китай!»), второй («Путёвка») — с предпоследним («Домой»), третий («Пекин») — со вторым с конца («Яростный Пекин»).

Изображённое в книге пространство помогает раскрыть некоторые аспекты исторического времени. Начальные разделы книги предлагают вводную экспозицию, раскрывающую особенности описываемого периода, а завершающие показывают перспективу их развития. Параллели можно провести и между другими частями произведений. Например, в первом и последнем разделах («Любить Китай» и «Рычи, Китай!») излагаются причины обращения к китайской тематике и авторская интерпретация творческого процесса. Раздел «Путёвка» в жанровом плане решён как путевые очерки, описывающие дорогу из России в Пекин. В изображении городов — Харбина (названного «Белогвардейск»), Чаньчуня, Мукдена, Дайрена, Тяньцзиня — акцент ставился на социально-политических проблемах: это путешествие, позволяющее *понять* события недавнего прошлого, которые продолжают воздействовать на современность. Предпоследний раздел, имеющий название «Домой», содержит описание обратной дороги из Пекина в Москву. Важное место в нём занимает изображение встречи с «христианским маршалом» Фын Юйсяном — значимой фигурой китайской истории 1920—1940-х годов: от его действий зависело будущее страны. Завершается раздел описанием пейзажа: здесь перечисляются детали,

делающиеся в контексте произведения символическими, указывающими на разные возможные варианты развития событий.

Раздел «Пекин» может быть соотнесён с поэмой «Рычи, Китай»: он начинается с описания стен, домов, кварталов и улиц «города противоречий», однако — в отличие от поэмы, для которой было характерно обобщённо-поэтическое изображение жизни, — в «Чжунго» представлена *конкретно-аналитическая* картина: выявление специфики города, экскурсии в его историю, классификация персонажей и причины их поступков. В разделе «Яростный Пекин» панорама жизни мирного города сменяется описанием рабочего и студенческого движения, а название города становится символом «нового Китая», поскольку речь идёт о стачках не только в Пекине, но и в Шанхае.

Раздел «Отцы и дети», посвящённый анализу отношений между поколениями китайской семьи и авторским размышлениям о будущем китайских детей, может быть сопоставлен с разделом «О-го-фу» (так по-китайски называлось посольство СССР, деятельность которого соответствует мечтам молодого поколения: «“Красный призрак” оказался сильнее престижа, сильнее империалистических самолюбий и страшнее боксёрских атак» [Третьяков, 1930в, с. 283]). Раздел «Сенат мертвецов», посвящённый китайским представлениям о смерти и похоронным обрядам (которые, по наблюдению автора, сменяются «новыми шествиями» рабочих и студентов), соотносится с разделом «Сэттельментшики», где раскрывается губительная для страны политика обитателей «Посольского квартала» и «сетльментов», где обитают «колониальные деспоты», «рыжие дьяволы», предчувствующие свою гибель [Там же, с. 278].

Центральные разделы книги «Чжунго» посвящены героям китайской истории XX века, с которыми может быть связано будущее страны, — женщинам, которые начинают активно бороться за свои права («Китайка»), детям, страдающим под гнётом капитализма («Малыши»), разбойникам-хунхузам («Хун-ху-цзы»), действия которых — «знак неутраченного брожения, идущего в китайской деревне» [Там же, с. 189], китайским крестьянам, активно вливающимся в «коммунистические отряды» («Синий музик»), учащимся университетов — будущему «национально-революционной интеллигенции» страны («Студенты»). «Апогеем» книги становится раздел «Сунь Ят-сен в Пекине», в котором описываются последние месяцы жизни революционера — от приезда в Пекин до смерти и похорон, а также реакция людей на его кончину.

Писатель скептически относился к прошлому Китая, традиционным религиозно-философским представлениям и обычаям, которые он считал устаревшими, — его интересовала современность и движение страны

к революции. Размышления о судьбе искусства и его функциях отразились в разделе «Театр», который соотносился с первым и последним разделами. Третьяков, следуя советским идеологическим стереотипам, рассматривал традиционный китайский театр в одном ряду с религиозным культом (в качестве его «заместителя»), который, по его мнению, несколько сотен лет назад полностью прекратил своё развитие: он стал «отравой», «историческим музеем», пропагандистом «верности» и «покорности», и никакие новации (включая реформы Мэй Ланьфана, в которых писатель видел только «стилизацию», указывающую на «смерть» народного театра и «возрождение камерной придворности» [Там же, с. 119—127; 142]) не смогли бы повлиять на него. Условность старого китайского театра противопоставляется постановкам студенческих агитбригад, спектакли которых «вычеканивают основные лозунги борьбы, падающие в разогретый до кипения котёл аплодисментов и криков зрителей» [Там же, с. 147], — то есть воздействуют на общество и соответствуют идеологическим и эстетическим принципам пьесы «Рычи, Китай!». В такой же поэтике были, по мнению писателя, выполнены первые советские документальные фильмы о Китае: «Великий перелёт» (1925) В. Шнейдерова и Г. Блюма; «Шанхайский документ» (1928) Я. Блюха и В. Степенова, «Голубой экспресс» (1929) И. Трауберга, Б. Хренникова и Ю. Стилианудиса (см.: [Каптерев, 2025]). Таким образом, как мы видим, в книге «Чжунго» развивались тенденции, заложенные в поэмах и пьесе, однако картина мира, раскрытая в *пространстве* современного Китая, стала детальнее и конкретнее.

3.3. Жизнь и время

Следующее произведение, вошедшее в «китайский цикл», — книга «Дэн Ши-хуа», в основу которой была положена история жизни студента Дэн Ши-хуа, обучавшегося на русском отделении Пекинского университета, а затем приехавшего в Москву для продолжения учёбы в университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. Задачей, которую поставил перед собой Третьяков, было «написать книгу, чтобы была, как учебник, зоркая и честная, и чтобы были в ней рассказаны все вещи, люди и события, сквозь строй которых проходит человеческая жизнь» [Третьяков, 1935, с. 4].

Работая с героем, автор использует форму *интервью*, и поэтому произведение получило подзаголовок «био-интервью» («биографическое интервью»), который определял принцип обращения с «фактами»: «Всё, что я оформил, затрудняюсь назвать иначе, как интервью, но интервью это охватывает целую жизнь человека, поэтому я назвал эту вещь “био-интервью”» [Третьяков, 1935, с. 5]. В жанровом плане это произведение можно также отнести к *роману* (хотя в нём имеются черты других жанров — очерка, биографии, интервью), поскольку в нём описывается продолжительный

период истории Китая (первая четверть XX века) и представлена широкая панорама жизни разных слоёв китайского общества. Книга близка и к жанру *дневника*, в котором в хронологическом порядке описываются события — путь взросления мальчика от раннего детства до зрелой юности.

Рассказ ведётся от лица героя, мысленно вернувшегося в своё детство, но одновременно в повествование иногда включаются краткие комментарии уже взрослого Дэн Ши-хуа, сравнивающего описываемые им эпизоды китайского детства с российскими реалиями: «Пред судьёй на столе — свинцовая шкатулка с густой краской для печати — величиной с тот чемоданчик, который носят танцорки в Москве»; «Когда я в первый раз у вас в Москве услышал, что мужчина называет женщину гусыней, я подумал — это он её хвалит за верность» [Третьяков, 1931, с. 207; 211]. Такой приём усиливает эффект искренности рассказчика и в то же время способствует тому, чтобы читатель осознал свою сопричастность к жизни героя. Читатель видит описываемые события глазами героя и одновременно может наблюдать процесс его становления как гражданина китайского общества, а *автор* выступает как *транслятор* и *редактор* речи персонажа, а также как главный комментатор событий.

Книга «Дэн Ши-хуа» многократно переиздавалась в 1930-е годы. Помимо этого в качестве отдельных изданий были опубликованы части книги — «Детство Дэн Ши-хуа» [Третьяков, 1931] и «Свадьба Дэн Ши-хуа» (1928). Книга вызвала ряд откликов в печати того времени, в которых произведению давались разные оценки. Спорным был вопрос о том, как следует оценивать «литературу факта» и личность главного героя — Дэн Ши-хуа. Так, Д. Заславский критиковал книгу за отсутствие «верного представления» о китайской революции и «превращения» человека под её воздействием: «... Дэн Ши-хуа — в сущности совсем не революционер. Искусство его интересует больше, чем политика. Он холодно и равнодушно относится к общественным вопросам», а вместо того, чтобы «художественно-логически оправдать созданный образ» (как это сделал, например, А. Горький с Климом Самгиным, разоблачив в нём «российского интеллигента, рождённого прогнившей буржуазией»), писатель «сам влачился за рассказом <...> не будучи способен произвести в собранном материале необходимый художественный отбор» [Заславский, 1933, с. 2].

«Био-интервью» развивало принципы, теоретически сформулированные писателем в сборнике материалов ЛЕФа «Литература факта» (1929). В программной статье «Биография вещи» Третьяков, противопоставляя метод писателей-«фактовиков» «идеалистическому искусству», «субъективизирующему» действительность и обращающему внимание преимущественно на бытовые и психологические подробности, подчёркивал, «что

построение романа на биографии героя-человека в основе своей порочно». Для современного писателя «целесообразным» является построение повествования «по типу биографии вещи», которая имеет «исключительную емкость для включения в неё человеческого материала» [Литература факта ..., 2000, с. 69; с. 71].

Поскольку «био-интервью», как заявлял Третьяков, было основано на реальных событиях, то можно предположить, что его персонажи имели прототипов. В соответствии с изложенными принципами писатель называет своего героя «сырьёвщиком» фактов, а себя их «формовщиком» [Третьяков, 1930а, с. 3]; в разделе «Эту книгу делали» в качестве создателей текста указываются два человека, ставшие «субъектами речи», — Дэн Ши-хуа и Тин Юин-пин. Прототипом Дэн Ши-хуа считается Гао Шихуа (高世华), который известен также как Гао Синья (高新亚) (учившийся у Третьякова в Пекине, а потом приехавший для продолжения обучения в Москву), отцом которого был революционер, член Гоминьдана Гао Яхэн, названный в произведении Дэн Я-пу. После завершения обучения в Москве Гао Шихуа вернулся в Китай, где стал сотрудничать с генералом Фэн Юйсяном, а после его гибели **работал под руководством Чжоу Эньлая и преподавал в одном из университетов Сианя**. Гао Шихуа умер в 1980 году [Белоусов, 1961]. Интересен и второй «субъект речи» — Тин Юин-пин, показанный как революционер, занятый решением политических проблем, которого — в отличие от Дэн Ши-хуа — не интересует этическая сторона вопроса и проблемы искусства. В образе Тин Юин-пина можно увидеть обобщение черт нескольких известных китайских коммунистов — Лю Шаоци, Цюй Цюбо, Жэнь Биши, Ли Лисаня. Тин Юин-пин (конкретный прототип героя нами пока не установлен). Отметим попутно, что Третьяков, являясь сторонником «литературы факта», тем не менее корректировал имена героев и места событий, что объясняется политической ситуацией в Китае и стремлением к художественному обобщению.

Через весь роман проходит важнейшая для Третьякова и для советской литературы 1920—1930-х годов тема социальных противоречий и связанных с ними общественных конфликтов. Писатель развивает обозначенную им ранее тенденцию конкретизации мира Китая, реализованную в очерках «Чжунго». Однако — в отличие от этой книги, где был представлен преимущественно «горизонтальный», «синхронный» срез жизни страны, — в «био-интервью» был дан «вертикальный», «диахронический» срез. В авторском предисловии к первому изданию отмечалось: «...Книга ценна тем, что стоит на скрещении науки и искусства и говорит правду о том, что доныне было извращено колониально-экзотической беллетристикой» [Третьяков, 1991, с. 9].

Книгу можно условно поделить на две части, отличающиеся как по своей идейной направленности, так и по стилю: первая посвящена *детству* главного героя (именно эта часть, с нашей точки зрения, наиболее яркая и является «ядром» всей книги, — поэтому не случайно данные главы публиковались отдельным изданием); вторая — его *юности*. Разделяют эти две части описание событий Движения Четвёртого мая 1919 года (五四运动), ставшие рубежными в китайской истории XX века, и изображение помолвки и свадьбы героя, которые сопровождаются размышлениями героя о выборе своего дальнейшего пути. В первой части преобладает *эмоциональное* детское восприятие действительности, во второй — рациональное, исходящее из *идеологических* оценок событий.

В описании детства героя обстоятельно описывается жизнь китайской семьи. Со слов Дэн Ши-хуа читатель узнаёт о её будничном быте, который обычно «закрыт» от глаз посторонних. Отец мальчика не живёт с семьёй, так как учится в университете в Японии; воспитанием детей занимаются бабушка, бабушка или братья отца. Мальчик подробно описывает внешность своих родных, особенности их характера, привычек, поведения и, что самое главное, отношение к нему как единственному ребёнку в семье.

Повседневная жизнь китайской семьи описывается детально: как устроен дом, что выращивают на огороде, какие традиции и обычаи соблюдаются членами семьи (например, поминовение предков на семейном алтаре перед трапезой), как отмечают традиционные праздничные даты (Новый год, Праздник Луны, рождение детей), как оберегают дом от «злых духов». Из бытовых сценок можно узнать об утренних процедурах, которые неукоснительно соблюдаются взрослыми с целью сохранения здоровья малыша (умывание, чистка зубов, заплетание косичек). Подробно описывается традиционный семейный завтрак; с трепетной любовью герой вспоминает о повседневных делах мамы и бабушки — стирке, пошиве крохотных туфель для «золотых лилий». После завтрака следует обязательный поход за продуктами в лавки, где торгуют овощами, мясом, сладостями и т. п., а также в аптеку с лекарственными снадобьями.

Особое место в первой части романа уделяется теме обучения в школе и гимназии: описывается, как мальчика готовят к поступлению в школу / гимназию, чему и как там обучают, какие дисциплинарные требования и правила были установлены в образовательных учреждениях того периода.

Из рассказа Дэн Ши-хуа о своей жизни читатель узнаёт, каким образом происходит взросление ребёнка, как изменяются его взгляды относительно членов его семьи, близких и далёких родственников, друзей, соседей, учителей. Этот процесс, как и у многих детей, происходит исподволь: наблюдательный и внимательный мальчик сам осознаёт противоречия и

«двуликость» жизни взрослых, и этот процесс осознания способствует постепенному формированию сильного и волевого характера.

Отметим несколько характерных особенностей изложения в этой части романа. Описание детства подкупает, с одной стороны, наивностью, а с другой — честностью рассказчика, что вызывает у читателя вполне объяснимую симпатию: когда о чём-либо рассказывает именно ребёнок, это всегда вызывает у взрослого ответный интерес. В описании детства отсутствует идеологическая оценка происходящих событий, которая характерна для других частей романа, в которых повествование идёт от лица юноши и взрослого человека. Взаимоотношения между «персонажами» повествования помогают понять правила взаимодействия между поколениями (соблюдение внутрисемейной иерархии — важнейшая особенность жизни в Китае), что позволяет проникнуть в менталитет людей XX века. Именно эта часть романа позволяет «читателю лучше осознать глубочайшую проблематичность человеческого бытия, приняв факт неизбежности и неизбывности соприсутствия в нашей жизни другой культуры, другой идеи человечности» [Малявин, 2000, с. 6].

Мир Китая в романе «Дэн Ши-хуа» представлен с позиций разных героев; он насыщен звуками, запахами, окрашен разными цветами: «Весною Янцзы великолепна: бугры берегов не просто зелены, они красны, желты, голубы — от цветения, и цветение это отражается в чистой голубой воде. К лету Янцзы рыжеет, набухает илистой мутью...» [Третьяков, 1930, с. 7]. Самое важное для автора — то, что он находится в состоянии кардинальных трансформаций: старое борется с новым, меняющим традиционное сознание людей; «историческое» начало, представленное через образы политических деятелей (Сунь Ятсена, Юань Шикая, Чжан Цзолина, у Пэйфу, Фэн Юйсяна и др.) и цитируемые документы, сталкивается с «повседневным», которое раскрывается через бытовые подробности, создающие «эффект присутствия» читателя. Ряд образов и мотивов становятся *символами* — как, например, разделяющая части китайского мира *стена* (символ, неоднократно использовавшийся в других произведениях Третьякова) или *река*, соединяющая как пространство, так и отдельные этапы биографии героя. Большую роль в произведении играет воссоздание *мира культуры*, который представлен через описание праздников (китайского Нового года, Дня поминовения усопших Цинмин, Драконьих лодок Дуаньу и др.), а также связанных с ними обычаев. Автор пересказывает фольклорные произведения (например, легенды о Чжун Тай-гуне и о смерти великого китайского поэта Цюй Юаня, песню про «пару гусей»); при этом китайские сюжеты адаптируются к восприятию русскими читателями (например, вместо похищающего детей духа Чжэн Гуйпо (蒸鬼婆) говорится о живу-

щей в горах недалеко от деревни Бабе-Яге — персонаже, отсутствующем в китайской мифологии) [Там же, с. 16—17].

Книги «Чжунго» и «Дэн Ши-хуа» можно рассматривать как отдельную *дилогию* в составе большого «китайского цикла»: эти произведения связаны единой художественной целью — познанием Китая как страны будущей революции; стремлением к «документальному» воспроизведению «фактической» картины мира, системой основных мотивов; в них имелись некоторые общие персонажи (автор — профессор Пекинского университета, китайские студенты-русисты). В обеих книгах большую роль играло оформление, дополнявшее словесное описание, — схемы, рисунки и фотографии, на которых представлены картины повседневной жизни Китая и отдельные персонажи. Аналогичными «микроциклами» в составе большого цикла можно считать поэму и пьесу «Рычи, Китай!» или две рассмотренные поэмы («Рычи, Китай» и «Ли Ян упрям»), также находящиеся в диалогических отношениях.

4. Заключение = Conclusions

В «китайский цикл» Третьякова вошли произведения, объединённые смысловыми пересечениями, позицией автора и публицистическим содержанием (темой, идеей), местом действия, отдельными героями, а также повторяющимися мотивами, ориентацией на использование «фактов» и диалог с читателем. Каждое из этих произведений может быть рассмотрено как самостоятельный текст, однако в совокупности они создают целостную картину *китайского мира*.

Если — вслед за М. Дарвиным и В. Тюпой [Дарвин и др., 2001, с. 5—58] — понимать цикл в «широком» смысле — как открытую «наджанровую» (или «сверхжанровую») систему, включающую произведения, объединённые многочисленными *смысловыми связями* и *авторской концепцией*, то «китайский цикл» Третьякова будет являться лиро-эпико-драматическим. Разные по жанру произведения объединены *художественной картиной мира* Китая, развёрнутой как в пространстве, так и во времени. Произведения объединялись в цикл *стилевыми доминантами* благодаря приёму свободной «монтажной композиции», позволявшему, как утверждал С. Эйзенштейн, объединять при помощи ассоциативных связей разнородные тексты в «новое представление», «возникающее из этого сопоставления как новое качество» [Эйзенштейн, 1964, с. 157].

В ранних произведениях цикла преобладал *политический ракурс* подачи событий, однако в поздних текстах большую роль играл подход, предполагавший *объяснение* мира с позиций *культуры*. Стремясь к точному воспроизведению в своих текстах *фактов*, помогающих понять современ-

ность, писатель создал целостный художественный мир в его потенциальном развитии — значительно более сложный и глубокий, чем требовали критики 1930-х годов, исходившие из упрощённых социологических схем и вытекавших из них однозначных оценок, необходимых для «оправдания» или «осуждения» персонажа. Дальнейшее развитие Китая, реальная жизнь прототипов героев произведения показали верность многих художественных интенций писателя.

Заявленный вклад авторов: Красноярова А. А. — написание текста; итоговые выводы. Кондаков Б. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание текста; итоговые выводы. Попкова Т. Д. — написание текста, доработка текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Anna. A. Krasnoiarova — writing the draft; final conclusions. Boris V. Kondakov — scientific management; research concept; methodology development; writing the draft; final conclusions. Tatiana D. Popkova — writing the draft; follow-on revision of the text; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Литература факта* : Первый сборник материалов работников ЛЕФа / под ред. Н. Ф. Чужака [Переиздание 1929 года]. — Москва : Захаров, 2000. — 285 с. — ISBN 5-8159-0086-9.
2. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. В. Маяковский. — Москва : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. — Т. 6. — 544 с.
3. *Третьяков С. М.* Детство Дэн Ши-хуа / С. М. Третьяков. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1931. — 232 с.
4. *Третьяков С. М.* Дэн Ши-хуа / С. М. Третьяков. — Москва : Художественная литература, 1935. — 456 с.
5. *Третьяков С. М.* Дэн Ши-хуа: Био-интервью / С. М. Третьяков ; обложка и монтаж художника А. М. Родченко. — Москва : Молодая гвардия, 1930а. — 392 с.
6. *Третьяков С. М.* Ли-Ян упрям : Поэма / С. М. Третьяков. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. — 16 с.
7. *Третьяков С. М.* Ли Ян упрям / С. М. Третьяков // Антология русской советской поэзии. — Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1957. — Т. 1. — С. 523—529.
8. *Третьяков С. М.* Рычи Китай ; Присловье к поэме «Рычи Китай» / С. М. Третьяков // ЛЕФ. — 1924. — № 1 (5). — С. 23—33.
9. *Третьяков С. М.* Рычи, Китай! : событие в 9 звеньях / С. М. Третьяков. — Ленинград : Государственное издательство, 1930б. — 95 с.
10. *Третьяков С. М.* Страна-перекрёсток : Документальная проза / С. М. Третьяков ; сост., послесл., коммент. Т. С. Гомолицкой-Третьяковой. — Москва : Советский писатель, 1991. — 576 с.
11. *Третьяков С. М.* Чжунго : очерки о Китае. 2-е доп. изд. / С. М. Третьяков. — Москва : Гос. изд-во ; Ленинград : ГИЗ, 1930в. — 347 с.
12. *Третьяков С. М.* Ясныш: стихи. 1919—1921 г. / С. М. Третьяков. — Чита : Изд-во «Птач», 1922. — 64 с.

Литература

1. Азьмуко Л. А. Зарубежный очерк С. М. Третьякова : (к вопросу о становлении советской документальной прозы) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.00.00 / Л. А. Азьмуко. — Иркутск, 1970. — 15 с.
2. Белоусов Р. «Рычи, Китай!» Сергея Третьякова / Р. Белоусов // Вопросы литературы. — 1961. — № 5. — С. 192—200.
3. Верченко А. Л. Художественная литература и публицистика как источник исследования истории Китая (на примере литературного творчества С. М. Третьякова) / А. Л. Верченко // Проблемы новой и новейшей истории Китая : сб. ст. — Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. — С. 32—54. — ISBN 978-5-8381-0344-4.
4. Головчинер В. Е. Русские корни эпической драмы / В. Е. Головчинер // Русская литература в XX веке : имена, проблемы, культурный диалог / ред. Т. Л. Рыбальченко. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2009. — Выпуск 10. — С. 5—21.
5. Головчинер В. Е. Сергей Третьяков — учитель Бертольда Брехта / В. Е. Головчинер // Сибирский филологический журнал. — 2024. — № 2. — С. 118—125.
6. Головчинер В. Е. Функции протосюжета в русской драме XX века / В. Е. Головчинер // Сибирский филологический журнал. — 2010. — № 2. — С. 12—18.
7. Головчинер В. Е. Эпическая драма в русской литературе XX века / В. Е. Головчинер. — 2-е изд., доп. и испр. — Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. — 318 с. — ISBN 978-5-89428-279-4.
8. Гомолицкая-Третьякова Т. С. О моём отце [Электронный ресурс] / Т. С. Гомолицкая-Третьякова. — Режим доступа : <http://www.agitclub.ru/museum/agitart/tret/bio4.htm> (дата обращения 20.12.2024).
9. Давитадзе Н. В. Футуризм на Дальнем Востоке / Н. В. Давитадзе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2009. — № 4. — С. 82—87.
10. Дарвин М. Н. Циклизация в творчестве Пушкина : Опыт изучения поэтики конвергентного сознания / М. Н. Дарвин, В. И. Тюпа. — Новосибирск : Наука, 2001. — 292 с. — ISBN 5-02-030632-0.
11. Заславский Д. И. Детство китайского интеллигента / Д. И. Заславский // Детская и юношеская литература. — 1933. — № 8. — С. 1—3.
12. Капинос Е. В. Словесный конструктивизм С. Третьякова : «Железная пауза» / Е. В. Капинос // Сюжетология и сюжетография. — 2019. — № 2. — С. 56—83. — DOI: 10.25205/2410-7883-2019-2-56-83.
13. Каптерев С. На пути к Чжунго. Советские фильмы о Китае, сделанные или задуманные в 1920-е годы [Электронный ресурс] / С. Каптерев. — Режим доступа : <https://kinoart.ru/texts/na-puti-k-chzhungo-sovetskie-filmy-o-kitae-sdelannye-ili-zadumannye-v-1920-e-gody> (дата обращения: 01.07.2025).
14. Косых А. Китайское путешествие Третьякова : поэтический захват действительности на пути к литературе факта / А. Косых, П. Арсеньев // Транслит. — 2010. — № 11. — С. 14—30.
15. Краснаярова А. А. «Китайский текст» в советской литературе 1920-х гг. (на примере творчества С. М. Третьякова) / А. А. Краснаярова // Litera. — 2019. — № 4. — С. 143—152.

16. Крюкова М. М. С. М. Третьяков (Очерк творчества) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.00.00 / М. М. Крюкова. — Москва : [б. и.], 1968. — 17 с.
17. Ли Иннань. Китай в творчестве Сергея Третьякова : роман «Дэн ши-хуа» / Ли Иннань // Русский Харбин, запечатленный в слове : сб. науч. ст. : к 70-летию проф. В. В. Агеносова. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2012. — Выпуск 6. — С. 237—250. — ISBN 978-5-93493-171-2.
18. Малявин В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. — Москва : Апрель ; АСТ ; Дизайн. Информация. Картография, 2000. — 632 с.
19. Пороль П. В. Китай в рецепции поэтов серебряного века (поэтика и эстетика) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / П. В. Пороль. — Москва, 2020. — 20 с.
20. Тропкина Н. Е. Образ Китая в лирике С. М. Третьякова / Н. Е. Тропкина, Ван Тяньцзяо // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. — 2022. — № 8 (171). — С. 183—186.
21. Тропкина Н. Е. Пространственные образы Дальневосточного региона в поэме С. М. Третьякова «Рычи, Китай!» / Н. Е. Тропкина, Ван Тяньцзяо // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. — 2023. — № 1 (1). — С. 118—123.
22. Шарыпина Т. А. Концепция «документального эпоса» русского авангарда и становление театральной практики Бертольда Брехта / Т. А. Шарыпина // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Филологические науки. — 2016. — № 3 (156). — С. 67—73.
23. Эйзенштейн С. М. Монтаж / С. М. Эйзенштейн // Избранные произведения : в 6 т. — Москва : Искусство, 1964. — Т. 2. — 567 с.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025,
одобрена после рецензирования 29.11.2025,
подготовлена к публикации 21.12.2025.

Material resources

- Chuzhak, N. F. (ed.). (2000). *Literature of fact: The first collection of materials by LEF workers*. Moscow: Zakharov. 285 p. ISBN 5-8159-0086-9. (In Russ.).
- Mayakovsky, V. V. (1957). *Complete works: in 13 volumes, 6*. Moscow: State Publishing House of Artists. Lit. 544 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1922). *Yasnysh: poems. 1919—1921*. Chita: Publishing house "Ptach". 64 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1924). Growls of China; A proverb to the poem "Growls of China". *LEF, 1* (5): 23—33. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1927). *Li-Yang is stubborn: A Poem*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 16 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1930a). *Deng Shi-hua: Bio-interview*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 392 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1930b). *Rychy, China! An event in 9 links*. Leningrad: State Publishing House. 95 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1930v). *Zhongguo: Essays on China. 2nd additional edition*. Moscow: State Publishing House; Leningrad: GIZ. 347 p. (In Russ.).

- Tretyakov, S. M. (1931). *The childhood of Deng Shi-hua*. Moscow; Leningrad: Molodaya Gvardiya State Publishing House of Youth and Children's Literature. 232 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1935). *Deng Shi-hua*. Moscow: State Publishing House "Fiction". 456 p. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1957). Li Yang is stubborn. In: *Anthology of Russian Soviet poetry, 1*. Moscow: State Publishing House of Art. lit. 523—529. (In Russ.).
- Tretyakov, S. M. (1991). *Country crossroads: Documentary prose*. Moscow: Soviet Writer. 576 p. (In Russ.).

References

- Azimuko, L. A. (1970). *S. M. Tretyakov's foreign essay: (on the question of the formation of Soviet documentary prose)*. Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 15 p. (In Russ.).
- Belousov, R. (1961). "Roar, China!" Sergei Tretyakov. *Questions of literature*, 5: 192—200. (In Russ.).
- Darwin, M. N., Tyupa, V. I. (2001). *Cyclization in Pushkin's work: The experience of studying the poetics of convergent consciousness*. Novosibirsk: Nauka Publ. 292 p. ISBN 5-02-030632-0. (In Russ.).
- Davitadze, N. V. (2009). Futurism in the Far East. *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*, 4: 82—87. (In Russ.).
- Eisenstein, S. M. (1964). Montage. In: *Selected works: in 6 volumes*, 2. Moscow: Iskusstvo. 567 p. (In Russ.).
- Golovchiner, V. E. (2007). *Epic drama in Russian literature of the twentieth century*. Tomsk: Publishing House of Tomsk State Pedagogical University. University. 318 p. ISBN 978-5-89428-279-4. (In Russ.).
- Golovchiner, V. E. (2009). Russian roots of epic drama. In: *Russian literature in the XX century: names, problems, cultural dialogue*, 10. Tomsk: National Research Tomsk State University. 5—21. (In Russ.).
- Golovchiner, V. E. (2010). The functions of the proto-plot in the Russian drama of the XX century. *Siberian Philological Journal The journal*, 2: 12—18. (In Russ.).
- Golovchiner, V. E. (2024). Sergey Tretyakov — Bertold Brecht's teacher. *Siberian Philological Journal*, 2: 118—125. (In Russ.).
- Homolitskaya-Tretyakova, T. S. *About my father*. Available at: <http://www.agitclub.ru/museum/agitart/tret/bio4.htm> (accessed 20.12.2024). (In Russ.).
- Kapinos, E. V. (2019). S. Tretyakov's verbal constructivism: "The Iron Pause". *Plotology and photography*, 2: 56—83. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-2-56-83. (In Russ.).
- Kapterev, S. *On the way to Zhongguo. Soviet films about China, made or conceived in the 1920s*. Available at: <https://kinoart.ru/texts/na-puti-k-chzhungo-sovetskie-filmy-o-kitae-sdelannye-ili-zadumannye-v-1920-e-gody> (accessed: 01.07.2025). (In Russ.).
- Kosykh, A., Arsenyev, P. (2010). Tretyakov's Chinese Journey: Poetic capture of reality on the way to the literature of fact. *Translit*, 11: 14—30. (In Russ.).
- Krasnoiarova, A. A. (2019). "Chinese text" in Soviet literature of the 1920s (on the example of S. M. Tretyakov's work). *Litera*, 4: 143—152. (In Russ.).
- Kryukova, M. M. (1968). *S. M. Tretyakov (Essay on creativity)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow: [b. i.]. 17 p. (In Russ.).
- Li Yingnan. (2012). China in the works of Sergei Tretyakov: the novel "Deng shi-hua". In: *Russian Harbin, captured in the word: collection of scientific articles: on the 70th*

- anniversary of Professor V. V. Azenosov*, 6. Blagoveshchensk: Amur State University. 237—250. ISBN 978-5-93493-171-2. (In Russ.).
- Malyavin, V. V. (2000). *Chinese civilization*. Moscow: April Publishing House; AST Publishing House LLC; Design Publishing and Production Center. Information. Cartography. 632 p. (In Russ.).
- Porol, P. V. (2020). *China in the reception of poets of the Silver Age (poetics and aesthetics)*. PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).
- Sharypina, T. A. (2016). The concept of the “documentary epic” of the Russian avant-garde and the formation of Bertolt Brecht’s theatrical practice. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University. Philological sciences*, 3 (156): 67—73. (In Russ.).
- Tropkina, N. E., Wang Tianjiao. (2022). The image of China in the lyrics of S. M. Tretyakov. *Proceedings of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological sciences*, 8 (171): 183—186. (In Russ.).
- Tropkina, N. E., Wang Tianjiao. (2023). Spatial images of the Far Eastern region in S. M. Tretyakov’s poem “Roar, China!”. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, 1 (1): 118—123. (In Russ.).
- Verchenko, A. L. (2018). Fiction and journalism as a source of Chinese history research (on the example of S. M. Tretyakov’s literary work). In: *Problems of China’s Modern and Contemporary History: Collection of Articles*. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. 32—54. ISBN 978-5-8381-0344-4. (In Russ.).
- Zaslavsky, D. I. (1933). The childhood of a Chinese intellectual. *Children’s and youth literature*, 8: 1—3. (In Russ.).

*The article was submitted 04.09.2025;
approved after reviewing 29.11.2025;
accepted for publication 21.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Павлова О. А. Писательский проект Пролеткульта 1918—1921 годов как креативная утопия / О. А. Павлова, К. М. Мартиросян, Л. Н. Кондратьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 349—369. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-349-369.

Pavlova, O. A., Martirosyan, K. M., Kondratieva, L. N. (2025). Proletkult's Writer Project of 1918-1921 as a Creative Utopia. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 349-369. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-349-369. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Писательский проект Пролеткульта 1918—1921 годов как креативная утопия

Павлова Ольга Александровна
orcid.org/0009-0008-4154-0296

доктор филологических наук, доцент,
редактор журнала «Культурная
жизнь Юга России», кафедра
социально-культурной деятельности,
корреспондирующий автор
lexfati72@mail.ru

Мартиросян Карен Минасович
orcid.org/0009-0009-3929-1099

доктор философских наук,
кандидат исторических наук, доцент,
декан факультета гуманитарного
образования, кафедра социально-
культурной деятельности
karen_mm@rambler.ru

Кондратьева Людмила Николаевна
orcid.org/0009-0000-0426-4853

кандидат культурологии, доцент,
заведующий кафедрой
социально-культурной деятельности
milacon72@mail.ru

Краснодарский государственный
институт культуры
(Краснодар, Россия)

Proletkult's Writer Project of 1918-1921 as a Creative Utopia

Olga A. Pavlova

orcid.org/0009-0008-4154-0296

Doctor of Philology, Associate Professor,
editor of the journal "Cultural Life
of the South Russia", Department
of Social and Cultural Activities,
corresponding author
lexfati72@mail.ru

Karen M. Martirosyan

orcid.org/0009-0009-3929-1099

Doctor of Philosophy, PhD in History,
Associate Professor, Dean of the Faculty
of Humanities, Department
of Socio-Cultural Activities
karen_mm@rambler.ru

Lyudmila N. Kondratieva

orcid.org/0009-0000-0426-4853

PhD in Cultural, Associate Professor,
Head of the Department
Socio-Cultural Activities
milacon72@mail.ru

Krasnodar State Institute of Culture
(Krasnodar, Russia)

© Павлова О. А., Мартиросян К. М., Кондратьева Л. Н., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование деятельности Пролетарских культурно-просветительских организаций (Пролеткульта) как креативной утопии. Рассматриваются вопросы гомогенности утопического, мифологического и эстетического мышления. Источниками выступили периодические издания Пролеткульта. Впервые вводятся в научный оборот данные, позволяющие интерпретировать проекты Пролеткульта как прообраз современных исканий в области креативных индустрий. Уделено внимание тому, что творчество пролеткультовцев продолжило искания «русского Ренессанса» как модернистской утопии, реконструировавшей романтический тип творчества, в контексте которого литература представляла в ипостаси неорелигии. Авторы утверждают, что это отношение к литературе является отражением русского культурного кода. Поднимается вопрос о таких качествах русского культурного кода, как особый статус литературы, представляющей арену правдоискательства, и отношение к слову как к демиургическому логосу. Доказано, что пролеткультовцы своим мифотворчеством не только пропагандировали пролетарскую культуру, но и создавали неорелигию, основанную на культе пролетариата как коллективного мессии. Новизна исследования видится в том, что в работе предложен ретроспективный подход к креативности через анализ деятельности Пролеткульта, давшей мощный импульс развитию творческой самостоятельности народных масс в первые годы существования советской Республики.

Ключевые слова:

русский Ренессанс; креативность; пролетарская культура; Пролеткульт; мифотворчество; творческая самостоятельность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the activities of Proletarian Cultural-Educational Organizations (Proletkult) as a creative utopia. It explores issues related to the homogeneity of utopian, mythological, and aesthetic thinking. The sources include periodicals published by Proletkult. For the first time, data is introduced into scholarly circulation that allows interpreting Proletkult projects as precursors to contemporary inquiries in the field of creative industries. Attention is given to how the creativity of proletkult members continued the search for a “Russian Renaissance” as a modernist utopia reconstructing the romantic type of creation, within which literature appeared as a form of neo-religion. The authors argue that this attitude towards literature reflects the Russian cultural code. The study raises questions about such qualities of the Russian cultural code as the special status of literature as an arena for truth-seeking and the perception of language as demiurgic logos. It is demonstrated that through their myth-making, proletkult members not only propagated proletarian culture but also created a neoreligion based on the cult of the proletariat as a collective messiah. The novelty of the research lies in its retrospective approach to creativity through analysis of Proletkult’s activities, which provided a powerful impetus for the development of mass amateur creativity among the people during the early years of Soviet Republic.

Key words:

Russian Renaissance; Creativity; Proletarian Culture; Proletkult; Mythmaking; Amateur Artistic Activity

УДК 821.161.1“1918/1921”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-349-369

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

Писательский проект Пролеткульта 1918—1921 годов как креативная утопия

© Павлова О. А., Мартиросян К. М., Кондратьева Л. Н., 2025

1. Введение = Introduction

В современном мире, неотъемлемыми атрибутами которого выступают новые информационные технологии, цифровизация культуры и развитие искусственного интеллекта, являющиеся элементами информационного общества, понятие «креативность» активно используется при характеристике не только человека, но и социокультурных институтов. Рассуждают о «креативном человеке» (Дж. Гилфорд), «креативном классе» (Р. Флорида), «креативных кластерах» (С. Эванс), «креативном городе» (Ч. Лэндри), «креативных индустриях» (К. Смит) и «креативной экономике» (Д. Хоукинс), которая с 2020-х годов рассматривается как модель устойчивого развития современного мира. Во многих странах, в том числе и в России, приняты законы о развитии креативных индустрий как «базового сектора креативной экономики» [О развитии..., 2024, с. 1], отражающие не только процессы коммодификации культуры [Морозов и др., 2023, с. 33], но и значение феномена креативности для современного общества.

Понимаемая как способность человека создавать оригинальные идеи и находить уникальные методы решения проблем, креативность вышла за пределы эстетической сферы искусства и стала носить сугубо прагматический характер. Трактовка креативности как технологии развития личности и инструмента управления ее творческим потенциалом формируется сначала в США в 1950—1960-е годы. Во многом такое отношение американцев к креативности было обусловлено противостоянием США и СССР в ситуации «холодной войны», одним из проявлений которого стал «спутниковый шок», возникший у американцев в космической гонке с СССР после их неудачных попыток запустить спутник, что сформировало опасения американцев относительно их «недостаточной креативности» [Guilford, 1950, с. 445]. Именно тогда в американском обществе «появляется огромное количество институтов и фондов, нацеленных на стимулирование раз-

вития креативности», государство начинает финансировать «креативное образование и исследования в этой сфере», заимствуя «существенный капитал из сферы национальной безопасности», а для американских обывателей креативность «превращается в продукт потребления, упакованный во множество полезных карманных руководств и специальных тренингов» [Мацкевич-Духан, 2021, с. 21—22].

В другие страны мирового сообщества (и в Россию в том числе) прагматическое понимание креативности приходит значительно позже, на рубеже XX—XXI веков, в связи со становлением креативных индустрий и развитием информационного общества, в котором креативность, наряду со знанием и интеллектуальным трудом, является основополагающим ресурсом развития. В контексте прагматического понимания креативность трактуется через перечень упражнений, выполнение которых способствует ее развитию и, следовательно, творческой самореализации личности. Такое понимание креативности представлено в работе «Креативная утопия», автор которой, американец Т. С. Уильямс, предлагает «12 способов / техник реализовать полную креативность» [Williams, 2002, с. 8—191].

Однако задолго до всех современных «страстей» по креативности в послереволюционной России, в условиях военного коммунизма и гражданской войны, был беспрецедентный опыт широкомасштабного вовлечения народных масс в художественную деятельность для их творческой самореализации. Речь идет о Пролетарских культурно-просветительских организациях, более известных под названием «Пролеткульт». Представляя собой массовую литературно-художественную организацию пролетарской творческой самодеятельности, Пролеткульт, формально существовавший с 1917 по 1932-е годы на безграничных просторах советской республики, имел разветвленную структуру, которая «напоминала парторганизацию из более 400 тысяч человек», издавал «15 журналов и до 10 млн экземпляров книг» [Хомякова, 2018, с. 118], стоял у истоков советского кино. Благодаря «пролеткультовскому» движению советское искусство получило режиссеров С. М. Эйзенштейна, Г. В. Александрова, И. А. Пырьева, писателей А. Платонова, А. Н. Арбузова, А. Н. Афиногенова, поэтов А. К. Гастева, В. Т. Кириллова, Н. Г. Полетаева, художников С. И. Агеева, А. А. Белякова, В. М. Калошина и др.

В связи с вышесказанным актуальность данного исследования определяется ретроспективным подходом к феномену креативности через анализ просветительской деятельности Пролеткульта, не только нацеленной на создание новой пролетарской культуры и формирование нового человека, но и давшей мощный импульс развитию творческой самодеятельности народных масс в первые годы существования советской Республики. Науч-

ная новизна исследования обусловлена тем, что в подобном ракурсе предвосхитивший современное прагматическое отношение к креативности опыт ремесленно-технического отношения к творчеству, представленный в деятельности Пролеткульта, ранее не рассматривался.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес к Пролеткульту среди отечественных ученых носил волнообразный характер, так как был обусловлен переломными событиями российской истории, накладывавшими свой отпечаток на осмысление грандиозных проектов Пролеткульта, — такими как развенчание культа личности И. В. Сталина, распад СССР и построение многополярного мира. Через призму этих событий высвечивалась значимость Пролеткульта как масштабного беспрецедентного проекта создания пролетарской культуры силами народных масс, как альтернативного варианта развития советского искусства.

В период «оттепели», в 1950—1960-е годы, в работах советских философов, историков и литературоведов доминирует в целом негативная оценка деятельности Пролеткульта как «организации с чуждыми марксизму взглядами» [Николаева, 1997, с. 6—7], что нашло отражение в работах Г. Д. Алексеевой, В. В. Горбунова, В. И. Иванова, А. Д. Манькина, Ф. Я. Матыцина, И. С. Смирнова [Алексеева и др., 1986, с. 169—171], Ю. Н. Суровцева [Суровцев, 1975, с. 256—263] и др. Отрицательная оценка идеологической позиции Пролеткульта, восходящая к ленинской критике его деятельности, сохранилась также в книге Л. А. Пинегиной «Советский рабочий класс и художественная культура», написанной на закате СССР и представлявшей собой первый опыт монографического исследования творческого наследия «пролеткультовцев» с привлечением обширного фактического материала.

В 1990—2000-е годы были написаны работы, содержащие не тенденциозный, а объективный анализ деятельности Пролеткульта: опубликованы архивные документы и труды его теоретиков, воссоздана его история, охарактеризовано влияние его идеологии и творчества на формирование советской культуры. При этом в публикациях тех лет, как отечественных, так и зарубежных ученых, превалировал политико-идеологический ракурс исследования Пролеткульта [Максименко, 1996; Николаева, 1997; Калистратов, 1998; Юдин, 2001; Иванцов, 2006; О'Коннор, 1992; Read, 1990; Mally, 1990; Fitzpatrick, 1992]. Работы, посвященные творчеству «пролеткультовцев», были немногочисленны. В связи с интересующей нас проблематикой словесного творчества «пролеткультовцев» следует выделить труды М. А. Левченко, интерпретировавшую поэзию Пролеткульта как воплощение «конца модернизма и начала эпохи советской литературы»

[Левченко, 2001, с. 3], и А. В. Карпова, охарактеризовавшего «пролеткультовскую» «литературную эстетику в контексте русской революционной культуры» [Карпов, 2003, с. 101—104].

В 2010—2020-е годы идеологический ракурс осмысления Пролеткульта уступает место анализу его кружковой деятельности как методу организации массово-групповой работы с населением, в том числе в региональном аспекте [Костякова и др., 2018; Московская, 2024; Хрусталёва, 2024], исследованию технологий создания пролетарской культуры посредством оптимизации творческой самодеятельности народных масс, включая международный уровень этой работы [Заславская, 2017; Колычев и др., 2018; Юдин, 2020], и атрибуции художественной практики «пролеткультовцев» [Дегтярёв, 2021; Московская и др., 2021; Суворова, 2021; Рябов, 2024]. При этом атрибутивные оценки весьма противоречивы — от правомерного признания того, что «опыт работы пролеткультов с простым населением может быть востребован и сейчас» [Юдин, 2020, с. 89], до софистического сопоставления деятельности Пролеткульта с реалиями современной российской культуры, в которой «свобода самовыражения ... приобрела шокирующий коммерческий тоталитаризм» [Дегтярёв, 2021, с. 19]. Последнее утверждение, автор которого проводит формальную аналогию между современным культом креативности и творческой самодеятельностью народных масс, осознающих себя творцами пролетарской культуры, свидетельствует не только о спекулятивной модернизации деятельности Пролеткульта, но и об актуальности темы данной работы.

В связи с вышесказанным цель нашей статьи — анализ писательского проекта Пролеткульта, являвшегося, наряду с другими видами искусства, структурообразующим началом его деятельности по созданию пролетарской культуры, давшей мощный импульс развитию творческого потенциала народных масс в первые годы существования советского государства как прообраза современного понимания креативности. Для реализации этой цели необходимо решить следующие задачи: разъяснить смысловое наполнение термина «креативная утопия»; показать, что на рубеже XIX—XX веков формируется современное понимание креативности, обусловившее специфику модернистских утопий и западного декаданса, и русского Серебряного века; рассмотреть деятельность Пролеткульта в контексте панутопизма современной ему эпохи, одним из проявлений которого стало «богостроительство»; обозначить этапы развития Пролеткульта; охарактеризовать креативный логоцентризм как творческий метод Пролеткульта.

Методология исследования базируется на комплексном подходе, объединяющем культурно-исторический, компаративистский и структурно-семиотический методы исследования.

Материалом исследования являются периодические издания и художественные сборники Пролеткульта.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пролеткульт в контексте «русского Ренессанса»: креативность как инструмент утопии

Выражение «креативная утопия» [Williams, 2002, с. 8—191], генезис которого мы соотнесли с книгой Т. С. Уильямса для иллюстрации современного прагматического отношения к креативности как к технике умножения творческого потенциала личности, которой может овладеть любой человек, сосредоточивает в себе амбивалентную семантику. Эта амбивалентность заложена в понятии «утопия», придуманном Т. Мором и представляющем собой игру двух вариантов транслитерации составного греческого слова: «место, которого нет» (οὐ + τόπος) / «благое место» (εὖ + τόπος). Но в то же время эта амбивалентность обусловлена корреляцией утопии и мифа, прослеживаемой как на уровне архетипической основы утопии, представленной «мифом об извечном творении космоса из хаоса» [Павлова, 2004, с. 107], так и через гомогенность утопического, художественного и мифологического мышления, состоящую в том, что «это типы ценностного сознания, организующиеся креативной мощью слова и создающие целостную, синтетическую модель мира, которая к тому же антропоцентрична и образна» [Павлова, 2004, с. 77]. В свете сказанного термин «креативная утопия» применительно к анализу деятельности «Пролеткульта» сосредоточивает в себе неотделимость положительных и негативных коннотаций в оценке утопического дискурса о безграничном творческом / креативном потенциале, которым может овладеть / развить в себе любой, даже вненаходимый к искусству, человек.

Вместе с тем деятельность культурно-просветительских организаций рабочих, с августа 1920 года, — когда на II Всемирном конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве и Петербурге, было создано Международное бюро Пролеткульта во главе с А. В. Луначарским, — вышедшая на международный уровень всемирного распространения принципов пролетарской культуры, была закономерным продолжением панутопизма рубежа XIX—XX веков, обусловленного в числе прочего оформлением актуального для XXI века понимания креативности. И начальный этап формирования современной трактовки креативности как инструмента конструирования социальных смыслов, как и рождение литературной утопии, приходится на эпоху английского Ренессанса.

В связи с этим подчеркнем, что английские слова *creativity* (творчество) и *creative* (творческий) имеют истоки в «священной» латыни, в кото-

рой понятия *creo* (творение), *creatio* (сотворение), *creator* (творец) характеризовали Бога. Десакрализация семантики этих понятий, согласно «Словарю Мерриам Вебстера», начинается в позднем Средневековье, длится весь Ренессанс и завершается в эпоху декаданса: впервые глагол *to create* (создать), употреблявшийся до этого только в описании Бога, применительно к человеку был использован в XIV веке, первое употребление прилагательного *creative* (креативный) как характеристики личности зафиксировано в письменном источнике 1678 года, а абстрактное понятие *creativity* (креативность), завершающее процесс «очеловечивания» функций Бога, закреплено в письменном источнике 1875 года [MWD]. Следовательно, «при характеристике исторических “корней” феномена креативности в его современном понимании — как базовой ценности человеческой жизнедеятельности — необходимо учитывать, что его становление в истории происходило в два этапа, что соответствует двум эпохам в истории западного общества — Ренессансу и декадансу» [Павлова, 2024, с. 37].

В эпоху Ренессанса, в контексте идеологии гуманизма, порожденной кризисом христианства и реконструкцией античных ценностей, формируется антропоцентрическая модель мира, основанная на культе *homo faber*, то есть активной предприимчивой личности, нашедшем воплощение в пуританстве и утилитаризме, подтверждением чего служат английская «прописка» генезиса жанра литературной утопии, облаченного в форму романа-путешествия, популярного в эпоху великих географических открытий, что отразило растущие колонизаторские амбиции англичан.

В период декаданса, когда в английской языковой картине сложилось абстрактное понятие «креативность», в западном мире случился второй кризис христианства, на этот раз затронувший и Россию. На рубеже XIX—XX веков, в контексте формирующейся неклассической модели мироздания, основанной на принципах субъективности и относительности, возникает *homo creator* — человек-творец, самоутверждающийся не только через создание художественных миров, альтернативных реальности, что провоцирует кризис миметических искусств и полистилистику модернизма, но и через пересотворение «наличного» бытия путем воплощения в реальность своих утопических социокультурных проектов.

Однако, несмотря на «прописку» абстрактного понятия «креативность» в языковой картине англичан уже в 1870-е годы, его вхождение в науку произойдет только в 1920-е годы в трудах Д. Симпсона и А. Уайтхеда, а в 1950-е годы, в контексте американского прагматизма, креативность из сугубо научного явления трансформируется в перечень техник по оптимизации творческого потенциала личности. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что на рубеже XIX—XX веков, с оформлением абстрактного

понятия «креативность» в лексиконе западного человека и окончательным закреплением прерогативы творца за человеком, утопия выходит за границы эстетической деятельности, и наступает эпоха грандиозных утопических проектов по переустройству мира, одним из которых стал СССР — идеократическое государство, основанное на идеологии марксизма, имевшей западные истоки.

Специфику панутопизма российской культуры рубежа XIX—XX веков отразили выражения «славянское Возрождение», «русский Ренессанс», наличествовавшие в произведениях Вяч. Иванова (эссе «О веселом ремесле и умном веселии»), Ф. Ф. Зелинского (цикл лекций «Древний мир и мы»), А. К. Топоркова («Идея славянского Возрождения») и др. В ситуации затянувшегося мирового кризиса, приведшего Российскую Империю через три революции и мировую войну к крушению, концепт «русский Ренессанс» становится мифологемой российской культуры 1900—1920-х годов, обусловившей «взаимопроникновение социальной, мистической и социальной утопий» [Павлова, 2005, с. 11], реализовавшихся в утопии радикальной интеллигенции, героизировавшей образ революционера («Подпольная Россия» С. Степняка-Кравчинского, «Государственные преступники» Р. Скифа, «Нигилистка» С. Ковалевской и др.), в мистической утопии теурга Вяч. Иванова, в театральных утопиях Н. Н. Евреинова, В. Э. Мейерхольда, А. В. Луначарского, технократической утопии А. Гастева и др. [Павлова, 2005, с. 18—245]. Однако существенной характеристикой утопий тех лет было то, что они являли собой «модернистскую эстетическую утопию» [Павлова, 2005, с. 42], основанную на реконструкции романтического типа творчества с его безусловной верой в преобразующую мир силу искусства.

Знаковым проявлением «русского Ренессанса» стал кризис христианства, который проявился среди интеллигенции «элитарного» Серебряного века как богоискательство (Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанов, Д. В. Философов и др.), а среди части марксистов — как богостроительство (А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров и др.). Если богоискательство — это философское течение, связанное с поисками нового религиозного сознания и представляющее собой рационализацию сакральных смыслов и ценностей, то богостроительство — это прежде всего опыт создания неорелигии на основе мифологем утопии радикальной интеллигенции, спекулятивно использующих десакрализованные христианские ценности, — такие как героико-жертвенное служение революционеров народу, пролетариат как коллективный мессия, коммунизм как ориентир развития человечества, вера в научно-технический прогресс.

В связи с этим аббревиатура «Пролеткульт» расшифровывается не столько как «пролетарские культурно-просветительские организации», сколько как «культ пролетариата», а литература превращается в инструмент создания неорелигии. Богостроителем был А. А. Богданов, ведущий теоретик Пролеткульта, еще в 1909 году создавший группу «Вперед» для пропаганды идеологии марксизма среди рабочих, для «выработки и распространения в массах “новой пролетарской культуры”» с целью «достижения идеологической революции в самом пролетариате» [Юдин, 2020, с. 88, 93]. Итак, движение Пролеткульта с точки зрения идеологии было отражением идей богостроительства, а с точки зрения организации взаимодействия с народными массами и творчества — продолжением модернистской эстетической утопии, основанной на вере в демиургическую силу искусства, в системе видов которого словесному творчеству отводилась роль инструмента создания неорелигии.

3.2. Метаморфозы пропаганды пролетарской культуры: от нелегальных кружков к массовому мифотворчеству

В 1890-е годы в России возникают рабочие кружки, в которых пролетарии под руководством революционеров занимались изучением основ марксизма, политэкономии, истории культуры, а также занимались агитацией, распространяли нелегальную литературу, координировали стачки и проч. В работе тульского кружка в 1897 году участвовал будущий лидер Пролеткульта А. А. Богданов.

Выступая на I Всероссийской конференции Пролеткульта (сентябрь 1918 года, Москва), М. Н. Покровский, заместитель наркома Просвещения, связал его зарождение с деятельностью рабочих кружков. «Вы зародились, — сказал он, — из тех ячеек, которые давным-давно в подполье еще складывались и боролись за пролетарскую культуру» [Протоколы ВКПКО, 1918, с. 7].

Говоря о «подпольных» истоках Пролеткульта, нужно отметить группу «Вперед», созданную в декабре 1909 года по инициативе А. А. Богданова и Г. А. Алексинского в Женеве, объединившую сторонников «богостроителей», «отзовистов» и «ультиматистов», просуществовавшую до 1913 года. Одним из значимых проектов этой группы стала «Каприйская школа», реализовавшая с августа по декабрь 1909 года программу подготовки рабочих-эмигрантов к революционной деятельности. Однако в данном случае речь шла не о формировании кадрового резерва РСДРП силами рабочей интеллигенции, а о «радикальной антропологической трансформации»: А. А. Богданов, А. А. Луначарский, М. Горький и другие лекторы «Каприйской школы» «хотели сформировать новую культуру и нового человека

путем приобщения к культуре прошлого и ее переработки в пролетарском ключе» [Чони и др., 2019, с. 1—2].

Очевидно, что деятельность рабочих кружков и группы «Вперед», имевшая просветительскую направленность, была нацелена на подготовку культурной революции путем формирования нового пролетарского мировосприятия, в том числе и посредством словесного творчества. И здесь уместно говорить о двух этапах в истории Пролеткульта — теоретическом, начавшемся в 1890-е годы с рабочих кружков, и практическом, который приходится на период послереволюционной России — сентябрь 1917 года, когда на первой конференции культурно-просветительских организаций пролетариата, созванной по инициативе А. В. Луначарского и по решению конференции профсоюзов, возник всероссийский Пролеткульт. Если на первом этапе концепция пролетарской культуры развивалась теоретически и педагогически, через агитационно-пропагандистскую работу, то на втором этапе осуществлялся процесс ее практической реализации, когда Пролеткульт выступил в роли своего рода творческой лаборатории по созданию нового искусства, культуры, человека, так как до декабря 1920 года, когда Пролеткульт был организационно подчинен Народному комиссариату просвещения, он был свободным, надгосударственным образованием.

Важной вехой в истории Пролеткульта стала I Всероссийская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций (сентябрь 1918 года, Москва), положившая начало его институциональному оформлению как литературно-художественной организации, имеющей свои издания. К 1919 году Пролеткульт, кроме московских «Пролетарской культуры», «Горна» и «Гудка» и петроградского «Грядущее», издавал журналы и в других городах России: «Грядущая культура» в Тамбове, «Зарево заводов» в Самаре, «Наш горн» и «Красное утро» в Орле, «Творчество труда» в Николаевске, «Труд и творчество» в Смоленске и др. Организация стремительно развивалась, и спустя два года, на момент созыва I Всероссийского съезда Пролеткульта (октябрь 1920, Москва), Пролеткульт «сгруппировал вокруг себя более полумиллиона рабочих, из которых более 80 тысяч активно работали в творческих студиях», в стране насчитывалось «более 300 Пролеткультов», а также было создано «международное бюро Пролеткульта, в которое вошли представители Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии, Бельгии, Норвегии, Швейцарии, России и Америки» [Игнатов, 1920, с. 74].

На страницах «Правды» в декабре 1920 года было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «О Пролеткультах», положившее начало публичной критике деятельности этой организации, что привело к ее упадку в начале 1920-х годов. В связи с этим в «Малой советской энциклопедии» было

сказано, что Пролеткульт как «организация, пытавшаяся противопоставить себя партии», прекратил свое существование в 1922 году [КСЭ, 1939, столб. 710]. Эта точка зрения, провозглашенная в 1939 году, долгое время была неопровержимой.

Однако она неверна, так как, невзирая на сокращение масштабов студийной работы, о чем свидетельствует, например, тот факт, что из 128 студий Пролеткульта, существовавших в 1920 году, в 1921 году сохранилась 21, «идея новой культуры (литературы, искусства) отнюдь не умерла» [Карпов, 2003, с. 103]. Каковы причины ее живучести?

Полагаем, дело не в хронологии, несмотря на то, что фактически Пролеткульт был упразднен постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 года, когда «творческая деятельность писательских кружков почти сошла на нет», и «1926—1932 годы стали временем перехода от пролеткультовского коммунизма ... к созданию ... корпорации, подменившей созидательные возможности идеологией» [Московская и др., 2021, с. 196, 189].

Причины живучести идей Пролеткульта, естественно, не в том, что некоторые его идеологи впоследствии «причастились» к руководящим должностям: так, в 1936 году П. Керженцев был назначен руководителем Комитета по делам искусства [Заславская, 2017, с. 46]. Последнее обстоятельство затмевается тем, что большинство ведущих поэтов-пролеткультовцев были репрессированы в 1930—1940-х годах, среди них А. Гастев, В. Кириллов, М. Герасимов и др.

Итак, значение Пролеткульта, равно как и причины жизнеспособности его идей, находятся во внеэстетической плоскости и связаны с его социокультурной деятельностью — в частности, с организацией культурно-просветительской работы среди населения в форме кружковой, студийной, клубной работы, основанной на творческой самодеятельности народных масс. Благодаря этой работе Пролеткульта не только обеспечивалась «самореализация рабочей интеллигенции путем творческой деятельности» [Карпов, 2003, с. 102], но и развивался, накапливался творческий потенциал советских граждан, в том числе благодаря которому стал возможен прорыв в развитии СССР — превращение патриархальной России в индустриальную державу. Иными словами, организация и управление творческой самодеятельностью масс, осуществляемые Пролеткультом, предвосхищали тренинги по развитию креативности, популярные не только в США 1950-х годах, но и в российской современности.

3.3. Креативный логоцентризм как творческий метод Пролеткульта

К 1919 году Пролеткульт был системно организован не только формально — функционировали фабрично-заводской, районный, городской и

губернский Пролеткульта, но и содержательно — с точки зрения сбалансированной клубной работы кружков («студий», «отделов»). Например, московский Пролеткульт включал литературный, театральный, музыкальный отделы, а также отдел изобразительных искусств. Наиболее пристальное внимание уделялось литературному отделу, состоявшему из «двух подотделов» — «общеобразовательного» и «специального». И если работа первого заключалась в «ознакомлении рабочего класса с литературным наследием прошлых эпох», то на занятиях второго пролетариату должны были помочь не только «ознакомиться с техникой литературного творчества, но и овладеть ею» [Кривцов, 1918, с. 32]. В условиях кровопролитной гражданской войны потрясает интенсивность процессов приобщения пролетариев к «наследию прошлого»: выдающимися деятелями «старой» культуры в Пролеткульте читались «курсы по истории русской литературы от древности до наших дней, по истории театра и истории культуры» [Кривцов, 1918, с. 32]. Однако поражает утилитарно-ремесленническое отношение к творчеству как к технике, которой можно и нужно овладеть: изучающий «должен усвоить метод, будь то ... сварка металла или создание сонета» [Кривцов, 1918, с. 24]. Творческий процесс, таким образом, рационализировался, отождествлялся не только с наукой, но и с рабочей профессией.

С целью совершенствования технических навыков на занятиях литературных студий проводились разборы текстов пролетарских поэтов. Графоманству творцов новой культуры противостояли редакции литературно-художественных журналов Пролеткульта. В связи с этим показательны комментарии редколлегии «Грядущего», адресованные авторам, присылающим свои сочинения: «Тов. В. Зеленскому (Москва). Старайтесь избегать ходульных прозаических выражений вроде “к счастью яркому народу всей душой стремлюсь” ... Тов. А. Богданову (г. Вытегра). Для нашего пролетарского журнала не подойдет. Отвлеченной символике предпочитаем художественный реализм...» [Ответы, 1918, с. 9].

В соответствии с принципами коллективности, рациональности и научной организации труда в Пролеткультах индивидуальному творчеству предпочитали кружковую работу. При этом в пример ставились «средневековые школы, где всех студентов выучивали писать латинские стихи», и современные поэты («возьмите Брюсова»), которые «в поте лица работают сообща над каждым словом своего стиха и преподают ... доступную для многих науку стиха» [Кривцов, 1918, с. 24]. Для оптимизации творческой работы авторов предлагалось использовать «опыты коллективного писательства», когда «литературная работа» разделялась на ряд операций, выполняемых студийцами в соответствии с их предпочтениями: один

«выбирал темы», другой «отыскивал сюжет»; третий его разрабатывал, «набрасывая в соседней комнате стихи, рассказ, сцену», которые «будут вынесены снова на обсуждение студии, разобраны, исправлены и ... закончены кем-нибудь другим» [Керженцев, 1918, с. 25—26]. По сути, в этом алгоритме организации творчества, описанном В. Керженцевым в 1918 году, представлен «мозговой штурм» как одна из технологий развития креативности, которая будет разработана американцем А. Осборном только в конце 1930-х годов.

Фаворитизм литературы в творческих студиях «пролеткультовцев» может быть объяснен двумя причинами.

Первая причина обусловлена спецификой литературы как вида искусства, в котором материалом строения художественного образа выступает слово, что роднит словесное творчество с наукой, выступавшей в годы революции в ипостаси неорелигии. К тому же литературное творчество менее затратно как в плане расходных материалов (чтобы быть литератором, не нужны ни краски, ни холст, ни музыкальные инструменты), так и с точки зрения одаренности (слова используют все, и оттого писательство представляется доступным видом творчества, тогда как рисовать и играть на инструментах без определенных навыков никто не сможет). Именно таков ход рассуждений идеолога В. Полянского, объясняющего, «почему среди пролетариата художников, музыкантов и артистов меньше, чем писателей». «Свои настроения в словесных образах передать значительно легче, чем в линиях, красках, звуках, — утверждает он. — Печатать пролетарскую поэзию гораздо легче, чем пролетарские картины и музыкальные произведения. В поэзии больше пролетарского содержания, чем в других видах искусства» [Полянский, 1920, с. 45].

Следовательно, вторая причина того, что деятельность Пролеткульта можно представить прежде всего как писательский проект, связана с содержанием пролетарской литературы, которая представлялась идеологам Пролеткульта движущей силой «революции духовной», «главным фундаментом в деле организации пролетарской культуры» и «могущественной силой, не менее могущественной, чем когда-то была религия» [Кай, 1920, с. 11].

Поэтому некорректно сводить писательский проект Пролеткульта к ««облегченному», приспособленному для трансляции в массы варианту идеологии» [Левченко, 2001, с. 8]. Например, в «Поэзии рабочего удара» А. Гастева велика роль суггестивности образов, так как автор использует «жанрово-стилевые структуры заклинаний», вследствие чего «слово наделяется креативной мощью, произведение утрачивает условность» [Павлова, 2001, с. 389], становится неомифом. Писатели Пролеткульта своим творчеством не пропагандировали идеологию, а создавали культ

пролетариата — коллективного мессии, порожденного индустриализацией и творящего новый мир, отливая новую мифологию преимущественно в стихотворную форму, в которой доминировали маршевые ритмы и поэтика заклинаний. Таковы «Железный мессия», «Мы», «Зори грядущего», «Пролетариату» В. Кириллова, «Стихи о железе», «Вешние зовы», «Завод весенний» М. Герасимова, «Из песен рабочего» Я. Бердникова, «Пролетариат» А. Поморского и др. Итак, словесное творчество «пролеткультовцев», будучи формой выражения пролетарской культуры, содержательно являлось мифотворчеством, создающим культ коллективного мессии.

4. Заключение = Conclusions

Деятельность Пролеткульта, расцвет которой приходится на 1918 — начало 1920-х годов, несмотря на ее идеологическую тенденциозность, явилась закономерным продолжением социокультурного мифотворчества «русского Ренессанса», представлявшего собой модернистскую утопию, основанную на реконструкции романтического типа творчества с его верой в преобразующую мир силу искусства, в контексте которой литература представляла в ипостаси неорелигии. Такое отношение к искусству слова сформировалось в Российской Империи, в которой литература была не только ведущей формой общественного самосознания, но и способом правдоискательства. Кроме идеологической несвободы, этому способствовало особое отношение русского человека к слову: не логико-рациональное, как на Западе, а «иррациональное, как к божественному логосу» [Павлова, 2004, с. 207], обуславливая идеалократию и утопичность отечественной культуры, в которой даже атеистическая идеология марксизма обрела характер светского предания, была осмыслена как неорелигия, что и отразил писательский проект Пролеткульта.

Налиествовавшее в литературных студиях Пролеткульта отношение к творчеству как к ремеслу, которым может владеть каждый, было обусловлено как реалиями пореволюционной России, где пролетариат выступал главным героем истории, творцом нового мира, так и спецификой утопического мифомышления, основанного на абсолютизации человеческой креативности, выступающей в роли высшей ценности и инструмента конструирования социального мира. Пролеткультовское отношение к творчеству как к ремеслу, которым можно «технично» овладеть, предвосхитило как тренинги по развитию креативности, набравшие популярность в США 1950-х годов в условиях противостояния с СССР как космической державой, так и современное понимание креативности, ставшее неотъемлемой характеристикой развивающегося информационного общества. В то же время пришедшийся на первые годы советской республики расцвет эсте-

тической, прежде всего писательской, деятельности пролетариата, который осознал себя как творца нового мира, способствовал приумножению креативного потенциала развивающейся рабочей интеллигенции, что внесло вклад в цивилизационный прорыв в развитии нашего Отечества.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Игнатов А.* Всероссийский съезд Пролеткульта / А. Игнатов // Пролетарская культура. — 1920. — № 17—19. — С. 74—85.
2. *Кай.* Об условиях творчества пролетарских писателей / Кай // Грядущее. — 1918. — № 3. — С. 11—12.
3. *Керженцев В.* Организация литературного творчества / В. Керженцев // Пролетарская культура. — 1918. — № 5. — С. 23—26.
4. *Кравцов С.* Кружковая работа / С. Кравцов // Пролетарская культура. — 1918. — № 3. — С. 21—25.
5. МСЭ — *Малая советская энциклопедия* : в 11 тт. — Москва : ОГИЗ РСФСР, 1939. — Т. 8. — 985 столб.
6. *О развитии* креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральный закон от 08.08.2024 N 330-ФЗ. — Режим доступа : <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-08082024-n-330-fz-o-razviti-kreativnykh/> (дата обращения 21.08.2025).
7. Ответы — *Ответы* иногородним авторам // Грядущее. — 1918. — № 5. — С. 9.
8. *Полянский В.* Самостоятельность или в путях буржуазной культуры / В. Полянский // Пролетарская культура. — 1920. — № 15—16 — С. 43—46.
9. Протоколы ВКПКПО — *Протоколы* I Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций, 15—20 сентября 1918 г. — Москва : Вторая гос. типография, 1918. — 148 с.
10. MWD — *Merriam-Webster's Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/create#word-history> (accessed 15.07.2025).

Литература

1. *Алексеева Г. Д.* Л. А. Пинегина. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917—1932 / Г. Д. Алексеева, А. В. Манькин // История СССР. — 1986. — № 2. — С. 169—171.
2. *Дегтярёв А. К.* Культурное строительство в советской России 1920-х годов : опыт осмысления в современном российском культурном пространстве / А. К. Дегтярев // Наука. Искусство. Культура. — 2021. — Выпуск 2 (30). — С. 18—30.
3. *Заславская О. В.* Пролетарский театр и Коминтерн : транснациональный контекст создания Международных объединений рабочих театров (1926—1932) / О. В. Заславская // Шаги / Steps. — 2017. — № 3. — С. 45—67. — DOI: 10.22394/2412-9410-2017-3-3-45-67.

4. *Иванцов Д. С.* Феномен пролеткульта в культурно-историческом аспекте : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Д. С. Иванцов. — Киров, 2006. — 18 с.

5. *Калистратов Ю. К.* Рабочий класс и советская культура в 20—30-е годы : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Ю. К. Калистратов. — Нижний Новгород, 1998. — 426 с.

6. *Карпов А. В.* Литературная эстетика пролеткульта в контексте русской революционной культуры / А. В. Карпов // Вестник Омского университета. — 2003. — № 3. — С. 101—104.

7. *Колычев П. М.* Социально-философское осмысление политических истоков пролетарской культуры / П. М. Колычев, А. А. Хахалова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Философия. — 2018. — Т. 22. — № 2. — С. 206—216. — DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-2-206-216.

8. *Костякова Ю. Б.* Самодетельная поэзия и пресса в годы Гражданской войны (на примере газеты «Красноярский рабочий» за 1920 г.) / Ю. Б. Костякова, В. С. Титова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7. — № 1. — С. 42—58. — DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).42-58.

9. *Левченко М. А.* Поэзия пролеткульта: идеология и риторика революционной эпохи : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. А. Левченко. — Санкт-Петербург, 2001. — 18 с.

10. *Максименко Е. П.* Концепция «пролетарской культуры» в идейно-политическом наследии А. А. Богданова : диссертация ... кандидата исторических наук : 23.00.03 / Е. П. Максименко. — Москва, 1996. — 209 с.

11. *Мацкевич-Духан И. А.* Креативное общество : от концепции к теории / И. А. Мацкевич-Духан. — Минск : Белорусская наука, 2021. — 294 с. — ISBN 978-985-08-2764-7.

12. *Морозов С. А.* Ретрансляция культурного кода в креативных индустриях : аксиологический аспект / С. А. Морозов, О. А. Павлова, П. В. Прохода // Культурная жизнь Юга России. — 2023. — № 3. — С. 33—47. — DOI: 10.24412/2070-075X-2023-4-33-47.

13. *Московская Д. С.* Литературные кружки как инструмент строительства пролетарской культуры. 1920—1932 гг. (по документам отдела рукописей ИМЛИ РАН) / Д. С. Московская // Вестник славянских культур. — 2021. — Т. 61. — С. 189—198. — DOI: 10.37816/2073-9567-2021-61-189-198.

14. *Николаева Л. С.* Теория и практика «Пролеткульта». 1917—1932 : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. С. Николаева. — Москва, 1997. — 29 с.

15. *О'Коннор Т.Э.* Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры / Т. Э. О'Коннор. — Москва : Прогресс, 1992. — 222 с. — ISBN 5-1-2919-7.

16. *Павлова О. А.* Метаморфозы литературной утопии : теоретический аспект / О. А. Павлова. — Волгоград : Волгоградское научн. изд-во, 2004. — 471 с. — ISBN 5-98461-016-7.

17. *Павлова О. А.* Ренессанс и декаданс как эпохи становления современного понимания креативности / О. А. Павлова // Сфера культуры. — 2024. — № 3 (17). — С. 27—23. — DOI: 10.48164/2713-301X_2024_17_27.

18. *Павлова О. А.* Русская литературная утопия 1900—1920-х гг. В контексте отечественной культуры / О. А. Павлова. — Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2005. — 695 с. — ISBN 5-98461-189-9.

19. Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура, 1917—1932 / Л. А. Пинегина. — Москва : Изд-во МГУ, 1984. — 240 с.
20. Рябов А. В. Борьба за эстетическую монополию в первые годы советской власти / А. В. Рябов // Теория и история культуры. — 2024. — № 3. — С. 13—20. — DOI: 10.25257/KB.2024.3.13-20.
21. Суворова А. А. Советское наивное искусство : между конформностью и нонконформизмом / А. А. Суворова // Новое искусствознание. — 2021. — № 3. — С. 82—90. — DOI: 10.24412/2658-3437-2021-3-82-90.
22. Суровцев Ю. Пролеткульт и пролеткультизм / Ю. Суровцев // Вопросы литературы. — 1975. — № 4. — С. 256—262.
23. Хомякова Ю. О. «В минутах оригинального ликования» : пролеткульт как забытое звено между символизмом и социалистическим реализмом / Ю. О. Хомякова // Международный журнал исследований культуры. — 2018. — № 2 (31). — С. 115—125.
24. Хрусталёва А. В. Саратовское товарищество пролетарских писателей как провинциальный эпизод в истории Всероссийского объединения пролетарских писателей / А. В. Хрусталёва // Славянские литературы. — 2024. — Т. 146—148. — С. 121—145. — DOI: 10.1016/j.slalit.2024.05.002.
25. Чони П. Воспоминания о Каприйской школе / П. Чони, М. А. Ариас-Вихиль // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. — 2019. — № 1 (19). — С. 1—7. — DOI: 10.34680/m7tz-0s85.
26. Юдин М. В. Творца нового : из опыта работы московского Пролеткульта / М. В. Юдин // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 66. — С. 88—98. — DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-88-98.
27. Юдин М. В. Теория пролетарской культуры : истоки и эволюция / М. В. Юдин // Вестник славянских культур. — 2020. — Т. 58. — С. 84—100. — DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-84-100.
28. Юдин М. В. Деятельность Московского Пролеткульта в 1918—1925 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. В. Юдин. — Москва, 2001. — 29 с.
29. Fitzpatrick Sh. The Cultural front : Power and Culture in Revolutionary Russia / Sh. Fitzpatrick. — Ithaca and London : Cornell University Press, 1992. — 264 p. — ISBN 9780801495168.
30. Guilford J. P. Creativity / J. P. Guilford // American Psychologist. — 1950. — Vol. 5. — № 9. — Pp. 444—454.
31. Mally L. Culture of the Future : The Proletkult Movement in Revolutionary Russia / L. Mally. — Oakland : University of California Press, 1990. — 306 p. — ISBN 978-0520065772.
32. Read C. Culture and Power in Revolutionary Russia / C. Read. — London : Macmillan, 1990. — XII, 266 p. — ISBN 0-333-49792-9.
33. Williams T. S. Creative Utopia : 12 ways to realize total creativity / T. S. Williams. — Massachusetts : Adams Media, 2002. — 192 p. — ISBN-13: 978-1581801736.

Статья поступила в редакцию 20.07.2025,
одобрена после рецензирования 29.11.2025,
подготовлена к публикации 21.12.2025.

Material resources

- Answers — Answers to nonresident authors. (1918). *The future*, 5: P. 9. (In Russ.).
- Ignatov, A. (1920). All-Russian Congress of Proletkult. *Proletarian culture*, 17—19: 74—85. (In Russ.).
- ITU — *Small Soviet Encyclopedia: in 11 volumes*, 8. (1939). Moscow: OGIZ RSFSR. 985 columns. (In Russ.).
- Kai. (1918). On the conditions of creativity of proletarian writers. *The Future*, 3: 11—12. (In Russ.).
- Kerzhentsev, V. (1918). Organization of literary creativity. *Proletarian culture*, 5: 23—26. (In Russ.).
- Kravtsov, S. (1918). Circle work. *Proletarian culture*, 3: 21—25. (In Russ.).
- MWD — *Merriam-Webster's Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/create#word-history> (accessed 15.07.2025).
- On the development of *creative industries in the Russian Federation*. Federal Law № 330-FZ of 08.08.2024. Available at: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-08082024-n-330-fz-o-razviti-kreativnykh/> (accessed 21.08.2025). (In Russ.).
- Polyansky, V. (1920). Independence or in the bonds of bourgeois culture. *Proletarian culture*, 15—16: 43—46. (In Russ.).
- Protocols of the VKPKPO — *Protocols of the I All-Russian Conference of Proletarian Cultural and Educational organizations, September 15—20, 1918*. (1918). Moscow: The Second State Printing House. 148 p. (In Russ.).

References

- Alekseeva, G. D., Mankin, A. V. (1986). L. A. Pinegina. The Soviet working class and art culture. 1917—1932. *History of the USSR*, 2: 169—171. (In Russ.).
- Choni, P., Arias-Vihil, M. A. (2019). Memories of the Caprian school. *Scientific notes of the Novgorod State University named after Ya. Wise*, 1 (19): 1—7. DOI: 10.34680/m7tz-0s85. (In Russ.).
- Degtyarev, A. K. (2021). Cultural construction in Soviet Russia in the 1920s: the experience of comprehension in modern Russian cultural space. *Science. Art. Culture*, 2 (30): 18—30. (In Russ.).
- Fitzpatrick, Sh. (1992). *The Cultural front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Itacha and London: Cornell University Press. 264 p. ISBN 9780801495168.
- Guilford, J. P. (1950). Creativity. *American Psychologist*, 5 (9): 444—454.
- Ivantsov, D. S. (2006). *The phenomenon of proletcult in the cultural and historical aspect*. Author's abstract of PhD Diss. Kirov. 18 p. (In Russ.).
- Kalistratov, Yu. K. (1998). *The working class and Soviet culture in the 20—30s*. Doct. Diss. Nizhny Novgorod. 426 p. (In Russ.).
- Karpov, A. V. (2003). Literary aesthetics of proletkult in the context of Russian revolutionary culture. *Bulletin of Omsk University*, 3: 101—104. (In Russ.).
- Khomyakova, Yu. O. (2018). “In moments of origi joy”: proletkult as a forgotten link between symbolism and socialist realism. *International Journal of Cultural Studies*, 2 (31): 115—125. (In Russ.).
- Khrustaleva, A. V. (2024). Saratov Association of Proletarian writers as a provincial episode in the history of the All-Russian Association of Proletarian Writers. *Slavic Literatures*, 146—148: 121—145. DOI: 10.1016/j.slalit.2024.05.002. (In Russ.).
- Kolychev, P. M., Khakhalova, A. A. (2018). Socio-philosophical understanding of the political origins of proletarian culture. *Bulletin of the People's Friendship University of Rus-*

- sia. *Series: Philosophy*, 22 (2): 206—216. DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-2-206-216. (In Russ.).
- Kostyakova, Yu. B., Titova, V. S. (2018). Amateur poetry and the press during the Civil War (on the example of the newspaper “Krasnoyarsk Worker” for 1920). *Questions of the theory and practice of journalism*, 7 (1): 42—58. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1). 42-58. (In Russ.).
- Levchenko, M. A. (2001). *Poetry of the proletariat: ideology and rhetoric of the revolutionary era*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 18 p. (In Russ.).
- Maksimenko, E. P. (1996). *The concept of “proletarian culture” in the ideological and political legacy of A. A. Bogdanov*. PhD Diss. Moscow. 209 p. (In Russ.).
- Mally, L. (1990). *Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia*. Oakland: University of California Press. 306 p. ISBN 978-0520065772.
- Matskevich-Dukhan, I. A. (2021). *Creative society: from concept to theory*. Minsk: Belorusskaya Nauka Publ. 294 p. ISBN 978-985-08-2764-7. (In Russ.).
- Morozov, S. A., Pavlova, O. A., Prokhoda, P. V. (2023). Retransmission of the cultural code in creative industries: an axiological aspect. *Cultural life of the South of Russia*, 3: 33—47. DOI: 10.24412/2070-075X-2023-4-33-47. (In Russ.).
- Moskovskaya, D. S. (2021). Literary circles as a tool for building proletarian culture. 1920—1932 (according to the documents of the IMLI RAS Department of Manuscripts). *Bulletin of Slavic Cultures*, 61: 189—198. DOI: 10.37816/2073-9567-2021-61-189-198. (In Russ.).
- Nikolaeva, L. S. (1997). *Theory and practice of “Proletkult”. 1917—1932*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 29 p. (In Russ.).
- O’Connor, T. E. (1992). *Anatoly Lunacharsky and Soviet cultural policy*. Moscow: Progress. 222 p. ISBN 5-1-2919-7. (In Russ.).
- Pavlova, O. A. (2004). *Metamorphoses of literary utopia: a theoretical aspect*. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. 471 p. ISBN 5-98461-016-7. (In Russ.).
- Pavlova, O. A. (2005). *Russian literary utopia of the 1900s—1920s. In the context of Russian culture*. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. 695 p. ISBN 5-98461-189-9. (In Russ.).
- Pavlova, O. A. (2024). Renaissance and decadence as the epochs of the formation of the modern understanding of creativity. *Sphere of culture*, 3 (17): 27—23. DOI: 10.48164/2713-301X_2024_17_27. (In Russ.).
- Pinegina, L. A. (1984). *The Soviet working Class and artistic culture, 1917—1932*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 240 p. (In Russ.).
- Read, C. (1990). *Culture and Power in Revolutionary Russia*. London: Macmillan. XII, 266 p. ISBN 0-333-49792-9.
- Ryabov, A. V. (2024). The struggle for aesthetic monopoly in the early years of Soviet power. *Theory and history of culture*, 3: 13—20. DOI: 10.25257/KB.2024.3.13-20. (In Russ.).
- Surovtsev, Yu. (1975). Proletkult and proletkultovism. *Questions of literature*, 4: 256—262. (In Russ.).
- Suvorova, A. A. (2021). Soviet naive art: between conformity and nonconformism. *New Art studies*, 3: 82—90. DOI: 10.24412/2658-3437-2021-3-82-90. (In Russ.).
- Williams, T. S. (2002). *Creative Utopia: 12 ways to realize total creativity*. Massachusetts: Adams Media. 192 p. ISBN-13: 978-1581801736.
- Yudin, M. V. (2001). *Activity of the Moscow Proletkult in 1918—1925*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 29 p. (In Russ.).

- Yudin, M. V. (2020). Theory of proletarian culture: origins and evolution. *Bulletin of Slavic Cultures*, 58: 84—100. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-84-100. (In Russ.).
- Yudin, M. V. (2022). The creator of the new: from the experience of the Moscow Proletkult. *Bulletin of Slavic Cultures*, 66: 88—98. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-88-98. (In Russ.).
- Zaslavskaya, O. V. (2017). Proletarian Theater and the Comintern: the transnational context of the creation of International associations of worker's theaters (1926—1932). *Steps*, 3: 45—67. DOI: 10.22394/2412-9410-2017-3-3-45-67. (In Russ.).

*The article was submitted 20.07.2025;
approved after reviewing 29.11.2025;
accepted for publication 21.12.2025.*

Информация для цитирования:

Шарыпина Т. А. Эволюция темы «немецкой вины» в романах Б. Шлинка : от «Возвращения» («Die Heimkehr») к «Внучке» («Die Enkelin») / Т. А. Шарыпина, Т. Р. Богер // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 370—390. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-370-390.

Sharypina, T. A., Boger, T. R. (2025). Evolution of “German Guilt” Theme in Bernhard Schlink’s Novels: From “The Homecoming” (“Die Heimkehr”) to “The Granddaughter” (“Die Enkelin”). *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 370-390. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-370-390. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эволюция темы «немецкой вины» в романах Б. Шлинка: от «Возвращения» («Die Heimkehr») к «Внучке» («Die Enkelin»)

Шарыпина Татьяна Александровна

orcid.org/0000-0002-8585-8983

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
зарубежной литературы,
корреспондирующий автор
swawa@yandex.ru

Богер Татьяна Романовна

orcid.org/0009-0002-8282-7273

магистр, независимый исследователь
xiongh@sjtu.edu.cn

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Evolution of “German Guilt” Theme in Bernhard Schlink’s Novels: From “The Homecoming” (“Die Heimkehr”) to “The Granddaughter” (“Die Enkelin”)

Tatiana A. Sharypina

orcid.org/0000-0002-8585-8983

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Foreign Literature,
corresponding author
swawa@yandex.ru

Tatiana R. Boger

orcid.org/0009-0002-8282-7273

master's degree holder,
independent researcher
xiongh@sjtu.edu.cn

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты сопоставительного анализа эволюции проблемы «немецкой вины» на примере творчества Б. Шлинка в контексте немецкоязычной литературы XX—XXI веков. Новизна исследования связана с рассмотрением трансформации проблемы «немецкой вины» и её сопричастности к феномену терроризма. Источниками выступили романы «Возвращение» (2006), «Женщина на лестнице» (2014), «Три дня» (2008), «Ольга» (2018), «Внучка» (2021). Доказано, что актуальность исследуемой темы определяется устойчивым интересом, прежде всего в немецкоязычной среде, к вопросу «немецкой вины». Установлено, что в художественном мире Бернхарда Шлинка (Bernhard Schlink) эта проблема в общефилософском контексте входит в более широкую метафизическую проблему, волнующую писателя на протяжении жизни, «о пользе справедливости» и преодолении заблуждений прошлого. Авторы статьи приходят к выводу о том, что преодолеть разногласия между поколениями и избежать череды трагических событий, уходящих корнями в феномен «немецкой вины» в анализируемых романах, с точки зрения Б. Шлинка, можно только путем взаимного прощения, раскаяния и сочувствия. Доказано, что опыт изучения «немецкой вины» и «преодоления прошлого» является сегодня одним из путей поисков новой немецкой национальной идентичности.

Ключевые слова:

Бернхард Шлинк; немецкая вина; минимализм стиля; историческая память; коллективная вина; Карл Ясперс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a comparative analysis of the evolution of the theme of German guilt within the works of Bernhard Schlink situated in the context of twentieth- and twenty-first-century German-language literature. The novelty of this study lies in its examination of how the problem of German guilt transforms into an association with terrorism as a phenomenon. Drawing on novels such as *The Homecoming* (2006), *Woman on the Stairs* (2014), *Three Days* (2008), *Olga* (2018), and *The Granddaughter* (2021), it is demonstrated that the relevance of this topic remains strong, particularly among German-speaking audiences, due to their enduring interest in questions related to German guilt. It has been established that in the fictional universe created by Bernhard Schlink, this issue expands beyond mere historical or political considerations into broader philosophical concerns regarding justice and overcoming past misconceptions. The authors conclude that according to Schlink's perspective, reconciliation between generations and preventing further tragic events rooted in the legacy of German guilt can only be achieved through mutual forgiveness, repentance, and empathy. Furthermore, it is argued that exploring the experience of German guilt and confronting the past provides one possible path toward redefining contemporary German national identity.

Key words:

Bernhard Schlink; German guilt; stylistic minimalism; collective memory; Karl Jaspers

УДК 821.112.2Шлинк.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-370-390

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира

Эволюция темы «немецкой вины» в романах Б. Шлинка: от «Возвращения» («Die Heimkehr») к «Внучке» («Die Enkelin»)

© Шарыпина Т. А., Богер Т. Р., 2025

1. Введение = Introduction

Проблема «немецкой вины» чрезвычайно важна в контексте немецкоязычной литературы XX века. Полное представление об этом феномене невозможно получить без знакомства с историей формирования фундаментального понятия «вины» в немецкой философии. Так в трактатах и письмах Иммануила Канта встречаем важное рассуждение о так называемой прирожденной вине (reatus), заключающейся в неисполнении долга как необходимости совершать добро во всей возможной полноте [Кант, 1980]. Фридриха Ницше также интересовало происхождение моральной вины, которое он связывал с чувством долга перед богами и предками у древних народов, трансформировавшегося в идею вечного долга перед Богом. В этом контексте, считал философ, и появляется представление о моральной вине [Ницше, 1990, с. 67].

Актуальность исследуемой проблемы определяется устойчивым интересом, прежде всего в немецкоязычной среде, к вопросу «немецкой вины». В художественном мире Бернхарда Шлинка (Bernhard Schlink, 1944) эта проблема в общеполитическом контексте входит в более широкую метафизическую общечеловеческую проблему, волнующую писателя на протяжении жизни, — вопрос «о пользе справедливости» и преодолении заблуждений прошлого. Пересматривается в настоящее время и определение «коллективной памяти» немецкого народа. Одна из главных ее функций — создание общественного единства, осознанного понимания своей идентичности.

После войны в Германии «проблема вины» напрямую связывалась с вопросами освобождения сознания рядового немца от идеологии нацизма. В «час ноль немецкой истории» единого понимания в обществе по этому краеугольному вопросу не существовало. Потсдамское положение о «коллективной вине» («Kollektivschuld») немцев за нацистское прошлое не было популярным в общественном сознании, так что размышление о причинах

произошедшего имело для Германии важнейшее значение. Эта тема становится предметом рефлексии известных немецких философов Карла Ясперса и Ханны Арендт, что нашло отражение в их коллективной работе «Вопрос о вине» («Die Schuldfrage», 1946). Видный представитель экзистенциализма не принимает положение о «коллективной вине» и выдвигает на суд соотечественников принципиально иную фундаментальную концепцию вины, которая была впоследствии принята большинством немцев.

Вопрос о признании «немецкой вины» активизировал вторую волну экзистенциализма в послевоенном сознании немецких деятелей культуры, вызванную идеологическим вакуумом, разрушением существовавших долгое время иллюзий, пересмотром классических гуманистических традиций, растерянностью индивидуума перед такими явлениями, как гитлеровские концлагеря и угроза атомной катастрофы, и, как это ни парадоксально, глубоко затаённой тягой к универсальным, незбылемым, неколебимым константам вселенского бытия. Однако парадокс заключался в том, что немецкая творческая интеллигенция послевоенного периода предпочитала французский «вариант» экзистенциальной философии и оказалась под влиянием не основоположников экзистенциализма как такового, а их французских преемников — А. Камю и Ж.-П. Сартра. М. Хайдеггер был скомпрометирован неоднозначностью своего положения в эпоху нацистского режима. Идеи Карла Ясперса об общенациональной вине и раскаянии не вызвали у немецкой общественности должного понимания. Гораздо «удобнее» для немецкой интеллигенции, находившейся в состоянии растерянности, отрицания своего прошлого, был французский вариант экзистенциальной философии, в особенности взгляды Ж.-П. Сартра, постулировавшего автономность человеческой личности, нахождение ее вне каких-либо социальных и культурных структур, а К. Ясперс придерживался мнения, что все немцы в совокупности, жившие в Германии в эпоху нацизма, в той или иной мере виновны в совершенных преступлениях. В связи с этим тема вины выдвигается им на первый план. Степень виновности каждого подлежит военному, гражданскому или политическому суду. Некоторые должны быть подвергнуты суду моральному, а другие — суду совести, когда каждый человек вершит его сам над собой. Главным, по мнению немецкого философа, является то, что каждый человек обязан держать ответ за все зло, свидетелем которого он был, но ничего не сделал для его предотвращения [Ясперс, 1999, с. 148]. Важно отметить, что, по Ясперсу, политическая виновность хоть и означает ответственность всех граждан данного государства за последствия его действий, но не означает уголовной и моральной виновности каждого отдельного гражданина в преступлениях, совершенных от имени этого государства. И, наконец, метафи-

зическая виновность, по мнению К. Ясперса заключается в том, что существует некая солидарность между людьми, которая делает каждого виновным в преступлениях, совершаемых в его присутствии или с его ведома. При этом философ замечает, что абсурдно обвинять в преступлении народ в целом. Даже если человек встает на путь борьбы с этим несовершенным миром, ему никогда не удастся охватить и побороть все пороки хотя бы потому, что человек не живет вечно, объять необъятное не представляется возможным. Важно отметить именно метафизическую виновность, так как она дает нам ключ к пониманию философских воззрений К. Ясперса. Разграничение понятий виновности, данное философом, чрезвычайно важно для понимания чувства, под влиянием которого находятся многие главные герои произведений Шлинка и сам автор.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Темы вины немецкой нации, ответственности, этики после окончания войны поднимаются в трудах именитых ученых. Среди них уже названные К. Ясперс [Ясперс, 1999], Х. Арендт [Арендт, 2008, 2013], а также Т. Адорно [Адорно, 2003], Ю. Хабермас [Хабермас, 1990], писатели Г. Грасс, Г. Бёлль, Ф. Фюман и многие другие. Проблемы преодоления прошлого и поисков новой национальной идентичности после произошедшего объединения Германии затрагивают в своих работах многие исследователи, как зарубежные, — П. Райхель [Reichel, 2001], С. Фриндлер [Friedländer, 2007], И. Гётц [Götz, 2011], С. Бергер [Berger, 1997], так и отечественные — А. Борозняк [Борозняк, 2014], Е. Лезина [Лезина, 2013], Б. Орлов [Орлов, 2012], Г. В. Кучумова [Кучумова, 2016], Г. Ионкис [Ионкис, 2019], Т. А. Шарыпина [Шарыпина, 2011, 2017].

Методика анализа в статье согласуется с исследованиями культурных кодов национальной идентичности и вопроса самоидентификации в европейской словесности переходных эпох, проводимыми кафедрой зарубежной литературы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в русле концепций отечественного литературоведения. Научная новизна работы связана с рассмотрением трансформации проблемы немецкой вины и её сопричастности к феномену терроризма в романах Бернхарда Шлинка «Возвращение» (Die Heimkehr, 2006), «Женщина на лестнице» (Die Frau auf der Treppe, 2014), «Три дня» («Das Wochenende», 2008), «Ольга» («Olga», 2018), «Внучка» («Die Enkelin», 2021, на русский язык переведен в 2023 году). Результаты исследования помогают ответить на вопрос, почему автор видит необходимость в обращении к этим вопросам в современности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблема исторического формирования «немецкой вины» в романе «Ольга» и концепция образа Иоганна Дебауера в романе «Возвращение»

В России творчество Бернхарда Шлинка стало известно широкому читателю главным образом после выхода фильма «Чтец» («Der Forleser», 1995), лауреата престижных наград, снятого по одноименному роману. Для творческой манеры писателя характерны сдержанность, суггестивность повествования, минимализм стиля, нетривиальное построение сюжета, за счет чего автору удается эмоционально воздействовать на читателя. В июне 2010 года в Гейдельбергском университете Б. Шлинком был прочитан курс лекций по эстетике «Gedanken über das Schreiben» [Schlink, 2013]. Писатель обозначает в нем основополагающие темы своего творчества — любовь, родина и прошлое. Шлинка пишет о нацизме и холокосте, проблеме разумного нравственного выбора и слепой вере в идею, пишет о последствиях Второй мировой войны и ставит проблему личной ответственности за происходящее. Интерес к творчеству Б. Шлинка в Германии и в России, думается, связан не только с той темой, которая не потеряла актуальности, прежде всего в названных странах, — это истоки и итоги Второй мировой войны, но и с тем, что его произведения написаны в добротной классической традиции социально-психологического романа, по которому успела соскучиться аудитория в эпоху всепоглощающего постмодерна. Читателям Б. Шлинка импонирует лаконизм и прозрачность писательского стиля, его интеллектуальная направленность и злободневность проблематики его произведений.

Приоритетной темой творчества Б. Шлинка является вопрос о «пользе справедливости», напрямую связанный с научными интересами самого автора, не только писателя, но и юриста по профессиональной деятельности, о чём Шлинка писал в своем публицистическом эссе 1989 года, — «Право — вина — будущее» («Recht — Schuld — Zukunft») [Schlink, 2002]. Б. Шлинка размышляет о чувстве «коллективной вины», наложившей отпечаток на жизнь как «второго поколения», «поколения детей», родившегося в конце или после войны, так и «третьего поколения», а также «поколения внуков» и даже «правнуков» третьего рейха, в чем мы убеждаемся, читая роман «Внучка», написанный в 2021 году. Представляет интерес трансформация подхода к проблеме «немецкой вины» и её сопричастности к феномену терроризма в названных нами произведениях Б. Шлинка.

Тема «немецкой вины» в романах «Чтец», «Возвращение», «Женщина на лестнице» анализируется прежде всего во взаимосвязи с нравственно-этическими поисками индивида. Идея об ответственности человека за

свои поступки позволяет писателю выйти к глобальной философской идее «пользы справедливости». В идейном содержании написанного позднее романа «Ольга» писатель подходит к этой проблеме исторически, связывая зарождение самой сути «немецкой вины» с эпохой Бисмарка, когда началось формирование идеи превосходства немецкого национального духа, а также исторического мифа «народа без пространства». Б. Шлинк делает особый акцент на том, что миф о превосходстве Германии сформировался раньше прихода Гитлера к власти. Писатель обращает внимание читателя на «преемственность» этой идеи и фатальную одержимость ею последующих поколений, а также выражает мнение о том, что не Гитлер повел немецкую нацию не по тому пути. Немцы сами, еще до появления его у власти, выбрали эту стезю, а фигура Гитлера закономерно порождена сложившейся ситуацией. Б. Шлинк намечает важную метафоричную последовательность: «дед», «отец», «внук», а в последнем романе уже «правнуки», тем самым подчеркивая общность и различия поколений в попытках осмысления национальной истории Германии. Б. Шлинк обращает наше внимание на то, что самосознание немцев сформировалось еще при Бисмарке, которому автором отводится роль не только великого объединителя немецких земель, но и правителя, который прямым образом повлиял на трагическое будущее Германии XX века.

По мере чтения текста романа читателю становится понятно, насколько умело «Железный канцлер» воспользовался этим мифом в качестве важного звена в создании единства немецкого государства. Б. Шлинк предлагает читателю обратить внимание на то, как любые события прошлого легко можно исказить мифологическими допущениями. Через весь роман «Ольга» проходит мысль о величии Германской империи. Одержимость этой идеей мы можем видеть главным образом на примере возлюбленного главной героини — Герберта фон Шрёдер-Штранца (1884—1912). Личность авантюрного склада, он быстро впитывает миф о величии немецкого народа, отправляясь утверждать колониальные завоевания Германии. Письма к Ольге буквально наполнены этой идеей и уверенностью в собственной правоте. Например, в одном из них он пишет: «<...> необходимо господство немцев. <...> Чёрные — человеческая порода, которая еще находится на низшей ступени культуры, у них отсутствуют наши высшие и лучшие качества <...> и вообще у них нет никаких идеалов» [Шлинк, 2018, с. 65]. В этих пространственных текстах очевидно, как модифицируется миф о величии немецкого народа, превращаясь в национализм XX века. Карта «странствий» Герберта весьма обширна. Гонимый идеей мирового господства немецкой нации, он воевал в Африке, путешествовал по Карелии, Сибири, побывал в Арктике и на Шпицбергене. Так же, как и его реальный про-

тотип — Герберт фон Шрёдер-Штранц — возлюбленный Ольги, руководимый ложной идеей, пропадает без вести в очередной экспедиции. Стоит также отметить в этом романе еще одну тему, имеющую большое значение для немецкого сознания, — это миф о вечном возвращении, трансформированный затем в философских концепциях Ф. Ницше. Концепция мифа об Одиссее, о возвращении на родную землю, к истокам актуализировалась в немецком сознании также во время и по окончании Второй мировой войны. Б. Шлинк мастерски использовал эту деталь в романе «Возвращение», где один из центральных героев, Иоганн Дебауэр, является сочинителем «Романа для удовольствия и полезного развлечения», главный персонаж которого, немецкий «Одиссей» — Карл возвращается из плена в Сибири домой, в родную Германию. Шлинк фактически не оставляет читателю возможностей для свободной интерпретации текста, буквально провоцируя прочитывать роман через призму «Одиссеи» Гомера. Отсылка к этому произведению угадывается уже в названии романа. «Die Heimkehr» — в немецком варианте — можно перевести как «возвращение домой». Этой деталью писатель делает отсылку к Союзу изгнанных («Bund der Vertriebenen»), появившемуся на территории ФРГ после 1950 года и выступавшему за возвращение Германии ее «исконных» земель.

Новизной отличается сама постановка проблемы «немецкой вины» Б. Шлинком, связанная с трансформацией этой темы в связи с активизацией терроризма, что свидетельствует о политической и психологической чуткости Б. Шлинка, впервые подошедшего к этой актуальнейшей для Германии тематике в данном ракурсе. В этом контексте важно то, что в Германии выросло уже второе, третье и даже четвертое послевоенное поколение, которым не свойственны моральные терзания по поводу собственной вины, что сыграло важную роль в формировании их взглядов на непростые вопросы немецкого прошлого [Кучумова, 2016]. Чаще всего это выливается в форму конфликта, конфронтации с предшествующим поколением. Младшие поколения по-новому сформулировали для себя вопросы морали и этики по отношению к действиям своих отцов и дедов в военное время. Из этих предпосылок берет свое начало леворадикальная организация «Фракция Красной Армии» (действовала в ФРГ и Западном Берлине в 1970—1998 годах, нем. Rote Armee Fraktion — RAF, рус. РАФ). Для Шлинка — писателя и юриста — актуализация терроризма в современную эпоху имеет особый интерес. Исследуя корни этой актуализации, в романе «Возвращение» автор делает теоретиком терроризма бывшего нациста и военного преступника Иоганна Дебауэра (Джона де Баура). Для понимания того, как проблема немецкой вины трансформируется в апологику терроризма, принципиально важным является этот образ. В том,

что Иоганн Дебауер становится политологом-деконструктивистом, можно увидеть определенную закономерность. Деконструктивистские теории, на которых построено его послевоенное мировоззрение, его лекции, книга «Одиссея права», являются не чем иным, как хитрой попыткой снять с себя ответственность за свое прошлое. Особое место в романе отводится текстам. Через нарративы персонажей становится возможно проследить степень их лживости и правдивости, дать психологическую характеристику героя. Главным образом это касается фигуры Иоганна Дебауера (Джона де Баура). На протяжении всего романа он предстает перед читателями в нескольких масках: и солдата-добровольца Фолькера Фонладена, создающего статьи в нацистских газетах, оправдывающие право Германии на ведение войны по «железному правилу», и Вальтера Шоллера, заведующего отделом культуры газеты «Ночной экспресс» уже в послевоенное время, и политолога-деконструктивиста Джона де Баура, автора так называемой «Одиссеи права», произведения, переворачивающего с ног на голову какую бы то ни было мораль.

Б. Шлинк исследует видоизменения вопроса «немецкой вины», вступающего во взаимодействие с таким насущным вопросом, как глубинные, в том числе психологические, причины терроризма, уходящие корнями в средневековую ментальность, когда в условиях кризиса сакральности культуры на сцену выходит антисистема, пытающаяся презентовать себя как достойную альтернативу и порождающая своего культурного антигероя, который восходит к архаическому типу трикстера или шута и провоцирует деструктивное взаимодействие, аналогичное террористическим сценариям. Французский философ и социолог Жан Бодрийяр декларировал симулятивный характер политики, раскрывающийся в самом существовании актов терроризма. Политика больше не является собой, она не существует, поскольку ее полностью поглотило социальное. Анонимность массы, по мнению Бодрийяра, поглощает всякое различие, а значит, и политическое. И если смотреть на феномен терроризма с этой точки зрения, он представляется войной, которая носит характер тотального самоуничтожения [Бодрийяр, 2018, с. 194]. Современный терроризм симулирует и традиционную форму жертвоприношения, пряча за ней истинное содержание, которое по своей сути совершенно аморально и антисистемно. Говоря о концепции нарушения существующих социальных норм, порядка, легитимности, нельзя обойти вниманием такую черту героя-трикстера, как шутовство. Архетип шута автоматически вызывает в нашем сознании такие культурные феномены, как игра и праздник, которые, в свою очередь, нашли особое воплощение в культуре средневекового карнавала и тоже имеют своеобразную связь с насилием. Как не вспомнить приёмы

ускользания от ответственности Иоганна Дебауера: переодевание, разнообразные личины-маски и т. д. Здесь следует сказать о таких мировоззренческих категориях, как имморализм и аморализм. Первый представляет собой стадильное восприятие морали как свода правил, который меняется в зависимости от времени, места, области деятельности, культурной среды и т. д. Дебауер воспринимает мораль как свод правил, который должен отличаться в зависимости от ситуации. Однако с объективной точки зрения этот имморализм в случае с Дебауером является маской аморализма, так как его собственные взгляды относительно национальной нетерпимости, оправдание убийства стариков и детей являются фундаментом его мировоззрения. Здесь мы видим сходство с феноменом терроризма, само появление которого тоже связано с кризисом «системы», культуры, его породившей. Превращение Иоганна Дебауера из нациста, отрицающего мораль, в теоретика терроризма, использующего постмодернистские приемы для переворачивания нравственных основ права, изображено Б. Шлинком предельно понятно и достоверно.

3.2. Тема «немецкой вины» и трансформация терроризма в идейно-художественном контексте романов Б. Шлинка «Женщина на лестнице», «Три дня», «Внучка»

В ситуации рассмотрения темы немецкой вины и ее трансформации в романе «Женщина на лестнице» Б. Шлинк представляет читателю иной вариант судьбы человека, так или иначе причастного к терроризму. Автор обращается к образу бывшего террориста. В новом романе перед нами предстает героиня, возможно, оказавшаяся в свое время под влиянием такой деконструктивной морали, которую творит Джон де Баур, Ирена Гундлах, состоявшая в прошлом в рядах РАФ. Находясь перед лицом смерти, лишь теперь она начинает понимать смысл своей жизни, исправлять ошибки прошлого. В этом романе Б. Шлинк подходит к разрешению вопроса террористического прошлого и последующего раскаяния с экзистенциальной, метафизической точки зрения.

Анархистка и участница экстремистской организации «Фракция Красной армии» скрывается в Австралии, где ведет аскетичный образ жизни: оказывает посильную помощь местному населению, устраивает в своей хижине бесплатный приют для детей, оказавшихся на обочине жизни. На протяжении долгого времени Ирена таким образом искупает свою вину. Эта линия легко соотносится читателем с подобной ситуацией в романе «Чтец», где Б. Шлинк уже ранее поднимал вопрос о возможности нравственного возрождения человека, искупления его вины через искреннее раскаяние. Но если в «Чтеце» эта тема поднималась в рамках осмысления «немецкой вины» послевоенного времени, то в романе «Женщина на лестнице» вопрос

искупления вины приобретает современное звучание и общефилософское экзистенциальное значение. Согласно экзистенциальной философии, осознать свое бытие человек может, лишь оказавшись в так называемой пограничной ситуации, которая приближает человека к трансцендентальному, к осознанию смысла своего существования. Б. Шлинка намечает и развивает эти мотивы более полно в романе «Женщина на лестнице».

Сожаление героини о прошлом, ее желание прожить совсем другую жизнь, особенно теперь, когда жить ей осталось так немного, трагически изображаются Б. Шлинком в виде трогательных эпизодов, когда Ирена вопрошает героя, от лица которого подаётся повествование, о том, как сложилась бы их жизнь, если бы они познакомились до событий, повернувших судьбу Ирены по ложному пути. Б. Шлинка особенно акцентирует внимание читателя на искреннем раскаянии героини, пожелавшей хотя бы последние несколько дней своей жизни, пусть и мысленно, но «прожить» другую — счастливую жизнь, в которой не было ни убийств, ни ограблений, ни разочарований.

Ирена, сильная и мудрая героиня, успевает напоследок искупить свою вину, помогая не только беспризорным австралийским детям: благодаря ей главный герой переосмысливает свою жизнь. Оставшись на острове с Иреной в ее последние дни, он размышляет о том, как сложилась его судьба. Здесь мы встречаемся с изображением вины в том виде, в котором интерпретировали ее немецкие экзистенциалисты: «Не знаю почему, но внезапно я почувствовал себя виноватым <...> Чувство вины не имело конкретной причины. Оно скорее походило на тревогу, хотя мне ничего не угрожало, или на скорбь, хотя ничего трагического не произошло. Это было физическое чувство, и хотя я уверял себя, что тело <...> не может чувствовать себя виноватым, чувство вины было именно таким, телесным» [Шлинка, 2014, с. 61]. В этой телесности вины главного героя ясно слышатся отзвуки экзистенциальных воззрений Карла Ясперса, убежденного в том, что каким бы враждебным и злым ни был окружающий человека мир, но если он живёт в нем (ведь человек волен уйти из этого мира), то так или иначе, сознательно или бессознательно человек принимает этот мир таким, какой он есть, со всеми его несовершенствами. В этом и заключается его моральная или метафизическая вина.

С особым интересом был встречен роман «Das Wochenende» («Конец недели», 2008, в официальном русском переводе — «Три дня»). Б. Шлинка предлагает читателям вместе с ним порассуждать, может ли человек с четырьмя убийствами на счету, помилованный государством и освобожденный после 24 лет тюремного заключения, вернуться в общество. В романе представлен ещё один вариант постановки проблемы терроризма, вопро-

сов свободы и расчёта с прошлым. Если в предшествующем произведении автор обращается к прошлому частных персонажей, акцентируя внимание на их личной судьбе, то в романе «Три дня» прошлое приобретает глобальное значение, поскольку на сцену выводятся герои, изображенные в романе как представители экстремистской группировки РАФ и имеющие вполне узнаваемые прототипы. Немецкая леворадикальная террористическая организация «Фракция Красной Армии» объединяла в своих рядах представителей молодого немецкого поколения «детей», пришедшего на смену военному поколению и вступившего с ним в конфронтацию. РАФ представляла собой относительно небольшую организацию, за всю историю ее существования с 1970-х по 1990-е годы членами группировки было от 60 до 80 человек, однако число людей, помогавших и разделявших взгляды РАФ, но не входивших в группировку официально, доходило до нескольких сотен. 13 октября 1977 года был угнан пассажирский самолет «Ландсхут» авиакомпании «Люфтваганза». Этот случай был особенно резонансным и положил, как считается, начало международному терроризму. Состав «Фракции Красной Армии» постоянно обновлялся и исторически насчитывал три поколения террористов. 28 апреля 1998 года РАФ объявила о самороспуске, прислав в управление уголовной полиции Висбадена соответствующий документ [RAF-Auflösungserklärung]. Члены РАФ испытывали вражду к устройству государственного аппарата ФРГ, к «системе» как таковой.

Прототипом Йорга, главного героя, стал немецкий террорист Кристиан Клар, член РАФ, освобожденный из тюрьмы после двадцати шести лет заключения. В параллель к образу Йорга, террористу, потерпевшему моральный крах, Б. Шлинка выводит в тексте романа другой образ — террориста Яна, для которого нелегально оказаться в заключении ни при каких условиях. Согласно его убеждениям, он должен принять участие в глобальном, пусть и бессмысленном, террористическом акте и погибнуть, обретя в этом смысл жизни, ведь борьба идёт против «системы» как таковой. Используя свой излюбленный приём — «роман в романе», Шлинка вводит псевдобиографию Яна и делает его участником террористического акта 11 сентября 2001 года, во время которого он погибает, выпрыгнув из окна горящего небоскреба. Шлинка предлагает нашему вниманию в первую очередь собирательные характеры, по этой причине писатель отказывается давать своим персонажам фамилии: у них есть только имена. Уже в анализируемом произведении обозначена проблема, которая станет одной из основных в последнем романе «Внучка», — тема включенности молодого поколения в различные экстремистские и террористические движения и группировки.

События второй половины XX века не прошли бесследно для следующего молодого поколения Германии, зрелость которого пришлась на 90-е годы. Этих людей ученые объединили под общей характеристикой «внуки третьего рейха», или второе «потерянное поколение», поколение «брошенных детей» [Кучумова, 2016]. Общими чертами этого поколения можно назвать конформизм, неготовность к состраданию, внутреннюю пустоту и тотальное одиночество, отсутствие цели и понимания смысла собственной жизни. С точки зрения писателя, взаимосвязь темы «немецкой вины» и проблемы терроризма закономерна, поскольку различия между поколениями, в первую очередь по этому вопросу, стали катализатором для формирования экстремистских идей в леворадикальных организациях Германии. Б. Шлинк вводит в текст романа молодых героев, представляющих так называемое поколение «внуков третьего рейха». Среди них девушка Дорле — взбалмошная дочь владельца зубопротезных лабораторий, Фердинанд — сын Йорга, жаждущий высказать всё и взглянуть в глаза своему отцу после стольких лет, и Марко — «новый» революционер, твердо уверенный в том, что революция должна продолжаться. Все эти герои так или иначе представляют три типа молодого поколения Германии. Дорле не рефлексирует по прошлому, не ищет виноватых и правых, она просто наслаждается обеспеченным существованием. Фердинанд представляет собой молодого человека, который не может простить своего отца за то, что тот променял семью на идеологическую борьбу, стал косвенной причиной самоубийства матери и не испытывал при этом мук совести. Присутствуя на «вечере воспоминаний», Фердинанд не может сдерживать отвращения и жестоко обличает всех присутствующих, сравнивая их с компанией бывших эсэсовцев, с ностальгией предающихся воспоминаниям о былых временах: «"А помните, а помните..." — то и дело раздавалось в их компании. Разумеется, не "А помните, как мы в Вильнюсе убивали евреев" или "расстреливали поляков в Варшаве" <...> вы точно такие же!» [Шлинк, 2013, с. 59]. Фигура Фердинанда вводится Б. Шлинком намеренно, чтобы поделиться с читателем своими мыслями о нетерпимости детей к деяниям отцов, переходящей из поколения в поколение. Б. Шлинк, таким образом, безусловно, считает важным анализ детьми собственных поступков и поступков своих родителей, говорит об ответственности, которая лежит на каждом. Но также верно и то, что, не забывая обо всем сказанном, важно удержаться от соблазна непримиримого осуждения и противоборства, чтобы не повторить ошибки своих предков, важно уметь прощать, но помнить.

Еще один любопытный молодой персонаж — «новый» революционер Марко, желающий вернуть Йорга на путь «борьбы». Он открыто восхищается его прошлым, что очень льстит Йоргу, ведь это единственное по-

прише, на котором он хоть чего-то «достиг». Продолжатели дела борьбы против «системы» хотят использовать Йорга в своих целях, опубликовав от его имени соответствующее заявление. Вводя в повествование такого персонажа, как Марко, Б. Шлинк касается довольно острой темы исламизации Европы и надежд левых радикалов на объединение с мусульманами в общей борьбе с капитализмом. Мы видим, что поколение «внуков и правнуков третьего рейха» отличается неспособностью к состраданию и внутренней опустошенностью. Эта тема будет продолжена и развита писателем в романе «Внучка» («Die Enkelin», 2021), удивительно многогранном и остропроблемном произведении, явившемся не только продолжением разговора о специфике «немецкой вины», но и размышлением о событиях 1989—1990 годов, что позволяет по праву включить данное произведение, посвященное смене эпох в Германии, в контекст так называемой «Nachwendeliteratur», в многочисленных художественных текстах которой центральными темами становятся вопросы самоидентификации восточных немцев после Объединения, а также возможность достижения реальной духовной общности всех немцев после падения Берлинской стены. Актуальность осмысления политических и культурных последствий «поворота» весьма ощутима в художественном творчестве объединенной страны. Книги Шлинка («Ольга», «Женщина на лестнице», «Три дня» и, конечно же, «Внучка») всегда, в большей или меньшей степени, о том расколе, который произошел в памяти и судьбе немецкого народа, о его общенациональной ответственности. Роман «Внучка» Б. Шлинка вызывает на дискуссию о том, как история и проблема «немецкой вины», катализатором для которой стала в том числе и миграционная политика Германии после 2015 года, послужившая фактором нарастания новой волны терроризма, искажаются в том числе в кривом зеркале реабилитации неонацизма. Шлинк касается ещё одной животрепещущей (даже через 35 лет) темы — возможности взаимопонимания между Восточной и Западной Германией, двух идеологических полюсов, которые до сих пор никак не придут к согласию. Писатель подходит к этой проблеме с позиций западного немца, однако весьма осторожно и по возможности непредвзято. Повествование начинается как семейный роман о жизни Биргит и Каспара Веттнер, супружество которых началось с бегства Биргит из Восточного Берлина. Всю последующую жизнь она ощущала себя чужой в Западном Берлине и так и не смогла найти себя. На новом витке немецкой истории Шлинк обращается к последующему поколению, к новым героям, и читатель, по сути, оказывается в нашем времени. Тем удивительнее констатация того, что, несмотря на уже давно разрушенную стену, давно объединенную страну, Западная и Восточная Германия продолжают существовать в параллель-

ных пространствах. Автор откровенно пишет о том, насколько крепки корни различных укладов, мировоззрений и политических взглядов «двух» Германий. Одним из первых писатель поднимает тему возрождения неонацизма, причём чаще всего на территории бывшей Восточной Германии. В последнем романе Шлинк обращается к теме национальных поселений, в которых воспитывают детей в альтернативном официальной политике духе неонацизма, а затем разгромной деятельности «автономов», которые пришли на смену скинхедам. Так, в результате поисков Каспара читатель узнаёт о судьбе брошенной Биргит дочери, жизнь которой вначале балансировала на грани юношеской безысходности, ненависти к «системе» и возможности террористических акций. Свою молодость, совпавшую с эпохой безвременья 1990-х, она проводит, не имея постоянного места жительства, участвуя в акциях избиения бездомных и гастарбайтеров, употребляет наркотики. Определить своё место в жизни Свеня сумела, только вступив вместе с мужем в ряды восточных национал-поселенцев Германии. Писатель анализирует синдром хронической вины и новое переосмысление этой темы в свете радикально настроенных групп, действиями которых управляет злость и упрямство. Бьерн и Свеня Ренгер, родители Зигрун, той самой внучки из названия романа и одновременно представительницы последующего поколения, уже по сути «правнуков» третьего рейха, живут в небогатом доме деревенской общины и придерживаются ультрапатриотических и националистических взглядов, в которых и воспитывают дочь, защищая Зигрун от всего «антинемецкого», соблюдая строгий патриархальный уклад, языческие праздники. Они борются за чистоту немецкого языка, посылают детей в лесные походы, выступают против иммигрантов, не доверяют берлинцам, симпатизируют «сильным лидерам», мечтая о новом рейхе. Им свойственна идеологическая зашоренность и малообразованность, готовность свергнуть все идеалы и стремление найти опору в прошлом и оправдать преступников.

Одной из ключевых сцен романа является посещение Каспаром-дедом и Зигрун — «названной внучкой» — музея в помещении бывшего концлагеря Равенсбрюк. Каспар надеется, что под впечатлением от увиденного Зигрун сможет расстаться с ультраправыми идеями родителей. Однако «внучка» не верит музейным экспозициям, по-прежнему восхищаясь Ирмхард Грезе (1923—1945), служившей надзирательницей в концлагерях и отличавшейся особым садизмом. Единственное, что удаётся Каспару доказать «внучке», это то, что нельзя смотреть на мир только под одним углом зрения, надо смотреть на жизнь, на Германию с разных сторон. Писатель не делает безальтернативного вывода о легкой возможности разубедить ультраправых в их конспирологических теориях. По крайней мере, этого

не добиться с помощью конструктивного диалога, рациональных доводов, критического мышления. В какой-то степени Зигрун повторяет судьбы Свени и Биргит. Разочаровавшись или устав от патриархальных правил, внушка уходит от национал-поселенцев, но переходит к ещё более агрессивным «автономам» — «автономным националистам» — молодёжной организации неонацистов в Германии, исповедующей культ террора и насилия, в одной из акций которой приняла участие и Зигрун. Любопытно, что для спасения «внушка» повторяет способ её бабушки — бегство от тяжелой жизненной ситуации, чтобы начать с чистого листа в другой стране. В отличие от Биргит у неё есть нечто, способное вернуть ей веру в справедливость. Шлинка награждает свою героиню недюжинными музыкальными способностями, которые, как надеется бабушка, могут влиять на изменение мышления человека. Каспару удаётся вновь обрести, быть может, утопическую надежду на возможную оптимистическую перемену взглядов и жизненной стратегии Зигрун благодаря музыке, у которой оказываются задатки одарённой пианистки. В музыке, эмоциональная сила которой интернациональна, обретают голос чувства и надежды, о которых Каспару невозможно говорить вслух. Именно музыка, вероятно, по мысли писателя, должна стать той силой, которая потенциально способна вырвать девочку с недюжинными задатками из примитивного национал-поселенческого мира ее родителей и «автономов».

4. Заключение = Conclusions

Романы Бернхарда Шлинки — это всегда путешествие от одной эпохи к другой, одного поколения к другому, от Западной Германии к Восточной, от ненависти до любви к своей стране. Шлинку удается подключить читателя к самым животрепещущим и болезненным вопросам немецкой действительности. Писатель своеобразно подходит к формированию темы «немецкой вины» и акцентирует внимание на истории формирования немецкого национального духа, аналитически рассматривая исторический миф о ключевой роли Гитлера в формировании немецкого самосознания. В целях изучения эволюции «немецкой вины» на примере «детей», «внуков» и даже «правнуков» Третьего рейха, а также для исследования различий и общности разных поколений в осмыслении национальной истории Германии Б. Шлинка при построении системы образов создает последовательность: отец — сын, дед — отец — внук (внушка).

Феномен терроризма не является принципиально новым явлением в истории человечества. Культурно-философский анализ данного явления раскрывает его родство с архетипом отрицательного культурного героя-трикстера, что мастерски используется Б. Шлинком в художественном

пространстве его произведений. Исследование проблематики и идейного содержания романов «Возвращение», «Женщина на лестнице», «Три дня» свидетельствует, что феномен страха является ключевым при описании экзистенциального бытия человека в террористической идеологии.

Писатель видит истоки немецкого терроризма в преемственной неприимости поколений, в отсутствии эмпатии между ними и отказе принять свое прошлое таким, какое оно есть. С точки зрения писателя, трансформация темы «немецкой вины» в проблему терроризма вполне закономерна, поскольку различия между поколениями, в первую очередь по этому вопросу, стали катализатором для формирования экстремистских идей в леворадикальных организациях Германии. В своих романах Б. Шлинк придерживается мнения, что преодолеть разногласия между поколениями и избежать череды трагических событий, уходящих корнями в феномен «немецкой вины», можно только путем взаимного прощения, раскаяния и сочувствия. Опыт изучения «немецкой вины» и «преодоления прошлого» является сегодня одним из путей поисков новой национальной идентичности. Исследование феномена терроризма в контексте вопроса о национальной немецкой вине открывает новые возможности для концептуального осмысления прошлого и настоящего немецкого народа.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Шлинк Б. Внучка / Б. Шлинк ; пер. с немецкого Р. Эйвадаса. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 416 с. — ISBN 978-5-389-21459-0.
2. Шлинк Б. Возвращение / Б. Шлинк ; пер. с немецкого А. Белобратова. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2013. — 320 с. — ISBN 978-5-389-19347-5.
3. Шлинк Б. Женщина на лестнице / Б. Шлинк ; пер. с немецкого Б. Хлебникова. — Москва : Азбука-Аттикус, 2014. — 87 с. — ISBN 978-5-389-09842-8.
4. Шлинк Б. Ольга / Б. Шлинк ; пер. с немецкого Г. В. Снежской. — Москва : Иностранка, 2018. — 304 с. — ISBN 9783257070156.
5. Шлинк Б. Три дня / Б. Шлинк ; пер. с немецкого И. Стребловой. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2013. — 256 с. — ISBN 978-5-389-04484-5.
6. Schlink B. Die Enkelin / B. Schlink. — Zürich : Diogenes Verlag, 2021. — 368 S.
7. Schlink B. Gedanken über das Schreiben : Heidelberger Poetikvorlesungen / B. Schlink. — Zürich : Diogenes Verlag, 2013. — 96 S. — ISBN 9783257067835.
8. Schlink B. Das Wochenende / B. Schlink. — Zürich : Diogenes Verlag, 2008. — 224 S. — ISBN 9783257603316.
9. Schlink B. Die Frau Auf der Treppe / B. Schlink. — Zürich : Diogenes Verlag, 2014. — 256 S. — ISBN 9783257604399.

10. *Schlink B.* Die Heimkehr / B. Schlink. — Zürich : Diogenes Verlag, 2006. — 375 S.
11. *Schlink B.* Olga / B. Schlink. — Zürich : Diogenes Verlag, 2018. — 311 S. — ISBN 9783257244991
12. *Schlink B.* Recht — Schuld — Zukunft / B. Schlink // Vergangenheitsschuld und gegenwärtiges Recht. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 2002. — S. 10—37. — ISBN 9783518121689.

Литература

1. *Адорно Т.* Воспитание после Освенцима / Т. Адорно // Негативная диалектика. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 322—333. — ISBN 5-89176-191-2.
2. *Арендт Х.* Ответственность и осуждение / Х. Арендт ; пер. с английского Д. Аронсона. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2013. — 352 с. — ISBN 978-5-93255-353-4.
3. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. — Москва : Постум, 2018. — С. 194. — ISBN 978-5-91478-023-1.
4. *Борисов С. Н.* Философско-культурологический анализ современного терроризма / С. Н. Борисов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. — 2007. — № 1. — С. 253—262.
5. *Борозняк А. И.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А. И. Борозняк. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 352 с. — ISBN 978-5-8243-1926-2.
6. *Ионкис Г.* Явление Бернхарда Шлинка / Г. Ионкис // Литературный европеец [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.le-online.org/2015-11-09-17-50-50/364-n49-mosty-ionkis> (дата обращения 20.05.2019).
7. *Кант И.* Трактаты и письма / И. Кант ; пер. с немецкого М. И. Иткина. — Москва : Наука, 1980. — 712 с.
8. *Кучумова Г. В.* Образ второго «потерянного» поколения в новейшем романе / Г. В. Кучумова, С. Ю. Канина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, литературоведение, языкознание, рецензии. — 2016. — № 1. — С. 130—135.
9. *Лезина Е. В.* Юридическо-правовая проработка прошлого ГДР в объединенной Германии / Е. В. Лезина // Вестник общественного мнения. — 2013. — № 2 (115). — С. 67—100.
10. *Ницше Ф.* Генеалогия морали. Соч. В 2-х томах / Ф. Ницше ; пер. с немецкого Ю. М. Антоновского. — Москва : Мысль, 1990. — 829 с.
11. *Орлов Б. С.* Проблемы идентичности в современной Германии / Б. С. Орлов. — Москва : ИНИОН РАН, 2012. — 76 с. — ISBN 978-5-248-00652-6.
12. *Римский В. П.* «Человек террористический» в изменяющемся мире модерна и тоталитаризма : к методологии проблемы / В. П. Римский // Личность. Культура. Общество. — 2006. — Т. VIII. — С. 154—162.
13. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. — Москва : [б. и.], 1989. — С. 319—344.
14. *Шарыпина Т. А.* «Возвращение» Бернхарда Шлинка в литературном контексте Германии новейшего времени / Т. А. Шарыпина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 740—744.
15. *Шарыпина Т. А.* Функции экфрасиса в романе Бернхарда Шлинка «Женщина на лестнице» / Т. А. Шарыпина // Гуманитарные науки. Филология. — 2017. — № 1 (41). — С. 73—80.

16. Berger S. The Search for Normality. National Identity and Historical Consciousness in Germany since 1800 / S. Berger. — Oxford : Berghan books, 1997. — 336 p.
17. Doerry M. Ich lebe in Geschichten [Electronic resource] / M. Doerry // Spiegel (Gespräch mit Bernhard Schlink). — Access mode : <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-15502682.html> (accessed 18.10.2019).
18. Dörting T. «Wochenend» und Bullenschwein [Electronic resource] / T. Dörting // Der Spiegel [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/schlinks-raf-roman-wochenend-und-bullenschwein-a-537727.html> (accessed 22.09.2019).
19. Friedländer S. Den Holocaust beschreiben. Auf dem Weg zu einer integrierten Geschichte / S. Friedländer. — Göttingen : Wallstein, 2007. — 173 S.
20. Götz I. Deutsche Identitäten : Die Wiederentdeckung des Nationalen nach 1989 / I. Götz. — Köln, Wien : Böhlau, 2011. — 376 S.
21. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action [Electronic resource] / J. Habermas. — Cambridge, MA : MIT Press, 1990. — Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/095269519801100305> (accessed 24.05.2020).
22. Reichel P. Vergangenheitsbewältigung in Deutschland. Die Auseinandersetzung mit der NS-Diktatur in Politik und Justiz / P. Reichel. — München : Verlag C.H. Beck, 2001. — 266 S.
23. RAF — *Auflösungserklärung* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.rafinfo.de/archiv/raf/raf-20-4-98.php> (accessed 13.03.2020).

Статья поступила в редакцию 02.08.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 21.12.2025.

Material resources

- Schlink, B. (2002). Recht — Schuld — Zukunft. In: *Vergangenheitsschuld und gegenwärtiges Recht*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. 10—37. ISBN 9783518121689. (In Germ.).
- Schlink, B. (2006). *Die Heimkehr*. Zürich: Diogenes Verlag. 375 S. (In Germ.).
- Schlink, B. (2008). *Das Wochenende*. Zürich: Diogenes Verlag. 224 S. ISBN 9783257603316. (In Germ.).
- Schlink, B. (2013). *Gedanken über das Schreiben: Heidelberger Poetikvorlesungen*. Zürich: Diogenes Verlag. 96 S. ISBN 9783257067835. (In Germ.).
- Schlink, B. (2014). *Die Frau Auf der Treppe*. Zürich: Diogenes Verlag. 256 S. ISBN 9783257604399. (In Germ.).
- Schlink, B. (2018). *Olga*. Zürich: Diogenes Verlag. 311 S. ISBN 9783257244991. (In Germ.).
- Schlink, B. (2021). *Die Enkelin*. Zürich: Diogenes Verlag. 368 S. (In Germ.).
- Schlink, B. (2023). *The grandson*. Moscow: Inostranko, ABC-Atticus. 416 p. ISBN 978-5-389-21459-0. (In Russ.).
- Shlink, B. (2013). *Return*. Saint Petersburg: ABC Classics. 320 p. ISBN 978-5-389-19347-5. (In Russ.).
- Shlink, B. (2013). *Three days*. Saint Petersburg: ABC Classics. 256 p. ISBN 978-5-389-04484-5. (In Russ.).
- Shlink, B. (2014). *The woman on the stairs*. Moscow: ABC-Atticus. 87 p. ISBN 978-5-389-09842-8. (In Russ.).
- Shlink, B. (2018). *Olga*. Moscow: Inostranko. 304 p. ISBN 9783257070156. (In Russ.).

References

- Adorno, T. (2003). Education after Auschwitz. In: *Negative dialectics*. Moscow: Scientific World. 322—333. ISBN 5-89176-191-2. (In Russ.).
- Arendt, H. (2013). *Responsibility and condemnation*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 352 p. ISBN 978-5-93255-353-4. (In Russ.).
- Baudrillard, J. (2018). *Simulacra and simulations*. Moscow: Postum. P. 194. ISBN 978-5-91478-023-1. (In Russ.).
- Berger, S. (1997). *The Search for Normality. National Identity and Historical Consciousness in Germany since 1800*. Oxford: Berghan books. 336 p.
- Borisov, S. N. (2007). Philosophical and cultural analysis of modern terrorism. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right*, 1: 253—262. (In Russ.).
- Boroznyak, A. I. (2014). *Cruel memory. The Nazi Reich in the perception of Germans in the second half of the twentieth and early Twenty-first centuries*. Moscow: Political Encyclopedia. 352 p. ISBN 978-5-8243-1926-2. (In Russ.).
- Doerry, M. Ich lebe in Geschichten. *Spiegel (Gespräch mit Bernhard Schlink)*. Available at: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-15502682.html> (accessed 18.10.2019). (In Germ.).
- Dörting, T. «Wochenend» und Bullenschwein. *Der Spiegel*. Available at: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/schlinks-raf-roman-wochenend-und-bullenschwein-a-537727.html> (accessed 22.09.2019). (In Germ.).
- Friedländer, S. (2007). *Den Holocaust beschreiben. Auf dem Weg zu einer integrierten Geschichte*. Göttingen: Wallstein. 173 S. (In Germ.).
- Götz, I. (2011). *Deutsche Identitäten: Die Wiederentdeckung des Nationalen nach 1989*. Köln, Wien: Böhlau. 376 S. (In Germ.).
- Habermas, J. (1990). *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge, MA: MIT Press. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/095269519801100305> (accessed 24.05.2020).
- Ionkis, G. The phenomenon of Bernhard Schlink. *Literary European*. Available at: <https://www.le-online.org/2015-11-09-17-50-50/364-n49-mosty-ionkis> (accessed 20.05.2019). (In Russ.).
- Kant, I. (1980). *Treatises and letters*. Moscow: Nauka Publ. 712 p. (In Russ.).
- Kuchumova, G. V., Kanina, S. Yu. (2016). The image of the second “lost” generation in the latest novel. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, literary studies, linguistics, reviews*, 1: 130—135. (In Russ.).
- Lezina, E. V. (2013). Legal and legal study of the GDR’s past in united Germany. *Bulletin of Public Opinion*, 2 (115): 67—100. (In Russ.).
- Nietzsche, F. (1990). *The genealogy of morality. Soc. In 2 volumes*. Moscow: Mysl Publ. 829 p. (In Russ.).
- Orlov, B. S. (2012). *Problems of identity in modern Germany*. Moscow: INION RAS. 76 p. ISBN 978-5-248-00652-6. (In Russ.).
- RAF — *Auflösungserklärung*. Available at: <http://www.rafinfo.de/archiv/raf/raf-20-4-98.php> (accessed 13.03.2020). (In Germ.).
- Reichel, P. (2001). *Vergangenheitsbewältigung in Deutschland. Die Auseinandersetzung mit der NS-Diktatur in Politik und Justiz*. München: Verlag C. H. Beck. 266 S. (In Germ.).
- Rimsky, V. P. (2006). “Terrorist man” in the changing world of modernity and totalitarianism: towards the methodology of the problem. *Personality. Culture. Society, VIII*: 154—162. (In Russ.).

- Sartre, J.-P. (1989). Existentialism is humanism. In: *Twilight of the Gods*. Moscow: [b. i.]. 319—344. (In Russ.).
- Sharypina, T. A. (2011). “The Return” of Bernhard Schlink in the literary context of modern Germany. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 6 (2): 740—744. (In Russ.).
- Sharypina, T. A. (2017). The functions of ecphrasis in Bernhard Schlink’s novel “The Woman on the Stairs”. *Humanities. Philology*, 1 (41): 73—80. (In Russ.).

*The article was submitted 02.08.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 21.12.2025.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Анатольевич Сорокин, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Александр Игоревич Егоров, д-р истор. наук (Нижний Новгород)
Алексей Юрьевич Вязинкин, канд. филос. наук (Тамбов)
Вячеслав Константинович Хрусталёв, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Дмитрий Михайлович Софьин, канд. истор. наук (Пермь)
Елена Васильевна Бородина, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Искандэр Эдуардович Магадеев, канд. истор. наук (Москва)
Кузьма Александрович Якимов, канд. истор. наук (Тамбов)
Лилия Рамилевна Габдрафикова, д-р истор. наук (Казань)
Марина Владимировна Софьина, канд. истор. наук (Пермь)
Мурат Анатольевич Хоконов, канд. филос. наук (Нальчик)
Наталья Анатольевна Шаожева, д-р полит. наук (Нальчик)
Павел Владимирович Ильин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Роман Петрович Лисеев, канд. филол. наук (Нальчик)
Руслан Асланович Тепцок, д-р истор. наук (Москва)
Светлана Ивановна Цеменкова, канд. истор. наук (Екатеринбург)

Информация для цитирования:

Бородина Е. В. Сведения о женщинах Екатеринбурга в материалах подворных переписей XVIII века / Е. В. Бородина, С. И. Цеменкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 392—410. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-392-410.

Borodina, E. V., Tsemenkova, S. I. (2025). Women of Early Yekaterinburg in Eighteenth-Century Household Census Records. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 392-410. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-392-410. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сведения о женщинах Екатеринбурга в материалах подворных переписей XVIII века

Бородина Елена Васильевна

orcid.org/0000-0002-8128-5698

кандидат исторических наук, доцент

кафедры истории России

e.v.borodina@urfu.ru

Цеменкова Светлана Ивановна

orcid.org/0000-0003-3389-6723

кандидат исторических наук, доцент

кафедры документоведения,

архивоведения и истории

государственного управления,

корреспондирующий автор

s.i.tcemenkova@urfu.ru

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке

Российского научного фонда,

проект № 24-18-00080

«Антропология горнозаводского

центра: социальная стратификация

раннего Екатеринбурга

в 1723—1781 годах»

Women of Early Yekaterinburg in Eighteenth-Century Household Census Records

Elena V. Borodina

orcid.org/0000-0002-8128-5698

PhD in History, Associate Professor,

Department of Russian History

e.v.borodina@urfu.ru

Svetlana I. Tsemenkova

orcid.org/0000-0003-3389-6723

PhD in History, Associate Professor,

Department of Documentation,

Archival Science and History

of Public Administration,

corresponding author

s.i.tcemenkova@urfu.ru

Ural Federal University

named after the First President of Russia

B. N. Yeltsin

(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number 24-18-00080

“Anthropology Mining Center:

social stratification of early

Yekaterinburg in 1723—1781”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируются сведения о женщинах раннего Екатеринбурга, выявленные в подворных переписях 1728 и 1788 годов. Цель исследования — определить численность, социальный состав и характер занятости горожанок в XVIII столетии. Исследование базируется на методах историко-экономического и количественного анализа, которые применяются в рамках подходов социальной и гендерной истории. Сравнительный анализ двух переписей позволил установить, что за 60 лет женское население города выросло в три раза и к 1788 году стало преобладать над мужским. Выявлена динамика принадлежности женщин к различным социально-профессиональным группам, отражающая трансформацию Екатеринбурга из горно-заводского центра в ремесленно-торговый. На основе переписи 1788 года реконструированы родственные связи, а также разнообразные занятия и источники доходов женщин, от домашнего кустарного производства до торговли и работ по найму. Отмечается, что для XVIII столетия характерно преодоление женщиной традиционных социальных ограничений. Сделан вывод о том, что к концу 1780-х годов женщины являлись активной и социально значимой частью городского сообщества, выступая важными акторами экономической жизни.

Ключевые слова:

история женщин; городское население; история Урала; Екатеринбург; подворные переписи; гендерная история.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes data on women living in early Yekaterinburg as recorded in household censuses from 1728 and 1788. The study aims to determine the number, social composition, and employment characteristics of urban women during the eighteenth century. It employs methods of source criticism and quantitative analysis within the frameworks of social and gender history approaches. A comparative analysis of these two census records reveals that over a period of sixty years, the female population of the city tripled and by 1788 had become predominant over males. The dynamics of women's affiliation with various socio-professional groups reflect the transformation of Yekaterinburg from an industrial mining center into a craft-based trading hub. Based on the 1788 census, family relationships are reconstructed along with diverse occupations and sources of income for women, ranging from domestic handcraft production to trade and wage labor. It is noted that the eighteenth-century saw significant strides made by women towards overcoming traditional societal constraints. The conclusion underscores that by the late 1780s, women constituted an active and socially significant segment of the city's community, playing key roles in its economic life.

Key words:

Women's History; Urban Population; Ural Region History; Yekaterinburg; Household Censuses; Gender History

Сведения о женщинах Екатеринбурга в материалах подворных переписей XVIII века

© Бородина Е. В., Цеменкова С. И., 2025

1. Введение = Introduction

Исследования по истории России невозможны без изучения социального состава русского общества на различных этапах его развития. Проведение таких изысканий, как правило, сопряжено с рядом трудностей, в первую очередь обусловленных объемом поставленной задачи. Научные труды по истории населения России дореволюционного периода чаще всего включают анализ крупных общественных групп, проживавших на территории страны во второй половине XVII — начале XX веков [Кабузан, 1963; Водарский, 1977; Миронов, 1990]. В них историки обращают первоочередное внимание на характеристику численности и структуры населения, пытаясь на основе комплекса дошедших до нас источников составить как можно более полную картину развития российского общества.

Между тем следует отметить, что работа с так называемыми большими данными далеко не всегда позволяет увидеть доминирующие тенденции, имевшие место в отдельно взятых регионах, не дает возможности выявить региональные особенности развития локальных сообществ и, как следствие, не показывает российское общество во всем его многообразии. Несмотря на имеющийся научный задел, необходимо дальнейшее проведение исследований, посвященных изучению социальных процессов в отдельно взятых населенных пунктах. В частности, особый интерес представляют территории и города, ставшие своего рода центрами модернизации России Нового времени. Среди них следует назвать Средний Урал, уже — Екатеринбург. Основанный в годы преобразований Петра I, он становится важным промышленным центром в Российской империи XVIII века.

История населения раннего Екатеринбурга, как и история населения России XVIII столетия, представлена неоднородно. На данный момент отдельные данные по численности и структуре населения завода-крепости можно найти включенными в обобщающие труды, посвященные демографической истории Российского государства Нового времени. Для их написания в подавляющем большинстве случаев историки-демографы исполь-

зовали материалы переписей и ревизий, основной целью создания которых являлся учет населения для раскладки и сбора податей [Кабузан, 1963; Водарский, 1977; Миронов, 1990]. Кроме того, сведения о количестве жителей имеются в работах по истории города [Очерки истории Свердловска ..., 1958; Очерки истории Свердловска ..., 1973; Корепанов, 2005]. Специальные изыскания, направленные на характеристику состава и численности населения Екатеринбурга, представлены лишь отдельными статьями [Горловский, 1958; Оруджиева, 2002; Корнилов, 2021; Бородина и др., 2024]. Примечательно, что в большинстве случаев эти исследования не позволяют понять роль и место женщин в структуре локального сообщества. Все они в значительной степени касаются истории мужчин.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Стоит подчеркнуть, что анализ социальных процессов невозможен без реконструкции истории положения женщин в обществе. До определенного момента «женщины оставались незамеченными главным образом потому, что казалось, будто они, их опыт, их деятельность, их сфера жизни не представляют исторического интереса» [Бок, 1994, с. 172]. В то же время очевидно, что они не просто половина населения страны, но важные деятели российской истории. Это особенно отчетливо можно увидеть на основе анализа состава монархов в Российской империи XVIII века. Именно эта ситуация вызвала интерес к роли женщин господствующих социальных страт в истории Нового времени уже у исследователей XIX столетия, см., например: [Мордовцев, 1874; Михневич, 1895].

Но если реконструкция биографий императриц и некоторых представительниц российской элиты этого времени уже позволяет очертить их роль и значение для российского общества, то история женщин других социальных групп изучена недостаточно. Отдельные работы и публикации источников, в которых содержатся данные о дворянках, купчихах и мещанках в России имперского периода, являются исключением [Городская семья ..., 2002; Маррезе, 2009; Ульянова, 2021]. Они касаются в первую очередь вопросов имущественного права и положения женщины в семье [Татаринава, 2016; Козлова, 2023, с. 301—317]. В целом, это направление научной работы созвучно мировым исследовательским трендам изучения истории женщин, см., например: [Ågren, 2009].

В большинстве случаев женщины упоминаются в научных трудах эпизодически, в контексте изучения отдельных аспектов повседневной жизни российского общества [Кошелева, 2004; Каменский, 2006 и др.]. В рамках данной статьи предполагается восполнить имеющийся пробел в отношении истории женщин, проживавших на территории Екатеринбурга

в XVIII веке, исследовать их численность, социальный состав, характер занятий.

В силу особенностей организации «государевой» (государственной) службы и системы налогообложения главным актором официальных документов дореволюционной России долгое время оставалось мужское население. Сведения о численности, социальном составе и занятиях женщин отражены в документах менее полно. Ситуация начинает меняться во второй половине XVIII века, когда мы видим информацию о женском населении в данных, собранных в ходе третьей ревизии, в документах, фиксирующих численность городского населения. Эти изменения, несомненно, были связаны с государственными реформами, направленными на совершенствование системы налогообложения, а также на регулирование жизнедеятельности социумов активно растущих и развивающихся российских городов. Именно в этот период, впервые в отечественной истории, женщина становится значимой для государства частью населения, которая наравне с мужской также подлежит учету.

Источниковой базой статьи выступает комплекс документальных источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Среди них наиболее важны подворные переписи 1728 и 1788 годов, в которых имеются сведения о женском населении Екатеринбурга.

Перепись населения за 1728 год [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 795, л. 559—606] является первым выявленным источником, содержащим обобщенные данные о женском населении завода-крепости. Цель ее создания до сих пор не вполне очевидна: можно предположить, что она была проведена по инициативе Берг-коллегии для учета и выяснения численности населения нового горнозаводского центра. Чистовик документа хранится в фонде Берг-коллегии в РГАДА и подшит в дело в составе обычных документов официального делопроизводства горного ведомства. Данные переписи организованы в таблицу из трех колонок, в которых содержится информация о статусе двора («двор государев» или частновладельческий), их количестве, а также сведения о численности проживавших во дворе человек.

Необходимо отметить, что в рамках этой переписи имена, социальный и профессиональный статус обозначались лишь для дворо- и домовладельцев, а также глав семей. Большая же часть сведений об обитателях подворья представлена в виде простой констатации факта: «Двор государев, в нем живет ассессор господин Степан Неелов. У него мужеска полу три, женска полу семь человек», «Между линией в своем дворе живет мехового дела подмастер Степан Быстров, душ мужеска полу две, женска две ж...» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 795, л. 559 об., 580 об.]. Речь при этом могла идти

о родственниках, домочадцах, — например, о детях, нанятой прислуге, дворовых людях. В связи с этим в поле анализа авторов попали лишь те женщины, чей социальный статус в переписи был отмечен вполне определенно. Из 1287 учтенных в 1728 году жительниц города лишь для 134 удалось установить родственный статус и только для 131 — принадлежность к определенной социально-профессиональной группе.

В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в фонде 8 «Екатеринбургская городская дума Пермского правления» хранятся материалы подворной переписи 1788 года [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 1—225]. Эти материалы были впервые введены в научный оборот М. А. Горловским [Горловский, 1958; Очерки истории Свердловска ..., 1958, с. 36—38]. Однако в своих исследованиях историк ошибочно датировал документ 1781 годом. Кроме того, результаты итоговых подсчетов численности населения, которые приводил М. А. Горловский, не совпадают с данными, полученными авторами.

Перепись 1788 года была организована органами городского управления Екатеринбурга, созданными в 1751 году [Корепанов, 2001, с. 121]. 27 января 1781 года город стал уездным, и после введения Жалованной грамоты городам в 1785 году Екатеринбургская ратуша была преобразована в городской магистрат. Учреждение новых органов управления сопровождалось составлением книги городских обывателей. С этой целью под руководством думы и уездного землемера Е. Пестерева в 1788 году была проведена подомовая перепись жителей города [ГАСО, ф. 59, оп. 15, д. 125, л. 22].

Документы переписи 1788 года сформированы в одно архивное дело. Это черновые записи, которые изобилуют исправлениями, пропусками и пробелами информации, нарушениями порядковой нумерации в тексте. Данные о жителях города организованы в таблицу, в которую вносились сведения о домах, формах их собственности, записывались имена владельцев. Кроме того, сведения о хозяевах и домовладельцах включают в себя указание на социальный статус и род занятий человека, данные о проживающих с ним родственниках и подворниках. К сожалению, чистовой вариант переписи до сих пор обнаружить не удалось. Работы по его поиску продолжаются.

Формуляры переписей 1728 и 1788 годов отличаются детальностью внесенных в них сведений, но каждая из них содержит сведения о численности женщин, проживавших в Екатеринбурге в конце 1720-х и в конце 1780-х годов. На страницах документов можно найти информацию о принадлежности горожанок к той или иной социальной группе, статусе и занятиях. И если перепись 1728 года фиксирует эти данные бессистемно, то перепись 1788 года свидетельствует о начале систематического учета

женского населения Екатеринбурга, см. об этом подробнее: [Бородина и др., 2024].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сведения о количестве и социальном составе женского населения в переписях 1728 и 1788 годов

Несмотря на различия, обе переписи содержат вполне сопоставимые данные. В первую очередь это информация о численности мужского и женского населения города. В 1728 году число мужчин, проживавших в Екатеринбурге, составляло 1 559 человек и превышало количество проживавших в нем женщин (1287 человека). Связано это было с тем, что в первое десятилетие существования завода-крепости в Екатеринбурге проживало преимущественно пришлое население, представленное в основном мужчинами. Это были мастеровые, присланные сюда с Олонечких и иных заводов, приписные крестьяне, бобыли, военнослужащие тобольского гарнизона, рекруты, делопроизводители, небольшая группа горных офицеров и пр. Далеко не все из них привезли сюда свои семьи, а часть семьями еще и вовсе не обзавелась. В целом, женщин в городе не хватало.

Со временем ситуация поменялась, и к концу 1780-х годов число мужчин насчитывало 4327 человек, а численность женщин уже была большей — 4918 человека. [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 795, л. 559—606]. Данная динамика объясняется активным процессом *формирования* населенного пункта, наполнением его постоянными жителями. Данные переписи 1788 года свидетельствуют и о появлении устойчивой социальной общности, которая составила основу посада и других социальных групп, проживавших в городе (табл. 1).

В пользу этого довода можно привести результаты динамики количества замужних женщин: если в 1728 году на территории завода-крепости было зафиксировано всего 112 «жен» (9 %, процент от общего числа женщин года проведения переписи), то в 1788 году их число составило 1606 человек (33 %) (табл. 1). То же можно сказать и о численности вдов. В 1728 году в Екатеринбурге насчитывалось 7 вдов (0,5 %). В 1788 году перепись зарегистрировала 361 вдову (7 %). Наряду с ними в одном доме с домохозяевами также проживали матери (135, или 3 %) и мачехи (2, или 0,04 %), сестры (48, или 10 %), тещи (26, или 0,5 %) и снохи (156, или 3 %).

Обе переписи зафиксировали также дочерей. И если в подворной переписи 1728 года их оказалось зарегистрировано лишь 13, то в переписи 1788 года дочерей насчитывается 444 человека. Кроме того, в переписи 1788 года отмечены внучки. Примечательно, что одна из них, в возрасте

Таблица 1

Родственные статусы женщин Екатеринбурга
(по переписям 1728, 1788 годов)

№	Родственный статус женщины по отношению к главе семьи, домовладельцу	Год переписи	
		1728	1788
1.	Жена	112	1606
2.	Вдова	7	361
3.	Мать	—	135
4.	Мачеха	—	2
5.	Дочь	13	444
6.	Сестра	2	48
7.	Теща	—	26
8.	Сноха	—	156
9.	Внучка	—	5
10.	Прочие	—	2140
	Всего	1 287	4 918

Составлено по: [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 795, л. 559—606; ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 1—225].

до 15 лет, проживала в домохозяйстве деда. Внучка, Марья Алексеевна, будучи женой «отданного в рекруты приписного к золотым промыслам крестьянина Ермолая Кожевникова», жила при своем деде, отставном солдате Никоне Сартакове, и самостоятельно зарабатывала на жизнь «шитьем вачиг» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 44 об.].

Этот пример показывает, что женщины могли проживать в домохозяйствах представителей социальных групп, отличных от той, к которой они принадлежали. Следует отметить, что, как правило, социальная принадлежность зарегистрированных женщин определялась по мужу или отцу. Данные о распределении женщин по социально-профессиональным группам представлены ниже (табл. 2).

Как можно заметить, значительная часть идентифицированных женщин в 1728 году (54 %) относилась к группе мастеровых и рабочих людей, что отражает ранний, заводской этап развития города. В 1728 году большое количество женщин также были замужем или находились в родственных связях с солдатами (11,5 %), бобылями (10,7 %) и рекрутами (7 %). К 1788 году состав социальных групп, к которым принадлежали женщины, изменился. Наибольшее число женщин удалось насчитать в таких группах, как посадские (18 %), крестьяне (16 %), солдаты (11,9 %) и купцы (6,5 %).

Таблица 2

Принадлежность женщин к социально-профессиональным группам, %
(по материалам переписей 1728, 1788 годов)

№	Группа	Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Мастеровые и работные	71	54	272	24
2.	Посадские	—	—	204	18
3.	Крестьяне	—	—	181	16
4.	Солдаты	15	11,5	135	11,9
5.	Купцы	3	2,3	74	6,5
6.	Военные офицеры	2	1,5	50	4,4
7.	Делопроизводители	5	3,8	48	4,2
8.	Ремесленники (в т.ч. — цеховые)	1	0,8	38	3,4
9.	Дворяне	—	—	28	2,5
10.	Рекруты	9	7	21	1,9
11.	Священнослужители	—	—	10	0,9
12.	Горные офицеры	—	—	9	0,8
13.	Бобыли	14	10,7	—	-
14.	Прочие	11	8,4	62	5,5

Составлено по: [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 795, л. 559—606; ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 1—225].

Примечательно, что и состав семей именно этих групп насчитывает наибольшее число человек.

Таким образом, изучение социального статуса и принадлежности женщин к той или иной социальной группе подтверждает тенденцию изменения социального облика Екатеринбурга. В течение XVIII века он пережил трансформацию из горнозаводского центра в центр ремесла и торговли. Это можно увидеть в тенденции уменьшения совокупного процентного объема женщин группы мастеровых и работных людей по отношению к представительницам других социальных групп. В то же время выросло число жен посадских и торговых людей. Данный процесс протекал параллельно с формированием в городе группы коренного населения.

3.2. Информация о занятиях женщин

Как уже отмечалось, наряду со сведениями о социальном статусе и принадлежности к той или иной социальной группе, важными представляются сведения о занятости женщин в производственных процессах и о степени их вовлеченности в торговлю. Подворная перепись 1728 года таких сведений не содержит. Лишь в переписи горнозаводского населения 1734 года, составленной в связи с передачей управления уральским гор-

нозаводским комплексом от В. И. Геннина В. Н. Татищеву, упоминаются жены сторожей, работницы при госпитале [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, л. 180 об.]. В полицейской переписи 1736 года зарегистрирована просвирня — женщина, которая занималась выпеканием просвир для церковных нужд [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 996, л. 312 об.]. Таким образом, уже в первые годы существования Екатеринбурга женщины оказывались заняты не только домашним трудом.

Перепись 1788 года зафиксировала разнообразие производственной и торговой деятельности, в которой были заняты жительницы Екатеринбурга. Ниже представлены данные о продукции, изготавливавшейся женщинами на дому для продажи (табл. 3).

Таблица 3

Продукция, которую женщины изготавливали на дому
(по данным переписи 1788 года)

№	Продукция	Количество женщин	% от общего производства продукции в городе
1.	Хлебобулочные изделия (калачи, пироги, пряники, пельмени)	91	68,9
2.	Напитки (кисель, квас)	19	86,3
3.	Одежда	10	41,6
4.	Головные уборы (шамшуры, колпаки), рукавицы-вачеги, чулки	13	46,4
5.	Обувь (башмаки, сапоги)	16	20
6.	Продукция гранильного дела	7	14,9
7.	Свечи	4	66,7
8.	Горшки, керамические изделия	4	66,6
9.	Окрашенные холсты	3	27,3
10.	«Мелочные» товары	1	—
	Всего	168	

Составлено по: [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 1—225].

Как можно заметить, женщины участвовали в производстве продуктов питания и напитков. 87 из 168 занимались печением калачей, пирогов, пряников на продажу. Четверо изготавливали пельмени. 19 человек варили квас и кисель.

Вторую по численности группу составляли женщины, участвовавшие в процессе изготовления одежды и обуви. У 10 из 168 человек в качестве занятия названо портное дело: 13 женщин шили шамшуры, шапки и ваче-

ги, вязали колпаки и чулки; трое окрашивали холст; 16 представительниц «слабого пола» трудились как чеботари, башмачники и сапожники.

В переписи также зафиксированы данные о женщинах-гончарах (4), производительницах свеч и различного мелочного товара (4 и 1 соответственно). Наряду с этими занятиями в источнике можно встретить и более сложные «профессии», требовавшие серьезной подготовки. Так, 7 представительниц слабого пола были обучены гранильному делу, которое, по-видимому, переняли у своих родителей: «екатеринбургского посацкого Михея Мыльниковы дочери девки Агриппина, Елена пропитание имеют от гранильного ремесла» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 7 об.]. Занимались женщины и «маканием» свеч, окрашиванием холстов: «вдова крестьянская жена Улита Романова дочь пропитание имеет печением калачей и маканием в рынок сальных свеч»; «вдова Василиса Матаева дочь производят чернение по холсту» [Там же, л. 54, 54 об.].

Иногда женщина имела несколько источников пропитания. Например, вдова Фекла Конева получала доход как от содержания постоянного дома, так и от торга «в рынке разными мелочными харчевыми припасы» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 45]. Вдова же унтер-шихтмейстера Конана Галкина Марья Захаровна «питалась от родственников и работою на разных людей». Родственная помощь для последней была необходима: она воспитывала пятерых детей, четверо из которых учились в школе [Там же, л. 75]. Возможно, похожей была жизненная ситуация вдовы копииста заводской канторы Петра Ремезова Марфы Устиновны, которая воспитывала двух малолетних детей, обучавшихся в школе, а средства к существованию получала от старших детей и от собственного «портного ремесла» [Там же, л. 100 об.].

Данные переписи демонстрируют, что если мужчины (помимо службы) были заняты такими ремеслами, как кузнечное, токарное, «плотнишное» дело и пр., то женщины занимались изготовлением вполне традиционной для слабого пола продукции — еды и напитков, одежды, головных уборов, обуви. Заметны и не традиционные для них занятия — гранильное дело, «макание» свеч, окрашивание холста. Результаты домашнего труда продавали «в рынок» либо они сами, либо другие члены семьи, чаще всего — мужа.

В кустарном производстве многих видов продукции женщины занимали лидирующее по отношению к мужчинам положение: речь идет о «печении и варении» хлебобулочной продукции, напитков, изготовлении керамической посуды, свечей. Немалым был вклад женщин и в изготовление одежды, головных уборов, рукавиц, чулков, различной обуви. Таким образом, в данный период в городе фиксируется значимое количество женщин-кустарей. Кустарничество позволяло женщине, не покидая домашнее хо-

зяйство, участвовать в общественном производстве. Это явление отражает углубление рыночных связей и возрастающую экономическую активность городского населения, что соответствовало общим тенденциям развития Российской империи во второй половине XVIII века.

Не менее разнообразными были иные источники пропитания женщин (табл. 4).

Таблица 4

Источники дохода/пропитания женщин Екатеринбурга
(по данным переписи 1788 года)

№	Занятие	Количество женщин
1.	Работа по найму (прислуга, служанка, работница)	132
2.	«Кормление» мирским подаванием / от общества	27/3
3.	Торг хлебобулочными изделиями	67
4.	Торг съестными припасами	35
5.	Содержание постоянного дома	18
6.	«Кормление от родственников», детей, внуков	17
7.	Торг мелочными припасами	17
8.	Торг напитками	11
9.	Торг шапками	2
	Всего	329

Составлено по: [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 1—225].

Материалы переписи 1788 года свидетельствуют о том, что женщины, зарабатывающие на жизнь «работою своею», нанимались работницами либо служанками в более состоятельные домохозяйства. Например, жена отданного в рекруты крестьянина Ивана Сулимова Прасковья занималась «работою у разных людей» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 12]. Служанки, или работницы трудились в семьях дворян, состоятельных чиновников: у вдовы коллежского советника Семена Метлина Татьяны Дмитриевны в доме состояло 11 служанок [Там же, л. 3 об.]; у прапорщика и дворянского заседателя нижнего земского суда Дмитрия Порецкого значилось 5 служанок; в доме дворянина горного офицера Алексея Аистова при его свояченице Марье Трофимовне трудились 6 прислужниц [Там же, л. 4 об.]. «Стряпками» значатся работницы в семьях немца Ивана Валериуса, коллежского асессора Гаврилы Иконникова [Там же, л. 5 об., 10 об.]. Также работницами женщины состояли в домах купцов и военных, встречаются вольнонаемные труженицы в домах ремесленников, крестьян, посадских людей, заводских учеников [Там же, л. 11, 17, 20, 20 об., 21 об., 23 об., 24, 28, 30 об., 33 об., 34, 49 об., 65, 66, 67, 80 и пр.].

Женщины были в это время активной частью торгующего населения. Н. С. Корепанов в одной из своих работ приводит пример жалоб екатеринбургского купечества в Канцелярию Главного заводов правления, в ведении которой до 1781 года находился Гостиный двор города, именно на таких представительниц женской части населения: «Пельменщицы, выйдя со своею стряпнею из каменных харчевен на рынок, во близости строения гостиного двора, и балаганов, и калашного ряду наделали немалый ряд горнов, на коих разводят немалый огонь и варят свою стряпню не токмо весь день, но и в ночные времена с вечера долго. И тут бывают, когда уже в гостинном ряду и на рынке никого торгующих нет. И от их огня наружу искры далеко ветром относит, отчего купечеству всекрайнее опасение. Да и от запустения харчевен содержателям оных немалый убыток» [Корепанов, 2005, с. 125]. Очевидно, что пельменщицы составляли купечеству серьезную конкуренцию.

Одним из источников доходов в Екатеринбурге было содержание постоянных домов. Этим делом занимались представители всех социальных групп населения города. Из 69 человек, получавших доход с этого занятия, 18 были женщинами. Примечательно, что 16 из них являлись вдовами солдат, мастеровых, купцов и горных офицеров. Такой вид пропитания, например, имели мать умершего купца Егора Таватуйцева Дарья Емельяновна [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 20 об.], вдова сержанта горной роты Федора Заложного Анна Ивановна [Там же, л. 30], вдова подканцеляриста Семена Семенникова Анна Андроновна [Там же, л. 46 об.]. Исключением являются жена пермского купца Федота Хрептова Маремьяна Фирсовна и сестра умершего крестьянина Ивана Белого «девка Катерина Савина», также питавшиеся от содержания постоянных домов [Там же, л. 46, 46 об.].

Представляют интерес и те жизненные ситуации, в которых женщины питались от «мирского подаяния», то есть милостыней. Таких женщин в источнике — 27 человек, то есть чуть больше 8 % от тех горожанок, которые занимались заработком. Все они, кроме одной жены рекрута, были вдовами мастеровых людей, солдат, приписанных к заводу крестьян и пр. По подсчетам авторов, это 16 % от общего числа вдов в городе. У 15 из них были дети, в основном младше 15 лет. Например, вдова умершего мастерового Ульяна Федоровна Павлова, теща солдата Родиона Климовского, жившая у него же в доме, собирала мирское подаяние: доходов от службы главы семьи, где было трое детей, видимо, не хватало [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 109]. Вдова богадельщика¹ Мирона Буторина Авдотья Васильевна также питалась мирским подаянием и содержала троих детей: дочь и

1 Богадельщик (устар.) — житель богадельни.

двух сыновей. Младший сын обучался в школе, а старший (ему было более 15 лет) — чеботному ремеслу [Там же, л. 64 об.]. Отмечено, что одна из них собирала подаяние ввиду нездоровья: «Заводской команды умершего работника Григорья Васильева жена ево вдова Парасковья Федорова пропитание имеет по болезни своей от подаяния милостыни» [Там же, л. 68 об.]. Примечательно, что трех жен посадских людей питало «общество», то есть община: две из них были вдовами с малолетними детьми, одна — женой рекрута [Там же, л. 70, 89, 107].

Таблица 5

Иерархия источников пропитания женщин Екатеринбурга
(по данным переписи 1788 года)

№	Занятие	% от общего числа занятых женщин
1.	Торговля	40,1
2.	Работа по найму	40,1
3.	«Кормление» мирским подаянием/от общества	9,1
4.	Доходы от сдачи жилья	5,8
5.	«Кормление от родственников»	5,2

Составлено по: [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 10а, л. 1—225].

Данные таблицы (табл. 5) демонстрируют, что наиболее популярными и доступными видами заработка для жительниц раннего Екатеринбурга были торговля и работа по найму. Работницами нанимались в домохозяйствах более зажиточных горожан. Говоря о торговле, заметим, что продажа собственной стряпни занимает у горожанок лидирующие позиции. Екатеринбург был заметным торговым центром, сюда для купли-продажи съезжалось все окрестное население, и самый простой и доступный способ «перекуса» в торговые дни был калач, пирожок или пельмени, тогда как пропитание в харчевнях было куда как более накладным.

Пассивные источники доходов — разного рода «кормления» от мирского подаяния, общины или родственников — занимают третье место. Они были характерны для социально незащищенных женщин — пожилых, больных, многодетных вдов и жен рекрут.

Последнее место занимают доходы от содержания постоянных домов, в которых очень часто останавливались приезжие купцы и торговцы.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, переписи населения Екатеринбурга 1728 и 1788 годов дают нам важные сведения о женщинах. Содержание документов позволя-

ет анализировать социально-демографические показатели городского населения на протяжении нескольких десятков лет, в процессе трансформации города-завода в ремесленный и торговый центр [Бородина и др., 2024, с. 837]. Об этом свидетельствует тенденция снижения процентного соотношения женщин группы мастеровых и работных людей по отношению к представительницам других социальных слоев — посадских, крестьян, ремесленников, торгового люда. Этот процесс происходил одновременно с формированием в городе коренного населения.

Эволюция численного состава жителей города, трансформация социальных групп, к которым они принадлежат, позволяют нам судить как о специфике развития всего сообщества горожан, так и о процессах внутри отдельных социально-профессиональных групп. Многие социальные изменения были тесно связаны с деятельностью градообразующего предприятия — Екатеринбургского завода, но нельзя исключать и роль значимых аспектов государственных реформ, и общее направление развития российского общества. В любом случае очевидно, что к середине XVIII столетия женщина привлекает к себе более пристальное внимание государства, ее роль становится для общества более значимой: она не только мать и хозяйка домашнего очага, но и активная часть российского общества Нового времени.

В XVIII столетии преодоление женщиной традиционных социальных ограничений предшествующего периода хорошо заметно, что не раз отмечалось в трудах отечественных и зарубежных ученых. Реформы Петра I сформировали условия для развития предпринимательства, а последующие указы Елизаветы Петровны и Екатерины II создали более открытое пространство для женской деловой активности.

Женщины Екатеринбурга — показательный пример такой деятельности. Они не только кустари, производящие продукцию на дому, но уже энергично проявляют себя вне дома: торгуют, содержат постоянные дома, занимаются предпринимательством. Специалисты отмечают, что «наиболее распространенной формой постоянной городской торговли в рассматриваемое время являлась розничная продажа привозимых и производимых в городе товаров. Розничная торговля, существовавшая в любом городе, отражала степень развитости торговли этого города, определяла облик его торговой жизни» [Очерки русской культуры XVIII века ..., с. 213]. Женщины активно занимают рынок производства продуктов питания, одежды, женских головных уборов, обуви, различных «мелочных припасов» и, следовательно, во многом определяют содержание предлагаемых товаров, их специфику и качество.

Таким образом, изучение истории женщин сквозь призму локальных сообществ не только восполняет пробелы в знаниях, но и дает ключ

к более глубокому пониманию специфики регионального развития и социальной трансформации Российской империи в Новое время. В истории Екатеринбурга XVIII века их деятельность — маркер многих ключевых социальных процессов, значимое явление повседневной жизни развивающегося города.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1. Д. 795.
2. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. 8 (Екатеринбургская городская дума Пермского губернского правления). Оп. 1. Д. 10а ; Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 450, 532, 996 ; Ф. 59 (Чертежная Уральского горного правления). Оп. 15. Д. 125.

Литература

1. Бок Г. История, история женщин, история полов / Г. Бок // Thesis. — 1995. — № 6. — С. 170—200.
2. Бородина Е. Численность и социальный состав жителей Екатеринбурга по переписям 1728 и 1788 годов / Е. Бородина, С. Цеменкова // Quaestio Rossica. — 2024. — Т. 12, — № 3. — С. 836—851. — DOI 10.15826/qr.2024.3.911.
3. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение) / Я. Е. Водарский. — Москва : Наука, 1977. — 265 с.
4. Горловский М. А. Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. / М. А. Горловский // Из истории рабочего класса и революционного движения. — Москва : АН СССР, 1958. — С. 113—121.
5. *Городская семья XVIII века*. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н. В. Козловой. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 2002. — 608 с. — ISBN 5-211-04410-X.
6. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий) / В. М. Кабузан. — Москва : АН СССР, 1963. — 230 с.
7. Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей : Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А. Б. Каменский. — Москва : РГГУ, 2006. — 403 с. — ISBN 5-7281-0807-5.
8. Козлова Н. В. Русский город XVIII века. Исследования разных лет / Н. В. Козлова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. — 490 с. — ISBN 978-5-00165-668-5.
9. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 273 с. — ISBN 5-7851-0578-0.
10. Корнилов Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга : источники и историография / Г. Е. Корнилов // Парадигмы и модели демографического раз-

вития : сб. ст. XII Уральского демографического форума. — Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. — Т. 1. — С. 91—99.

11. Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова / О. Е. Кошелева. — Москва : ОГИ, 2004. — 486 с. — ISBN 5-94282-262-X.

12. Маррезе М. Л. Бабые царство : Дворянки и владение имуществом в России (1700—1861) / М. Л. Маррезе. — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — 368 с. — ISBN 978-5-86793-675-4.

13. Миронов Б. Н. Русский город в 1740—1760-е годы : демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. — Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. — 271 с. — ISBN 5-02-027273-6.

14. Михневич В. О. Русская женщина XVIII столетия : Ист. этюды Вл. Михневича. — Киев, Харьков : Ф. А. Иогансон, 1895. — 403 с.

15. Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени : Биогр. очерки из рус. истории / Д. К. Мордовцев. В 3-х т. — Санкт-Петербург : А. Черкесов и К°, 1874. — Т. 1. — 367 с. ; — Т. 2. — 317 с.

16. Оруджиева А. Г. Население Екатеринбурга : из прошлого в настоящее / А. Г. Оруджиева // Екатеринбург : от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. Науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23—24 мая 2002 г. — Екатеринбург : Филантроп, 2002. — С. 108—110.

17. Очерки истории Свердловска. 1723—1973. — Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1973. — 374 с.

18. Очерки истории Свердловска. — Свердловск : Книжное изд-во, 1958. — 396 с.

19. Очерки русской культуры XVIII века. В 4 т. / Под ред. Академика Б. А. Рыбакова. — Москва : Изд-во МГУ, 1985—1990 : Издательство Московского университета, 1985. — Ч. 1. — 384 с.

20. Татаринова Е. П. Эволюция законодательного регулирования вещных прав женщин в России (XVII — начало XIX века) / Е. П. Татаринова // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2016. — № 6 (177). — С. 62—68.

21. Ульянова Г. Н. Купчихи, дворянки, магнатки : Женщины-предпринимательницы в России XIX века / Г. Н. Ульянова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 346 с. — ISBN 978-5-4448-1648-6.

22. Ågren M. Domestic Secrets. Women & Property in Sweden, 1600—857 / M. Ågren. — Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 2009. — 304 p. — ISBN 978-0-8078-3320-9.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.

Material resources

GASO — *The State Archive of the Sverdlovsk region. F. 8 (Yekaterinburg City Duma of the Perm provincial Government). Op. 1. D. 10a; F. 24 (Ural Mining Administration). Op. 1. 450, 532, 996; F. 59 (Drawing room of the Ural Mining Board). Op. 15. Building 125. (In Russ.).*

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 271 (Berg-collegium). Op. 1. D. 795. (In Russ.).*

References

- Ågren, M. (2009). *Domestic Secrets. Women & Property in Sweden, 1600—857*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 304 p. ISBN 978-0-8078-3320-9.
- Bok, G. (1995). History, history of women, history of the sexes. *Thesis*, 6: 170—200. (In Russ.).
- Borodina, E., Cemenkova, S. (2024). The number and social composition of Yekaterinburg residents according to the censuses of 1728 and 1788. *Quaestio Rossica*, 12 (3): 836—851. DOI 10.15826/qr.2024.3.911. (In Russ.).
- Essays on the history of Sverdlovsk*. (1958). Sverdlovsk: Book Publishing House. 396 p. (In Russ.).
- Essays on the history of Sverdlovsk. 1723—1973*. (1973). Sverdlovsk: Sred.- The Urals. books. publishing house. 374 p. (In Russ.).
- Gorlovsky, M. A. (1958). The social composition of the population of Yekaterinburg in the second half of the XVIII century. In: *From the history of the working class and the revolutionary movement*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 113—121. (In Russ.).
- Kabuzan, V. M. (1963). *The population of Russia in the XVIII — first half of the XIX century (based on revision materials)*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 230 p. (In Russ.).
- Kamensky, A. B. (2006). *Everyday life of Russian urban inhabitants: Historical anecdotes from provincial life of the XVIII century*. Moscow: RGGU. 403 p. ISBN 5-7281-0807-5. (In Russ.).
- Korepanov, N. C. (2005). *The first century of Yekaterinburg*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 273 p. ISBN 5-7851-0578-0. (In Russ.).
- Kornilov, G. E. (2021). Three hundred years of demographic history of Yekaterinburg: sources and historiography. In: *Paradigms and models of demographic development: collection of articles of the XII Ural Demographic Forum, 1*. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 91—99. (In Russ.).
- Kosheleva, O. E. (2004). *People of St. Petersburg Island*. Moscow: OGI. 486 p. ISBN 5-94282-262-X. (In Russ.).
- Kozlova, N. V. (2023). *Russian city of the XVIII century. Studies of different years*. St. Petersburg: Alethea. 490 p. ISBN 978-5-00165-668-5. (In Russ.).
- Marrese, M. L. (2009). *Babye tsardom: Noblewomen and property ownership in Russia (1700—1861)*. Moscow: New Literary Review. 368 p. ISBN 978-5-86793-675-4. (In Russ.).
- Mikhnevich, V. O. (1895). *Russian woman of the XVIII century: Historical studies of V. Mikhnevich*. Kiev, Kharkov: F. A. Johanson. 403 p. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (1990). *The Russian city in the 1740s—1760s: demographic, social and economic development*. Leningrad: Nauka: Leningr. publishing House. 271 p. ISBN 5-02-027273-6. (In Russ.).
- Mordovtsev, D. L. (1874). *Russian women of modern times: Biographic essays from Russian history. In 3 volumes, 1, 2*. St. Petersburg: A. Cherkosov and Co. 367 p.; 317 p. (In Russ.).
- Orujieva, A. G. (2002). The population of Yekaterinburg: from the past to the present. In: *Yekaterinburg: from the fortress factory to the Eurasian capital: materials from Vse-ros. Scientific and practical conference Yekaterinburg, May 23—24, 2002*. Yekaterinburg: Philanthropist. 108—110. (In Russ.).

- Rybakov, B. A. (ed.). (1985—1990), (1985). *Essays on Russian culture of the XVIII century. In 4 volumes, I.* Moscow: Publishing House of Moscow State University: Moscow University Press. 384 p. (In Russ.).
- Tatarinova, E. P. (2016). Evolution of legislative regulation of women's property rights in Russia (XVII — early XIX century). *Property relations in the Russian Federation*, 6 (177): 62—68. (In Russ.).
- Ulyanova, G. N. (2021). *Merchants, noblewomen, magnates: Women entrepreneurs in Russia of the XIX century.* Moscow: New Literary Review. 346 p. ISBN 978-5-4448-1648-6. (In Russ.).
- Urban family of the XVIII century. Family legal acts of merchants and raznochinets of Moscow.* (2002). Moscow: Publishing House of the Moscow University. 608 p. ISBN 5-211-04410—X. (In Russ.).
- Vodarsky, Ya. E. (1977). *The population of Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII century (number, class composition, placement).* Moscow: Nauka Publ. 265 p. (In Russ.).

*The article was submitted 31.07.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Вязинкин А. Ю. Социальные конфликты в советской деревне середины 1920-х годов в контексте поколенческой истории / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 411—427. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-411-427.

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2025). Generational Conflicts in Soviet Village of Mid-1920s within Context of Generation History. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 411-427. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-411-427. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Социальные конфликты
в советской деревне
середины 1920-х годов
в контексте
поколенческой истории**

Вязинкин Алексей Юрьевич

orcid.org/0000-0003-3821-6168

кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
vyazinkin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович

orcid.org/0000-0003-1756-3515

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
корреспондирующий автор
kuzma.yakimov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132-П,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

**Generational Conflicts
in Soviet Village
of Mid-1920s within Context
of Generation History**

Alexei Yu. Vyazinkin

orcid.org/0000-0003-3821-6168

PhD in Philosophy, Associate Professor,
senior research scientist
vyazinkin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov

orcid.org/0000-0003-1756-3515

PhD in History,
Senior Researcher,
corresponding author
kuzma.yakimov@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out at
the expense
of a grant Russian Science Foundation
№ 22-18-00132-P,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено поколенческому анализу социальных конфликтов в советской деревне середины 1920-х годов. Представленные результаты базируются на архивных документах, материалах периодической печати и теоретико-методологических подходах социальной, поколенческой и ювенальной истории. Вводятся в научный оборот новые данные о характере молодежной политики власти и структуре сельского общества указанного периода. Показано, что старшее поколение оказывало сопротивление молодым активистам и конфликтовало с ними по вопросам антирелигиозной пропаганды, морали и бытового поведения. Особое внимание уделено миграции части крестьянской молодежи в города вследствие социально-политических перемен эпохи нэпа, что углубляло разногласия между поколениями. Доказано, что негативное восприятие комсомольского движения и возникшие межпоколенные противоречия значительно повлияли на дальнейшую динамику развития деревни, особенно в условиях последующей коллективизации. Установлено, что политические и социальные процессы 1920-х годов существенно трансформировали структуру взаимоотношений внутри сельских сообществ, создавая предпосылки для формирования нового типа социального взаимодействия. Сделан вывод о том, что применение поколенческого подхода в исторических исследованиях обеспечивает глубокое понимание происходивших в советский период процессов, демонстрируя масштабы социальной трансформации советского общества.

Ключевые слова:

поколение революционного перелома; дети революции; нэп; советское крестьянство; поколенческий конфликт; история поколений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study focuses on a generational analysis of social conflicts in the mid-1920s Soviet village. The findings are based on archival documents, periodical press materials, and theoretical-methodological approaches from social history, generation studies, and juvenile history. New data is introduced regarding the nature of youth policies implemented by authorities and the structure of rural society during this period. It demonstrates that older generations resisted young activists and clashed with them over issues such as anti-religious propaganda, morality, and daily behavior. Special attention is given to the migration of part of the peasant youth to cities due to socio-political changes associated with the NEP era, which deepened inter-generational divisions. Evidence shows that negative perceptions of Komsomol movement and emerging generational contradictions significantly influenced subsequent dynamics of village development, particularly under conditions of later collectivization. It has been established that political and social processes of the 1920s substantially transformed relationships within rural communities, laying foundations for new forms of social interaction. The conclusion emphasizes that applying a generational approach in historical research provides profound insights into transformative processes occurring during the Soviet period, illustrating the extent of societal transformation experienced by Soviet society.

Key words:

revolutionary generation gap; children of revolution; NEP; Soviet peasantry; generational conflict; history of generations

УДК 930:343.638(470.23-25)“1925”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-411-427

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Социальные конфликты в советской деревне середины 1920-х годов в контексте поколенческой истории

© Вязинкин А. Ю., Якимов К. А., 2025

1. Введение = Introduction

Современное состояние заявленной проблемы социальных конфликтов в советской деревне 1920-х годов позволяет выделить основные направления исследований в исторической науке. Изучаются темы крестьянской повседневности и организации быта в эпоху «революционного перелома» [Безгин, 1998; Гончарова, 2010], взаимоотношения власти и общества с учетом молодежного фактора [Билим, 2014; Кондрашин, 2022; Мищенко, 2020], социокультурного и психосоциального развития сельского социума в контексте ювенальной или поколенческой проблематики [Асташов, 2022; Булдаков, 2012; Давыдов, 2012; Кулачков, 2022; Рожков, 2016].

Данное исследование является продолжением научной работы отечественного советолога А. А. Слезина, который провел исторический анализ некоторых аспектов поколенческих конфликтов в советской деревне в годы нэпа [Слезин, 2023а; Слезин, 2023b]. Он отметил важность поколенческого фактора в процессе социалистической модернизации. По мнению специалиста по ювенальной истории, деревенская молодежь середины 1920-х уже не является поколением «революционного перелома», которое еще стремится сохранить религиозные традиции на селе. Поколению «революционного перелома» «противостоит» новое поколение, те самые подростки и молодые люди, находящиеся под влиянием партийных и молодежных организаций и представляющие собой отрицателей и безбожников [Слезин, 2023b, с. 60].

Религиозная политика большевиков в деревне, конечно, в первую очередь ориентировалась на детей и молодежь, и стала одним из катализаторов межпоколенного разлома. Советские лидеры считали, что именно представители молодого поколения, сознание которых есть *tabula rasa*, могут быть воспитаны с нуля, на основе новых социалистических и атеистических ценностей. Некоторые аспекты политики «штурма небес» изучены

В. А. Алексеевым [Алексеев, 1992] и Д. Перисом [Peris, 1998]. При этом антирелигиозная политика большевиков была почти тотальной, она охватывала сферы воспитания и образования, изменяла структуру ритуальной религиозности, что также становилось предметом исторического исследования [Соболева, 2019; Яшина, 2011; Stites, 1991].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основу источниковой базы составили материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), в первую очередь документы фонда Ф. М-1, в котором сохранились многочисленные докладные записки, отчеты и информационные сводки о характере, содержании и результативности деятельности комсомольских ячеек в деревне в рассматриваемый период. Как правило, в отчетах комсомольских работников большое внимание уделялось освещению антирелигиозной работы комсомольцев в деревне, а также выявлению критических и упаднических настроений среди комсомольцев и несоюзной молодежи. Полезным оказалось обращение к материалам советской периодической печати, в которых приводились многочисленные письма молодых селькоров о насущных повседневных бытовых проблемах деревенской молодежи («Журнал крестьянской молодежи», «Известия», «Комсомольская правда», «Рабочая Москва»). Кроме того, в ходе исследования авторы использовали материалы опубликованных сборников архивных документов.

Как справедливо отмечал Т. Шанин, революционные трансформации без поколенческого анализа необъяснимы [Шанин, 2005, с. 20]. Поколение формируется не только как демографическая общность, но и как общность, пережившая и осмыслившая одни и те же исторические события. Поколенческий подход в истории позволяет представить более четкую научную картину любого исторического периода [Шанин, 2005, с. 11]. В генерационной структуре советской деревни 1920-х годов следует выделить два наиболее активных поколения: поколение «революционного перелома» (родившиеся в период середины 1880-х годов — конца 1890-х годов) [Сафонов, 2023, с. 675] и поколение «детей революции» — родившиеся в первое пореволюционное десятилетие. На фоне поколенческой проблематики отчетливее просматриваются трансформация крестьянской ментальности в 1920-е годы, эволюция культурно и социально значимых ценностей, а также взаимоотношений власти и сельского общества, тенденции хозяйственного мышления в деревне. Поколенческий фокус социально-исторического исследования определил специфику теоретико-методологического подхода данного исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сельский комсомол и межпоколенческие конфликты в деревне

Немаловажным фактором в развитии межпоколенных отношений в советской деревне середины 1920-х годов являлась политика новой власти в отношении села. Переход к нэпу не решил сразу всех хозяйственных проблем деревни, поэтому власть выступила с новыми социальными и экономическими инициативами, общее название которых закрепилось как политика «лицом к деревне». Мы лишь акцентируем внимание на том, что власть была чрезвычайно озабочена перспективой развития деревни в рамках общего партийного курса развития советского общества. В. В. Кондрашин, имея в виду политику «лицом к деревне», отмечает, что «в целом начатый большевиками в середине 1920-х годов “новый курс” по отношению к крестьянству позитивно сказался на развитии сельскохозяйственного производства и улучшил социально-политическую обстановку в деревне» [Кондрашин, 2024, с. 414]. Немаловажным аспектом политики власти по отношению к деревне был вопрос воспитания крестьянской молодежи.

На практике декларируемые советской властью лозунги в вопросах реализации молодежной политики в деревне порождали обострение взаимоотношений внутри крестьянских семей. Создание сельских комсомольских ячеек, активизировавшееся в годы нэпа, сопровождалось обострением межпоколенческих конфликтов внутри сельского социума. Несмотря на то, что в 1920-е годы советская власть стремилась создать образ комсомольца — передового работника, массовым сознанием деревенских обывателей комсомольцы воспринимались как носители чуждых ценностей, разрушающие традиционный порядок жизни и привычный уклад русской деревни [Справочник ..., 1924, с. 265].

Как показывают источники, для многих представителей крестьян поколения «революционного перелома» комсомол являлся главным виновником отрыва сельской молодежи от семьи. При этом большинству деревенских ребят, намеревавшихся вступить в молодежный союз, приходилось переступать через мнение старших родственников, недовольных усилением влияния комсомола на своих детей. Например, комсомолка Левина заявляла: «Дома у нас обстановка кошмарная из-за моих революционных убеждений. Родные меня буквально гонят вон. Им не понять теперешнего века, им не постичь великих его тайн» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 315, л. 209]. Уроженец Калужской губернии крестьянского происхождения Теребков отмечал, что с первых же дней после вступления в комсомол испытывал давление со стороны семьи и жителей деревни [Письма во власть ..., 1998, с. 602]. Обстановку того времени точно реконструируют рассуждения комсомольца Егорова (Акомолинская губерния, село Рузаев-

ка): «Обыкновенно молодежь вступает в ячейку тайком от родителей. Эта тяга бывает несколько месяцев, не более трех-четырех, и, наконец, выясняется, что в доме завелся “коммунист”. И тогда начинаются “мытарства” комсомольца, подобные 10 казням египетским библейского предания. Но эти казни иногда увеличиваются и до 20. Видя несокрушимость распутного сына, родители уступают со словами: “Чтоб тебе там голову сломать”» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 315, л. 17].

Неприятие вступления деревенской молодежи в комсомол среди крестьян старших возрастных групп встречалось практически повсеместно. Так, в семье Булатовых (Уральская область, село Березовка), узнав о вступлении сына Филиппа в молодежный союз, недовольные родители заявили: «Ах ты, безбожник, подлец такой. Ты ведь весь наш дом сконфузил, проклятый идол» [Булатов, 1925, с. 15]. В то же время комсомольские работники были обеспокоены тем, что подобная напряженная атмосфера в крестьянских семьях, несмотря на материальную зависимость детей от родителей, усиливала отток деревенской молодежи в города [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 166, л. 43; д. 277, л. 132].

Впрочем, в исключительных случаях молодым сельским комсомольцам удавалось убедить родителей в правильности сделанного выбора. Для наглядности рассмотрим отрывок из письма молодой крестьянки Прохоренко (уроженка села Великое Дубравье, Клиновский уезд, Гомельская губерния): «Когда я вступала в комсомол, то надо мной все смеялись, а также и родные были недовольны. Но я сумела доказать своим родным, что я поступила правильно, и они перестали на меня смотреть волчьим взглядом... Я сумела их убедить в том, что раньше плохо жили, когда еще власть была капитала, не было комсомола и я была неграмотной» [Прохоренко, 1925, с. 15]. Как правило, безболезненное изменение отношения со стороны родителей к вступлению молодых ребят в молодежный союз происходило лишь в тех случаях, когда пребывание в комсомоле приносило очевидную материальную выгоду крестьянской семье. В частности, в одном из очередных номеров «Комсомольской правды» был описан случай, когда отец семейства с присущим крестьянской ментальности прагматизмом перестал негативно относиться к комсомолу после того, как узнал, что его сыну в избе-читальне стали платить 22 рубля в месяц [Обида, 1926, с. 3].

Однако в большинстве случаев преобладал скептический настрой крестьян старших поколений к вступлению молодых сельчан в молодежный союз. Показательно то, как на страницах газеты «Комсомольская правда» описывали мотивы выхода сельской молодежи из комсомола: «родители не разрешают и гонят из дома», «в деревне мне угрожают и бьют» [Курский, 1926, с. 3]. Еще более убедительно звучит требование молодого батрака из

Костромской губернии: «Прошу исключить меня из членов союза, так как хозяин посылает меня к черту, если я останусь в ячейке» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 488, л. 55 об.].

В ряде случаев недовольство крестьян деятельностью комсомольцев выходило за рамки резких эмоциональных оценок и принимало открытые формы сопротивления. Некоторым сельским комсомольцам приходилось терпеть побои со стороны односельчан. Так, в Чаинском районе Нарымского уезда Томской губернии два комсомольца-батрака были избиты за то, что они записались в комсомол, им велели «не заносить эту заразу в деревню» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 435, л. 49]. В соседнем селении комсомольца убили и сожгли по схожим мотивам [Там же]. В селе Троицком Татарского уезда Омской губернии середняком Саенко был нанесен удар топором по голове руководителю комсомольской ячейки, учителю Величко [Советская деревня ..., 2000, с. 272]. Анализ сохранившихся архивных документов свидетельствует о том, что подобные случаи в деревне не были редкостью.

Столь негативное отношение к комсомольцам со стороны большинства сельских жителей было связано с господствовавшим представлением крестьян (особенно старшего поколения) о комсомоле как об организации, способствующей моральному и бытовому разложению молодого поколения и отрыву молодежи от традиционных ценностей. Например, крестьянин Череповецкой губернии Чернов в своем письме в редакцию «Крестьянской газеты» отмечал: «Комсомол знает свою работу — как бы поскорей достать самогону и напиться. Комсомольцы — чистые алкоголики и хулиганы» [Письма во власть ..., 1998, с. 458]. Руководство Архипо-Осиповской комсомольской ячейки также акцентировало внимание на недоверчивом отношении местного крестьянства к комсомолу вследствие распространенности пьянства среди комсомольцев [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 433, л. 99]. В Кременчугском районе Полтавской губернии крестьянка Огурцова так объясняла недовольство крестьян комсомольцами: «Если девка не идет спать с кем-нибудь, так и кричат: мешчанка, кулачка, оторвалась от масс» [Крестьяне ..., 1926, с. 2].

Созвучные настроения прослеживались и среди крестьян старших поколений Екатеринославского округа, выражавшего свой скептический настрой по отношению к комсомольским ячейкам следующим образом: «Там только девок портят» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 433, л. 93]. Не менее симптоматичен отрывок из выступления крестьянина Ремеза среди крестьян-делегатов Херсонского округа на сессии ВУЦИК: «Наши комсомольцы — лодыри. Едят хлеб отцовский, а пользы и помощи от них как с козла молока. Бродят по целым дням стадом по селу и баклуши бьют» [Крестьяне..., 1926, с. 2].

При этом, важно заметить, что случаи употребления спиртных напитков, половая распущенность среди членов молодежного союза были распространенным явлением, что укрепляло и без того неприглядные ассоциации в сознании крестьян по отношению к комсомольцам. В частности, в Кузнецком округе Томской губернии нередкими были случаи, когда все члены нескольких комсомольских ячеек употребляли алкоголь [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 749, л. 73]. Материалы Ярославского, Иваново-Вознесенского и Актюбинского губкомов комсомола также фиксировали в деревнях пьянство среди комсомольцев, особенно в дни религиозных праздников [Там же, л. 72]. Селькор села Поревичи Гомельской губернии Гендельман отмечал: «У нас имеются комсомольцы и беспартийные ребята, занимающиеся тем, что почти ежедневно напиваются до потери сознания. Совсем недавно один из таких хулиганов, напившись самогона, вошел в парикмахерскую и избил сидевшего в парикмахерской инструктора допризывной подготовки» [О распущенности ..., 1926, с. 3].

Нередко на страницах советской печати акцентировали внимание на половой распущенности комсомольцев. Например, в газете «Комсомольская правда» был описан случай, произошедший в Ново-Троицкой волости Пензенской губернии, где три комсомольца изнасиловали девушку [Там же]. Не менее наглядна мотивировка выхода из комсомола другой деревенской девушки: «А ну его к черту! Прийти в ячейку нельзя! Каждый парень к тебе лезет, гадости предлагает!» [Курский, 1926, с. 3]. Очевидно, что распространенность подобных явлений создавала неблагоприятную репутацию комсомолу в глазах большинства жителей деревни.

Между тем существенная часть несоюзной молодежи в деревне, находясь под господствующим авторитетом старших родственников, продолжала с большой недоверчивостью относиться к комсомольским организациям, что, несомненно, сдерживало рост ячеек. Вот пример характерного отношения деревенской молодежи к комсомолу: «Куда-то к хорошему стремится, но ничего хорошего не дает» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 433, л. 151]. Не менее показателен отрывок из письма молодого крестьянина Лунина: «В комсомоле все шкурники, в комсомол вступают все, чтобы улучшить свое материальное положение» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 749, л. 79]. Впрочем, следует признать, что из уст молодого поколения деревни подобные заявления звучали значительно реже, чем от представителей поколения «революционного перелома».

3.2. Комсомольцы в антирелигиозном наступлении на селе: поколенческий фактор

Следует заметить, что недовольство деревенских жителей комсомолом во многом было вызвано пропагандой атеистического воспитания мо-

лодого поколения, нацеленностью на искоренение влияния религиозных институтов, что в свою очередь способствовало формированию образа «комсомольца-безбожника», разрушающего традиционные христианские ценности [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 625, л. 87]. Например, в Тамбовской губернии во время крестных ходов комсомольцы распевали антирелигиозные песни, вызывавшие возмущение и ропот со стороны большинства крестьян [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 749, л. 72]. При этом нередко отказ от христианских ценностей перерастал в стремление антирелигиозно настроенной части молодежи нанести материальный ущерб церкви и служителям культа. В частности, в с. Зайцево Донецкой губернии после посещения антирелигиозной демонстрации комсомольцы бросали бомбы в церковную ограду [Советская деревня ..., 2000, с. 98].

В некоторых случаях идеологические кампании по искоренению религии в деревне принимали достаточно агрессивные формы социальных конфликтов между комсомольцами и верующими. В Брянской губернии недовольные поведением комсомольцев крестьяне выгнали их из храма, после чего комсомольцы «бомбардировали» церковь камнями и выбили стекла [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 488, л. 17]. Не менее примечательный случай произошел в Воронежской губернии, где присутствовавшие на пасхальной службе комсомольцы гасили свечи у прихожан, при этом избивая тех, кто называл их хулиганами [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 392, л. 14]. Подобные примеры в середине 1920-х годов были распространенным явлением советской деревни. В связи с этим трудно не согласиться с А. А. Слезиным в том, что отношения между комсомольцами и верующими в годы нэпа отчасти напоминали продолжение гражданской войны [Слезин, 2023b, с. 51].

Неудивительно, что сознательный отказ комсомольцев от веры в Бога был мощным триггером внутрисемейных конфликтов в 1920-е годы. Характерный случай произошел в селе Больши-Ивановки с комсомольцем, которого прокляла родная мать после его отказа принять в подарок икону по случаю новоселья [О моей..., 1925, с. 16]. В м. Голоперово Волоколамского уезда комсомолец Шведов вступил в драку со своим отцом после очередного отказа сына обвенчаться в церкви со своей молодой супругой [Судебный отдел ..., 1925, с. 7]. При выяснении обстоятельств конфликта оказалось, что отец способствовал женитьбе сына в надежде, что тот откажется от своих «комсомольских взглядов» [Там же]. В некоторых случаях внутрисемейный конфликт на религиозной почве мог привести к распаду молодой семьи. К примеру, в газете «Рабочая Москва» был описан случай, произошедший в одной из подмосковных деревень с комсомольцем крестьянского происхождения, который ушел из семьи после того, как родители и супруга заставили его крестить ребенка [Опадающие листья ..., 1926, с. 1].

В то же время антирелигиозная пропаганда комсомольских организаций сдерживала их рост, поскольку многие родители попросту не хотели отпускать своих детей к «комсомольцам-безбожникам». Особенно зависимыми от мнения родителей были сельские девушки. Характерный случай произошел д. Большой Атар Нижегородской губернии, где две девушки отказались от вступления в молодежный союз после критической оценки комсомольцев их мамой: «Они отчаянные, и Бога-то, говорят, не признают и антихристы» [Литева, 1925, с. 16].

3.3. Городской быт как источник социальной напряженности советской деревни

На фоне участвовавших межпоколенческих конфликтов распространенным явлением среди крестьянской молодежи было недовольство своим социальным происхождением. В отличие от крестьян поколения «революционного перелома», сохранивших большинство традиционных ментальных установок крестьянства, молодое поколение, воспитанное в условиях становления институтов советской государственности, в меньшей степени ощущало общинную солидарность и мировоззренческое единство с крестьянским сословием. Во многом это обстоятельство обусловило возросший интерес сельской молодежи к городской жизни.

Сформировавшиеся в духе идеалов революции, многие молодые сельчане, особенно комсомольцы, воспринимали себя в качестве строителей нового общества, остро переживая сохранившееся социальное неравенство. Рассмотрим характерный отрывок из письма комсомолки Левиной, адресованного Л. Д. Троцкому: «Я проклинаю тот день, когда я родилась не в семье рабочего» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 315, л. 209]. Причины подобных настроений в большинстве случаев были связаны с осознанием сельской молодежью всех трудностей материального характера, присущих советской деревне, а также с ощущением своего неправомерного положения в сравнении с рабочими.

Разумеется, недовольство социальным неравенством порождало чувство зависти у многих молодых сельчан. В частности, комсомолец Вяткин Пермского округа Уральской области деревни Шалаши заявлял: «Я вам откровенно скажу, что мы — деревенская молодежь очень завидуем рабочей молодежи. Ведь мы работаем с утра до поздней ночи, а рабочие вообще только 8 часов, а остальное время проводят, где им только заблагорассудится, и в результате живут лучше крестьян» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 504, л. 224]. Еще более радикально звучат опубликованные строки, описывающие настроения другого молодого сельчанина: «На открытие школ для крестьянина средств нет, а на открытие разных памятников деньги имеются, и невольно задумаешься, что за словами о том, что нет средств,

кроются другие тайные слова: «Вы, крестьянская молодежь, слишком грубы, чтобы учиться, слишком низки для нас. Пашите землю, живите в грязи и темноте, и ничего не знайте»» [Деревенские ..., 1925, с. 9].

Нередко информацию о подобных настроениях в молодежной среде публиковали на страницах периодической печати: «На что мне нужно сельское хозяйство, то ли дело на фабрике. Отработаешь 8 часов, а потом свободен. А крестьянству, особенно в летнее время, приходится работать по 16—18 часов» [Об одном ..., 1925, с. 3]. Для большей наглядности обратимся к рассмотрению наиболее характерных заявлений сельских комсомольцев: «Где же равенство города и деревни?»; «Прежде чем брать с деревни, надо дать, а не наоборот»; «Рабочий живет на жалованье, а крестьянин не видит лишней копейки» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23. д. 433, л. 23]. Среди несоюзной молодежи села Колчаново (Волховский район Ленинградского округа) были распространены следующие настроения: «Почему в первую очередь снабжают рабочих, а затем уже крестьян?» [ЦГАИПД СПб, ф. р. — 24, оп. 5, д. 498, л. 21]. В Воронежской губернии среди молодого поколения сельчан были распространены следующие настроения: «Чем мы хуже рабочей молодежи, что она является руководящей в союзе? Ведь ее меньше, чем нас, крестьян?» [Обследование ..., 1926, 7 марта, с. 6].

Обращает на себя внимание и содержание жалоб сельской молодежи, предъявленных наезжающим городским ребятам: «Да разве это жизнь, чувствовать, что вот на веки останешься таким дикарем, а вы еще упрекаете нас, что мы пьем» [Гущина ..., 1926, с. 3]. В многочисленных материалах обследования сельских комсомольских ячеек первой половины 1920-х годов также отмечали возросшую тягу молодежи в города, аргументируя это обстоятельство тяжелым материальным положением бедняков и батраков [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 166. л. 43; Там же, д. 277, л. 112; Там же, д. 433, л. 61; Там же, д. 435, л. 49]. В свою очередь обострившиеся межпоколенческие конфликты в деревне могли только усиливать желание сельской молодежи перебраться в город и таким образом вырваться из-под опеки семьи.

Между тем устремленность сельской молодежи в город была вызвана в том числе и возросшими социокультурными потребностями молодого поколения деревни. Нередко юноши и девушки открыто выражали желание учиться, получать образование. Например, уроженка Вятской губернии Малмыжского уезда комсомолка Заболотская обратилась со следующим вопросом к первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. П. Чаплину: «Правда ли я, что тянусь из деревни в город? Меня мучает, что это не по-ленински. Хочется просто расширения своего кругозора, появилась тяга учиться дальше в городе» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 218, л. 236]. Характерным примером

стремления сельской молодежи к знаниям является выдержка из письма девушки села Ключи Самарской губернии: «Я хочу учиться, как нам велел Владимир Ильич. Я хочу действительно исполнить заветы Ильича. Только у меня нет никакой одежды» [Моя мечта ..., 1925, 16 января, с. 3].

Наряду с этим все чаще комсомольские работники отмечали проникновение элементов городского быта в деревню, что также создавало напряженную атмосферу между поколениями. В частности, в материалах обследования Томской области обращалось внимание на то, что девушки в деревне учатся танцевать, копируют «моды» городских кофточек, юбок, причесок, что с негодованием и критикой воспринималось старшим поколением [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 435, л. 49]. При обследовании комсомольских ячеек Северо-Двинской губернии отмечалось, что деревенские девушки предпочитают краситься «не хуже московских дам», а также используют для татуирования красную бумагу, нитки, чернила [Полюянов, 1926, с. 3]. В той же губернии комсомольцы успешно разучивали с сельскими девушками революционные песни: «Интернационал», «Смело, товарищи в ногу» [Там же]. Однако крестьяне старших возрастных групп относились к увлечению молодежи городскими веяниями с большой долей скептицизма и с осуждением [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Следует отметить, что применение поколенческого подхода в социально-исторических исследованиях позволяет представить всесторонний обзор исторической эпохи. Пример советской деревни середины 1920-х годов является убедительным свидетельством радикальной трансформации общества, глубоких социальных преобразований. Произошедшие в течение десятилетия изменения оказали влияние как на политику государства в отношении деревни, так и на сельскую ментальность. Изменившиеся условия также затронули природу межпоколенных взаимодействий и взаимосвязей.

Создание и функционирование комсомольских организаций в деревне приводили к усилению конфронтации между поколениями крестьян «революционного перелома» и «детей революции». При этом старшее поколение с большим недоверием относилось к деятельности комсомольских организаций в деревне (а в некоторых случаях и открыто враждебно), разрушавших традиционные ценности и уклад деревенского быта, что в свою очередь сдерживало рост сельских комсомольских ячеек. В большинстве случаев мотивы сопротивления крестьян старших поколений вступлению их детей в молодежный союз были связаны с неприятием антирелигиозной пропаганды комсомольских ячеек, а также с осуждением мораль-

но-бытовой и половой распущенности деревенских комсомольцев. В сознании крестьян старших поколений образ комсомольца ассоциировался преимущественно с негативными характеристиками (лодырь, безбожник, пьяница и т. п.). Межпоколенческие конфликты и осознание различий в положении между рабочими и крестьянами стимулировали миграцию сельской молодежи в города, условия жизни которых для многих молодых сельчан представлялись более выгодными и перспективными. Обострение конфронтации между поколениями в годы нэпа во многом предопределило последовавший межпоколенческий разлом советской деревни периода коллективизации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Булатов Ф. Комсомол для нас все! / Ф. Булатов // Журнал крестьянской молодежи. — 1925. — № 9. — С. 15.
2. Гуцина. Жизнь хутора. Комсомольская правда. — 1926. — № 126. — С. 3.
3. Деревенские думы и сомнения и ответы на них. Журнал крестьянской молодежи. — 1925. — № 1. — С. 9.
4. Крестьяне о деревенских комсомольцах. Комсомольская правда. — 1926. — № 119. — С. 2.
5. Курский М. Почему уходят из Комсомола / М. Курский // Комсомольская правда. — 1926. — № 41. — С. 3.
6. Литева М. Как я пришла в комсомол / М. Лаптева // Журнал крестьянской молодежи. — 1925. — № 4. — С. 16.
7. Моя мечта. Комсомольская правда. — 1925. — № 12. — С. 3.
8. О моей первой встрече с комсомольцами. Журнал крестьянской молодежи. — 1925. — № 2. — С. 16.
9. О распущенности. Комсомольская правда. — 1926. — № 7. — С. 3.
10. Об одном больном явлении. Комсомольская правда. — 1925. — № 265. — С. 3.
11. Обида. Комсомольская правда. — 1926. — № 28. — С. 3.
12. Обследование деревенских ячеек. Комсомольская правда. — 1926. — № 56. — С. 6.
13. Опадающие листья. Рабочая Москва. — 1926. — № 207. — С. 1.
14. Письма во власть. 1917—1927 : Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 524 с. — ISBN 5-8243-0283-9.
15. Полуянов П. Молодая деревня. Комсомольская правда. — 1926. — № 20. — С. 3.
16. Прохоренко Н. Как я пришла в комсомол и мое слово крестьянским девушкам / Н. Прохоренко // Журнал крестьянской молодежи. — 1925. — № 9. — С. 15.
17. РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М. — 1. (Центральный комитет ВЛКСМ) Оп. 23. Д. 166. Л. 43, Ф. М. — 1. Оп. 23.

Д. 218. Л. 236, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 277. Л. 112, 132, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 315. Л. 17, 209, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 392. Л. 14, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 433. Л. 23, 61, 93, 99, 151, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 435. Л. 49, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 488. Л. 17, 55 об., Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 504. Л. 224, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 625. Л. 87, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 749. Л. 72, 73, 79.

18. *Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939 : Документы и материалы. В 4-х т.* — Москва : РОССПЭН, 2000. — Т. 2. — 861 с. — ISBN 5-86004-184-5.

19. *Справочник партийного работника.* — Москва : Гос. изд-во, 1924. — Выпуск 4. — 331 с.

20. *Судебный отдел. Известия.* — 1925. — № 52. — С. 7.

21. ЦГАИПД СПб — *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.* Ф. Р. — 24. (Ленинградский областной комитет КПСС. Смольнинский район, Ленинград. 1927—1991). Оп. 5. Д. 498. Л. 21.

Литература

1. *Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? / В. А. Алексеев // Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР.* — Москва : Россия молодая, 1992. — 299 с.

2. *Асташов А. Б. Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома» / А. Б. Асташов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология.* — 2022. — № 9. — С. 101—119. — DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-9-101-119>.

3. *Безгин В. Б. Старый и новый быт в традиционной крестьянской культуре (советская доколхозная деревня) / В. Б. Безгин // Тамбовское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX в.).* — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. — Выпуск 2. — С. 136—154.

4. *Билим Н. Н. Комсомол и атеистическое воспитание молодежи в 1920-е годы (региональный аспект) / Н. Н. Билим // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* — 2014. — № 3—2. — С. 33—36.

5. *Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть : психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920—1930 гг. / В. П. Булдаков.* — Москва : РОССПЭН, 2012. — 756 с. — ISBN 978-5-8243-1720-6.

6. *Гончарова И. В. Крестьянская повседневность Центрального Черноземья в 1920—х гг. / И. В. Гончарова // Диалог со временем.* — 2010. — № 30. — С. 362—371.

7. *Давыдов Д. В. Антирелигиозные настроения в молодежной среде как отражение процессов модернизации деревни в 1920-е годы / Д. В. Давыдов // Исторический опыт российских модернизаций XIX—XXI веков : специфика регионального развития.* — Казань : Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2012. — С. 158—163. — ISBN 978-5-94981-158-0.

8. *Кондрашин В. В. Политика «лицом к деревне» : был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? / В. В. Кондрашин // Исторический курьер.* — 2022. — № 4. — С. 80—92. — DOI: [10.31518/2618-9100-2022-4-7](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-4-7).

9. *Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации / В. В. Кондрашин.* — Москва : Политическая энциклопедия, 2024. — 663 с. — ISBN 978-5-8243-2562-1.

10. *Кулачков В. В. Социокультурные аспекты развития крестьянства в 1920-е гг. : на материалах западных губерний Европейской России / В. В. Кулачков.* — Брянск :

Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2022. — 258 с. — ISBN 978-5-98573-320-4.

11. Мищенко Т. А. Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. В деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // Мanuscript. — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40.

12. Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.

13. Сафонов Д. А. Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления / Д. А. Сафонов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 28. — № 3 (204). — С. 673—688. — DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688.

14. Слезин А. А. Внедрение новых обрядов в русской деревне 1920-х гг. как фактор эволюции взаимоотношений крестьянских поколений / А. А. Слезин // Народы и религии Евразии. — 2023а. — Т. 28. — № 4. — С. 147—162. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477>.

15. Слезин А. А. Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов / А. А. Слезин // Крестьяноведение. — 2023b. — Т. 8. — № 1. — С. 45—66.

16. Соболева А. Н. «Осовечивание» религиозных праздников в 1920-е гг. / А. Н. Соболева // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования внутренней Азии. — 2019. — № 3. — С. 19—25. — DOI: 10.18101/2305-753X-2019-3-19-25.

17. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

18. Яшина М. А. Антирелигиозные образование и воспитание в СССР в 1920-е годы: уроки истории и современность / М. А. Яшина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2011. — № 3. — С. 201—208.

19. Peris D. *Storming the Heavens* / D. Peris. — Ithaca and London : Cornell University Press, 1998. — 237 p.

20. Stites R. *Bolshevik Ritual Building in the 1920-s.* / R. Stites // *Russia in the era of NEP. Explorations in the Soviet Society and Culture* / Ed. by Sh. Fitzpatrick, A. Rabinovich, R. Stites. — Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1991. — Pp. 295—309.

Статья поступила в редакцию 05.07.2025,
одобрена после рецензирования 14.11.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.

Material resources

About a sick phenomenon. (1925). *Komsomolskaya Pravda*, 265: P. 3. (In Russ.).

About my first meeting with the Komsomol members. (1925). *Journal of peasant Youth*, 2: P. 16. (In Russ.).

About promiscuity. (1926). *Komsomolskaya Pravda*, 7: P. 3. (In Russ.).

Bulatov, F. (1925). Komsomol is everything to us! *Journal of Peasant Youth*, 9: P. 15. (In Russ.).

- Falling leaves. (1926). *Working Moscow*, 207: P. 1. (In Russ.).
- Guschina. (1926). The life of the farm. *Komsomolskaya Pravda*, 126: P. 3. (In Russ.).
- Handbook of a Party worker*, 4. (1926). Moscow: State Publishing House. 331 p. (In Russ.).
- Judicial Department. (1925). *Izvestia*, 52: P. 7. (In Russ.).
- Kursky, M. (1926). Why are they leaving the Komsomol. *Komsomolskaya Pravda*, 41: P. 3. (In Russ.).
- Letters to the authorities. 1917—1927: Statements, complaints, denunciations, letters to government agencies and Bolshevik leaders.* (1998). Moscow: ROSSPEN. 524 p. ISBN 5-8243-0283-9. (In Russ.).
- Liteva, M. (1925). How I came to the Komsomol. *Journal of peasant Youth*, 4: P. 16. (In Russ.).
- My dream. (1925). *Komsomolskaya Pravda*, 12: P. 3. (In Russ.).
- Peasants about village Komsomol members. (1926). *Komsomolskaya Pravda*, 119: P. 2. (In Russ.).
- Poluyanov, P. (1926). Molodaya derevnya. *Komsomolskaya Pravda*, 20: P. 3. (In Russ.).
- Prokhorenko, N. (1925). How I came to the Komsomol and my word to peasant girls. *Journal of peasant Youth*, 9: P. 15. (In Russ.).
- Resentment. (1926). *Komsomolskaya Pravda*, 28: P. 3. (In Russ.).
- RGASPI — Russian State Archive of Socio-political History. *F. M. — 1. (Central Committee of the Komsomol)*. (In Russ.).
- Survey of village cells. (1926). *Komsomolskaya Pravda*, 56: P. 6. (In Russ.).
- The Soviet village through the eyes of the CHEKA—OGPU—NKVD. 1918—1939: Documents and materials. In 4 volumes*, 2. (2000). Moscow: ROSSPEN. 861 p. ISBN 5-86004-184-5. (In Russ.).
- TSGAIPD St. Petersburg — Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. *F. R. — 24. (Leningrad Regional Committee of the CPSU. Smolninsky district, Leningrad. 1927—1991)*. (In Russ.).
- Village thoughts and doubts and answers to them. (1925). *Journal of peasant Youth*, 1: P. 9. (In Russ.).

References

- Alekseev, V. A. (1992). Is the “Storming of Heaven” canceled? In: *Critical essays on the history of the struggle against religion in the USSR*. Moscow: Molodaya Rossiya Publ. 299 p. (In Russ.).
- Astashov, A. B. (2022). The peasant-youth world in the era of the “great turning point”. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities (RGGU). Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 9: 101—119. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-9-101-119>. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (1998). Old and new way of life in traditional peasant culture (Soviet pre-collective farm village). In: *Tamboy peasantry: from capitalism to socialism (the second half of the XIX — early XX century)*, 2. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 136—154. (In Russ.).
- Bilim, N. N. (2014). Komsomol and atheistic education of youth in the 1920s (regional aspect). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 3—2: 33—36. (In Russ.).
- Buldakov, V. P. (2012). *Utopia, aggression, power: the psychosocial dynamics of the post-revolutionary period, Russia, 1920—1930*. Moscow: ROSSPEN. 756 p. ISBN 978-5-8243-1720-6. (In Russ.).

- Davydov, D. V. (2012). Anti-religious sentiments among young people as a reflection of the processes of rural modernization in the 1920s. In: *Historical experience of Russian modernization of the XIX–XXI centuries: specifics of regional development*. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 158—163. ISBN 978-5-94981-158-0. (In Russ.).
- Goncharova, I. V. (2010). Peasant daily life of the Central Chernozem region in the 1920s. *Dialogue with time*, 30: 362—371. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2022). Policy of “facing the village”: did the NEP have potential in the agricultural sector of the country’s economy? *Historical courier*, 4: 80—92. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-7. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2024). *The Russian village in the conditions of industrial modernization*. Moscow: Political Encyclopedia. 663 p. ISBN 978-5-8243-2562-1. (In Russ.).
- Kulachkov, V. V. (2022). *Socio-cultural aspects of the development of the peasantry in the 1920s: based on the materials of the Western provinces of European Russia*. Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology. 258 p. ISBN 978-5-98573-320-4. (In Russ.).
- Mishchenko, T. A. (2020). The younger generation in the construction of a new political identity in the 1920s. In the village of the South-West of Russia. *Manuscript*, 13 (10): 34—40. (In Russ.).
- Peris, D. (1998). *Storming the Heavens*. Ithaca and London: Cornell University Press. 237 p.
- Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in conditions of intergenerational gap (1920s). *Voice of the past*, 3—4: 164—182. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2023). The peasant generation of the “revolutionary turning point”: the beginning of its formation. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 28 / 3 (204): 673—688. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). History of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023b). The conflict of generations in the spiritual sphere of rural society in the second half of the 1920s. *Peasant studies*, 8 (1): 45—66. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023a). The introduction of new rituals in the Russian countryside of the 1920s as a factor in the evolution of the relationship between peasant generations. *Peoples and religions of Eurasia*, 28 (4): 147—162. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477>. (In Russ.).
- Soboleva, A. N. (2019). “Beautification” of religious holidays in the 1920s. *Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia*, 3: 19—25. DOI: 10.18101/2305-753X-2019-3-19-25. (In Russ.).
- Stites, R. (1991). Bolshevik Ritual Building in the 1920-s. In: *Russia in the era of NEP. Explorations in the Soviet Society and Culture*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 295—309.
- Yashina, M. A. (2011). Antireligious education and upbringing in the USSR in the 1920s: lessons of history and modernity. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 3: 201—208. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2025;
approved after reviewing 14.11.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*

Информация для цитирования:

Габдрафикова Л. Р. Предпринимательская деятельность женщин Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков / Л. Р. Габдрафикова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 428—445. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-428-445.

Gabdrāfikova, L. R. (2025). Women Entrepreneurs in Kazan Governorate during Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 428-445. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-428-445. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Предпринимательская деятельность женщин Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

Габдрафикова Лилия Рамилевна
orcid.org/0000-0002-9940-9097
доктор исторических наук,
отдел новой истории
bahetem@mail.ru

Институт истории
имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена за счет
предоставленного в 2024 году
Академией наук Республики Татарстан
гранта на осуществление
фундаментальных и прикладных
научных работ в научных
и образовательных организациях,
предприятиях и организациях
реального сектора экономики
Республики Татарстан

Women Entrepreneurs in Kazan Governorate during Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries

Liliya R. Gabdrāfikova
orcid.org/0000-0002-9940-9097
Doctor of History,
Department of Modern History
bahetem@mail.ru

Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:

The work was carried out at
the expense of a grant provided in 2024
by the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan
for the implementation of fundamental
and applied scientific work in scientific
and educational organizations,
enterprises and organizations
of the real sector of the economy
of the Republic of Tatarstan

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование истории предпринимательства представительниц различных сословий Казанской губернии в 1860—1900-х годах. Установлены количество торговых домов-товариществ в городе Казани, учрежденных женщинами, время их создания, имена учредителей, районы совершения коммерческих операций. Выполнен анализ основных направлений, форм и масштабов экономической активности купчих, мещанок, дворянок, крестьянок и женщин других сословных званий. Уделяется внимание этноконфессиональной особенности Казанской губернии. Показано, что предпринимательской деятельностью также занимались женщины из семей татар-мусульман, старообрядцев и иных социальных групп. Установлено, как социальный статус влиял на выбор деятельности. Подчеркивается, что предпринимательницы были заняты преимущественно в пищевой промышленности и мелочной торговле, изготовлении одежды и аксессуаров, сфере обслуживания (постоялые дворы, прачечные и т. д.). Сделан вывод о том, что женщины нередко становились владелицами предприятий в «мужских» отраслях, таких как кожевенное, кирпичное, винокуренное производство и др. Автор утверждает, что для пореформенного времени было характерно вовлечение женщин в новые сферы предпринимательства: книжная торговля, издательская деятельность, банковское дело, стоматология, фотослуги.

Ключевые слова:

Казанская губерния; торговля; женское предпринимательство; торговые дома-товарищества; производственные предприятия; сфера обслуживания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the history of entrepreneurship among women from various social strata in the Kazan Governorate between the 1860s and early 1900s. It identifies the number of trading houses established by women, their founding dates, founders' names, and areas of commercial activity within the city of Kazan. The analysis focuses on key directions, forms, and scales of economic engagement across different female groups including merchants' wives, townspeople's daughters, noblewomen, peasant women, and other titled females. Special attention is given to the ethnoreligious diversity characteristic of the region, highlighting that business activities were also pursued by Muslim Tatar families, Old Believers, and members of other social groups. The research demonstrates how socioeconomic standing influenced occupational choices. It emphasizes that most female entrepreneurs concentrated primarily in food production, retail trade, clothing manufacture, and service industries such as lodging houses and laundries. However, it is noted that many women became proprietors even in traditionally male-dominated sectors like leather tanning, brick-making, distilling, etc. Furthermore, post-reform periods saw an increasing trend towards women's involvement in novel entrepreneurial domains such as bookselling, publishing, banking services, dentistry, and photography businesses.

Key words:

Kazan Governorate; commerce; female entrepreneurship; partnership trading firms; industrial enterprises; service sector.

УДК 94:346.26(470.4)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-428-445

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Предпринимательская деятельность женщин Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

© Габдрафикова Л. Р., 2025

1. Введение = Introduction

Законодательство Российской империи предоставляло всем предпринимателям равные права, не зависящие от пола предпринимателя. Женщины могли брать купеческие свидетельства (или «билеты») на мелкие заведения. Закон предоставлял женщинам, в зависимости от их социального статуса, льготы на ведение такой деятельности. В льготную группу входили солдатки, вдовы и дочери священнослужителей: они имели право вести мелочную торговлю без свидетельства и без уплаты пошлин [Ульянова, 2021, с. 108]. Свободно могли заниматься предпринимательской деятельностью на территории своего поместья дворянки. Им для этого не нужны были особые свидетельства, поэтому они без каких-либо ограничений учреждали торговые и промышленные заведения [Федосеев, 2016]. Материалы по Казанской губернии представляют особый интерес, так как это был регион, характеризующийся этноконфессиональным разнообразием, мощными экономическими и культурными ресурсами. Между тем гендерный аспект предпринимательства на региональном материале остается, за редким исключением, за рамками научных исследований. Не учитывается и влияние социально-экономического пространства на такой вид женской активности. На наш взгляд, изучение предпринимательства женщин Казанской губернии второй половины XIX — начала XX веков позволяет решить несколько исследовательских задач: представить материальное положение женщины того времени в обществе и ее экономические права, а также определить влияние на социально-экономическую жизнь региона.

Предпринимательство представителей разных сословий Казанской губернии неоднократно изучалось отечественными исследователями [Салихов, 2001; Свердлов, 1998; Салихов, 2015; Габдрафикова и др., 2015; Кореева, 2019]. Становились предметом исследования некоторые направления женского предпринимательства: коммерческая и промышленная активность дворянок, биография казанской купчихи Е. С. Прибытковой

и т. д. [Ульянова, 2021; Миронова, 2014]. Различные аспекты предпринимательской деятельности женщин освещаются в монографиях по развитию банковского, типографского, фотографического дела. В частности, в работе И. Г. Хадиева проливается свет на то, как женщина стала во главе дела по наследству [Хадиев, 2019]; в статье П. В. Лизунова собраны сведения о женщинах, управлявших своим делом [Лизунов, 2009]; в диссертационном исследовании Р. Р. Идрисовой представлена информация об участии женщин в развитии фотоуслуг в Казани [Идрисова, 2013]. В некоторых исследованиях истории предпринимательства также показан путь женщин в сфере коммерции [Золотые страницы ..., 2001; Гибадуллин, 2011].

Отдельный пласт среди работ по истории предпринимательства женщин составили работы, посвященные благотворительности. Так, некоторые предпринимательницы несли расходы на социальные запросы города — от небольших пожертвований на нужды образования и медицины до крупных вложений в открытие богаделен и больниц [Поселягина, 2021, Подольская, 2012, Могильникова, 2015, Орлов, 2019].

Настоящим исследованием предпринята попытка дать комплексную характеристику коммерческой и промышленной деятельности представительниц различных социальных страт.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования выступают женщины Казанской губернии, предметом — их предпринимательская деятельность. Предпринимательство представляет собой деятельность, направленную на получение прибыли от владения недвижимостью, сбыта товаров, выполнения работ или оказания услуг [Предпринимательство ..., 2000]. В связи с этим в статье будет рассмотрена торговая и производственная активность, а также сдача имущества в аренду.

Источниковую базу исследования составили делопроизводственные документы органов губернского и городского управления, учебного ведомства, финансовых учреждений, представленные в фондах Государственного архива Республики Татарстан и Российского государственного исторического архива. Наибольший интерес представляют прошения женщин в адрес казанского губернатора о разрешении им открыть коммерческие заведения, а также в губернское правление — с просьбой о строительстве зданий под предпринимательские цели.

Кроме того, были привлечены опубликованные материалы статистических изданий, с информацией о количестве предприятий и лавок, объемах торговых и промышленных оборотов [Вся Казань ..., 1899; Экономическое положение ..., 2022].

Особую группу источников составили материалы, опубликованные в виде сборников документов, содержащих данные о владельцах фотосалонов и типографий [История Казани ..., 2004], а также о благотворительных инициативах предпринимательниц [Яков Филиппович ..., 2008].

Сравнительно-сопоставительный метод, использованный в работе, позволил выявить сословные особенности предпринимательской деятельности женщин. С помощью историко-генеалогического метода были установлены родственные отношения торгово-промышленных династий и показана преемственность женского предпринимательства в рамках нескольких поколений. С помощью статистического метода была выявлена доля женщин в числе владельцев торговых домов, а также обозначены наиболее востребованные отрасли женского предпринимательства. Региональный подход, примененный в исследовании, позволил реконструировать историю женского предпринимательства с учетом этноконфессиональной специфики Казанской губернии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предпринимательство представительниц купеческого сословия

Основной женской группой, активно вовлеченной в предпринимательство, традиционно были представительницы купеческого сословия. Купеческие дочери или жёны продолжали дела своих отцов, мужей. В сословном отношении некоторые из них могли состоять в звании потомственных почетных гражданок. Встречались также и мещанки, когда торговля велась без объявления купеческого капитала.

Неординарной предпринимательницей была Екатерина Прибыткова. Ей принадлежал кожевенный завод в Казани, оставшийся от отца. В 1860-х годах предприятие вырабатывало 100 тыс. козлиных кож на сумму 150 тыс. руб., в дальнейшем она значительно увеличила доходность своей фирмы. Е. С. Прибыткова вела оптовую торговлю не только в Казани, но и на Нижегородской ярмарке, и в Москве. Е. С. Прибыткову отличало и то, что коммерческие дела она вела отдельно от мужа-купца и не спешила объединять капиталы. Это было редким для всей России явлением [Ульянова, 2021, с. 201—202]. Обычно наследницы купцов передавали дела мужьям. Но в Казанской губернии, особенно в среде татарского купечества, случаи самостоятельного ведения дел женщиной встречались неоднократно. Так, наследница известной купеческой династии Биби-Бадигулькамал Юнусова тоже вела торговые операции отдельно от мужа, но ей в этом помогали братья [Свердлова, 1998, с. 54]. В 1870 году арская мещанка Хозясеитова владела бумагооберточной фабрикой в Казанском уезде [Экономическое

положение ..., 2022, с. 183]. Несмотря на сословный статус мещанки, её фамилия указывает на родство с крупнейшим купцом-промышленником Казанской губернии Мукмином Хозясеитовым [Салихов, 2015, с. 67]. Очевидно, она была одной из его наследниц.

Дочь казанского купца Д. Б. Усманова, Биби-Магруй, унаследовала от отца крупный капитал (около 100 тыс. руб.). В 1850—1870-е годы она считалась главой торгового предприятия и значилась купчихой 2-й гильдии. При этом дела вел муж М. М. Казаков. В 1882 году торговые дела расстроились, и супруги развелись. Материальную поддержку бывшей купчихе оказывал только родной брат [Свердлова, 1998, с. 90—91].

Не всегда семейные союзы в среде предпринимательства заканчивались таким образом. Дочь казанского купца-старообрядца Х. Ф. Фомина, Аграфена, вышла замуж за приказчика своего отца Якова Шамова. После смерти тестя он начал вести дела торгового дома самостоятельно, а Аграфена Хрисанфовна доверила капитал мужу. Но и сама Шамова была энергичным человеком. Например, именно она довела до конца строительство Шамовской больницы [Яков Филиппович ..., 2008, с. 34]. Знавшие её близко люди характеризовали купчиху как деятельную и авторитетную женщину, одного из лидеров старообрядческой общины [ГАРТ, ф. 41, оп. 4, д. 1781, л. 57].

Имя Анастасии Печенкиной-Заусайловой стало известно во многих уголках России благодаря фирме «А. А. Печенкина и К». Основным направлением деятельности были банковские операции. Начинала она коммерческое дело на базе капитала умершего первого мужа, купеческого сына И. В. Заусайлова. Вдова торговала керосиновыми лампами и имела подряд на городское освещение. Это было обусловлено и тем, что покойный тесть когда-то служил городским головой [Золотые страницы ..., 2001, с. 5]. Более успешным стало начатое фирмой банковское дело. В 1873 году открылась комиссионерская контора [РГИА, ф. 1286, оп. 34, д. 215, л. 1], позднее появилась ссудная касса [ГАРТ, ф. 1, оп. 3, д. 6513, л. 1]. Уставной капитал в размере 45 тыс. руб. за несколько десятилетий вырос до 13 млн руб., открылись филиалы в других городах. При этом считается, что дела сначала вёл второй супруг предпринимательницы — военный интендант, капитан И. А. Печенкин, затем — сын В. И. Заусайлов и его компаньон В. В. Мартинсон, имевший некоторый опыт работы в Госбанке. Однако после смерти самой Печенкиной (1891 год) дела торгового дома постепенно ухудшались, окончательно он обанкротился в 1904 году [Лизунов, 2009].

Основной вид предпринимательства, которому отдавали предпочтение представительницы купеческого сословия, — торговля. Женщины становились во главе предприятий после смерти мужей-купцов. Это было связа-

но и с нежеланием вдов делить капитал между сыновьями. Так, на хлебном рынке Поволжья большими торговыми оборотами отличалась казанская купчиха Матрена Тихомирова, возглавившая дело после смерти супруга. Причем предприимчивая вдова сумела значительно увеличить доходность. Она расширила спектр деятельности: помимо торговли зерном, товарищество «М. М. Тихомирова с сыновьями в Казани» занималось изготовлением кулей и рогож. В результате рогожеткацкое производство стало крупнейшим в регионе, а купчиха М. М. Тихомирова из 3-й гильдии перешла в 1-ю [Свердлова, 1998, с. 171].

Также продолжала дело покойного супруга казанская купчиха Прасковья Фомина, мать А. Х. Шамовой. Она занималась хлебной торговлей в 1870—1880-е годы [Гибадуллин, 2011, с. 114]. Зерноторговлей промышляла и другая купчиха — С. П. Романова, тоже вдова. Купеческие семьи Романовых, Фоминых, Журавлевых, как и Шамовы, относились к старообрядческой общине Казани и были связаны родственными узами.

В конце XIX века в Казанской губернии начинает расти число товариществ. Эти фирмы занимались продажей продовольствия и реализацией мануфактурных товаров. Тогда появляются и акционерные общества. В 1915 году в Казани действовало уже 80 торговых домов. В составе 30 % товариществ находились женщины. Участие большинства из них объяснялось семейно-родственными узами. Учредительницами торговых домов были в основном купеческие дочери, жены и другие родственницы.

Например, в 1893 году был учрежден торговый дом «А. Н. Пермьковой и сыновья». Капитал владелицы превышал 30 тыс. руб. Еще раньше, в 1891 году, основала торговый дом купчиха София Гейст. Ей принадлежала табачно-махорочная фабрика. Капитал составлял 50 тыс. руб. Главным помощником С. К. Гейст был её доверенный — казанский мещанин П. Ф. Горбунов. В 1894-м она ходатайствовала об открытии еще одного предприятия — мыловаренного завода [ГАРТ, ф. 2, оп. 7, д. 1185, л. 1, 11—12, 18, 25 об.].

Товарищество торгового дома «Иван Григорьевич Стахеев», основанного в 1904 году и занимавшегося хлеботорговлей, образовали 9 человек, среди них жена почетного гражданина М. И. Подруева, А. И. Чикина, дочери коллежского советника Стахеева. Торговые операции фирмы велись в Санкт-Петербурге, Москве, Ярославле, Уфе и других городах. Капитал фирмы составлял 5 млн руб. В товариществе торгового дома «П. В. Щетинкин в Казани» в числе четверых членов состояла дочь учредителя Мария Петровна Щетинкина [Сборник сведений ..., 1915, с. 373, 431].

В 1905 году в Казани был зарегистрирован торговый дом «Наследники Е. С. Смоленцев и Н. П. Шмелев в Казани». Размер капитала (200 тыс.

руб.) свидетельствовал о крупных масштабах торговой деятельности предприятия. Соучредителем являлась купчиха А. М. Смоленцева. Представительница этой же фамилии, Н. Ф. Смоленцева, стала соосновательницей торгового дома «Яков Семенович Смоленцев старший с сыновьями» с более скромным капиталом в 20 тыс. руб. Фирма была зарегистрирована в 1911 году в Казани, занималась мясной торговлей [Сборник сведений ..., 1915, с. 274]. Подобных примеров было немало.

В 1907 году в Казани был зарегистрирован торговый дом «Г. Ф. Локке в Казани», учрежденный для управления делами бочарной и паркетной фабрики. В состав товарищества вошла дочь основателя фирмы Германа Локке — Маргарита Шуберт [Сборник сведений ..., 1915, с. 70].

«Женская» активность была характерна и для татарских торговых фирм. В структуре мануфактурных товаров особое место занимала галантерея. Например, продажу тканей и иголок вела фирма «Братья Утягановы». Торговый дом был основан в 1908 году, в семейном бизнесе принимала участие в числе прочих дочь учредителя Мафтуха Утяганова. До этого она единолично владела галантерейной лавкой на Сенной улице, в доходном доме Юнусовской богадельни. В товариществе торгового дома «Нугуман Абдулкаримов в Казани» состояли жена и дочь учредителя. Сооснователями торгового дома «Галеев и Ко» являлись купчихи Биби-Газица Галеева, Биби-Сара Якупова [Сборник сведений ..., 1915, с. 340, 356].

В конце XIX века появились первые акционерные общества в Казанской губернии. В 1893 году на базе «Торгового дома И. И. Алафузова» было образовано акционерное «Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов» (АФУЗО), которому летом 1894 года перешло все имущество наследников И. И. Алафузова, включая казанскую недвижимость. Правление «Торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов» в составе трех человек являлось коллегиальным исполнительным органом, оно разместилось в Санкт-Петербурге.

Председателем правления была вдова Ивана Ивановича, Лидия Алафузова, а членами правления — ее мать А. В. Кауль и брат И. И. Алафузова, Н. И. Алафузов (он же являлся директором-распорядителем). По некоторым сведениям, Л. А. Алафузова происходила из мещан г. Везенберг Эстляндской губернии, где проживал род православных немцев Кауль. Как и на предприятиях других губерний, в Казани был назначен главный доверенный — П. Т. Чесноков, который и управлял казанскими предприятиями Алафузовых [Габдрафикова, 2015, с. 43, 75].

В этот период значительно расширяется сфера предпринимательской деятельности, и, например, некоторые купеческие дочери и жены начинают заниматься типографским делом, книжной торговлей и т. п. Напри-

мер, в XIX — начале XX столетия в Казани действовала типография наследников М. А. Чирковой. В 1881 году была открыта типография купца В. М. Ключникова. В 1906 году он передал бизнес своей дочери И. В. Ермолаевой [Хадиев и др., 2019, с. 18—21].

Известной в книготорговле Казани была семья Дубровиных. В начале XX века дела вела потомственная почетная гражданка Праскева Дубровина, имевшая магазин на Воскресенской улице. Стоит отметить, что у нее были помощники. Например, в 1909 году она поручала дела своего магазина разночинцу О. Л. Двело [ГАРТ, ф. 1, оп. 4, д. 4157, л. 1]. Еще раньше ей помогала племянница Вера Степоняк. Она воспитывалась у П. А. Дубровиной, при этом по происхождению являлась крестьянкой Виленской губернии. С 1908 года 22-летняя Вера Викентьевна получила разрешение на открытие собственного книжного магазина, тоже на Воскресенской улице [ГАРТ, ф. 1, оп. 4, д. 2781, л. 8].

Некоторые купчихи в мануфактурно-бакалейных лавках пытались вести и торговлю книгами. Например, в 1901 году особое разрешение на этот вид предпринимательской деятельности хотела получить царевokokшайская купчиха 2-й гильдии Матрена Корепова. При этом доверенным выступал её сын — Н. Г. Корепов. Однако Кореповой в 1902 году было отказано в этой инициативе [ГАРТ, ф. 1, оп. 4, д. 520, л. 1, 4].

3.2. Предпринимательская деятельность дворянок

Пореформенная эпоха была временем нивелирования сословных границ, преформатирования установок различных социальных групп. Например, дворянки Казанской губернии часто были вынуждены заниматься предпринимательской деятельностью. Для них такая занятость являлась далеко не престижным занятием. Им приходилось закладывать собственные имения, брать кредиты, запускать какое-то предприятие и таким образом поддерживать свое материальное положение. Не всегда это выходило успешно, но помещицы старались адаптироваться к рыночным условиям.

Деятельность дворянок-предпринимательниц Казанской губернии была связана главным образом с сельским хозяйством — с реализацией и переработкой сырья. Некоторые из них внедряли новшества для повышения рентабельности хозяйства, в том числе закупали технику. О. М. Емельянова ввела в имении в Казанском уезде машинную обработку земли, разведение племенного скота. Помещица с. Шигалеево того же уезда З. Н. Головкинская разбила в имении яблоневый сад. Однако в 1902 году имение Зинаиды Николаевны было выставлено на продажу в счет уплаты долгов по кредиту из Дворянского банка [Миронова, 2014].

Некоторые дворянки организовывали кирпичные, винокуренные и другие производства. Причем они не всегда находились на территории

имения. Например, кирпичный завод дворянки А. П. Смирновой находился под Казанью. В Казанском уезде сразу несколько помещиц занимались коневодством. Так, конный рысистый завод был у М. П. Дьяченко (с. Чулпаново), А. Е. Высоцкой (с. Неялово), Е. В. Волковой (д. Старый Урмат) [Экономическое положение ..., 2022, с. 78, 245]. Возможно, такая специализация была связана с территорией Заказанья — традиционным районом проживания татар, которые были хорошими наездниками и отличались особым отношением к лошадям.

Интересен пример еще одной помещицы из Казанского уезда — Е. Н. Граве. В 1902 году ее имение было выставлено на продажу Дворянским банком. Судя по всему, дворянка таким образом искала финансовые ресурсы для развития винокурения в Спасском уезде. В начале XX века Екатерине Николаевне в с. Три-Озера этого уезда принадлежали заводы и рейнские погреба. Причем Трех-Озерское предприятие было арендовано у дворян Молоствовых. И под ее управлением оно достигло высоких оборотов вина в Казанской губернии. Конечно, не всем удавалось добиться впечатляющих успехов. У большинства предпринимательниц из дворянских семей предприятия были небольшими.

Материалы по экономической статистике и другие документы схожей направленности не дают развернутого представления об участии владельцев в функционировании своих предприятий. Судя по всему, хозяйственную работу за владельцев вели их управляющие. В этом смысле дворянская практика делегирования своих полномочий претерпела лишь некоторые изменения в пореформенную эпоху.

Показателен сюжет о Марии Казем-Бек, которая официально приступила к управлению собственным имением в Казанской губернии только после смерти управляющего в 1891 году [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 434, л. 9, 77].

3.3. Предпринимательская деятельность мещанок и крестьянок

Мелочной торговлей преимущественно занимались представительницы мещанского сословия. Они же держали мануфактурные, галантерейные и бакалейные лавки. Так, в 1899 году в Казани из 273 «женских» торгово-промышленных предприятий 119 занимались только продажей бакалейных товаров. Кроме того, немало было смешанных лавок, например, таких, где велась бакалейно-хлебная торговля. Вообще в пищевой промышленности губернского центра предпринимательниц было немало: они содержали пекарни, булочные, крендельные, столовые и другие заведения. Среди хозяек таких предприятий были женщины разных этноконфессиональных групп. В Старо-Татарской слободе г. Казани был десяток бакалейных лавок, принадлежавших татаркам-мусульманкам (Хадича Мулюкова, Бибиамал

Исхакова, Бибигайша Нугманова, Махубжамал Соловьева и др.). Две бакалейные лавки были у еврейской семьи Фурман, их хозяйками указаны Хая Гиршовна и Хая Песховна. Лавки довольно часто находились в том же доме, где проживали сами женщины. Например, немка Амалия Фабер продавала бакалейные товары на Академической улице. Любопытным был промысел у А. И. Юнг, которая предлагала минеральные воды на Большой Проломной. Кроме того, женские имена встречались и среди владельцев мясных и рыбных лавок. Например, в 1899 году в Казани было 9 таких рыбных лавок [Вся Казань ..., 1899, с. 196].

Обороты мелочных лавок, как правило, были скромными — не более 150 руб. в год. Но были примеры, когда мещанкам удавалось организовать торговлю с оборотом в несколько тысяч руб. в год. Общий оборот магазина мещанки Е. С. Горшеновой в Арске достигал 8000 руб., при этом все дела она вела самостоятельно [Экономическое положение ... 2022, с. 413].

Еще одним направлением женского бизнеса было изготовление одежды и аксессуаров. С развитием городской моды в крупных городах, в том числе в Казани, открывались магазины готового «дамского платья», а также швейные мастерские. Например, в 1899 году в Казани было зарегистрировано 20 женских предприятий, где предлагали «дамские платья» и «искусственные цветы». Среди владелиц были как русские женщины, так и немки, еврейки и представительницы других этнических сообществ (например, Белла Бурлянд, Ханна Нелькина, Магдалина Спориус и др.). Это было модное и быстро развивающееся направление. Также были отдельные беложенские мастерские. Менее прибыльным были прачечные, их тоже чаще содержали женщины. В том же 1899 году в Казани было зафиксировано 10 «женских» прачечных [Вся Казань ..., 1899, с. 224].

Также часто женщины мещанских и крестьянских сословий занимались содержанием постоянных дворов и трактиров. Как правило, это был семейный бизнес, управление которым ложилось на плечи женщин. По сведениям 1872 года, в Казанском и Царевококшайском уездах питейные заведения принадлежали 4 мещанкам. Заведения они открывали в собственных домах и специально арендованных для этих целей помещениях [Экономическое положение ..., 2022, с. 506].

По таким же свидетельствам на мелочную торговлю занимались предпринимательством крестьянки. Они содержали мельницы, постоянные дворы, мануфактурные, галантерейные и бакалейные лавки. Так, в 1904 году жительница д. Большие Ковали Шамсениса Ибрагимова значилась владелицей постоянного двора «с номерами и квартирами». Здание находилось в усадебном комплексе Усмановского медресе Казани. Сдача общественного помещения в аренду для торговой деятельности была распространен-

ной практикой. Например, в д. Служилая Ура Царевококшайского уезда владелицей мелочной лавки была супруга имама 1-й соборной мечети. Гарифа Нурмухаметова имела свидетельство на ведение мелочного торгога. Супруга муллы сама же и торговала в лавке. При этом годовой оборот лавки был довольно скромным — 120 руб., а прибыль и вовсе не превышала 35 руб. [Экономическое положение ..., 2022, с. 482].

По данным 1902 года, в Казанском уезде из 259 владельцев лавок 45 были женщинами. При этом большая их часть относилась к крестьянскому сословию — 31. Из числа последних 4 заведения имели оборот до 100 руб. в год, 17 — до 500, 5 — свыше 500, в 5 случаях обороты не указаны [Экономическое положение ..., 2022, с. 412—426].

В 1906 году среди 283 лиц из Казанского и Царевококшайского уездов, имевших промысловые свидетельства на торговые предприятия в Казани, были 52 женщины, все они состояли в крестьянском сословии. Вели они в основном хлебно-бакалейную торговлю (например, различные булочные, пряничные, лавки, продажа чая, сахара, круп и т. д.). Но встречались и другие товары [Экономическое положение ..., 2022, с. 430—457].

Также некоторые крестьянки и мещанки занимались книготорговлей. Например, в 1911 году крестьянка Чебоксарского уезда Б.-С. Халикова просила разрешения торговать книгами в Мариинском посаде [ГАРТ, ф. 1, оп. 4, д. 4954, л. 1], тогда же с аналогичной просьбой выступила и казанская мещанка Б.-Х. Хусаинова. Фактически делами предпринимательниц занимались доверенные лица. Например, Б.-Х. Хусаинова была дочерью книготорговца и издателя, после его смерти предприятие было оформлено на опекуна девушки, позднее её делами занимался муж А. Катеев [ГАРТ, ф. 1, оп. 4., д. 4927, л. 1, 11].

3.4. Предпринимательская деятельность женщин других социальных групп

В пореформенное время предпринимательством занимались и представительницы других социальных групп. Например, среди них было немало жен чиновников. Женщины из чиновничьих семей были владелицами водяных мельниц разной мощности, поташных, кирпичных заводов, типографий и фотосалонов, а также обычных торговых лавок [История Казани ..., 2004, с. 538]. Так, жена губернского секретаря В. Е. Григорьева открыла в с. Усады Казанского уезда магазин. Делами занимался наемный управляющий, в 1902 году оборот лавки составлял 4000 руб. В 1910 году получила разрешение на ведение в г. Ядрине книжной и писчебумажной торговли супруга надворного советника София Мышкина. В уездном городе она проживала с 1901 года, а переехала туда из Лаишевского уезда Казанской губернии [ГАРТ, ф. 1, оп. 4, д. 6963, л. 6].

Среди таких предпринимательниц тоже встречались вдовы. Например, жительнице Казани, вдове старшего городского архитектора, статского советника Н. О. Жуковской принадлежали 3 кирпичных завода в пригороде. Прибыль с двух предприятий составляла по 700 руб., с завода в д. Ометьево — 1200. Все три завода были сезонными и функционировали в течение 6 месяцев в году. Вдова коллежского советника Гросс в 1908 году владела небольшой типо-литографией в Казани. Это было очень маленькое предприятие с 1 рабочим и 4 мастеровыми, а производительность составляла всего 600 руб. Для сравнения: типография казанского губернского правления в этот период производила на 33 805 руб. [История Казани..., 2004, с. 537].

В связи с общими тенденциями модернизации на рубеже XIX—XX веков появляются новые виды услуг и товаров. Наряду с типографиями и банковским делом открываются фотосалоны, зубоврачебные кабинеты, развивается сфера частного образования. Во всех этих начинаниях нередко принимали участие и женщины. Среди них встречались и дворянки, и крестьянки, а также представительницы других социальных групп.

Например, владелицей известного фотосалона в Казани на Черном озере была жена губернского секретаря Анна Вяткина. Её муж был дворянского происхождения, работал учителем рисования в Чебоксарах и Казани. Они открыли первый фотосалон в 1857 году, второе заведение работало в 1871 году и официально принадлежало А. П. Вяткиной. Она продолжала вести дела в двух фотосалонах и после смерти мужа в 1896 году. Впоследствии бизнес перешел дочери Людмиле Быковой. Всего в Казани с конца XIX до начала XX веков было 12 владельцев фотоателье. Среди них были представительницы разных сословий, в том числе иногородние (например, из Тифлиса, Томска, Смоленска и т. д.) [Идрисова, 2013, с. 257—309].

Новым направлением стали стоматологические услуги. Женщины, имевшие звание зубных врачей, открывали в Казани зубоврачебные кабинеты. Например, в 1902 году получила разрешение на такое заведение Дора Кисина [ГАРТ, ф. 2, оп. 5, д. 1300, л. 7], в 1910 — Анастасия Ткачева [ГАРТ, ф. 2, оп. 5, д. 1702, л. 2] и Наталия Воскресенская. Интересно, что последняя была дочерью профессора богословия Казанского университета А. В. Смирнова. Она собиралась открыть кабинет в доме своего отца на улице Касаткина [ГАРТ, ф. 2, оп. 5, д. 1694, л. 5]. Большинство таких зубоврачебных кабинетов размещалось на самой торговой улице города — Большой Проломной. Показателем того, что зубоврачебное дело было довольно прибыльным, является и развитие частного образования в этой области. Например, еще в 1900 году хотела открыть в Казани зубоврачебную школу зубной врач Эсфирь Цыпкина. Однако с 1899 года в городе уже работала

аналогичная школа О. Н. Натансона, и ей было отказано в открытии данного учебного заведения [ГАРТ, ф. 92, оп. 2, д. 365, л. 7].

Как уже упоминалось выше, представительницы некоторых сословных званий имели льготы на ведение торговли. Среди них были жены и дочери нижних военных чинов. Однако предпринимательниц из числа дочерей и жен солдат в Казанской губернии было не много. Так, по данным 1872 года, в Казанском и Царевококшайском уездах только 3 солдатки держали питейные заведения — в селениях Чурилово, Куюк и Шиньши [Экономическое положение ..., 2022, с. 534].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, предпринимательскую деятельность вели представительницы всех сословий Казанской губернии. Прежде всего, в сфере торговли и производства были заняты купеческие жены и дочери. Это было продолжением их семейных и сословных традиций, частью образа жизни. Они вели торговые операции, открывали предприятия в городах и в сельской местности. В Казанской губернии в сфере женского предпринимательства существенной была роль различных этноконфессиональных сообществ (татар-мусульман, старообрядцев и т. д.). Купчихи и мещанки занимались торгово-посреднической деятельностью по реализации продуктов, мануфактурных товаров, открывали производства широкого ассортимента. Кроме того, представительницы купеческого сословия выступали учредительницами различных торговых домов и акционерных обществ. В 1915 году в составе 30 % товариществ Казанской губернии присутствовали женщины.

Главами крупных предприятий в Казани были Е. С. Прибыткова, М. М. Тихомирова, Л. А. Алафузова, А. А. Печенкина-Заусайлова и другие. Доверенными лицами могли выступать наемные приказчики и ближайшие родственники.

Центрами предпринимательской деятельности дворянок становились поместья. Они продавали сельскохозяйственную продукцию, преимущественно зерно и муку. Хотя большая часть доходов уходила на повседневные нужды и на расходы по хозяйству, имения носили товарный характер. Дворянки развивали мукомольное производство, животноводство, садоводство. Наличие крупной земельной собственности и сельскохозяйственной специализации Казанской губернии облегчало интеграцию помещиц в предпринимательское пространство, а банковские ссуды и продажа части земель позволяли продолжить хозяйственную деятельность.

Если дворянки и родственницы мелких чиновников пытались при помощи предпринимательства найти источники дохода, то немного другим

было отношение к данным занятиям у представительниц купеческого, мещанского и крестьянского сословий. Они продолжали семейное дело, и такая социальная роль для многих из них была привычной. Крестьянки были заняты в основном торгово-ремесленной деятельностью. Это была мелочная торговля — в собственных домах, на арендованных лавках, базарах и ярмарках. Характерно, что женщины занимались производством и реализацией не только товаров домашнего обихода и пищевых продуктов, но также владели предприятиями в более прибыльных «мужских» отраслях, включая сферу строительства и ремонта.

На рубеже XIX—XX веков появляются новые виды предпринимательства, которые были освоены и женщинами (банковское дело, типографии, фотоателье, стоматологические услуги и т. п.). Все это показывает активное участие женщин в социально-экономическом развитии страны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Вся Казань*. Адресная и справочная книга с приложением плана города / Под ред. Н. Г. Шебуева. — Казань : Пассаж, 1899. — 598 с.

2. ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 1 (Канцелярия казанского губернатора). Оп. 4. Д. 4927. Л. 1 ; Ф. 1. Оп. 4. Д. 4954. Л. 1 ; Ф. 1. Оп. 3. Д. 6513. Л. 1 ; Ф. 1. Оп. 4. Д. 2782. Л. 8 ; Ф. 1. Оп. 4. Д. 4157. Л. 1 ; Ф. 1. Оп. 4. Д. 520. Л. 1 ; Ф. 1. Оп. 4. Д. 6963. Л. 6 ; Ф. 2 (Казанское губернское правление). Оп. 5. Д. 1300. Л. 7 ; Ф. 2. Оп. 5. Д. 1694. Л. 5 ; Ф. 2. Оп. 5. Д. 1702. Л. 2 ; Ф. 2. Оп. 7. Д. 1185. Л. 1, 11—12, 18, 25 об. ; Ф. 41 (Казанский окружной суд). Оп. 4. Д. 1781. Л. 57 ; Ф. 92 (Попечитель Казанского учебного округа). Оп. 2. Д. 365. Л. 7.

3. *История Казани*. XX век. Сборник документов / Ред. и предисл. Р. У. Амирханов. — Казань : Магариф, 2004. — 711 с. — ISBN 5-7761-1323-7.

4. *Предпринимательство* // Российский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2000. — С. 1242.

5. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной). Оп. 34. Д. 215. Л. 1.

6. *Сборник сведений* о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). — [2-е изд.]. — Петроград : Отд. торговли М-ва торговли и пром-сти, 1915. — 832 с.

7. *Экономическое положение* сельского населения Заказанья (XIX — начало XX века) : сборник документов и материалов / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата Х. З. Багаутдинова. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. — 596 с. — ISBN 978-5-94981-375-1.

8. *Яков Филиппович Шамов* : дар жителям Казани (К 100-летию Шамовской больницы). Сборник документов и материалов / Отв. ред. Л. В. Горохова ; сост. : О. В. Федотова, Н. А. Шарангина ; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова. — Казань : Гасыр, 2008. — 160 с. — ISBN 978-5-93001-035-0.

Литература

1. *Габдрафикова Л. Р.* Фирма Алафузова (вторая половина XIX — начало XX века) : промышленная история России / Л. Р. Габдрафикова, Б. И. Измаилов, Р. Р. Салихов. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — 276 с. — ISBN 978-5-94981-194-8.
2. *Гибадуллин М. З.* Предпринимательство в Казанской губернии (вторая половина XIX в.) / М. З. Гибадуллин // Научный Татарстан. — 2011. — № 4. — С. 109—123.
3. *Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана* / Гл. ред. Д. Ф. Тямсаева. — Казань : Яналиф, 2001. — Т. 1. — 285 с. — ISBN 5-94352-002-3.
4. *Идрисова Р. Р.* Становление и развитие фотографического дела в Казани и Казанской губернии : 1843—1918 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Р. Р. Идрисова. — Казань, 2013. — 360 с.
5. *Корева Н. А.* Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. / Н. А. Корева. — Казань : Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2019. — 399 с. — ISBN 978-5-902375-49-4.
6. *Лизунов П. В.* Банкирский дом, который «лопнул» / П. В. Лизунов // Экономическая история. — Ежегодник. — 2009. — С. 11—32.
7. *Миронова Е. В.* Предпринимательская деятельность провинциальных дворянок во второй половине XIX — начале XX века / Е. В. Миронова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 4—2. — С. 135—137.
8. *Могильникова Г.* Благотворительница : [О. С. Александрова-Гейнс] / Г. Могильникова // Казань. — 2015. — № 7. — С. 68—69.
9. *Орлов А. Н.* Чистопольские купцы-старопорцы Чельшевы — создатели и благотворители / А. Н. Орлов // Традиции старообрядческой благотворительности : сборник материалов Республиканской научно-практической конференции с международным участием «Традиции старообрядческой благотворительности», посвященной памяти Якова Филипповича Шамова (1833—1908), Казань — Чистополь, 3—4 октября 2018 года / под ред. И. Е. Алексеева [и др.]. — Казань : Бриг, 2019. — С. 240—244.
10. *Подольская М.* Повесть не о Шамовской больнице / М. Подольская // Казань. — 2012. — № 4. — С. 121—136.
11. *Поселягина Л. В.* Интеграция благотворительности и эстетического воспитания в деятельности российских предпринимателей / Л. В. Поселягина // VI Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности : сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 25—26 марта 2021 г. / редколлегия : Ю. В. Андреева [и др.]. — Казань : Издательство Казанского университета, 2021. — С. 292—294. — ISBN 978-5-93962-756-6.
12. *Салихов Р. Р.* Служилая Ура : рождение татарского капитализма / Р. Р. Салихов. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — 280 с. — ISBN 978-5-94981-203-7.
13. *Салихов Р. Р.* Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX — начала XX в. / Р. Р. Салихов. — Казань : Мастер Лайн, 2001. — 123 с. — ISBN 5-93139-091-X.
14. *Свердлова Л. М.* Купечество Казани : дела и люди / Л. М. Свердлова. — Казань : Магбугат йорты, 1998. — 168 с.

15. Ульянова Г. Н. Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX века / Г. Н. Ульянова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 352 с. — ISBN 9785444816486.

16. Федосеев Р. В. Состояние вспомогательных отраслей дворянской промышленности Среднего Поволжья во второй половине XIX века / Р. В. Федосеев // Инновационная наука. — 2016. — № 11—3. — С. 65—68.

17. Хадиев И. Г. Татарская книга / И. Г. Хадиев, Р. Ф. Марданов. — Казань : Татар. книжн. изд-во, 2019. — 102 с. — ISBN 978-5-298-03796-9.

Статья поступила в редакцию 23.08.2025,
одобрена после рецензирования 14.10.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.

Material resources

Amirkhanov, R. U. (ed.). (2004). *The history of Kazan. The twentieth century. Collection of documents*. Kazan: Magarif. 711 p. ISBN 5-7761-1323-7. (In Russ.).

Collection of information about trading houses operating in Russia (full and faith-based partnerships). [2nd ed.]. (1915). Petrograd: Department of Trade of the Ministry of Trade and Industry. 832 p. (In Russ.).

GARTH — *The State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 1 (Office of the Kazan Governor)*. (In Russ.).

Gorokhov, L. V. (ed.). (2008). *Yakov Filippovich Shamov: a gift to the people of Kazan (On the occasion of the 100th anniversary of the Shamovskaya Hospital)*. Collection of documents and materials. Kazan: Gasyr. 160 p. ISBN 978-5-93001-035-0. (In Russ.).

Prokhorov, A. M. (ed.). (2000). Entrepreneurship. In: *The Russian Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Great Russian Encyclopedia. P. 1242. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1286 (Executive Police Department)*. Op. 34. D. 215. L. 1. (In Russ.).

Shebuev, N. G. (ed.). (1899). *The whole of Kazan. Address and reference book with the city plan application*. Kazan: Passage. 598 p. (In Russ.).

The economic situation of the rural population of Zakazan (XIX — early XX century): a collection of documents and materials. (2022). Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 596 p. ISBN 978-5-94981-375-1. (In Russ.).

References

Fedosееv, R. V. (2016). The state of auxiliary branches of the noble industry of the Middle Volga region in the second half of the 19th century. *Innovative Science*, 11—3: 65—68. (In Russ.).

Gabdrafikova, L. R., Izmailov, B. I., Salikhov, R. R. (2015). *The Alafuzov firm (the second half of the 19th — early 20th century): an industrial history of Russia*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 276 p. ISBN 978-5-94981-194-8. (In Russ.).

Gibadullin, M. Z. (2011). Entrepreneurship in the Kazan province (the second half of the nineteenth century). *Scientific Tatarstan*, 4: 109—123. (In Russ.).

Idrisova, R. R. (2013). *The formation and development of the photographic business in Kazan and the Kazan province: 1843—1918*. PhD Diss. Kazan. 360 p. (In Russ.).

- Khadiyev, I. G., Mardanov, R. F. (2019). *Tatar book*. Kazan: Tatar. the book. publishing house. 102 p. ISBN 978-5-298-03796-9. (In Russ.).
- Koreeva, N. A. (2019). *Trade and industrial activity of the Tatar merchants of Kazan province in the last quarter of the XVIII — first half of the XIX century*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 399 p. ISBN 978-5-902375-49-4. (In Russ.).
- Lizunov, P. V. (2009). The banking house that “burst”. *Economic history. Yearbook*. 11—32. (In Russ.).
- Mironova, E. V. (2014). Entrepreneurial activity of provincial noblewomen in the second half of the 19th — early 20th century. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 4—2: 135—137. (In Russ.).
- Mogilnikova, G. (2015). Philanthropist: [O. S. Alexandrova-Gaines]. *Kazan*, 7: 68—69. (In Russ.).
- Orlov, A. N. (2019). Chistopol merchants-Old Believers Chelyshevs — creators and benefactors. In: *Traditions of Old Believers charity: collection of materials of the Republican scientific and practical conference with international participation “Traditions of Old Believers charity” dedicated to the memory of Yakov Filippovich Shamov (1833—1908), Kazan — Chistopol, October 3—4, 2018*. Kazan: Brig. 240—244. (In Russ.).
- Podolskaya, M. (2012). The story is not about the Shamovskaya hospital. *Kazan*, 4: 121—136. (In Russ.).
- Salikhov, R. R. (2001). *Tatar bourgeoisie of Kazan and national reforms of the second half of the XIX — early XX century*. Kazan: Master Line. 123 p. ISBN 5-93139-091. (In Russ.).
- Salikhov, R. R. (2015). *Military Hurrah: the birth of Tatar capitalism*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 280 p. ISBN 978-5-94981-203-7. (In Russ.).
- Selyagina, L. V. (2021). Integration of charity and aesthetic education in the activities of Russian entrepreneurs. In: *VI Andreevsky readings: modern concepts and technologies of creative self-development of personality: collection of articles by participants of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Kazan, March 25—26, 2021*. Kazan: Kazan University Press. 292—294. ISBN 978-5-93962-756-6. (In Russ.).
- Sverdlova, L. M. (1998). *Merchants of Kazan: deeds and people*. Kazan: Matbugat yorty. 168 p. (In Russ.).
- Tyamaev, D. F. (ed.). (2001). *Golden pages of merchants, industrialists and entrepreneurs of Tatarstan, I*. Kazan: Yanalif. 285 p. ISBN 5-94352-002-3. (In Russ.).
- Ulyanova, G. N. (2021). *Merchants, noblewomen, magnates: Women entrepreneurs in Russia of the XIX century*. Moscow: New Literary Review. 352 p. ISBN 9785444816486. (In Russ.).

*The article was submitted 23.08.2025;
approved after reviewing 14.10.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Егоров А. И. Сотрудничество СССР и ФРГ в экономическом секторе (1985—1989) / А. И. Егоров // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 446—465. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-446-465.

Egorov, A. I. (2025). Economic Cooperation between USSR and West Germany (1985–1989). *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 446–465. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-446-465. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сотрудничество СССР и ФРГ в экономическом секторе (1985—1989)

Егоров Александр Игоревич

orcid.org/0000-0001-5967-7858

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой “Экономика
и гуманитарные дисциплины”
dr.egoroff-al2017@mail.ru

Нижегородский государственный
технический университет
им. Р. Е. Алексеева
(Нижний Новгород, Россия)

Economic Cooperation between USSR and West Germany (1985–1989)

Alexander I. Egorov

orcid.org/0000-0001-5967-7858

Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department
of Economics and Humanities
dr.egoroff-al2017@mail.ru

Nizhny Novgorod State
Technical University
named after R. E. Alekseev
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию хода экономического взаимодействия СССР и ФРГ в период 1985—1989 годов. Выявляются предпосылки углубления советско-западногерманского хозяйственного сотрудничества. Комплексно анализируются такие прогрессивные формы экономических отношений, как производственная кооперация, совместные предприятия и научно-техническое сотрудничество. Определяется вклад западногерманского малого и среднего бизнеса в развитие хозяйственных связей с партнерами из СССР. Устанавливается специфика регионального размещения компаний (земли Баден-Вюртемберг, Северный Рейн-Вестфалия, Бавария, Шлезвиг-Гольштейн, Саар), связавших с советскими предприятиями наиболее тесные деловые отношения. Акцентируется внимание на поддержке, оказанной земельными властями своим компаниям, развивавшим производственную кооперацию с советскими предприятиями. Показана динамика роста совместных советско-западногерманских предприятий на территории СССР, определены позиции сторон по вопросу об определении главных отраслевых направлений их деятельности. Выявлены трудности и преграды на пути развития совместных предприятий. Рассмотрены приоритетные формы советско-западногерманского научно-технического сотрудничества, включая лицензионно-патентный обмен, участие в выставках и ярмарках, совместные научные разработки. Подчеркивается, что возможности двустороннего научно-технического сотрудничества не были исчерпаны.

Ключевые слова:

СССР; ФРГ; экономические отношения; производственная кооперация; научно-техническое сотрудничество.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the course of economic interaction between the Soviet Union and West Germany during the period from 1985 to 1989. It identifies the preconditions for deepening Soviet-West German economic cooperation and provides a comprehensive analysis of progressive forms of economic relations such as production cooperation, joint ventures, and scientific-technical collaboration. The contribution made by small and medium-sized West German businesses in developing trade ties with their Soviet counterparts is highlighted. Specific attention is given to regional patterns of company location (Baden-Württemberg, North Rhine-Westphalia, Bavaria, Schleswig-Holstein, Saarland) that established particularly close business relationships with Soviet enterprises. Emphasis is placed on support provided by state authorities to companies engaged in productive cooperation with Soviet firms. The dynamics of growth in Soviet — West German joint ventures within the territory of the USSR are demonstrated, along with positions taken by both sides regarding key industrial sectors for these collaborations. Difficulties and obstacles encountered in the development of joint ventures are also explored. Priority areas of Soviet — West German scientific-technical cooperation are discussed, including licensing agreements, participation in exhibitions and fairs, and collaborative research projects. It is noted that opportunities for bilateral scientific-technical exchange remained largely untapped.

Key words:

USSR; Federal Republic of Germany; economic relations; production cooperation; scientific-technical cooperation.

УДК 94:339(47+430)“1985/1989”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-446-465

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сотрудничество СССР и ФРГ в экономическом секторе (1985—1989)

© Егоров А. И., 2025

1. Введение = Introduction

На современном этапе одним из ключевых внешних факторов, оказывающих сдерживающее влияние на развитие российской экономики, является санкционная политика Европейского союза. Она включает меры, осуществляемые в ряде стратегически важных секторов (энергетика, банковская сфера, промышленность), что, безусловно, служит серьезным препятствием на пути развития экономического сотрудничества РФ как с ЕС в целом, так и с его отдельными странами.

Такая ситуация порождена рядом негативных обстоятельств. В первую очередь следует упомянуть о разногласиях политического характера. В силу преобладания конфронтационного курса, проводимого национальными властями стран и институтами ЕС в отношении России, создание долгосрочных хозяйственных партнерств с западными компаниями оказалось затруднено.

Также нужно учитывать, что в настоящее время международная экономическая система вступила в фазу нестабильности, что сопровождается кризисом прежних многосторонних и двусторонних механизмов поддержания мирохозяйственных связей.

Ввиду этого возникает необходимость переосмысления экономических отношений РФ со своими важнейшими партнерами на европейской арене, к числу которых относится ФРГ. Оглядываясь в прошлое, можно с уверенностью заявить о том, что российско-германские отношения обладают богатым наследством в виде советско-западногерманского экономического сотрудничества. В его ходе как органы государственной власти, так и частные компании определили сильные и слабые стороны друг друга, обозначили круг вопросов, составивших актуальную повестку дня, сформировали несколько устойчивых традиций в сфере регулирования и поддержания деловых связей.

В настоящей статье исследуются важнейшие формы и практики экономических отношений между СССР и ФРГ в период 1985—1989 годов —

противоречивого этапа, в ходе которого были достигнуты немалые успехи в рамках хозяйственного взаимодействия, но вместе с тем не удалось раскрыть весь потенциал двустороннего сотрудничества.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для полноценного освещения исследуемой темы автором были привлечены источники, изданные на русском и немецком языках. Среди них следует выделить статистические и справочные материалы, в которых содержатся официальные данные, характеризующие состояние советско-западногерманских экономических связей в период 1985—1989 годов. Были использованы документы советско-западногерманских межгосударственных консультаций на высшем уровне и сведения, почерпнутые из СМИ различной идеологической направленности. В статье нашла отражение информация, содержащаяся в мемуарах Ф. В. Кристианса [Кристианс, 1990] и отразившая специфику подхода крупного финансиста к работе с советскими партнерами.

При написании данной статьи автор опирался на работы отечественных и зарубежных ученых. Данные исследования представляют собой монографии и научные статьи, посвященные различным аспектам сотрудничества СССР и ФРГ в секторе экономики. Их изучением в разное время плодотворно занимались отечественные исследователи [Ватлин, 2002; Максимова, 1988; Максимычев, 2014; Моторин, 1989; Новик, 1987; Павлов, 2017; Четвертной, 1989; Шибаев, Рубцов, 1988; Юданов, 1988; Юданов, 1990; Schenajew, 1999], убедительно доказавшие, что развитие экономических отношений с ФРГ отвечало интересам производителей и потребителей в СССР. Ценность трудов вышеуказанных ученых заключается также в определении и анализе основополагающих проблем, вокруг которых строились советско-западногерманские экономические отношения. Наиболее важным подспорьем с информативной точки зрения при изучении экономического сотрудничества между СССР и ФРГ послужила монография Л. М. Четвертной, автор которой, в течение нескольких лет проработавший в торговом представительстве СССР в Западной Германии, на основе обширного фактического материала и личных впечатлений, проследил развитие советско-западногерманских экономических отношений после подписания в 1970 году Московского договора, рассмотрел важнейшие формы экономического сотрудничества вплоть до 1985 года, определил условия и перспективы их совершенствования.

Несомненен значительный вклад зарубежной историографии в исследование заявленной проблемы. В англо- и немецкоязычной монографиях Д. Шумейкера [Shumaker, 1995] и В. Эггера [Eggers, 1988], а также статье

Х. Тиммерманна [Timmermann, 1987] уделялось внимание влиянию советской перестройки на ход двустороннего экономического сотрудничества. Широкий спектр вопросов, характеризующий советско-западногерманские хозяйственные связи, поднял М. Поль [Pohl, 1988]. Один из ведущих исследовательских центров в лице Федерального института по изучению Востока и международных отношений (г. Кельн) изучал проблему учреждения и функционирования на территории СССР совместных предприятий с участием западногерманского капитала [Meier 1989]. Несмотря на сдержанные оценки, авторы вынужденно признавали заинтересованность ключевых субъектов (государства и бизнеса) в налаживании и поддержании устойчивых отношений с СССР в секторе экономики.

Вопросы советско-западногерманских отношений в ходе совместной реализации хозяйственных проектов различных масштабов рассматривались на страницах журналов *Osteuropa-Wirtschaft*, *Aussenpolitik*, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, *Blätter für deutsche und internationale Politik*, издававшихся соответственно в Штутгарте, Гамбурге, Бонне и Кельне. Среди авторов статей можно выделить А. Лебана [Lebahn, 1988], Р.-Д. Мюллера [Müller, 1988], Г. Тандлера [Tandler, 1989], Х.-А. Якобсена [Jacobsen, 1988; Jacobsen, 1989], исследовавших внутренние и внешние факторы, оказавшие существенное влияние на ход советско-западногерманского экономического сотрудничества.

В целом изучению отношений между СССР и ФРГ в хозяйственном секторе уделялось весьма пристальное внимание. Это неудивительно ввиду понимания исследователями важности осмысления экономических отношений между двумя крупными державами, обладавшими разнообразными инструментами влияния на ситуацию не только на европейском континенте, но и на мировой арене в целом. Вместе с тем необходимо провести комплексное научное исследование, посвященное анализу наиболее эффективных форм советско-западногерманских экономических отношений в период 1985—1989 годов.

При подготовке настоящей работы использовался проблемно-хронологический метод, позволивший изучить проблему советско-западногерманского экономического сотрудничества в последовательности ее развития; с помощью статистического метода автор осуществил сбор, обобщение, анализ и интерпретацию данных, на основе которых было построено исследование; при анализе перемен, произошедших в ходе хозяйственного взаимодействия СССР и ФРГ, применялся метод сравнительно-исторического анализа. Для выявления причин, объясняющих заинтересованность обеих сторон в развитии наиболее эффективных форм экономического сотрудничества, оказался востребованным историко-генетический метод.

Индуктивный метод помог автору обобщить собранные факты и сделать вытекающие из них выводы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Производственная кооперация

Речь идет о долгосрочной форме организации экономических отношений, основанной на специализации каждого из партнеров в производстве отдельных компонентов конечного промышленного продукта или другого изделия. Производственная кооперация включает в себя взаимное обеспечение такими компонентами с целью изготовления изделия для внутренних потребностей или сбыта на внешних рынках, равно как и другие стадии, предшествующие или следующие за стадией производства (научные исследования, сбыт, техническое обслуживание).

Для развития советско-западногерманской производственной кооперации имелись следующие благоприятные предпосылки: географическая близость, наличие развитых транспортных систем, взаимодополняемость отраслей экономики, обоюдная заинтересованность в расширении деловых связей. Кооперация приносила ощутимый экономический эффект, позволяя повысить производительность труда в 3—5 раз, степень автоматизации производства — от 10 до 50 %, снизить себестоимость продукции на 30—50 % [Экономические отношения ..., 1983, с. 156].

Привлекательность этой формы экономических отношений дополнялась рядом обстоятельств. Советскому Союзу она предоставляла возможность использовать технический опыт и производственные достижения партнеров для решения задачи расширения номенклатуры собственного экспорта, найти устойчивые источники пополнения валютных резервов путем совместного выхода на рынки третьих стран [Lebahn, 1988, S. 120]. В свою очередь, путем участия в кооперации западногерманские компании получали возможность снизить издержки производства за счет перемещения выпуска наиболее трудоемкой части продукции на территорию СССР и концентрации собственных усилий на самых ответственных и технологически сложных направлениях. При этом удавалось экономить значительные средства, получая от советского партнера некоторые виды продукции (сырье, полуфабрикаты, готовые изделия) на более выгодных, чем на внутреннем и внешних рынках, условиях.

О развитии двустороннего сотрудничества в форме производственной кооперации в период 1985—1989 годов говорят следующие цифры: в 1985 году действовали 14 двусторонних соглашений на базе производственной кооперации, а к концу 1989 года их стало уже 38. При этом активно сотрудничавшие ранее с советскими предприятиями крупные западногерманские

концерны уступили свое место малым и средним компаниям с относительно небольшим числом занятых (до 500 человек) и годовым оборотом до 100 млн дойчмарок, сумевшим в сжатые сроки приспособиться к реалиям советского рынка, найти устойчивый спрос на свою продукцию и услуги.

Региональное размещение западногерманских компаний, завязавших сотрудничество в форме производственной кооперации с советскими предприятиями, имело свою специфику. Подавляющее большинство таких компаний располагалось в наиболее развитых в экономическом и технологическом плане землях ФРГ, а именно Баден-Вюртемберге, Северном Рейн-Вестфалии, Баварии, Шлезвиг-Голштейне, Сааре. При этом существенную поддержку производственной кооперации оказывали земельные премьер-министры, независимо от их партийной принадлежности.

Во время визита в Москву (февраль 1988 года) премьер-министром земли Баден-Вюртемберг (ХДС) Л. Шпэта была создана рабочая группа по сотрудничеству в области станкостроения. Для обеспечения информационной поддержки совместных проектов предполагалось открыть в Ленинграде и Штутгарте соответствующие деловые центры. В этом же году состоялось подписание соглашений в области производственной кооперации с концерном «Даймлер-Бенц». Перспективные направления сотрудничества включали модернизацию оборудования для легковых автомобилей, разработку новых технологий в сфере промышленного производства, помощь в выходе советской стороны на западногерманский рынок ноу-хау.

В конце ноября 1989 года в Москве состоялись информационные дни земли Северный Рейн-Вестфалия. Председатель западногерманской делегации, премьер-министр земли Й. Рау (СДПГ) и руководители Госплана СССР подписали соглашение о реализации крупных проектов в области производства техники для защиты окружающей среды на общую сумму 15 млрд дойчмарок [Информационные дни ..., 1989, с. 17]. Среди подписавших это соглашение оказались флагманы западногерманского бизнеса, в том числе «Маннесман», «Крупп», «Тиссен».

Несмотря на стойкие антикоммунистические убеждения, премьер-министр земли Бавария Ф. Й. Штраус (ХСС) активно содействовал развитию производственной кооперации с советскими предприятиями. В ходе визита советской делегации в ноябре 1987 года в Мюнхен и ответного визита баварской делегации в начале 1988 года в Москву земельное правительство Баварии обязалось оказать содействие заключению соглашений о производственной кооперации в области машиностроения, транспортной техники, электроники [Ланг, 1988, с. 8].

В целом же на протяжении 1985—1989 годов нашли применение такие формы советско-западногерманской производственной кооперации, как

организация совместного производства на основе закупок лицензий (сотрудничество с компанией «Вагенер Швельм» в производстве нового типа прессового оборудования для автоматизации работ в угольной промышленности в подземных условиях, с компаниями «Тиссенхюттенверке», «Хеш» и «Штеркраде» в производстве модернизированной системы испарительного охлаждения доменных печей, с компанией «Эберхард Хэшштаркозе» в создании фильтр-прессов для очистки сточных вод); сделки, предусматривавшие вначале совместное инженерное конструирование предмета кооперации, а затем организацию его производства и сбыта (например, сотрудничество с компаниями «Гильдемайснер» — по токарным автоматам, «Кизерлинг» и «Либхерр» — по металлообрабатывающим станкам и механическим прессам, «Пфафф» — по промышленным швейным машинам); сделки на основе согласования спецификаций узлов и деталей, которые производила каждая сторона и затем поставляла партнеру (соглашение о совместном производстве бетономешалок и бетононасосов, согласно которому западногерманская компания «Штеттер» производила гидравлическую часть, а советское предприятие — остальные агрегаты); кооперация в производстве готовых изделий (при такой форме кооперации совместному производству продукции предшествовало проведение совместных научных исследований. Примером являлось сотрудничество с компанией «Порше», которое способствовало разработке технологии и конструкции для изготовления автомобиля «ВАЗ-2108», а также с фирмой «Ханомэг», позволившее модернизировать продукцию Челябинского тракторного завода).

3.2. Совместные предприятия

По своей сути совместное предприятие являлось партнерством, союзом, в силу которого несколько компаний (или две) создавали новую самостоятельную организацию для ведения совместной производственно-экономической деятельности, в которой принимали участие все партнеры. При этом каждый из них вносил существенный вклад в уставный фонд в виде технологий, персонала, денежных средств. Также партнеры совместно осуществляли владение, управление и распределение прибыли, несли риски предпринимательской деятельности.

Обе страны — как СССР, так и ФРГ — оказались заинтересованы в создании совместных предприятий. С советской стороны эта заинтересованность определялась стоящей перед страной задачей реформирования экономики. Производительные силы СССР во второй половине 1980-х годов остро нуждались в реконструкции и модернизации (в ряде отраслей — в коренном обновлении), а значит, в новых крупных капиталовложениях, мобилизовать которые в сжатые сроки внутри страны не представлялось возможным. В связи с этим совместные предприятия рассматривались

в качестве одного из инструментов привлечения иностранного капитала в активной (производительной) форме, а вместе с ним — передовых научно-технических и технологических достижений. В свою очередь западногерманские промышленники и предприниматели с помощью участия в деятельности совместных предприятий стремились закрепиться на советских рынках сбыта.

Первые шаги, совершенные в ходе своего становления советско-западногерманскими предприятиями, вызвали оживленную дискуссию по определению главных отраслевых направлений их деятельности. Органы советской власти, руководствуясь интересами государства, акцентировали внимание на следующих группах товаров: товары народного потребления, медицинская техника и медикаменты, наукоемкая продукция. Западногерманские же деловые партнеры расставляли приоритеты иначе, считая наиболее перспективными отраслями машиностроение и химию, являвшиеся флагманами экономики ФРГ. В условиях, когда спрос на продукцию указанных отраслей обнаруживал тенденцию к росту, такое положение должно было обеспечить советско-западногерманским предприятиям конкурентные преимущества на перспективных рынках сбыта.

Внимание ряда западногерманских бизнесменов было приковано также к сферам инфраструктуры и легкой промышленности, в которых окупаемость проектов достигалась в более сжатые сроки. В этом случае совместные предприятия ориентировались прежде всего на советский рынок сбыта, который в это время испытывал дефицит товаров и услуг.

Динамика роста числа советско-западногерманских совместных предприятий на территории СССР такова. С января 1987 по март 1988 года появились первые 7 совместных предприятий. В их создании приняли участие такие западногерманские компании, как «Хайнеманн Maschinen унд Анлагенбау ГмбХ», «Саламандер экспорт-импорт ГмбХ», «Минеральойл Роштофф Хандель», «Феррошталь», «Либхерр». К июню 1988 года число советско-западногерманских предприятий на территории СССР выросло до 11, к октябрю 1988 года — до 14, к марту 1989 года — до 47, а к августу 1989 года — до 142.

Общий уставный фонд советско-западногерманских совместных предприятий на август 1989 года составил около 500 млн руб., а средняя величина уставного фонда — 3,5 млн руб. Вклад западногерманских компаний в уставный фонд оценивался в чуть более 120 млн руб. Для сравнения отметим, что соответствующие показатели совместных предприятий СССР—США составляли на тот же период 362,5; 2,9 и 80 млн руб., СССР—Финляндия — 218,8; 2,3 и 60,5 млн руб., СССР—Великобритания — 106,4; 1,9 и 30 млн руб. [Meier, 1989, S. 29]. Эти цифры свидетельствовали о том, что

западногерманские компании проявили больший интерес к созданию совместных предприятий, чем фирмы других развитых стран.

На территории СССР совместные предприятия с западногерманскими партнерами были учреждены преимущественно в следующих отраслях: НИОКР, инжиниринговые, консультационно-посреднические услуги и подготовка кадров — 32,7 %; машиностроительный комплекс (кроме производства персональных электронно-вычислительных машин, иначе ПВЭМ) — 21,9 % от общего числа; производство ПВЭМ и программного продукта — 12,7 %; социальный комплекс: торговля, общественное питание, медицина, легкая промышленность — около 10 %.

Крупнейшим предприятием являлся «Хоматек» — один из первопроходцев советско-западногерманского предпринимательства на территории СССР. Основавшие его ПО Станкостроительный завод им. С. Орджоникидзе и фирма «Хайнеманн Машинен унд Анлагенбау ГмбХ» несколько лет подряд занимались изучением потенциальных конструктивных и технических возможностей друг друга. В 1985 году на всемирной станкостроительной выставке в Ганновере они представили созданные общими усилиями гибкие производственные модули [Яхонтов, 1987, с. 6]. Работа над токарным обрабатывающим центром привела к тому, что в 1986 году партнеры подписали соглашение о кооперации в области производства и сбыта продукции. Формирование на территории Советского Союза необходимой нормативно-правовой базы позволило приступить к учреждению совместного предприятия, которое было зарегистрировано в июне 1987 года. В январе 1988 года «Хоматек» произвел свою первую продукцию, а в целом оборот этого совместного предприятия за 1988 год составил около 5 млн руб. при 30 работающих. «Хоматек» сконструировал новый гибкий модуль с пятью подвижными координатами для токарной, фрезерной и сверлильной обработки; в конце 1988 года он демонстрировался в Нью-Йорке на престижной выставке.

В 1989 году большинство создаваемых советско-западногерманских предприятий получили ориентацию на производство бытовой техники и товаров народного потребления. Появились совместные предприятия с фирмой «Каннегиссер» — по производству прачечного оборудования, с фирмой «Бэвэ Райнигунгетехник» — по производству машин для химической чистки, с фирмой «Дюркопп-Адлер» — по производству швейных машин, с фирмой «Биллербек» — по производству постельных принадлежностей. Особенностью этих совместных предприятий являлось то, что все они учреждались в сотрудничестве со средними фирмами ФРГ и имели довольно скромный уставной фонд — до 2 млн руб.

Однако в конце 1980-х годов западногерманские эксперты и деловые круги стали все осторожно высказываться по поводу будущего совместных

предприятий на территории СССР. К этому времени лишь немногие советско-западногерманские предприятия получили прибыль, достаточную для продолжения деятельности.

Развитие этой формы экономического сотрудничества тормозилось рядом факторов. Несмотря на формирование нормативно-правовой базы, гарантирующей свободу создания совместных предприятий в СССР, на практике министерства, ведомства и организации нередко чинили им административные препятствия. Не был создан благоприятный климат для западногерманских инвестиций; не учитывалось, что краткосрочные стимулы для привлечения капитала из ФРГ (дешевая рабочая сила, недорогое сырье) быстро исчерпают себя и потребуются создание других, более стабильных и долгосрочных стимулов. В результате, как показал опрос представителей западногерманских деловых кругов в 1989 году, более 80 % из них не решилось вложить капитал на территории СССР из-за отсутствия гарантий по защите иностранных инвестиций, а около 70 % — из-за высоких налогов [Meier, 1989, S. 42].

Неурегулированными оказались такие важные проблемы, как система кредитования совместных предприятий и перевод прибыли западногерманского партнера за границу. Многие совместные предприятия, участниками которых являлись средние и малые компании ФРГ, испытывали трудности с получением кредитов, так как советские банки финансировали их настолько, насколько западногерманские участники совместных предприятий могли предоставить гарантии более крупных компаний. Более того, западногерманский партнер имел право получать свою часть прибыли в валюте исключительно в том случае, если совместное предприятие приносило валютный доход. В условиях неконвертируемости рубля данное требование фактически исключало из числа возможных партнеров те западногерманские фирмы, которые стремились наладить совместное производство товаров и услуг с их последующей реализацией исключительно на советском рынке.

Также часть западногерманских партнеров сделала ставку на быструю оборачиваемость денежных средств в сфере торговли и различной посреднической деятельности. В большинстве таких случаев совместные предприятия получали спекулятивную прибыль, но достаточно скоро прекращали свою работу.

Препятствий на пути развития советско-западногерманских предприятий было немало. Становилось очевидным: потребуется много времени, прежде чем можно увидеть серьезные успехи совместных предприятий.

3.3. Научно-техническое сотрудничество

Ощутимой тенденцией, проявившейся в период 1985—1989 годов, являлось стремительное увеличение масштабов и интенсивности междуна-

родного обмена знаниями и технологиями при качественных изменениях самого характера научно-технических связей. Суть этих изменений состояла во все возраставшем переходе от разовых форм обмена к целенаправленному долгосрочному взаимодействию на различных уровнях. Рост международного научно-технического сотрудничества был обусловлен необходимостью кооперирования в связи с удорожанием НИОКР, усилением дифференциации наук и специализации научных кадров, усложнением технических проблем, повышением степени риска исследований и затрат на внедрение их результатов в производство. Кроме того, в рамках отдельной страны стало практически невозможно на высочайшем техническом и технологическом уровне обеспечивать производство всей номенклатуры готовой продукции.

Применительно к СССР и ФРГ вышесказанное означало, что научно-техническое сотрудничество объективно приобрело статус одной из важнейших форм их экономических отношений.

Для успешного развития научно-технического сотрудничества между Советским Союзом и Федеративной Республикой во второй половине 1980-х годов имела ключевая предпосылка, а именно — наличие у обеих стран мощных научно-технических потенциалов.

ФРГ занимала первое место в Западной Европе и третье место после США и Японии среди развитых стран Запада по уровню научно-технического развития. По уровню же расходов на НИОКР на душу населения во второй половине 1980-х годов Западная Германия выдвинулась в мировые лидеры.

В стране был накоплен серьезный потенциал в сфере наукоемких отраслей, к которым относились химия, машиностроение (общее, электронное, электротехническое и транспортное), приборостроение. Продукция этих отраслей во многом определяла научно-технический прогресс в экономике, в них оказались сконцентрированы ученые кадры и реализовывались наибольшие объемы НИОКР.

В результате в Федеративной Республике далеко вперед продвинулась структурно-технологическая перестройка наукоемких отраслей, укрепился модернизированный, высокоэффективный научно-технический потенциал. Это явилось предпосылкой для роста экспорта наукоемкой продукции: с 103,9 млн долл. США в 1984 году до 351,2 млн долл. США в 1989 году [Wirtschaftswoche, 1989, S. 43].

Одним из важнейших факторов, способствовавших повышению эффективности западногерманских исследований, являлся высокий уровень организации научно-исследовательских работ, обеспечивавший сокращение общей продолжительности цикла по созданию новой техники и техно-

логии. Главным механизмом организаций, проводивших НИОКР, служили так называемые центры большой науки, представленные тринадцатью НИИ. В то же время большая часть расходов на НИОКР в ФРГ, особенно в обрабатывающей промышленности, приходилась на частные компании: в общем машиностроении — 83,3 %, в автомобильной промышленности — 85,6 %, в химии — 90 %, в нефтехимии — 87,5 %.

Советский Союз также обладал солидным научно-техническим потенциалом. Научные исследования и разработки в СССР вели тысячи НИИ, примерно 250 НПО, почти 900 вузов, около 400 тыс. проектно-конструкторских организаций и подразделений. Страна, имевшая четверть всех научных работников мира, значительную экспериментальную базу и выделявшая большие средства на научные исследования (в 1980-е годы в СССР на научные исследования тратилось ежегодно в среднем 25,6 млрд руб.), достигла немалых успехов в фундаментальных теоретических исследованиях по важнейшим направлениям научно-технического прогресса. Однако удельный вес высококачественной продукции в общем объеме советского производства был невелик. Только 29 % серийно выпускаемой машиностроительной продукции отвечали мировому уровню, в том числе в станкостроении — 14 %, в приборостроении — 17 % [Шмелев и др., 1989, с. 305]. В этом случае сотрудничество с ФРГ позволяло использовать производственную базу партнеров для внедрения советских разработок.

С западногерманской стороны в научно-техническом сотрудничестве с Советским Союзом участвовали более 360 компаний, включая как всемирно известные, крупные фирмы («Сименс», «АЭГ-Телефункен», «Крупп», «Байер», «Даймлер-Бенц»), так и несколько средних и малых предприятий («Климш», «Майер», «Вендт»). Следует отметить, что последние наиболее успешно развивали научно-техническое сотрудничество с СССР, что объяснялось двумя причинами. Во-первых, они накопили уникальный научный и технический опыт по решению узкоспециализированных проблем, которыми занимались и в Советском Союзе. Также средние и малые компании обладали конкурентными преимуществами, а именно способностью оперативно и гибко перестраивать программы выпуска продукции, надежностью технического сервиса, четкостью выполнения условий соглашения, быстрым реагированием на изменение требований клиента.

Между СССР и ФРГ развивались преимущественно такие формы научно-технического сотрудничества, как лицензионно-патентный обмен, участие в специализированных выставках и ярмарках, совместные научные разработки (например, в области использования атомной энергии и мирного освоения космического пространства).

Важным элементом сотрудничества являлся патентно-лицензионный обмен, приобретающий все больший размах. О значении международной торговли патентами и лицензиями свидетельствует тот факт, что темпы ее роста в 1980-е годы превысили темпы роста мирового экспорта промышленной продукции. Особое значение имели лицензионные сделки, в которых обмен технологиями приобретал наиболее конкретное и полное выражение, так как обычно по лицензионному соглашению лицензиаром выполнялся широкий комплекс работ и услуг, включая передачи лицензиату рабочих чертежей и полных комплектов документации на технологические процессы; предоставлялись подробные спецификации используемого оборудования с указанием возможных альтернативных видов машин, точное описание технологического процесса.

Особенность советско-западногерманского сотрудничества в области патентно-лицензионного обмена состояла в том, что ФРГ являлась преимущественно покупателем советских патентов и лицензий. Концерн «Крупп» купил в Советском Союзе лицензию на технологию плавки стали, концерн «Тиссен» — патент на передовую технологию сухого тушения кокса в металлургическом производстве, фирма «ЭПКО» — лицензию на производство механизмов для добычи и переработки асбеста.

Во многих отраслях советской промышленности использовались лицензии, приобретенные в ФРГ. Среди западногерманских лицензиаров выделялись такие компании, как «Сименс», «Фольксваген», «Хехст», «Дегусса». Они заключили соглашения о продаже лицензий советским внешнеторговым организациям «Судимпорт», «Технопромимпорт», а также нескольким советским предприятиям.

Большая роль в развитии научно-технического сотрудничества принадлежала ознакомлению с достижениями в различных областях науки и техники, чему способствовало проведение выставок и ярмарок как широкого профиля, так и специализированных, международных и национальных. Советский Союз и Федеративная Республика Германия уделяли большое внимание этому виду научно-технического сотрудничества. Производители решали на выставках и ярмарках ряд важных задач: установление, поддержание и расширение контактов с иностранными партнерами; предоставление собственных новых изделий и технических решений; возможность сориентироваться в запросах покупателей и новейших тенденциях на зарубежных рынках; создание положительной репутации своей продукции.

Крупные выставки достижений западногерманской промышленности периодически проходили в Москве, причем их тематика оказалась достаточно разнообразной. В марте 1985 года 143 западногерманские фирмы из зем-

ли Баден-Вюртемберг участвовали в выставке «Промышленность и техника». Летом 1986 года при содействии общества «Новеа» состоялась выставка «Люди и техника». Участие в ней приняли около 300 западногерманских фирм, в том числе 150 малых и средних предприятий земли Северный Рейн-Вестфалия. В июне 1987 года западногерманская компания «Сибя Мессебау Интернациональ ГмбХ» при поддержке общества «Новеа» и внешнеторгового объединения «Экспоцентр» Торгово-промышленной палаты СССР провела в Москве выставку «Механизированная очистка города», на которой продемонстрировала машины и механизмы для чистки тротуаров, посадки зеленых насаждений, очистные системы для промышленных предприятий и домашних хозяйств, стерильные очистительные комплексы для больниц, компьютерные системы и технику для уборки помещений.

В 1987 году благодаря заключению соглашения о научно-техническом сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях [Соглашение ..., 1986] активизировалась советско-западногерманская деятельность в этой области. В апреле 1987 года было подписано соглашение о совместной разработке, создании и использовании атомных станций с высокотемпературными реакторами тепловой мощностью 200—300 МВт с консорциумом западногерманских фирм «Иннотек», ББЦ, «Хохтемператур-реакторбау», «Дойче Бэбкок», «Маннесман Анлагенбау», «Штрабагбау».

Новой областью явилась совместная деятельность по мирному освоению космического пространства, которая была поставлена на правовую основу подписанием в ходе визита федерального канцлера ФРГ Г. Коля в Москву в октябре 1988 года межведомственного соглашения между Академией наук СССР и федеральным министерством научных исследований и технологий ФРГ в области исследования и использования космического пространства в мирных целях [Визит ..., 1988]. Учитывая мировое признание высокого качества советской космической техники, а также низкие тарифы, взимавшиеся советской стороной на предоставление услуг в космической области (1/3 часть от цен, запрашиваемых американским Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства), сотрудничество с Советским Союзом в этой области носило для ФРГ выгодный характер.

В 1989 году были сделаны первые шаги советско-западногерманского сотрудничества в космической области. Главкосмос СССР и фирма «Кайзер-Треде» (ФРГ) подписали два коммерческих контракта на проведение экспериментов по космической технологии на беспилотных космических аппаратах «Ресурс-Ф1» и «Фотон». С вышеназванной фирмой, а также с компанией «Дорнье» была достигнута договоренность о совместной работе по запуску космического аппарата «Курьер» для исследований в ус-

ловиях микрогравитации [Космический мост ..., 1990, с. 26]. Для запуска предполагалось использовать советские ракеты-носители «Циклон».

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, обоюдная заинтересованность в наращивании деловых связей привела СССР и ФРГ к активному применению прогрессивных форм сотрудничества в виде производственной кооперации, совместных предприятий, вызвала нарастание взаимодействий в сфере научно-технического сотрудничества. В пользу производственной кооперации свидетельствовали такие ее преимущества, как юридическая и экономическая самостоятельность участников, надежная договорная основа и долговременный характер отношений, невысокий инвестиционный риск. Количество соглашений в форме производственной кооперации между СССР и ФРГ выросло с 1985 по 1989 годы более чем в 2,7 раза. Наибольшую заинтересованность в производственном кооперационном сотрудничестве с советскими партнерами проявили малые и средние западногерманские компании, достигшие весомых результатов в разработках узкоспециализированных производственных проблем.

В свою очередь, совместные предприятия были призваны стать своего рода универсальным инструментом, способствующим решению Советским Союзом ряда задач: привлечение инвестиционного капитала, приобретение новых производственных технологий, обучение персонала передовому управленческому опыту. Западногерманская же сторона через участие в совместных предприятиях стремилась к более активному освоению емкого советского рынка, снижению собственных издержек производства и получению прибылей. Однако деятельность совместных предприятий на территории СССР постоянно сталкивалась с многочисленными трудностями и преградами, такими как неурегулированность системы кредитования и материально-технического снабжения, чрезмерное вмешательство бюрократических структур в деятельность совместных предприятий, что сдерживало развитие этой формы экономического сотрудничества.

Сотрудничество двух стран в области науки и техники протекало весьма плодотворно, о чем свидетельствовало расширение круга совместно решаемых задач в традиционных отраслях сотрудничества (машиностроение, станкостроение, металлургия, химия), а также перенос сотрудничества в сферы, ранее не охваченные научно-техническими связями (освоение космического пространства в мирных целях). Однако, принимая во внимание ресурсные потенциалы СССР и ФРГ, можно говорить о том, что возможности двустороннего научно-технического сотрудничества не были исчерпаны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Визит в Советский Союз* Федерального канцлера Федеративной Республики Германии Гельмута Коля, 24—27 октября 1988 г. : Документы и материалы. — Москва : Политиздат, 1988. — 109 с. — ISBN 5-250-00966-2.
2. *Информационные дни земли Северный Рейн-Вестфалия в СССР* / АН СССР. — Москва : ИНИОН, 1989. — 46 с.
3. *Ланг А.* Бавария как деловой партнер / А. Ланг // *Экономическая газета* : [газета]. — 1988. — № 42. — С. 8.
4. *Кристианс Ф. В.* Дороги в Россию. Сквозь бури времени / Ф. В. Кристианс ; пер. с нем. — Москва : Международные отношения, 1990. — 280 с. — ISBN 5-7133-0374-8.
5. *Космический мост СССР—ФРГ* // *Экономика + техника*. — 1990. — № 3. — С. 24—28.
6. *О научно-техническом сотрудничестве* [Электронный ресурс] // Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии, дата подписания : 22.07.1986. — Режим доступа : https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58111 (дата обращения 17.09.2025).
7. *Экономические отношения стран СЭВ с Западом* : стратегия, долгосрочные интересы, перспективы / Н. П. Шмелев, И. И. Орлик, А. В. Куницын и др. ; отв. ред. Н. П. Шмелев. — Москва : Наука, 1983. — 229 с.
8. *Яхонтов Ю.* Нужны, как воздух, прямые контакты / Ю. Яхонтов // *Правда* : [газета]. — 1987. — № 250. — С. 6.
9. *Wirtschaftswoche*. — 1989. — № 44. — S. 43—44.

Литература

1. *Ватлин А. Ю.* Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — 336 с. — ISBN 5-82430-293-6.
2. *Максимова М. М.* Раскрыть потенциал сотрудничества / М. М. Максимова // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1988. — № 10. — С. 61—66.
3. *Максимычев И. Ф.* Россия — Германия. Война и мир. От мировых катастроф к европейской безопасности / И. Ф. Максимычев. — Москва : Книжный мир, 2014. — 510 с. — ISBN 978-5-8041-0674-5.
4. *Моторин И. Ф.* Внешнеэкономические связи СССР : курс на перестройку / И. Ф. Моторин. — Москва : Политиздат, 1989. — 95 с. — ISBN 5-250-00473-3.
5. *Новик Ф. И.* СССР—ФРГ : проблемы сосуществования и сотрудничества, 1975—1986 гг. / Ф. И. Новик. — Москва : Наука, 1987. — 244 с.
6. *Павлов Н. В.* Россия и Германия : несостоявшийся альянс (история с продолжением) / Н. В. Павлов. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 557 с. — ISBN 978-5-7567-0854-7.
7. *Четвертной Л. М.* СССР—ФРГ : проблемы торгово-экономического сотрудничества / Л. М. Четвертной. — Москва : Международные отношения, 1989. — 159 с. — ISBN 5-1733-0115-X.
8. *Шибяев С. В.* Научно-производственная кооперация СССР со странами Западной Европы / С. В. Шибяев, А. И. Рубцов // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1988. — № 7. — С. 106—111.

9. Шмелев Н. П. На переломе : перестройка экономики в СССР / Н. П. Шмелев, В. В. Попов. — Москва : АПН, 1989. — 400 с. — ISBN 5-7020-0067-6.

10. Юданов Ю. И. ФРГ во второй половине 80-х годов — основные проблемы и поиски их решения / Ю. И. Юданов // Мировая экономика и международные отношения. — 1988. — № 9. — С. 82—93.

11. Юданов Ю. И. Как создаются совместные предприятия / Ю. И. Юданов // Мировая экономика и международные отношения. — 1990. — № 11. — С. 97—100.

12. Eggers W. Auswirkungen der Perestrojka auf die deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen / W. Eggers. — Bonn : Europa-Union Verlag, 1988. — 68 s. — ISBN 978-3-771-30342-6.

13. Jacobsen H.-A. Deutsch-sowjetische Beziehungen: Kontinuität und Wandel 1945 bis 1987 / H.-A. Jacobsen // Aus Politik und Zeitgeschichte. — 1988. — № 3. — С. 28—44.

14. Jacobsen H.-A. Die Rolle der COCOM-Listen für die sowjetische Wirtschaft und Gesellschaft / H.-A. Jacobsen // Osteuropa-Wirtschaft. — 1989. — № 2. — С. 93—117.

15. Lebahn A. Politische und wirtschaftliche Auswirkungen der Perestrojka auf die Sowjetunion sowie auf ihre Beziehungen zu Osteuropa und zum Westen / A. Lebahn // Aussenpolitik. — 1988. — Quartal 2. — С. 107—124.

16. Meier Ch. Sowjetische Joint Ventures mit westlichen Partnern 1987—1989 : eine problemorientierte Zwischenbilanz / Ch. Meier. — Köln : Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1989. — 44 s.

17. Müller R.-D. Reformen im sowjetischen Aussenhandelssystem / R.-D. Müller // Osteuropa-Wirtschaft. — 1988. — № 2. — С. 110—121.

18. Pohl M. Geschäft und Politik : Deutsch-russische/sowjetische Wirtschaftsbeziehungen, 1850—1988 / M. Pohl. — Mainz : Hase & Kochler, 1988. — 238 s. — ISBN 978-3-775-81176-7.

19. Shumaker D. Gorbachev and the German Question : Soviet-West German Relations, 1985—1990 / D. Shumaker. — Westport, Conn : Praeger, 1995. — 202 p. — ISBN 978-0-275-95028-6.

20. Schenajew W. Russisch-deutsche Wirtschaftsbeziehungen / W. Schenajew // 50 Jahre sowjetische und russische Deutschland sowie ihre Auswirkungen auf das gegenseitige Verhältnis. — Berlin : Duncker & Humblot, 1999. — С. 101—110. — ISBN 3-428-09844-7.

21. Tandler G. Kriege und Zukunft der Sowjetwirtschaft / G. Tandler // Blätter für deutsche und internationale Politik. — 1989. — № 8. — С. 948—952.

22. Timmermann H. Die sowjetische Westeuropapolitik unter Gorbatschow / H. Timmermann. — Köln : Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1987. — 30 s.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025,
одобрена после рецензирования 29.11.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.

Material resources

Christians, F. V. (1990). *Roads to Russia. Through the storms of time*. Moscow: International Relations. 280 p. ISBN 5-7133-0374-8. (In Russ.).

Information Days of North Rhine-Westphalia in the USSR / USSR Academy of Sciences. (1989). Moscow: INION. 46 p. (In Russ.).

Lang, A. (1988). Bavaria as a business partner. *Ekonomicheskaya gazeta: [newspaper]*, 42: P. 8. (In Russ.).

On scientific and technical cooperation. (1986). *Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the Federal Re-*

public of Germany, date of signature. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58111 (accessed 17.09.2025). (In Russ.).

- Shmelev, N. P. (ed.). (1983). *Economic relations of the COMECON countries with the West: strategy, long-term interests, prospects.* Moscow: Nauka Publ. 229 p. (In Russ.).
- USSR — Germany Space Bridge. (1990). *Economics + technology*, 3: 24—28. (In Russ.).
- Visit of Helmut Kohl, Federal Chancellor of the Federal Republic of Germany, to the Soviet Union, October 24—27, 1988: Documents and materials.* (1988). Moscow: Politizdat. 109 p. ISBN 5-250-00966-2. (In Russ.).
- Wirtschaftswoche*, 44: 43—44. (In Germ.).
- Yakhontov, Yu. (1987). Direct contacts are needed like air. *Pravda: [newspaper]*, 250: P. 6. (In Russ.).

References

- Chetvertnoy, L. M. (1989). *USSR-Germany: problems of trade and economic cooperation.* Moscow: International Relations. 159 p. ISBN 5-1733-0115—X. (In Russ.).
- Eggers, W. (1988). *Auswirkungen der Perestrojka auf die deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen.* Bonn: Europa-Union Verlag. 68 s. ISBN 978-3-771-30342-6. (In Germ.).
- Jacobsen, H.-A. (1988). Deutsch-sowjetische Beziehungen: Kontinuität und Wandel 1945 bis 1987. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 3: 28—44. (In Germ.).
- Jacobsen, H.-A. (1989). Die Rolle der COCOM-Listen für die sowjetische Wirtschaft und Gesellschaft. *Osteuropa-Wirtschaft*, 2: 93—117. (In Germ.).
- Lebahn, A. (1988). Politische und wirtschaftliche Auswirkungen der Perestrojka auf die Sowjetunion sowie auf ihre Beziehungen zu Osteuropa und zum Westen. *Aussenpolitik*, 2: 107—124. (In Germ.).
- Maksimova, M. M. (1988). Unlock the potential of cooperation. *World Economy and International Relations*, 10: 61—66. (In Russ.).
- Maksimychew, I. F. (2014). *Russia — Germany. War and Peace. From global catastrophes to European Security.* Moscow: Knizhny Mir Publ. 510 p. ISBN 978-5-8041-0674-5. (In Russ.).
- Meier, Ch. (1989). *Sowjetische Joint Ventures mit westlichen Partnern 1987—1989: eine problemorientierte Zwischenbilanz.* Köln: Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 44 s. (In Germ.).
- Motorin, I. F. (1989). *Foreign economic relations of the USSR: a course for perestroika.* Moscow: Politizdat. 95 p. ISBN 5-250-00473-3. (In Russ.).
- Müller, R.-D. (1988). Reformen im sowjetischen Aussenhandelssystem. *Osteuropa-Wirtschaft*, 2: 110—121. (In Germ.).
- Novik, F. I. (1987). *USSR-FRG: problems of coexistence and cooperation, 1975—1986.* Moscow: Nauka Publ. 244 p. (In Russ.).
- Pavlov, N. V. (2017). *Russia and Germany: a failed alliance (a story with a sequel).* Moscow: Aspect Press. 557 p. ISBN 978-5-7567-0854-7. (In Russ.).
- Pohl, M. (1988). *Geschäft und Politik: Deutsch-russische/sowjetische Wirtschaftsbeziehungen, 1850—1988.* Mainz: Hase & Kochler. 238 s. ISBN 978-3-775-81176-7. (In Germ.).
- Schenajew, W. (1999). Russisch-deutsche Wirtschaftsbeziehungen. In: *50 Jahre sowjetische und russische Deutschland sowie ihre Auswirkungen auf das gegenseitige Verhältnis.* Berlin: Duncker & Humblot. 101—110. ISBN 3-428-09844-7. (In Germ.).

- Shibaev, S. V., Rubtsov, A. I. (1988). Scientific and industrial cooperation of the USSR with the countries of Western Europe. *World Economy and international relations*, 7: 106—111. (In Russ.).
- Shmelev, N. P., Popov, V. V. (1989). *At the turning point: the restructuring of the economy in the USSR*. Moscow: APN. 400 p. ISBN 5-7020-0067-6. (In Russ.).
- Shumaker, D. (1995). *Gorbachev and the German Question: Soviet-West German Relations, 1985—1990*. Westport, Conn: Praeger. 202 p. ISBN 978-0-275-95028-6. (In Germ.).
- Tandler, G. (1989). Kriege und Zukunft der Sowjetwirtschaft. *Blätter für deutsche und internationale Politik*, 8: 948—952. (In Germ.).
- Timmermann, H. (1987). *Die sowjetische Westeuropapolitik unter Gorbatschow*. Köln: Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 30 s. (In Germ.).
- Watlin, A. Y. (2002). *Germany in the twentieth century*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 336 p. ISBN 5-82430-293-6. (In Russ.).
- Yudanov, Yu. I. (1988). Germany in the second half of the 80s — the main problems and the search for their solution. *World economy and international relations*, 9: 82—93. (In Russ.).
- Yudanov, Yu. I. (1990). How joint ventures are created. *World economy and international relations*, 11: 97—100. (In Russ.).

*The article was submitted 04.08.2025;
approved after reviewing 29.11.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ильин П. В. Декабристы, оправданные на следственном процессе : подпоручик А. М. Голицын / П. В. Ильин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 466—488. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-466-488.

Ilyin, P. V. (2025). Decembrists Exonerated by Investigative Commission: Sublieutenant A. M. Golitsyn. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 466-488. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-466-488. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Декабристы, оправданные на следственном процессе: подпоручик А. М. Голицын

Ильин Павел Владимирович
orcid.org/0000-0001-6058-2186
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
pavilyn1970@gmail.com

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

Decembrists Exonerated by Investigative Commission: Sublieutenant A. M. Golitsyn

Pavel V. Ilyin
orcid.org/0000-0001-6058-2186
PhD in History,
senior research scientist
pavilyn1970@gmail.com

St. Petersburg Institute of History
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается сюжет, не освещенный в историографии, — о декабристах, признанных на следственном процессе непричастными к тайным обществам. Статья продолжает цикл публикаций о неизученных и «незамеченных» участниках декабристского движения. Проведен критический анализ содержащихся в следственных материалах данных, включая неопубликованное дело А. М. Голицына. Дана оценка достоверности показаний свидетелей. Автор останавливается на тактике защиты обвиняемого, роли родственных связей в вынесении оправдательного решения. Проанализированы сведения из мемуарных источников, указывающие на участие офицера в тайном обществе и событиях 14 декабря 1825 года. Осуществлена реконструкция участия А. М. Голицына в деятельности декабристской конспирации. Анализ документов и неучтенных свидетельств показывает, что следствие не только не учитывало в полном объеме имевшиеся показания, но и не располагало всей информацией об участии этого офицера в декабристской организации. Выдвигается предположение о том, что значительное воздействие на оправдательный вердикт следствия оказали родственные связи подозреваемого, которые представлены фигурой А. Н. Голицына — близкого к императорской семье сановника и члена Следственного комитета. Автор статьи приходит к выводу о принадлежности А. М. Голицына к участникам декабристского движения, избежавшим наказания.

Ключевые слова:

декабристы; тайные общества; неизвестные участники декабристской организации; Северное общество; следственный процесс; официальное оправдание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This publication focuses on a topic that has not been covered by historiography — the Decembrists who were found to be uninvolved with secret societies during their trial process. It continues a series of articles about understudied and overlooked participants of the Decembrist movement. A critical analysis is conducted using evidence from investigative materials, including previously unpublished records related to A. M. Golitsyn's case. The reliability of witness testimonies is evaluated. Special attention is given to the defense strategy employed for the accused as well as the role played by family connections in reaching an acquittal decision. Memoir sources are analyzed, indicating the officer's involvement in clandestine activities and events surrounding December 14th, 1825. An attempt is made at reconstructing A. M. Golitsyn's participation in the Decembrist conspiracy. Analysis of documents and unaccounted-for testimonials demonstrates that the investigation did not fully consider available statements nor possess complete information regarding this officer's engagement within the Decembrist organization. It is hypothesized that significant influence over the exoneration verdict was exerted through familial ties, particularly those embodied by A. N. Golitsyn — a high-ranking official close to the imperial family and member of the Investigating Committee. Ultimately, the author concludes that A. M. Golitsyn belonged among the participants of the Decembrist movement who escaped punishment.

Key words:

Decembrists; Secret Societies; Unrecognized Participants of the Decembrist Organization; Northern Society; Trial Proceedings; Official Exoneration

Декабристы, оправданные на следственном процессе: подпоручик А. М. Голицын

© Ильин П. В., 2025

1. Введение = Introduction

Проблема реконструкции исторической правды об оправданных участниках декабристского движения, признанных по итогам следственного процесса непричастными к деятельности тайных обществ, практически не разработана в историографии. Между тем оправданные участники движения, в отношении которых расследование нередко останавливалось и не было полноценным, зачастую связаны с неизученными вопросами истории декабризма, наделенными существенным научным значением. Например, в настоящем случае речь идет о выработке членами Северного общества проектов конституции, обсуждении программы организации, деятельности декабристского союза в Петербурге в 1823—1825 годах, развитии заговора 1825 года и малоосвещенных эпизодах восстания 14 декабря.

Следует отметить, что специальных работ, исследующих вопрос об участии большинства официально оправданных лиц в тайных обществах, кроме наших публикаций, не имеется. В связи с этим новизна настоящего исследования определяется тем, что в нем освещается почти не затронутая изучением фигура в истории декабризма — офицера гвардейской артиллерии А. М. Голицына, «не признанного» правительственным следствием в качестве члена Северного обществ. В рамках статьи доказывается иная степень его участия в декабристском движении, нежели та, что утвердилась в научной литературе.

Актуальность работы определяется важностью рассмотрения для декабристоведческой историографии связанных с темой статьи исследовательских и методических вопросов, в частности — критической проверки содержащихся в следственных материалах данных, оценки достоверности показаний, изучения тактики защиты декабристов в условиях следствия, — все это позволяет пересмотреть выводы официального расследования.

Настоящая статья продолжает наши исследования, затрагивающие проблему неизученных и «незамеченных» участников декабристского движения [Ильин, 2004; Ильин, 2006; Ильин, 2009; Ильин, 2013; Ильин, 2024а;

Ильин, 2024б; Ильин, 2024в]. Речь идет о лицах, освобожденных от наказания, а также о тех, кто был признан непричастным к декабристским организациям, несмотря на показания о принадлежности к ним, полученные от осведомленных свидетелей (товарищей по тайному обществу). В статье рассматривается один из наиболее показательных «случаев» такого рода. По сравнению с предыдущими нашими публикациями привлечены новые источники, проведен критический анализ собранных свидетельств, по его результатам осуществлена реконструкция участия А. М. Голицына в деятельности декабристской конспирации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — выяснить подлинный характер отношений, связывавших А. М. Голицына с обществом декабристов, установить степень его участия в военном заговоре и событиях 14 декабря 1825 года. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: собрать воедино указания источников, способные пролить свет на указанный круг вопросов, сопоставить следственные показания, полученные от осведомленных «свидетелей по делу», с показаниями Голицына, провести анализ мемуарных данных и сравнить их со следственными материалами, осуществить документально обоснованную интерпретацию полученных данных в их полном объеме.

Основной исследовательский метод, использованный в статье, — критика содержания показаний и других документов следствия. В центре внимания находится следственная документация (показания, записи допросов, свод данных о привлеченных к следствию лицах — «Алфавит» А. Д. Боровкова и др.). Важное место в источниковой базе занимает следственное дело А. М. Голицына, материалы которого впервые подвергаются специальному изучению. Эти источники критически анализируются, выявляются имеющиеся в них противоречия и умолчания, устанавливаются показания, не принятые во внимание следствием, определяется их значение в освещении рассматриваемого сюжета.

Важной задачей стало выяснение вопросов, которые следствие не стало рассматривать, реконструкция причин его незавершенности. Это позволяет понять, насколько обоснованными были выводы следователей. Кроме следственных материалов, привлечены мемуарные документы, дополняющие картину важными деталями и характеристиками, которых не могут содержать в себе документы официального расследования.

В историографии сюжет о Голицыне специально не рассматривался — в частности, участие его в декабристском обществе и заговоре 1825 года не затрагивалось ни в монографиях по истории движения декабристов, ни в работах, посвященных Северному обществу [Аксенов, 1951; Бокова,

2003; Дружинин, 1985; Нечкина, 1955]. Не изучался вопрос о Голицыне как участнике заговора декабристов и событий 14 декабря и в трудах, посвященных этим сюжетам [Гордин, 1989; Нечкина, 1985; Пресняков, 1926]. Если Голицын и фигурировал в историографии, то как лицо, подозревавшееся в принадлежности к декабристскому обществу, поскольку исследователи опирались на выводы следствия о «невиновности» подпоручика, его непричастности к действиям заговорщиков [Габаев, 1926, с. 187]. Показательно, что даже мемуарные свидетельства об участии Голицына в декабристском союзе не стали предметом проработки. Комментатор мемуаров И. Д. Якушкина С. Я. Штрайх воспроизвел лишь итог расследования по делу Голицына («главные члены [Северного общества] отозвались, что он не принадлежал к обществу»), не упомянув о выдвинутом обвинении в отношении этого офицера [Якушкин, 2005, с. 617]. Комментаторы другого издания записок Якушкина В. И. и И. В. Порохи дали половинчатую формулировку, учитывающую, с одной стороны вердикт следствия, с другой — мемуарные указания участников событий: «К тайному обществу не принадлежал, но знал о нем и [14 декабря] препятствовал присяге, за что был арестован» [Якушкин, 1993, с. 369]. Комментатор воспоминаний Бестужевых М. К. Азадовский ограничился краткой оценкой в именном указателе: «...был близок к декабристам» [Воспоминания Бестужевых, 2005, с. 849], — не обратившись к этому вопросу в комментариях к запискам М. А. Бестужева. Составители биографического справочника декабристов ограничились, как будет видно, далекой от указаний осведомленных свидетелей формулировкой: «Следствием установлено, что членом тайных обществ декабристов не был, но знал о существовании Северного общества» [Декабристы ..., 1988, с. 53].

В наших исследованиях впервые в декабристovedческой традиции был изучен комплекс указаний источников о вовлеченности Голицына в деятельность Северного общества и его принадлежности к заговору 1825 года, которые укрылись от внимания следствия или были им проигнорированы [Ильин, 2004, с. 250—256; Ильин 2006, с. 191—192].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Обвинительные показания в отношении А. М. Голицына и привлечение его к следствию

Одним из несомненных случаев, когда обвинительные показания были признаны следствием недоказанными, является расследование в отношении подпоручика 1-й гвардейской артиллерийской бригады Александра Михайловича Голицына, старшего брата осужденного по приговору Верховного уголовного суда члена Северного общества Валериана Михайловича Голицына [Декабристы... 1988, с. 53—54].

Главным свидетелем, которому принадлежали уличающие показания, являлся член Северного общества полковник Ф. В. Вольский. На устном допросе в Следственном комитете 12 января 1826 года, а затем в ответах на вопросные пункты, датированные тем же днем, он признал, что в конце декабря 1823 года лично принял в тайный союз офицера гвардейской артиллерии Голицына. При этом Вольский подчеркивал, что его собственное участие в тайном обществе ограничилось тем, что он осуществил этот прием [ВД, 1984, с. 211, 212, 213].

Показания Вольского зачитывались на заседании Следственного комитета 13 января 1826 года и обратили на себя внимание. На рукописи показаний сохранилась помета помощника делопроизводителя В. Ф. Адлерберга: «NB. О названном... членом общества князе Александре Михайловиче Голицыне (офиц[ере] из гвард[ейской] арт[иллерии]), принятом в общество Вольским, сообщено Его императ[орскому] выс[очеству] Мих[аилу] Пав[ловичу]» [ВД, 1984, с. 210; ВД, 1986, с. 323]. Это означало, что на основании показаний Вольского, утверждавшего, что им был осуществлен прием в тайный союз вновь названного лица, было отдано распоряжение об аресте и привлечении А. М. Голицына к следствию.

Однако свидетельства об участии в декабристском обществе «служащего в артиллерии» Голицына, а им мог быть только А. М. Голицын¹, поступили в Следственный комитет еще до показаний Вольского.

26 декабря 1825 года А. А. Бестужев на устном допросе, а затем в составленных после допроса письменных показаниях свидетельствовал о принадлежности к тайному обществу Голицына, служащего в артиллерии, — правда, он делал оговорку об отсутствии с ним личного знакомства («которого не знаю») [ВД, 1925, с. 431]. 28 декабря на основании допроса Е. П. Оболенского, а также показаний А. А. Бестужева, С. П. Трубецкого и Д. А. Щепина-Ростовского последовало распоряжение об аресте группы вновь обнаруженных членов тайных обществ, в том числе названного Бестужевым офицера-артиллериста Голицына. Перед списком подлежащих аресту стояла резолюция Следственного комитета: «Нижеследующих взять». На полях докладной записки императору против фамилии Голицына был поставлен знак «NB», рядом — помета делопроизводителя Комитета А. Д. Боровкова: «Взять под арест». На полях записки — помета председателя Комитета А. И. Татищева: «Высочайше повелено взять. 29 декабря» [ВД, 1986, с. 40, 229].

1 Никто из участников декабристского движения, принадлежавших к разветвленному роду Голицыных (М. Ф. Голицын, В. М. Голицын, П. А. Голицын), равно как выявленный нами еще один представитель этого рода, принимавший участие в движении (П. Б. Голицын) [Ильин, 2009], в гвардейской артиллерии не служил.

Однако офицер-артиллерист Голицын не был арестован ни в конце декабря 1825 года, ни в начале января 1826 года. Его арест произошел только после показаний Ф. В. Вольского, то есть после 12 января — по распоряжению великого князя Михаила [ВД, 1986, с. 174]. Таким образом, решение об аресте Голицына принималось дважды. Причины, по которым первое распоряжение, опиравшееся на устное повеление императора, осталось невыполненным, не выяснены. Обстоятельства привлечения к следствию этого офицера требуют дальнейшего изучения.

В фонде следственных материалов не обнаружено указаний о сборе показаний о Голицыне или его допросе в январе 1826 года. Только в деле Н. М. Муравьева появляется запрос от 5 января о принадлежности к тайному обществу нескольких лиц, среди которых значится «артиллерийский офицер князь Голицын», причем Следственный комитет запрашивал: «который именно». В ответ Муравьев удостоверил свою неосведомленность об участии офицера артиллерии Голицына в тайном союзе [ВД, 1925, с. 297, 303].

Материалы, вошедшие в состав личного следственного дела Голицына, рисуют следующую картину. Через традиционный для большинства арестованных предварительный допрос, отбираемый В. В. Левашовым, Голицын не проходил. В представленных после ареста письменных показаниях он категорически отрицал свою принадлежность к тайному обществу, настаивая на том, что узнал от Ф. В. Вольского только о факте существования этого общества, но не выражал согласия вступить в члены и больше никогда не говорил с ним об этом [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 209, л. 5].

В ответ на отрицание Голицына следствие обратилось к главному свидетелю-обвинителю. В показаниях, данных в ответ на запрос от 3 апреля, и в дополнительных показаниях от 11 апреля, спустя почти три месяца после первых показаний и ареста подозреваемого, Вольский был более осторожен по сравнению с первым показанием (причина длительного интервала между первым показанием и повторным обращением следствия не выяснена). Теперь он утверждал, что в члены тайного союза Голицына не принимал, а только сообщил ему о существовании общества. Раскрытую при этом цель организации он сформулировал так: «распространение просвещения и усовершенствование самого себя». В повторных показаниях Вольский, противореча своему первому показанию, заявил, что не получал согласия от Голицына на вступление в декабристский союз и больше с ним не встречался [Там же, л. 1—3, 4].

Повторные показания Вольского были зачитаны на заседании Комитета 15 апреля. Характерно, что в его журнале было особо отмечено существенное для расследования изменение в показаниях главного обвинителя:

выяснилось, что Голицыну, который поначалу вполне недвусмысленно назывался членом, принятым в тайное общество, было лишь сообщено о существовании этого общества, причем, по оценке следователей, «только глухо» [ВД, 1986, с. 169].

Констатируя отрицание участия Голицына в конспиративной организации, следствие распорядилось собрать справки о принадлежности этого офицера к тайному союзу у «важнейших» (по оценке следователей) членов Северного общества. Оболенский и М. И. Муравьев-Апостол показали, что руководители общества «имели в виду» Голицына (очевидно, в целях тайного союза), «по родству его» с В. М. Голицыным, но формально членом его не считали. Другие «важнейшие» члены, включая К. Ф. Рылеева и И. И. Пущина, опрошенные о Голицыне, отзывались неосведомленностью о факте его вступления [ВД, 1986, с. 174; ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 209, л. 6].

На заседании 20 апреля Следственный комитет, после рассмотрения поступивших показаний и составленной на их основе справки о Голицыне (итоговая записка о нем в фонде следствия не сохранилась [ВД, 1986, с. 366]), решил «представить государю императору», что этот подследственный «к обществу не принадлежал и даже по сведению, которое имел о существовании оно́го, не мог подозревать противозаконной его цели». Резолюция императора гласила: «Выпустить» [ВД, 1986, с. 174, 290]. После этого Голицын был освобожден из-под ареста как полностью «очищенный» в ходе следствия и признанный непричастным к деятельности тайных обществ.

В справку «Алфавита» А. Д. Боровкова были занесены данные из повторных показаний Вольского, согласно которым Голицын «не отвечал» на предложение стать членом Северного общества, ему было открыта только «нравственно-просветительская» цель, а также приводились основные пункты оправданий Голицына. Первое показание Вольского было полностью проигнорировано, как и свидетельство А. А. Бестужева [Алфавит... 1988, с. 246].

Важно отметить, что, в противоречии с итогами расследования, в записке о «виновности» Ф. В. Вольского нашел отражение тот факт, что он «в сочлены, вскоре по вступлении своем [в тайное общество], принял служащего в гвардейской артиллерии князя Голицына» [ВД, 1984, с. 214]. Между тем как по итогам расследования дела Голицына было признано, что он в тайном союзе не состоял. Таким образом, следствие продемонстрировало двойные стандарты в применении уличающих данных: якобы несостоявшийся или незавершенный прием Голицына в тайный союз вошел в состав «вины» Вольского и стал одним из выдвинутых против него обвинений, в то время как для оправданного Голицына этот установлен-

ный следствием факт потерял свое значение. Позиция следствия в деле Голицына представляется крайне противоречивой и непоследовательной.

3.2. Критический анализ следственных материалов и итогового вердикта по делу А. М. Голицына

При анализе собранных следствием показаний о Голицыне важно обратить внимание на источники информации о принадлежности его к тайному союзу и степень достоверности этих данных.

Прежде всего, о принятии Голицына без всяких оговорок свидетельствовал Вольский, который лично сделал ему предложение о вступлении в члены тайного общества. Показание принадлежало авторитетному в данном случае лицу, которое осуществляло прием нового участника. Это свидетельство являлось первым письменным показанием Вольского на следствии, написанным им собственноручно, — тем самым исключается некорректное отражение в нем уличающих данных. Показание «из первых рук», написанное с целью смягчения собственной «вины» (автор декларировал в нем слабое участие в конспиративной активности, заявляя, что его деятельность в тайной организации ограничилась приемом одного члена), к тому же не учитывающее основные элементы «оправдательной тактики» Голицына, имеет безусловно важное, если не определяющее, значение для оценки отношений, связывавших этого офицера с декабристским союзом.

Содержание последующих, коренным образом изменившихся показаний Вольского почти идентично основным пунктам «линии защиты» Голицына. Это обстоятельство заставляет предполагать согласование показаний. Вероятно, своеобразное согласование оправдательных показаний и «выработка» общей «линии защиты» произошли после знакомства Вольского с предъявленными ему в вопросных пунктах от 3 апреля 1826 года показаниями Голицына. Увидев, с каким упорством и решительностью Голицын отрицает свою принадлежность к тайному обществу и сам факт приема, Вольский, очевидно, скорректировал свою позицию, чтобы не усиливать «виновность» и не привлекать к ответственности лицо, против которого имелось не так много улик. Главный свидетель мог догадаться, что, кроме его показаний, следствие не располагает другими уличающими свидетельствами, обвинявшими этого подозреваемого, и решил изменить свою линию поведения.

Вместо безоговорочно раскрытого факта осуществленного им самим приема в тайный союз Вольский представил расплывчатую картину едва ли не случайного «открытия» Голицыну отрывочных (неполных) сведений о тайном обществе, без всякого соотнесения ее с существовавшей процедурой приема в конспиративную организацию. Следует иметь в виду, что Вольский дал свое второе и третье показание в апреле 1826 года — на ис-

ходе следствия, когда уже не вызывало сомнений, чем может обернуться для подозреваемого свидетельство о принадлежности к «злоумышленному» обществу. Исходя из этого, нельзя не признать, что первоначальное показание Вольского о полноценном принятии Голицына в члены декабристского общества заслуживает больше доверия, нежели последующие показания, появившиеся после учета «тактики защиты» пытавшегося спастись от наказания офицера.

Следует также обратить внимание на приведенные выше показания другого свидетеля по делу Голицына — А. А. Бестужева. Он принадлежал к руководящему ядру Северного общества и, хотя не был знаком с Голицыным, тем не менее постоянно контактировал с лидерами «северян», в частности Е. П. Оболенским, хорошо знавшим основную массу членов, принятых в тайный союз на всем протяжении его существования. Исходя из этого, нужно заключить, что сведения, которыми располагал Бестужев об участии Голицына в декабристском обществе, поступили из достоверного источника. Как будет показано далее, круг конспиративных связей Александра Голицына, а в еще большей степени — его брата Валериана, приводит исследователя к фигуре Оболенского, активного участника вербовки новых членов в Северное общество в 1823 году. Оболенский действовал в сотрудничестве с А. В. Поджио, на протяжении 1823 года они приняли в общество ряд офицеров Преображенского полка — Ф. В. Вольского, В. М. Голицына, Д. П. Зыкова [Ильин, 2004, с. 630—631]; после поступления младшего брата в Северное общество в орбиту притяжения этих лиц мог войти и Александр Голицын.

Однако на следствии Оболенский не стал свидетельствовать об участии Александра Голицына в тайном союзе, а предпочел ограничиться осторожным показанием, что его «имели в виду» в целях общества, обнаружив тем самым тот факт, что лидеры декабристской организации возлагали на этого офицера определенные надежды [ВД, 1986, с. 174]. На чем строились эти расчеты заговорщиков — на влиянии, которое оказывал на Голицына младший брат, активный член Северного общества, или на принадлежности самого офицера-артиллериста к конспиративному союзу, — осталось на следствии невыясненным. Через самого Александра Голицына открывалась возможность для распространения Северного общества в гвардейской артиллерии.

При анализе итогового вердикта стоит обратить внимание на то, что следователи не придали значения тому, что в ходе процесса был установлен факт осведомленности Голицына о тайном союзе. Во многих случаях знание о существовании декабристского общества само по себе влекло за собой привлечение к ответственности.

Прозвучавшая на следствии формулировка цели общества, сообщенная Голицыну («распространение просвещения и усовершенствование самого себя»), как правило, была известна «новопринятым» членам, составлявшим в Северном обществе разряд «согласных». С течением времени она наполнялась политическим содержанием, становясь одним из «средств достижения» политической цели. Именно так, например, обстояло дело с офицерами Преображенского полка Ф. В. Вольским и Д. П. Зыковым, входившими в круг знакомых и друзей братьев А. М. и В. М. Голицыных, первоначально ознакомленными с «просветительской целью», а со временем узнавшими о намерениях «преобразовать правительство» [ВД, 1984, с. 214, 227]. Оба офицера подверглись несудебному наказанию, поскольку выяснилась их осведомленность о политических целях Северного общества. Думается, сходный путь проделал и Александр Голицын. Во всяком случае, мы должны согласиться с М. В. Нечкиной, которая критически отнеслась к показаниям Вольского, утверждавшего, что ему самому была открыта только «просветительская цель». В предисловии к публикации дела Вольского историк подчеркивала: «Поверить его утверждению, что в момент принятия в члены ему была сообщена только нравственная цель общества, невозможно. Северное общество всегда имело цель политическую и сообщало ее членам» [Нечкина, 1984, с. 15]. Мы можем скорректировать эту позицию, сделав оговорку: политические намерения декабристского союза могли быть открыты с течением времени, после приема в члены общества.

Итоговый вывод следствия, при анализе его формулировок, выглядит внутренне противоречивым. Голицын оказался извещенным о существовании тайного союза, но не донес об этом правительству (за «недонесение» следовало соответствующее обвинение), показания основного свидетеля, отказавшегося от первоначального утверждения о состоявшемся приеме, противоречили друг другу. К этому необходимо добавить, что другие подследственные (опрошенные далеко не в полном составе) в ряде случаев подтверждали членство Голицына и надежды на него, питаемые заговорщиками. Однако эти свидетельства остались неучтенными, уличающие данные не были приняты во внимание либо были истолкованы в пользу оправданного лица.

3.3. Причины оправдательного решения: тактика защиты А. М. Голицына, влияние родственных связей

Почему же, несмотря на уличающие показания, Голицын был признан непричастным к делу? Чтобы ответить на этот вопрос, следует остановиться на тактике защиты, которой придерживался Голицын на допросах и в письменных показаниях и которая, очевидно, принесла ему официальное оправдание.

Не отрицая установленный следствием факт разговора с Ф. В. Вольским, а также вытекавшую из него осведомленность о существовании тайного общества, Голицын постарался лишить этот факт обвинительного значения. Прежде всего, он решительно отверг свое присоединение к тайному обществу в качестве действительного члена и, следовательно, организационную принадлежность к нему. Утверждая, что в отдельном случайном разговоре ему было открыто лишь существование конспиративного союза и сообщена его «нравственно-благотворительная» цель (что в действительности являлось одним из этапов процедуры приема в Северное общество [ВД, 1984, с. 214]), но отвергая при этом полноценное членство, Голицын выводил за рамки расследования вопрос о своем участии в деятельности конспиративной организации. Речь уже шла не о принадлежности к тайному обществу, а только об осведомленности о его существовании. Голицын оказывался лицом, не принадлежавшим к Северному обществу, не участвовавшим в его конспиративной активности.

Принципиально важным было утверждение о том, что Голицын не дал положительного ответа (своего согласия) на предложение вступить в декабристский союз. Тем самым Голицын удостоверял, что его принятие не состоялось; одновременно заявлялось нежелание быть участником конспиративной организации, подспудно подразумевалось несовпадение его взглядов с взглядами и намерениями деятелей декабристского общества.

Далее следует обратить внимание на уверения Голицына в том, что он получил сведения только о просветительской и благотворительной целях того общества, о котором ему сообщил Вольский. Это показывало неосведомленность о политических намерениях тайной организации, отстраненность от такого рода настроений и взглядов.

Наконец, еще один элемент защитной тактики Голицына — отрицание продолжительных и постоянных контактов с членами общества. По его уверению, у него был лишь один разговор с Вольским о тайном союзе. Стремившийся оправдать себя подследственный подчеркивал случайность состоявшегося разговора, его единичность, стараясь убедить следствие в отсутствии постоянных и устойчивых связей с заговорщиками.

В результате значение разговора с Вольским и сделанного им предложения о вступлении в тайное общество предельно ослаблялось. Факт состоявшегося приема в члены организации заменялся расплывчатой формулировкой, согласно которой Голицыну были открыты существование общества и его «просветительская» цель, при этом офицер якобы ответил отказом на предложение стать членом. Категоричное отрицание членства, настойчивое утверждение, что согласие на предложение Вольского не было дано, — все это заслонило собой первоначальное свидетельство

наиболее авторитетного свидетеля об осуществленном им лично приеме нового члена.

По итогам рассмотрения полученных показаний, опираясь на оправдания Голицына и изменение в позиции основного свидетеля Вольского, Следственный комитет принял решение не считать Голицына участником тайного общества. Дальнейшее выяснение степени осведомленности Голицына о Северном обществе, продолжительности его контактов с членами тайного союза было оборвано. Узнал ли Голицын о политической цели — осталось неизвестным в силу отсутствия соответствующих следственных разысканий. Не были опрошены участники Северного общества, проявлявшие активность в 1823 году или вошедшие в состав организации в одно время с Голицыным — его младший брат Валериан, Д. П. Зыков, А. В. Поджио и др.

Почему следствие оказалось не слишком настойчивым в выяснении характера связей, соединявших Голицына с конспиративным союзом, и было прекращено после получения противоречивых показаний членов Северного общества? В фактическом прекращении следственных действий ощущается влияние посторонних для расследования факторов. Такому выводу оказывает поддержку тот факт, что следствие немедленно «ухватилося» за изменение показаний Вольского, которое было направлено в сторону снятия обвинений, имевшихся против Голицына. Получив принципиальное изменение позиции основного обвинителя, следователи немедленно запросили у императора разрешение на освобождение подозреваемого.

Кто мог быть заинтересован в сворачивании расследования «виновности» Голицына? Представляется, что таким лицом был А. Н. Голицын — влиятельный член Следственного комитета, близкий к царской семье, дядя А. М. и В. М. Голицыных, сводный брат их отца — бывшего ярославского губернатора М. Н. Голицына. Если спасти от судебного приговора младшего из братьев, В. М. Голицына, учитывая собранный в его отношении уличающий материал, было невозможно — следствие располагало данными о том, что он не только был членом Северного общества, но и соглашался с планами Южного общества по введению республиканского строя [ВД, 1976, с. 229], то в ситуации со старшим братом имелись возможности для снятия выдвинутых обвинений. Подчеркнем, что в отношении других оправданных лиц, за которых ходатайствовали влиятельные родственники, следствие также не было настойчивым, допуская ускорение темпа расследования и не учитывая обвиняющих показаний (случай В. Ф. и И. Ф. Львовых, М. Ф. Голицына, А. А. Плещеева и др.) [Ильин, 2014а; Ильин, 2014б].

В связи с этим можно полагать, что в условиях явно незаконченного и неполного расследования было принято решение — вывести Александра

Голицына из числа лиц, признанных членами тайных обществ и подлежащих наказанию, и считать его оправданным от прозвучавших обвинений. Вердикт оправдательного характера не мог быть принят без санкции Николая I, курировавшего ход расследования. Важную роль играла позиция, занимаемая императором в отношении подследственного. Твердость при допросах, последовательно проведенная «линия защиты» Голицына могли произвести впечатление на царя — подобные случаи «очищения» от обвинений получали с его стороны поддержку, несмотря на первоначальные показания об участии в «злоумышленном» обществе¹.

3.4. Свидетельства источников, опровергающие оправдательный вердикт. Мемуарные указания о А. М. Голицыне-заговорщике

Кроме полученных в ходе следствия свидетельств, которые учитывались при решении участи Голицына или были нейтрализованы «линией защиты» обвиняемого и влиянием высокопоставленных заступников, существуют другие показания, сохранившиеся в фонде следствия. Они дают основания для вывода, противоположного оправдательному вердикту. Судя по всему, эти данные не были учтены следствием: не обнаруживается никаких следов интереса к ним в связи с расследованием дела Голицына.

Во-первых, это показание М. И. Муравьева-Апостола, некоторое время находившегося в Петербурге в качестве представителя Южного общества и принимавшего участие в делах «северян». Согласно его показанию, которое датируется 11 или 12 апреля 1826 года [ВД, 1950, с. 270, 271], брат В. М. Голицына, «офицер артиллерийский», находился на совещании руководящих членов Северного общества на квартире А. В. Поджою в конце 1823 года [ВД, 1950, с. 258]. На совещании обсуждались конституционные проекты, собравшиеся члены говорили об американской конституции. В этом собрании, помимо А. М. Голицына и хозяина квартиры Поджою, участвовали Н. М. Муравьев, Е. П. Оболенский, В. М. Голицын, неназванный офицер л.-гв. Преображенского полка (Ф. В. Вольский или Д. П. Зыков) и сам Муравьев-Апостол, выступающий, таким образом, в качестве очевидца.

Во-вторых, еще одним свидетельством, оказавшимся не учтенным при расследовании дела А. М. Голицына, является показание М. Ф. Митькова, датированное 25 апреля 1826 года [ВД, 1927, с. 209]. Согласно этому показанию, в конце 1823 года или начале 1824 года на совещании в квартире Оболенского, где обсуждалась республиканская программа Южного общества, присутствовали двое князей Голицыных [ВД, 1927, с. 208] —

1 См., например, случаи полковых командиров 1-й армии Ф. К. Левенталья и В. К. Ширмана, в короткий срок освобожденных из-под ареста, армейского офицера Ф. Е. Врангеля и др. [Ильин, 2004, с. 219—228].

очевидно, это были В. М. Голицын и его старший брат А. М. Голицын¹. В этом собрании участвовали еще Оболенский, Поджио, неизвестный автору показания «господин во фраке» и сам Митьков, поэтому его показание также является свидетельством очевидца, видевшего двух Голицыных в числе участников заседания. Согласно показаниям А. В. Поджио (ответы на вопросы следствия от 3 марта 1826 года), на этом заседании он вместе с окружавшими его В. М. Голицыным и Митьковы, втроем, выразили согласие с целями Южного общества — установлением в России республики и нейтрализацией царской семьи [ВД, 1954, с. 70—71]. А. М. Голицын в этом разговоре, по имеющимся показаниям, не участвовал, но, возможно, до него дошла информация о радикальном республиканском характере политических замыслов «южан».

Если принять во внимание эти показания, то перед нами открывается совершенно другая картина участия Голицына в декабристском движении, по сравнению с ранее рассмотренными данными. Прежде всего, присутствие на совещаниях Северного общества свидетельствует о полноценном членстве в декабристском союзе. На подобного рода заседаниях активного «ядра» заговорщиков присутствовали члены общества, прошедшие через все этапы процедуры приема. Оба совещания «убежденных» участников Северного общества (относившихся к высшему разряду членства), в числе которых оказались Голицыны, насколько можно судить по приведенным показаниям, находились в ряду заседаний, проходивших осенью 1823 — весной 1824 годов на квартирах И. И. Пущина, М. Ф. Митькова, М. М. Нарышкина, К. Ф. Рылеева. На них обсуждались программа и организационное устройство «северян», проекты будущего конституционного устройства [Аксенов, 1951, с. 162—174; Нечкина, 1955, с. 31—34]. Участие в перечисленных заседаниях А. М. Голицына не фиксируется, но его более активный брат присутствовал только на одном из них. Можно заключить, что недавно поступившие в тайное общество сначала Валериан, а затем Александр Голицыны (о сроках их вступления см.: [Ильин, 2004, с. 630]) были приглашены к заседаниям «ядра» Северного общества, где обсуждались важные вопросы программы и тактики декабристского союза. Анализируемые показания снимают с повестки дня вопрос о будто бы имевшем место отказе Голицына от вступления в Северное общество, о его несостоявшемся приеме и организационной непричастности к дека-

1 Следует отметить, что в 1823 году с Оболенским не был связан ни один из князей Голицыных, причастных к движению декабристов, кроме А. М. и В. М. Голицыных. М. Ф. Голицын еще не находился в орбите Северного общества — он окажется включенным в его деятельность лишь в 1825 году, а бывшие члены Союза благоденствия П. А. Голицын и П. Б. Голицын в это время не были в Петербурге и не могли присутствовать на собрании.

бристскому союзу. Скорее всего, эти утверждения, берущие свое начало в защитной тактике обвиняемого, не соответствуют действительности: Александр Голицын вступил в Северное общество и состоял в нем полноправным членом.

Приведенные данные обнаруживают вовлеченность Голицына в деятельность Северного общества: он не только является полноценным членом, но и участвует в важных заседаниях. Находясь в числе участников этих заседаний, он, несомненно, получает четкое представление о политическом характере намерений конспираторов, их целях, замыслах преобразования государственного устройства, готовящихся конституционных проектах. Подчеркнем, что все это было полностью скрыто от следствия не только Александром Голицыным, но и другими подследственными, включая тех, кто был назван в качестве участников заседаний в разбираемых показаниях (Никита Муравьев, Оболенский, Поджою). Это наглядно показывает, что от внимания следователей был скрыт значительный пласт информации о деятельности Голицына в декабристском обществе.

Нельзя не обратить внимание на повестку дня заседаний, о которых говорится в показаниях. В первом случае речь шла об обсуждении конституционного устройства иностранных государств, а присутствие на собрании Никиты Муравьева указывает, возможно, на обсуждение первого варианта сочиненной им конституции, законченного к моменту совещаний 1823 года, или положений готовящегося второго варианта [Дружинин, 1985, с. 138—139]. На другом заседании собравшиеся члены говорили о программе Южного общества, республиканских устремлениях «южан» и замыслах царевубийства. Очевидно, вопросы, связанные с программными задачами декабристских союзов, могли обсуждаться лишь в кругу «убежденных» членов, составлявших «ядро» Северного общества.

Итак, благодаря не учтенным в ходе следствия показаниям М. Ф. Миткова и М. И. Муравьева-Апостола выясняется, что уровень осведомленности А. М. Голицына о намерениях декабристского союза был практически такой же, как у его младшего брата [ВД, 1976, с. 229]; в этом случае Александр Голицын должен был подвергнуться суду и получить приговор — вечное поселение в Сибири [Декабристы ..., 1988, с. 53]. Однако следственными материалами, не учтенными в ходе процесса, документальные свидетельства об участии в декабристском движении офицера-артиллериста Голицына не исчерпываются. «Снятое» по итогам следствия обвинение в принадлежности к тайному обществу находит подтверждение в мемуарных источниках.

Очерк «Четырнадцатое декабря», написанный И. Д. Якушкиным на основе рассказов Е. П. Оболенского, И. И. Пущина и других осведомленных

участников заговора 1825 года и восстания на Сенатской площади, оказавшихся вместе с автором в сибирской ссылке, содержит неожиданную информацию о А. М. Голицыне. По данным мемуариста, этот офицер был непосредственным участником тайного общества и выступления декабристов 14 декабря в Петербурге: «В пешей артиллерии было так же, как и в конной, некоторое беспокойство: князь Алекс[андр] Голицын и другие офицеры, члены общества, не хотели присягать. Полковник Сумароков посадил их под арест, и движение, проявившееся между солдатами, прекратилось» [Якушкин, 1993, с. 243; Якушкин, 2007, с. 150]. Из мемуарного документа явствует, что Голицын не только состоял членом декабристской организации, не только знал о готовящемся восстании и согласился принять в нем участие, но и непосредственно действовал во время событий 14 декабря и был по этой причине арестован. Эти сведения, полученные, по-видимому, от руководителей декабристского заговора 1825 года (Оболенского и Пущина), не прозвучали на следствии.

Из очерка Якушкина данные о Голицыне как участнике восстания 14 декабря перекочевали в записки М. А. Бестужева «14 декабря 1825 года», не претерпев изменений: «Пешая гвардейская артиллерия не соединилась с нами потому, что князь Алек[сандр] Голицын и прочие члены общества по малодушию позволили полковнику Сумарокову себя арестовать» [Воспоминания Бестужевых ..., 2005, с. 77]. Итак, по сведениям мемуаристов, Голицын в результате своих действий 14 декабря был арестован, но документальных свидетельств этому у нас нет. Бестужев подтвердил данные об участии Голицына в декабристском союзе и сопротивлении присяге 14 декабря, не поместив в своем тексте никаких уточнений или возражений к тексту Якушкина.

Возражения представили историки. Г. С. Габаев выразил сомнения по поводу свидетельств Якушкина и Бестужева: полковник С. П. Сумароков находился на момент событий 1825 года в отставке, а про Голицына «расследование установило лишь, что в 1823 году ему предлагали вступить в тайное общество, но он отказался» [Габаев, 1926, с. 187]. Если первое утверждение историка не вызывает возражений, то второе не относится к событиям 1825 года и поэтому не может служить опровержением сведений, сообщенных мемуаристами. Кроме того, Габаев некритически воспроизводит итоговое заключение следствия, не углубляясь в разбор имеющихся следственных показаний. В силу этого утверждение Габаева не может перечеркнуть свидетельства осведомленных участников событий.

Еще один мемуарист, пользовавшийся информацией, полученной от участников событий, — Д. И. Завалишин, — говоря об артиллерийских выстрелах против восставших, произведенных 14 декабря орудиями 1-й

гвардейской артиллерийской бригады, в которой служил Голицын, сообщал: «...офицеры же вынудили солдат стрелять, а те из них, которые сами принадлежали к Южному обществу, не сумели воспрепятствовать тому». В примечании мемуарист пояснял: «Когда я спросил потом кн[язя] Александра Голицына, как же это он допустил стрелять Бакунина и привозить заряды Философова, над которыми имел неоспоримое влияние, если даже и они не были сами еще членами тайного общества, то он сказал мне: “Что же было делать?” — и сознался, что когда Бакунин спрашивал его, то он сказал, что надо стрелять» [Завалишин, 2003, с. 262—263]. Завалишин известен как автор свидетельств, не всегда выдерживающих критическую проверку. В данном случае вызывает сомнения отнесение Голицына к числу членов Южного общества (очевидно, имеется в виду его петербургский филиал): никакими данными, подтверждающими это сообщение, исследователь не располагает. Возможно, в основе указания Завалишина лежали сведения о том, что некоторые офицеры гвардейской Конной артиллерии (С. И. Кривцов) состояли в петербургском филиале «южан» [Декабристы ..., 1988, с. 91]. Тем не менее под пером Завалишина Голицын предстает участником декабристского союза, имеющим влияние на офицеров артиллерийской бригады, пользующимся среди них авторитетом, поскольку к нему обращались с вопросом о том, как действовать в возникшей 14 декабря ситуации, — но все же не принявшим участия в событиях на стороне заговорщиков.

Итак, осужденные декабристы (Оболенский, Пущин и, возможно, другие), ставшие источником данных для Якушкина, Бестужева и Завалишина, считали Голицына членом общества, принимавшим участие в событиях 1825 года. Появление в декабристских мемуарах сведений о принадлежности Голицына к заговору 14 декабря демонстрирует пласт скрытой от следствия информации. Эти данные поступили к мемуаристам от организаторов выступления 14 декабря, в руках которых находились конспиративные нити, ведущие к офицерам, на которых можно было опереться в гвардейских частях, кто готов был поддержать заговорщиков.

Неожиданное появление Голицына в качестве участника заговора и событий 14 декабря в декабристских мемуарах следует признать важным симптомом. Эти указания отражают информацию, которая циркулировала среди осужденных декабристов — ведь имя Александра Голицына как лица, причастного к действиям заговорщиков во время событий на Сенатской площади, не фигурировало ни в одном из официальных документов, введенных в публичный оборот после 14 декабря, ни в материалах следствия. Эта страница его участия в декабристском движении осталась тайной как для следствия, так во многом и для декабристоведения.

Приведенные данные меняют общую картину причастности Голицына к движению, корректируют соотношение между проявленными в показаниях и скрытыми на следственном процессе обстоятельствами, показывают, что следствие не только не учитывало в полном объеме имевшиеся показания, но и не располагало всей информацией об участии этого офицера в декабристской организации.

3.5. Реконструкция участия А. М. Голицына в тайном обществе и заговоре 1825 года

Установленные следствием факты были лишь частью общей картины участия Александра Голицына в тайном обществе и заговоре 1825 года. Более полную картину можно представить в следующем виде.

Первоначальные показания Ф. В. Вольского говорят о том, что Голицын был принят в Северное общество во второй половине 1823 года — очевидно, вслед за младшим братом Валерианом и в связи с этим обстоятельством (В. М. Голицын был принят в Северное общество А. В. Поджио летом 1823 года [ВД, 1954, с. 48; ВД, 1976, с. 219]). Как и другим вновь поступившим членам, сначала ему была открыта «нравственно-просветительская» цель общества, но вскоре он узнал политическую программу тайного союза. В конце того же 1823 года Александр Голицын вместе с братом принял участие в заседаниях «ядра» Северного общества на квартирах А. В. Поджио и Е. П. Оболенского (о чем известно из показаний М. И. Муравьева-Апостола и М. Ф. Митькова). Он не только узнал о потаенных политических планах руководителей Северного общества, участвуя в обсуждении конституционного устройства иностранных государств, знакомясь с положениями конституции Н. М. Муравьева и программными требованиями конспиративной организации, но и, возможно, получил также сведения о существовании Южного общества, его республиканской цели и замыслах царевубийства. Впрочем, эти сведения он мог получить и от хорошо информированного младшего брата.

Далее Голицын не прерывает отношений с декабристским союзом и, хотя, вероятно, отходит от активного участия в собраниях «ядра» Северного общества, все же поддерживает с ним связь на протяжении 1824—1825 годов. В условиях междоусобицы 1825 года, судя по всему, он входит в число участников заговора в Петербурге. Если опираться на указание Д. И. Завалишина, Голицын был руководящим заговорщиком в гвардейской пешей артиллерии: под его влиянием находились офицеры 1-й артиллерийской бригады, но практического значения для декабристского восстания это обстоятельство, по-видимому, не имело. Кроме мемуарных свидетельств, у нас нет подтверждений его участия в попытках сопротивления присяге Николаю I. Арест Голицына 14 декабря, как и его участие

в выступлении заговорщиков в гвардейской артиллерии, не подтверждаются другими источниками, но полностью отвергать возможность такого рода событий у нас нет оснований.

4. Заключение = Conclusions

Случай Александра Голицына — один из наиболее показательных примеров участников декабристского движения, избежавших наказания благодаря занятой на следствии позиции отрицания принадлежности к тайному обществу. Вместе с тем важную, если не решающую роль в благоприятном для Голицына исходе следствия нужно отвести молчанию его товарищей по конспиративному союзу, сокрытию подлинных обстоятельств участия этого офицера в Северном обществе и заговоре 1825 года. Значительное воздействие на оправдательный вердикт следствия оказали родственные связи подозреваемого, которые представлены фигурой А. Н. Голицына — близкого к императорской семье сановника и члена Следственного комитета.

Сворачивание следствия, его незаконченность, невнимание к обвинительным показаниям отличают расследование по делу Голицына, как и случаи других оправданных декабристов; данное расследование является в этом отношении особенно наглядным примером. В ходе следствия было ослаблено обвинительное значение показаний Ф. В. Вольского, который полностью изменил их содержание, отступив от первоначальных утверждений о произведенном им приеме Голицына в тайное общество, а свидетельства А. А. Бестужева, М. И. Муравьева-Апостола и М. Ф. Митькова об участии Голицына в декабристской организации не были приняты во внимание.

Вывод о полноценном участии в движении декабристов определенной части лиц, оправданных в ходе процесса 1825—1826 годов, сделанный на основе критики и сопоставления следственных показаний, находит яркое подтверждение в случае Голицына. Отметим, что указания на его участие в декабристском обществе содержатся как в следственных показаниях, так и в мемуарных источниках. Это обстоятельство говорит в пользу обоснованности результатов проделанного нами анализа исторических документов — в первую очередь следственных материалов. Вопреки заключению официального расследования, оправдавшего Голицына от предъявленных обвинений, историк имеет все основания сделать иной вывод — о принадлежности этого офицера к числу участников декабристского движения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...» [А. Д. Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — С. 215—345. — ISBN 5-88663-013-9.
2. ВД — *Восстание декабристов. Документы*. — Москва; Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — Т. I. — 540 с.; 1927. — Т. III. — 448 с.; 1950. — Т. IX. — 308 с.; 1954. — Т. XI. — 436 с.; 1976. — Т. XIV. — 508 с.; 1986. — Т. XVI. — 400 с.; 1984. — Т. XVIII. — 368 с.
3. *Воспоминания Бестужевых*. — Санкт-Петербург : Наука, 2005. — 892 с. — ISBN 5-02-026370-2.
4. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 48 (Следствие и суд по делу декабристов). Ф. 48. Оп. 1. Д. 209 (А. М. Голицын).
5. *Декабристы*. Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — 448 с. — ISBN 5-02-009485-4.
6. *Завалишин Д. И. Воспоминания* / Д. И. Завалишин. — Москва : Захаров, 2003. — 608 с. — ISBN 5-8159-0357-4.
7. *Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина*. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — 740 с. — ISBN 5-02-026437-7.
8. *Якушкин И. Д. Четырнадцатое декабря* / И. Д. Якушкин // Мемуары, статьи, документы. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. — С. 234—250. — ISBN 5-7424-0540-5.

Литература

1. *Аксенов К. Северное общество декабристов* / К. Аксенов. — Ленинград : Ленингр. газетно-журн. и книжн. изд-во, 1951. — 320 с.
2. *Бокова В. М. Эпоха тайных обществ : русские общественные объединения первой трети XIX в.* / В. М. Бокова. — Москва : Реалии пресс, 2003. — 656 с. — ISBN 5-901976-10-X.
3. *Габаев Г. С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года (военно-историческая справка)* / Г. С. Габаев // Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. — С. 155—206.
4. *Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года* / Я. А. Гордин. — Ленинград : Лениздат, 1989. — 398 с. — ISBN 5-289-00263-4.
5. *Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев* / Н. М. Дружинин // Революционное движение в России в XIX в. — Москва : Наука, 1985. — С. 5—304.
6. *Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг.* / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — 664 с. — ISBN 5-98187-034-6.
7. *Ильин П. В. Обманувшие следствие : к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825—1826 гг.* / П. В. Ильин // Русская история и историческая мысль XIX — XX вв. Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2006. — С. 185—195. — ISBN 5-98187-072-9.
8. *Ильин П. В. Незамеченный участник Союза благоденствия : князь Павел Борисович Голицын* / П. В. Ильин // Декабристы в Петербурге. Новые исследования и материалы. — Санкт-Петербург : ДНК, 2009. — С. 354—382. — ISBN 978-5-901562-81-9.
9. *Ильин П. В. Декабристы, оправданные на следственном процессе : случай И. Ф. Львова* // Клио. — 2024а. — № 8 (212). — С. 106—114. — DOI: 10.24412/2070-9773-2024-8-106-114.

10. Ильин П. В. Декабристы, оправданные на следствии : офицеры-конногвардейцы М. Ф. Голицын, А. К. Ливен, А. А. Плещеев / П. В. Ильин // Клио. — 2024б. — № 9 (213). — С. 91—99. — DOI: 10.24412/2070-9773-2024-9-91-99.
11. Ильин П. В. П. Я. Ренненкампф : незамеченный декабрист-заговорщик / П. В. Ильин // Научный диалог. — 2024в. — Т. 13. — № 5. — С. 409—436. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436.
12. Нечкина М. В. Движение декабристов / М. В. Нечкина. — Москва : Изд. Академии наук, 1955. — Т. 2. — 508 с.
13. Нечкина М. В. Предисловие / М. В. Нечкина // Восстание декабристов. Документы. — Москва : Наука, 1984. — С. 7—16.
14. Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года / М. В. Нечкина. — Москва : Мысль, 1985. — 256 с.
15. Порох В. И. Декабрист И. Д. Якушкин / В. И. Порох, И. В. Порох // Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. — С. 5—74.
16. Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года / А. Е. Пресняков. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. — 226 с.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025,
одобрена после рецензирования 08.10.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.

Material resources

- “Alphabet to members of former malicious secret societies and persons involved in the case...”
[A. D. Borovkova]. (1988). In: *The Decembrists. Biographical reference book*. Moscow: Nauka Publ. 215—345. ISBN 5-88663-013-9. (In Russ.).
- GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. 48 (Investigation and trial of the Decembrists). F. 48. Op. 1. D. 209 (A. M. Golitsyn)*. (In Russ.).
- Memoirs of the Bestuzhevs*. (2005). Saint Petersburg: Nauka Publ. 892 p. ISBN 5-02-026370-2. (In Russ.).
- Notes, articles and letters of the Decembrist I. D. Yakushkin*. (2007). Saint Petersburg: Nauka Publ. 740 p. ISBN 5-02-026437-7. (In Russ.).
- The Decembrists. Biographical reference book*. (1988). Moscow: Nauka Publ. 448 p. ISBN 5-02-009485-4. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents*. (1925, 1927, 1950, 1954, 1976, 1986, 1984). Moscow; Leningrad: State Publishing House. (In Russ.).
- Yakushkin, I. D. (1993). The fourteenth of December. In: *Memoirs, articles, documents*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 234—250. ISBN 5-7424-0540-5. (In Russ.).
- Zavalishin, D. I. (2003). *Memoirs*. Moscow: Zakharov. 608 p. ISBN 5-8159-0357-4. (In Russ.).

References

- Aksenov, K. (1951). *The Northern Society of the Decembrists*. Leningrad: Leningr. gazetnozhurn. and books. publishing house. 320 p. (In Russ.).
- Bokova, V. M. (2003). *The era of secret societies: Russian public associations of the first third of the 19th century*. Moscow: Realii press. 656 p. ISBN 5-901976-10. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1985). The Decembrist Nikita Muravyov. In: *The Revolutionary movement in Russia in the 19th century*. Moscow: Nauka. 5—304. (In Russ.).

- Gabaev, G. S. (1926). The Guard in the December days of 1825 (military historical information). In: *Presnyakov A. E. December 14, 1825*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 155—206. (In Russ.).
- Gordin, Ya. A. (1989). *The rebellion of reformers. December 14, 1825*. Leningrad: Lenizdat. 398 p. ISBN 5-289-00263-4. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2004). *New about the Decembrists. Members of secret societies and military actions of 1825—1826 who were pardoned, acquitted and undetected by the investigation*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 664 p. ISBN 5-98187-034-6. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2006). Deceived the investigation: towards the study of methods and techniques for the protection of the accused at the Decembrist trial of 1825—1826. In: *Russian history and historical thought of the XIX — XX centuries. Collection of articles on the 75th anniversary of A. N. Tsamutali*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 185—195. ISBN 5-98187-072-9. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2009). An unnoticed participant in the Union of Prosperity: Prince Pavel Borisovich Golitsyn. In: *Decembrists in St. Petersburg. New research and materials*. Saint Petersburg: DNA. 354—382. ISBN 978-5-901562-81-9. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2024). Pavel Rennenkampf: Unnoticed Decembrist Conspirator. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 409—436. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2024a). The Decembrists, acquitted at the investigative process: the case of I. F. Lvov. *Klio*, 8 (212): 106—114. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-8-106-114. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2024b). Decembrists acquitted during the investigation: Horse Guards officers M. F. Golitsyn, A. K. Lieven, A. A. Pleshcheev. *Klio*, 9 (213): 91—99. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-9-91-99. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1955). *The Decembrist movement*, 2. Moscow: Publishing House. Academy of Sciences. 508 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1984). Preface. In: *The Decembrist Uprising. Documents*. Moscow: Nauka Publ. 7—16. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1985). *Day of December 14, 1825*. Moscow: Mysl. 256 p. (In Russ.).
- Porokh, V. I., Porokh, I. V. (1993). Decembrist I. D. Yakushkin. In: *Yakushkin I. D. Memoirs, articles, documents*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 5—74. (In Russ.).
- Presnyakov, A. E. (1926). *December 14, 1825*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 226 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.06.2025;
approved after reviewing 08.10.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*

Информация для цитирования:

Магадеев И. Э. Стратегический коридор : Восточная Галиция и Подкарпатская Русь во французских планах противодействия Советскому государству (1920—1923 годы) / И. Э. Магадеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 489—506. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-489-506.

Magadeev, I. E. (2025). Strategic Corridor: Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia in French Counter-Soviet Planning (1920–1923). *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 489-506. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-489-506. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Стратегический коридор: Восточная Галиция и Подкарпатская Русь во французских планах противодействия Советскому государству (1920—1923 годы)

Магадеев Искандэр Эдуардович

orcid.org/0000-0002-6521-2202

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и политики
стран Европы и Америки
iskander2017@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-18-00461,
<https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

Strategic Corridor: Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia in French Counter-Soviet Planning (1920–1923)

Iskander E. Magadeev

orcid.org/0000-0002-6521-2202

PhD in History, Associate Professor,
Department of History and Politics
of Europe and America
iskander2017@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00461,
<https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена роли двух исторических областей — Восточной Галиции и Подкарпатской Руси — во французских планах противодействия Советскому государству в период с начала 1920 года по конец 1923 года. Новизна исследования видится в том, что указанные оценки рассмотрены не только в контексте двусторонних отношений Третьей Республики с теми государствами, на территории которых находились Восточная Галиция (Польша) и Подкарпатская Русь (Чехословакия), но и в более широком контексте французских представлений об архитектуре безопасности, в том числе отношений с Москвой. Актуальность исследования обусловлена повышенной военно-политической напряженностью в современной Восточной Европе. Источниками выступили опубликованные французские дипломатические и военные документы, материалы французских и российских архивов. Автор приходит к выводу о том, что в Париже придавали серьезное значение Восточной Галиции и Подкарпатской Руси как двум эшелонам антисоветского фронта. Показано, что французские власти осознавали уязвимость данных территорий и их возможное превращение в стратегический коридор для наступления Рабоче-крестьянской Красной армии на Запад. Вместе с тем подчеркивается, что французские расчеты нередко расходились с реальным положением дел на местах, что ослабляло прочность «санитарного кордона».

Ключевые слова:

Франция; Польша; Чехословакия; Восточная Галиция; Подкарпатская Русь; национальные меньшинства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the role of two historical regions — Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia — in French counter-Soviet strategies from early 1920 to late 1923. The novelty lies in considering these territories not only within the framework of bilateral relations between France and states where they were located (Poland for Eastern Galicia and Czechoslovakia for Subcarpathian Ruthenia), but also within a broader context of French conceptions about security architecture, including their relationship with Moscow. The relevance of this study is underscored by current heightened military-political tensions in contemporary Eastern Europe. Based on published French diplomatic and military documents as well as archival materials from both French and Russian repositories, the author concludes that Paris attached significant importance to Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia as two echelons of an anti-Soviet frontline. It is demonstrated that French authorities recognized the vulnerability of these areas and their potential transformation into a strategic corridor for advancements by the Workers' and Peasants' Red Army towards Western Europe. However, it is emphasized that French calculations often diverged from local realities, thereby weakening the robustness of the so-called “sanitary cordon.”

Key words:

France; Poland; Czechoslovakia; Eastern Galicia; Subcarpathian Ruthenia; national minorities

УДК 94(477.83/.87)“1920/1923”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-489-506

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Стратегический коридор: Восточная Галиция и Подкарпатская Русь во французских планах противодействия Советскому государству (1920—1923 годы)

© Магадеев И. Э., 2025

1. Введение = Introduction

На протяжении истории Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ) нередко являлась объектом борьбы между ведущими державами континента — прежде всего между Россией и Германией (в их различных исторических ипостасях). Имея в виду «волны» подобной конкуренции, французский географ Ж. Готтманн отнес субрегион к «приливно-отливным землям» Европы [Gottmann, 1962, p. 379].

Первая мировая война и «малые войны» 1918—1921 годов [Матвеев, 2015] стали одной из вех в истории геополитической борьбы за доминирование в ЦВЕ. По их итогам политическая и стратегическая карта субрегиона подвергалась кардинальным изменениям, если сравнивать ситуацию с той, что существовала до 1914 года. Эти изменения, наложившиеся на национальную «чересполосицу», наряду с целым рядом иных факторов, в том числе возникновением Советского государства, привели к серьезно-му усложнению военно-политической ситуации в ЦВЕ.

Одним из стратегических «перекрестков» новой геополитической карты субрегиона стали граничившие друг с другом исторические области — Восточная Галиция и Подкарпатская Русь (Рутения). Первая из них, охватывающая современные Ивано-Франковскую, Львовскую и Тернопольскую области Украины, стала после 1918 года объектом ожесточенной борьбы между польскими, украинскими и советскими войсками. Согласно решению, принятому Верховным советом Антанты 21 ноября 1919 года, Восточная Галиция была передана Польше в качестве мандата под контролем Лиги Наций сроком на 25 лет [Wandycz, 1962, p. 117]. Подкарпатская Русь, охватывающая прежде всего современную Закарпатскую область Украины согласно Сен-Жерменскому мирному договору от 10 сентября 1919 года (ст. 53) вошла в состав Чехословацкой республики (ЧСР) на правах автономной области [Чехословакия ..., 2020, с. 96—114].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — выявить роль и значение Восточной Галиции и Подкарпатской Руси во французских планах противодействия Советскому государству в период с начала 1920 года по конец 1923 года. На данный хронологический отрезок пришелся целый ряд судьбоносных событий, серьезным образом повлиявших на развитие ЦВЕ в межвоенное время. Прежде всего, речь шла о советско-польской войне 1919—1921 годов, завершившейся Рижским мирным договором, который определил базовые параметры стратегической ситуации на Востоке Европы вплоть до 1938—1939 годов.

Ратификация Версальского мирного договора в январе 1920 года была выбрана автором в качестве нижней хронологической границы. Ратификация как шаг, призванный утвердить Версальский порядок, на деле оказалась одним из начальных пунктов, а не завершением процесса послевоенной стабилизации. Декабрь 1923 года, связанный с окончанием наиболее острой фазы Рурского кризиса в Германии (спровоцирован вводом франко-бельгийских войск в январе того же года), а также с крахом надежд Москвы на скорую Немецкую революцию, ознаменовал начало более зримой, пусть и частичной стабилизации международно-политической ситуации в Старом Свете. Это обстоятельство определило выбор декабря 1923 года в качестве верхней хронологической границы.

Статья основана на корпусе опубликованных и архивных дипломатических и военных документов. В нем можно выделить четыре основных компонента.

Первый — опубликованные французские дипломатические документы за 1920—1923 годы [DDF, 1997—2013]. Они освещают основные направления деятельности МИД Третьей Республики. Отнюдь не все из этих документов введены в научный оборот отечественной историографии, что стимулирует к дальнейшей разработке данного корпуса источников.

Второй компонент — опубликованные военные документы Франции. Прежде всего, речь идет о материалах французской военной миссии в ЧСР [ММФ, 2009], а также о дневнике начальника Генштаба французской армии, генерала Э. Бюа (занимал пост в 1920—1923 годах) [Journal ..., 2015].

Документы французской военной миссии имеют для статьи повышенную ценность. Последняя обусловлена не только тем, что ЧСР была одним из «стратегических узлов» всей послевоенной Европы, но и тем обстоятельством, что французская военная миссия в стране занимала уникальное положение. В 1919—1925 годах французские генералы (сначала — М. Пелле, затем — Э. Миттельхаузер) не только возглавляли указанную миссию, но также занимали пост начальника Генштаба чехословацкой ар-

мии [Marès, 1983]. Оценки французской военной миссии в значительной степени определяли военное планирование ЧСР.

Третий компонент источниковой базы — материалы Архива Министерства Европы и иностранных дел Франции. Были использованы документы из личного фонда президента Третьей Республики А. Мильерана (занимал пост в 1920—1924 годах) [АМАЕ. 118 РААР. Vol. 67].

Наконец, четвертый компонент — материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Были привлечены отдельные документы из фонда эмигрантской организации во главе с Б. В. Савинковым «Народный союз защиты Родины и свободы», существовавшей в 1921—1924 годах с центром в Варшаве [ГАРФ, ф. Р-5872, оп. 2, д. 15].

Новизну статьи, помимо корпуса источников, определяет исследовательский подход — стремление автора раскрыть место Восточной Галиции и Подкарпатской Руси на стратегической карте ЦВЕ в начале 1920-х годов.

При изучении международной истории указанных областей в первые годы после окончания Первой мировой войны зарубежными исследователями приоритетное внимание уделялось следующим сюжетам: перипетии дипломатической борьбы на Парижской мирной конференции [Elcock, 1969; Orzell, 1980]; ход военных конфликтов на местах и их роль в оформлении межгосударственных границ [Švorc, 2003; V medzivojnovom Československu ..., 2012]; фактор галицийской нефти и конкуренция за контроль над ней [Frank, 2005]. Для работ ряда польских авторов были характерны стремление оправдать притязания Польши на Восточную Галицию [Skrzypek, 1948] и попытка доказать, что западные державы (прежде всего — Великобритания) проводили политику «умиротворения» Советской России [Nowak, 2023]. Внимание также уделялось дискуссиям по вопросам о национальных меньшинствах (в том числе о подкарпатских русинах) в рамках Лиги Наций [Дегтярев и др., 2020].

Французская внешняя политика в ЦВЕ преимущественно изучалась на уровне межгосударственных отношений [Wandycz, 1962; Davion, 2009; Dessberg, 2009]. Такой вполне легитимный подход все же несколько затенял региональный и трансграничный аспекты восприятия дипломатами и военными Третьей Республики роли отдельных исторических областей. Важное исключение в этом смысле — небольшая глава, написанная французской исследовательницей И. Давьон и посвященная ситуации в Подкарпатской Руси в условиях советско-польской войны [Davion, 2010].

Международная история Восточной Галиции и Подкарпатской Руси была исследована в зарубежной историографии более детальным образом, чем в отечественной. Советские и российские историки-слависты, как правило, изучали процессы внутривосточного и социально-экономического

развития указанных исторических областей в составе Польши и ЧСР, обращая особое внимание на проблему межнациональных отношений и территориального размежевания [Савченко, 2005; Пушкаш, 2006; Федевич, 2008]. Международные аспекты истории рассматривались преимущественно в контексте внешнеполитических курсов Польши, ЧСР, Венгрии и Советского государства, но не ведущих держав Запада [Зубачевский, 2014; Морозов, 2023]. Вопрос о французском присутствии в ЦВЕ и о его влиянии на развитие региональных государств, как правило, оставался в тени или был освещен очень кратко. Данный вопрос стали более детально исследовать в российской историографии лишь в последнее время [Враг ..., 2021, с. 7—205].

Повышенная военно-политическая напряженность в современной Восточной Европе определяет актуальность статьи и усиливает интерес к изучению места и роли «стратегических перекрестков» данного субрегиона в прошлом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Французские оценки роли Восточной Галиции и Подкарпатской Руси на новой стратегической карте ЦВЕ были концептуальной частью политики «санитарного кордона» (выстраивание антибольшевистского пояса стран на западных рубежах Советского государства) и политики «тыловых союзов» (выстраивание антигерманского пояса государств на Востоке, то есть в «тылу» Германии) [Hovi, 1984].

Система «тыловых союзов» и «санитарного кордона» мыслилась французскими дипломатами как максимально широкая по своему охвату, но фактически в первой половине 1920-х годов она состояла из следующих основных компонентов: франко-польский «альянс» 1921 года (слово «альянс» взято в кавычки «в связи с половинчатостью обязательств Франции») [Враг ..., 2021, с. 88], Малая Антанта (блок ЧСР, Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также Румынии, оформленный в 1920—1921 годах), польско-румынский альянс 1921 года, франко-чехословацкий «альянс» 1924 года.

3.1. Коридор для прорыва Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в Центральную Европу

В 1920—1923 годах, несмотря на определенные нюансы в оценках, Советское государство воспринималось в Париже прежде всего как потенциальный противник. Если исходить из этой логики, то сами географические реалии заставляли французских военных и дипломатов обращать внимание на возможный прорыв РККА в Центральную Европу именно через Восточную Галицию. В самом узком месте расстояние от советской границы до ЧСР составляло около 110 км — от Каменец-Подольска в составе

Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) (ныне — г. Каменец-Подольский) до восточных окраин Подкарпатской Руси, к югу от которой находилась враждебная ЧСР Венгрия. Притязания последней на территорию Подкарпатской Руси и Словакии рассматривались французскими военными как априорные [MMF, 2009, p. 10].

О том, что контроль над Карпатами обеспечивает «быстрый доступ к венгерской равнине», Бюа размышлял уже в годы Первой мировой войны, когда Россия была не противником, а союзником Франции [Journal ..., 2015, p. 92]. Эта базовая логика была характерна для французских военных и после 1918 года. В январе 1921 года члены французской военной миссии в ЧСР разрабатывали сценарий возможного советского наступления весной того же года через Галицию, которое «затронет территорию нескольких государств: сначала — Польши и Румынии, затем — Чехословакии и Венгрии. Это уязвимая точка», — подчеркивал автор документа, французский полковник А. Розе, занимавший пост главы 3-го (Оперативного) бюро Генштаба чехословацкой армии [MMF, 2009, p. 77].

В записке от 14 января 1921 года генерал М. Вейган — ближайший помощник одного из наиболее влиятельных французских военных этого периода, председателя Союзного военного совета в Версале маршала Ф. Фоша — отметил, что в случае прорыва польско-румынского фронта именно Подкарпатская Русь и «венгерская равнина» стали бы дальнейшими направлениями для наступления РККА [DDF, 2002, p. 623, note 1]. Аналогичный сценарий 10 февраля 1921 года, во время встречи с министром иностранных дел Польши Е. Сапегой, описал генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертело [DDF, 2004, p. 161].

Во французской военной миссии в Чехословакии Львов рассматривали как место сосредоточения ключевых железнодорожных коммуникаций и «путей для проникновения в Словакию и Подкарпатскую Русь» [MMF, 2009, p. 79]. В записке от 7 июля 1921 года, адресованной президенту ЧСР Т. Г. Масарику, Миттельхаузер подчеркнул необходимость расширить коммуникации на польско-румынском фронте в случае противостояния РККА. Из его размышлений также вытекало представление о ключевой роли Львова для цементировании антисоветского фронта.

Транслируя пожелания румынского командования, Миттельхаузер писал о необходимости продублировать имеющуюся железнодорожную линию, которую он считал очень уязвимой для удара со стороны РККА (Черновцы — Станислав (ныне — Ивано-Франковск) — Стрый — Львов), дополнительной линией (Коломыя — Мармарош-Сигет (ныне — Сигету-Мармацией) — Чоп — Львов) [DDF, 2005a, p. 26]. Розе рассматривал г. Чоп, через который проходила железная дорога Мукачево — Дебрецен,

как один из узловых пунктов в случае наступления РККА с севера (из района Мукачево — Ужгород — Прешов) на юг (в сторону венгерского города Шаторальяуйхей) [ММФ, 2009, р. 79].

Пик французских опасений, связанных с тем, что теоретические размышления о прорыве РККА через Восточную Галицию воплотятся в реальность, пришелся на лето 1920 года — время советских побед в войне против Польши. Примечательный документ того периода — план обороны ЧСР, подготовленный Розе 19 июля. Он был построен на гипотезе выхода РККА (после успехов в Восточной Галиции) к Карпатам. Однако, в отличие от приведенных выше разработок, Розе считал, что советские войска не будут далее прорываться на территорию ЧСР, а сделают ставку на подрыв внутренней ситуации в стране пропагандистскими и революционными методами. В связи с этим он рекомендовал сохранять режим диктатуры в Словакии и Подкарпатской Руси, установленный приказами французских генералов 5—6 июня 1919 года (был отменен лишь в начале 1922 года) [Чехословакия и Советская Россия, 2020, с. 117—118].

План Розе предполагал сосредоточиться на обороне трех основных путей проникновения в ЧСР: 1) дорога Воловец — Ужок — Лупков; 2) дорога на Прешов; 3) дорога на Ораву и Яблунков [ММФ, 2009, р. 46—49]. В позднейших недатированных разработках 3-го бюро Генштаба чехословацкой армии (лето 1921 года) были выделены четырех основных перевала в Карпатах, контроль над которыми открывал для РККА путь для дальнейшего продвижения: перевал Орлов (путь на Кошице), перевал Лупков (путь на Словенске-Нове-Место), перевал Ужок (путь на Ужгород и Чоп), Воловецкий перевал (путь на Мукачево) [ММФ, 2009, р. 118].

3.2. Два эшелона антисоветского фронта

Стратегическая ситуация на граничивших друг с другом территориях — в Восточной Галиции и Подкарпатской Руси — рассматривалась французскими военными и дипломатами как единая, состоящая из двух взаимосвязанных частей. Можно говорить о том, что представителями Третьей Республики указанные области воспринимались как два эшелона антисоветского фронта.

Как считали французские власти, польско-румынское взаимодействие было ключевым для недопущения прорыва РККА через Восточную Галицию. Однако, как подчеркивал посол Франции в Варшаве Г. де Панафье в донесении от 6 марта 1920 года, Варшава и Бухарест, заинтересованные в ослаблении Страны Советов, были вместе с тем разделены рядом противоречий. Среди прочего, согласно данным французского дипломата, в Бухаресте считали, что в случае войны основной удар РККА придется на северный (в направлении Литвы и Германии), а не на южный (через

Восточную Галицию) участок советско-польского пограничья [DDF, 1997, р. 319].

Такие расчеты подкрепляли желание румынских властей не ввязываться в войну из-за польских интересов, хотя у Бухареста имелись и собственные глубокие противоречия с Москвой (прежде всего — из-за аннексии Бессарабии Румынией, что не было признано советским правительством). Согласно данным, которые Пелле передал в МИД Франции 20 сентября 1920 года, премьер-министр Румынии, генерал (позднее — маршал) А. Авереску не желал иметь общей границы Румынии и Польши, которая возникла бы в случае передачи Восточной Галиции под польский суверенитет [DDF, 1999, р. 640].

Все же по итогам советско-польской войны и заключения военного альянса Польши и Румынии 3 марта 1921 года (предполагал совместные действия двух стран в случае войны против Советского государства) первый эшелон антисоветского фронта, как полагали в Париже, упрочился. С точки зрения французского посланника в Румынии Э. Дешнера, выраженной в донесении в Париж от 5 марта 1921 года, польско-румынский договор также предполагал поддержку Бухарестом польских претензий на Восточную Галицию и скорейшее закрепление ее за Второй Речью Посполитой в качестве части национальной территории, а не мандата Лиги Наций [DDF, 2004, р. 278].

Настойчивость польских властей, недовольных статусом Восточной Галиции как подмандатной территории, вызывала определенное раздражение в Париже [DDF, 2004, р. 72]. Тем не менее власти Третьей Республики поддерживали получение Польшей суверенитета над указанной территорией. Содействие правительства во главе с Р. Пуанкаре, особенно заинтересованного в польской поддержке в период Рурского кризиса, сыграло одну из определяющих ролей в решении Конференции послов ведущих стран Антанты, принятом 14 марта 1923 года. Согласно ему, территория Восточной Галиции намного раньше срока окончания предоставленного ранее мандата была включена в состав Польши [DDF, 2010, р. 273, 292]. Однако у этого решения было и «второе дно»: «... великие державы ограничились признанием свершившегося факта, не взяв на себя никакой ответственности за эти границы. Признание не могло рассматриваться как гарантии помощи Польше в случае войны против СССР» [Враг ..., 2021, с. 108]. В Париже продолжали считать, что ключевую роль в противодействии Советскому Союзу на Востоке Европы должны сыграть не западные державы, а региональные государства.

Помимо общих стратегических причин, нельзя не отметить и то, что внимание французских властей к Восточной Галиции было тесно связано

с интересами французских нефтяных компаний, стремящихся к контролю над имевшимися в регионе месторождениями нефти [DDF, 1999, р. 181, 576—577]. Потенциальная потеря этих ресурсов в случае успешного наступления РККА не только была по французским интересам, но и грозила тем, что эти ресурсы перейдут под советский контроль, укрепив тем самым военный потенциал Советского государства.

Именно Францию председатель Совета народных комиссаров УССР Х. Г. Раковский в феврале 1922 года рассматривал как главную покровительницу Польши, в том числе в вопросе присоединения к последней Восточной Галиции. Помимо политических факторов, советский деятель акцентировал такое обстоятельство, как масштабные французские инвестиции в Восточную Галицию: «... французский капитал вложил 68 % общей суммы, затраченной на восстановление дорог, нефтяной промышленности и вообще на воссоздание всего того, что было разрушено великой войной и тремя годами гражданской» [ГАРФ, ф. Р-5872, оп. 2, д. 15, л. 5—6].

Французские военные полагали, что территория Восточной Галиции прикрывала Подкарпатскую Русь, которая позиционировалась в качестве второго эшелона для противодействия РККА в случае ее прорыва на Запад [Враг ..., 2021, с. 29]. Как подчеркивал полковник Розе в январе 1921 года, «именно польские силы, действующие в районе Броды — Тернополь — Коломыя, обеспечивают защиту ЧСР от вторжения. Однако если эти силы отступят на Вислу, то граница по Карпатам останется полностью неприкрытой» [ММФ, 2009, р. 77].

В феврале 1921 года Миттельхаузер критиковал имевшиеся чехословацкие планы по мобилизации армии лишь в случае прорыва РККА (в ходе потенциальной войны против Польши и Румынии) к линии рек Западный Буг и Сан. Французский генерал считал такую мобилизацию армии (с ее последующим сосредоточением в районе Жилины и Кошице в Словакии с целью прикрыть «пути советского наступления на Вену и Будапешт») запоздалой. Он призывал начинать мобилизацию, «не дожидаясь прорыва польско-румынского фронта, а, напротив, с целью не допустить такой сценарий» [DDF, 2004, р. 188]. Розе исходил из того, что в случае войны чехословацкое командование должно как можно быстрее организовать «специальную службу разведки в Галиции, которая станет своего рода выдвинутым авангардом» армии [ММФ, 2009, р. 79].

Зона Подкарпатской Руси имела серьезное значение также для чехословацко-румынского взаимодействия на случай противодействия Венгрии. Об этом свидетельствовали уже ранние разработки французских военных на случай войны ЧСР против Венгрии, как, например, записка Пелле от 19 июля 1919 года [ММФ, 2009, р. 11]. Заключение чехословацко-румынско-

го соглашения о взаимопомощи 23 апреля 1921 года напрямую повлияло на изменение военных планов, которые строила французская военная миссия в ЧСР. Более ранний вариант оставления территории Подкарпатской Руси в случае войны ЧСР против Венгрии теперь рассматривался как неактуальный ввиду того, что Румыния могла оказать военную помощь и «парализовать венгерское наступление на словацком фронте» [ММФ, 2009, р. 110, 121].

3.3. Дополнительные факторы уязвимости Восточной Галиции и Подкарпатской Руси

Помимо географического фактора, восприятие рассматриваемых территорий в качестве уязвимых точек французскими военными и дипломатами усугублялось дополнительными обстоятельствами. Обратим внимание на два из них: во-первых, на роль Восточной Галиции и Подкарпатской Руси как «перекрестка» интересов различных региональных государств; во-вторых, на фактор национальных меньшинств.

Польско-чехословацкое приграничье являлось одной из «болевых зон» французской системы «тыловых союзов» в ЦВЕ [Davion, 2009]. Две страны, взаимодействие которых рассматривалось в Париже в 1920-е годы в качестве ключевого фактора для формирования потенциального Восточного фронта против Германии [DDF, 2004, р. 116—117, 188], были разделены целым рядом серьезных противоречий, прежде всего — территориального характера (по вопросам принадлежности приграничных Тешинской Силезии и Яворжины (Яворины)).

Усилия французской дипломатии, предпринимаемые в 1920-е годы по сближению Польши и Малой Антанты, не увенчались полноценным успехом. Польские власти, как свидетельствовала беседа посланника Польши в Париже М. Замойского с заместителем директора Управления политических и торговых дел МИД Франции Ж. Ларошем, состоявшаяся 13 марта 1923 года, рассчитывали на то, что взаимосвязь в сфере безопасности между Польшей, «прикрывавшей» ЧСР от РККА, стимулирует Прагу пойти на уступки Варшаве в вопросе принадлежности территорий близ спорной деревни Яворжина [DDF, 2010, р. 327]. Однако подобного «обмена» не произошло.

С декабря 1919 года во французской военной миссии в Праге всерьез разрабатывали варианты действий на случай войны ЧСР против Польши или даже против польско-венгерской коалиции (такое планирование было приостановлено лишь на фоне общей стабилизации в Европе в 1925 году) [ММФ, 2009, р. 23—34]. Дополнительная парадоксальность ситуации заключалась в том, что французская военная миссия имела в то время и в Польше. Потенциально, в случае польско-чехословацкой войны, французские офицеры могли оказаться по разные стороны фронта.

В октябре 1922 года Бюа с горечью фиксировал в дневнике сведения о том, что польский военный атташе в Праге не только занимается шпионажем, направленным против ЧСР, но и передает полученную информацию венграм — «злейшим врагам страны, в которой он аккредитован!» [Journal..., 2015, p. 1265]. Тогда же до Парижа доходили слухи, распространяемые польской дипломатией о том, что Прага выступала против передачи Восточной Галиции Польше и стремилась закрепить ее за ЧСР. Вариант образования общей советско-чехословацкой границы, который «отрежет поляков от румын», явно не устраивал французских военных [Journal..., 2015, p. 1265]. В июле 1923 года Бюа, основываясь на информации Миттельхаузера, продолжал исходить из того, что «чехи испытывают глубокое недоверие к своим северо-восточным соседям» [Journal ..., 2015, p. 1409]. Военные расчеты Парижа, предполагавшие тесное взаимодействие польской и чехословацкой армий, вступали в противоречие с политическими реалиями.

Французские военные уделяли повышенное внимание вопросам логистики на случай противостояния РККА. В этом аспекте противоречия между «союзниками» Франции вновь ослабляли систему «санитарного кордона».

Создание препятствий для железнодорожного сообщения друг с другом было характерно для политики польских и чехословацких властей уже в первые годы их послевоенных отношений. Правительство Польши затрудняло транспортное сообщение между Богемией и Тешинской Силезией в период военных столкновений между силами ЧСР и Венгрией летом 1919 года [MMF, 2009, p. 23]. Своего рода ответом чехословацких властей стало блокирование транзита через свою территорию военных грузов для Польши в конце июля — начале августа 1920 года, то есть во время судьбоносных боев польских сил против РККА под Варшавой [DDF, 1999, p. 357].

В январе–феврале 1921 года Вейган и МИД Франции исходили из того, что обеспечение транзита грузов через территорию ЧСР, а также поставки промышленной продукции будут основными формами содействия со стороны чехословацких властей Польше в случае советского или германского нападения на последнюю [DDF, 2002, p. 622]. Однако французские расчеты вновь разошлись с реальностью.

Приведем показательный пример. Новая железнодорожная линия, предложенная Миттельхаузером в июле 1921 года с целью укрепить польско-румынский фронт (о ней говорилось выше), проходила по территории ЧСР. Ее строительство требовало согласия Праги [DDF, 2005a, p. 26]. Однако чехословацкие власти отнюдь не спешили его давать. Как свидетельствовало совещание военных представителей стран Малой Антанты, состоявшееся в сентябре 1923 года в Праге, власти ЧСР выступили против использования

их железных дорог для потенциальной транспортировки польских войск в Румынию через территорию Подкарпатской Руси [DDF, 2013, р. 284]. Формальным поводом для такого отказа было наличие советско-чехословацкого торгового договора (подписан 5 июня 1922 года), который среди прочего предусматривал нейтралитет ЧСР в случае войны Советского государства с третьей стороной [Враг ..., 2021, с. 48]. На деле само наличие польских войск на территории ЧСР было неприемлемо для Праги.

Серьезное значение французские власти отводили и такому фактору, как национальные меньшинства.

В Париже осознавали, что жители Восточной Галиции (для обозначения их этнической принадлежности во французских документах использовался как термин «русины», так и «украинцы» [DDF, 2004, р. 119; DDF, 2005b, р. 382]) недовольны политикой польских властей в отношении национальных меньшинств. Это усиливало советское информационно-пропагандистское воздействие на последние. Национальная политика польских властей, не учитывавшая интересов местного населения, не вызывала симпатий и в самом французском правительстве [DDF. 2007, р. 569—570].

В марте 1922 года неназванный французский разведчик делился с главой Русской службы МИД Франции Ж. Гренаром соображениями о наличии внешнеполитической преемственности между интересами Российской империи и Советского государства. Он находил проявления такой преемственности и в позиции Москвы по вопросу Восточной Галиции: «... Советы не отказываются от нее. Выходцы из этих мест несут на Украине военную службу, будто бы они являются российскими гражданами. Польша протестовала, но Раковский и Чичерин (нарком по иностранным делам РСФСР Георгий Васильевич Чичерин. — *И. М.*) не приняли протест во внимание, поскольку он касался выходцев из территории, которая, с точки зрения международного права, была полностью независимой от Польши», являясь мандатом Лиги Наций [АМАЕ. 118 РААР. Vol. 67. Fol. 85].

Французские военные ображали повышенное внимание на внутреннюю ситуацию в Словакии и Подкарпатской Руси, которая рассматривалась (особенно во втором случае) как достаточно сложная для властей ЧСР. Население Подкарпатской Руси считалось настроенным русофильски; к тому же среди малоимущего крестьянства сильны были крайне левые настроения [Пушкаш, 2006, с. 94]. Все это усиливало опасение перед действенностью советской пропаганды [ММФ, 2009, р. 77].

В недатированной разработке Розе (весна 1921 года), посвященной варианту потенциальной войны ЧСР против Германии, предполагалось не перемещать на фронт четыре дивизии, дислоцированные в Словакии и Подкарпатской Руси, «где положение дел всегда отличается нестабильно-

стью» [ММФ, 2009, р. 59—60]. Показательно, что французские генералы стремились сохранить именно за собой контроль над «сложными командованиями в Словакии и Подкарпатской Руси» [ММФ, 2009, р. 127]. Эти должности в рассматриваемый период занимали соответственно генерал К. М. Спир и генерал М. К. Пари [ДДФ, 2005а, р. 28—29].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, анализ французских военных и дипломатических оценок продемонстрировал, что, строя планы противодействия Советскому государству, в Париже придавали серьезное значение роли двух исторических областей — Восточной Галиции и Подкарпатской Руси. Их стратегическая роль, с точки зрения французских властей, определялась совокупностью географических, политических и социально-экономических обстоятельств: ролью возможного коридора для наступления РККА в Центральную Европу; сложностью координации военно-политических действий между Польшей и ЧСР; наличием месторождений нефти, а также национальных меньшинств, настроенных негативно к польским и чехословацким властям.

Правительства Третьей республики и ее представители на местах рассчитывали на то, что польско-румынский фронт в Восточной Галиции (первый эшелон противодействия РККА) будет поддержан чехословацкой армией в Подкарпатской Руси и поставками через территорию ЧСР (второй эшелон). На деле ситуация выглядела намного менее выигрышной для Парижа.

Через различные французские оценки проходило очевидное противоречие между тем, как военные и дипломаты Третьей Республики видели желаемую ими ситуацию по созданию прочного антисоветского фронта, с одной стороны, и реальным положением дел на местах — с другой. Как итог, Восточная Галиция и Подкарпатская Русь являлись уязвимыми точками «санитарного кордона», а сама конструкция оставалась весьма непрочной.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. AMAE — *Archives du Ministère des Affaires étrangères*.
2. DDF — *Documents diplomatiques français*. 1920—1923. 10 vols. — Paris : Imprimerie nationale ; Bruxelles : P. I. E.—Peter Lang, 1997—2013.
3. *Documents diplomatiques français* 1920. — Paris : Imprimerie nationale ; Bruxelles : P. I. E.—Peter Lang, 1997. — 717 p.— ISBN 978-2-1108-9141-9.

4. *Documents diplomatiques français*. 1920. — Paris : Imprimerie nationale, 1999. — T. 2. — 688 p. — ISBN 978-2-1108-9149-5.
5. *Documents diplomatiques français*. 1921. — Bruxelles : P. I. E.–Peter Lang, 2004. — T. 1. — 843 p. — ISBN 978-9-0520-1242-1.
6. *Documents diplomatiques français*. 1921. — Bruxelles : P. I. E.–Peter Lang, 2005a. — T. 2. — 847 p. — ISBN 978-9-0520-1243-8.
7. *Documents diplomatiques français. Annexes (1920—1921)*. — Bruxelles : P. I. E.–Peter Lang, 2005b. — 963 p. — ISBN 978-9-0520-1290-2.
8. *Journal du général Buat, 1914—1923*. — Paris : Perrin, 2015. — 1400 p. — ISBN 978-2-2620-3839-7.
9. MMF — *Mission militaire française auprès de la République Tchécoslovaque 1919—1939*. Édition documentaire. — Praha : Ministerstvo obrany České republiky, 2009. — Vol. 4. — 385 p. — ISBN 978-8-0727-8509-4.
10. PAAP — *Papiers d'agents / Archives privées*.

Литература

1. *Враг, противник, союзник?* Россия во внешней политике Франции в 1917—1924 гг. / отв. ред. А. Ю. Павлов. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2021. — T. 2. — 892 с. — ISBN 978-5-907309-45-6.
2. Дегтярев С. И. Вопрос о подкарпатских русинах в документах Лиги Наций (1920—1933 гг.) / С. И. Дегтярев, Е. А. Самойленко // Русин. — 2020. — № 59. — С. 154—175. — DOI: 10.17223/18572685/59/9.
3. Зубачевский В. А. Восточная Галиция и Прикарпатская Русь в политике А. В. Колчака, А. И. Деникина и Ю. Пилсудского / В. А. Зубачевский // Первая мировая война и Европейский Север России / отв. ред. Т. И. Трошина. — Архангельск : Издательство САФУ, 2014. — С. 65—71. — ISBN 978-5-2610-0945-0.
4. Матвеев Г. Ф. «Малые» войны в Центрально-Восточной Европе в 1918—1921 годах / Г. Ф. Матвеев // Первая мировая война — пролог XX века. Материалы международной научной конференции. — Москва : ИВИ РАН, 2015. — Ч. 1. — С. 335—338. — ISBN 978-5-94067-437-5.
5. Морозов С. В. Тенденции польско-венгерского взаимодействия в отношении Подкарпатской Руси (1919—1938 гг.) / С. В. Морозов // Русин. — 2023. — № 74. — С. 236—256. — DOI: 10.17223/18572685/74/11.
6. Пушкаш А. И. Цивилизация и варварство : Закарпатье 1918—1945 / А. И. Пушкаш. — Москва : Европа, 2006. — 564 с. — ISBN 978-5-9739-0083-0.
7. Савченко В. Н. Восточная Галиция : проблемы национально-территориального и политического размежевания (1914—1923 гг.) / В. Н. Савченко. — Вопросы истории. — 2005. — № 9. — С. 95—107.
8. Федевич К. К. Особенности национального самосознания населения Восточной Галиции в 1920—1930-е годы / К. К. Федевич // Историки-слависты МГУ / отв. ред. Г. Ф. Матвеев. — Москва : Издательство МГУ, 2008. — Книга 7. — С. 319—340. — ISBN 978-5-7576-0238-7.
9. Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. — Москва : Институт славяноведения РАН : ПОЛИМЕДИА, 2020. — 192 с. — ISBN 978-5-7576-0442-8.
10. Davion I. Mon voisin, cet ennemi : la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939 / I. Davion. — Bruxelles : Peter Lang, 2009. — 472 p. — ISBN 978-9-0520-1496-8.

11. *Davion I.* La Ruthénie subcarpatique, caisse de résonances de la guerre polono-bolchevique (1919—1920) / I. Davion // *La France face aux crises et aux conflits des périphéries européennes et atlantiques du XVIIe au XXe siècle / dir. É. Schnakenbourg, F. Dessberg.* — Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2010. — Pp. 69—78. — ISBN 978-2-7535-0994-8.

12. *Dessberg F.* Le triangle impossible : les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935) / F. Dessberg. — Bruxelles : Peter Lang, 2009. — 440 p. — ISBN 978-9-0520-1466-1.

13. *Elcock H. J.* Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919—1921 / H. J. Elcock // *Historical Journal.* — 1969. — Vol. 12. — № 1. — Pp. 137—154.

14. *Frank A. F.* Oil Empire : Visions of Prosperity in Austrian Galicia / A. F. Frank. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2005. — 343 p. — ISBN 978-0-6740-2541-7.

15. *Gottmann J. A* Geography of Europe / J. Gottmann. — 3rd ed. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1962. — 788 p. — ISBN 978-0-0308-0815-9.

16. *Hovi K.* Alliance de Revers : Stabilization of France's Alliance Policies in East Central Europe, 1919—1921 / K. Hovi. — Turku : Turun yliopisto, 1984. — 135 p. — ISBN 978-9-5164-2437-1.

17. *Marès A.* Mission militaire et relations internationales : l'exemple franco-tchécoslovaque, 1918—1925 / A. Marès // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* — 1983. — Vol. 30. — № 4. — Pp. 559—586.

18. *Orzell L. J. A* "Hotly Disputed" Issue : Eastern Galicia at the Paris Peace Conference, 1919 / L. J. Orzell // *Polish Review.* — 1980. — Vol. 25. — № 1. — Pp. 49—68.

19. *Nowak A.* The Forgotten Appeasement of 1920 : Lloyd George, Lenin and Poland / A. Nowak. — London : Routledge, 2023. — 368 p. — ISBN 978-1-0324-3463-6.

20. *Skrzypek S.* The Problem of Eastern Galicia / S. Skrzypek. — London : Polish Association for the South-Eastern Provinces, 1948. — 94 p.

21. *Švorc P.* Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919—1939) / P. Švorc. — Prešov : Universum, 2003. — 422 s. — ISBN 978-8-0973-4554-9.

22. *V medzivojnovom Československu 1918—1939* / red. B. Ferenčuhová, M. Zemko. — Bratislava : Veda, 2012. — 544 s. — ISBN 978-8-0224-1199-8.

23. *Wandycz P. S.* France and Her Eastern Allies, 1919—1925 : French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno / P. S. Wandycz. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1962. — 454 p. — ISBN 978-1-5974-0403-7.

Статья поступила в редакцию 27.07.2025,
одобрена после рецензирования 26.11.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.

Material resources

AMAE — *Archives du Ministère des Affaires étrangères.* (In Franc.).

DDF — *Documents diplomatiques français. 1920—1923. 10 vols.* (1997—2013). Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P. I. E.—Peter Lang. (In Franc.).

Documents diplomatiques français 1920. (1997). Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P. I. E.—Peter Lang. 717 p. ISBN 978-2-1108-9141-9. (In Franc.).

Documents diplomatiques français. 1920, 2. (1999). Paris: Imprimerie nationale. 688 p. ISBN 978-2-1108-9149-5. (In Franc.).

- Documents diplomatiques français. 1921, 1.* (2004). Bruxelles: P. I. E.–Peter Lang. 843 p. ISBN 978-9-0520-1242-1. (In Franc.).
- Documents diplomatiques français. 1921, 2.* (2005a). Bruxelles: P. I. E.–Peter Lang. 847 p. ISBN 978-9-0520-1243-8. (In Franc.).
- Documents diplomatiques français. Annexes (1920—1921).* (2005b). Bruxelles: P. I. E.–Peter Lang. 963 p. ISBN 978-9-0520-1290-2. (In Franc.).
- Journal du général Buat, 1914—1923.* (2015). Paris: Perrin. 1400 p. ISBN 978-2-2620-3839-7. (In Franc.).
- MMF — *Mission militaire française auprès de la République Tchécoslovaque 1919—1939. Édition documentaire, 4.* (2009). Praha: Ministerstvo obrany České republiky. 385 p. ISBN 978-8-0727-8509-4. (In Franc.).
- PAAP — *Papiers d'agents / Archives privées.* (In Franc.).

References

- Davion, I. (2009). *Mon voisin, cet ennemi: la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939.* Bruxelles: Peter Lang. 472 p. ISBN 978-9-0520-1496-8. (In Franc.).
- Davion, I. (2010). La Ruthénie subcarpatique, caisse de résonances de la guerre polono-bolchevique (1919—1920). In: *La France face aux crises et aux conflits des périphéries européennes et atlantiques du XVIIe au XXe siècle.* Rennes: Presses universitaires de Rennes. 69—78. ISBN 978-2-7535-0994-8. (In Franc.).
- Degtyarev, S. I., Samoylenko, E. A. (2020). The question of Subcarpathian Rusyns in the documents of the League of Nations (1920—1933). *Rusin*, 59: 154—175. DOI: 10.17223/18572685/59/9. (In Russ.).
- Dessberg, F. (2009). *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935).* Bruxelles: Peter Lang. 440 p. ISBN 978-9-0520-1466-1. (In Franc.).
- Elcock, H. J. (1969). Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919—1921. *Historical Journal*, 12 (1): 137—154.
- Fedevich, K. K. (2008). Features of the national identity of the population of Eastern Galicia in the 1920s and 1930s. In: *Historians-Slavists of Moscow State University*, 7. Moscow: Moscow State University Publishing House. 319—340. ISBN 978-5-7576-0238-7. (In Russ.).
- Ferenčuhová, B., Zemko, M. (eds.). (2012). *V medzivojnovom Československu 1918—1939.* Bratislava: Veda. 544 s. ISBN 978-8-0224-1199-8. (In Slovak.).
- Frank, A. F. (2005). *Oil Empire: Visions of Prosperity in Austrian Galicia.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 343 p. ISBN 978-0-6740-2541-7.
- Gottmann, J. (1962). *A Geography of Europe.* New York: Holt, Rinehart and Winston. 788 p. ISBN 978-0-0308-0815-9.
- Hovi, K. (1984). *Alliance de Revers: Stabilization of France's Alliance Policies in East Central Europe, 1919—1921.* Turku: Turun yliopisto. 135 p. ISBN 978-9-5164-2437-1.
- Marès, A. (1983). Mission militaire et relations internationales: l'exemple franco-tchécoslovaque, 1918—1925. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 30 (4): 559—586. (In Franc.).
- Matveev, G. F. (2015). “Small” wars in Central and Eastern Europe in 1918—1921. In: *The First World War is the prologue of the twentieth century. Materials of the international scientific conference, 1.* Moscow: IVI RAS. 335—338. ISBN 978-5-94067-437-5. (In Russ.).

- Morozov, S. V. (2023). Trends in Polish-Hungarian cooperation in relation to Subcarpathian Rus (1919—1938). *Rusin*, 74: 236—256. DOI: 10.17223/18572685/74/11. (In Russ.).
- Nowak, A. (2023). *The Forgotten Appeasement of 1920: Lloyd George, Lenin and Poland*. London: Routledge. 368 p. ISBN 978-1-0324-3463-6.
- Orzell, L. J. (1980). A “Hotly Disputed” Issue: Eastern Galicia at the Paris Peace Conference, 1919. *Polish Review*, 25 (1): 49—68.
- Pavlov, A. Y. (ed.). (2021). *Enemy, opponent, ally? Russia in French Foreign Policy in 1917—1924*, 2. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. 892 p. ISBN 978-5-907309-45-6. (In Russ.).
- Pushkash, A. I. (2006). *Civilization and barbarism: Transcarpathia 1918—1945*. Moscow: Europa Publ. 564 p. ISBN 978-5-9739-0083-0. (In Russ.).
- Savchenko, V. N. (2005). Eastern Galicia: problems of national-territorial and political demarcation (1914—1923). *Questions of history*, 9: 95—107. (In Russ.).
- Serapionov, E. P. (ed.). (2020). *Czechoslovakia and Soviet Russia on the ruins of empires*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences: POLY-MEDIA. 192 p. ISBN 978-5-7576-0442-8. (In Russ.).
- Skrzypek, S. (1948). *The Problem of Eastern Galicia*. London: Polish Association for the South-Eastern Provinces. 94 p.
- Švorc, P. (2003). *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919—1939)*. Prešov: Universum. 422 s. ISBN 978-8-0973-4554-9. (In Slovak.).
- Wandycz, P. S. (1962). *France and Her Eastern Allies, 1919—1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 454 p. ISBN 978-1-5974-0403-7.
- Zubachevsky, V. A. (2014). Eastern Galicia and Carpathian Rus in the politics of A. V. Kolchak, A. I. Denikin and Yu. Pilsudski. In: *The First World War and the European North of Russia*. Arkhangelsk: NArFU Publishing House. 65—71. ISBN 978-5-2610-0945-0. (In Russ.).

*The article was submitted 27.07.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*

Информация для цитирования:

Сорокин А. А. Генерал М. П. Степанов и создание Музея изящных искусств имени императора Александра III / А. А. Сорокин, Д. М. Софьин, М. В. Софьина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 507—527. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-507-527.

Sorokin, A. A., Sofjin, D. M., Sofjina, M. V. (2025). General M.P. Stepanov and Establishment of Museum of Fine Arts Named after Emperor Alexander III. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 507-527. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-507-527. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Генерал М. П. Степанов и создание Музея изящных искусств имени императора Александра III

Сорокин Александр Анатольевич¹

orcid.org/0000-0003-1710-0801

кандидат исторических наук

a.a.sorokin@imomi.unn.ru

Софьин Дмитрий Михайлович²

orcid.org/0000-0002-7092-9240

кандидат исторических наук, доцент,

корреспондирующий автор

sofjindm@yandex.ru

Софьина Марина Владимировна³

orcid.org/0000-0003-0116-5125

кандидат исторических наук, доцент

mar-sofina@mail.ru

¹ Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

² Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(Пермь, Россия)

³ Пермский государственный институт культуры
(Пермь, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации
Программы фундаментальных научных
исследований МОО «ИППО» —

Минобрнауки РФ по направлению
«Россия и Ближний Восток: исторические,
политические, археологические и культурные
контакты и связи», государственное
задание № FSNF-2024-0002

«Генерал-от-кавалерии М. П. Степанов:
жизнь и служение Императорскому
Православному Палестинскому Обществу»

General M.P. Stepanov and Establishment of Museum of Fine Arts Named after Emperor Alexander III

Alexander A. Sorokin¹

orcid.org/0000-0003-1710-0801

PhD in History

a.a.sorokin@imomi.unn.ru

Dmitry M. Sofjin²

orcid.org/0000-0002-7092-9240

PhD in History, Associate Professor,

corresponding author

sofjindm@yandex.ru

Marina V. Sofjina³

orcid.org/0000-0003-0116-5125

PhD in History, Associate Professor

mar-sofina@mail.ru

¹ National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

² Perm State National Research University
(Perm, Russia)

³ Perm State Institute of Culture
(Perm, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared within the framework
of the Program of Fundamental Scientific
Research of the IOPS International Public
Organization — Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation in the direction
“Russia and the Middle East: Historical, Political,
Archaeological, and Cultural Contacts and Ties,”
State Assignment № FSNF-2024-0002
“General of Cavalry M. P. Stepanov:
Life and Service to the Imperial
Orthodox Palestine Society”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование, посвященное аспектам становления одного из главных музеев современной России — Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, располагающегося в Москве и называвшегося до революции Музеем изящных искусств имени императора Александра III. Рассматривается вопрос об участии в создании музея состоявшего при великом князе Сергее Александровиче генерала М. П. Степанова. Источниками выступили многотомная переписка главных деятелей создания музея, И. В. Цветаева и Ю. С. Нечаева-Мальцова, а также дневники великого князя Сергея Александровича и другие материалы. Впервые показана ранее не изучавшаяся роль М. П. Степанова в возникновении музея, которая рассматривается на двух этапах: в 1897—1905 годы, при жизни великого князя Сергея Александровича, и в 1905—1912 годах, после гибели великого князя вплоть до открытия музея. Выявлены особенности деятельности М. П. Степанова в качестве члена Комитета по устройству музея на каждом из этапов. Установлено, что вклад М. П. Степанова в дело создания музея оказался одним из ключевых.

Ключевые слова:

М. П. Степанов; Музей изящных искусств; Дом Романовых; великий князь Сергей Александрович; великая княгиня Елизавета Федоровна; И. В. Цветаев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates various aspects related to the formation of one of Russia's most important modern museums — the State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin in Moscow, originally known as the Museum of Fine Arts named after Emperor Alexander III before the Revolution. It specifically examines General M.P. Stepanov's involvement in creating this museum under the patronage of Grand Duke Sergei Alexandrovich. The research draws on extensive correspondence between key figures such as I.V. Tsvetayev and Y.S. Nekhaev-Maltsev, along with diaries of Grand Duke Sergei Alexandrovich and other archival materials. For the first time, it highlights previously unexplored contributions made by M.P. Stepanov during two distinct periods: from 1897 to 1905 while Grand Duke Sergei was alive, and then again from 1905 until 1912 following his assassination up through the official opening of the museum. This analysis reveals specific characteristics of Stepanov's activities within the Committee responsible for establishing the museum at each stage. Ultimately, it concludes that Stepanov played a pivotal role in ensuring the successful establishment of the institution.

Key words:

M.P. Stepanov; Museum of Fine Arts; House of Romanov; Grand Duke Sergei Alexandrovich; Grand Duchess Elizabeth Feodorovna; I.V. Tsvetaev.

УДК 94:351.852.13(470-25)“1897/1912”+929Степанов

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-507-527

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Генерал М. П. Степанов и создание Музея изящных искусств имени императора Александра III

© Сорокин А. А., Софьин Д. М., Софьина М. В., 2025

1. Введение = Introduction

С середины XIX века при Императорском Московском университете существовал Кабинет изящных искусств. В 1890-е годы директор этого кабинета, профессор Московского университета, известный археолог и искусствовед И. В. Цветаев выступил с инициативой создания Музея изящных искусств. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, дядя царствовавшего в то время императора Николая II, активно поддержал эту идею и возглавил Комитет по устройству музея. Товарищем председателя комитета стал троюродный брат друга детства великого князя Сергея Александровича Н. С. Мальцова, известный меценат Ю. С. Нечаев-Мальцов, который не только выступил главным спонсором музея, но и вел основную текущую работу по его созданию. В число членов комитета вошли известные деятели культуры — архитектор Р. И. Клейн и художник В. Д. Поленов, представители московских предпринимательских кругов — С. И. Мамонтов, С. Т. Морозов и Л. С. Поляков, а также ближайшие сотрудники великого князя — управляющий генерал-губернаторской канцелярией В. К. Истомин, состоящий при великом князе М. П. Степанов и адъютант великого князя Сергея Александровича князь Ф. Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. Создаваемый музей получил имя императора Александра III, старшего брата великого князя Сергея Александровича. Известно, что покойный монарх проявлял большой интерес к искусству: на основе его коллекции в Санкт-Петербурге был создан Русский музей имени императора Александра III.

Торжественное открытие Музея изящных искусств имени императора Александра III состоялось в 1912 году, уже после гибели великого князя Сергея Александровича. После революционных событий 1917 года учреждение лишилось имени монарха и было переименовано в Государственный музей изобразительных искусств (ГМИИ), а в 1937 году получило имя А. С. Пушкина.

Еще в советский период появлялись работы, в которых рассматривалась история музея [Демская, 1979; Демская и др., 1982; Демская, 1983], но по идеологическим соображениям вклад великого князя в дело его создания не мог в то время быть обстоятельно и объективно рассмотрен. Впервые участие великого князя Сергея Александровича в возникновении Музея изящных искусств было основательно изучено лишь в начале XXI века историком искусства, сотрудником ГМИИ А. Н. Барановым [Баранов, 2015]. Затем этот вопрос затрагивался в работах А. В. Громовой, Л. В. Шумской, И. В. Плотниковой, Д. Я. Романовой и ряда других авторов [Москва ..., 2016, с. 168, 186—190; Крест Великого Князя ..., 2017, с. 43; Плотникова, 2018, с. 431—434; Громова, 2020, с. 18; Романова, 2020]. Вместе с тем роль М. П. Степанова, с 1878 года состоявшего при великом князе Сергее Александровиче и к 1891 году дослужившегося до генеральского чина, в учреждении и деятельности музея является к настоящему времени практически не изученной. Это обстоятельство напрямую связано с отсутствием полноценной научной биографии М. П. Степанова. Статьи, посвященные ему, как правило, затрагивают его роль в окружении великого князя Сергея Александровича и в создании и деятельности возглавляемого великим князем Императорского Православного Палестинского общества [Лисовой, 2005, с. 9—13; Лисовой и др., 2022; Бутова, 2023; Черкасская и др., 2024; Микитюк, 2025; Сорокин и др., 2025]. Настоящее исследование направлено на устранение данной историографической лакуны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Ценнейшим источником, раскрывающим процесс создания Музея изящных искусств имени императора Александра III и реальный вклад в это дело тех или иных членов Комитета по его устройству, следует признать письма ведущих организаторов музея — И. В. Цветаева и Ю. С. Нечаева-Мальцова. Их обширная переписка за 1897—1912 годы, отложившаяся в отделе рукописей ГМИИ, была опубликована усилиями сотрудников музея в 2008—2011 годах в четырех томах [И. В. Цветаев..., 2008, т. 1; И. В. Цветаев..., 2010, т. 2; И. В. Цветаев..., 2010, т. 3; И. В. Цветаев..., 2011, т. 4]. В данном эпистолярном источнике генералу М. П. Степанову уделяется большое внимание его личному вкладу в дело создания музея.

Ранее, в 1995 году, был опубликован сборник «И. В. Цветаев создает музей», содержащий выдержки из дневника и переписки инициатора создания музея, а также ряд других материалов [Цветаев..., 1995].

Важные сведения для раскрытия темы обнаруживаются также в дневниках великого князя Сергея Александровича, отложившихся в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ, ф. 648].

Великий князь неоднократно упоминает в дневниках важные моменты, связанные с процессом создания Музея изящных искусств, что позволяет дополнять и уточнять сведения из других источников.

Определенное значение имеют сведения, публиковавшиеся на страницах газеты «Московские ведомости», а также записки И. В. Цветаева, которые зачитывались на ежегодных заседаниях Комитета по устройству музея [Записка..., 1908; Записка..., 1911], и другие материалы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Учреждение Комитета по устройству Музея изящных искусств

Старт созданию музея был дан в 1897 году: 23 ноября в квартире гофмейстера Ю. С. Нечаева-Мальцова прошло предварительное совещание по вопросу об устройстве Музея изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете. В нем участвовали представители руководства Московского учебного округа и самого университета, московские финансисты и художники. В начале заседания был прочитан и подписан присутствующими проект Положения о Комитете для устройства музея. Также были названы лица, которых было бы необходимо ознакомить с данным проектом и заручиться их подписями. Критериями для отбора являлись прежние заслуги перед Кабинетом изящных искусств и возможный дальнейший вклад в развитие музея. Затем профессор Московского университета И. В. Цветаев, выбранный заведующим Музеем изящных искусств, сделал доклад о прошлом и настоящем положении этого музея и о том, что должно предстать ему в будущем [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 564—571].

Для устройства музея был учрежден особый комитет в ведомстве Министерства народного просвещения. Положение о комитете, составленное профессором И. В. Цветаевым, было утверждено императором Николаем II 28 февраля 1898 года. Председателем комитета стал «потентат» М. П. Степанова, великий князь Сергей Александрович, а сама роль комитета была определена как содействие тому, чтобы музей служил «центральный образцовым учебным пособием по истории художеств для учащегося юношества и источником в развитии населения нашего отечества чувства изящного». Члены комитета призывались к тому, чтобы своим нравственным влиянием распространять и популяризировать в обществе соответствующие идеи. Кроме того, именно комитет должен был организовать сбор средств на открытие музея путем пожертвований, подписок и благотворительных публичных лекций. Трое из членов комитета должны были войти в особую Строительную комиссию при университете для участия в работе по возведению здания музея. Членство в комитете имело градацию: определялись по-

четные, неперенные и действительные члены. К первым по должности, без выборов, относились московский генерал-губернатор (в 1891—1905 годы этот пост занимал великий князь Сергей Александрович), попечитель Московского учебного округа, ректор Императорского Московского университета, московский городской голова, московский губернский предводитель дворянства, а также иные лица, удостоенные данного звания решением августейшего председателя. В число вторых входили помощник ректора Императорского Московского университета, декан историко-филологического факультета и профессор университета по кафедре истории и теории изящных искусств, двое гласных Московской городской думы по ее выбору, душеприказчики В. А. Алексеевой (ею в 1894 году на устройство музея было пожертвовано 150 тысяч рублей, а по ее предсмертной просьбе он был назван в честь императора Александра III), казначей комитета и директор музея, а также представитель Министерства финансов (в случае ежегодного ассигнования из средств государственного казначейства). К категории действительных членов были отнесены лица, подписавшие проект Положения о Комитете по устройству музея на правах членов-учредителей, среди них был и М. П. Степанов. Кроме того, действительными членами стали те лица, которые, будучи признанными учредителями музея, выразили «сочувствие целям сего учреждения» значительными пожертвованиями (направленными еще до утверждения данного Положения) или иными деяниями (по свидетельству руководства Московского университета) [Положение..., 1896, с. 1—3, 5—6; Сборник постановлений..., 1902, стб. 1287—1294]. Впоследствии по мере увеличения числа членов комитета их списки проходили через М. П. Степанова, который передавал великому князю Сергею Александровичу именные дипломы для подписания (и лишь после этого они подписывались Ю. С. Нечаевым-Мальцовым) [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 172].

Весной 1898 года, вскоре после начала деятельности Комитета по устройству музея, великие князья Сергей и Павел Александровичи выразили желание финансировать создание в музее зала Парфенон. Этот зал посвящался памяти великой княгини Александры Георгиевны, урожденной греческой принцессы, дочери короля эллинов Георга I, жены великого князя Павла Александровича, скончавшейся в 1891 году [ГАРФ, ф. 648, оп. 1, д. 34, л. 62 об.; Музей Изащных Искусств..., 1913, с. XII, 74; Баранов, 2015, с. 169]. Великий князь Сергей Александрович старался активно участвовать в делах комитета: так, комитетское заседание 16 декабря 1900 года прошло в его доме и под его председательством [ГАРФ, ф. 648, оп. 1, д. 36, л. 178; Цветаев..., 1995, с. 160].

Вопрос об отводе земли для музея обсуждался в Московской городской думе с 1895 года и в полном объеме был решен лишь в середине 1898 года.

Изначально предполагалось, что здание музея будет скромного размера и его построят на университетской земле, со стороны Шереметевского переулка, в саду так называемого дома Рихтера. Но еще в конце 1894 года И. В. Цветаев интересовался у знакомых ему гласных думы, нельзя ли просить для музея выделить под застройку территорию, например, на Театральной площади. Именно М. П. Степанов в итоге и указал на место строительства (Колымажная площадь), а затем по поручению великого князя Сергея Александровича присутствовал на заседании городской думы при обсуждении вопроса о выделении земли под строительство [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 351, 375]. Сам проект строительства изначально планировался как долгосрочный. По оценкам руководства комитета, которые были сообщены в мае 1900 года министру народного просвещения Н. П. Боголепову, предполагалось, что строительство продлится еще минимум пять или шесть лет [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 189].

3.2. Организационная деятельность М. П. Степанова по созданию музея

Профессор И. В. Цветаев вел активную переписку с М. П. Степановым по делам учреждения музея. Направленные генералу письма, как правило, зачитывались им великому князю Сергею Александровичу. В частности, М. П. Степанов получал предложения по поощрению лиц, внесших вклад в становление музея, а также информацию о поездках, в ходе которых И. В. Цветаев получал новые сведения, полезные при формировании музейных коллекций [Цветаев..., 2010, т. 3, с. 180]. Профессор высоко ценил М. П. Степанова и как человека, и как организатора в деле строительства музея, отмечая, что не было случая, когда он отказал в чем-нибудь, касающемся музея [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 289].

Деятельность М. П. Степанова в работе Комитета по устройству Музея изящных искусств можно условно разделить на два больших направления. В рамках одного из них генерал занимался решением вопросов общего организационного характера и мероприятиями по делам музея, связанными с августейшими особами. В частности, в 1899 году было решено членам комитета выдавать дипломы с портретом императора Александра III, шаблоны которых планировалось напечатать заранее в необходимом количестве. Однако портрет монарха на них выходил неудачным, и тогда в апреле того же года было решено взять за образец портрет с диплома ручной работы, который был выдан одной из великих княгинь. Поскольку напрямую обращаться с этой проблемой к членам Императорской фамилии было сочтено неудобным, то данная миссия была выполнена М. П. Степановым [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 122].

На 17 августа 1899 года приходилась годовщина со дня закладки музея, и ряд членов комитета в связи с этим полагали, что будет весьма сим-

волично, если очередное комитетское заседание будет проведено именно в этот день. По уже сложившейся традиции обсуждение этого вопроса велось через М. П. Степанова как ближайшего к великому князю Сергею Александровичу лица (через него уже решались вопросы о времени приема великим князем членов комитета [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 270, 275]). Однако предложенная дата накладывалась на участие членов Дома Романовых в праздновании в Санкт-Петербурге серебряного юбилея бракосочетания великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, поэтому просьба была отклонена [Цветаев, 2008, т. 1, с. 142]. В итоге заседание комитета в 1899 году состоялось 27 ноября [ГАРФ, ф. 648, оп. 1, д. 35, л. 168].

Сам М. П. Степанов регулярно докладывал великому князю Сергею Александровичу о ходе работ по устройству музея и, в свою очередь, предупреждал членов комитета о готовящихся визитах. В частности, в мае 1899 года он телеграммой уведомил И. В. Цветаева о желании великого князя приехать для осмотра в течение лета [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 130].

Позиция М. П. Степанова и его шефа, выраженная осенью 1899 года по вопросу о будущей стилистике отделки «Палаты русской науки и искусств» в музее, стала отправной точкой для привлечения таких маститых художников, как В. М. Васнецов и В. Д. Поленов (великий князь выступал за византийский стиль росписи). Сама же палата проектировалась как почетное собрание скульптур знаменитых русских ученых, литераторов и художников (эта идея появилась после приема великим князем 17 мая депутации Совета Императорского Московского университета и рассматривалась как часть мемориальных действий к готовившимся торжествам по случаю предстоявшего 150-летия университета) [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 156].

Летом 1901 года М. П. Степанов организовывал доставку в Ильинское, подмосковное имение великого князя Сергея Александровича, для осмотра членами Императорской фамилии образцов полученного для строительства музея мрамора, хранящихся в Кабинете изящных искусств Московского университета [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 265].

Осенью 1902 года с поста управляющего канцелярией московского генерал-губернатора ушел гофмейстер В. К. Истомина, наряду с М. П. Степановым содействовавший установлению контактов и организации встреч между великим князем и другими членами Комитета по устройству музея. В связи с этим И. В. Цветаев сообщил Ю. С. Нечаеву-Мальцову, что отныне среди всех сопричастных к делу музея самым близким к особе великого князя остался М. П. Степанов [Цветаев..., 2010, т. 2, с. 59].

О значении обоих ближайших к великому князю упомянутых персон для комитета по созданию музея можно судить и по следующему обстоя-

тельству: в декабре 1899 года И. В. Цветаев планировал к публикации очередной свой доклад с заседания комитета (к тому же времени частично опубликованный в «Московских ведомостях»), однако цензура не пропустила его в печать без предварительного разрешения со стороны Министерства Императорского Двора в связи с упоминанием имен императора и великих князей. Решение этой проблемы осуществлялось именно через В. К. Истомина и М. П. Степанова [И. В. Цветаев..., 2008, т. 1, с. 166].

И. В. Цветаев отмечал, что именно с М. П. Степановым (и ранее еще с В. К. Истоминым) он обсуждал все ключевые вопросы, касающиеся не только создававшегося музея изящных искусств, но и ряда других важных сторон своей деятельности. Так, в мае 1900 года министр народного просвещения Н. П. Боголепов предложил ему возглавить Румянцевский музей, и ученый дал согласие, лишь заручившись предварительно одобрением М. П. Степанова и великого князя Сергея Александровича. Московский генерал-губернатор являлся почетным членом Румянцевского музея, а его попечительский совет возглавлял великий князь Владимир Александрович [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 190]. При этом И. В. Цветаев обращался к М. П. Степанову и с просьбами личного характера. Так, 26 сентября 1902 года генерал получил от профессора письмо, в котором тот просил доложить великому князю Сергею Александровичу о его семейных обстоятельствах, требующих поездки в Италию. К письму прилагался и проект письма от великого князя министру народного просвещения [Цветаев..., 2010, т. 2, с. 66].

В октябре 1900 года возник финансовый вопрос, потребовавший участия М. П. Степанова и великого князя в получении разрешения министра финансов на применение особого тарифа на провозку железной дорогой мрамора с Урала, который предназначался для строительства музея. Комитет музея планировал закупить 8190 тонн (500 тысяч пудов) белого и цветного мрамора, поэтому еще в апреле 1900 года было подготовлено прошение о применении к этой поставке особого тарифа, в 1/200 копейки за версту с пуда (около 2 рублей 86 копеек за провоз одной тонны на 1000 километров пути). Однако в октябре выяснилось, что в Министерство финансов данное ходатайство из канцелярии московского генерал-губернатора так и не поступило [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 202—203].

Как уже было указано выше, ряд вопросов мог быть решен только с участием М. П. Степанова, поскольку требовалось их обсуждение на высшем уровне. В частности, в 1903 году возник вопрос о возможности получения копии колонны римского императора Траяна, установленной в Риме. Германский император Вильгельм II во время своей поездки в Италию был очень ею впечатлен и попросил сделать ему гипсовый слепок с колонны.

Поскольку просьба монарха была уважена, то И. В. Цветаев полагал, что итальянское правительство не отказало бы в аналогичном пожелании и российскому императору Николаю II, который ранее заявлял о готовности быть вкладчиком для музея. В связи с тем, что музей позиционировался как крупнейшее в России хранилище древностей Греции и Рима, то высказывалось пожелание иметь в собрании гипсовых экспонатов копию колонны. Однако поставить этот вопрос можно было только через великого князя Сергея Александровича, а довести данную просьбу до него — посредством М. П. Степанова [Цветаев..., 2010, т. 2, с. 150—151].

В июле 1903 года М. П. Степанов фактически выступал посредником между организаторами строительных работ и хранителями коллекций музея, с одной стороны, и великим князем Сергеем Александровичем, с другой, в связи с решением вопроса политического характера. Поскольку музей носил имя императора Александра III, то нужно было разместить соответствующую статую в центральном зале, что, конечно, вызывало повышенный интерес высочайших покровителей к интерьерам самого зала [Цветаев..., 2010, т. 2, с. 277]. Предполагалось, что это помещение будет вскоре лично осмотрено великим князем Сергеем Александровичем. Но в сентябре того же года М. П. Степанов направил И. В. Цветаеву из Минска депешу, что августейший председатель комитета убыл на месяц за границу, поэтому осмотр мог состояться лишь в начале октября [Цветаев..., 2010, т. 2, с. 286].

В конце октября 1903 года возникла идея привлечения к созданию скульптуры В. А. Беклемишева, который уже ранее был участником конкурса на создание в Санкт-Петербурге памятника императору Александру III в 1899 году, но проиграл Паоло Трубецкому. Художник В. М. Васнецов подал идею И. В. Цветаеву написать для установки близ памятника картину «Предстояние России вблизи своего особо чтимого и любимого царя». Картина в 21 аршин длины при 5 аршинах высоты (около 3,5 x 15 метров), по В. М. Васнецову, должна была представлять все сословия России и на заднем отдаленном плане даже и окраинных инородцев (предполагалось, что ее написание будет поручено И. Е. Репину). И. В. Цветаев немедленно проинформировал об этом М. П. Степанова, а тот, в свою очередь, великого князя Сергея Александровича, который горячо одобрил кандидатуру В. А. Беклемишева как скульптора [Цветаев..., 2010, т. 2, с. 296—298]. По поводу же картины М. П. Степанов полагал, что в мозаичном «зале русской славы», где будет расположен памятник императору, в изображениях должна доминировать идея Мира, что подчеркивало бы роль Александра III как Царя-Миротворца. Как аллегория он предлагал, среди прочего, изображение оливкового дерева и Афины (с чем не был согласен И. В. Цветаев, по-

лагавший, что оливковое дерево следует расценивать как источник древнегреческого благосостояния, а не мира) [Цветаев..., 1995, с. 213].

Осенью 1904 года при участии М. П. Степанова решались вопросы о награждении за работы по организации музея итальянца Коллино золотой медалью и о поощрении крестьянина Блюменау возведением в звание личного почетного гражданина за то, что он, будучи инженером, руководил добычей уральского мрамора для музея. Само награждение традиционно осуществлялось ежегодно 1 января, однако требовало оформления соответствующих документов [Цветаев..., 2010, т. 3, с. 180, 182].

Кроме того, М. П. Степанов фактически курировал вопрос о пожаловании Ю. С. Нечаеву-Мальцову ордена Святого Александра Невского с бриллиантами. Профессор И. В. Цветаев 10 ноября 1904 года писал Ю. С. Нечаеву-Мальцову, что накануне М. П. Степанов сообщил о решении вопроса о награждении. Об этом великий князь просил министра народного просвещения В. Г. Глазова, в ведомстве которого находилось представление, откуда оно должно было направиться в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию. По словам М. П. Степанова, за сам знак ордена платы не требовалось, однако 6000 рублей стоили бриллианты, сверх чего надлежало уплатить еще 10% пошлины [Цветаев..., 2010, т. 3, с. 185—186].

М. П. Степанов, собираясь вместе с великокняжеской четой 31 октября 1904 года переехать из Ильинского в Москву, поддерживал идею И. В. Цветаева о проведении очередного ежегодного заседания комитета в присутствии министра народного просвещения [Цветаев..., 2010, т. 3, с. 182]. Этот пост в то время занимал окончивший Петербургский археологический институт генерал В. Г. Глазов, который, как и великий князь Сергей Александрович и М. П. Степанов, участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Впрочем, истинное отношение великого князя к этой идее было не совсем понятно. М. П. Степанов уверял И. В. Цветаева, что августейший председатель комитета ее одобрил, однако профессор писал 4 ноября 1904 года Ю. С. Нечаеву-Мальцову, что великий князь будто бы высказал совершенно противоположное мнение: «Зачем-де нам устраивать заседание при министре? Ведь мы у него ничего не просим?». На ответ же И. В. Цветаева, что именно в Министерстве народного просвещения находилось ходатайство о штатах и об отоплении музея, августейший председатель комитета заявил: «Ну, еще бы министр на это не дал денег!» [Цветаев..., 2010, т. 3, с. 184].

3.3. М. П. Степанов и его вклад в разрешение вопросов строительства здания музея и пополнения его коллекций

Второе направление, которым также занимался генерал М. П. Степанов, непосредственно касалось строительства музея и пополнения его коллек-

ций. Сам М. П. Степанов еще в 1894 году пожертвовал Кабинету изящных искусств при Московском университете (на базе которого и были созданы музейные коллекции) пять античных терракотовых головок, глиняный кувшинчик из фьезоле, глиняную красную чашечку из Корнето, бронзовую египетскую статуэтку и бронзовый стригиль [Отчет..., 1895, с. 109]. И. В. Цветаев регулярно информировал М. П. Степанова о ходе работ и получении материалов и экспонатов для музея. Тот, в свою очередь, обсуждал эти вопросы с великим князем Сергеем Александровичем. Так, в 1899 году возникла идея об устройстве в музее «катакомбы» (подземного этажа), которая была предложена М. П. Степановым от И. В. Цветаева великому князю и в итоге горячо одобрена последним [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 153].

В июне 1902 года И. В. Цветаев осматривал каменоломни на Урале и добился того, чтобы до окончания добычи камня для музея местные чиновники не подписывали ни с кем контрактов на поставку мрамора, о чем тут же телеграфировал М. П. Степанову. Генерал немедленно проинформировал об этом великого князя Сергея Александровича и послал ответную телеграмму следующего содержания: «Его Высочество глубоко обрадован Вашей вестью с Урала. Сердечно поздравляет общим торжеством успеха предприятия» [Цветаев..., 2010, т. 2, с. 28—29].

М. П. Степанов же по поручению великого князя Сергея Александровича организовывал и покупку коллекции итальянского археолога Р. А. Ланчани за 7000 рублей. Собрание было примечательно тем, что в нем были представлены красочные изображения мозаик равеннского Баптистерия, мавзолея Галлы Плацидии первой половины V века (его мозаики считаются старейшими в Равенне) и раннехристианской базилики Сан-Витале из Равенны VI века, которые первоначально были осмотрены И. В. Цветаевым во время его поездки в Италию [Цветаев..., 2010, т. 2, с. 289].

Сама сделка фактически готовилась несколько лет. Еще в апреле 1900 года М. П. Степанов спрашивал И. В. Цветаева, что отвечать великому князю насчет покупки копий мозаик. Однако ситуация осложнялась тем, что комитет имел на эти цели лишь 1500 рублей, пожертвованных графом Орловым-Давыдовым, в то время как владельцы просили за нее 20 тысяч франков, что по курсу составляло 7500 рублей. И. В. Цветаев пытался обсудить этот вопрос с меценатом М. А. Морозовым, чтобы получить четверть необходимой суммы, однако тот предложил ее всю разделить среди членов комитета из числа жертвователей [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 185—186].

3.4. Деятельность М. П. Степанова по созданию музея после гибели великого князя Сергея Александровича в 1905 году

Новый этап деятельности генерала М. П. Степанова по организации Музея изящных искусств хронологически охватывает период с 1905 по

1912 год. После гибели в 1905 году великого князя Сергея Александровича М. П. Степанов состоял при его вдове, великой княгине Елизавете Федоровне, которая продолжила дело супруга по покровительству музею. Еще до истечения 40-дневного траура по погибшему шефу М. П. Степанов заручился согласием великой княгини, что она займет место мужа во главе Императорского Православного Палестинского общества, и, соответственно, Ю. С. Нечаев-Мальцов и многие другие видные члены Комитета по устройству музея хотели видеть ее также в качестве председательницы комитета [Цветаев..., 2010, т. 3, с. 209—210]. Следует отметить, что Елизавета Федоровна, будучи почетным членом Комитета по устройству музея, интересовалась его делами: так, в переписке И. В. Цветаева за 1901 год есть указание, что в подборе цвета для мраморных колонн и лестниц мнение великой княгини как художника станет решающим [Цветаев..., 2008, т. 1, с. 265].

В вопросе принятия великой княгиней дел по руководству комитетом все возлагали надежду на М. П. Степанова. Получив сведения, что разные учреждения Москвы, где был главой или даже почетным членом погибший великий князь, собираются видеть его вдову своей руководительницей, И. В. Цветаев, «чтобы не упустить время» (по его собственным словам), направил М. П. Степанову просьбу «поразведать при случае почву для нашего ходатайства и для депутации, которая под Вашим главенством могла бы явиться к Великой Княгине». Вскоре выяснилось, что аналогичные предложения о председательстве были направлены уже шестью обществами и учреждениями Москвы: Школой живописи и ваяния, Комиссией по установке памятника императору Александру III, Императорским Московским археологическим обществом, Императорским лицеем Цесаревича Николая и т. д. В итоге великая княгиня Елизавета Федоровна, «не видя возможности сделать выбор и не считая возможным увеличивать работу, и без того лежащую на ней по московским учреждениям», решила не принимать под свое руководство ни одного учреждения, кроме Палестинского общества. Переданные ею через М. П. Степанова слова звучали следующим образом: «Передайте, что я могу принять руководство только вполне сознавая, что могу работать добросовестно» (причем, как подчеркивал М. П. Степанов, именно на последнем слове великая княгиня просила сделать акцент) [Цветаев..., 2010, т. 3, с. 212].

В связи с этим возник вопрос о том, как комитет сможет работать в дальнейшем без Высочайшего покровителя, фактически осуществлявшего функции посредника между музеем и императором. Рассматривалось два варианта: Ю. С. Нечаев-Мальцов либо родной брат погибшего председателя, великий князь Павел Александрович, кандидатуру которого предложил рас-

смотреть И. В. Цветаев в ходе кулуарных переговоров о будущем комитета [Цветаев..., 2010, т. 3, с. 213]. Но великий князь Павел Александрович, ранее в нарушение закона заключившийmorganатический брак, был вынужден проживать за границей, поскольку ему было запрещено возвращаться в Россию. В итоге новый председатель комитета так и не был назначен, работой комитета руководил Ю. С. Нечаев-Мальцов, до конца официально оставаясь в статусе товарища председателя [Вся Москва ..., 1912, стб. 1005—1006].

Нельзя не отметить высокое положение М. П. Степанова в части его приближенности к царствующему Дому Романовых. В апреле 1908 года Москву постигло сильное наводнение, в результате которого пострадало имущество многих горожан вплоть до утраты или превращения в негодное состояние книг, тетрадей учеников, посуды и т. д. Профессор И. В. Цветаев принял решение помочь родителям, чьи дети обучались в различных школах, гимназиях, училищах и иных учебных заведениях, поскольку наступала пора подготовки к экзаменам. С этой целью было подготовлено письмо на имя императора Николая II с ходатайством об освобождении от экзаменов на этот год учащихся низших и средних школ всех пострадавших от наводнения городов и селений с зачетом для оканчивающих и подлежащих переводу в следующие классы имеющихся годовичных баллов. Предполагалось назначить на осень экзамены только для откровенно слабых учеников. Прошение было передано через М. П. Степанова великой княгине Елизавете Федоровне и было встречено императором благосклонно [Цветаев..., 2011, т. 4, с. 158—159].

Также М. П. Степанов продолжил принимать активное участие в заседаниях Комитета по устройству музея. Так, 25 января 1908 года он был на годовичном собрании, проходившем на месте стройки музея, в рамках которого обсуждался ход строительных работ и был представлен доклад секретаря комитета, профессора И. В. Цветаева, о результатах деятельности за истекшие три года [Записка..., 1908, с. 33].

В конце ноября 1908 года М. П. Степанов направил письмо И. В. Цветаеву с приглашением прибыть к великой княгине на завтрак 2 декабря (позднее встреча была перенесена на 4 декабря). В ходе самого завтрака, на котором присутствовал и М. П. Степанов, Елизавета Федоровна активно интересовалась различными вопросами организации музея, заявив о желании вновь посетить комитет в связи с годовичным перерывом после последнего визита. Кроме того, великая княгиня попросила И. В. Цветаева направить альбом о музее в Дармштадт, ее брату, великому герцогу Гессенскому Эрнсту-Людвигу [Цветаев..., 2011, т. 4, с. 198, 200—201].

К началу февраля 1911 года значительная часть работ в музее находилась на стадии завершения. Уже почти полностью был расписан потолок

Римского зала, расписывались залы для немецкой и французской скульптуры эпохи Возрождения, Пергамский, Ниобид. М. П. Степанов активно интересовался этими процессами и даже намеревался осмотреть работы музея с кем-то из своих знакомых. Однако архитектор Р. И. Клейн отговорил его от преждевременного визита, поскольку опасался «несправедливой критики» работ раньше их окончания, попросив генерала приехать уже по соответствующему уведомлению о готовности [Цветаев..., 2011, т. 4, с. 215—216].

Это обстоятельство представляло определенную проблему для И. В. Цветаева. Весной должно было состояться очередное публичное заседание комитета, и он признавался, что ему было бы трудно в связи с этим отказать в посещении музея для осмотра его состояния и проведенных работ ряду лиц, в первую очередь М. П. Степанову, который намеревался проинформировать о степени готовности великую княгиню Елизавету Федоровну [Цветаев..., 2011, т. 4, с. 223].

Как бы то ни было, участие М. П. Степанова в годичном заседании, по оценкам самого И. В. Цветаева, подогрело интерес великой княгини к музею. Елизавета Федоровна направила письмо, в котором выразила намерение передать в дар серию итальянских картин, принадлежавших ранее ее мужу, великому князю Сергею Александровичу [Цветаев..., 2011, т. 4, с. 235].

Сам М. П. Степанов смог посетить музей 28 октября 1911 года, закончив накануне читать очередную «Записку» И. В. Цветаева о музее [Записка..., 1911]. Впечатленный увиденным, генерал затем посетил великую княгиню Елизавету Федоровну, сообщив ей о своих наблюдениях. Великая княгиня, воодушевленная рассказом, попросила М. П. Степанова передать ей экземпляр «Записки» и также решила подарить музею имеющуюся у нее бронзовую группу Божьей Матери с Младенцем и Иоанном Крестителем. И. В. Цветаев изначально полагал, что она итальянского или французского происхождения, поскольку великая княгиня ничего не знала о ее истории, привезя в Россию из Дармштадта как семейную ценность. Позднее, после консультации с немецким историком искусства и генеральным директором берлинских музеев А. В. фон Боде, он пришел к выводу, что ее автором является Я. Сансовино, мастер итальянского Возрождения XVI века. Сама композиция была передана М. П. Степанову для хранения, чтобы затем, после изучения, стать частью одной из музейных экспозиций. Помимо этого, великой княгиней было дано согласие на передачу четырех греческих Танагр и бронзовой статуэтки танцующего сатира из личного собрания покойного великого князя Сергея Александровича, после чего М. П. Степанов по ее поручению приступил к их поискам в кладовой ве-

щей великого князя в Малом Николаевском дворце Московского Кремля [Цветаев..., 2011, т. 4, с. 261—262].

И. В. Цветаев ценил отношение М. П. Степанова к делам становления и развития музея, отмечая «сердечный» тон его писем и находя это доказательством того, что «придворная служба не сделала его черствым» [Цветаев..., 2011, с. 273].

При участии М. П. Степанова также решался вопрос о том, где служить молебен в день открытия музея и как при этом освободить митрополита от обхода всех галерей. Рассматривался вариант, при котором после совершения молебна в Зале славы с лестницы состоится окропление святой водой на все четыре стороны, после чего можно будет проводить митрополита до двери портика или его кареты и далее уже в его отсутствие обойти все залы с представителями светских властей и иными приглашенными лицами [Цветаев..., 2011, т. 4, с. 262].

Сохранилось описание освящения музея, состоявшегося 31 мая 1912 года. На торжественной церемонии присутствовали император Николай II с дочерьми и вдовствующей императрицей Марией Федоровной, другие члены Императорской фамилии, при этом великая княгиня Елизавета Федоровна отсутствовала. Также были члены Комитета по устройству музея (в том числе М. П. Степанов), архиереи, члены Совета министров, придворные чины, почетные опекуны, председатель Государственной Думы, представители дворянских, земских и городских органов московского самоуправления. Высочайший осмотр был начат с древнегреческого зала Олимпии, посвященного вдовствующей императрице Марии Федоровне. По окончании осмотра Николаю II и Марии Федоровне были преподнесены специально отчеканенные к открытию музея медали, путеводитель и альбомы с внутренними видами [Освящение..., 1912].

4. Заключение = Conclusions

Изученные материалы свидетельствуют, что М. П. Степанова, наряду с великим князем Сергеем Александровичем, И. В. Цветаевым и Ю. С. Нечаевым-Мальцовым, следует признать одним из ключевых деятелей по созданию Музея изящных искусств имени императора Александра III.

До 1905 года, в рамках первого этапа, при жизни своего шефа, августейшего председателя Комитета по устройству музея, М. П. Степанов отвечал преимущественно за решение организационных вопросов, выступая своего рода связующим звеном между руководством комитета музея и высочайшими покровителями в ходе разрешения проблем, связанных с транспортировкой материалов, закупкой коллекций, вручением дипломов, награждениями связанных с музеем лиц, проведением заседаний комитета и т. д. При этом

он искренне интересовался и художественной составляющей, о чем свидетельствуют не только его пожертвования в фонд музея, но и предложения по организации выставочных пространств и залов.

Характеризуя деятельность М. П. Степанова на втором этапе (с 1905 года), нельзя не отметить следующие обстоятельства. В этот период его значение как одного из ведущих членов Комитета по устройству музея снижается, поскольку августейший председатель великий князь Сергей Александрович погиб, а великая княгиня Елизавета Федоровна, при которой теперь состоял генерал, отклонила предложение возглавить комитет. На заключительном этапе М. П. Степанов фактически сосредоточился уже на сугубо организационных проблемах. В переписке И. В. Цветаева с Ю. С. Нечаевым-Мальцовым генерал упоминается реже; число масштабных вопросов, требующих его участия, также уменьшилось. Впрочем, к данному периоду строительство музея вошло в завершающую фазу, хотя и продлилось еще несколько лет.

Заявленный вклад авторов: Сорокин А. А. — основная исследовательская работа по теме; написание текста; итоговые выводы. Софьин Д. М. — научное руководство; концепция исследования; дополнение и редактирование текста. Софьина М. В. — научное руководство; концепция исследования; дополнение и редактирование текста. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Alexander A. Sorokin — main research work on the topic; writing a text; final conclusions. Dmitry M. Sofjin — scientific management; research concept; supplementation and editing of text. Marina V. Sofjina — supplementation and editing of text. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Вся Москва* : адресная и справочная книга на 1912 год / изд. А. С. Суворина. — Москва : Городская тип., 1912. — 877 с.
2. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 648. Оп. 1. Д. 34. Дневник великого князя Сергея Александровича, 1898 г. 186 л. ; Ф. 648. Оп. 1. Д. 35. Дневник великого князя Сергея Александровича, 1899 г. 186 л. ; Ф. 648. Оп. 1. Д. 36. Дневник великого князя Сергея Александровича, 1900 г. 186 л.
3. *Записка*, читанная в годичном собрании Комитета Музея 25 января 1908 г. проф. И. Цветаевым / Музей Изыщных Искусств имени Императора Александра III при Московском Университете. — Москва : Тип. В. А. Жданович, 1908. — XII, 100, V с.
4. *Записка*, читанная в годичном собрании Комитета Музея 27 марта 1911 г. проф. И. Цветаевым / Музей Изыщных Искусств имени Императора Александра III при Московском Университете. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1911. — 81 с.
5. *И. В. Цветаев* — Ю. С. Нечаев-Мальцов. Переписка, 1897—1912. — Т. 1 : 1897—1902. — Москва : Красная площадь, 2008. — 636 с. — ISBN 978-5-91521-002-7.

6. *И. В. Цветаев* — Ю. С. Нечаев-Мальцов. Переписка, 1897—1912. — Т. 2 : 1902—1903. — Москва : Красная площадь, 2010. — 480 с. — ISBN 978-5-91521-003-4.
7. *И. В. Цветаев* — Ю. С. Нечаев-Мальцов. Переписка, 1897—1912. — Т. 3 : 1904—1905. — Москва : Красная площадь, 2010. — 460 с. — ISBN 978-5-91521-028-7.
8. *И. В. Цветаев* — Ю. С. Нечаев-Мальцов. Переписка, 1897—1912. — Т. 4 : 1906—1912. — Москва : Красная площадь, 2011. — 492 с. — ISBN 978-5-91521-045-4.
9. *И. В. Цветаев* создает музей / сост. А. А. Демская, Л. М. Смирнова. — Москва : Галарт, 1995. — 448 с. — ISBN 5-269-00718-5.
10. *Музей Изыщных Искусств имени Императора Александра III в Москве* : краткий иллюстрированный путеводитель. — Ч. I. — Изд. 6-е. — Москва : Тов-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1913. — XIV, 128 с.
11. *Освящение Музея Изыщных Искусств имени Императора Александра III* // Московские ведомости : [газета]. — 1912. — № 126. — 1 июня. — С. 2.
12. *Отчет* о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1894 год. — Москва : [б. и.], 1895. — 196, 24, 24 с.
13. *Положение* о Комитете для устройства при Императорском Московском Университете Музея Изыщных Искусств имени Императора Александра III и заведывания им. — Москва : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1896. — 9 с.
14. *Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Царствование Государя Императора Николая II, 1897—1898 годы.* — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1902. — Т. XV. — 2110, 64 стб.

Литература

1. *Баранов А. Н.* Великий князь Сергей Александрович и Музей изящных искусств / А. Н. Баранов // Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству : сб. матер. Межрегион. науч. конф., 29—30 мая 2013 г. — Москва : Союз Дизайн, 2015. — С. 164—174. — ISBN 978-5-000160-13-8.
2. *Бутова Р. Б.* Служение до гроба : к 170-летию М. П. Степанова / Р. Б. Бутова // Православный Палестинский сборник. — 2023. — Выпуск 121. — С. 181—198.
3. *Громова А. В.* Великий Князь Сергей Александрович и начало Русской Смуты 1905—1907 гг. / А. В. Громова // Православный Палестинский сборник. — 2020. — Выпуск 118. — С. 17—38.
4. *Демская А. А.* Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина / А. А. Демская. — Москва : Искусство, 1979. — 239 с.
5. *Демская А. А.* Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина / А. А. Демская. — 2-е изд. — Москва : Искусство, 1983. — 239 с.
6. *Демская А. А.* Музей на Волхонке / А. А. Демская, Л. М. Смирнова. — Москва : Московский рабочий, 1982. — 49 с.
7. *Крест* Великого Князя : к 160-летию со дня рождения Великого Князя Сергея Александровича, 1857—2017 / авт.-сост. А. В. Громова, Л. В. Шумская; науч. ред. А. В. Громова. — Москва : Союз Дизайн, Фонд ЕСПО, 2017. — 226 с.
8. *Лисовой Н. Н.* Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества : четыре Секретаря (М. П. Степанов — В. Н. Хитрово — А. П. Беляев — А. А. Дмитриевский) / Н. Н. Лисовой // Православный Палестинский сборник. — 2005. — Выпуск 102. — С. 6—35.
9. *Лисовой Н. Н.* Степанов Михаил Петрович / Н. Н. Лисовой, С. Ю. Житенёв // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества : 1882—2022 гг.

140-летию ИППО посвящается / науч. ред. С. Ю. Житенёв. — Москва : Индрик, 2022. — С. 812. — ISBN 978-5-91674-671-6.

10. Микитюк В. П. Общественный деятель Михаил Петрович Степанов (аспекты историографии) / В. П. Микитюк // Православный Палестинский сборник. — 2025. — Выпуск 124. — С. 156—165.

11. Москва — Святая Земля Великого князя Сергея Александровича и Великой княгини Елизаветы Федоровны : каталог выставки / авт.-сост. А. В. Громова, Л. В. Шумская, К. П. Ковалев-Случевский, Г. М. Маневич ; науч. ред. А. В. Громова. — Москва : Союз Дизайн, 2016. — 336 с. — ISBN 978-5-00016-020-6.

12. Плотникова И. В. Вступление <к материалам 1898 г.> / И. В. Плотникова // Великий Князь Сергей Александрович Романов : биографические материалы. — Москва : Новоспасский монастырь, 2018. — Книга 5. — С. 430—438. — ISBN 978-5-87389-085-9.

13. Романова Д. Я. Год памяти Великого князя Сергея Александровича : культурно-историческое наследие великокняжеской четы / Д. Я. Романова // Святая Земля в славяно-русской традиции : сб. ст. / ред.-сост. А. К. Коненкова, С. И. Михайлова. — Москва : ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2020. — Выпуск 4. — С. 83—88. — ISBN 978-5-87055-993-3.

14. Сорокин А. А. Создание Православного Палестинского общества и деятельность М. П. Степанова (1881—1883) / А. А. Сорокин, Д. М. Софьин, М. В. Софьина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 530—546. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-530-546.

15. Черкасская Н. А. Михаил Петрович Степанов : вхождение в ближний круг великого князя Сергея Александровича / Н. А. Черкасская, Д. М. Софьин, М. В. Софьина // Христианство на Ближнем Востоке. — 2024. — Т. 8. — № 4. — С. 73—97. — DOI: 10.24412/2587-9316-2024-0210.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 23.12.2025.

Material resources

A note read at the annual meeting of the Museum Committee on January 25, 1908 by Prof. I. Tsvetaev. (1908). Moscow: V. A. Zhdanovich Publishing House. XII, 100, V. p. (In Russ.).

A note read at the annual meeting of the Museum Committee on March 27, 1911 by Prof. I. Tsvetaev. (1911). St. Petersburg: Senate. tip. 81 p. (In Russ.).

Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. The reign of Emperor Nicholas II, 1897—1898, XV. (1902). St. Petersburg: Type. T-va “Public Benefit”. 2110, 64 pages. (In Russ.).

Consecration of the Museum of Fine Arts named after Emperor Alexander III. (1912). *Moskovskie Vedomosti: [newspaper]*, 126: P. 2. (In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).

I. V. Tsvetaev creates a museum. (1995). Moscow: Galart. 448 p. ISBN 5-269-00718-5. (In Russ.).

I. V. Tsvetaev — Yu. S. Nechaev-Maltsov. Correspondence, 1897—1912, 1: 1897—1902. (2008). Moscow: Red Square. 636 p. ISBN 978-5-91521-002-7. (In Russ.).

I. V. Tsvetaev — Yu. S. Nechaev-Maltsov. Correspondence, 1897—1912, 2: 1902—1903. (2010). Moscow: Red Square. 480 p. ISBN 978-5-91521-003-4. (In Russ.).

- I. V. Tsvetaev — Yu. S. Nechaev-Maltsov. *Correspondence, 1897—1912, 3: 1904—1905*. (2010). Moscow: Red Square. 460 p. ISBN 978-5-91521-028-7. (In Russ.).
- I. V. Tsvetaev — Yu. S. Nechaev-Maltsov. *Correspondence, 1897—1912, 4: 1906—1912*. (2011). Moscow: Red Square. 492 p. ISBN 978-5-91521-045-4. (In Russ.).
- Regulations on the Committee for the Establishment and Management of the Emperor Alexander III Museum of Fine Arts at the Imperial Moscow University*. (1896). Moscow: A. A. Levenson Skoropech Publishing House. 9 p. (In Russ.).
- Report on the state and actions of the Imperial Moscow University in 1894*. (1895). Moscow: [b. i.]. 196, 24, 24 p. (In Russ.).
- Suvorin, A. S. (ed.). (1912). *All of Moscow: an address and reference book for 1912*. Moscow: Urban Printing House. 877 p. (In Russ.).
- The Museum of Fine Arts named after Emperor Alexander III in Moscow: a short illustrated guide, 1*. (1913). Moscow: Comrade skoropech. A. A. Levenson. XIV, 128 p. (In Russ.).

References

- Baranov, A. N. (2015). Grand Duke Sergiy Alexandrovich and the Museum of Fine Arts. In: *Grand Duke Sergei Alexandrovich in the service of Moscow and the Fatherland: collection of materials. The interregion. Scientific conference, May 29—30, 2013*. Moscow: Soyuz Design. 164—174. ISBN 978-5-000160-13-8. (In Russ.).
- Butova, R. B. (2023). Service to the grave: to the 170th anniversary of M. P. Stepanov. *Orthodox Palestinian Collection*, 121: 181—198. (In Russ.).
- Cherkasskaya, N. A., Sofin, D. M., Sofina, M. V. (2024). Mikhail Petrovich Stepanov: entering the inner circle of Grand Duke Sergei Alexandrovich. *Christianity in the Middle East*, 8 (4): 73—97. DOI: 10.24412/2587-9316-2024-0210. (In Russ.).
- Demskaya, A. A. (1979). *Pushkin State Museum of Fine Arts*. Moscow: Iskusstvo Publ. 239 p. (In Russ.).
- Demskaya, A. A. (1983). *Pushkin State Museum of Fine Arts*. Moscow: Iskusstvo. 239 p. (In Russ.).
- Demskaya, A. A., Smirnova, L. M. (1982). *Museum on Volkhonka*. Moscow: Moskovsky Rabochy Publ. 49 p. (In Russ.).
- Gromov, A. V. (ed.). (2016). *Moscow — The Holy Land of Grand Duke Sergei Alexandrovich and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna: exhibition catalog*. Moscow: Soyuz Design Publ. 336 p. ISBN 978-5-00016-020-6. (In Russ.).
- Gromov, A. V. (ed.). (2017). *The Grand Duke's Cross: on the 160th anniversary of the birth of Grand Duke Sergei Alexandrovich, 1857—2017*. Moscow: Union Design, ES-POO Foundation. 226 p. (In Russ.).
- Gromova, A. V. (2020). Grand Duke Sergei Alexandrovich and the beginning of the Russian Troubles of 1905—1907. *Orthodox Palestinian Collection*, 118: 17—38. (In Russ.).
- Lisovoy, N. N. (2005). From the history of the leadership of the Imperial Orthodox Palestinian Society: four Secretaries (M. P. Stepanov — V. N. Khitrovo — A. P. Belyaev — A. A. Dmitrievsky). *Orthodox Palestinian Collection*, 102: 6—35. (In Russ.).
- Lisovoy, N. N., Zhitenev, S. Y. (2022). Stepanov, Mikhail Petrovich. In: *Encyclopedia of the Imperial Orthodox Palestine Society: 1882—2022. dedicated to the 140th anniversary of the IOPS*. Moscow: Indrik. P. 812. ISBN 978-5-91674-671-6. (In Russ.).
- Mikityuk, V. P. (2025). Public figure Mikhail Petrovich Stepanov (aspects of historiography). *Orthodox Palestinian Collection*, 124: 156—165. (In Russ.).

- Plotnikova, I. V. (2018). Introduction <to the materials of 1898>. In: *Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov: biographical materials*, 5. Moscow: Novospassky Monastery. 430—438. ISBN 978-5-87389-085-9. (In Russ.).
- Romanova, D. Ya. (2020). The year of memory of Grand Duke Sergius Alexandrovich: the cultural and historical heritage of the Grand ducal couple. In: *The Holy Land in the Slavic-Russian tradition: collection of articles*, 4. Moscow: Kosygin Russian State University of Economics (Technologies. Design. Art). 83—88. ISBN 978-5-87055-993-3. (In Russ.).
- Sorokin, A. A., Sofjin, D. M., Sofjina, M. V. (2025). Establishment of Orthodox Palestine Society and Activities of M. P. Stepanov (1881—1883). *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 530—546. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-530-546>. (In Russ.).

*The article was submitted 20.09.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 23.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тлепцок Р. А. Юбилей и некрологи как инструмент конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии (1865—1925) / Р. А. Тлепцок // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 528—545. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-528-545.

Tleptsok, R. A. (2025). Anniversaries and Obituaries as Tools for Constructing Corporate Identity at Timiryazev Academy (1865–1925). *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 528-545. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-528-545. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Юбилей и некрологи как инструмент конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии (1865—1925)

Тлепцок Руслан Асланович

orcid.org/0009-0001-1443-0701

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории
bum102@yandex.ru

Российский государственный аграрный
университет — МСХА
им. К. А. Тимирязева
(Москва, Россия)

Anniversaries and Obituaries as Tools for Constructing Corporate Identity at Timiryazev Academy (1865—1925)

Ruslan A. Tleptsok

orcid.org/0009-0001-1443-0701

Doctor of History, Professor,
Department of History
bum102@yandex.ru

Russian State Agrarian University —
Timiryazev Agricultural Academy
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на основе междисциплинарного подхода, интегрирующего методологию исторической антропологии, социолингвистики и memory studies, исследуется роль юбилейных и некрологических публикаций в периодической печати как ключевого инструмента формирования корпоративной идентичности Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии в 1865—1925 годах. На основе анализа репрезентативного корпуса текстов из специализированных, общественно-политических и массовых изданий раскрываются механизмы конструирования «пантеона славы» академии. Выявляется триединый «паттерн славы», сочетавший ценности передовой науки, свободомыслия и служения народу. Прослежена эволюция коммеморативных стратегий — от осторожной саморепрезентации в юбилей 1890 года до углубленной исторической рефлексии и интеграции в национальный контекст в 1915 году. Особое внимание уделено механизму научной канонизации ключевых фигур (К. А. Тимирязева, И. А. Стебута и др.), чьи биографии в некрологах приобретали черты светской агнографии. В работе доказывается концептуальная устойчивость и гибкость сложившейся системы ритуалов памяти, которая не была разрушена сменой политического режима, а успешно адаптировалась к идеологическим требованиям советской власти, обеспечив тем самым символическую преемственность и сохранение исторической репутации академии в новых социокультурных условиях.

Ключевые слова:

ритуалы памяти; корпоративная идентичность; Тимирязевская академия; юбилейные публикации; некрологи; историческая антропология; коммеморативные практики; периодическая печать.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on a multidisciplinary approach integrating methodologies from historical anthropology, sociolinguistics, and memory studies, this article investigates the role of anniversary and obituary publications in shaping corporate identity within Petrovskaiia (Timiryazev) Agricultural Academy between 1865 and 1925. Through an analysis of representative texts from specialized, socio-political, and mass-circulation publications, mechanisms are revealed for constructing the academy's pantheon of glory. A tripartite pattern of esteem emerges, combining values of advanced science, free-thinking, and service to society. The evolution of commemorative strategies is traced — from cautious self-representation during the 1890 jubilee celebration to deeper historical introspection and integration into national context by 1915. Special attention is given to the process of academic canonization of key figures (K.A. Timiryazev, I.A. Stebut et al.) whose biographies in obituaries acquired traits reminiscent of secular hagiography. The work argues for both conceptual stability and flexibility in established rituals of remembrance, which not only survived changes in political regimes but successfully adapted to ideological demands under Soviet power, ensuring symbolic continuity and preservation of the academy's historical reputation amidst shifting sociocultural conditions.

Key words:

Memory rituals; corporate identity; Timiryazev Academy; anniversary publications; obituaries; historical anthropology; commemoration practices; periodical press.

УДК 92:070.46+378.181+378.4(470-25).096:63“1865/1925”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-528-545

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Юбилей и некрологи как инструмент конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии (1865—1925)

© Тлепцок Р. А., 2025

1. Введение = Introduction

С позиций исторической антропологии, устойчивые человеческие сообщества для воспроизводства во времени создают сложные системы ритуалов и символов, которые не просто отмечают ключевые события, но и конструируют социальную реальность, легитимируют власть и формируют коллективную идентичность [Turner, 1991]. Петровская земледельческая и лесная академия (с 1923 года — Тимирязевская сельскохозяйственная академия) представляет собой исключительно репрезентативный пример такого сообщества, где в условиях модернизации России рубежа XIX—XX веков периодическая печать стала главным «ритуальным пространством» для закрепления ключевых мифов и символов. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения механизмов формирования институциональной идентичности научных учреждений через призму медийных практик. Юбилейные публикации и некрологи в этом контексте представляют собой не просто информационные жанры, а полноценные тексты-ритуалы, выполнявшие функции, сходные с функциями мифов в традиционных обществах [Лотман, 2000].

Анализ ключевых направлений в историографии, фиксирующих исследовательское внимание на изучении ритуалов памяти, свидетельствует, что исследования в этой области носят междисциплинарный характер, объединяя историков, филологов, антропологов и социологов. Современные исследования ритуалов памяти формируются в рамках парадигмы «истории памяти» (memory studies). Ключевой точкой роста этого направления в России стала Международная научная конференция «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» [Репина и др., 2016], которая обозначила широкий круг проблем, включая коммеморативные практики, национальные нарративы и институты памяти. Так, в работах А. И. Рейтблата, С. О. Никиташиной и Т. Г. Букиной некролог рассматривается не просто как информационное сообщение, а как

сложный социальный и биографический жанр, основная функция которого — социализация через демонстрацию социально одобряемых моделей жизни. Авторы указывают, что посредством канонизации определенных личностей общество фиксирует и транслирует свою систему ценностей [Рейтблат, 2014; Никиташина, 2017; Букина, 2020]. Теоретическому осмыслению проблемы создания целостного образа ученого в разнообразных материалах юбилейного характера посвящены работы А. Г. Евтушенко [Евтушенко, 2012] и Г. Г. Хазагеров, Е. Ю. Щемелевой [Хазагеров и др., 2015]. Исследовательское внимание фиксируется на рассмотрении и систематизации типичных недочетов в биографических описаниях, мешающих цельному восприятию личности ученого. Также предлагаются рекомендации, благодаря которым описываемый образ станет частью эмоциональной памяти читателей, создаст целостное представление об ученом и войдет в персонифицированную сферу научного сообщества.

В целом анализ историографии проблемы позволяет выделить несколько перспективных направлений для будущих изысканий. Прежде всего это сравнительные исследования, сопоставление коммеморативных практик в разных профессиональных сообществах (ученых, педагогов, военных, инженеров) и в разные исторические эпохи, что позволит выявить общие механизмы и специфические черты формирования коллективной идентичности. Применение историко-антропологического подхода к изучению юбилеев и некрологов как ритуалов перехода и инструментария конструирования «сакральной истории» институтов представляется достаточно эффективным, а исследование того, как в юбилейных нарративах происходит селекция фактов, формируется пантеон героев и замалчиваются неудобные эпизоды истории, позволит лучше понять механизмы формирования публичного образа организаций. Историография ритуалов памяти прошла путь от изучения некрологов как сугубо биографического жанра до сложного междисциплинарного анализа, в котором эти практики рассматриваются как ключевые инструменты формирования коллективной идентичности, политической борьбы и легитимации социальных институтов, однако ритуалы памяти в периодической печати: юбилеи и некрологи как инструменты конструирования университетской среды — не нашли еще своего должного теоретического осмысления.

2. Материал, методы, обзор= Material, Methods, Review

Цель исследования — анализ механизмов конструирования корпоративной идентичности Тимирязевской академии через ритуализированные практики коммеморации в периодической печати. Достижение поставленной цели реализуется через решение следующих задач: выявления струк-

турных особенностей юбилейных и некрологических публикаций, анализа процесса формирования «пантеона славы» академии, исследования риторических стратегий конструирования институционального нарратива. Исследование базируется на комплексном методологическом подходе, интегрирующем достижения современной исторической науки, социолингвистики и исторической антропологии. Изучение ритуалов памяти требует особого внимания к методологическому инструментарию, поскольку коммеморативные практики представляют собой сложный феномен, находящийся на пересечении индивидуального и коллективного, политического и культурного, институционального и повседневного. Основу источниковой базы составляет репрезентативный корпус текстов, включающий несколько типологических групп. Центральное место занимают некрологические публикации и юбилейные материалы, относящиеся к Петровской сельскохозяйственной академии и ее ведущим представителям. Хронологические рамки источникового корпуса охватывают период с 1865 по 1925 годы, что позволяет проследить трансформацию коммеморативных практик в переломную эпоху смены политических режимов.

В структуре источникового корпуса выделяются некрологи профессорско-преподавательского состава (М. П. Щепкина, М. К. Турского, К. А. Тимирязева, И. А. Стебута), юбилейные публикации, посвященные 25-летию (1890 год) и 50-летию (1915 год) академии, биографические очерки и памятные статьи в специализированных изданиях, визуальные материалы: фотопортреты, изображения зданий, зарисовки из академической жизни. Источниковый корпус формировался с учетом стратификации периодической печати по типам изданий, каждый из которых выполнял специфическую функцию в системе коммеморации. Специализированные научные издания («Известия Петровской земледельческой и лесной академии», «Вестник русского сельского хозяйства», «Земледельческая газета») выступали как площадка для профессиональной коммеморации, где формировался канон научных достижений. Общественно-политические журналы («Вестник Европы», «Русская мысль») обеспечивали интеграцию образа академии в общенациональный культурный контекст. Массовые иллюстрированные издания («Нива», «Огонёк») транслировали упрощенный, эмоционально насыщенный образ академии широкой аудитории.

Исследование реализует принцип методологического плюрализма, объединяя инструментарий нескольких научных дисциплин. Из исторической науки заимствован историко-генетический метод, позволяющий реконструировать генезис и эволюцию коммеморативных практик. Историко-сравнительный метод применяется для выявления особенностей коммеморации в различных социальных и временных контекстах. Из со-

циолингвистики привлекается аппарат дискурс-анализа, направленный на выявление имплицитных смыслов и идеологических установок, закодированных в языке коммеморативных текстов. Анализ ведется на трех уровнях: лингвистическом (ключевые слова, риторические фигуры), нарративном (структура повествования, сюжетные линии) и идеологическом (ценностные ориентации, властные отношения). Важнейшей составляющей методологического синтеза является историко-антропологический подход, рассматривающий ритуалы памяти как социальные практики, обладающие собственной логикой и символическим капиталом. В рамках этого подхода коммеморативные тексты изучаются не только как репрезентации реальности, но и как инструменты ее конструирования. Биографический метод позволил проанализировать механизмы конструирования посмертного образа ученого, выявляя стратегии селекции и интерпретации биографических фактов. Каждый некролог рассматривается как акт символической канонизации, в ходе которого происходит трансформация индивидуальной биографии в элемент коллективной памяти.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Юбилейные публикации как инструмент конструирования институциональной легитимности

Данная статья анализирует, как через призму медийных практик формировался «пантеон славы» Петровской земледельческой и лесной академии (позднее Тимирязевской академии) — своего рода «священная история» научного учреждения, призванная демонстрировать его непреходящую ценность для нации.

История любого крупного научного и образовательного учреждения представляет собой не только хронологию его внутреннего развития, но и историю формирования его публичного образа, его репутации в глазах общества и государства. Для Петровской сельскохозяйственной академии (далее — ПСХА), основанной в 1865 году на волне Великих реформ, задача конструирования такого образа была особенно актуальной и сложной. С одной стороны, академия создавалась как прагматичный ответ на вызовы модернизации аграрного сектора империи, как учреждение сугубо практическое и лояльное. С другой стороны, практически сразу она стала эпицентром интеллектуальной и общественной жизни, привлекая свободомыслящую молодежь и профессуру, что закономерно вело к трениям с официальными властями, кульминацией которых стали студенческие волнения 1860—1870-х годов и временное закрытие вуза [Минувшее ..., 1992, с. 67]. В этих условиях периодическая печать, переживавшая во второй половине XIX века свой расцвет, стала главным полем битвы за симво-

лический капитал Академии. Именно на страницах газет и журналов происходила «упаковка» ее сложной и подчас противоречивой истории в последовательные и привлекательные нарративы. Среди всего многообразия журналистских жанров именно юбилейные публикации и некрологи, посвященные ключевым фигурам Академии, оказались наиболее эффективными инструментами для этой задачи. Эти жанры, обладающие высокой степенью ритуализированности и авторитетности, позволяли не просто сообщать факты, но и давать им определенную интерпретацию, выстраивать причинно-следственные связи, создавать пантеон героев и, в конечном счете, формировать то, что мы называем «паттерном славы» — устойчивую, повторяющуюся схему восприятия учреждения.

Попытаемся проследить, как через призму юбилейных статей (к 25-летию в 1890 году и 50-летию в 1915 году), некрологов и юбилейных публикаций в честь профессоров ПСХА (в первую очередь М. П. Щепкина [Фортуна-тов, 1921, с. 2], М. К. Турского [Собичевский, 1899], К. А. Тимирязева [Известия, 1920, 29 апреля; Памяти К. А. Тимирязева, 1936; Пролетарская культура, 1920, с. 1—3], И. А. Стебута) [Броунов, 1904; Клинген, 1904; Фортунатов, 1904], в российской периодике целенаправленно конструировался и фиксировался комплексный положительный образ Академии, который не только помог ей пережить периоды политических гонений, но и стал основой для ее дальнейшей мифологизации в советский и постсоветский периоды.

Историческая антропология рассматривает юбилей как форму ритуала перехода не для индивида, а для целого института. Это момент символического разрыва с повседневностью, подведения итогов и, что самое важное, — перезаключения «общественного договора» между учреждением и государством / обществом. Юбилейные публикации, посвященные Академии, имели строгую, почти каноническую структуру, повторявшую архаичную схему мифа. Так, часть, которую условно можно обозначить «золотой век истоков», должна была характеризовать период учреждения заведения: автор публикации обращается к моменту основания в 1865 году в контексте «великих реформ» Александра II, описанному как акт высшей мудрости и государственной воли, направленный на преодоление отсталости. Тем самым создавался образ «основателя»-благотелья, а сама Академия получала сакральный статус «детища реформ». «Эпопея борьбы и становления» как значимый элемент юбилейного текста соотносилась с описанием трудностей, преодоленных на пути. Это не просто хроника, а повествование о том, как благодаря упорству профессоров и студентов институт утвердил свой авторитет, что придавало драматизм и героизм повествованию об истории академии. Следующий элемент структуры —

перечисление деяний (каталог достижений), детальный список научных открытий, внедренных методик, подготовленных кадров. В терминах антропологии это — демонстрация «даров» сообщества социуму, доказательство его полезности и права на существование и поддержку. Наконец, «галерея предков» предполагала представление выдающихся профессоров и выпускников. Эта часть ритуала непосредственно конструировала «пантеон», выводя из исторической летописи фигуры, достойные почитания и подражания. Через эту структуру происходила «инвенция традиции» (Э. Хобсбаум) — создание ощущения непрерывной и славной истории, необходимой для легитимации текущего положения Академии в настоящем.

Юбилейные публикации выполняли несколько ключевых социальных функций. Легитимация через историю происходила путем апелляции к прошлому и служила самым весомым аргументом в пользу значимости Академии в настоящем. Ссылка на «заветы основателей» была мощным инструментом в дискуссиях о финансировании или реформах. Осуществлялась консолидация корпорации: для студентов, выпускников и преподавателей юбилейный нарратив был актом самоидентификации. Он отвечал на вопросы «Кто мы?», «Откуда мы пришли?» и «Каково наше место в мире?». Чтение об общих победах и героях укрепляло чувство принадлежности к особому сообществу — «тимирязевцам». Юбилей послужил поводом для активной коммуникации с внешним миром, был моментом, когда Академия «заявляла о себе» широкой публике. Публикации в массовых изданиях типа «Нивы» выполняли роль гигантской рекламной кампании, формируя привлекательный образ науки и сельского хозяйства, что было важно для притока абитуриентов и поддержки в обществе.

Юбилей выступал актом публичной легитимации, конструируя коллективную биографию Академии. Юбилей для учебного заведения — это не просто дата, а мощный коммуникативный акт, возможность подвести итоги, сформулировать свои достижения и предъявить их обществу. Для ПСХА, чья история была отмечена конфликтами, юбилеи стали шансом перевести разговор о себе из плоскости «проблемности» в плоскость «служения». Первым примером формирования изучаемого паттерна стало празднование 25-летия академии (1890 год) фиксировавшего утверждение научного статуса заведения и апелляцию к «здоровым началам». Публикации, посвященные четвертьвековому юбилею Академии, появились в таких изданиях, как «Русские ведомости», «Земледельческая газета», «Вестник Европы». Их общей чертой была осторожность и стремление к конструированию респектабельного образа. Академия только оправлялась от последствий «дела о студенческой столовой» 1876 года и последующих репрессий, и тон публикаций был выдержан в духе примирения и демонстрации лояльности.

Главной темой являлся нарратив научного вклада академии, становление ПСХА как главного центра аграрной науки России. Авторы статей, среди которых были и сами профессора Академии (например, И. А. Стебут), подробно перечисляли достижения в области почвоведения, растениеводства, животноводства [Ковальченко, 1965, с. 112]. Подчеркивалась практическая направленность исследований: выведение новых пород скота, борьба с вредителями, агрохимические опыты. Этот акцент был стратегическим: он доказывал государству и обществу полезность Академии, ее непосредственный вклад в экономическое развитие страны. Вторым аспектом фиксации была трансформация «духа Петровки». Образ «свободомыслящей» Академии не исчез, но был кардинально переосмыслен. Если в 1870-е годы в официальных документах он трактовался как «крамольный дух», то в юбилейных статьях 1890 года он предстал как дух «демократизма», «товарищества» и «бескорыстного служения науке». Ссылаясь на известного публициста И. П. Белоконского, который писал о «здоровых началах», заложенных в Академии, авторы стремились показать, что именно эта особая атмосфера творчества и свободы является залогом научных успехов [Белоконский, 1890, с. 2—3]. Студенческие волнения если и упоминались, то как «печальное недоразумение» прошлого, преодоленное благодаря верности корпорации своим идеалам. Не менее важным фактором являлся процесс создания в юбилейных публикациях пантеона основателей. В юбилейных текстах начал формироваться канонический список «отцов-основателей»: Н. И. Железнов, П. А. Ильенков, А. П. Людоговский. Их образы выстраивались как образы ученых-практиков, патриотов, заложивших прочный фундамент. Это был важный шаг к созданию собственной героической генеалогии.

Юбилей 1915 года отмечался в разгар Первой мировой войны, что наложило на его освещение глубокий отпечаток. Освещение деятельности академии осуществлялось в контексте войны и необходимости отстаивания национальной идентичности. Помимо традиционных тем в публикациях в «Русских ведомостях», «Речи» и специализированных изданиях появились новые мотивы. Прежде всего мейнстримом становится нарратив национального служения. Лейтмотивом юбилейных материалов стала тема вклада Академии в оборону страны. Говорилось о работе ее лабораторий для нужд армии, о помощи раненым, о том, что повышение урожайности — это тоже вклад в победу. Этот нарратив позволял максимально усилить патриотическую составляющую образа Академии, представить ее как неотъемлемую часть национального организма в час испытаний [ЦГАМ, ф. 459, оп. 2, д. 143, л. 5—12].

Вторым не менее важным моментом являлось углубление исторической рефлексии. Полувековой рубеж позволил авторам, среди которых вы-

делялся профессор А. Ф. Фортунатов, взглянуть на историю Академии более масштабно и системно [Фортунатов, 1915, с. 40]. В его статье в «Вестнике Европы» история ПСХА увязывалась с общим ходом развития России после 1861 года. Конфликты с властью теперь подавались не как «недопонимания», а как закономерные этапы роста национального самосознания и борьбы за прогресс. «Дух Петровки» окончательно канонизировался как дух интеллектуальной и гражданской независимости. Таким способом осуществлялась легитимация академии через связь с «золотым веком» реформ. Подчеркивалась неразрывная связь Академии с эпохой Александра II. Ее представляли как живой памятник великим реформам, чьи идеи она продолжает воплощать в жизнь. Это была тонкая полемика с консервативными кругами, ставившими под сомнение необходимость либеральных преобразований. Таким образом, юбилейные публикации последовательно выстраивали образ Академии от лояльного научно-практического учреждения (1890) до важнейшего института национальной жизни, чья история является неотъемлемой частью истории российского освободительного движения (1915).

3.2. Некрологи как механизм формирования корпоративного пантеона и адаптация ритуальных практик к смене политических режимов

Если юбилей был коллективным ритуалом, то некролог — индивидуальным, но не менее важным для всей корпорации. Смерть выдающегося ученого была кризисным моментом, угрожавшим разрывом в цепи научной преемственности. Некрологический текст выполнял работу по «снятию» этого кризиса, превращая утрату в акт укрепления традиции. Некролог ученого из Тимирязевской академии конца XIX — начала XX веков по своей структуре удивительно напоминал агиографию в средневековой традиции, вобравшей в себя структурно несколько компонентов. Раздел, посвященный истокам жизненного пути ученого, включал упоминания о его происхождении, которое нередко подчеркивало призвание, избранность выбранного маршрута — будь то принадлежность к семье ученых или же упорное преодоление жизненных препятствий на пути к образованию. Жизненный путь представлялся не как случайная последовательность событий, а как целенаправленное служение Истине (науке) и Отчеству. Каждая веха (защита диссертации, получение кафедры, главный труд) была ступенью в этом служении. Перечень ключевых достижений ученого — это аналог «чудес», совершенных святым. Они доказывали его избранность и божественный (в секулярном смысле — гениальный) дар. Открытия К. А. Тимирязева в физиологии растений или система травополья В. А. Вильямса описывались как акты, преобразившие мир. Указание

личностных качеств при описании характера — «кристальная честность», «неутомимая энергия», «глубокий ум», «преданность ученикам» — создавали идеализированный образ ученого-подвижника, эталон для подражания. Смерть описывалась не как трагический конец, а как завершение земного пути и переход в вечность — в историю науки. Акцент делался на том, что дело ученого живет в его трудах, школе и последователях. Таким образом, через некролог происходила научная канонизация ученого, его имя вносилось в пантеон славы Академии, а его биография становилась частью корпоративного мифа.

Анализ массива публикаций позволяет выделить ядро «пантеона» Тимирязевской академии. Каждая фигура в нем выполняла определенную символическую функцию. К. А. Тимирязев — пророк и мученик науки. Его образ сочетал гениального ученого-естественника и борца за просвещение. Популяризаторская деятельность и конфликты с властями (в дореволюционный период) создавали ореол мученика за идеи. После революции его образ был адаптирован под новые идеологические реалии, став символом «народной науки». В. Р. Вильямс — архитектор и организатор. Создатель учения о почвообразовании и травопольной системы, он олицетворял синтез теории и практики, способность науки предлагать глобальные, системные решения аграрных проблем. Его фигура символизировала могущество человеческого разума, преобразующего природу. Д. Н. Прянишников предстает в некрологах и юбилейных статьях как выдающийся наставник и основоположник научной школы. В этих текстах особое внимание уделяется значительному числу его учеников, многие из которых стали ведущими специалистами в области отечественной агрохимии. Его образ олицетворяет собой научную преемственность, показывая, как ценные знания бережно сохраняются и передаются от учителей к ученикам, формируя устойчивые традиции научного развития. И. А. Стебут — хранитель традиций, один из старейших деятелей. Его фигура символизировала связь времен в жизни Академии и даже в истории русской агрономии. Эти и другие ученые были не просто выдающимися личностями; в пространстве периодической печати они становились архетипами, олицетворяющими разные грани идеального ученого: мудреца, подвижника, учителя, практика.

Разные типы изданий выступали в роли «ритуальных площадок», каждая из которых обладала собственной спецификой в отправлении обрядов памяти и предназначалась для определенной аудитории. Специализированные издания («Вестник русского сельского хозяйства») выступали в качестве аналога «внутреннего святилища». Здесь ритуал был наиболее детализированным, тексты были насыщены профессиональной терминологией. Некрологи и юбилейные обзоры были обращены к «посвящен-

ным) — коллегам, которые могли в полной мере оценить научные заслуги. Здесь формировался «официальный» канон. Общественно-политические журналы («Русская мысль», «Вестник Европы») служили площадкой для диалога с интеллектуальной и политической элитой. Здесь образ ученого и Академии встраивался в общенациональный культурный контекст, представлялся как часть прогрессивного развития России. Массовые иллюстрированные издания («Нива», «Огонёк») служили пространством «народного празднества». Ритуал здесь был зрелищным и упрощенным. Ключевую роль играл визуальный ряд: портреты ученых с мудрым взглядом, виды опытных полей, лабораторий. Эти образы создавали эмоциональную связь, превращая сложную научную деятельность в понятный и уважаемый символ прогресса. Ученый представал не как кабинетный затворник, а как деятель, близкий к земле и народу.

Смена политических режимов (от империи к советской власти) стала серьезным испытанием для сложившейся системы ритуалов. Антропологически это можно рассматривать как попытку новой власти навязать свою «сакральную историю». Советская власть требовала пересмотра пантеона и изменения акцентов в юбилейных нарративах. Однако, что примечательно, ядро ритуала оказалось устойчивым. Менялась лексика: «служение национальным интересам» заменялось на «вклад в социалистическое строительство», «революционные заслуги» студентов выдвигались на первый план. Но сама структура — обращение к истории, перечисление достижений, почитание героев (пусть и селективно, с вычеркиванием «неблагонадежных») — сохранялась. Образ К. А. Тимирязева, например, был успешно «канонизирован» повторно, но уже как «борец с царским режимом» и «друг советской власти». Это демонстрирует гибкость ритуальных практик и их способность адаптироваться для сохранения целостности института даже в условиях радикальных внешних изменений.

Апогеем формирования паттерна можно считать некрологи К. А. Тимирязеву (1920). Смерть Климента Аркадьевича Тимирязева в апреле 1920 года и последовавшая за ней волна публикаций стали кульминационным моментом в процессе формирования паттерна славы Академии. Хотя советская власть уже начала процесс ее переименования, основные некрологи, особенно в научной и бывшей либеральной прессе (например, статья В. И. Вернадского), опирались на тот образ, который складывался десятилетиями [Вернадский, 1920, с. 95]. В некрологах К. А. Тимирязев был представлен как идеальное воплощение «духа Петровки», яркий синтез ученого и борца. Его фундаментальные работы по физиологии растений («Жизнь растения») напрямую увязывались с его общественной борьбой — за доступность образования, против обскурантизма, за Дарвина,

против царской бюрократии. Его увольнение из Московского университета в 1911 году в знак протеста против политики Л. А. Кассо подавалось не как частный эпизод, а как закономерный поступок человека, воспитанного в стенах ПСХА [Лункевич, 1926, с. 21]. На первый план в некрологах выходит символическое слияние личности и учреждения. К. А. Тимирязев был охарактеризован как «совесть Академии», ее воплощенный в личности символ. В его биографии прочитывалась биография всего вуза, начало пути в эпоху реформ, конфликты с властью, неизменная верность идеалам служения народу через науку.

Таким образом, его личная канонизация автоматически означала канонизацию Академии. Таким образом, в дореволюционный период зародился, а в начальные годы советской власти окончательно сформировался и укрепился трехкомпонентный паттерн признания значения Академии наук: наука, свободомыслие, служение. Этот канонический образ, запечатленный в юбилейных публикациях и некрологах, объединил в себе ключевые элементы прославления: мировое признание научных достижений в области физиологии, проявление свободомыслия посредством последовательной гражданской позиции, а также преданное служение обществу благодаря активному просвещению и стремлению удовлетворять практические потребности сельскохозяйственной сферы. К. А. Тимирязев занял особое положение, сделав своё имя вечным символом, неразрывно связанным с Академией, олицетворяя безупречную научную репутацию и высокий моральный авторитет. Это был мощнейший акт символического капиталовложения. В контексте исследования интерес представляет механика конструирования паттерна: риторических стратегий и выбора площадок. Анализ массива публикаций позволяет выявить конкретные риторические приемы, которые использовались для формирования нужного образа. Прежде всего, необходимо указать на селекцию фактов. Авторы юбилейных статей и некрологов проводили тщательный отбор событий. Активно муссировалась, например, история с «прошением о столовой» 1876 года как пример гражданской смелости студентов (среди которых был и В. Г. Короленко), но замалчивались или смягчались более радикальные эпизоды студенческого движения.

Примечателен прием введения бинарных оппозиций. Построение образа часто шло через противопоставление: «прогрессивная наука ПСХА» vs «косность чиновничества»; «демократизм Петровки» vs «казенщина казенных вузов»; «служение народу» vs «карьеризм». Эти оппозиции способствовали формированию чётко очерченной идентичности. Важным аспектом механизма конструирования паттерна является обращение к признанным авторитетам. Приводя мнения таких признанных научных фигур,

как В. И. Вернадский или И. П. Бородин, о значении Академии или ее профессоров, авторы статей повышали убедительность своих тезисов. Нельзя не отметить и роль прессы: именно либеральная пресса («Русские ведомости», «Вестник Европы») и отраслевые научно-популярные журналы обладали необходимым кредитом доверия у интеллигентской аудитории и были заинтересованы в продвижении ценностей просвещения, науки и общественного служения, которые составляли стержень паттерна славы ПСХА.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ показывает, что юбилейные публикации и некрологи в периодической печати Российской империи и раннего советского периода были не просто пассивными регистраторами событий, связанных с Петровской сельскохозяйственной академией, а выступали в качестве активных и высокоэффективных инструментов стратегической коммуникации, целенаправленно участвуя в конструировании ее публичной идентичности. Многочисленные трудности и противоречивые этапы исторического пути Академии получили художественное переосмысление, воплотившись в стройный и героизированный сюжет, структурообразующим элементом которого стал триединый паттерн славы: передовая наука, свободомыслие и служение народу. Юбилеи позволяли актуализировать этот нарратив в масштабе всего учреждения, связывая его с общенациональными задачами и историческим контекстом. Некрологи, в свою очередь, персонифицировали его, создавая галерею героев, чьи личные качества и биографии становились живым подтверждением справедливости этого нарратива. Апогеем этого процесса стала канонизация К. А. Тимирязева, в образе которого все компоненты паттерна сошлись воедино. Сконструированный прессой образ оказался чрезвычайно жизнеспособным. Он не только помог Академии сохранить «лицо» и авторитет в периоды политических преследований, но и обеспечил ей прочные симпатии со стороны научной и либеральной общественности. Этот медийно созданный «бренд» оказался настолько сильным, что был принят и одобрен советской властью, увидевшей в «Тимирязевке» готовый символ союза науки, прогресса и народности. Таким образом, паттерн славы, сформированный на страницах периодики XIX — начала XX веков, продолжает оставаться фундаментальной основой исторической репутации Тимирязевской академии вплоть до наших дней. С точки зрения исторической антропологии, юбилейные публикации и некрологи о Тимирязевской академии в периодической печати были не просто отражением ее истории, а активным инструментом ее созидания. Это были ритуалы, через которые академическое сообщество буквально «вписало себя» в большую историю России. Эти тексты-риту-

алы выполняли фундаментальные для выживания сообщества функции: они создавали общую идентичность, легитимизировали существование института перед лицом государства, предлагали модели для подражания и смягчали кризисы, вызванные уходом ключевых фигур. Формируя «пантеон славы», Академия создавала свой символический капитал — неосязаемый, но крайне важный ресурс, который позволял ей привлекать таланты, приобретать и сохранять авторитет в течение десятилетий. Таким образом, газетная полоса или журнальная страница становились своего рода «символическим полем», где велась постоянная работа по производству и воспроизводству «священной истории» Тимирязевской академии — истории не столько о прошлом, сколько о праве на будущее.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ЦГАМ — *Центральный* государственный архив г. Москвы. Ф. 459 — о праздновании 50-летия ПСХА. Оп. 2. Д. 143. Л. 5—12.
2. *Белокопский И. П.* По поводу 25-летия Петровской академии / И. П. Белокопский // *Русские ведомости* : [газета]. — 1890. — № 295. — С. 2—3.
3. *Некролог К. А. Тимирязева.* Большевики работают для счастья народа // *Известия* : [газета]. — 1920. — 29 апреля. — С. 1.
4. *Памяти К. А. Тимирязева* // *Пролетарская культура* : [газета]. — 1920. — № 15—16. — С. 1—3.

Литература

1. *Броунов П. И.* Современные вопросы русского сельского хозяйства : к 50-летию юбилею И. А. Стебута / П. И. Броунова. — Санкт-Петербург : Изд. почитателей и учеников И. А. Стребута, 1904. — 578 с.
2. *Букина Т. Г.* Некролог как биографический жанр : этикетно-прагматический аспект / Т. Г. Букина // *Известия Уральского федерального университета.* Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2020. — Т. 26. — № 2 (197). — С. 35—41. — DOI: 10.15826/izv1.2020.26.2.028
3. *Вернадский В. И.* Памяти К. А. Тимирязева как гражданина и ученого / В. И. Вернадский // *Известия Российской Академии наук.* — 1920. — Т. XIV. — С. 95.
4. *Евтушенко А. Г.* Юбилей как ключ к пониманию духовных устремлений нации / А. Г. Евтушенко // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.* — 2012. — № 1 (45). — С. 93—96.
5. *Клинген И. Н.* Иван Александрович Стебут / И. Н. Клинген // *Современные вопросы русского сельского хозяйства.* — 1904. — Т. 28. — С. XI—LI.
6. *Ковальченко И. Д.* Столетие Петровской сельскохозяйственной академии и развитие аграрной науки в России / И. Д. Ковальченко // *Отечественная история.* — 1965. — № 4. — С. 112.
7. *Лотман Ю. М.* Семиосфера [Сб.] / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 703 с. — ISBN 5-210-01562-9.

8. Лункевич В. В. Откуда и как пошел род людской Происхождение человека / В. В. Лункевич. — 2-е изд. — Ленинград : Начатки знаний, 1926. — 80 с.
9. *Минувшее* : исторический альманах. — Москва : Прогресс : Феникс, 1990, 1992. — Выпуск 10. — 510 с.
10. Никиташина С. О. Некрологи об ученом И. В. Мушкетове как исторический источник / С. О. Никиташина // Документ в современном обществе : между прошлым и будущим : тезисы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 7—8 апреля 2017 г. / Урал. федер. ун-т им. Б. Н. Ельцина, Рос. гос. проф. -пед. ун-т. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — С. 348—351. — ISBN 978-5-7996-1932-9.
11. Памяти К. А. Тимирязева [Текст] : сборник докладов и материалов сессии Биол. ин-та им. К. А. Тимирязева, посвященной 15-летию со дня смерти К. А. Тимирязева. 1920—1935 / Под ред. П. П. Бондаренко, Б. П. Токина, Е. Е. Успенского. — Москва ; Ленинград : Биомедгиз, 1936. — 315 с.
12. Рейтблат А. И. Некролог как биографический жанр / А. И. Рейтблат, К. В. Душенко // Вестник культурологии. — 2015. — № 2. — С. 69—71.
13. Репина Л. П. Международная научная конференция «История, память, идентичность : теоретические основания и исследовательские практики» / Л. П. Репина, О. В. Воробьева, Т. Н. Иванова, Е. Н. Кириллова // Диалог со временем. — 2017. — Выпуск 59. — С. 382—395.
14. Собичевский В. Т. Воспоминание о М. К. Турском / В. Т. Собичевский. — Санкт-Петербург : Тип. СПб. градоначальства, 1899. — 13 с.
15. Фортунатов А. Ф. Иван Александрович Стебут (к пятидесятилетию его деятельности). 1854—1904 / А. Ф. Фортунатов. — Москва : Тип. О. Л. Сомовой, 1904. — 9 с.
16. Фортунатов А. Ф. Из истории Петровской академии / А. Ф. Фортунатов // Вестник Европы. — 1915. — Книга 10. — С. 40—52.
17. Фортунатов А. Ф. Несколько слов о М. М. Щепкине / А. Ф. Фортунатов // Вестник сельского хозяйства. — 1921. — № 7. — С. 2.
18. Хазагеров Г. Г. Проблема создания образа ученого в юбилейных материалах / Г. Г. Хазагеров, Е. Ю. Щемелева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 4 (46). — Ч. 2. — С. 203—206.
19. Щепкин Д. М. Митрофан Павлович Щепкин : Очерк деятельности / Д. М. Щепкин. — Москва : Тип. О-ва р. п. книг, преемник В. И. Воронов, 1910. — 73 с.
20. Юбилей заслуженного профессора И. А. Стебута // Известия Северо-Западного управления с.-х. опытного дела. — Петроград : [б. и.], 1923. — Выпуск I—II. — С. 36.
21. Turner V. W. The Ritual Process : Structure and Anti-Structure / V. W. Turner. — New York : Cornell University Press, 1991. — 224 p.

Статья поступила в редакцию 06.10.2025,
одобрена после рецензирования 08.12.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.

Material resources

Belokonsky, I. P. (1890). On the occasion of the 25th anniversary of the Petrovsky Academy. *Russian Vedomosti: [newspaper]*, 295: 2—3. (In Russ.).
CGAM — Central State Archive of Moscow. F. 459 — on the celebration of the 50th anniversary of the PSA. Op. 2. D. 143. L. 5—12. (In Russ.).

In memory of K. A. Timiryazev. (1920). *Proletarian culture: [newspaper]*, 15—16: 1—3. (In Russ.).

Obituary of K. A. Timiryazev. (1920). The Bolsheviks are working for the happiness of the people. *Izvestia: [newspaper]*. April 29. P. 1. (In Russ.).

References

- Anniversary of the Honored Professor I. A. Stebut. (1923). In: *Izvestiya Severo-Zapadnogo upravleniya S.-H. opytное delo, I—II*. Petrograd: [b. i.]. P. 36. (In Russ.).
- Bondarenko, P. P., Tokin, B. P., Uspensky, E. E. (1936). *In memory of K. A. Timiryazev [Text]: Collection of reports and materials of the session of the K. A. Timiryazev Biological Institute dedicated to the 15th anniversary of K. A. Timiryazev's death. 1920—1935*. Moscow; Leningrad: Biomedgiz. 315 p. (In Russ.).
- Brownov, P. I. (1904). *Modern issues of Russian agriculture: towards the 50th anniversary. anniversary of I. A. Stebut*. St. Petersburg: Publishing house of admirers and students of I. A. Stebut. 578 p. (In Russ.).
- Bukina, T. G. (2020). Obituary as a biographical genre: a etiquette and pragmatic aspect. *Proceedings of the Ural Federal University, Series 1, Problems of Education, Science and Culture*, 26 / 2 (197): 35—41. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.2.028. (In Russ.).
- Fortunatov, A. F. (1904). *Ivan Aleksandrovich Stebut (on the fiftieth anniversary of his activity). 1854—1904*. Moscow: O. L. Somovoy Publishing House. 9 p. (In Russ.).
- Fortunatov, A. F. (1915). From the history of the Petrovsky Academy. *Bulletin of Europe*, 10: 40—52. (In Russ.).
- Fortunatov, A. F. (1921). A few words about M. M. Shchepkin. *Bulletin of Agriculture*, 7: P. 2. (In Russ.).
- Khazagerov, G. G., Shchemeleva, E. Y. (2015). The problem of creating the image of a scientist in jubilee materials. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 4 (46) / 2: 203—206. (In Russ.).
- Klingen, I. N. (1904). Ivan Aleksandrovich Stebut. *Modern issues of Russian agriculture*, 28: XI—LI. (In Russ.).
- Kovalchenko, I. D. (1965). The centenary of the Petrovsky Agricultural Academy and the development of agrarian science in Russia. *Russian history*, 4: P. 112. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere [Collection]*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. 703 p. ISBN 5-210-01562-9. (In Russ.).
- Lunkevich, V. V. (1926). *Where and how did the human race come from the origin of man*. Leningrad: Rudiments of Knowledge. 80 p. (In Russ.).
- Nikitashina, S. O. (2017). Obituaries about scientist I. V. Mushketov as a historical source. In: *Document in modern society: between the past and the future: abstracts of the X All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 7—8, 2017*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 348—351. ISBN 978-5-7996-1932-9. (In Russ.).
- Reitlat, A. I., Dushenko, K. V. (2015). Obituary as a biographical genre. *Bulletin of Cultural Studies*, 2: 69—71. (In Russ.).
- Repina, L. P., Vorobyeva, O. V., Ivanova, T. N., Kirillova, E. N. (2017). International scientific conference “History, memory, identity: theoretical foundations and research practices”. *Dialogue with time*, 59: 382—395. (In Russ.).
- Shchepkin, D. M. (1910). *Mitrofan Pavlovich Shchepkin: An essay on activity*. Moscow: Type. The island of R. P. books, the successor of V. I. Voronov. 73 p. (In Russ.).

- Sobichevsky, V. T. (1899). *The memory of M. K. Tursky*. St. Petersburg: Tip. SPb. city government. 13 p. (In Russ.).
- The past: a historical almanac, 10.* (1990, 1992). Moscow: Progress: Phoenix. 510 p. (In Russ.).
- Turner, V. W. (1991). *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. New York: Cornell University Press. 224 p.
- Vernadsky, V. I. (1920). In memory of K. A. Timiryazev as a citizen and scientist. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences, XIV*: P. 95. (In Russ.).
- Yevtushenko, A. G. (2012). Jubilee as a key to understanding the spiritual aspirations of the nation. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, 1 (45)*: 93—96. (In Russ.).

*The article was submitted 06.10.2025;
approved after reviewing 08.12.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*

Информация для цитирования:

Хрусталёв В. К. Женщины в римских quaestiones perpetuae республиканской эпохи / В. К. Хрусталёв // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 546—563. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-546-563.

Khrustalev, V. K. (2025). Women in Quaestiones Perpetuae of Republican Rome. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 546-563. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-546-563. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Женщины в римских quaestiones perpetuae республиканской эпохи

Хрусталёв Вячеслав Константинович

orcid.org/0000-0002-3174-9028

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории
vyacheslav2511@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-00515,
<https://rscf.ru/project/24-28-00515/>

Women in Quaestiones Perpetuae of Republican Rome

Vyacheslav K. Khrustalev

orcid.org/0000-0002-3174-9028

PhD in History, Associate Professor,
Department of General History
vyacheslav2511@gmail.com

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with financial
support Russian Science Foundation,
project № 24-28-00515,
<https://rscf.ru/project/24-28-00515/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью исследования является рассмотрение всех известных из источников эпизодов, связанных с появлением женщин в постоянных судебных комиссиях (quaestiones perpetuae), которые являлись главным органом уголовного судопроизводства в республиканском Риме. Анализируются и случаи привлечения женщин к суду, и их выступления со свидетельскими показаниями, и неформальные роли, которые они могли играть на судебных процессах. Кроме того, исследуется отношение римской общественности к появлению женщин в уголовном суде. По итогам исследования был сделан вывод, что, хотя римское республиканское законодательство допускало участие женщин в судебных процессах, обычай позволял им выступать на них лишь в роли подсудимых или свидетельниц. Установлено, что, согласно распространённым в обществе представлениям, порядочная женщина должна была вести себя в суде сдержанно и скромно. Сообщается, что, если она была привлечена к суду в качестве подсудимой, её защиту полагалось взять на себя родственникам или друзьям семьи мужского пола. Подчёркивается, что, произнося речь на процессе, женщина вторгалась в принадлежавшую исключительно мужчинам область риторики, а это вызывало у римлян неприятие и раздражение. Автор приходит к выводу, что выступления со свидетельскими показаниями, по-видимому, не порождали столь неодобрительной реакции, если при этом женщина не выходила за рамки отведённой ей социальной роли.

Ключевые слова:

Древний Рим; Римская республика; гендерная история; римские женщины; римские суды; quaestiones perpetuae.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study aims to examine all known episodes from sources concerning women's involvement in the quaestiones perpetuae — permanent judicial commissions that served as primary criminal courts during the Roman Republic. It analyzes cases where women were either tried or gave testimony, along with their informal roles on such proceedings. Additionally, it investigates public attitudes toward female participation in criminal trials. The findings suggest that while republican law allowed for women's presence at legal hearings, custom restricted them primarily to defendant or witness roles. Respectable women were expected to behave modestly and reservedly when appearing before a court. If charged as defendants, they relied upon male relatives or family friends for defense representation. Emphasizing that delivering speeches encroached into an exclusively masculine domain of rhetoric, which provoked disapproval among Romans, this paper concludes that providing testimonies was generally more acceptable provided that women did not overstep societal boundaries.

Key words:

Ancient Rome; Roman Republic; gender history; Roman women; Roman courts; quaestiones perpetuae

Женщины в римских *quaestiones perpetuae* республиканской эпохи

© Хрусталёв В. К., 2025

1. Введение = Introduction

Как известно, женщины в Римской республике были освобождены от отдельных обязанностей взрослых римских граждан мужского пола (например, от несения воинской службы) и лишены некоторых их прав. Эти ограничения распространялись в том числе на сферу судопроизводства. Женщины не могли быть судьями, о чём прямо свидетельствует Юлий Павел (Dig. 5, 1, 12, 2), поясняя: «Ведь некоторым препятствует быть судьями закон, некоторым — природа. Природа [препятствует быть судьёй] глухому, немому, сумасшедшему и несовершеннолетнему, потому что им недостаёт рассудительности; закон — тому, кто изгнан из сената; обычай — женщине и рабу, не потому что у них нет рассудительности, но потому, что принято, чтобы они не исполняли гражданских обязанностей» (*quidam enim lege impediuntur ne iudices sint, quidam natura, quidam moribus. Natura, ut surdus mutus et perpetuo furiosus et impubes, quia iudicio carent. Lege impeditur, qui senatu motus est. Moribus feminae et servi, non quia non habent iudicium, sed quia receptum est, ut civilibus officiis non fungantur*)¹. Об этом же пишет Ульпиан (Dig. 50, 17, 2, pr.): «Женщины отстранены от всех гражданских и общественных обязанностей и, следовательно, не могут ни быть судьями, ни исполнять магистратуры, ни предъявлять обвинение, ни выступать на суде за других лиц, ни быть чьими-либо поверенными» (*feminae ab omnibus officiis civilibus vel publicis remotae sunt et ideo nec iudices esse possunt nec magistratum gerere nec postulare nec pro alio intervenire nec procuratores existere*). Кроме того, в уголовных процессах республиканской эпохи — в отличие от гражданских судов, в которых женщинам разрешалось лично подавать иски (перечень известных из источников случаев см.: [van der Blom, 2024, p. 186, n. 27]) и даже говорить *pro aliis* (правда, последнее право позднее было отнято у них преторским эдиктом) — женщинам не позволялось самим предъявлять обвинение или выступать в роли предста-

1 Здесь и далее перевод цитат из античных источников наш, если не указано иное. Все даты в статье, относящиеся к античности, — до н. э., если не указано иное.

вителей других лиц (ср. Cod. Iust. 2, 12, 18: *alienam suscipere defensionem virile officium est et ultra sexum muliebrem esse constat.* — «Брать на себя защиту другого человека есть мужская обязанность, и, как известно, это не подобает делать лицам женского пола»). Эти ограничения основывались не на законодательном запрете (которого, судя по всему, не существовало), а на устоявшейся традиции (*mos*). Вместе с тем женщины наравне с мужчинами могли быть привлечены к суду в качестве обвиняемых или вызваны как свидетели [van der Blom, 2024, p. 186].

Вопросы, связанные с участием женщин в уголовных процессах республиканской эпохи, до относительно недавнего времени мало привлекали внимание исследователей и почти не становились предметом специального рассмотрения (редкий пример: [Marshall, 1990]), хотя, разумеется, затрагивались в общих трудах по римскому судопроизводству. В последние два десятилетия ситуация меняется. Появились важные работы Франчески Каваджони [Cavaggioni, 2004], Федерики Миранды [Miranda, 2018] и Ловизы Бреннстедт [Brännstedt, 2024], посвящённые этим сюжетам. Однако перечисленные исследовательницы уделяют главное внимание роли женщины как подсудимой или оратора одной из сторон на судебном процессе. Например, выступления женщин как свидетельниц в их работах остаются в тени.

Целью настоящей статьи является рассмотрение всех известных из источников эпизодов, связанных с появлением женщин в постоянных судебных комиссиях (*quaestiones perpetuae*), которые являлись главным органом уголовного судопроизводства в республиканском Риме. Анализируются и случаи привлечения женщин к суду, и их выступления со свидетельскими показаниями, и неформальные роли, которые они могли играть на судебных процессах. Кроме того, исследуется отношение римского общественного мнения к появлению женщин в уголовном суде.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В основе нашего исследования лежат нарративные и юридические источники. К первой группе относятся речи Марка Туллия Цицерона (106—43 годы), которые являются единственным уцелевшим памятником судебного красноречия эпохи Поздней республики. Важны также древние комментарии исторического и филологического характера к речам Цицерона (труд Квинта Аскония Педияна, который жил в I веке н. э., и позднеантичные схолии из Боббио — *Scholia Bobiensia*). Одним из ключевых источников для исследования заявленной темы являются «Девять книг достойных деяний и изречений» Валерия Максима (первая половина I века н. э.), а именно третья глава VIII книги этого сочинения, посвящённая жен-

щинам, которые «вели судебные тяжбы перед магистратами за себя или за других» (*quae mulieres apud magistratus pro se aut pro aliis causas egerunt*). К сожалению, приводимые этим автором анекдоты часто не имеют чёткой хронологической привязки, поэтому точно датировать процессы, о которых идёт речь, не всегда представляется возможным. Иногда затруднительно даже с уверенностью идентифицировать тех лиц, которые упоминаются Валерием Максимом. Из греческих авторов следует выделить Плутарха (ок. 46 — после 119 г. н. э.), автора «Сравнительных жизнеописаний» знаменитых греков и римлян.

Разумеется, изучая правовую сторону уголовного судопроизводства (в том числе те вопросы, которые касались участия в нём женщин), нельзя пройти мимо сохранившихся памятников римской юридической мысли. Все сочинения юристов позднереспубликанского периода утрачены; от них остались лишь незначительные фрагменты. Поэтому мы вынуждены опираться в основном на труды правоведов императорской эпохи. Прежде всего это «Дигесты» (*‘Digesta’*), вошедшие в монументальный «Свод гражданского права» (*‘Corpus iuris civilis’*), который был составлен по повелению византийского императора Юстиниана I в первой половине VI века н. э. «Дигесты» представляют собой собрание отрывков из сочинений ведущих римских юристов, посвящённых различным вопросам частного и публичного права и расположенных в систематическом порядке. Разумеется, использовать столь поздние памятники для извлечения информации о периоде республики следует с большой осторожностью, так как юристы императорской эпохи не ставили себе целью изложение истории тех или иных правовых норм и институтов — они объясняют и комментируют реалии, актуальные для их времени.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Женщины как подсудимые в *quaestiones perpetuae*

К сожалению, в источниках засвидетельствован лишь один случай, когда обвиняемой на процессе в *quaestio perpetua* была женщина (о случаях привлечения к суду женщин в эпоху Ранней империи см., например: [Marshall, 1990, p. 50—51]). О нём рассказывает Валерий Максим (VIII, 3, 1): «Мезия из Сентина¹, будучи привлечена к суду, при большом стечении народа защищалась на заседании, созванном претором Л. Тицием (о возможной идентификации этого Л. Тиция см. [Marshall, 1990, p. 47, n. 2; Savaggoni, 2004, p. 156, n. 114]. — В. Х.). После того как она не только умело, но и храбро использовала все риторические приёмы защиты, её оправ-

1 Город в Умбрии, совр. Сассоферрато. Достаточно редко встречающееся родовое имя Мезиев в Сентине засвидетельствовано эпиграфически (CIL XI, 5783).

дали на первом же слушании почти единогласно. Её прозвали Андрогинной, так как под её женской внешностью скрывался мужской дух» (*Maesia Sentinas rea causam suam, L. Titio praetore iudicium cogente, maximo populi concursu egit modosque omnes ac numeros defensionis non solum diligenter, sed etiam fortiter exsecuta, et prima actione et paene cunctis sententiis liberata est. Quam, quia sub specie feminae virilem animum gerebat, Androgynen appellabant*). Сообщаемые Валерием Максимом детали (Мезия названа «подсудимой» — *rea*; разбирательство происходит под председательством претора; есть указание на *prima actio*; рассказывая об исходе процесса, Валерий Максим использует выражения ‘*liberata est*’ и ‘*sententiae*’) недвусмысленно свидетельствуют о том, что процесс Мезии был не гражданским, а уголовным и проходил в одной из *quaestiones* [Marshall, 1990, p. 51; Cavaggioni, 2004, p. 156; Miranda, 2018, p. 62; Briscoe, 2019, p. 108]. Точно датировать этот процесс невозможно, но, по всей видимости, его следует отнести к первой четверти I века (М. Александер [Alexander, 1990, p. 180, no. 384] датирует его временем между 80 и 50 годом, Т. К. Бреннан с осторожностью относит этот процесс к 70-м годам [Brennan, 2000, II, p. 752, 919—920, n. 388], Э. Маршалл [Marshall, 1990, p. 47—48], Ф. Каваджони [Cavaggioni, 2004, p. 156] и Ф. Миранда [Miranda, 2018, p. 62] — к первой половине I века). Как верно отмечается в историографии, в рассказе Валерия Максима нет никаких указаний или даже намёков на то, что роль Мезии как подсудимой в уголовном суде была чем-то необычным или неподобающим [Marshall, 1990, p. 48; Brännstedt, 2024, p. 219]. Однако решение Мезии самой выступать в свою защиту хотя и не противоречило закону, несомненно, выбивалось из общепринятой практики. Возможно, именно поэтому её процесс вызвал в Городе столь сильный интерес и проходил «при большом стечении народа» (*maximo populi concursu*) [Cavaggioni, 2004, p. 158; Miranda, 2018, p. 61—62]. Сообщение Валерия Максима показывает, что Мезия была неплохо знакома с ораторским искусством и, возможно, даже получила какое-то риторическое образование. Из этого следует, что она принадлежала к достаточно обеспеченной семье [Marshall, 1990, p. 47 и n. 3; Lamberti, 2012, p. 244—245; Miranda, 2018, p. 64; Gleeson, 2022, p. 207; van der Blom, 2024, p. 189]. Мы не знаем, было ли решение Мезии защищать себя самостоятельно её добровольным решением или её вынудили пойти на этот шаг внешние обстоятельства. Последнее выглядит весьма вероятным, особенно если принять во внимание примерную дату этого процесса: взрослые мужчины — родственники Мезии, которые в нормальной обстановке должны были бы взять на себя её защиту в суде, вполне могли сгинуть в бурные годы Союзнической и гражданской войн и сулланской диктатуры [Marshall, 1990, p. 57—58; Miranda, 2018, 65].

Валерий Максим (VIII, 3, 2) также рассказывает о некоей Кафрании (Карфании, Афрании; о её имени см.: Briscoe, 2019, p. 110), жене сенатора Лициния Буккона (или, по другим рукописям, Букциона; оба варианта когномена равновероятны [Briscoe, 2019, p. 110]). Этот Лициний Буккон (Букцион), вероятно, был сенатором во времена Суллы [Münzer, 1926; Broughton, 1952, p. 492]; Кафрания, как указывает Валерий Максим, умерла в 48 году. Ф. Мюнцер предположил, что прозвище «Буккон» (Виссо — персонаж ателланы, болтливый и глупый человек) сенатор Лициний мог получить в насмешку как раз из-за неподобающего поведения своей жены, которая, по словам Валерия Максима, неоднократно выступала в судебных разбирательствах перед претором, где говорила *pro se*. По всей видимости, речь идёт о выступлениях в гражданских процессах. В эпоху империи преторский эдикт запрещал женщинам выступать в суде, представляя чужие интересы; как пишет Ульпиан (Dig. III, 1, 5), поводом для включения этой меры в эдикт было «бесстыдное» поведение некоей Карфании, которая множество раз участвовала в судебных процессах, где выступала *pro aliis*. Традиционно эту Карфанию отождествляют с женщиной, упомянутой Валерием Максимом, см., например: [Zumpt, 1871, S. 36, Anm. 2; Münzer, 1899; Briscoe, 2019, p. 110]. Однако возможно, что эта идентификация неверна и речь в этих источниках идёт о двух разных женщинах, подробную аргументацию в пользу такой точки зрения см.: [Labruna, 1964]. Цицерон дважды выступал в суде на стороне клиенток-женщин, но оба этих процесса были гражданскими: в период диктатуры Суллы (80 или 79 год) он выступал на процессе по делу о свободном статусе некоей неизвестной нам по имени женщины из Арреция; ок. 79 года он представлял интересы Тицинии, жены консула 75 года Г. Аврелия Котты; об этих процессах см.: [Crawford, 1984, p. 33—36].

Редкость случаев появления женщин в *quaestiones perpetuae* в качестве подсудимых в значительной степени объясняется тем, что, как уже неоднократно отмечалось выше, преступления, рассматривавшиеся в этих судебных комиссиях, могли совершить лишь лица, которые принимали деятельное участие в политической жизни, — сенаторы и магистраты; все они были, разумеется, мужчинами. Кроме того, ограничения на привлечение женщин к уголовному суду устанавливал обычай. Часто преступления, совершённые женщинами, рассматривались в рамках так называемого домашнего судопроизводства (*iudicium domesticum*), которое осуществлял *pater familias* (о домашнем судопроизводстве в Римской республике см., например: [Хрусталёв, 2022, с. 227—229]). Во многих случаях обвинителями женщины могли бы выступить её родственники. Однако можно предположить, что нередко те не хотели инициировать судебный процесс в *iudicium*

publicum, ибо это неминуемо привело бы к огласке и могло нанести ущерб репутации семьи [Brännstedt, 2024, p. 222]. По мнению А. Гриниджа, подсудимыми в уголовных процессах эпохи Поздней республики были главным образом женщины низкого социального статуса, вольноотпущенницы и проститутки (*meretrices*) [Greenidge, 1901, p. 370]. Разумеется, необходимо учитывать и ангажированность наших источников: античные авторы гораздо охотнее рассказывают о преступлениях, совершённых мужчинами, нежели женщинами [Miranda, 2018, p. 132—133] — в том числе потому, что первые играли несравнимо большую роль в общественной жизни.

Судя по всему, особенно часто женщина могла предстать перед судом постоянных уголовных комиссий по обвинению в отравлении [Alexander, 2002, p. 264, n. 21], которое традиционно считалось «женским» преступлением. Причина этого заключается не только в представлениях о яде как об оружии слабых, но и в том, что женщин считали лучше знакомыми с разнообразными снадобьями и их свойствами [Miranda, 2018, p. 156] (о некоторых таких «женских» рецептах сообщает Плиний Старший: *Nat. XX*, 226; *XXXVIII*, 67; 70; 246; 253; 262). Кроме того, отравительство часто связывали с развратным поведением женщины и супружескими изменами: считалось, что *adultera* почти наверняка должна быть также и *venefica*, и наоборот (*Rhet. Her. IV*, 16, 23; *Sen. Contr. VII*, 3, 6; *Quint. Inst. V*, 11, 39). Как пишет автор «Риторики к Гереннию», «... ничто не может сподвигнуть к этому преступлению (то есть отравительству. — *B. X.*) легче, чем постыдная страсть и безудержная похоть» (... *nulla facilius ad id maleficium causa quam turpis amor et intemperans libido commovere potuit*). Квинтилиан, говоря об этом, ссылается на мнение Катона Старшего [Miranda, 2018, p. 143—145].

Среди юристов периода империи была распространена точка зрения, что женщины из-за слабости, свойственной их полу (*sexus infirmitas*), и незнакомства с правом (*iuris ignorantia*) не способны сами принимать участие в судебных процессах; см., например: *Ulp. Tit. XI*, 1 (*sexus infirmitas, forensium rerum ignorantia*); *Paul. Dig. 2*, 8, 8, 2 (*imperitia*); 22, 6, 9 pr. (*sexus infirmitas, iuris ignorantia*); *Papin. Dig. 22*, 6, 8 (*iuris error*); 48, 5, 39 (38), 4 (*mulieres in iure errantes*). Несомненно, эти высказывания отражают стереотипы, господствовавшие в общественном мнении и почти наверняка распространённые и в республиканскую эпоху; об этих стереотипах в отношении женщин см.: [Stahlmann, 1997, S. 30—35]. Валерий Максим (*VIII*, 3, pr.) весьма неодобрительно отзываясь о женщинах, выступавших с речами на судебных процессах, говоря, что их «ни установления природы, ни присущая римской матроне скромность не смогли удержать от выступлений на Форуме и в суде» (*ne de his quidem feminis tacendum*

est, quas condicio naturae et verecundia stolae ut in foro et iudiciis tacerent cohibere non valuit). О случае с Мезией он рассказывает в сдержанном тоне и даже с «неохотным восхищением» [Marshall, 1990, p. 47]; о том, что Валерий Максим относится к поведению Мезии со скрытым неодобрением, см.: [Lamberti, 2012, p. 245; Savaggioni, 2004, p. 157—158; Miranda, 2018, p. 65]. Однако, говоря об Кафрании, Валерий Максим (VIII, 3, 2) уже открыто выражает своё неодобрение, называет её «чудовищем» (*monstrum*) и специально подчёркивает, что она выступала в судах «не потому, что не имела адвокатов, а потому, что была преисполнена бесстыдства» (*non quod advocatis deficiebatur, sed quod inpudentia abundabat*). Кафрания будто бы «беспрестанно докучала судебным магистратам своим лаяньем, подобного которому не слыхали на Форуме» (*inuitatis foro latratibus adsidue tribunalia exercendo*), так что само имя её стало нарицательным.

Утверждения римских авторов о том, что женщины невежественны в вопросах права, по-видимому, грешат преувеличениями [Brännstedt, 2024, p. 222]. Случай Кафрании свидетельствует о том, что, по крайней мере, некоторые из них обладали знаниями в области юриспруденции и интересовались ею. Возможно, такая женщина высмеивалась в комедии ‘*Iurisperita*’, написанной комедиографом середины II века Тицинием (о датировке жизни и деятельности Тициния см.: [Welsh, 2011, p. 126—138]); от этого сочинения, к сожалению, сохранились лишь несколько строк (CRF. Titin. *Iurisp.* vv. 62—64). Цицерон (*De orat.* II, 142) свидетельствует о том, что к позднереспубликанским правоведам обращались за советами по правовым вопросам, наряду с мужчинами, также и женщины.

3.2. Женщины как свидетельницы в *quaestiones perpetuae*

Источники сохранили сведения лишь о нескольких случаях выступления женщин со свидетельскими показаниями в *quaestiones perpetuae*. Иногда считают, что показания против Клуэнция в 66 году давала его мать Сассия [L’Noire, 1992, p. 41; Ige, 2003, p. 47, n. 14], но это мнение ошибочно — скорее всего, она даже не присутствовала на процессе [Chrystaljow, 2024, p. 254]. По-видимому, свидетельницей обвинения на процессе своего бывшего любовника М. Целия в 56 году была Клодия. Нарисованный Цицероном в речи «За Целия» её образ как распутницы (*meretrix*), вероятно, имел своей главной целью подорвать доверие к её показаниям: проституткам обоих полов было запрещено выступать в качестве свидетелей в суде (это представляется наиболее предпочтительным толкованием не совсем ясных в этом отношении текстов Каллистрата и Ульпиана: Call. Dig. 22, 5, 3, 5; Ulp. *Coll.* IX, 2, 2; см.: McGinn, 1998, p. 62), и хотя Клодия, разумеется, не была проституткой в строгом смысле этого слова, её развратное поведение, очевидно, должно было дискредитировать её в глазах присяжных

[Wiseman, 1985, p. 85; McGinn, 1998, p. 63; Leigh, 2004, p. 304; Dyck, 2013, p. 13; ср.: Strong, 2016, p. 102—103]. Выступали женщины-свидетельницы и на процессах в чрезвычайных судебных комиссиях (*quaestiones extraordinariae*), которые продолжали иногда создаваться для рассмотрения конкретных громких дел и после того, как после диктатуры Суллы *quaestiones perpetuae* утвердились в качестве основного органа уголовного судопроизводства. При этом судебная процедура в этих разных видах комиссий была схожа. Так, в 61 году на процессе Клодия *de incesto* со свидетельскими показаниями выступили мать Цезаря Аврелия и его сестра Юлия (Suet. *Iul.* 74, 2), а также женщины, присутствовавшие в доме Цезаря на празднике Доброй Богини (Schol. Bob. 90, 34—35 St). На процессе Милона в 52 году давали показания альбанские девы (*virgines Albanae*; по всей видимости, это были жрицы Весты [Clark, 1895, p. 106; Miranda, 2018, p. 46—48; Granino Cecere, 2025, p. 139]), жена Клодия Фульвия и её мать Семпрония (Ascon. 40, 16—21 C). При этом, как особо отмечает Асконий (40, 20—21 C), Фульвия и Семпрония «своим плачем чрезвычайно взволновали присутствующих» (*fletu suo magnopere eos qui assistebant commoverunt*).

По мнению Э. Кейт, выступления женщин со свидетельскими показаниями были на судебных процессах в эпоху республики обычным делом [Keith, 2021, p. 76—77]. По-видимому, это действительно было так. С другой стороны, Цицерон во второй «Веррине» критикует Верреса за то, что его преступления вынудили почтенных матрон появиться перед судом в качестве свидетельниц (Verg. II, 1, 94). Очевидно, что такие обвинения могли быть действенными только в том случае, если римское общественное мнение всё-таки считало эту роль не совсем подходящей для порядочной женщины, если у неё не было на то веских причин [Gleeson, 2022, p. 206].

3.3. Неформальная роль женщин на уголовном судебном процессе

Женщины также могли присутствовать на процессах своих близких родственников, поддерживая их, чтобы вызвать сострадание присяжных. На процессе М. Фонтя (который состоялся, по всей видимости, в 69 году; о датировке процесса Фонтя см., например: [Alexander, 1990, p. 94, no. 186; Marinone, 2004, p. 68; Dyck, 2012, p. 13—14]) присутствовали его мать и сестра-весталка. Судя по всему, в конце своего выступления защитник Цицерон вывел подсудимого на свободное пространство перед судьями, а мать и сестра стояли рядом с ним и сжимали его в объятиях (Cic. *Font.* 46: *quod si tantas auxiliorum nostrorum copias Indutimarus ipse despexerit, dux Allobrogum ceterorumque Gallorum, num etiam de matris hunc complexu, lectissimae miserrimaeque feminae, vobis inspectantibus avellet atque abstrahet? Praesertim cum virgo Vestalis ex altera parte germanum fratrem complexa teneat vestramque, iudices, ac populi Romani fidem imploret.* — «А если сам

Индущиомар, как вождь аллоброгов и прочих галлов, отнесётся свысока к этим нашим силам, как они ни значительны — то посмотрим, удастся ли ему на ваших глазах вырвать его даже из объятий его матери, этой столь почтенной и несчастной женщины, в то время как с другой стороны дева-весталка обнимает его, этого своего родного брата, и умоляет о защите вас, судьи, и римский народ»; здесь и далее перевод Ф. Ф. Зелинского с изменениями) [Dyck, 2012, p. 78; Hall, 2014, p. 75—76]. Сестра Фонтя протягивала к присяжным руки в умоляющем жесте (по всей видимости, таком же, который использовался при вознесении молитвы богам), прося их о снисхождении к брату (*Font.* 48: *tendit ad vos virgo Vestalis manus supplices easdem quas pro vobis dis immortalibus tendere consuevit.* — «Весталка с мольбою простирает к вам свои руки — те самые, которые она привыкла простирает к бессмертным богам, молясь им за вас»). Несомненно, жреческий статус придавал в глазах римлян дополнительный вес её мольбам. Вид Фонтя, обнимавшей брата, мог даже напомнить кому-то из присутствующих известную историю с весталкой Клавдией, которая будто бы взошла на триумфальную колесницу своего отца и, заключив того в объятия, не позволила враждебно настроенному плебейскому трибуну совлечь его вниз [Hall, 2014, p. 77]; об истории с весталкой Клавдией см.: *Cic. Cael.* 34; *Val. Max.* V, 4, 6; *Suet. Tib.* 2, 4. При этом для нас неважно, имел ли место этот эпизод в действительности или же он представляет собой псевдоисторический анекдот (эту точку зрения см.: [Короленьков и др., 2015]), — Цицерон в речи «За Целия» ссылается на него как на реальный случай, и нет оснований сомневаться в том, что его аудитория воспринимала его точно так же. Матери подсудимых присутствовали на процессах П. Суллы (*Cic. Sull.* 89) и М. Целия (*Cic. Cael.* 4). Возможно (и даже весьма вероятно), что женщины в каком-то числе регулярно бывали в составе толпы зрителей (согопа), которая являлась непременным атрибутом любого уголовного процесса, но источники никогда не упоминают об этом.

Однако хотя законы и традиция позволяли женщинам играть в уголовном судопроизводстве лишь весьма скромную роль, в некоторых сохранившихся речах Цицерона им уделяется большое внимание. Неоднократно Цицерон подчёркивает неформальное влияние женщин, истинное или мнимое, на тот или иной судебный процесс. Так, в речи «За Клуэнция» Цицерон изображает мать своего подзащитного Сассию душой и главной движущей силой обвинения, а официального обвинителя Оппианика-сына — всего лишь послушным орудием в её руках. В правдивости этих утверждений Цицерона есть серьёзные основания сомневаться; см. об этом: [Stroh, 1975, S. 204—209]. Процесс М. Целия, по словам оратора, был организован развратной Клодией, желавшей отомстить своему прежнему любовнику

(*Cael.* 31). Отдельные свидетельства о неформальном влиянии женщин на судебные процессы в *quaestiones* есть и в других источниках. Плутарх (*Cic.* 29, 2—3) пишет, что свидетельские показания против Клодия в 61 году Цицерон дал по наущению своей жены Теренции: та якобы подозревала сестру обвиняемого, Клодию, в намерении увести Цицерона из семьи, чтобы самой выйти за него замуж. Асконий (19, 19—25 C) рассказывает, что М. Скавр, обвинённый в 54 году в вымогательстве, весьма опасался председательствовавшего в тот год в *quaestio perpetua de repetundis* М. Катона, «так как тот был другом Триарию (обвинителю Скавра. — В. Х.). Дело в том, что Фламиния, мать Триария, и сам Триарий близко дружили с сестрой Катона Сервилией, матерью М. Брута; та же, в свою очередь, имела всё равно что материнскую власть над Катоном» (M. Catonem autem qui id iudicium, ut diximus, exercebat (Scaurus) metuebat admodum propter amicitiam quae erat illi cum Triario: nam Flaminia, Triarii mater, et ipse Triarius sororem Catonis Serviliam, quae mater M. Bruti fuit, familiariter diligebat; ea porro apud Catonem maternam obtinebat auctoritatem). Это свидетельство даже позволило некоторым авторам предположить, что именно Сервилия стояла за обвинением Скавра [Courtney, 1961, S. 151—156; Marshall, 1985, p. 151—156], однако эта гипотеза представляется сомнительной [Bauman, 1992, p. 238, n. 49]. Т. Хиллард считает, что история о влиянии Сервилиии на своего брата была выдумана Цицероном, чтобы дискредитировать Катона, выставив его человеком, зависимым от женщин [Hillard, 1989, p. 175; Hillard, 1992, p. 53—54], но это предположение неубедительно.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, римское республиканское законодательство допускало участие женщин в судебных процессах, однако обычай позволял им выступать на них лишь в роли подсудимых или свидетельниц. Согласно распространённым в обществе представлениям, порядочная женщина должна была вести себя в суде сдержанно и скромно. Если она была привлечена к суду в качестве подсудимой, её защиту полагалось взять на себя родственникам или друзьям семьи мужского пола. Произнося речь на процессе, женщина вторгалась в принадлежавшую исключительно мужчинам область риторики (как отмечает Э. Ричлин, «женственность в римской культуре конструируется через исключение из риторики» [Richlin, 2005, p. 75]), что вызывало у римлян неприятие и раздражение, но также и удивление, если она, как это было в случае с Мезией, успешно справлялась с нею. Данное Мезии прозвище «Андрогина» подчёркивает, насколько необычным и противоестественным было её поведение в глазах римлян (см. об этом: [Langlands, 2000, p. 178—181]; В. Куше рассматривает это

прозвище Мезии как позитивное [Cuchet, 2012, p. 104, n. 5; ср.: Gleeson, 2022, p. 211—212], но с данным мнением едва ли можно согласиться). Выступления со свидетельскими показаниями, по-видимому, не порождали столь неодобрительной реакции, если при этом женщина не выходила за рамки отведённой ей социальной роли. *Quaestiones perpetuae*, тесно связанные с политикой, в ещё большей степени, чем суды по гражданским делам, принадлежали к «мужскому» миру, в котором женщинам было отведено весьма незначительное место. Нельзя поэтому согласиться с Г. ван дер Блом, с точки зрения которой в республиканский период отношение общества к ораторским выступлениям женщин (в том числе в судах) было терпимым и они воспринимались как вещь нормальная и приемлемая; якобы только в эпоху второго триумvirата ситуация начала меняться, и в период Ранней империи это отношение стало негативным, что нашло отражение в сочинениях таких авторов, как Валерий Максим и Тацит [van der Blom, 2024, p. 199].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. CIL — Bormann E. (ed.). *Corpus inscriptionum Latinarum* / E. Bormann (ed.). — Berlin : G. Reimer, 1901. — Vol. XI. — 1224 S.
2. CRF — Ribbeck O. (ed.). *Comicorum Romanorum praeter Plautum et Terentium fragmenta* / O. Ribbeck (ed.). — Leipzig : B. G. Teubner, 1873. — cxxxvi, 508 S.

Литература

1. Короленков А. В. Триумфатор, плебейский трибун и весталка Клавдия / А. В. Короленков, В. А. Короленков // Аристей. — 2015. — Т. XII. — С. 291—295.
2. Хрусталёв В. К. Суд в Римской республике / В. К. Хрусталёв, Т. В. Кудрявцев // Судебный процесс в античности. — Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2022. — С. 215—469. — ISBN 978-5-93762-152-8.
3. Alexander M. C. *Trials in the Late Roman Republic, 149 B. C. to 50 B. C.* / M. C. Alexander. — Toronto : Toronto University Press, 1990. — xviii, 233 p. — ISBN 0-8020-5787-X.
4. Alexander M. C. *The Case for the Prosecution in the Ciceronian Era* / M. C. Alexander. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 2002. — xii, 370 p. — ISBN 13 978-0-472-11261-6.
5. Bauman R. A. *Women and Politics in Ancient Rome* / R. A. Bauman. — London ; New York : Routledge, 1992. — xvi, 294 p. — ISBN 0-203-42907-9.
6. Brännstedt L. *Roman Women and Criminal Law* / L. Brännstedt // *Cives Romanae. Roman Women as Citizens during the Republic* / ed. C. Rosillo-López, S. Lacorte. — Sevilla : Editorial Universidad de Sevilla ; Zaragoza : Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2024. — Pp. 205—227. — ISBN 978-84-1340-804-0.
7. Brennan T. C. *The Praetorship in the Roman Republic* / T. C. Brennan. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — Vol. I—II. — xviii, 972 p. — ISBN 0-19-511459-0.

8. *Briscoe J.* Valerius Maximus. Facta et dicta memorabilia. Text, Introduction and Commentary / J. Briscoe. — Berlin ; Boston : W. De Gruyter, 2019. — Book 8. — xii, 268 p. — ISBN 978-3-11-066424-9.

9. *Broughton T. R. S.* The Magistrates of the Roman Republic / T. R. S. Broughton. — New York : American Philological Association, 1952. — Vol. II. — x, 647 p.

10. *Cavaggioni F.* Mulier rea. Dinamiche politico-sociali nei processi a donne nella Roma repubblicana / F. Cavaggioni. — Venezia : Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 2004. — xii, 336 p. — ISBN 88-88143-55-6.

11. *Chrystaljow W. K.* Die Mutter als Stiefmutter : das Sassiabild in Ciceros Pro Cluentio / W. K. Chrystaljow // *Philologia Classica*. — 2024. — Vol. 19. — Pp. 253—260. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.204>.

11. *Clark A. C. M.* Tulli Ciceronis pro T. Annio Milone ad iudices oratio / A. C. Clark. — Oxford : Clarendon Press, 1895. — lxiv, 145 p.

12. *Courtney E.* The Prosecution of Scaurus in 54 B. C. / E. Courtney // *Philologus*. — 1961. — Bd. 105. — Pp. 151—156.

13. *Crawford J. W. M.* Tullius Cicero : The Lost and Unpublished Orations / J. W. Crawford. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1984. — x, 317 p. — ISBN 3-525-25178-5.

14. *Cuchet V. S.* Androgyne, un mauvais genre? Le choix de Plutarque (Ve siècle avant J.-C. — IIe siècle après J.-C.) / V. S. Cuchet // *Le Banquet de Pauline Schmitt Pantel : genre, mœurs et politique dans l'Antiquité grecque et romaine* / ed. V. Azoulay, F. Gherchanoc, S. Lalanne. — Paris : Éditions de la Sorbonne, 2012. — Pp. 103—130. — ISBN 978-2-85944-720-5.

15. *Dyck A. R. M.* Tullius Cicero. Speeches on Behalf of Marcus Fonteius and Marcus Aemilius Scaurus / A. R. Dyck. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — 231 p. — ISBN 978-0-19-959006-3.

16. *Dyck A. R. M.* Tullius Cicero. Pro Marco Caelio / A. R. Dyck. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013. — xv, 206 p. — ISBN 978-1-107-01442-8.

17. *Gleeson T. J.* Verecundia in Livy and Valerius Maximus / T. J. Gleeson. — Ph. D. Diss. — Hobart : University of Tasmania, 2022. — ix, 252 p.

18. *Granino Cecere M. G.* Inscriptions from the Area of Bovillae / M. G. Granino Cecere // *Ancient Bovillae. History, Art, and Archaeology of a Lost City in the Roman Hinterland* / ed. P. Hatlie. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 2025. — Pp. 130—149. — ISBN 978-0-472-13354-3.

19. *Greenidge A. H. J.* The Legal Procedure of Cicero's Time / A. H. J. Greenidge. — Oxford : Clarendon Press, 1901. — xiii, 599 p.

20. *Hall J.* Cicero's Use of Judicial Theater / J. Hall. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 2014. — xii, 190 p. — ISBN 978-0-472-07220-0.

21. *Hillard T. W.* Republican Politics : Women and the Evidence / T. W. Hillard // *Helios*. — 1989. — Vol. 16. — Pp. 165—182.

22. *Hillard T. W.* On the Stage, behind the Curtain : Images of Politically Active Women in the Late Roman Republic / T. W. Hillard // *Stereotypes of Women in Power. Historical Perspectives and Revisionist Views* / ed. B. Garlick, S. Dixon, P. Allen. — New York : Bloomsbury, 1992. — Pp. 37—64. — ISBN 978-0-313-27731-3.

23. *Ige S.* Rhetoric and the Feminine Character : Cicero's Portrayal of Sasia, Clodia and Fulvia / S. Ige // *Akroterion*. — 2003. — Vol. 48. — Pp. 45—57.

24. *Keith A.* Cicero's Verres, Verres' Women / A. Keith // *Identities, Ethnicities and Gender in Antiquity* / ed. J. Fabre-Serris, A. Keith, F. Klein. — Berlin ; Boston : W. De Gruyter, 2021. — Pp. 69—92. — ISBN 978-3-110-71985-7.

25. *L'Hoire F. S.* The Rhetoric of Gender Terms : 'Man', 'Woman', and the Portrayal of Character in Latin Prose / F. S. L'Hoire. — Leiden : E. J. Brill, 1992. — x, 216 p. — ISBN 9-0040-9512-8.
26. *Labruna L.* Un editto per Carfania? / L. Labruna // Synteleia Vincenzo Arangio Ruiz / a cura di A. Guarino, L. Labruna. — Napoli : Jovene, 1964. — Vol. I. — Pp. 415—420.
27. *Lamberti F.* *Mulieres* e vicende processuali fra repubblica e principato: ruoli attivi e 'presenze silenziose' / F. Lamberti // Index. — 2012. — Vol. 40. — Pp. 244—256.
28. *Langlands R.* Gender and Exemplarity in Valerius Maximus / R. Langlands. — Ph. D. Diss. — Cambridge : University of Cambridge, 2000. — 220 p.
29. *Leigh M.* The Pro Caelio and Comedy / M. Leigh // Classical Philology. — 2004. — Vol. 99. — Pp. 300—335.
30. *Marinone N.* Cronologia ciceroniana / N. Marinone. — 2° ed. — Roma : Centro di studi ciceroniani ; Bologna : Pàtron, 2004. — 518 p. — ISBN 88-555-2773-8.
31. *Marshall A. J.* Roman Ladies on Trial : The Case of Maesia of Sentinum / A. J. Marshall // Phoenix. — 1990. — Vol. 44. — Pp. 46—59.
32. *Marshall B. A.* A Historical Commentary on Asconius / B. A. Marshall. — Columbia : University of Missouri Press, 1985. — xiv, 342 p. — ISBN 0-8262-0455-4.
33. *McGinn T.* Prostitution, Sexuality, and the Law in Ancient Rome / T. McGinn. — Oxford : Oxford University Press, 1998. — xvi, 416 p. — ISBN 978-0-195-16132-8.
34. *Miranda F.* Il ruolo della donna nel processo romano / F. Miranda. — Diss. — Paris : Université Paris II ; Napoli : Università degli studi di Napoli Federico II, 2018. — 189 p.
35. *Münzer F.* Carfania / F. Münzer // RE. — 1899. — Bd. III.2. — Sp. 1589.
36. *Münzer F.* Licinius (39) / F. Münzer // RE. — 1926. — Bd. XIII.1. — Sp. 232.
37. *Richlin A.* Gender and Rhetoric : Producing Manhood in the Schools / A. Richlin // Roman Eloquence : Rhetoric in Society and Literature / ed. W. J. Dominik. — London ; New York : Routledge, 2005. — Pp. 74—90. — ISBN 978-0-415-12545-1.
38. *Stahlmann I.* Der gefesselte Sexus: Weibliche Keuschheit und Askese im Westen des Römischen Reiches / I. Stahlmann. — Berlin : Akademie-Verlag, 1997. — 242 S. — ISBN 978-3-050-02995-5.
39. *Stroh W.* Taxis und Taktik. Die advokatische Dispositions-kunst in Ciceros Gerichtsreden / W. Stroh. — Stuttgart : B. G. Teubner, 1975. — 318 S. — ISBN 978-3-519-07405-2.
40. *Strong A. K.* Prostitutes and Matrons in the Roman World / A. K. Strong. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — ix, 304 p. — ISBN 978-1-107-14875-8.
41. *Van der Blom H.* Female Oratory in the Republic / H. van der Blom // Cives Romanae. Roman Women as Citizens during the Republic / ed. C. Rosillo-López, S. Lacorte. — Sevilla : Editorial Universidad de Sevilla ; Zaragoza : Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2024. — Pp. 179—203. — ISBN 978-84-1340-804-0.
42. *Welsh J. T.* The Dates of the Dramatists of the fabula togata / J. T. Welsh // Harvard Studies in Classical Philology. — 2011. — Vol. 106. — Pp. 125—153.
43. *Wiseman T. P.* Catullus and His World : A Reappraisal / T. P. Wiseman. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985. — x, 287 p. — ISBN 978-0-521-31968-3.
44. *Zumpt A. W.* Der Criminalprocess der römischen Republik / A. W. Zumpt. — Leipzig : B. G. Teubner, 1871. — xv, 558 S.

Статья поступила в редакцию 14.09.2025,
одобрена после рецензирования 22.11.2025,
подготовлена к публикации 23.12.2025.

Material resources

- CIL — Bormann, E. (ed.). (1901). *Corpus inscriptionum Latinarum, XI*. Berlin: G. Reimer. 1224 S. (In Germ.).
- CRF — Ribbeck, O. (ed.). (1873). *Comicorum Romanorum praeter Plautum et Terentium fragmenta*. Leipzig: B. G. Teubner. cxxxvi, 508 S. (In Germ.).

References

- Alexander, M. C. (1990). *Trials in the Late Roman Republic, 149 B. C. to 50 B. C.* Toronto: Toronto University Press. xviii, 233 p. ISBN 0-8020-5787-X.
- Alexander, M. C. (2002). *The Case for the Prosecution in the Ciceronian Era*. Ann Arbor: University of Michigan Press. xii, 370 p. ISBN 13 978-0-472-11261-6.
- Bauman, R. A. (1992). *Women and Politics in Ancient Rome*. London; New York: Routledge. xvi, 294 p. ISBN 0-203-42907-9.
- Brännstedt, L. (2024). Roman Women and Criminal Law. In: *Cives Romanae. Roman Women as Citizens during the Republic*. Sevilla: Editorial Universidad de Sevilla; Zaragoza: Pressas de la Universidad de Zaragoza. 205—227. ISBN 978-84-1340-804-0.
- Brennan, T. C. (2000). *The Praetorship in the Roman Republic, I—II*. Oxford: Oxford University Press. xviii, 972 p. ISBN 0-19-511459-0.
- Briscoe, J. (2019). *Valerius Maximus. Facta et dicta memorabilia. Text, Introduction and Commentary*, 8. Berlin; Boston: W. De Gruyter. xii, 268 p. ISBN 978-3-11-066424-9. (In Germ.).
- Broughton, T. R. S. (1952). *The Magistrates of the Roman Republic, II*. New York: American Philological Association. x, 647 p.
- Cavaggioni, F. (2004). *Mulier rea. Dinamiche politico-sociali nei processi a donne nella Roma repubblicana*. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. xii, 336 p. ISBN 88-88143-55-6. (In Ital.).
- Chrystaljow, W. K. (2024). Die Mutter als Stiefmutter: das Sassiabild in Ciceros Pro Cluentio. *Philologia Classica*, 19: 253—260. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.204>. (In Germ.).
- Clark, A. C. (1895). *M. Tulli Ciceronis pro T. Annio Milone ad iudices oratio*. Oxford: Clarendon Press. lxiv, 145 p. (In Germ.).
- Courtney, E. (1961). The Prosecution of Scaurus in 54 B. C. *Philologus*, 105: 151—156.
- Crawford, J. W. (1984). *M. Tullius Cicero: The Lost and Unpublished Orations*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. x, 317 p. ISBN 3-525-25178-5. (In Germ.).
- Cuchet, V. S. (2012). Androgyne, un mauvais genre? Le choix de Plutarque (Ve siècle avant J.-C. — Ie siècle après J.-C.). In: *Le Banquet de Pauline Schmitt Pantel: genre, mœurs et politique dans l'Antiquité grecque et romaine*. Paris: Éditions de la Sorbonne. 103—130. ISBN 978-2-85944-720-5. (In Frenc.).
- Dyck, A. R. (2012). *M. Tullius Cicero. Speeches on Behalf of Marcus Fonteius and Marcus Aemilius Scaurus*. Oxford: Oxford University Press. 231 p. ISBN 978-0-19-959006-3.
- Dyck, A. R. (2013). *M. Tullius Cicero. Pro Marco Caelio*. Cambridge: Cambridge University Press. xv, 206 p. ISBN 978-1-107-01442-8.
- Gleeson, T. J. (2022). *Verecundia in Livy and Valerius Maximus. PhD. Diss.* Hobart: University of Tasmania. ix, 252 p.
- Granino Cecere, M. G. (2025). Inscriptions from the Area of Bovillae. In: *Ancient Bovillae. History, Art, and Archaeology of a Lost City in the Roman Hinterland*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 130—149. — ISBN 978-0-472-13354-3.

- Greenidge, A. H. J. (1901). *The Legal Procedure of Cicero's Time*. Oxford: Clarendon Press. xiii, 599 p.
- Hall, J. (2014). *Cicero's Use of Judicial Theater*. Ann Arbor: University of Michigan Press. xii, 190 p. ISBN 978-0-472-07220-0.
- Hillard, T. W. (1989). Republican Politics: Women and the Evidence. *Helios*, 16: 165—182.
- Hillard, T. W. (1992). On the Stage, behind the Curtain: Images of Politically Active Women in the Late Roman Republic. In: *Stereotypes of Women in Power: Historical Perspectives and Revisionist Views*. New York: Bloomsbury. 37—64. ISBN 978-0-313-27731-3.
- Ige, S. (2003). Rhetoric and the Feminine Character: Cicero's Portrayal of Sassia, Clodia and Fulvia. *Akroterion*, 48: 45—57.
- Keith, A. (2021). Cicero's Verres, Verres' Women. In: *Identities, Ethnicities and Gender in Antiquity*. Berlin; Boston: W. De Gruyter. 69—92. ISBN 978-3-110-71985-7. (In Germ.).
- Khrustalev, V. K., Kudryavtsev, T. V. (2022). The court in the Roman Republic. In: *Judicial process in antiquity*. St. Petersburg: Academy of Humanities. 215—469. ISBN 978-5-93762-152-8. (In Russ.).
- Korolenkov, A. V., Korolenkov, V. A. (2015). The Triumphant, the tribune of the Plebs and the Vestal Claudia. *Aristey, XII*: 291—295. (In Russ.).
- L'Hoire, F. S. (1992). *The Rhetoric of Gender Terms: 'Man', 'Woman', and the Portrayal of Character in Latin Prose*. Leiden: E. J. Brill. x, 216 p. ISBN 9-0040-9512-8.
- Labruna, L. (1964). Un editto per Carfania? In: *Syntelesia Vincenzo Arangio Ruiz, I*. Napoli: Jovene. 415—420. (In Ital.).
- Lamberti, F. (2012). Mulieres e vicende processuali fra repubblica e principato: ruoli attivi e 'presenze silenziose'. *Index*, 40: 244—256. (In Latin.).
- Langlands, R. (2000). *Gender and Exemplarity in Valerius Maximus*. PhD. Diss. Cambridge: University of Cambridge. 220 p.
- Leigh, M. (2004). The Pro Caelio and Comedy. *Classical Philology*, 99: 300—335.
- Marinone, N. (2004). *Cronologia ciceroniana*. Roma: Centro di studi ciceroniani; Bologna: Pàtron. 518 p. ISBN 88-555-2773-8. (In Ital.).
- Marshall, A. J. (1990). Roman Ladies on Trial: The Case of Maesia of Sentinum. *Phoenix*, 44: 46—59.
- Marshall, B. A. (1985). *A Historical Commentary on Asconius*. Columbia: University of Missouri Press. xiv, 342 p. ISBN 0-8262-0455-4.
- McGinn, T. (1998). *Prostitution, Sexuality, and the Law in Ancient Rome*. Oxford: Oxford University Press. xvi, 416 p. ISBN 978-0-195-16132-8.
- Miranda, F. (2018). *Il ruolo della donna nel processo romano*. Diss. Paris: Université Paris II; Napoli: Università degli studi di Napoli Federico II. 189 p. (In Frenc.).
- Münzer, F. (1899). Carfania. *RE*, III.2: Sp. 1589. (In Germ.).
- Münzer, F. (1926). Licinius (39). *RE*, XIII.1: Sp. 232. (In Germ.).
- Richlin, A. (2005). Gender and Rhetoric: Producing Manhood in the Schools. In: *Roman Eloquence: Rhetoric in Society and Literature*. London; New York: Routledge. 74—90. — ISBN 978-0-415-12545-1.
- Stahlmann, I. (1997). *Der gefesselte Sexus: Weibliche Keuschheit und Askese im Westen des Römischen Reiches*. Berlin: Akademie-Verlag. 242 S. ISBN 978-3-050-02995-5. (In Germ.).
- Stroh, W. (1975). *Taxis und Taktik. Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden*. Stuttgart: B. G. Teubner. 318 S. ISBN 978-3-519-07405-2. (In Germ.).

- Strong, A. K. (2016). *Prostitutes and Matrons in the Roman World*. Cambridge: Cambridge University Press. ix, 304 p. ISBN 978-1-107-14875-8.
- Van der Blom, H. (2024). Female Oratory in the Republic. In: *Cives Romanae. Roman Women as Citizens during the Republic*. Sevilla: Editorial Universidad de Sevilla; Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza. 179—203. ISBN 978-84-1340-804-0.
- Welsh, J. T. (2011). The Dates of the Dramatists of the fabula togata. *Harvard Studies in Classical Philology*, 106: 125—153.
- Wiseman, T. P. (1985). *Catullus and His World: A Reappraisal*. Cambridge: Cambridge University Press. x, 287 p. ISBN 978-0-521-31968-3.
- Zumpt, A. W. (1871). *Der Criminalprocess der römischen Republik*. Leipzig: B. G. Teubner. xv, 558 S. (In Germ.).

*The article was submitted 14.09.2025;
approved after reviewing 22.11.2025;
accepted for publication 23.12.2025.*

Информация для цитирования:

Шоажева Н. А. Образовательная политика Российской империи и кавказская семья в XIX — начале XX веков (на материале Кабарды и Балкарии) / Н. А. Шоажева, М. А. Хоконов, Р. П. Лисеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 564—582. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-564-582.

Shaozheva, N. A., Khokonov, M. A., Liseev, R. P. (2025). Educational Policy of Russian Empire and Caucasian Families in Nineteenth to Early Twentieth Centuries: Case of Kabarda and Balkaria. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 564-582. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-564-582. (In Russ.).

Web of Science®

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образовательная политика Российской империи и кавказская семья в XIX — начале XX веков (на материале Кабарды и Балкарии)

Шоажева Наталья Анатольевна¹

orcid.org/0000-0002-3667-6788

доктор политических наук,
Центр социально-политических
исследований,

корреспондирующий автор

disana05@mail.ru

Хоконов Мурат Анатольевич²

orcid.org/0000-0002-9672-9823

кандидат философских наук,
доцент кафедры этнологии,
истории народов КБР и журналистики
mhokonov@gmail.com

Лисеев Роман Петрович²

orcid.org/0000-0003-1066-9763

кандидат филологических наук,
доцент кафедры этнологии,
истории народов КБР и журналистики
romalis@mail.ru

¹ Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

² Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Educational Policy of Russian Empire and Caucasian Families in Nineteenth to Early Twentieth Centuries: Case of Kabarda and Balkaria

Nataliya A. Shaozheva¹

orcid.org/0000-0002-3667-6788

Doctor of Political,
Center for Socio-Political Research,
corresponding author
disana05@mail.ru

Murat A. Khokonov²

orcid.org/0000-0002-9672-9823

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Ethnology, History
of Peoples of the KBR and Journalism
mhokonov@gmail.com

Roman P. Liseev²

orcid.org/0000-0003-1066-9763

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Ethnology, History
of Peoples of the KBR and Journalism
romalis@mail.ru

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

² Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы реализации образовательной политики Российской империи в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX веков. Новизна исследования видится в переосмыслении основной концепции и целей образовательной политики, которые, с одной стороны, были направлены на создание единой системы образования на русском языке и интеграцию горцев в единое социокультурное пространство, с другой стороны, должны были соотноситься с местными традициями и потребностями. Представлены этапы становления и развития образования в Кабарде и Балкарии в XIX веке. Выявлены социокультурные барьеры на пути образовательных инноваций в XIX — начале XX веков. Показано, что любые явления, выходящие за рамки традиционной картины мира, воспринимались большинством населения как потенциально вредные и угрожающие культурному наследию. Отмечается, что образование некоторое время оценивалось значительной частью местного населения резко отрицательно, а большая часть горского населения боялась влияния русификаторской политики. Установлено, что нововведения в образовательной политике России, связанные с законодательными мерами, внедрением новых видов образовательных учреждений и обучающих программ, повлияли впоследствии на формирование новых моделей идентичности в контексте экономической и социокультурной модернизации.

Ключевые слова:

Кабарда и Балкария; образовательная политика; горские школы; женское образование; кавказская семья; обучение детей на Северном Кавказе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the implementation of educational policies by the Russian Empire in Kabarda and Balkaria during the nineteenth and early twentieth centuries. The novelty of this study lies in reinterpreting the core concepts and objectives of these policies, which aimed simultaneously at creating a unified system of education based on the Russian language while integrating local mountain-dwelling populations into a common sociocultural framework. At the same time, these policies had to align with regional traditions and specific needs. We present an overview of the stages of development and evolution of education in Kabarda and Balkaria throughout the nineteenth century. Socio-cultural barriers that impeded educational innovations are identified, revealing how phenomena outside traditional cultural frameworks were perceived as potentially harmful threats to heritage by most members of the population. It is noted that for some considerable period, formal education was viewed negatively by many locals who feared its impact would compromise their distinct identity. Furthermore, the introduction of new types of schools, curricula, and legislative measures underpinned subsequent shifts toward modernized economic and socio-cultural identities among these groups.

Key words:

Kabarda and Balkaria; Imperial educational policy; Mountainous schooling; Female education; Caucasian family structure; Childhood education in the North Caucasus

УДК 94(47).083+392.31(479.6)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-564-582

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Образовательная политика Российской империи и кавказская семья в XIX — начале XX веков (на материале Кабарды и Балкарии)

© Шаожева Н. А., Хоконов М. А., Лисеев Р. П., 2025

1. Введение = Introduction

Вступление России в XIX — начале XX веков на путь модернизации во всех сферах жизни общества в условиях социокультурного многообразия потребовало от властей проведения такой политики, которая смогла бы помочь народам Северного Кавказа принять инновации, однако укоренившиеся традиционные аксиологические и когнитивные структуры в определенной мере препятствовали включению региона в российскую цивилизационную политику. Адаптация моделей мышления и поведенческих норм позволила бы минимизировать потенциальные конфликты с центральной властью, одновременно обеспечивая сохранение уникального культурного наследия и предотвращение деформации этнической идентичности [Гяургиева, 1999, с. 10]. Неслучайно среди приоритетных направлений политики России на Северном Кавказе было образование, которое являлось средством не только политического, но и идеологического воздействия. Для коренных народов это был кратчайший путь адаптации к новым моделям повседневности.

Отметим, что составляющие предмет изучения в данной статье социокультурные барьеры на пути образовательных инноваций в XIX — начале XX веков (гипертрофированное противопоставление «своего» и «чужого», конфликт межпоколенной трансляции с новыми ценностями) имеют прямые параллели с современностью, где вопросы интеграции традиционных устоев и технологического, социального прогресса остаются крайне острыми.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История становления и развития образования в Кабарде и Балкарии характеризуется достаточной степенью разработанности. В советское время изучению политических, экономических и социокультурных предпосылок развития культуры, образования и роли национальной интеллигенции

в данном процессе в дореволюционной Кабарде и Балкарии были посвящены работы Т. Х. Кумыкова [Кумыков, 1965], И. П. Копачева [Копачев, 1964] Я. С. Смирновой [Смирнова, 1977] и др. Т. Х. Кумыков раскрыл объективные предпосылки включения кабардинцев и балкарцев в общероссийскую политическую и экономическую систему, которая сыграла ключевую роль в становлении светского образования в Нальчикском округе Терской области и формировании национальной интеллигенции [Кумыков, 1965]. Вопросам школьного образования в XVIII столетии — 30-х годах XX века посвящена работа И. П. Копачева [Копачев, 1964]. Кроме того, автор затронул проблемы семейного воспитания детей кабардинцев и балкарцев разных сословий и влияние его на образование. В работе Я. С. Смирновой содержатся сведения о кавказской (адыгской) семье и механизмах культурного взаимодействия во внутрисемейных отношениях [Смирнова, 1977].

Современные исследования представлены работами М. З. Саблирова [Саблиров, 2001], М. Ч. Кучмезовой [Кучмезова, 2003], В. Х. Тхакахова [Тхакахов, 2002] и др. В работе М. З. Саблирова представлен анализ влияния соционормативной культуры кабардинцев и балкарцев на развитие национального образования, охарактеризована роль национальных просветителей в изменении традиционных аксиологических конструктов горцев в обозначенный период [Саблиров, 2001]. М. Ч. Кучмезова исследовала традиции и инновации в культуре балкарцев и их влияние на семейные отношения [Кучмезова, 2003]. В. Х. Тхакахов рассмотрел методологические вопросы трансформации социальных и этнокультурных процессов на Северном Кавказе в историческом контексте [Тхакахов, 2002].

В связи с вышесказанным цель исследования заключается в изучении целостной картины реализации образовательной политики в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX веков и выявлении факторов, повлиявших на формирование вариативного отношения к образованию у различных сословий.

Методологической основой работы является историко-статистический метод, позволивший проанализировать процесс становления образования в Кабарде и Балкарии и его динамику. Принцип историзма, личностный и культурологический подходы дали возможность провести историко-психологический анализ отношения населения Кабарды и Балкарии к образованию подрастающего поколения.

Вводятся в научный оборот архивные материалы, собранные в Центральном Государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики. Речь идет о статистических данных, касающихся количества светских и религиозных школ, о численности, возрастном, половом, национальном, сословном составе учащихся. Новые документы, включающие переписку

со Штабом Кавказской линии и Черноморья по зачислению детей кабардинской и балкарской аристократии в военные учебные заведения, позволяют составить представление о масштабах образовательной политики на Северном Кавказе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Развитие образования в Кабарде и Балкарии конце XVIII — начале XIX веков и его специфика

Анализируя вопросы генезиса образования на Северном Кавказе, было бы неверным говорить о том, что народы региона пребывали в полном невежестве. В конце XVIII века в Кабарде и Балкарии стали открываться первые мусульманские школы. Их появление было связано с планами Турции по порабощению кавказских народов. Существовавшая тогда система мусульманского образования была представлена тремя ступенями: низшее звено — коранические школы, среднее — мектебе и высшее — медресе. Население в них получало минимальное образование, не выходящее за рамки изучения Корана и хадисов. Религиозные учебные заведения были всеобщими.

В противовес этой системе в начале XIX века российское правительство создает свою модель образования с ориентацией на русскую культуру. Речь идет об аманатских школах, которые должны были обеспечить лояльность горцев по отношению к России и их культурную ассимиляцию. В 1820 году в крепости Нальчик была открыта первая аманатская школа для детей горской аристократии, в которой обучали русскому языку, арифметике, географии, истории. Аналогичные школы были открыты и в балкарских обществах. Однако данный тип школ не был широко распространён в Кабарде и Балкарии, во-первых, из-за отсутствия должного финансирования (эти школы содержались главным образом за счет военного ведомства и родителей). Например, в Нальчике она вела нищенское существование. В Балкарии ситуация выглядела аналогично [Кумыков, 1965, с. 336]. Во-вторых, растущие потребности российских властей в отношении распространения их политики на Кавказе аманатские школы удовлетворить были не в состоянии. В-третьих, складывающаяся политическая ситуация в регионе требовала неотложных мер по формированию надежных военных и чиновничьих кадров и среди русских, и среди горцев, поэтому российское правительство в большей степени было заинтересовано в открытии министерских школ за счет государственного бюджета.

Но образовательная политика России на Северном Кавказе была сопряжена с определенными трудностями. Речь идет о специфике отношений между горцами и российскими властями, поскольку социокультурные

и ментальные различия порождали серьезные противоречия, обусловленные отсутствием длительного существования региона в рамках централизованного государства [Тхакахов, 2002, с. 84]. Население Кабарды и Балкарии тяготело к традиционализму, патернализму и общинности, что блокировало понимание необходимости образования среди различных сословий горцев. Поэтому «особая образовательная модель, ориентированная на последовательное конструирование единых ментальных стереотипов» [Шафранова и др., 2020, с. 110], явилась здесь естественным фундаментом интеграционной практики.

Система образования в XIX веке в Кабарде и Балкарии не носила массового характера, поскольку российские власти изначально отдавали приоритет в обучении тем слоям населения, которые могли быть в дальнейшем привлечены к государственной и военной службе. Государство смогло, с одной стороны, обеспечить стабильность и порядок на Северном Кавказе, с другой стороны, приобщить коренное население (привилегированные сословия) к российским ценностям и сформировать их преданность империи [Арсанухаева, 2013, с. 9].

3.2. Этапы становления и развития образования в Кабарде и Балкарии в XIX веке и факторы, влияющие на отношение горцев к образованию детей

В деле становления системы образования в Кабарде и Балкарии в XIX веке можно условно выделить несколько этапов. Первый этап — 30—40-е годы XIX века — связан со стремлением российского правительства привлечь детей горцев к несению военной службы через обучение их в системе военных учебных заведений Санкт-Петербурга. Однако семейная, сословная и этническая идентичность блокировали реализацию данной политики в нужном для власти направлении. В 1851 году в рапорте Главнокомандующему войсками было сказано: «С тех пор, как начали отправлять малолетних горцев (дворян и князей. — *Н. Ш.*) из Кабарды на воспитание в Санкт-Петербург, отправления эти делались и делаются по большей частью не по добровольному согласию родителей, а по сильному убеждению начальства, а иногда и по настоянию оног...» [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 1189, л. 14]. Таким образом, набор учащихся в указанные образовательные учреждения был весьма ограничен. С одной стороны, он, казалось бы, «наиболее соответствовал природным наклонностям и общественным привычкам воинственных жителей гор» [Трехбратова, 2015, с. 58], так как традиционные взаимоотношения внутри данного этнокультурного сообщества выражались преимущественно в культивировании мужественных и военных ценностей, выступавших неотъемлемым элементом становления национальной идентичности. С другой стороны,

родителям приходилось учитывать вероятность приобретения детьми чуждых традиционных моральным установкам форм поведения вследствие отдаленности образовательного пространства от семейного окружения. Кроме того, существенным препятствием к поступлению на учебу детей горских князей и дворян были большие расходы по обучению и воспитанию, которые несли именно родители, а не государство [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 1189, л. 16]. Так, в 1842 году было предложено отправить в Россию 15 мальчиков высшего сословия из кабардинцев, однако родители пожелали оставить детей и «обучать их предпочтительно плотницкому делу, токарному мастерству, кузнечному и слесарному делу, такать шерсть и холст, так как для дворян это гораздо важнее и необходимее... так как средств у дворян нет, чтобы отправить детей на обучение [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 116, л. 9—9 об].

По мере развития отношений между государством и кавказскими народами русское правительство более активно начинает создавать школы, существующие за казенный счет, в деятельность которых входило преподавание специальных дисциплин, необходимых для государственной службы: «Закон Божий, турецкий и русский языки и четыре правила математики» [Там же, л. 8]. Но, поскольку дети кабардинских и балкарских дворян, поступавшие в них, не имели предварительной подготовки и минимального знания русского языка, родители осознавали, что процесс обучения сопряжен с серьезными трудностями и низкой эффективностью, что, в свою очередь, создавало дополнительные препятствия для успешной реализации образовательных инициатив.

Понимая важность реализации образовательной политики в регионе, российские власти начали устанавливать обязательные цифры приема в военные учебные заведения: устанавливалось, чтобы «ежегодный контингент ... детей горской знати в русские военно-учебные заведения был общей численностью не менее 30 человек» [Прокудин, 2019]. Также вводились исключительные правила зачисления и обучения детей привилегированных сословий. Заведения держали у себя «без всякой пользы малолетних горцев, оставшихся на третий и даже четвертый год в одном и том же классе... неспособными к учению. От этого между горцами нет соревнования, ибо они устроены так, что как бы они ни учились, их, все-таки, (необходимо. — *Н. Ш.*) оставлять в заведении до 16-летнего возраста» [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 116, л. 12]. Как показала практика, данные методы шли во вред воспитанникам. Зачастую горцев исключали из учебных заведений, поскольку они оказывали «дурное влияние на своих сотоварищей» [Там же]. В большинстве своем эффективность обучения была на низком уровне, и цифры на практике реализованы не были.

Несмотря на то, что в целом горцы негативно относились к обучению детей в российских учебных заведениях (у большинства из них в сознании укоренилась мысль о невозможности принять благо из рук противника), тем не менее влияние русской культуры на изменение ментальных установок горской знати было очевидным. Понимая, что на первых порах дети не достигают успехов в учебе, родители неоднократно направляли обращения к российским властям о предоставлении детям шанса на зачисление в военные учебные заведения. Продолжение учебы виделось необходимым «в обучении с русскими», чтобы горцы привыкли «к порядку жизни и отправке их на дальнейшую службу» [Там же, л. 10].

Второй этап приходился на период с конца 40-х годов до начала 50-х годов XIX века. По мере укрепления мирных взаимоотношений с населением горских регионов, принимая во внимание озабоченность родителей относительно судьбы своих детей, российское правительство инициировало создание специальных учебных заведений — горских школ, финансируемых государством, целью которых было обеспечение возможности получения образования детьми непосредственно на территории региона, исключая необходимость их выезда за его пределы. Так, в 1849 году для детей князей и дворян при полках Отдельного горского корпуса был открыт Ставропольской гимназии горский пансион. В 1857 году кабардинских и балкарских детей в нем насчитывалось 25, к 1858 году их численность несколько сократилась — 20 учащихся, в 1859 году проходило обучение 22 ребенка [УЦГА АС КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 18, л. 14].

Для того чтобы привлечь внимание горской знати к образованию детей и впоследствии использовать их для несения не только государственной и военной службы, а также в качестве проводников новых моделей ценностных систем, было принято решение ввести добавочные места в горском пансионе и выделить стипендиальный фонд за счет государственной казны. Так, для Кабардинского округа предусматривалась квота в количестве 50 мест для детей горцев [Там же, лл. 21, 22—23.]. Тем не менее количество фактически занятых мест оказалось ниже предусмотренного лимита.

Укрепление российских позиций на Северном Кавказе вызывало крайне негативную реакцию со стороны кабардинской и балкарской верхушки, которая не желала принимать данный факт и адаптироваться к новым политическим реалиям. Традиционные отношения в национальной системе народов Северного Кавказа и в Кабарде и Балкарии, в частности, являлись обязательной частью процесса конструирования национального сообщества и активизировались в зависимости от спроса политической среды, представляющей арену прямых военных столкновений. Это порождало радикальные и агрессивные формы взаимодействия с российскими властями

[Шаожева, 2011, с. 78—79]. Большая часть привилегированного кабардинского и балкарского населения боялась влияния русификаторской политики, приводившей к потере горцами этнической и религиозной идентичности, основу которой составляла межпоколенная трансляция. Существующие у кабардинцев и балкарцев традиционные системы социализации на протяжении длительного времени формировали гипертрофированное понимание аксиологического конструкта «свой» — «чужой», в силу чего всё, что «выходило за рамки привычного миропонимания, считалось греховным и опасным, а потому российские учебные заведения оценивались частью населения крайне негативно. Оторванность детей от семьи во время учёбы воспринималась как утрата ими собственной, прежде всего религиозной идентичности [Середина, 2024, с. 77]. В многочисленных рапортах Начальнику Западного военного округа неоднократно сообщалось: были выданы предписания о доставлении детей в школу, но родители не только не желали, чтобы дети там учились, но и требовали исключить их из числа воспитанников [УЦГА АС КБР, ф. И-16, оп. 1, д. 1731, лл. 41—41 об.].

В 1851 году открывается Кабардинская школа, которая также была рассчитана на детей князей и дворян, но не только из Кабарды и Балкарии, но и из Дигории, Сванетии и Карачая. Общая численность учеников составляла 25 человек. Родителям разрешалось отправлять вместе с детьми воспитателей, однако все же детей горской знати обучалось немного [Копачев, 1964, с. 41]. Малочисленность учащихся объяснялась, во-первых, традиционной системой воспитания, связанной с институтом аталычества у горских народов: «Князья и уздени по большей части не воспитывают детей при себе, а отдают их до совершеннолетия к аталыку или кормилице, которые не учат их ничему, а делают их чуждыми родителям и даже к ним непослушными» [Косвен, 1935]. Например, ребенка у кабардинцев отдавали сразу после рождения и до совершеннолетия, в отличие, например, от балкарцев, где ребенок у аталыка жил до 7 лет. Во-вторых, тяжелое материальное положение не позволяло князьям и дворянам обучать детей за свой счет. В данном случае необходимо уточнение. Дело в том, что среди горской аристократии бытовало пренебрежительное отношение к материальному богатству. Распространенная практика наездничества, особенно развитая у адыгов, в частности у кабардинцев, была связана с захватом добычи, но не имела конечной целью своей обогащение. Все добытое в результате похода подлежало обязательной раздаче, кроме оружия, обуви и лошадей. «...Владелец не имел ничего собственного, ...получает все... от подчиненных» [Ногмов, 1994] В-третьих, сдерживающим фактором было влияние мулл, которые делали все возможное, чтобы оградить подрастающее поколение от духовно-нравственных ценностей русской культуры.

Третий этап — 60-е годы XIX века — связан с созданием целого комплекса учебных заведений — горских школ. Их отличительной чертой была всесословность. Но о системности образования в Кабарде и Балкарии в обозначенный исторический период говорить не приходится, поскольку «не было единого управления, концепции развития, элементы не взаимодействовали между собой. Однако появление школ разных типов означало возможность выбора для обучающихся и их родителей» [Коновалов и др., 2018, с. 36].

В 1860 году на базе Кабардинской школы в Нальчике была создана окружная горская школа, в которой все учащиеся содержались за счет государственной казны, кабардинских и балкарских общественных сумм и средств Командующего Кавказской армией. Подачу прошения о выделении денег на обучение своих детей в таких школах могла себе позволить только знать. Изначально общая численность воспитанников колебалась в пределах 80 человек (53 были детьми кабардинских и балкарских князей и дворян). Но к 1889 году численность их возросла до 106 человек [Копачев, 1964, с. 57].

Надо заметить, что окружные школы давали образование высокого качества. Вот список некоторых предметов, изучаемых в них: помимо Закона Божьего для православных и мусульманских законов для мусульман, значительное количество часов отдавалось русскому языку и грамматике, географии, русской и всеобщей истории, арифметике (алгебре и геометрии), черчению, рисованию и т. д. [Об уставе горских школ 1859, с. 381]. Для выпускников школ открывалась возможность дальнейшей учебы в университетах империи. И со временем среди кабардинских и балкарских князей и дворян увеличилось число тех, кто заботился о будущем своих детей. Так, в прошении князя Исмаила Атажукина говорилось, что его сын Муса является кандидатом на зачисление в Нальчикскую окружную горскую школу: однако в связи с «...множеством кандидатов до него очередь не дошла, между тем ему лет уже двадцать и сын мой может лишиться данного воспитания...». Он просил начальника Нальчикского округа зачислить сына в школу и дать возможность получить образование. Таких обращений было очень много, и все родители просили об обучении детей за счет кабардинской казны. Так, Таубий Измаил Урусбиев просил отправить сына в Крым: до этого он окончил Петровско-Разумовскую академию «по агрономическому делу, а ныне желает изучать садоводство» за счет балкарской казны» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 85, л. 25, 29, 33, 46].

Выделение средств из Кабардинской или Балкарской общественной суммы для детей низших сословий было крайне затруднительно, но и для них была возможность обучения. Стимулом для этого служила отличная учеба, которая «освобождала от взноса денег...по представлению Педа-

гогического совета или военного начальства» [Об уставе горских школ ... 1859, с. 380.].

Постепенно социальный состав учащихся школы существенно меняется. Так, если в 1895 году из 115 учеников школы 64 были детьми дворян и князей, 3 — дети духовенства, 28 — выходцы из городских сословий, 18 — дети военных чиновников и казачества, 2 — дети крестьян [Саблиров, 2001, с. 118], то в 1907 году в ней учились: дети князей и дворян — 35, городских сословий — 18, крестьян — 110, духовенства — 15 [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 712, л. 45].

Несмотря на то, что в определенную историческую эпоху культурно-бытовые традиции являлись частью этнокультурной специфики и воспринимались как традиции этнические, национальные [Смирнова, 1977, с. 91], тем не менее трансформационные процессы в экономике и политике создали условия для зарождения инновационных аксиологем, формируя новые структуры общественного сознания.

3.3. Трансформация аксиологических и когнитивных моделей воспитания горских детей в контексте экономической и социокультурной модернизации

Российские власти, понимая оторванность горских школ от насущных экономических потребностей региона, способствовали распространению разностороннего образования, носящего прикладной характер. Так, было принято решение организовать сельскохозяйственную школу, поскольку такого типа школы «давали возможность населению извлекать больше пользы ... в отношении почвы, климата, качества земли» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 514, л. 24], тем более что хозяйственное развитие региона все больше вовлекалось в рыночные связи с Россией. Дети разных сословий стали обучаться ремеслу, сельскому хозяйству, молочному производству. Кавказское горское управление активно направляло горцев в различные сельскохозяйственные, ремесленные, фабричные и промышленные заведения с целью дать молодым людям знания, которые «позволят улучшить материальный быт и предоставят средства к более или менее обеспеченному существованию», к тому же обучившиеся «примером своим поощряют многих горцев к подражанию» [УЦГА АС КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 860, лл. 1—4 об]. Так, территориально близким учебным заведением была сельскохозяйственная школа в Тифлисе. За период с 1864 по 1870 годы общая численность детей горцев в нем колебалась от 15 до 25 ежегодно. Обучение осуществлялось за счет государственной казны. Обязательным условием была принадлежность их к семействам, «в каких наблюдается стремление к улучшению своего хозяйства и вместе с тем...не сочтут для себя обременительным...и признают выгодным» [Там же, лл. 1—4 об].

На протяжении XIX века образование для детей крестьян было недоступным и неактуальным. В условиях «самообеспечивающегося натурального хозяйства, когда семье требовалось большое количество рабочих рук» [Кучмезова, 2003, с. 25], образование молодого поколения не находило поддержки и одобрения со стороны родительской среды в низших сословиях. Ведение традиционного хозяйства в непростых природных условиях (особенно у балкарцев) требовало значительных усилий всех членов семьи. Трудовая жизнь мальчиков начиналась в малолетнем возрасте. С 2—3 и до 10 лет основная задача родителей была привить детям навыки труда, поскольку производительный труд как кабардинской, так и балкарской семьи являлся залогом благосостояния [Сабанчиева, 2015, с. 61]. В рапортах инспектору народных училищ Терской области говорилось, что неоднократно на сельских сходах и через старшин селений делались объявления о приеме учеников (причем набор выходил за рамки приемной кампании) в школы, однако родители отказывались приводить детей [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 933, л. 40—43 об].

К началу XX века структура образования в Нальчикском округе выглядела следующим образом. В наличии было 26 училищ: окружная горская школа, состоящая из 3-х классов, 25 низших школ, из них 8 мужских, 1 женская и 16 смешанных, 5 церковно-приходских. Из общего числа школ 7 находились в русских населенных пунктах, остальные — в «туземных селениях». Общая численность учащихся обоего пола насчитывала 1717 чел., причем большинство грамотных приходилось на русское население (общая численность горского населения 92 847 чел. — 1 грамотный на 59 человек) [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 514, л. 22 об, 23, 23 об].

О том, как развивалось образование в Кабарде и Балкарии в начале XX века, мы можем проследить из имеющихся в нашем распоряжении архивных данных (табл.).

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод, что наряду со светским образованием, представленным министерскими школами, которые имели преимущество, поскольку устраивались за казенный счет [Кобахидзе и др., 2021, с. 387], мусульманское образование также играло большую роль в культурном развитии региона [Урусамбетова, 2025, с. 43], распространяя знания, пусть даже в рамках подготовки служителей культа. Численность мусульманских школ постоянно менялась, поскольку они могли открываться и закрываться по инициативе жителей села либо учителя. Знания о толковании Корана, объяснение значения сур, хадисов, освоение арабского языка, на котором велось все делопроизводство, были важными в повседневной жизни кабардинцев и балкарцев. Прошедшие такой курс горцы впоследствии соблюдали строгий, в рамках ислама, образ

Таблица

Количество учебных заведений и число учащихся
в Нальчикском округе Терской области на 1912 год*

Место нахождения	Министер-ские	Частные	Мектебе	Медресе	Число учащихся	
					м	ж
1 участок						
Наурузово				3	10	2
Атажукино 1	1				60	
Кучмазукино	1				70	
Тамбиево 1	1			1	5/35	17
Касаево	1				50	
Тамбиево 2	1				50	5
Лафишево	1			4	30/50	5/2
Атажукино 3	1			2	50/40	
Ашабово	1			3	55	
Коново				3	65	
Бабуково				3	42	
Абуково				1	10	
Кармово	1			1	50/38	
Хасаут				1	20	
Иналово	1			4	50/91	
2 участок						
Слобода Нальчик	3				219	10
Гунделен				1	25	
Общество Балкарское				1	86	
Кошхотавское	1				4	1
Хуламское				1	16	
3 участок						
Шалушкинское	1				23	3
Куденетово 1	1				48	
Куденетово 2	1			1	32	2
Н. Клишбиевское	1			1	40	12
Мисостово	1			1	75	2
Докшоково	1			1	49	7
Докшукино	1			1	49	12
Жанхотово				2	39	21
Аргудан	1		1	1	31	
К. Анзорово	1			1	4	
Х. Анзорово				1	26	12
4 участок				18	195	119

* Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 850, л. 50, 52 об, 53 об, 57 об.].

жизни. Светское же образование рассматривалось мутлами и эфендиями как угроза их влиянию и материальному благополучию (они получали вознаграждение за каждого ученика). Однако, несмотря на рост числа мусульманских учебных заведений, количество учащихся в них было невелико от общего количества коренного населения (1 грамотный примерно на 132 человека), поэтому можно сделать вывод, что на Северном Кавказе приобщение ребенка к исламу на протяжении XIX — начала XX веков не являлось частью воспитательного процесса [Блейх, 2020, с. 377].

Обучение девочек сильно отставало от обучения мальчиков. Мы располагаем фрагментарными данными о развитии женского образования в Кабарде и Балкарии. Так, в 1860 году в Нальчике была открыта одноклассная Михайловская бессловная школа, численность учениц которой с 1860 года (14 человек) увеличилась к 1867 до 32 и к 1897 году до 43 человек [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 846, л. 46]. В 1912 году она приобрела статус женского училища, и количество учениц составляло 74 [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 850, л. 4650]. Наряду с горской школой в 1860 году стала функционировать бесплатная женская школа общей численностью 23 ученицы [Кумыков, 1965, с. 338]. Однако основная масса учениц во всех учебных заведениях была представлена русскими поселянами.

В 1914 году жена титулярного советника М. И. Шершунова именно для «туземок» начала свою деятельность по обучению девочек. Кроме изучения общеобразовательных предметов, «главное внимание» в школе уделялось практическим навыкам, которые могли пригодиться в быту: домоводству и «усадебному хозяйству» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 891, л. 45].

В 1915 году сельский старшина с. Кармово обратился с просьбой об открытии в селении женского училища. Но ему было отказано по причине того, что имеется мужское училище, в которое могут ходить и девочки, «тем более что в последнем даже не имеется полного комплекта учеников» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 933, л. 138—138 об].

В 1917 году на базе реального училища в Нальчике была открыта женская гимназия в составе подготовительного, I, II и V классов. Предполагалось, что при увеличении учащихся будут открыты III и IV классы [УЦГА АС КБР, ф. И-27, оп. 2, д. 10, л. 7]. Но, поскольку документальные сведения по данному факту отсутствуют, мы можем предположить, что количество учениц было недостаточным.

Женское образование на протяжении XIX — начала XX веков в Кабарде и Балкарии для горянок было недоступным, поскольку традиционный, патриархальный уклад жизни, религиозные установки формировали однозначные, приемлемые для общества женские социально-этические и

поведенческие нормы [Шажожева, 2011, с. 96]. Ситуация по образованию девочек в кавказских семьях изменится только в период вступления региона в эпоху советской модернизации.

4. Заключение = Conclusions

Образовательная политика Российского государства на Северном Кавказе в XIX — начале XX веков была направлена на формирование единого социокультурного и экономического пространства. Основной концепцией данной политики являлась русификация и интеграция горцев в империю. Российские власти, создавая учебные заведения различного уровня, пытались подготовить из местного населения специалистов, которых можно было бы привлекать как на военную службу, так и на гражданскую. Для этого в регионе открывались министерские, горские школы, пансионы, училища.

Но реализация образовательной политики России на протяжении XIX века в Кабарде и Балкарии претерпевала определённые трудности. Традиционные механизмы социализации, длительное время функционировавшие в среде кабардинцев и балкарцев, сформировали устойчивое представление о разделении и «непроницаемости» «своего» и «чужого». Это привело к тому, что любые явления, выходящие за рамки традиционной картины мира, воспринимались большинством населения как потенциально вредные и угрожающие культурному наследию. Вследствие этого образование некоторое время оценивалось значительной частью местного населения резко отрицательно. Длительное пребывание ребенка вдали от родного очага ассоциировалось у родителей с утратой этнической и религиозной принадлежности. В целом, большая часть горского населения боялась влияния русификаторской политики, способствующей нарушению механизма межпоколенной и этнокультурной трансляции. Но были и те, кто понимал необходимость и важность образования в рамках набирающего силу культурно-общественного единения.

Модернизация северокавказского общества в конце XIX — начала XX веков внесла свои коррективы как в систему образования, так и в отношение к данному социальному институту со стороны горцев. Желание повысить уровень своего материального благосостояния стимулировало рост числа родителей, стремящихся обеспечить своим детям доступ к образованию, в частности, в областях прикладных ремесел, таких как столярное, слесарное, кузнечное мастерство и ткацкое искусство, востребованных в повседневном быту. Несмотря на то, что мусульманское образование играло большую роль в культурном развитии региона, число учащихся в медресе и мектебе было невелико: традиционная система воспитания преобладала над религиозной.

Для девочек-горянок в Кабарде и Балкарии обучение было недоступным на протяжении всего XIX — начала XX веков, поскольку в системе традиционного женского воспитания преобладали однозначные женские социально-этические и поведенческие нормы, не вписывающиеся в новую социокультурную парадигму.

Таким образом, образовательная политика Российской империи в указанный исторический период способствовала постепенной интеграции горских народов в структуру государства путем трансформации традиционных культурных установок и адаптации их к современным аксиологическим принципам. Одновременно эта стратегия встречала определенное противодействие со стороны местных общин, опасавшихся разрушения собственной языковой среды, традиционной культуры и идентичности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Об уставе горских школ* // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра II. 1855—1864. — С. 381.
2. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И2 (Управление Кабардинского округа). Оп. 1. Д. 18. Л. 22—23 ; Д. 860. Лл. 1—4 об.
3. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И2 (Управление Нальчикского округа Терской области). Ф. И6. Оп. 1. Д. 85. Л. 25, 29, 33, 46 ; Д. 514. Л. 22 об, 23, 23 об. ; Д. 712. Л. 45 ; Д. 846. Л. 46 ; Д. 850. Л. 50, 52 об, 53 об, 57 об. ; Д. 891. Л. 45 ; Д. 933. Л. 40—43 об.
4. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И16 (Управление Центра Кавказской линии). Ф. И16. Оп. 1. Д. 116. Л. 9—9 об. ; Д. 1018. Лл. 30—30 об, 36, 39 об — 40 ; Д. 1152. Л. 14—14 об. ; Д. 1731. Лл. 41—41 об. ; Д. 1189. Л. 14.
5. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И27 (Тыжевское сельское правление I-го участка Нальчикского округа Терской области). Ф. И27. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

Литература

1. *Арсанукаева М. С.* Политика Российской империи по развитию образования в Чечне и Ингушетии (XIX — начало XX вв.) / М. С. Арсанукаева // Теория и история права и государства, история правовых учений. — 2013. — № 4. — С. 9—15.
2. *Блейх Н. О.* Роль Российской империи в развитии системы просвещения у мусульманских народов Северного Кавказа / Н. О. Блейх // Диалог со временем. — 2020. — Выпуск 72. — С. 376—390. — DOI: 10.21267/AQUILO.2020.72.72.025.

3. *Гяургиева Ф. Ю.* Формирование социально-этических норм поведения учащихся национальных школ на традициях народного этикета кабардинцев и балкарцев : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Ф. Ю. Гяургиева. — Москва, 2014. — 223 с.

4. *Кобахидзе Е. И.* Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы) / Е. И. Кобахидзе, Б. В. Туаева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 378—395. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-378-395.

5. *Коновалов А. А.* Деятельность образовательных учреждений в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начала XX вв. / А. А. Коновалов, Р. З. Насипова // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 4 (90). — С. 35—40. — DOI: org/10.30853/manuscript.2018-4.7

6. *Копачев И. П.* Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии в 1830-е гг. в. / И. П. Копачев. — Нальчик : Типография Революции 1905 г., 1964. — 180 с.

7. *Косвен М. О.* Аталычество / М. О. Косвен // Советская этнография. — 1935. — № 2. — С. 41—62.

8. *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в 19 в. / Т. Х. Кумыков. — Нальчик : Типография Революции 1905 г., 1965. — 419 с.

8. *Кучмезова М. Ч.* Соционормативная культура балкарцев : традиции и современность / М. Ч. Кучмезова. — Нальчик : Эльфа, 2003. — 211 с. — ISBN 5-88195-577-3.

9. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа / Ш. Б. Ногмов. — Нальчик : Эльбрус, 1994. — 232 с.

10. *Прокудин К. А.* Горские народы Северного Кавказа на государственной службе в Российской империи XIX в. [Электронный ресурс] / К. А. Прокудин. — Режим доступа : <https://kartaslov.ru> (дата обращения 07.07.2025).

11. *Сабанчиева Л. Х.* Семья и семейная обрядность кабардинцев : между традицией и модернизацией / Л. Х. Сабанчиева. — Нальчик : Издательский отдел КБИГИ, 2015. — 180 с. — ISBN 978-5- 91766-099-8.

12. *Саблиров М. З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начала XX вв. / М. З. Саблиров. — Нальчик : Адыгэ хэку, 2001. — 232 с.

13. *Середина И. В.* Образование и новые реалии повседневности у горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. / И. В. Середина // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2024. — № 2. — С. 73—79. — DOI: 10.18522/2687-0770-2024-2-73-79.

14. *Смирнова Я. С.* Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа) / Я. С. Смирнова // Советская этнография. — 1977. — № 5. — С. 81—92.

15. *Трехбраторова С. А.* Становление образования у горцев — Северо-Западного Кавказа (30—50 гг. XIX в.) / С. А. Трехбраторова // Культурная жизнь Юга России. — 2015. — № 3 (58). — С. 57—62.

16. *Тхакахов В. Х.* Социальные и этнокультурные процессы на Северном Кавказе : вопросы методологии / В. Х. Тхакахов. — Санкт-Петербург : НИИХ СПбГУ, 2002. — 212 с. — ISBN 5-7997-0435-5.

17. *Урусмамбетова Л. А.* История развития начального образования в Кавказском учебном округе в конце XIX — начале XX века / Л. А. Урусмамбетова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2025. — № 2. — С. 39—48. — DOI: 10.29025/1994-7720-2025- 2-39-48.

18. *Шажожева Н. А.* Гендерные процессы в этнополитическом и социокультурном пространстве Северного Кавказа / Н. А. Шажожева. — Нальчик : КБНЦ РАН, 2011. — 256 с. — ISBN 978-5-901497-68-5.

19. *Шафранова О. И.* Имперская модель образовательной интеграции для национальных окраин : северокавказская школа во второй половине XIX — начале XX в / О. И. Шафранова, М. С. Трофимов // Гуманитарные и юридические исследования. — 2020. — № 3. — С. 109—118. — DOI: 10.37493/2409-1030.2020.3.13.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2025,
одобрена после рецензирования 14.11.2025,
подготовлена к публикации 24.12.2025.*

Material resources

On the charter of mountain schools. (1855—1964). *Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. The reign of Emperor Alexander II.* P. 381. (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. 12 (Department of the Kabardian district).* (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. 12 (Department of the Nalchik district of the Tersk region).* (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. 116 (Department of the Center of the Caucasian Line).* (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F. 127 (Tyzhetskoye rural board of the 1-th section of the Nalchik district of the Tersk region).* (In Russ.).

References

Arsanukayeva, M. S. (2013). The policy of the Russian Empire for the development of education in Chechnya and Ingushetia (XIX — early XX centuries). *Theory and History of Law and the State, History of Legal doctrines*, 4: 9—15. (In Russ.).

Bleikh, N. O. (2020). The role of the Russian Empire in the development of the education system among the Muslim peoples of the North Caucasus. *Dialogue with Time*, 72: 376—390. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.72.72.025. (In Russ.).

Gyaurgieva, F. Y. (2014). *Formation of socio-ethical norms of behavior of pupils of national schools based on the traditions of folk etiquette of Kabardians and Balkarians.* PhD Diss. Moscow. 223 p. (In Russ.).

Indirect, M. O. (1935). *Atalychestvo. Soviet ethnography*, 2: 41—62. (In Russ.).

Kobakhidze, E. I., Tuaeve, B. V. (2021). Evolution of Institution of Elementary Church School in Ossetia (1860—1917). *Nauchnyi dialog*, 10: 378—395. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-378-395>. (In Russ.).

Kononov, A. A., Nasipova, R. Z. (2018). Activity of educational institutions in Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th — early 20th centuries. Historical, philosophical, political and legal sciences. *Cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 4 (90): 35—40. DOI: [org/10.30853/manuscript.2018-4.7](https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.7). (In Russ.).

- Kopachev, I. P. (1964). *The development of school education in Kabardino-Balkaria in the 1830s*. Nalchik: Printing House of the Revolution of 1905. 180 p. (In Russ.).
- Kuchmezova, M. Ch. (2003). *Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity*. Nalchik: Elfa. 211 p. ISBN 5-88195-577-3. (In Russ.).
- Kumykov, T. Kh. (1965). *Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century*. Nalchik: Printing House of the Revolution of 1905. 419 p. (In Russ.).
- Nogmov, Sh. B. (1994). *The history of the Adyhei people*. Nalchik: Elbrus. 232 p. (In Russ.).
- Prokudin, K. A. *The mountain peoples of the North Caucasus in public service in the Russian Empire of the XIX century*. Available at: <https://kartaslov.ru> (accessed 07.07.2025). (In Russ.).
- Sabanchieva, L. H. (2015). *Family and family rituals of Kabardians: between tradition and modernization*. Nalchik: Publishing Department of KBIGI. 180 p. ISBN 978-5—91766-099-8. (In Russ.).
- Sablirov, M. Z. (2001). *Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late XIX — early XX centuries*. Nalchik: Adyge heku Publ. 232 p. (In Russ.).
- Shafranova, O. I., Trofimov, M. S. (2020). The Imperial model of educational integration for national suburbs: the North Caucasian school in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Humanitarian and legal studies*, 3: 109—118. DOI: 10.37493/2409-1030.2020.3.13. (In Russ.).
- Shaozheva, N. A. (2011). *Gender processes in the ethnopoltical and sociocultural space of the North Caucasus*. Nalchik: KBSC RAS. 256 p. ISBN 978-5-901497-68-5. (In Russ.).
- Smirnova, Ya. S. (1977). Cultural interaction and family (based on materials from the North Caucasus). *Soviet ethnography*, 5: 81—92. (In Russ.).
- Sredina, I. V. (2024). Education and new realities of everyday life among the mountain peoples of the North Caucasus in the second half of the 19th century. *Izvestiya Vuzov. The North Caucasus region. Social sciences*, 2: 73—79. DOI: 10.18522/2687-0770-2024-2-73-79. (In Russ.).
- Tkhakakhov, V. Kh. (2002). *Social and ethnocultural processes in the North Caucasus: issues of methodology*. Saint Petersburg: NIiH St. Petersburg State University. 212 p. ISBN 5-7997-0435-5. (In Russ.).
- Trehbratova, S. A. (2015). The formation of education among the highlanders of the North-Western Caucasus (30—50 years of the XIX century). *Cultural life of the South of Russia*, 3 (58): 57—62. (In Russ.).
- Urusmambetova, L. A. (2025). History of primary education development in the Caucasian educational district in the late 19th — early 20th century. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, 2: 39—48. DOI: 10.29025/1994-7720-2025-2-39-48. (In Russ.).

*The article was submitted 28.07.2025;
approved after reviewing 14.11.2025;
accepted for publication 24.12.2025.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47—48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Berezovich, E. L., Kuchko, V. S.</i> Kesariny: New Data on Russian Folk Names for Masqueraders	9
<i>Burdina, O. B., Mishlanova, S. L.</i> Paradigmatic Approach in Terminology Studies	32
<i>Zharina, O. A., Samofalova, M. V., Bezzubikova, M. V.</i> Euphemization in English Political Discourse: A Functional-Communicative Approach	53
<i>Ivanov, V. V.</i> Errors in Linguistic Landscape of Ulan-Ude	74
<i>Kozlovsky, D. V.</i> Automated Analysis of Evidentiality in Media Discourse: Experience with Neural Network Models.....	103
<i>Kotov, A. A., Mukhina, E. A.</i> Full vs. Short Predicate Adjectives in Russian Spiritual Verses: Stylistic and Grammatical Perspectives	123
<i>Larionova, M. L., Kryukova, E. V., Davtyan, Yu. V.</i> Latin American Exoethonyms: Linguistic and Cognitive Features of Identification within Collective Social Imaginary	145
<i>Mikhailchenko, V. Yu., Kirilenko, S. V.</i> Sociolinguistic Analysis of Individual Language Ideologies in Education: Parental Motivations and Language Policy	167
<i>Pak, L. E.</i> Linguistic Model of Evaluative Statements and Its Realization in Russian and British Sports Commentary Discourse.....	188

COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

<i>Guo Lijun</i> Daoism and Dao in Modern Russian Media Discourse.	214
<i>Demchenkov, S. A., Fedyayeva, N. D.</i> Russian-language Education in Discourse of Russian-speaking Media Outlets in Kazakhstan: Policy, Semantics, Pragmatics	232
<i>Radbil, T. B.</i> Healthy Lexeme in Linguistic Representation of HEALTH Concept (Corpus-discourse Analysis of Russian Media Discourse).....	251
<i>Radiontseva, E. S.</i> Media-Aesthetic Techniques in Representation of Lenta.ru Online Publication's Concept.....	273

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Zhdanov, S. S.</i> Images of Kyiv Region and Volhynia in Travelogue “Across Western Lands, Old and New” by V.L. Kign-Dedlov.....	291
<i>Krasnoiarova, A. A., Kondakov, B. V., Popkova, T. D.</i> Chinese Cycle of Sergei Tretyakov	325
<i>Paylova, O. A., Martirosyan, K. M., Kondratieva, L. N.</i> Proletkult's Writer Project of 1918-1921 as a Creative Utopia	349

Sharypina, T. A., Boger, T. R. Evolution of “German Guilt” Theme in Bernhard Schlink’s Novels: From “The Homecoming” (“Die Heimkehr”) to “The Granddaughter” (“Die Enkelin”).....	370

HISTORY

Borodina, E. V., Tsemenkova, S. I. Women of Early Yekaterinburg in Eighteenth-Century Household Census Records.....	392
Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. Generational Conflicts in Soviet Village of Mid-1920s within Context of Generation History.....	411
Gabdrāfikova, L. R. Women Entrepreneurs in Kazan Governorate during Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries	428
Egorov, A. I. Economic Cooperation between USSR and West Germany (1985–1989).....	446
Ilyin, P. V. Decembrists Exonerated by Investigative Commission: Sublieutenant A. M. Golitsyn	466
Magadeev, I. E. Strategic Corridor: Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia in French Counter-Soviet Planning (1920–1923).	489
Sorokin, A. A., Soffin, D. M., Soffina, M. V. General M.P. Stepanov and Establishment of Museum of Fine Arts Named after Emperor Alexander III	507
Tleptsook, R. A. Anniversaries and Obituaries as Tools for Constructing Corporate Identity at Timiryazev Academy (1865–1925).	528
Khrustalev, V. K. Women in Quaestiones Perpetuae of Republican Rome	546
Shaozheva, N. A., Khokonov, M. A., Liseev, R. P. Educational Policy of Russian Empire and Caucasian Families in Nineteenth to Early Twentieth Centuries: Case of Kabarda and Balkaria.....	564
TO AUTHORS	583

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 26.12.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 34,4. Тираж 500 экз. Заказ 26/12-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Свободная цена

